ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Издана подъ редакціею

М. Ѳ. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра.

В. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. №№ 29—31.

1892.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Издана подъ редакціею

М. Ѳ. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра,
В. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1892.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго университета св. Владиміра. Деканъ *Т. Флоринскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1891 году.

Сообщенія, помѣщенныя въ сокращеніи:

	стран.
О посмертномъ сочиненіи М. В. Юзефовича: „Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи".—*А. В. Романовича-Славатинскаго*	2
Изъ исторіи Кіева и Юго-Западнаго края въ 1811 и 1812 гг.—*О. И. Левицкаго.*	3 и 7
О волосистости лица, какъ расовомъ признакѣ.—*И. А. Сикорскаго*	5
Результаты археологической экскурсіи въ Аккерманскій уѣздъ, предпринятой весною 1891 г.—*Ѳ. И. Кнауэра.*—Выводы о раскопкахъ, произведенныхъ г. Кнауэромъ,—*В. Б. Антоновича*	10
Протоіерей Алексѣй Андріевскій.—*В. Б. Антоновича.*	14
Этнографическія данныя о Барской околичной шляхтѣ до конца XVIII вѣка.—*М. С. Грушевскаго*	15
О культѣ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря.—*А. И. Сонни*	16
Къ вопросу объ имени „Русь".—*В. З. Завитневича.*	18

СТРАН.

О свойствахъ и значеніи литературной дѣятельности И. А. Гончарова.—*В. Н. Малинина* 21

Раскопки на Княжей горѣ въ 1891 г.—*Н. Ѳ. Бѣляшевскаго* 21

Извлеченіе изъ отчета о составѣ и дѣятельности Общества Нестора лѣтописца въ 1891 году 24

ОТДѢЛЪ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Археологическія замѣтки.—*А. И. Соболевскаго* . . . 1

Вторая археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье.—*В. З. Завитневича* 11

По поводу „Дрогичинскихъ древностей".—*И. В. Лучицкаго* 73

Историческій очеркъ Батурина.—*А. М. Лазаревскаго.* 106

Кіевскіе воеводы, губернаторы и генералъ-губернаторы отъ 1654 по 1775 г.—*В. И. Щербины* 123

Приложенія къ этой статьѣ. 138

Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго.—*Н. Н. Оглоблина* 149

Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и объ отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата.—*А. А. Андріевскаго* 171

Приложенія къ этой статьѣ. 190

Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова.—*П. В. Владимірова.* 198

Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова.—*Н. П. Дашкевича.* 231

Поминка по Л. К Лазаревичѣ, сербскомъ писателѣ.—*А. І. Степовича* 253

ОТДѢЛЪ III.

Матеріалы.

СТРАН.

Святаго Кирілла, ексарха Александрійскаго, игумена, Наука о противной уніи.—Сообщилъ *А. С. Крыловскій.* . 3

„Росписной списокъ“ г. Кіева 1700 г.—Сообщилъ *протоіерей П. Г. Лебединцевъ.* 31

Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ и Записки Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго.—Сообщилъ *В. П. Горленко* 83

Бранъ честнихъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертними, в человѣцѣ путнику так всегда, яко наипаче въ дни с-тия вел. читиридесятницы, резидуючая. По чину седмицъ ея имагинацѣею цvітическою и риѳмомъ описанная 1737 года апрѣля 9 дня (Іоасафомъ Горленкомъ).—Сообщилъ *В. П. Горленко* 107

О разборѣ архива графа П. А. Румянцева-Задунайскаго (Записка М. О. Судіенка).—Сообщилъ *В. С. Иконниковъ* . 138

Приложеніе: Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI ст.)—Сообщилъ *С. Т. Голубевъ.* I.

ОТДѢЛЪ I.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1891 году.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца въ 1891 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 27 ЯНВАРЯ.

а) Д. чл. *А. А. Андріевскій* въ сообщеніи своемъ „*О кіевскомъ войтѣ Иванѣ Сычевскомъ* (1754—1766 гг.)“ охарактеризовалъ дѣятельность этого войта и его постоянную борьбу съ членами магистрата изъ-за права распоряженія городскими доходами, борьбу, доходившую до суда вслѣдствіе безчисленныхъ взаимныхъ жалобъ войта и магистратскихъ урядниковъ и обвиненій въ присвоеніи и тѣмъ и другими общественнаго имущества (Статья эта напечатана въ „Кіев. Старинѣ“ за май-іюнь 1891 г.).

б) Д. чл. Т. Д. Флоринскій прочелъ сообщеніе *А. И. Соболевскаго*: „*Археологическія замѣтки*“ (Напечатано во II отдѣлѣ настоящей книги).

Замѣчанія по поводу этого чтенія были сдѣланы В. С. Иконниковымъ, В. З. Завитневичемъ, Ю. А. Кулаковскимъ, П. С. Иващенкомъ и Т. Д. Флоринскимъ.

в) Д. чл. *Ѳ. Я. Фортинскимъ* былъ произведенъ разборъ 1-й книги „*Историческаго Обозрѣнія*“, изданной Историческимъ Обществомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ (Разборъ этотъ напечатанъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за февраль 1891 г.).

г) Д. чл. *Ю. А. Кулаковскій* въ дополненіе къ реферату, читанному имъ въ засѣданіи 25 ноября 1890 года, сообщилъ свои замѣ-

чанія относительно описанія г. Ящуржинскимъ катакомбы, открытой въ г. Керчи весной 1890 г. (описаніе это помѣщено въ X выпускѣ „Извѣстій ученой Таврической коммиссіи)".

II. ЗАСѢДАНІЕ 10 ФЕВРАЛЯ.

а) Д. чл. *В. З. Завитневичъ* ознакомилъ членовъ Общества съ результатами своей „*Второй археологической экскурсіи въ Припетское Полѣсье*" (напечатано во II отдѣлѣ настоящей книги).

б) Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ „*О посмертномъ сочиненіи М. В. Юзефовича: „Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи*".

„Въ бумагахъ покойнаго М. В. Юзефовича", по словамъ предисловія къ этому посмертному труду, „оказалось много замѣтокъ, набросковъ и отдѣльныхъ статей, въ совокупности которыхъ рельефно обрисовываются какъ взглядъ автора на историческое прошлое Россіи и ея современную жизнь, такъ и самая личность и характеръ автора, всецѣло посвятившаго себя отстаиванію дорогихъ ему русскихъ интересовъ..." Трудъ разбора и редактированія для печати этихъ замѣтокъ принялъ на себя сынъ покойнаго, Б. М. Юзефовичъ.

Это-политическая исповѣдь: она заключаетъ въ себѣ и историческое міровоззрѣніе автора, и характеристику событій, и нѣкоторые неизвѣстные факты. Послѣдніе особенно достойны вниманія.

Историческое міровоззрѣніе—мистическое: оно складывалось подъ вліяніемъ славянофильской доктрины и особенно Хомякова (русское *соборное* начало въ противоположность западному *индивидуализму*). Нео-славянофильство повліяло также: авторъ знакомъ съ доктриной Данилевскаго („мы должны смотрѣть на себя не какъ на государство, а какъ на *особую часть свѣта*"). Сказалось и вліяніе Ѳ. Достоевскаго о провиденціальной роли Россіи. Но во взглядѣ на Петра и его реформы М. В. Юзефовичъ расходится со своими наставниками („ни въ чемъ Петръ не отступалъ отъ основъ нашего историческаго строя, ни въ чемъ не касался коренныхъ началъ народнаго духа..."). Переходъ съ національнаго пути на чужой совер-

шился у насъ съ воцареніемъ Александра I, „гуманнаго космополита, а не русскаго царя-самодержца. Рѣзкое порицаніе реформъ Сперанскаго и выборъ Аракчеева, заключившаго серію такихъ временщиковъ, каковы были Малюта Скуратовъ и Биронъ, показываетъ, что Александръ самъ началъ опасаться послѣдствій своихъ реформъ". Произошло ополяченіе отобранныхъ Екатериной II русскихъ областей: „я самъ зналъ лично нѣсколькихъ помѣстныхъ кіевскихъ дворянъ, которые при импер. Александрѣ I перешли въ польскую вѣру и ополячились потому, что, какъ сами они объявляли, борьба съ полонизмомъ подъ русской властью стала невозможной". Послѣ 1812 года мы перестали быть русскими, стыдясь признать себя таковыми; изъ Парижа заимствовали пріемы революціонной политики; основано тайное общество, „союзъ благоденствія", благовидныя цѣли котораго получили санкцію даже верховной власти, какъ сознался самъ импер. Александръ кн. Ил. Вас. Васильчикову въ 1821 г, при представленіи подробныхъ свѣдѣній о заговорѣ; проектъ конституціи былъ найденъ мятежными поляками въ бумагахъ цес. Константина Павловича; но вмѣсто конституціи были введены *военныя поселенія*. Интересенъ и сообщаемый на стр. 21 фактъ ихъ возникновенія. Рѣзко очерчены печальныя послѣдствія политики императора; разочарованный въ дѣятельности всей своей жизни, онъ не снесъ нравственнаго потрясенія и сошелъ въ могилу. Иной типъ—императоръ Николай, не испорченный воспитаніемъ: „онъ созналъ ложность пути и задумалъ отыскать заброшенный и старый путь". Произошло возрожденіе исторіи. Хомяковъ основалъ школу славянофиловъ. „Русскій изъ русскихъ" понималъ вредъ крѣпостнаго права (интересный фактъ на стр. 27). Политика образумленія: покровительство наукѣ и искусству (Уваровъ), протекціонизмъ Канкрина, созданіе сахароваренія; бумажные денежные знаки покупались съ премій въ 10%... Громадныя сооруженія „державнаго строителя". Императоръ Николай „не давалъ власти влеченіямъ страсти надъ велѣніями долга".

III. ЗАСѢДАНІЕ 24 ФЕВРАЛЯ.

Д. чл. *О. И. Левицкій* охарактеризовалъ „*Настроеніе общества Кіевской губерніи въ 1812 г.*" на основаніи старыхъ дѣлъ Кіев. центр. архива: въ виду извѣстныхъ тогда симпатій поляковъ къ Франціи и

поклоненія ихъ генію Наполеона, русское правительство, готовившееся къ войнѣ съ послѣднимъ, съ большою тревогою смотрѣло на Юго-Западный край, въ которомъ почти всѣ помѣщики и дворяне принадлежали къ польской народности. Подъ вліяніемъ этого опасенія, между прочимъ, былъ отмѣненъ сборъ ополченія въ Кіевской губерніи, начавшійся—было при несомнѣнномъ патріотическомъ воодушевленіи всѣхъ сословій, особенно крестьянскаго. Послѣдствія доказали, что правительственныя опасенія были напрасны; поляки юго-западныхъ губерній, за немногими исключеніями, не измѣнили государственному долгу; но тѣ мѣры, которыя принимала мѣстная администрація для предупрежденія предполагавшейся измѣны, сами по себѣ порождали тревожное настроеніе въ краѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ которымъ происходили военныя дѣйствія.

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого сообщенія было высказано В. И. Щербиной и И. И. Малышевскимъ.

Д. чл. *И. В. Лучицкій* сдѣлалъ библіографическое сообщеніе о новыхъ изданіяхъ Полтавскаго земскаго статистическаго бюро.

Д. чл. *А. І. Степовичъ* сказалъ нѣсколько словъ о скончавшемся сербскомъ писателѣ *Лазарѣ Лазаревичѣ* (См. II-й отдѣлъ настоящей книги).

IV. ЗАСѢДАНІЕ 17 МАРТА.

Д. чл. *Т. Д. Флоринскій* прочелъ рефератъ, посвященный *„Памяти д-ра Фр. Миклошича“* (Напечатанъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1891 г., № 4).

Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* представилъ *„Отчетъ объ осмотрѣ имъ археологическихъ музеевъ въ западно-славянскихъ земляхъ“*, именно: во Львовѣ (Института имени Оссолинскихъ, гр. Дзѣдушицкаго, Ставропигіи), Краковѣ (Академіи наукъ и кн. Чарторыйскихъ), Прагѣ (Народнаго и г. Бюргера), Вѣнѣ, Грацѣ, Загребѣ, Пештѣ и Бѣлградѣ. Хранящіеся въ нихъ предметы бронзоваго вѣка имѣютъ много общаго съ такими же предметами южно-русскихъ музеевъ; другіе предметы характеризуютъ типы желѣзнаго вѣка: Гольштадтскій и Лятенскій, а также похоронные обряды въ курганахъ и гробницахъ западно-славянскихъ земель; въ музеяхъ Львова, Вѣны и Бѣлграда находятся, кромѣ того, и этнографическія коллекціи, доказывающія значеніе со-

хранившихся архаическихъ формъ въ современныхъ предметахъ для опредѣленія предметовъ первобытной древности путемъ сравненія.

—

Въ этомъ же засѣданіи избранъ въ дѣйствительные члены Общества Нестора и. д. редактора журнала „Кіевской Старины“ *Евгеній Александровичъ Кивлицкій.*

V. ЗАСѢДАНІЕ 31 МАРТА.

Д. чл. *И. А. Сикорскій* сдѣлалъ сообщеніе „*О волосистости лица, какъ расовомъ признакѣ*“:

Среди русскаго населенія въ губерніяхъ сѣверныхъ, южныхъ и среднихъ въ Европейской Россіи, а также и въ сибирскихъ, можно наблюдать отдѣльныхъ индивидуумовъ съ особеннаго рода волосистостью лица, именно, *съ хорошо развитой бородой, состоящей изъ прямыхъ, мало вьющихся, волосъ при весьма жидкихъ или вполнѣ отсутствующихъ бакенбардахъ,* что сообщаетъ физіогноміи типическій видъ (Референтъ демонстрировалъ при этомъ свои наблюденія фотографическими портретами такихъ лицъ).

Измѣрительное изслѣдованіе такихъ субъектовъ показало, что они *всегда* брахицефалы, часто ультрабрахицефалы. Къ двумъ постояннымъ признакамъ (брахицефалія и отсутствіе волосистости лица) часто присоединяются другіе, а именно: желтоватый пигментъ въ радужной оболочкѣ глаза, желтоватый цвѣтъ кожи или, по крайней мѣрѣ, желтоватый оттѣнокъ кожи нижняго и верхняго вѣкъ и груднаго соска. Всѣ эти признаки передаются отъ отца къ сыну въ нисходящихъ поколѣніяхъ.

Субъекты съ подобнаго рода особенностями принадлежатъ, по мнѣнію референта, къ остаткамъ вымершихъ расъ, составлявшихъ переходъ отъ желтой расы въ кавказской, т. е. къ урало-финскимъ народностямъ.

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого доклада сдѣлалъ *В. Б. Антоновичъ.*

Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* ознакомилъ Историческое Общество съ написанною имъ, по порученію Академіи Наукъ, *Рецензіею на сочиненіе сенатора Н. П. Семенова: „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“. Хроника*

дѣятельности Коммиссіи по крестьянскому дѣлу. Томъ II. Второй періодъ занятій. Въ этой рецензіи авторъ объяснилъ значеніе сочиненія, посвященнаго такому великому событію, какъ фактъ отмѣны крѣпостнаго права, значеніе особенно важное потому, что сочиненіе это написано не только очевидцемъ, но и крупнымъ дѣятелемъ совершившейся реформы; затѣмъ референтъ обстоятельно передалъ содержаніе труда г. Семенова, съ изложеніемъ наиболѣе замѣчательныхъ сторонъ его, и охарактеризовалъ сочиненіе, указавъ, что̀ даетъ оно для русской науки.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 19 МАЯ.

Д. чл. *Ю. А. Кулаковскій* прочелъ рефератъ: „*Надписи Боспорскаго царства*“ [1]), въ которомъ разсмотрѣлъ изданную г. Латышевымъ книгу: „Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae“. Референтъ отмѣтилъ прежде всего, что изданіе г. Латышева заключаетъ въ себѣ 508 эпиграфическихъ текстовъ, найденныхъ на территоріи Керчи, Тамани, Анапы и устья Дона, гдѣ въ древности лежалъ городъ Танаисъ. Большинство этихъ надписей было опубликовано уже въ разныхъ періодическихъ ученыхъ изданіяхъ, и лишь нѣкоторыя являются въ сборникѣ впервые въ печати. Г. Латышевъ для своего изданія по возможности провѣрилъ всѣ надписи по подлинникамъ или новымъ снимкамъ. Охарактеризовавъ затѣмъ въ самомъ лестномъ смыслѣ почтенный трудъ автора и отмѣтивъ его выдающіяся достоинства, референтъ подробнѣе остановился на нѣкоторыхъ общихъ фактахъ изъ жизни Боспорскаго царства, которые могутъ быть уяснены на основаніи эпиграфическаго матерьяла, сведеннаго нынѣ въ одно цѣлое, и въ заключеніе указалъ на болѣе важныя по своему содержанію изъ числа новыхъ надписей.

Д. чл. *П. В. Голубовскій* представилъ „*Нѣсколько соображеній по вопросу о князѣ Турѣ*“, о которомъ, какъ о пришельцѣ изъ-за моря, давшемъ имя г. Турову и туровцамъ, глухо упоминаетъ наша лѣтопись изъ сопоставленія фактовъ, добытыхъ лингвистикой, археоло-

---

[1]) Рефератъ этотъ появился въ видѣ рецензіи на страницахъ Журн. Мин. Н. П., 1891, май, стр. 171—182.

гіей, антропологіей и друг. науками, референтъ пришелъ къ выводу, что съ г. Туровымъ могли быть связаны, кромѣ политическихъ традицій, еще и религіозныя, а княземъ Тура сдѣлали изъ патронимическаго (или эпонимическаго) героя по политической необходимости [1]).

Въ обсужденіи затронутаго г. Голубовскимъ вопроса приняли участіе В. Б. Антоновичъ, П. В. Владиміровъ и В. З. Завитневичъ.

Д. чл. *А. А. Андріевскій* сообщилъ „*Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ и отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата*“ (см. это сообщеніе во II отдѣлѣ настоящей книги).

По произведенной баллотировкѣ избраны въ дѣйствительные члены: *Михаилъ Сергѣевичъ Грушевскій* и *Павелъ Андреевичъ Ивановъ*.

VII. ЗАСѢДАНІЕ 18 СЕНТЯБРЯ.

а) Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* помянулъ научную дѣятельность скончавшагося 30 мая настоящаго года члена Общества Нестора-лѣтописца, профессора *Д. Г. Тальберга*. Перечисливъ и охарактеризовавъ его важнѣйшія работы по тюрьмовѣдѣнію, которымъ онъ занимался въ первый періодъ своей дѣятельности, и по уголовному праву, составлявшему предметъ послѣдующихъ его изслѣдованій, референтъ указалъ на высокія нравственныя качества Д. Г., „труженика скромнаго, но мыслящаго и работящаго“.

б) Д. чл. *С. Т. Голубевъ* отмѣтилъ научное значеніе работъ и изданій по исторіи Литвы и западной Руси скончавшагося почетн. члена Общества *М. О. Кояловича*.

в) Д. чл. *О. И. Левицкій*, въ дополненіе къ реферату, прочитанному имъ въ засѣданіи 24 февраля этого года, сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ „*Изъ исторіи Кіева и Юго-Западнаго края въ 1811 и 1812 гг.*“[2]); на основаніи имъ же разысканныхъ архивныхъ матеріаловъ, референтъ представилъ любопытную картину общественныхъ и политическихъ тревогъ, охватившихъ Юго-Западный край въ 1811 и 1812 гг. Страшный пожаръ, испепелившій въ 1811

[1]) Рефератъ этотъ помѣщенъ въ „Кіев. Стар.“ за 1891 г., № 10.

[2]) Напечатано тамъ-же.

году большую часть Кіева, а равно случившіеся въ томъ же году пожары во многихъ городахъ Юго-Западнаго края породили всеобщее убѣжденіе въ существованіи нарочитыхъ поджигателей, розыски которыхъ, не приведшіе ни къ какимъ результатамъ, еще болѣе усиливали тревожное настроеніе жителей. Едва окончились пожарныя тревоги, какъ наступили другія—уже политическаго характера.

VI. ЗАСѢДАНІЕ 6 ОКТЯБРЯ.

а) Секретарь Общества Н. П. Дашкевичъ прочелъ краткую поминку по скончавшемся почетномъ членѣ Общества Нестора лѣтописца *Высокопреосвященномъ Платонѣ, митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ,* составленную отсутствовавшимъ поч. чл. *И. И. Малышевскимъ*:

„Вмѣстѣ съ Кіевомъ и наше Историч. Общество Нестора лѣтописца понесло утрату въ лицѣ почившаго святителя Платона, котораго оно имѣло честь считать своимъ почетнымъ членомъ. 73-й въ многовѣковомъ ряду кіевскихъ архипастырей, онъ найдетъ достойную оцѣнку себѣ въ исторіи русской іерархіи, въ частности въ исторіи кіевской іерархіи, богатой знаменитыми именами. Членамъ Общества извѣстны стадіи многолѣтняго служенія Русской церкви и Россіи, а также и выдающіяся характеристическія черты свѣтлой и симпатической личности архипастыря, пріобрѣвшаго общее уваженіе въ Россіи. Не говоря о качествахъ и заслугахъ его, какъ іерарха, напомнимъ, что русскія патріотическія идеи и стремленія повсюду одушевляли архипастыря и въ его дѣятельности, и въ его отношеніяхъ къ окружавшей средѣ. Онъ вѣрилъ въ богатство и могущество жизненныхъ силъ Россіи, въ даровитость духовной природы русскаго народа, любилъ ссылаться и на слышанные имъ въ этомъ смыслѣ отзывы интеллигентныхъ людей нерусскаго происхожденія. Признавая за русскими людьми и нѣкоторые недостатки, какъ напр. недостатки выдержанности, послѣдовательности и солидарности, препятствующіе болѣе усиленному и могучему проявленію природныхъ духовныхъ силъ, онъ полагалъ надежду на успѣхи просвѣщенія и нравственно-общественнаго воспитанія въ духѣ христіанской истины и вѣры православной. Онъ скорбѣлъ о печальныхъ явленіяхъ въ русской жизни, о заблужденіяхъ въ области вѣры и мысли, но не смущался, вѣруя въ торжество лучшихъ началъ жизни, русской мысли и единой

православной христіанской истины. Повторяю, онъ свѣтло и благодушно смотрѣлъ на будущность Россіи и церкви русской, русскаго народа и, несмотря на преклонность лѣтъ, жаждалъ еще пожить, чтобы быть свидѣтелемъ всякаго преуспѣянія ихъ къ лучшему. Почтимъ эту вѣру въ почившемъ святителѣ вмѣстѣ съ симпатичнѣйшими качествами его души; напомнная объ этой одной изъ характерныхъ чертъ почившаго архипастыря, я увѣренъ, что многимъ при этой воспоминаются и другія. Почтимъ же досточтимаго архипастыря обычнымъ вставаніемъ".

б) Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ о произведенной имъ *„раскопкѣ у села Кальника, Липовецкаго уѣзда"* лѣтомъ этого года группы кургановъ. Эта раскопка дала референту возможность опредѣлить время сооруженія такъ называемыхъ городищъ-майдановъ, бывшихъ до сихъ поръ необъяснимымъ явленіемъ для археолога; въ курганахъ обнаруженъ погребальный обрядъ скиѳскаго періода, при чемъ особенности въ обрядѣ свидѣтельствуютъ о существованіи среди скиѳовъ нѣсколькихъ племенъ, имѣвшихъ различные обычаи.

в) Д. чл. *В. И. Щербина* указалъ на новыя найденныя имъ данныя объ объемѣ власти *„кіевскихъ воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ съ 1654 по 1775 г."* (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги).

—

Въ дѣйствительные члены Общества избраны по баллотировкѣ: проф. *Николай Михайловичъ Бубновъ* и проф. *Леонидъ Сергѣевичъ Бѣлогрицъ-Котляревскій*.

IX. ЗАСѢДАНІЕ 27 ОКТЯБРЯ.

Настоящее торжественное засѣданіе Общества, посвященное памяти *М. Ю. Лермонтова*, по случаю истеченія 50-лѣтія со времени смерти его,

а) открылось рѣчью д. чл. *П. В. Владимірова*: *„Объ историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетахъ въ поэзіи М. Ю. Лермонтова"* (напечатана во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги);

б) вторая рѣчь была произнесена секретаремъ Общества *Н. П. Дашкевичемъ*, выдѣлившимъ *„мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова"* (также напечатана во II-мъ отдѣлѣ).

в) Это засѣданіе, состоявшееся въ день чествованія памяти пр. Нестора, было вмѣстѣ и годичнымъ, а потому помощникомъ секретаря *И. М. Каманинымъ* былъ прочтенъ отчетъ о дѣятельности членовъ и состояніи имущественныхъ и денежныхъ средствъ Общества (Извлеченіе изъ отчета напечатано въ концѣ настоящаго отдѣла).

X. ЗАСѢДАНІЕ 10 НОЯБРЯ.

а) Д. чл. *И. В. Лучицкій* сдѣлалъ сообщеніе: „*Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западною Русью (по поводу „Дрогичинскихъ древностей“)*“ (напечатано во II-мъ отдѣлѣ настоящей книги.)

б) Д. чл. *Ѳ. И. Кнауэръ* ознакомилъ Общество съ „*результатами небольшой археологической экскурсіи, предпринятой имъ по Аккерманскому уѣзду, Бессарабской губерніи, весной этого года*“. Эти результаты слѣдующіе:

А) Раскопка двойнаго кургана у селенія Павловки (Аккерманскаго у. Бессараб. губ.).

Двойнымъ курганомъ называются два кургана, соединенные валомъ. Подобныхъ двойныхъ кургановъ въ той мѣстности нѣсколько. Въ описываемомъ курганѣ одинъ (№ I) выше и шире другого (№ II). Центръ вала въ сущности также не что иное, какъ небольшой курганъ (№ III), засыпанный при сооруженіи №№ I и II съ двухъ сторонъ такъ, что образовалось между названными курганами что-то въ родѣ соединяющаго ихъ вала.

№ I—вырыто 15 остововъ, большинство которыхъ находились въ замѣчательно твердой, очевидно нѣкогда вязкой и утрамбованной, высохшей впослѣдствіи землѣ; лишь остовы №№ 3, 7, 10, 14 и 15 лежали въ могильныхъ ямахъ, зарытыхъ мягкою землею. Курганъ этотъ относится по меньшей мѣрѣ къ двумъ различнымъ эпохамъ: къ эпохѣ скелетовъ №№ 14 и 15 въ надпочвенной могилѣ (красныя кости и краска охра безъ предметовъ; типъ череповъ длинноголовый) и къ эпохѣ остальныхъ остововъ въ насыпной части (типъ череповъ короткоголовый, безъ красныхъ костей, за то при нихъ предметы изъ бронзы, золота и желѣза). Главный остовъ въ насыпной части

№ 10: человѣкъ съ лошадью въ одной узкой, оставленной при сооруженіи кургана изъ утрамбованной земли, могильной ямѣ; головы ихъ лежали вмѣстѣ, а равно и ноги. Отъ лошади, впрочемъ, похоронили лишь отсѣченныя голову и ноги. Оба были обложены деревомъ. Найдены при нихъ: ромбовидныя стрѣлы, дужка отъ сгнившаго деревяннаго колчана, ножъ, два стремени, кольца, уздечка, длинный мечъ: всѣ изъ желѣза; далѣе, бронзовая пряжечка и костяная пуговка съ разрѣзанными концентрическими кружками; наконецъ два золотыхъ кольца безъ спайки.

№ II—отрыто три скелета, изъ которыхъ главный № 2: человѣкъ съ лошадью. Голова послѣдней лежала на груди перваго. Какъ у I, 10, такъ и здѣсь, погребали не всю лошадь, но лишь отсѣченныя ея голову и ноги. Въ мордѣ лошади была желѣзная уздечка, какъ и у I, 10. Типъ чел. черепа короткоголовый (I, 10). У № 3, на уровнѣ почвы, найдено довольно много бусъ изъ синеватаго стекла и краснаго янтаря и два орнаментованныхъ и муравленыхъ горшка. Въ изолированномъ мѣстѣ этого кургана найдены бронзовая чаша вмѣстѣ съ бронзовымъ топоромъ, такъ наз. цельтомъ. Не было въ этомъ курганѣ ни краски, ни красныхъ костей; сооруженъ онъ былъ сначала изъ камней, а затѣмъ засыпанъ землею.

№ III (валъ)—отрыто 8 остововъ, изъ которыхъ главный № 4: человѣкъ съ лошадью (цѣльною?), голова съ головою. Черепъ и кости человѣка—со слѣдами краски; слѣды краски были и въ окружавшей его землѣ. Кромѣ того, при немъ найдены горшочекъ и обломки желѣза отъ какого-то предмета (уздечка?); эти послѣдніе попали сюда, можетъ быть, случайно. Типъ чел. черепа длинноголовый. У № 1 найденъ костяной предметъ съ просверленнымъ отверстіемъ и со слѣдами полировки, величиною въ пятачекъ.

Разныхъ эпохъ сооруженія нельзя было различать въ №№ II и III. Во всѣхъ трехъ курганахъ камни, дерево, черепки и сосуды.

Найденный въ № II цельтъ, какъ предметъ зап.-европейской бронзовой эпохи, по мнѣнію проф. В. Б. Антоновича, даетъ намъ возможность обозначить юго-восточный предѣлъ этой бронзы на нижн. Днѣстрѣ.

Особенностями, сравнительно съ результатами, добытыми мною раскопкой кургановъ Саратскихъ (ср. „Чтенія въ Общ. Н. Л.“, кн. III, 1889 г., и кн. IV, 1890 г.), являются: 1) внутренніе курганы въ №№ I и II (утрамбованный—каменный); 2) погребеніе однѣхъ отсѣ-

ченныхъ ногъ и головъ лошадей въ №№ I и II (можетъ быть и въ III). Что же касается 3) такъ наз. цельта и 4) желѣза (и лошади) при красныхъ костяхъ (III, 4), то они здѣсь могли играть роль случайности. Въ виду множества общихъ, очень характерныхъ, даже рѣшающихъ вопросъ, чертъ, которыя встрѣчаются какъ у Саратскихъ, такъ и у Павловскихъ кургановъ, не думаю, чтобы вышеприведенныя несомнѣнныя особенности дозволяли установить особый погребальный типъ для послѣднихъ, отличающійся отъ типа первыхъ (за исключеніемъ, пожалуй, кургана № 10).

Найденныя желѣзныя стремена опредѣляютъ, по крайней мѣрѣ для насыпныхъ частей описанныхъ кургановъ, terminum ad quem.

Б) Списокъ археологическихъ (не курганныхъ) предметовъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ того же уѣзда.

1. Монеты (34), найденныя въ Аккерманѣ: римскихъ 10, греческихъ 19 (изъ нихъ 11 тирасскихъ и 1 Лисимаха Діадоха изъ Электрона), позднѣйшаго времени 5. Кромѣ того двѣ турецкія монеты, найд. въ другихъ мѣстахъ.

2. Паста, или предметъ украшенія, изъ античнаго (греч.) стекла съ характернымъ изображеніемъ какого-то, вѣроятно греческаго, божества (Деметры, Исиды?); найдена въ Аккерманѣ.

3. Стрѣлы: 2 стальныя ромбовидныя и 1 бронзовая ромбовидная; найдены въ разныхъ мѣстахъ.

4. Крестъ (старообрядческій; распятіе Христа), найденный около колоніи Фриденсфельда (въ Саратской долинѣ, въ 14 верстахъ къ сѣверу отъ кол. Сараты).

5. Молотокъ каменнаго или бронзоваго вѣка изъ порфирита, просверленный и изящно полированный; найденъ въ колоніи Саратѣ на глубинѣ 1 аршина въ твердомъ почвенномъ слоѣ (въ наносной землѣ долины).

Далѣе, въ Аккерманѣ найдены:

6. Греческая глиняная лампочка.

7. Греческая глиняная урна простой работы; въ мѣстѣ, гдѣ она найдена, было кладбище.

8. Обломокъ мраморнаго камня съ очень интересною греческою надписью. Мѣсто, гдѣ найденъ камень (у крѣпости, ближе къ центру города, на глубинѣ 1 сажени), рѣшаетъ спорный вопросъ о

положеніи древняго Тираса: этотъ городъ находился на томъ-же мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ Аккерманъ; подъ нынѣшнимъ Аккерманомъ, слѣдовательно, кроется древняя греческая колонія Тирасъ, на что и указываютъ подземные ходы и проч.

На основаніи изложенныхъ въ этомъ сообщеніи фактовъ представилъ нѣсколько выводовъ поч. чл. *В. Б. Антоновичъ*. По его мнѣнію, въ сообщенныхъ г. Кнауэромъ свѣдѣніяхъ о курганахъ заслуживаютъ вниманія три подробности. Во 1-хъ, видно, что это были этажные курганы, насыпанные не въ одно и то же время, а нѣсколько разъ. Средніе скелеты, похороненные вмѣстѣ съ частями лошади, очень характерны. Извѣстно уже нѣсколько примѣровъ нахожденія скелетовъ съ частями лошадиныхъ. Эти скелеты принадлежатъ желѣзному вѣку: при нихъ найдены желѣзный мечъ и ромбовидныя стрѣлы. То обстоятельство, что погребали покойниковъ не съ цѣлою лошадью, а лишь съ ея частями (головою и ногами), указываетъ, что съ человѣкомъ какъ бы хоронили умъ и быстроту лошади. Курганы этого рода извѣстны въ уѣздахъ Кіевскомъ, Каневскомъ и въ сѣверной части Херсонской губерніи. Эти курганы представляютъ собою совершенно отдѣльный типъ, отличный отъ скиѳскихъ и отъ славянскихъ кургановъ. Можетъ быть онъ заключаетъ слѣдъ похороннаго обряда какого-нибудь изъ кочевыхъ народовъ, занимавшихъ эти степи въ средніе вѣка, Половцевъ или Печенѣговъ. Во 2-хъ, при окрашенныхъ скелетахъ найдено желѣзо, но не вполнѣ ясно, какъ думать о немъ, такъ какъ рѣчь идетъ лишь объ обломкахъ желѣза и частицахъ ржавчины. Эти неопредѣленныя крохи могли зарыться изъ верхнихъ этажей и не могутъ служить характернымъ признакомъ; а если бы то были остатки цѣлыхъ желѣзныхъ вещей, то пришлось бы взять сложившееся мнѣніе объ окрашенныхъ скелетахъ. Въ 3-хъ, найденъ бронзовый цельтъ. Западная граница похороннаго обряда людей бронзоваго вѣка тянется по Западному Бугу и затѣмъ переходитъ въ бассейнъ Днѣстра; благодаря раскопкѣ Ѳ. И. Кнауэра пріобрѣтенъ еще одинъ фактъ для установленія границы похороннаго обряда бронзоваго вѣка. Доселѣ наиболѣе удаленныя къ востоку находки этого рода были сдѣланы Пулавскимъ въ бассейнѣ Смотрича. Теперь оказывается, что упомянутая граница доходила до Днѣстра. Такимъ образомъ раскопка Ѳ. И. Кнауэра прибавляетъ еще одинъ фактъ для археологической топографіи.

Ю. А. Кулаковскій указалъ на то, что и въ не тронутыхъ ранѣе никѣмъ Керченскихъ гробницахъ оказывались металлическія вещи не намѣстѣ; вѣроятно, это надо приписать овражкамъ.

в) Д. чл. *А. В. Розовымъ* сдѣлано небольшое дополненіе къ реферату *А. И. Сонни*: *„Памятникъ древнегреческаго искусства, хранящійся въ музеѣ университета св. Владиміра“*, читанному въ засѣданіи 9 декабря 1890 года. По мнѣнію А. В. Розова, правители Галикарнасса (въ Каріи) изображали Зевса Стратіотоса съ чертами, близко сходящимися съ фигурою и вооруженіемъ въ статуэткѣ, о которой сообщилъ г. Сонни.

—

Въ дѣйствительные члены Общества избраны большинствомъ голосовъ: *Василій Григорьевичъ Ляскоронскій* и *Николай Ѳедотовичъ Бѣляшевскій*.

XI. ЗАСѢДАНІЕ 24 НОЯБРЯ.

а) Поч. чл. *В. Б. Антоновичъ*, на основаніи документовъ мѣстнаго университетскаго архива, изобразилъ дѣятельность и судьбу *протоіерея Алексѣя Андріевскаго* въ тяжелый для православнаго духовенства 1789 годъ [1]. То было время, когда распространившійся слухъ о готовящемся народномъ возстаніи встревожилъ землевладѣльцевъ и побудилъ ихъ принять мѣры къ открытію предполагавшагося заговора. Съ этой цѣлью учреждены были въ городахъ Юго-Западн. края такъ наз. Порядковыя коммиссіи, которыя привлекали къ своему суду всѣхъ лицъ, казавшихся по чему-либо подозрительными, и подвергали ихъ суровымъ наказаніямъ за мнимыя преступленія противъ уніи и власти владѣльцевъ, особенно же за возбужденіе будто-бы крестьянъ къ бунту; жертвами подозрительности дѣлались чаще всего православные священники, обнаружившіе упорство и нежеланіе присоединиться къ уніи; къ числу такихъ священниковъ принадлежалъ и протоіерей Алексѣй Андріевскій. Сначала онъ былъ уніатскимъ священникомъ, но во время Коліивщины возвратился къ православію и съ тѣхъ поръ сталъ его ревностнымъ защитникомъ. Около 20 лѣтъ онъ оставался безъ прихода, и только въ 1785 г., благодаря поддержкѣ отличавшагося вѣротерпимостью кн. Ксаверія Любомірскаго, становится священникомъ Покровской церкви

[1]) См. „Кіев. Стар.“, № 1, 1892 г.

въ с. Бабичахъ (Черкасскаго уѣзда), принадлежавшемъ къ Межиричскому ключу. Призванный за свою энергію къ управленію Мошнянскимъ благочиніемъ, Андріевскій направилъ всѣ усилія къ возстановленію православія въ окрестныхъ селахъ Межиричскаго ключа; усилія его увѣнчались успѣхомъ; но наступившія въ 1789 году смуты остановили его дальнѣйшее движеніе; уніатское духовенство воспользовалось ими, чтобы привлечь Андріевскаго къ отвѣтственности передъ Порядковой коммиссіей, куда онъ былъ вскорѣ и взятъ. Его обвинили, главнымъ образомъ, въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту, и основаніемъ для этого послужила какъ самая дѣятельность о. Алексѣя вообще, такъ и вещи, найденныя у него при обыскѣ: 4 ружья, 2 пистолета и кухонный ножъ, а также русскія рукописныя книги, въ числѣ которыхъ находилась и лѣтопись о войнахъ Хмельницкаго, которую будто-бы священникъ часто читалъ своимъ прихожанамъ. По приговору коммиссіи о. Андріевскій былъ заключенъ на 12 лѣтъ въ Каменецкую крѣпость, гдѣ долженъ былъ содержать себя собственнымъ трудомъ. Дальнѣйшія документальныя свѣдѣнія о судьбѣ этого борца за православіе прекращаются; по мнѣнію референта, въ 1793 г. онъ долженъ былъ получить свободу, когда Каменецкая крѣпость была передана русскому коменданту.

Дополненіе къ этому реферату было сдѣлано поч. чл. *П. Г. Лебединцевымъ*.

б) Д. чл. *М. С. Грушевскій* сгруппировалъ разбросанныя въ многочисленныхъ актахъ, хранящихся въ мѣстномъ архивѣ, *„этнографическія данныя о Барской околичной шляхтѣ до конца XVIII вѣка“*.

Референтъ отмѣтилъ прежде всего любопытныя характерныя черты въ исторіи и общественномъ строѣ Барскаго староства, которыя обращаютъ на него особенное вниманіе изслѣдователя (значеніе въ колонизаціи, оборонѣ окраины и въ первоначальной исторіи козачества; организація старостинскаго управленія; устройство шляхетскихъ околицъ; оригинальный характеръ околичной шляхты) и ближайшимъ образомъ обратился къ опредѣленію этнографическаго облика мѣстной околичной шляхты. Этнографическая основа ея была туземная, южно-русская, какъ видно изъ данныхъ люстрацій XVI в.; иноплеменные элементы (поляки, волохи, южные славяне, даже татары) хотя въ значительномъ числѣ проникали въ ея среду, но ассимилировались ею, и до конца XVIII в. околичная шляхта въ массѣ

сохраняетъ южно-русскій этнографическій обликъ. Указавъ на чисто южно-русскій характеръ прозвищъ, референтъ обратился къ разговорному языку, вѣрѣ и бытовой обрядности шляхты; по его мнѣнію, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ шляхта весьма близко стояла къ народной массѣ или была съ нею тождественна. Польское вліяніе, проникавшее разными путями, было довольно поверхностно, и въ общемъ околичный шляхтичъ по своему развитію, быту, условіямъ общественной жизни ближе стоялъ къ массѣ народной, чѣмъ къ заурядному польскому дворянству. Дѣйствительно, околичные шляхтичи, поддерживая довольно близкія и непринужденныя отношенія съ крестьянами, не оставались вполнѣ безучастными и къ народнымъ движеніямъ.

в) Д. чл. *А. И. Сонни* представилъ нѣсколько соображеній *„о культѣ египетскихъ божествъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря“*. Весною настоящаго года г. Кнауэромъ въ Аккерманѣ была пріобрѣтена греческая надпись, незадолго передъ тѣмъ найденная тамъ же при постройкѣ дома. Въ этой надписи, не вполнѣ сохранившейся, упоминаются имена Сераписа и Изиды, что свидѣтельствуетъ о существованіи культа египетскихъ божествъ въ древней Тирѣ, лежавшей на мѣстѣ нынѣшняго Аккермана. Указанное обстоятельство побудило референта сопоставить всѣ слѣды поклоненія египетскимъ божествамъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря. Спеціальной части своего доклада реф. предпослалъ нѣсколько замѣчаній общаго характера объ египетской религіи, объ ея эллинизированіи Птоломейскими царями путемъ замѣны Озириса Сераписомъ и Гора Гарпократомъ (между тѣмъ какъ третье лицо древне-египетской троицы, Изида, осталось неизмѣненнымъ), наконецъ о переходѣ новаго культа изъ Александріи въ Грецію и Римъ и о постепенномъ его тамъ распространеніи. Изъ Рима, гдѣ почитаніе Птоломейскихъ божествъ достигло своего апогея въ концѣ II и въ началѣ III в. по Р. Х. (при императорахъ Коммодѣ, Септиміи Северѣ и Каракаллѣ), александрійскій культъ распространился по всему лицу римской имперіи: археологическія находки свидѣтельствуютъ о существованіи его въ Испаніи, Галліи, Британніи, Прирейнскихъ и Придунайскихъ областяхъ. Главными распространителями его въ провинціяхъ являются римскіе солдаты: кастра легіоновъ, эти могущественные разсадники римской культуры въ варварскихъ странахъ, вмѣстѣ съ послѣднею передавали мѣстнымъ жителямъ и поклоненіе божествамъ, наиболѣе почитаемымъ въ данное

время въ столицѣ имперіи. На берегахъ Чернаго моря египетскій культъ, по мнѣнію докладчика, распространился инымъ образомъ—путемъ торговыхъ сношеній съ Александріей, о существованіи которыхъ уже въ сравнительно раннее время (III и II ст. до Р. Х.) свидѣтельствуютъ частыя находки Птоломейскихъ монетъ въ южной Россіи. Подтвержденіе своего мнѣнія референтъ видитъ въ надписи конца II ст. по Р. Х., найденной на мѣстѣ древнихъ Tomi, въ которой упоминается объ алтарѣ Сераписа, сооруженномъ въ этомъ городѣ товариществомъ александрійскихъ торговцевъ. На основаніи монетъ съ изображеніями Сераписа и Изиды, принадлежащихъ городамъ на западномъ берегу Чернаго моря, можно заключить, что культъ египетскихъ божествъ въ этихъ мѣстахъ наиболѣе процвѣталъ въ ту же самую эпоху, какъ и въ Римѣ: въ концѣ II и въ первой половинѣ III ст. по Р. Х. Къ этому самому времени, по мнѣнію референта, относится пріобрѣтенная г. Кнауэромъ надпись, съ чѣмъ вполнѣ согласуется форма ея буквъ. Кромѣ Томи и Тиры, референтъ указалъ на слѣды египетскаго культа въ слѣдующихъ мѣстностяхъ сѣвернаго побережья Чернаго моря: островъ Бѣлый (Λευκή, нынѣ Змѣиный), Ἰσιακῶν λιμήν (на мѣстѣ Одессы), Ольвія (надпись времени Александра Севера. Латышевъ, I, № 97[1], стр. 222), Пантикапея (монеты боспорскихъ царей съ египетскими эмблемами, статуэтки и другія изображенія египетскихъ божествъ), полуостровъ Тамань. Всѣ могилы, въ которыхъ были найдены слѣды египетскаго культа, относятся къ римской эпохѣ.

Референтъ, между прочимъ, замѣтилъ, что съ культомъ египетскихъ божествъ, существовавшимъ въ Тирѣ, можно связать находку, до сихъ поръ стоявшую совершенно особо: въ Галиціи, по притокамъ Буга, нашлись разныя египетскія вещи (статуэтки Озириса и Изиды, части „систровъ“), которыя были описаны почетнымъ членомъ Общества Нестора г. Петрушевичемъ (Львовское „Слово“, 1877, № 82).

По этому поводу поч. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ, что имѣлъ случай лично осмотрѣть часть этихъ вещей въ Народномъ Домѣ во Львовѣ: металлическіе предметы, которые г. Петрушевичъ принялъ за части систровъ (музыкальныхъ инструментовъ, употреблявшихся въ богослуженіи Изиды), не что иное, какъ лошадиныя уздечки, каковыя часто встрѣчаются въ могилахъ бронзоваго вѣка; античное же происхожденіе бронзовой статуэтки Изиды показалось ему нѣсколько сомнительнымъ.

Замѣчаніе по поводу этого сообщенія было сдѣлано еще и *Ю. А. Кулаковскимъ.*

—

Въ настоящемъ засѣданіи единогласно возведенъ въ почетные члены Общества Нестора предсѣдатель *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, по случаю исполнившагося 25-лѣтія его ученой и служебной дѣятельности.

Въ дѣйствительные члены по произведенной баллотировкѣ избраны большинствомъ голосовъ Иннокентій Ѳеодоровичъ *Анненскій* и Николай Прокофьевичъ *Василенко.*

—

Слушали докладъ о желаніи нѣкоторыхъ изъ вновь избранныхъ членовъ получить всѣ вышедшія до сихъ поръ книги „Чтеній".

Опредѣлили: выдавать вновь избираемымъ членамъ, по уплатѣ ими членскаго взноса, только книги, выходящія со времени вступленія этихъ членовъ въ составъ Общества.

XII. ЗАСѢДАНІЕ 8 ДЕКАБРЯ.

а) Засѣданіе открылось выраженіемъ со стороны предсѣдателя *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* благодарности Обществу Нестора лѣтописца за избраніе его въ почетные члены.

б) Д. чл. *В. З. Завитневичъ* прочелъ сообщеніе *„Къ вопросу объ имени „Русь"*. Въ разсказѣ начальной лѣтописи о призваніи Варяговъ, въ словахъ лѣтописца: „Рѣша Русь, Чюдь, Словѣни и Кривичи"..., варіантъ *Русь*, встрѣчающійся въ громадномъ большинствѣ древнѣйшихъ списковъ, принадлежитъ первоисточнику, текстъ котораго во всей чистотѣ сохранился въ Лѣтописцѣ патріарха Никифора, помѣщенномъ при Новгородской Кормчей конца XIII в. (около 1282 г.). Въ послѣднемъ памятникѣ, а равно въ лѣтописяхъ: Новгородской *первой* и Псковской *второй*, ни слова не говорится о томъ, чтобы призванные Варяги назывались Русью. Встрѣчающіяся въ Начальномъ сводѣ пояснительныя слова, называющія призванныхъ Варяговъ Русью—позднѣйшая вставка. Что Русская земля получила свое названіе не отъ призванныхъ въ 862 году Варяговъ, это видно изъ того, что имя Русь хорошо было извѣстно на югѣ еще въ первой половинѣ IX вѣка, что доказывается такими памятниками, какъ жи-

тія: св. Георгія Амастридскаго, св. Стефана Сурожскаго, св. Кирилла, славянскаго первоучителя, и др. Имя Русь не было также названіемъ крымскихъ Готовъ; на тождество этихъ Готовъ съ Русью не найдено указанія ни въ одномъ памятникѣ. Напротивъ, въ житіи св. Кирилла, Готы упоминаются наряду съ Русью, какъ два отдѣльные народа. При рѣшеніи вопроса о томъ, откуда къ намъ проникло имя Русь, необходимо руководствоваться слѣдующими данными. Изъ сохранившихся до нашего времени памятниковъ русской письменности имя Русь въ первый разъ упоминается въ Договорахъ съ Греками, т. е. въ памятникахъ греко-русскаго происхожденія. Составитель Начальнаго лѣтописнаго свода сознается, что извѣстіе о томъ, когда „начася прозывати Русская земля“, онъ впервые вычиталъ „в лѣтописаньи Гречьстѣмъ“. Кремонскій епископъ Ліутпрандъ (X в.) свидѣтельствуетъ, что нашихъ предковъ „Греки называютъ Руссами“ (Graeci vocant Russos), какъ бы давая этимъ знать, что имя Русь было греческаго происхожденія. Левъ Діаконъ свидѣтельствуетъ, что имя Ρῶς было простонароднымъ (κοινῇ διάλεκτος) у Грековъ. Всѣ эти данныя направляютъ мысль изслѣдователя къ тому выводу, что имя Русь возникло на греческой почвѣ, въ средѣ греческаго простонародья и съ нимъ, по всей вѣроятности, на первыхъ порахъ соединялось представленіе вообще о сѣверныхъ варварахъ арійскаго корня, которыхъ Греки этимъ именемъ, „a qualitate corporis“ (по выраженію Ліутпранда), старались отличить отъ другихъ варваровъ неарійскаго происхожденія. Изъ устъ греческаго простонародья слово Ρούσιος или Ρουσαῖος, въ началѣ IX вѣка, стало проникать въ литературу въ формѣ Ρῶς, которая заимствована и въ текстѣ греческой Библіи (Iεζεκ., XXXVIII, 2), что будетъ понятно, если мы вспомнимъ, что имя это въ первый разъ встрѣчается у писателей духовныхъ. Когда образовавшееся на Днѣпрѣ Варяжское государство вступило въ договорныя отношенія съ Византіей, Греки для названія этого государства выдвинули свой собственный терминъ. Въ Договорахъ слово Русь означаетъ державу кіевскихъ князей вообще и всѣхъ ихъ подданныхъ въ частности. Въ дальнѣйшей перепискѣ кіевскаго правительства съ Византійскимъ дворомъ первое волей-неволей стало называть себя Русскимъ. Изъ памятниковъ международнаго права и памятниковъ греческой письменности слово Русь проникло и въ Начальную лѣтопись, гдѣ оно имѣетъ двоякое значеніе: во-первыхъ,

оно имѣетъ здѣсь то же широкое значеніе, какое придается ему въ Договорахъ; во-вторыхъ, съ нимъ соединяется представленіе о кіевскомъ правительствѣ и его постоянномъ войскѣ, которое слѣдуетъ отличать и отъ народнаго ополченія и отъ отрядовъ временно нанимаемыхъ Варяговъ. Противорѣчіе терминологіи письменныхъ памятниковъ съ сознаніемъ народа, продолжавшимъ считать себя „Словѣнскимъ языкомъ“ и называвшимъ себя то племенными, то областными (отъ городовъ) названіями, породило вопросъ о происхожденіи имени *Русь*. Такія выраженія договоровъ, какъ напр.: „Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ“ и др.,—въ виду современной лѣтописцу практики, показывавшей, что всѣ эти Карлы, Инегельды, Фарлофы, приходили изъ-за моря,—породили въ сознаніи лѣтописца мысль, что имя Русь принесено было изъ-за моря Варягами; вотъ онъ и сталъ доказывать: „сице бо тіи звахуся Варязи и Русь... отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля“. Народное сознаніе однакожъ долго чуждалось имени Русь. Какъ терминъ этнографическо-географическій, имя это сначала перенесено было на Кіевскую волость, какъ непосредственно связанную съ кіевскимъ правительствомъ. Другія же волости вплоть до XIII в. чуждались этого имени, хотя въ общегосударственномъ смыслѣ слово Русь продолжало употребляться, особенно образованными людьми, каковъ напр. авторъ „Слова о полку Игоревѣ“. Но уже съ начала XIII в. широкое значеніе (обще-русское) слова Русь замѣтно начинаетъ вытѣснять его узкое значеніе (Кіевской волости) и, наконецъ, совершенно беретъ надъ нимъ перевѣсъ.

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе поч. чл. *И. И. Малышевскій* и д. чл. *А. А. Дмитріевскій*. Первый сказалъ слѣдующее: вопросъ какъ о происхожденіи Руси, такъ и происхожденіи этого названія, есть одинъ изъ тѣхъ спорныхъ и всегда новыхъ вопросовъ, по которому, если возбуждать пренія, то для нихъ не достанетъ не только одного, но и многихъ засѣданій. Поэтому, не касаясь разныхъ другихъ сторонъ вопроса, позволю себѣ обратить вниманіе на одно обстоятельство. Предполагая, что названія Россы, Руссы и т. д. явились сперва у грековъ и отъ нихъ уже усвоены нами, слѣдовало бы точнѣе выяснить: что могло означать это названіе. Референтъ утверждаетъ, что оно указывало на внѣшній видъ или цвѣтъ. Если такъ, то греческое ῥοῦσιος, латин. russus, итал. rossi, означаетъ

собственно не свѣтлорусый, а *красный*, что̀ въ примѣненіи къ волосамъ значитъ *ярко-рыжій*. Слѣдовательно, и Руссы, которыхъ греки назвали этимъ словомъ, были скандинавы, а не славяне, потому что скандинавы, какъ англичане и наши сѣверо-западные финны, обыкновеннѣе всего рыжіе, а славяне—русые, свѣтло-русые.

в) Д. чл. *В. Н. Малининъ* въ рефератѣ своемъ *„о свойствахъ и значеніи литературной дѣятельности И. А. Гончарова“*, охарактеризовалъ реалистическую школу въ русской литературѣ, созданную Пушкинымъ и Гоголемъ, высказалъ мнѣніе о принадлежности Гончарова къ плеядѣ писателей 40-хъ гг., каковы гр. Левъ Толстой, Тургеневъ, Достоевскій и друг., писателей, продолжавшихъ развитіе тѣхъ началъ, которыя положены были Пушкинымъ и Гоголемъ. По предмету и правиламъ своего творчества Гончаровъ ближе стоитъ къ Пушкину, чѣмъ къ Гоголю; у послѣдняго выведены типы отрицательные, тогда какъ у перваго они положительные; таковы же они и у Гончарова; даже Обломовъ, не смотря на свою инертность, окажется типомъ прогрессивнымъ, если прослѣдить его дальнѣйшее видоизмѣненіе рядомъ съ прогрессивнымъ движеніемъ русскаго общества. Перешедши къ характеристикѣ индивидуальныхъ особенностей литературной дѣятельности Гончарова по предмету и правиламъ художественнаго творчества, референтъ указалъ на рѣдкость появленія въ свѣтъ произведеній Гончарова и объяснялъ это явленіе тѣмъ, что Гончаровъ приступалъ къ созданію новаго произведенія лишь тогда, когда въ его фантазіи создались вполнѣ ясные и отчетливые образы героевъ; дальнѣйшій процессъ творчества былъ безсознателенъ. Такимъ образомъ, являясь ближайшимъ преемникомъ Пушкина въ области романа, Гончаровъ стоитъ на одной высотѣ со своимъ предшественникомъ, а такое положеніе само собою опредѣляетъ значеніе его литературной дѣятельности.

г) Д. чл. *Н. Ѳ. Бѣлящевскій* сообщилъ о результатахъ *„раскопки на Княжей горѣ“* произведенной имъ 1891 г.

Княжая гора представляетъ собой длинный и узкій гребень нагорнаго праваго берега Днѣпра съ расположеннымъ на немъ городищемъ; она находится у с. Пекарей (Черкас. уѣзда), верстъ на семь ниже г. Канева. Укрѣпленіе горы защищено валомъ и рвомъ лишь со стороны поля; три же другія стороны представляютъ глубокіе и довольно крутые обрывы къ Днѣпру и къ двумъ оврагамъ по сто-

ронамъ. Вслѣдствіе вырубки росшаго долгое время на горѣ лѣса, обрывы эти стали размываться дождями и сползать; при этомъ выступали на свѣтъ разныя древнія вещи; сосѣдніе крестьяне расхищали ихъ, а произведенными съ цѣлью разысканія клада раскопками внѣшній видъ горы былъ совершенно изуродованъ.

Въ теченіе лѣта 1891 года референтъ произвелъ правильную раскопку и изслѣдованіе горы на пространствѣ 100 саж. въ длину и 14 саж. въ ширину. Раскопка обнаружила слой чернозема, перемѣшанный съ камнями, костями, черепками и другими остатками былой здѣсь жизни человѣка; это культурный слой, въ которомъ и сосредоточиваются находимые предметы; по вершинѣ горы тянулся не высокій бугоръ (изъ камня и глины), раздѣлявшій гору на двѣ длинныя и узкія террасы; на нихъ встрѣчаются въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой глинобитныя печи, свидѣтельствующія, подобно кускамъ глины съ отпечатками плетенія, о существованіи на горѣ жилыхъ построекъ. Найденные при раскопкѣ предметы могутъ быть относимы къ двумъ эпохамъ: древнѣйшей—каменнаго вѣка—и великокняжеской. Къ первой относятся: молотки, изъ коихъ одинъ, разломанный при сверленіи въ немъ дыры, также какъ и цилиндрики, получающіеся обыкновенно отъ сверленія, вмѣстѣ съ найденными тутъ же шлифовальными камнями, указываютъ на мѣстное производство шлифованныхъ каменныхъ орудій; кромѣ того, діаритовая булава, кремневыя орудія: ножъ, скребки, пилка, и цѣлая коллекція рѣдко встрѣчающихся костяныхъ орудій: острыхъ, имѣвшихъ форму стрѣлъ, и просто неотдѣланныхъ; два долота; черепки отъ сосудовъ, сработанныхъ безъ помощи гончарнаго круга; глиняныя грузила отъ рыбныхъ сѣтей и группа каменныхъ цилиндровъ, служившихъ для растиранія зеренъ.

Гораздо большее количество предметовъ относится къ великокняжеской эпохѣ. Они раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ: 1) предметы священные: кресты и образки каменные, желѣзные, серебряные, створчатые разной формы и величины, съ изображеніями и надписями и безъ оныхъ; 2) принадлежности построекъ: желѣзные пробои, петли, задвижки, гвозди, замки, ключи и проч.; 3) остатки земледѣльческихъ орудій: наральники, чересла, косы и серпы; и продуктовъ: ржи, гречихи и проса, для храненія которыхъ служили найденныя тутъ же ямы; 4) остатки орудій рыбной ловли: желѣзные

крючки, свинцовыя грузила, крючки съ желѣзными блесками и желѣзныя лапки для подъема затонувшихъ сѣтей и желѣзная же острога; 5) слѣды охоты: клыки дикаго кабана, 6) орудія пчеловодства: два инструмента для подрѣзанія и выбиранія меда; 7) орудія кузнечнаго ремесла: два молотка и наковальня; 8) предметъ литейнаго мастерства: недодѣланное литое металлическое зеркальце; 9) плотничьи и столярные инструменты: топоры, долота, буравы, стамески, желѣзко отъ рубанка; 10) предметъ токарной работы: точеная деревянная чашка; 11) орудія огородничества: два заступа; 12) указанія на существованіе домашнихъ животныхъ: лошади, вола (кости) и овцы (ножницы для стрижки шерсти); 13) предметы домашняго обихода: ножи, кресало, черепки горшковъ для варки пищи и амфоръ для храненія напитковъ, остатки металлической посуды, жернововъ для приготовленія муки; 14) остатки одежды: парча, шерстяныя матеріи (ножницы для стрижки овецъ) и холстъ (найденныя нитки), пуговицы и бубенчики; 15) многочисленные предметы украшеній: стекляные и даже серебряные браслеты, каменныя, стекляныя и янтарныя бусы и проч. Большее количество украшеній найдено отдѣльно въ трехъ кладахъ: 1-й кладъ—изъ 45 предметовъ: серебряныя серьги различной формы и кіевскія гривны; 2-й кладъ—изъ 42 предметовъ: серьги, кольца и перстни, и 3-й кладъ, наибольшій и важнѣйшій, состоитъ изъ серегъ, бляшекъ, бусъ, крестиковъ, панагій, браслетъ, подвѣсокъ, обручей, перстней, цѣпочки, небольшаго кинжальчика и двухъ вещей неизвѣстнаго употребленія. Предметы во всѣхъ кладахъ большею частью серебряные, хотя встрѣчаются также золотые и мѣдные. Наконецъ, въ горѣ найдено пять цѣльныхъ человѣческихъ скелетовъ, по которымъ можно заключить о высокомъ ростѣ и крѣпкомъ сложеніи жившихъ здѣсь людей.

Изъ этого бѣглаго перечня предметовъ, найденныхъ при раскопкѣ, можно видѣть, какой богатый матеріалъ для науки хранитъ въ своихъ нѣдрахъ Княжая гора.

Положеніе горы при устьѣ р. Роси, раньше впадавшей въ Днѣпръ почти у подошвы ея, даетъ основаніе для предположенія, что городище это—остатокъ лѣтописнаго города Родни, разрушеннаго въ 980-мъ году.

Въ дѣйствительные члены Общества избранъ большинствомъ голосовъ Николай Александровичъ *Леопардовъ*.

Чтен. въ Ист. Общ. Нест. лѣт., кн. VI, отд. I.

Извлеченіе изъ отчета о составѣ и дѣятельности Общества Нестора лѣтописца въ 1891 году.

I. Составъ Общества.

Къ началу 1891 года Общество числило въ своемъ составѣ 21 почетнаго и 97 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ теченіе года за смертью выбыло 2 почетныхъ члена и 3 дѣйствительныхъ.

Въ почетные члены возведенъ предсѣдатель Общества М. Ф. Владимірскій-Будановъ, и вновь избрано 10 дѣйствительныхъ.

Такимъ образомъ къ началу 1892 года Общество состоитъ изъ 20 почетныхъ и 104 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ составѣ должностныхъ лицъ Общества перемѣнъ не произошло.

II. Дѣятельность Общества.

а) Въ теченіе 1891 года Общество имѣло 12 засѣданій, въ которыхъ сдѣлано 30 сообщеній [1]), касавшихся археологіи (9 сообщеній), антропологіи (одно), политической и бытовой исторіи (3), исторіи права (3), исторической этнографіи (3), исторіи русской литературы (3), славяновѣдѣнія (2) и библіографіи (6); кромѣ того, прочтено три некролога о членахъ общества, скончавшихся въ теченіе года.

---

[1]) Содержаніе сообщеній см. выше, стр. 1—23.

б) Въ началѣ 1891 года была закончена печатавіемъ и выпущена въ свѣтъ 5-я книга „Чтеній“ и затѣмъ начата печатаніемъ 6-я.

III. Библіотека Общества.

А) Въ библіотекѣ къ началу 1891 г. состояло на лицо 484 названія историческихъ сочиненій и матеріаловъ въ 903 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе года путемъ обмѣна „Чтеній въ Обществѣ Нестора“ на изданія другихъ учрежденій и обществъ получено значительное число таковыхъ изданій, именно: отъ Одесскаго общества исторіи и древностей, Московскаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, Императорской Археологической коммиссіи (въ Спб.), Археографической коммиссіи (въ Спб.), Московскаго археологическаго общества и Виленской археографической коммиссіи; изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества наибольшее число книгъ пожертвовалъ А. М. Лазаревскій. Всего получено 178 названій въ 319 томахъ и брошюрахъ.

Затѣмъ къ началу 1892 года состоятъ на лицо 662 названія въ 1222 томахъ и брошюрахъ.

Б) Въ *отдѣлѣ рукописей* къ началу 1891 года было 2 книги и 9 отдѣльныхъ документовъ.

Въ теченіе года поступили:

а) два отдѣльные документа (отъ А. М. Лазаревскаго): 1) грамота короля Яна-Казиміра отъ 6 февраля 1676 г. краковскому бургомистру Казимиру Контелли на дворянство и 2) вѣдомость отъ 26 ноября 1781 года о количествѣ оказавшихся по ревизіи въ Кіевскомъ уѣздѣ душъ, „какъ въ окладѣ, такъ и въ неокладѣ состоящихъ“;

б) двѣ фотографическія копіи писемъ А. Д. Кантеміра (отъ А. В. Романовичъ-Славатинскаго);

в) рукоп. книги:

1) Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, рукописная копія со 2-го печат. изданія Императорской Академіи Наукъ 1737 г.

2) Варіантъ лѣтописи Грабянки (обѣ книги поступили отъ А. М. Лазаревскаго)

3) Универсалы кіевскихъ митрополитовъ Варлаама Ванатовича и Рафаила Заборовскаго и указы Кіевской духовной консисторіи за 1728—1736 гг. (отъ студ. университета П. В. Стефановича).

Такимъ образомъ, въ отдѣлѣ рукописей къ началу 1892 года имѣется:

а) отдѣльныхъ документовъ—11; б) фотографическихъ снимковъ—2; в) книгъ—5.

В) *Нераспроданныхъ изданій Общества* къ началу 1892 года остается:

а) „Чтеній въ Обществѣ Нестора лѣтописца“: 1-й книги—52 экземпл.; 2-й—128; 3-й—50; 4-й—212; 5-й—220.

б) „Трудовъ III-го Археологич. съѣзда“, бывшаго въ Кіевѣ,—56 экземпляровъ (каждый изъ 2-хъ томовъ съ атласомъ).

в) „Указателя выставки III-го Археологическаго съѣзда—157 экземпляровъ.

г) „Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси“—286 экз.

д) „Поминки по А. А. Котляревскомъ“—98 экз.

IV. Касса Общества.

Суммы Общества Нестора лѣтописца, съ 1-го декабря 1890 г. по 8 декабря 1891 г., находились въ слѣдующемъ состояніи:

Къ 1 декабря 1890 г. оставалось въ наличности 1090 р. 13 к.

Въ теченіе 1891 года поступило:

1) изъ государственнаго казначейства	800 р.	
2) членскихъ взносовъ всего лишь	190 р.	
3) отъ продажи изданій Общества	126 р.	62 к.
Итого	2206 р.	75 к

Изъ этой суммы употреблено:

1) на изданіе V книги „Чтеній“	962 р.	26 к.
2) на библіотеку	43 р.	
3) на канцелярскіе расходы	26 р.	42 к.
4) на прислугу и расходы по засѣданіямъ . .	89 р.	28 к.
Итого	1120 р.	96 к.

Затѣмъ къ 8-му декабря 1891 года остается въ наличности 1085 руб. 79 коп.

ОТДѢЛЪ II.

СООБЩЕНІЯ и ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I. Русь.

Вопросъ о происхожденіи и значеніи этого слова — вопросъ давній и различно рѣшаемый. Одни видятъ въ немъ скандинавское слово, другіе славянское, третьи даже готское, но ни одно мнѣніе не можетъ быть признано за доказанное и общепринятое. Скандинавизмъ слова *Русь* не имѣетъ за себя никакихъ данныхъ; то же можно сказать и о готизмѣ, такъ какъ мы не считаемъ доказательствомъ случайнаго совпаденія звуковъ этого слова со звуками готскаго прилагательнаго *hrôthis* славный.

Остается славянство слова *Русь*. Оно имѣетъ за себя многое. По своему образованію и окончанію *Русь* есть имя собирательное того типа, къ которому принадлежатъ древнее и современное *черни* = черные люди, черный народъ, древнія *молодь*, *погань*, *невѣгласи* (Лѣтоп. по Ип. сп. 265, 592, 19) = молодые люди, поганые, невѣжды, соврем. *голь* = голяки, древнее *Чудь* = чужіе [1]), древнее (лѣтописное) *Сербь* = сербы, древнее (лѣтописное) *Самоѣдь* = самоѣды и т. п. Отношеніе его къ прилагательному *русъ* тожественно съ отношеніемъ собирательныхъ *чернь*, *погань* къ прилагательнымъ *чернъ*, *погань* и т. п. Корень этого слова можетъ быть исконнымъ славянскимъ; вѣроятно,

[1]) Корень *чюд-*, откуда прилагательное *чюжь*. Собирательное *чюдь* должно было образоваться еще въ ту пору, когда *д* не успѣло перейти въ *ж*.

онъ тотъ же, что въ прилагательномъ *русь*. И такъ, *Русь* могло первоначально значить: *русые* люди, народъ съ *русыми* волосами.

Взглянемъ на наши древнія названія народовъ. Одни изъ нихъ взяты нами отъ тѣхъ народовъ, которые мы ими называли, т. е. мы употребляли или употребляемъ тѣ названія, которыми эти народы именовали сами себя: *Литва* = лит. *Lëtuvá*. Другія перешли къ намъ отъ сосѣдей. Третьи были составлены нами самими изъ нашихъ собственныхъ корней и суффиксовъ. Такъ, мы дали свое названіе Германцамъ, сосѣдившимъ съ нами на западѣ: *нѣмьци*, отъ *нѣмъ* (сравни *черпецъ* отъ *черпъ*, *бѣлецъ* отъ *бѣлъ* и т. п.), характеризуя имъ Германцевъ, какъ людей, говорящихъ невнятно; точно также мы дали свое имя Финнамъ: *чюдь*, указывая имъ, что Финны—народъ чужой. Названіе *Русь* могло быть дано нами пришельцамъ съ сѣвера, Скандинавамъ, отличавшимся отъ другихъ извѣстныхъ намъ народовъ свѣтлыми волосами [1]), но не осталось за ними. Когда князья скандинавскаго происхожденія засѣли съ своими дружинами въ главныхъ городахъ Россіи и стали быстро ассимилироваться со своими славянскими подданными, эти послѣдніе стали именовать себя (въ отличіе отъ тѣхъ Славянъ, которые сохранили свою независимость) народнымъ названіемъ князей, т. е. *Русью*. Сравни названіе по имени завоевателей южныхъ Словѣнъ—Болгарами, приволжскихъ Болгаръ—Татарами, ороманенныхъ Галловъ—Франками. Получивъ новое значеніе, слово *Русь* постепенно перестало прилагаться съ Скандинавамъ (хотя оно было прилагаемо еще авторомъ Несторовой лѣтописи), тѣмъ болѣе, что рядомъ съ нимъ стало входить въ употребленіе, въ качествѣ синонима, скандинавское *Варязи*, а потомъ и болѣе частныя скандинавскія названія народовъ: *Свеи*, *Мурмане* и т. д.

II. Хроваты [2]).

Списки нашей Начальной лѣтописи, говоря о Хорватахъ какъ Бѣлыхъ, такъ и придунайскихъ, передаютъ ихъ названіе двоякимъ

---

[1]) Трудно сомнѣваться, что русскіе Славяне столѣтій 10 назадъ были всѣ и на сѣверѣ, и на западѣ гораздо болѣе брюнетами, чѣмъ теперь. Какъ извѣстно, въ настоящее время брюнеты Великоруссы еще не рѣдкость.

[2]) Срв. статью Поливки: „*Chorvát*, *Charvát* či *Chrvát*?“ въ изданіи Елинка „Slovanský Sborník“ за 1884 г., а также Миклошичевъ „Etymologisches Wb.“

образомъ. Старшій Лаврентьевскій списокъ имѣетъ Хровате (стр. 5), Хрвате (12), Храваты (44, дважды), Хорваты, хорватьскыя (119); въ сгорѣвшемъ Троицкомъ сп. было Хровате, Хорвате; въ другихъ спискахъ мы постоянно находимъ Хорвате и т. п. Написаніе Хорватъ, съ *о* передъ *р*, легко могло произойти изъ Хръватъ, вслѣдствіе, съ одной стороны, ранней утраты этого названія живымъ русскимъ языкомъ, съ другой—привычки переписчиковъ передѣлывать встрѣчавшіяся въ рукописяхъ нерѣдко (особенно въ концѣ XIV и въ XV вв.) ц.-слав. написанія, въ родѣ трьгъ, влъкъ, въ русскія торгъ, волкъ. Въ виду этого мы должны отдать предпочтеніе въ правильности написаніямъ Хроватъ, Хрватъ и признать древнѣйшею русскою формою этого названія форму Хръватъ. Если мы обратимся къ старымъ памятникамъ, написаннымъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ, то найдемъ въ нихъ данныя, подтверждающія нашъ выводъ. Константинъ Багрянородный пишетъ Χρωβάτοι, Βελοχρωβάτοι; въ грамотѣ объ учрежденіи пражской епископіи, вѣроятно, XI в. мы читаемъ: Crovati et altera Chrovati; грамоты хорватскихъ князей, папъ, венгерскихъ королей изстари имѣютъ Chrovati, Chrobati, Croati (см. между прочимъ „Rječnik“ Юго-славянской Академіи); здѣсь въ *ро* можно видѣть передачу слав. *ръ*, но никакъ не *гр*.

Покойный Гейтлеръ сблизилъ названіе *Хорватъ* съ литовск. szarwas оружіе, szarwotas вооруженный и призналъ его значащимъ armatus („Etimologija jmena Hrvat“, Rad Iugoslav. Akad., кн. XXXIV, 1876 г.); проф. Первольфъ принялъ это сближеніе („Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи“, I, 94), но оно, мало пригодное и для Хърватъ, совсѣмъ не пригодно для Хръватъ.

III. Обезы.

Наши лѣтописи три раза упоминаютъ о народѣ *Обезахъ*. Кіевская лѣтопись, подъ 1154 годомъ [1]), сообщаетъ намъ, что вел. кн. Изяславъ Мстиславичъ взялъ себѣ жену „изъ *Обезъ*“, что его сынъ (отъ первой жены) встрѣтилъ свою мачиху „въ порозѣхъ“ (днѣпровскихъ).

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому сп., стр. 322.

Галицко-волынская лѣтопись, подъ 1201 годомъ [1]), упоминаетъ объ одномъ Половцѣ, котораго Владимиръ Мономахъ заставилъ бѣжать „во *Обезы*, за Желѣзная Врата.“

Новгородская лѣтопись, подъ 1224 годомъ [2]), повѣствуя о нашествіи Татаръ, разсказываетъ о плѣненіи ими Ясовъ, Касоговъ и *Обезъ*.

Изъ другихъ памятниковъ древне-русской письменности, упоминаніе о народѣ Обезахъ находится въ Печерскомъ Патерикѣ, въ Толковой Палеѣ и въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ.

Въ первомъ памятникѣ [3]) разсказывается о прибытіи въ Кіевъ изъ Царяграда иконописцевъ Грековъ и *Обезовъ*.

Во второмъ, по списку XIV в. [4]), при народномъ названіи *Аверъ*, передающемъ греческое названіе Ἴβηρες (Chronicon Paschale, Боннское изд., I, 57), находится глосса: „иже суть *Обезы*.“

Третій памятникъ [5]) говоритъ объ отправкѣ царемъ греческимъ Грека, Славянина и *Обежанина* въ Вавилонъ для взятія знаменья у святыхъ трехъ отроковъ Ананіи, Азаріи и Мисаила. Они нашли въ Вавилонѣ лѣстницу съ надписями на греческомъ, славянскомъ и *обежанскомъ* языкахъ.

Несомнѣнно, *Обезы* жили на Кавказѣ, были православными людьми, имѣли значительныя сношенія съ Греціею. Нѣкоторые изъ нихъ, художники, даже проживали въ Царьградѣ. Отожествленіе ихъ въ Палеѣ съ Иверами показываетъ, что русскіе въ древности считали Обезовъ и Грузинъ за одинъ народъ.

Поясненіе Плано-Карпина: „*Obesi* sive Georgiani“ рѣшаетъ вопросъ объ Обезахъ окончательно: Обезы—русское названіе Грузинъ.

IV. Олегъ.

Какъ извѣстно, у насъ существуютъ два мнѣнія объ имени *Олегъ*. По однимъ, это—вполнѣ славянское имя; по другимъ, въ немъ мы имѣемъ дѣло съ именемъ скандинавскимъ.

---

[1]) Та же лѣт., стр. 480.

[2]) Новгородск. лѣт. по Синод. сп., стр. 215.

[3]) Яковлевъ, Памятники русской литературы XII и XIII вв., стр. 121.

[4]) Извѣстія Ак. Н., X, стр. 670.

[5]) Славянскій Сборникъ, III, стр. 133—134.

Мы имѣемъ два несомнѣнно скандинавскихъ имени, принадлежавшихъ русскимъ князьямъ—*Рюрикъ* и *Игорь*, или *Ингворъ*. Они оба находились въ живомъ употребленіи у русскихъ князей до XIII в., но не пользовались даже въ княжескихъ семьяхъ особенно большою любовью [1]). Ни одинъ изъ сыновей Владимира Св. не назывался ни *Рюриком*, ни *Игорем*; между сыновьями Ярослава мы видимъ лишь одного *Игоря*; ни одинъ изъ внуковъ Ярослава не носилъ имени *Рюрика* или *Игоря*. Частныя лица, не князья, повидимому совсѣмъ не употребляли этихъ именъ, и мы не знаемъ теперь ни одного мѣстнаго названія, ни одной фамиліи или прозвища, которыя могли бы вести происхожденіе отъ *Рюрика* или *Игоря*. Почти то же можно сказать и о древней Руси: лѣтописи и документы сохранили намъ лишь одно названіе *Игоревъ бродъ* (Лѣтоп. по Ипатск. списку, подъ 1160 г.).

Иное дѣло имя *Ольгъ*. Оно употреблялось у князей сравнительно часто; между прочимъ, его носили братъ Владимира Св. и внукъ Ярослава I, послѣдній вмѣстѣ съ своимъ многочисленнымъ потомствомъ, до самаго XIV в. Частныя лица, не князья, хотя и рѣдко, но все таки пользовались именемъ *Ольгъ*, и мы знаемъ Ивана *Ольгова*, предка Адашевыхъ, въ концѣ XV—нач. XVI в. (Историч. Вѣстникъ 1890 г. № 5, стр. 389) [2]). Мѣстныя названія нашего времени указываютъ на употребленіе этого имени въ тѣхъ мѣстахъ Руси, гдѣ въ древности не было ни одного князя *Ольга*; таковы: *Ольги* (древняя форма им. п. мн. ч.), деревня Новгородской губ. Демянскаго уѣзда (Новгородскій Сборникъ, III, 11) [3]), *Ольгово*, деревня близъ Полоцка (существовавшая уже въ XVI в.: Оглоблинъ, въ „Сборникѣ Археологическаго Института“, т. IV, стр. 54), *Волгово*, дер. С. Петербургской губ., *Ольговцы*, дер. Виленской губ. Лидскаго у. Сверхъ того, мы знаемъ: *Ольги*, дер. Псковской губ., *Олгово*, 1) дер. Московской губ. и 2) дер. въ Галиціи, *Ольговку*, нѣсколько деревень въ

---

[1]) Женское скандин. имя *Малфрѣдь* тоже употреблялось очень рѣдко. Мы знаемъ лишь двухъ лицъ съ этимъ именемъ (второе подъ 1167 г., Лѣт. по Ип. сп. 361). Имя *Ротъльда* едва ли можетъ быть съ достаточнымъ основаніемъ признано за скандинавское.

[2]) Документъ 1507 г. (Акты Калачова, I, № 53) упоминаетъ еще о Кирѣѣ *Ольговѣ*, велико-княжескомъ тіунѣ.

[3]) Срв.: *Мироньги*, дер. Валд. у., форма мн. ч. отъ *Миронъ*ъ.

Курской, Орловской, Полтавской и Черниговской губ., *Ольжево*, дер. Виленской губ. [1]). Древняя Русь также имѣла подобныя мѣстныя названія. Мы знаемъ, кромѣ *Ольговой* могилы подъ Кіевомъ, село *Ольжичи*, тоже подъ Кіевомъ, *Ольгово* поле, въ Черниговскомъ княжествѣ, рѣку *Олегъ*, въ Ятвяжской землѣ (Лѣт. по Ип. сп. 186).

Имя *Ольгъ* имѣло при себѣ женское имя *Ольга* (срв. *Ростиславъ* и *Ростислава* и т. п.), которое носили нѣсколько русскихъ княгинь и отъ котораго происходитъ нѣсколько современныхъ мѣстныхъ названій (*Ольжино* болото, съ древнимъ *ж*, Орловской губ., *Ольгинъ* крестъ, Петербургской г., и т. п.). Какъ извѣстно, это имя довольно рано сдѣлалось христіанскимъ.

Все это показываетъ, что имя *Ольгъ* было довольно распространено въ древней Руси и что, слѣдовательно, и оно, и имя *Ольга*— имена туземныя, славяно-русскія (срв. ц.-слав. нарицательное *олъ* и др.-русск. собств. имена *Ольбыгъ*, *Ольма*, *Ольстинъ*).

Впрочемъ, мы не желаемъ сказать, что вѣщій *Ольгъ* былъ Славяно-руссъ по происхожденію. Онъ могъ быть Скандинавомъ, но его скандинавское имя, *Helgi*, было замѣнено въ народѣ народнымъ, очень близкимъ къ нему по звукамъ, славянскимъ именемъ *Ольгъ*. Точно также мы отнюдь не отрицаемъ того, что св. *Ольга* была Скандинавка: ея скандинавское имя *Helga* сохранено намъ Константиномъ Багрянороднымъ (Ἕλγα).

V. Жидята.

Лѣтописи упоминаютъ объ Новгородскомъ епископѣ XI в. (Лукѣ) *Жидятѣ*. Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей думаютъ видѣть въ названіи его Жидятою—указаніе на его еврейское происхожденіе. Но напрасно.

Здѣсь передъ нами *имя*, не христіанское, а мірское, языческое. Духовныя лица въ памятникахъ древне-русской письменности называются обыкновенно христіанскими именами; но нерѣдко также наименованіе ихъ по-мірски. Новгородская 1-я лѣтопись упомина-

---

[1]) Названіе города *Лыговъ*, Курск. г., вѣроятно, искажено изъ *Ольговъ*; во всякомъ случаѣ мѣстное населеніе называетъ этотъ городъ *Ольговъ*.

етъ о попѣ *Воятѣ*; писецъ галицко-волынскаго евангелія 1164 г., дьяконъ, находитъ нужнымъ сообщить, что его по-мірски зовутъ *Добрило*; писецъ новгородскаго евангелія 1270 г. называетъ себя сыномъ попа *Лотыша*; даже въ началѣ XVII в. священники московской Руси довольно часто именуютъ себя *Жданами, Молчанами* и т. п.

Собственныя имена на *ята*, очень распространенныя въ древней Руси, принадлежатъ къ числу уменьшительныхъ. Мы знаемъ по духовной XIII в. имя *Климята* отъ *Климентъ*, по лѣтописямъ имена *Гюрята* отъ *Гюргій*, *Петрята* отъ *Петръ*, которыя дѣлаютъ несомнѣннымъ, что имя *Жирята*—уменьшительное отъ *Жирославъ*, *Твердята*—отъ *Твердиславъ*, *Вышата*—отъ *Вышеславъ*, *Воята*—отъ *Вогшестъ*. *Жидята*—уменьшительное отъ обычнаго въ древнемъ Новгородѣ имени *Жидиславъ*.

VI. Царь.

Въ книгѣ г. Дьяконова: „Власть московскихъ государей“ (Спб. 1889), мы между прочимъ читаемъ:

...великій князь Василій Темный былъ названъ (послѣ отверженія имъ Флорентійской уніи и по паденіи Константинополя) „благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ св. правилъ богоуставнаго закона св. апостолъ и св. отецъ преданія, иже въ благочестіи цвѣтущимъ“....авторъ „Слова...еже на Латину“ называетъ Василія „истинныя вѣры боговѣнчаннымъ *царемъ* всея Руси“, ясно обозначая этимъ, что титулъ царя прилагается къ нему, какъ къ единственному представителю православія.

Такимъ образомъ г. Дьяконовъ утверждаетъ, что названіе *царь* стало прилагаться впервые къ Василію Темному вслѣдствіе того, что послѣ паденія Константинополя онъ остался единственнымъ православнымъ государемъ.

Прослѣдимъ исторію слова *царь*.

Слово *цѣсарь*, *цьсарь*, откуда у южныхъ Славянъ и у насъ *царь*,—слово, бывшее уже въ IX вѣкѣ народнымъ болгарскимъ и означавшее вообще государя. Переводчики евангелія и другихъ церковныхъ книгъ постоянно употребляютъ это слово, когда рѣчь идетъ о государѣ, примѣняя его и къ государю Византіи, и къ государямъ еврейскимъ,

персидскимъ, македонскимъ, индійскимъ и т. д. Вмѣстѣ съ книгами слово *царь*, въ значеніи государя, перешло отъ Болгаръ къ Сербамъ и къ Русскимъ и у тѣхъ и у другихъ быстро вошло въ живое употребленіе. Русскіе, по меньшей мѣрѣ съ XIII в., кромѣ императора Византіи, называютъ царями почти всѣхъ тѣхъ государей, для которыхъ у нихъ нѣтъ изстари установившагося названія (въ родѣ *король, князь*). Такъ, они называютъ царемъ Батыя (лѣтописи и житіе св. Михаила Черниговскаго) и его преемниковъ [1]); позже, съ XV в., то же названіе придается ими ханамъ крымскому, казанскому, астраханскому, шемахинскому, сибирскому, султану турецкому, шаху персидскому, владѣтелю Грузіи и т. д. и сохраняется у нихъ за поселенными въ Россіи (служилыми) татарскими ханами (Ширъ-Алеемъ и друг.). Вообще съ названіемъ *царь* въ старой Руси вовсе не связывается представленія о православномъ государѣ.

Попытки примѣнить это названіе къ русскимъ князьямъ начались довольно рано. Тіунъ Наславъ, сдѣлавшій около 1125 года приписку въ такъ называемомъ Мстиславовомъ Евангеліи, изъявилъ въ ней желаніе обрѣсти себѣ „честь и милость отъ Бога и отъ своего *царя*“, разумѣя подъ послѣднимъ вел. кн. Мстислава Владимировича. Авторъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ трижды употребилъ слово *царь*, говоря о русскихъ князьяхъ: „*царя* ли, князя ли ва (Бориса и Глѣба) проглаголю?“...„По истинѣ вы *царя царемъ* и князя княземъ“..... „Колико ся имаши потрудити, да заступьника обрящеши къ съмрьтьнуму *царю* приводящя“ (списокъ XII в. Чтенія Общ. ист. и др. 1870 г. № 1, лл. 7 об., 9). Даніилъ Заточникъ, по одной редакціи его Слова, назвалъ своего князя „сыномъ великаго *царя* Владимира“ (рѣчь идетъ, повидимому, о Мономахѣ). Писецъ волынскихъ Словъ Ефрема Сирина XIII в., сохранившихся въ спискѣ 1492 г., обозначилъ дату своего труда словами: „при *царстві* благовѣрнаго *царя* Володимѣра, сына Василькова“; а одинъ изъ его собратьевъ, писецъ московскаго Евангелія 1339 г., выхваляя Ивана Калиту, выразился такимъ образомъ: „всей русской земли поминая (дат. самостоят.) веле-

---

[1]) Для русскихъ людей XIV—XV вв. татарскій ханъ былъ *царь* по преимуществу; такъ мы читаемъ въ договорѣ в. кн. Василія Темнаго 1437—1440 г.: „а цн пойдетъ *царь* ратію...., есте воевали со *царемъ*,....путь чистъ ко *царю*“ (Акты Археогр. Э., I, 25).

гласно державу его *царства.*“ [1]) Но примѣненіе названія *царь* къ русскимъ князьямъ до XV в. рѣдко.

Русскіе памятники второй половины XV в. употребляютъ титулъ *царь* въ примѣненіи къ московскимъ великимъ князьямъ уже часто. Вотъ что, напримѣръ, читается въ записи псковской Палеи 1494 г. (Рум. Муз.): „при великомъ князи *царѣ* всея Руси Иване Васильевичѣ.“ Или въ записи новгородскаго Апостола 1495 г. (Рум. М.): „при державѣ богороднаго и богохранимаго, въ благочестіи же превысочайшаго, въ господствѣ пречестнаго, въ странахъ пресловущаго, честнѣйшаго паче всѣхъ *царя* рускаго великаго князя Ивана Васильевича всея Руси.“

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, находится въ связи не съ отверженіемъ Флорентійской уніи и не съ паденіемъ Византіи, а съ усиленіемъ у насъ южно-славянскаго вліянія, черезъ посредство Аѳона.

Съ конца XIV в., вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, начинается сильный притокъ къ намъ южно-славянскихъ книгъ всякаго рода, почти исключительно переводныхъ, между прочимъ богослужебныхъ, и замѣчается на нашей письменности сильное вліяніе письменности южно-славянской—въ литературныхъ пріемахъ, въ начертаніи буквъ, въ орѳографіи. Проводниками этого вліянія были какъ южно-славянскіе выходцы, особенно—Пахомій Сербъ,—такъ и Русскіе, ходившіе на Аѳонъ и нерѣдко жившіе тамъ по долгу. Они на Аѳонѣ находили себѣ убѣжище въ русскомъ Пантелеймоновомъ монастырѣ, который въ то время повидимому находился въ постоянномъ общеніи съ болгарскимъ Зографскимъ монастыремъ и съ сербскимъ Хилендарскимъ и пользовался вмѣстѣ съ ними покровительствомъ и поддержкою южно-славянскихъ государей.

Если мы взглянемъ на южно-славянскіе памятники, то увидимъ въ нихъ тотъ титулъ, которымъ Русскіе стали съ XV в. надѣлять своихъ князей,—въ примѣненіи къ южно-славянскимъ государямъ. Болгарскіе властители, начиная съ Симеона, именуются постоянно царями; сербскіе, хотя не всѣ, но оффиціально или не оффиціально

---

[1]) Отмѣтимъ еще въ *болгарскомъ* Прологѣ 1339 г.: свѧтыѭ *царицѫ* рускыѭ Олгы (Погодинъ, Образцы слав.-русск. древлеписанія).

также пользуются этимъ названіемъ. Обычный титулъ греческихъ императоровъ: „въ Христа Бога благовѣрный *царь* и самодрьжецъ", употребляется южно-славянскими государями даже въ ихъ собственныхъ документахъ.

Такъ, мы читаемъ въ надписи 1230 г.: „азъ Іоаннъ Асѣнь въ Христа Бога вѣрны *царь* и самодрьжець Бльгаромь;" въ хрисовулѣ 1342 г.: „въ Христа Бога вѣренъ *царь* самодрѣжець всѣмъ Блгаромъ Александръ."

Богослужебныя книги, исправленныя у южныхъ славянъ въ XIV в., въ молитвахъ о государѣ и въ другихъ мѣстахъ постоянно называютъ его *царемъ*.

Первымъ писателемъ XV в., рѣшившимся наименовать московскаго великаго князя царемъ, былъ, кажется, Пахомій Сербъ. По крайней мѣрѣ, впервые въ его сочиненіяхъ мы находимъ названіе Василія Темнаго царемъ и самодержцемъ (какъ было уже указано А. С. Павловымъ въ его извѣстномъ разборѣ „Обзора полемическихъ сочиненій" пок. Попова, стр. 287). Тотъ же Пахомій въ своихъ трудахъ говоритъ не разъ вообще о *царяхъ*, подразумѣвая подъ ними русскихъ князей („видяще неправедная отъ *царей* . . . дѣемая", „*царей* обличаху" и т. п.).

Авторитетъ Пахомія, какъ писателя, въ глазахъ современниковъ былъ такъ великъ, что цѣлый рядъ послѣдующихъ русскихъ агіографовъ воспользовался его литературными пріемами, его введеніями и заключеніями, его отдѣльными фразами. Понятно, примѣненіе названія *царь* къ московскому великому князю, сдѣланное Пахоміемъ и подкрѣпленное богослужебными книгами, не могло быть оставлено безъ вниманія. Оно находится уже въ современномъ Пахомію трудѣ, 1461 г., принадлежащемъ неизвѣстному русскому подражателю Пахомія (но не самому Пахомію, какъ думалъ А. С. Павловъ)—въ „Словѣ . . . еже на Латину."

Такимъ образомъ слово *царь* стало употребляться какъ синонимъ словъ *великій князь*, рядомъ съ ними. Нашъ первый государь книжникъ, Грозный, нашелъ нужнымъ внести его въ свой оффиціальный титулъ.

А. И. Соболевскій.

ВТОРАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСКУРСІЯ ВЪ ПРИПЕТСКОЕ ПОЛѢСЬЕ.

—

Археологическія розысканія въ предѣлахъ Мозырскаго уѣзда, при первой моей экскурсіи, дали мнѣ возможность установить южную границу *дреговичскаго* погребальнаго типа [1]). Границей этой была рѣка Припеть, гдѣ дреговичскій типъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ соприкасается съ древлянскимъ типомъ погребенія въ *ямахъ*. Настоящія мои розысканія—въ Рѣчицкомъ уѣздѣ—произведены были съ цѣлью опредѣлить восточную границу того же дреговичскаго типа. Такъ какъ такою границею всего естественнѣе было предполагать р. Днѣпръ, то я и произвелъ на этотъ разъ раскопки по правому берегу Днѣпра въ пространствѣ между устьями рѣкъ Припети и Березины. Точнѣе районъ моихъ раскопокъ можно опредѣлить трехугольникомъ, основаніе котораго составляетъ линія, соединяющая м. Лоевъ на Днѣпрѣ съ с. Микуличи, отстоящимъ къ западу отъ Лоева приблизительно на 40 верстъ въ прямомъ направленіи. Вершиной этого трехугольника можно признать г. Рѣчицу. Въ топографическомъ отношеніи область этого трехугольника отличается всѣми характерными особенностями Припетскаго Полѣсья: это въ значительной степени покрытая лѣсомъ

---

[1]) См. Чтен. въ Истор. Общ. Нестора Лѣт., кн. 4, Отд. II: „Изъ археол. экскурсіи въ Припетское Полѣсье;“ стр. 1—29.

низменность, гдѣ болотистыя мѣстности чередуются съ песчаными, съ нѣкоторою примѣсью по мѣстамъ чернозема. По пути изъ Лоева въ Микуличи, въ разстояніи около 35 верстъ отъ перваго, встрѣчается рѣчка Брагинка. Начинаясь сѣвернѣе 52 град. с. ш., рѣчка эта течетъ на югъ параллельно Днѣпру и ниже м. Брагина впадаетъ въ значительное Брагинское озеро. По выходѣ изъ этого озера, въ разстояніи около 15 верстъ отъ послѣдняго, Брагинка раздѣляется на два рукава. Лѣвый рукавъ, круто поворачивая къ востоку, впадаетъ въ Днѣпръ; правый же, продолжая течь параллельно Днѣпру, впадаетъ въ Припетскій заливъ Боруха. Такимъ образомъ, при посредствѣ Брагинки, разсматриваемая область непосредственно связана доступнымъ для легкихъ судовъ водянымъ путемъ съ одной стороны съ Днѣпромъ, съ другой стороны съ Припетью. Слѣдуетъ также отмѣтить, что Лоевъ расположенъ при устьѣ р. Сожи, посредствомъ которой данная область связана съ восточнымъ побережьемъ Днѣпра.

Свои раскопки я началъ съ Лоевскаго могильника.

Лоевскій могильникъ расположенъ въ 4 верстахъ къ сѣверо-западу отъ м. Лоева, въ густомъ молодомъ лѣсу, въ сосѣдствѣ съ урочищемъ *Грѐгорово поле*, по склону праваго берега небольшаго ручейка, текущаго изъ расположеннаго вблизи Моховскаго озера въ Днѣпръ. Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ насчитывается свыше 70. Вокругъ нѣкоторыхъ видны слѣды рвовъ и вообще впадинъ, образовавшихся, какъ можно думать, при сооруженіи насыпей. Къ юго-востоку отъ могильника, въ разстояніи около одной версты, находится „городокъ", представляющій сильное, несомнѣнно древнее, частію естественное, частію искусственное, укрѣпленіе; а въ промежуткѣ между этими двумя пунктами, на пахатномъ полѣ, находится площадь, занимающая пространство около двухъ десятинъ, густо усѣянная черепками отъ битой посуды очень грубой работы того же характера, какимъ отличаются черепки, встрѣчающіеся въ насыпи кургановъ. Насыпь кургановъ въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ свѣтлаго песку, составляющаго подпочвенный слой въ данной мѣстности. Въ этомъ могильникѣ мною раскопано 15 кургановъ. Самый значительный изъ нихъ имѣетъ 2 арш. 4 в. отвѣсной высоты при 39 арш. въ окружности.

Изъ 15 раскопанныхъ въ этомъ могильникѣ кургановъ въ одномъ ничего не оказалось, въ другомъ обнаруженъ *слой угля* дли-

ною 3 арш. 8 в., шириною 1 арш. 4 в. и около $^1/_4$ арш. толщиною. Во всѣхъ остальныхъ курганахъ обнаружены ясные слѣды погребенія покойниковъ на *почвенномъ слоѣ* въ направленіи съ запада на востокъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ сохранились остатки желѣзныхъ гвоздей, которыми, вѣроятно, сбиты были деревянные гробы. Посуды не обнаружено. Только въ одномъ случаѣ попалось нѣсколько грубыхъ черепковъ въ насыпи кургана, куда они могли попасть случайно.

Въ разстояніи 3 верстъ къ сѣверо-западу отъ предыдущаго могильника находится могильникъ *Моховской* на высокомъ, круто спускающемся, берегу Моховскаго озера, при которомъ расположена д. Моховъ. Площадь, занятая этимъ могильникомъ, теперь покрыта молодымъ кустарниковымъ лѣсомъ и занимаетъ пространство около 4 десятинъ, на которомъ курганы расположены густою массою. Большая часть кургановъ имѣетъ форму усѣченнаго конуса съ крутыми боками и завалившеюся срединою. Возлѣ многихъ изъ нихъ видны ямы, которыя по мѣстамъ образуютъ прерывающіеся рвы. Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ насчитывается свыше 600. Это самый значительный могильникъ въ данной мѣстности. Самый крупный курганъ въ этомъ могильникѣ имѣетъ 3 арш. 13 в. отвѣсной высоты (изъ глубины рва) при 75 арш. окружности. Мною раскопано 26.

По характеру содержимаго раскопанные курганы дѣлятся такимъ образомъ. Въ *одномъ* курганѣ ничего не обнаружено. Въ *одномъ* покойникъ погребенъ былъ въ *ямѣ*, глубиною въ 1 арш., въ деревянномъ гробу и обращенъ былъ *головою на сѣверъ*. Въ *девяти* курганахъ обнаружено *трупосожженіе* и въ *пятнадцати* покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ.

Въ курганахъ съ трупосожженіемъ, въ свою очередь, замѣчено слѣдующее подраздѣленіе. Въ двухъ курганахъ сожженныя кости собраны были въ *урны* (обычные по формѣ для данной мѣстности горшки) и поставлены въ *насыпи* кургана, т. е. гораздо выше почвеннаго слоя, при чемъ въ одномъ курганѣ обнаружено *два слоя пепелища*: одинъ оказался въ самой насыпи кургана, на $^3/_4$ арш. ниже урны; это пепелище состояло изъ золы и древеснаго угля, разбросанныхъ отдѣльными пятнами и неправильными линіями; другое пепелище обнаружено на почвенномъ слоѣ; оно занимало почти всю площадь, занятую основаніемъ кургана; но въ центрѣ этой площади выступало ясно очерченное четырехугольное пятно, имѣвшее

форму гроба. Здѣсь, т. е. на почвенномъ слоѣ, по всей вѣроятности, сожженъ былъ покойникъ, а остатки сожженныхъ костей собраны были въ урну и поставлены въ верхней части насыпи. Но какъ образовалось верхнее пепелище? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только предположительно: оно могло быть слѣдствіемъ или совершенной тризны или сожженной жертвы. Въ остальныхъ шести курганахъ съ трупосожженіемъ останки сожженныхъ покойниковъ найдены были *на почвенномъ* слоѣ, при чемъ въ двухъ изъ нихъ обнаружены были слѣды лишь *легкаго обжога* костей; въ одномъ изъ послѣднихъ костякъ даже не выведенъ былъ изъ своего естественнаго положенія, т. е. онъ сохранилъ тоже положеніе, какое имѣютъ костяки въ курганахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ; дѣйствію огня больше всего подверглись оконечности костяка.

Въ курганахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ прежде всего необходимо отмѣтить слѣдующій фактъ. Во всѣхъ курганахъ этого типа подъ костяками обнаруженъ былъ *тонкій слой золы* почти безъ всякой примѣси угля. Площадь, занятая этимъ слоемъ, не вездѣ была одинакова по своему объему; но вообще границы ея не отходили далеко отъ самого костяка. Толщиною слой золы по мѣстамъ доходилъ до одного вершка. Встрѣтившись съ такимъ фактомъ, естественно попытаться объяснить его. Возможно, что зола въ данномъ случаѣ приносилась извнѣ. Если такъ, то подсыпаніе ея могло имѣть троякій смыслъ: во первыхъ, она могла замѣнять собою бѣлый песокъ и, слѣдовательно, служила эстетической сторонѣ погребальнаго обряда; во вторыхъ, она могла замѣнять известку и способствовала предохраненію покойника отъ быстраго разложенія [1]); въ третьихъ, она могла быть принадлежностью домашняго очага, и тогда съ подсыпаніемъ ея соединялся извѣстный религіозный смыслъ. Но возможно, въ данномъ случаѣ, и другое предположеніе. Возможно, что зола эта была слѣдствіемъ практиковавшагося обряда *обжиганія* покойниковъ. Что обрядъ обжиганія покойниковъ практиковался у нашихъ предковъ, это отчасти видно изъ вышепри-

[1]) Въ простонародьи зола, наравнѣ съ солью и известкой, употребляется для предохраненія нѣкоторыхъ предметовъ отъ порчи. Допуская эту мысль, необходимо предположить, что зола въ данномъ случаѣ не только подсыпалась, но что ею покойникъ и сверху посыпался.

веденнаго примѣра; съ нимъ мы еще встрѣтимся позднѣе. Отсутствіе же среди золы крупныхъ частицъ древеснаго угля (мелкія замѣчались) легко объясняется тѣмъ, что обжиганіе совершалось не на кострѣ, а при посредствѣ *березовой коры,* которою обкладывался покойникъ и которая сожигалась. Что при погребальныхъ обрядахъ наши предки иногда дрова замѣняли березовою корою, доказательство этого представлено будетъ ниже. Допустивъ это предположеніе, мы поймемъ, почему зола въ разсматриваемыхъ случаяхъ группируется, главнымъ образомъ, около костяковъ и въ нѣкоторомъ удаленіи отъ послѣднихъ слой ея прекращается.

Въ нѣкоторыхъ курганахъ этого втораго типа замѣчена еще слѣдующая особенность, особенно ясно выступившая въ одномъ курганѣ. Въ насыпи кургана, на глубинѣ 1 арш. 14 в., показалась кайма четырехугольной формы, обнаружившая слѣды разложившагося дерева. Длина каймы 4 арш. 12 в., ширина 3 арш.; въ глубину она продолжалась до почвеннаго слоя. По угламъ каймы замѣчены были круги, образовавшіеся, повидимому, отъ стоявшихъ здѣсь деревянныхъ столбовъ. Внимательное наблюденіе привело меня къ слѣдующему предположенію относительно причины образованія этой каймы: по угламъ поставлено было четыре деревянныхъ столба и при посредствѣ ихъ сооружено было четыре такихъ же стѣнки высотою въ 1 арш. и 2 вершка. Постройка эта, служившая чѣмъ-то въ родѣ склепа, сверху покрыта была, кажется, бревенчатымъ потолкомъ; по крайней мѣрѣ на уровнѣ верхней части стѣнокъ, на пространствѣ окаймленной ими площади, замѣтны были полосы бураго цвѣта, образовавшіяся, повидимому, отъ разложенія дерева. Внутри этой постройки, на почвенномъ слоѣ, оказалась новая четырехугольная кайма, означавшая, судя по объему, мѣсто стоявшаго деревяннаго гроба, который поставленъ былъ въ срединѣ первой постройки. На уровнѣ предполагаемаго потолка найдено было желѣзце, въ родѣ небольшаго шила. На почвенномъ слоѣ, на мѣстѣ предполагаемаго гроба, найдены: желѣзный браслетъ, кусочекъ желѣза отъ неизвѣстнаго предмета и черепки отъ посуды очень грубой работы, найденные въ слоѣ чернаго перегноя съ примѣсью древеснаго угля. Слѣды такой же постройки обнаружены были еще въ двухъ курганахъ; но въ этихъ двухъ случаяхъ онѣ оказались гораздо меньшими по объему, что должно быть поставлено въ связь съ сравнительно

меньшимъ объемомъ курганной насыпи; и кромѣ того здѣсь, вмѣсто гробовой каймы, оказались костяки, лежавшіе въ обычномъ для даннаго типа положеніи, т. е. головою они обращены были на западъ, лицомъ на востокъ.

Въ числѣ особенностей Моховскаго могильника должно еще отмѣтить слѣдующее. Въ четырехъ курганахъ, съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ, найдено было оружіе, состоявшее изъ трехъ желѣзныхъ боевыхъ топоровъ и одного желѣзнаго копья. Всѣ эти предметы найдены были возлѣ берцовыхъ костей правой ноги. Слѣдуетъ также отмѣтить, что такіе, напр., предметы, какъ ручныя кольца, которыя въ курганахъ Мозырскаго уѣзда всегда сдѣланы изъ круглой проволоки, въ Рѣчицкомъ они приготовлялись изъ бронзовыхъ пластинокъ. Въ числѣ украшеній здѣсь попадаются также бляхи, бубенчики, бусы, сдѣланныя изъ витой спиралью бронзовой проволоки, обвитые такою же проволокою шейные обручи (все это найдено въ разложившемся состояніи), словомъ, такіе предметы, которые совершенно не встрѣчались въ курганахъ Мозырскаго уѣзда. Въ самомъ способѣ ношенія украшеній въ Рѣчицкомъ замѣчена слѣдующая особенность: женскія украшенія, повидимому, не подымались выше шеи; такъ что въ этихъ курганахъ не встрѣчаются ни ушныя серьги, ни такъ называемыя височныя и вплетавшіяся въ волосы кольца. Все это наводитъ на мысль, что женщина здѣсь, повидимому, не ходила съ открытою головою.— Какъ особенность Моховскаго могильника, отмѣтимъ еще фактъ присутствія въ одномъ курганѣ, на ряду съ костякомъ взрослаго человѣка (женщины), небольшаго гробика съ останками маленькаго ребенка. Гробикъ стоялъ съ правой стороны и возлѣ него помѣщено было два небольшихъ горшочка: одинъ съ правой стороны, другой, имѣющій форму маленькаго стаканчика или рюмки, возлѣ головы.

Колпенскій могильникъ расположенъ возлѣ деревни Колпени (съ южной стороны), отстоящей на 9 верстъ къ западу отъ мѣстечка Лоева. Площадь, занятая могильникомъ, лѣтъ 10 тому назадъ еще покрыта была густымъ хвойнымъ лѣсомъ, что способствовало сохраненію курганныхъ насыпей. Въ настоящее время, благодаря уничтоженію лѣса, песчаныя насыпи кургановъ подъ вліяніемъ вѣтра почти совершенно уничтожены и находившіеся подъ ними предметы погребальнаго обряда во многихъ курганахъ были обнажены и разнесены мѣстными поселянами. Между прочимъ, въ одномъ курганѣ найдены

были желѣзный топоръ и два такихъ же копья, одно изъ которыхъ въ испорченномъ видѣ мною пріобрѣтено. Могильникъ этотъ расположенъ на краю болота, въ сосѣдствѣ съ большимъ озеромъ. Судя по сохранившимся слѣдамъ, всѣхъ кургановъ въ этой группѣ насчитывалось до 20. Мною обслѣдовано 18; остальные два совершенно уничтожены.

Во всѣхъ обслѣдованныхъ курганахъ этого могильника обрядъ погребенія совершенъ былъ на *почвенномъ* слоѣ. Въ 14 курганахъ обнаружены костяки, въ большинствѣ случаевъ полу-разрушенные, лежавшіе на такомъ же *пепелищѣ*, какое констатировано было и въ Моховскомъ могильникѣ. Въ одномъ курганѣ сохранились лишь слѣды пепелища, безъ костяка, который, по всей вѣроятности, или совершенно разложился или выброшенъ былъ наружу и уничтоженъ. Одинъ курганъ испорченъ былъ при устройствѣ смоляной печи. При обслѣдованіи его однакожъ найдено было двѣ бронзовыхъ бляшки совершенно такихъ же, какія встрѣчались и въ другихъ курганахъ этого могильника. Наконецъ, въ двухъ остальныхъ курганахъ обнаружены костяки—въ одномъ два, въ другомъ одинъ, безъ признаковъ пепелища. Между принадлежностями погребальнаго обряда заслуживаютъ вниманія: присутствіе оружія въ формѣ желѣзныхъ топоровъ и копій, присутствіе посуды и такіе же по характеру своему предметы женскаго украшенія, съ какими мы встрѣчались и въ Моховскомъ могильникѣ. Вообще, Колпеньскій могильникъ, со стороны погребальнаго обряда, представляетъ явленіе, совершенно аналогичное съ Моховскимъ могильникомъ или, по крайней мѣрѣ, съ тою частію кургановъ послѣдняго, въ которыхъ покойники не сожигались, но погребались (собственно зарывались).

Сенской могильникъ расположенъ при деревнѣ *Сенское*, отстоящей на пять верстъ къ югу отъ д. Колпени, въ урочищѣ *Козлово курганье*, находящемся въ разстояніи около 3 верстъ отъ Днѣпра. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитывается до 25. О первоначальной внѣшней формѣ ихъ теперь судить трудно. Съ значительною вѣроятностью можно утверждать, что они имѣли коническую форму съ куполообразными вершинами. Самая большая высота 1 арш. 8 в. Самая обширная окружность 43 арш. Многіе изъ кургановъ теперь распахиваются, причемъ обнаруживаются жженныя кости и изрѣдка попадаются бусы. Мною раскопано 9 кургановъ.

Въ двухъ курганахъ этого могильника обнаружены были *жженныя* кости, смѣшанныя съ золою и древеснымъ углемъ, находившіяся въ *насыпи* кургана, т. е. выше уровня земли. Въ одномъ курганѣ кости собраны были въ *горшокъ* и поставлены въ насыпи на самой незначительной высотѣ, такъ какъ и самъ курганъ оказался приземистымъ. Въ другомъ курганѣ, тоже въ насыпи, на высотѣ около 1 арш., обнаруженъ *цѣлый слой* жженныхъ костей, смѣшанныхъ съ золою и древеснымъ углемъ. Тутъ же найдены черепки отъ разбитаго горшка. Въ остальныхъ *семи* раскопанныхъ курганахъ этого могильника оказались *пепелища,* находившіяся на *почвенномъ* слоѣ, съ значительною примѣсью по мѣстамъ древеснаго угля, и только въ одномъ курганѣ этого типа среди золы обнаружены мелкія частицы пережженныхъ костей. Въ настоящемъ могильникѣ тоже открыто присутствіе оружія; именно, въ курганѣ съ остатками трупосожженія, въ *насыпи*, найденъ желѣзный топоръ.

Изъ Сенскаго могильника я перенесъ свои раскопки въ область р. Брагинки. Здѣсь, на лѣвомъ берегу этой рѣки, между деревнями *Малейки* и *Городище*, расположенъ могильникъ, извѣстный среди мѣстнаго населенія подъ названіемъ *Курганье.* Курганы этой группы разбросаны на сравнительно большомъ пространствѣ по одному, по два и больше. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются значительнымъ объемомъ и достигаютъ до 100 арш. въ окружности и до 4½ аршинъ отвѣсной высоты. По внѣшней формѣ—одни, при широкомъ основаніи, оканчиваются плоскими вершинами, другіе, на оборотъ, при сравнительно небольшомъ основаніи достигаютъ значительной высоты и оканчиваются куполообразными вершинами. Многіе изъ кургановъ этой группы распаханы, другіе разрыты кладоискателями. Возлѣ тѣхъ и другихъ видны слѣды золы, угля и мелкихъ частицъ жженныхъ костей. Всѣхъ кургановъ въ этой группѣ въ настоящее время можно насчитать, если имѣть въ виду и совершенно распаханные, свыше 30. Мною раскопано 6, и въ томъ числѣ самый крупный изъ нихъ.

Отдѣльно отъ этой группы, въ разстояніи около одной версты къ юговостоку, въ урочищѣ *Горки подъ Котловицами*, расположено еще нѣсколько кургановъ, по типу схожихъ съ предыдущими. Вполнѣ сохранились только два изъ нихъ; а на прилегающемъ къ

нимъ пахатномъ полѣ можно указать слѣды еще двухъ другихъ. Въ этой группѣ мною раскопанъ одинъ.

Въ раскопанныхъ курганахъ этого могильника обнаружены были *на почвенномъ слоѣ пепелища*, состоявшія изъ золы и мелкаго угля. Слѣды жженыхъ костей удалось подмѣтить лишь въ одномъ курганѣ. Есть однакожъ основаніе думать, что въ другихъ курганахъ кости не обнаружены не потому, чтобы ихъ тамъ не было, а потому, что ихъ трудно было подмѣтить въ сыромъ перегноѣ. Что это предположеніе вѣроятно, видно изъ того, что во всѣхъ тѣхъ курганахъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ были раскопаны кладоискателями или распаханы плугомъ, подъ воздѣйствіемъ солнца, дождя, вѣтра и другихъ атмосферическихъ вліяній, кости, такъ сказать, вывѣтрились и выступаютъ на поверхности земли въ видѣ микроскопическихъ частичекъ, иногда почти совершенно превратившихся въ известку. Иногда, впрочемъ, между мелкими частицами попадаются и довольно крупныя. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же фактомъ, который раньше отмѣченъ былъ въ Сенскомъ могильникѣ. По свидѣтельству мѣстныхъ крестьянъ, въ одномъ изъ раньше раскопанныхъ кургановъ разсматриваемаго могильника найденъ былъ горшокъ со жженными костями, среди которыхъ попадались и нѣкоторые предметы, напр. цѣпь.

Характерную особенность этого могильника составляетъ фактъ присутствія въ могилахъ *деревянныхъ столбовъ*. Признаки присутствія такихъ же столбовъ еще раньше замѣчены были мною въ нѣкоторыхъ курганахъ Сенскаго могильника; но такъ какъ тамъ они выступали не вполнѣ ясно, то, вслѣдствіе новизны факта, не были поняты; предполагалось, что они были слѣдствіемъ гніенія пней большихъ деревьевъ. При изслѣдованіи же настоящаго могильника вполнѣ выяснилось, что это были не пни, а настоящіе деревянные столбы. Въ нѣкоторыхъ курганахъ ихъ было по два, въ другихъ по одному. Начинаясь въ верхнихъ слояхъ курганной насыпи, они опускались внизъ на аршинъ или полутора аршина *ниже уровня земли*. При круглой формѣ они имѣли около $^1/_2$ аршина въ діаметрѣ. Въ одномъ курганѣ обнаружены были даже куски сосноваго дерева, вертикальное направленіе слоевъ котораго показывало направленіе столбовъ. Въ песчаныхъ насыпяхъ кургановъ деревянные столбы оставили по себѣ слѣды въ видѣ круглыхъ вертикальныхъ слоевъ чернозема.—

Въ этомъ же могильникѣ, именно, въ курганѣ, расположенномъ въ урочищѣ *Горки подъ Котловицами*, найденъ *желѣзный топоръ*, лежавшій на почвенномъ слоѣ среди пепелища.

Шкураты—Пожарки—Микуличи. На правомъ берегу р. Брагинки, по большой почтовой дорогѣ, идущей изъ м. Брагина чрезъ имѣніе Городище въ село Хойники, расположены три вышеназванныя селенія. Между этими селеніями, почти непрерывною цѣпью тянется цѣлый рядъ кургановъ, которые для удобства обозрѣнія могутъ быть раздѣлены на двѣ половины: 1, *къ востоку* отъ селенія Пожарки и 2, *къ западу* отъ него. Всѣ эти могильники расположены въ зарослях, находящихся среди пахатныхъ полей. Многіе курганы, расположенные по краямъ могильниковъ, теперь уже распахиваются. Курганы, расположенные къ *востоку* отъ селенія Пожарки, находятся въ урочищѣ *Горки возлѣ Пашковки* и дѣлятся на двѣ группы: въ одной изъ нихъ насчитывается до 100 кургановъ, въ другой—около 25. Въ свою очередь, курганы, находящіеся къ *востоку* отъ того же селенія, расположенные по пути изъ Пожарокъ въ Шкураты, точно также могутъ быть подраздѣлены на три группы, или вѣрнѣе сказать—они группируются около трехъ отдѣльныхъ центральныхъ пунктовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое отдѣльное центральное ядро: въ *первомъ* изъ нихъ, если вести счетъ отъ Пожарокъ, лежащемъ въ сосѣдствѣ съ теперешнимъ христіанскимъ кладбищемъ этой деревни, насчитывается 36 кургановъ, во *второмъ*—14, и въ *третьемъ*, лежащемъ ближе къ Шкуратамъ—87. Кромѣ этихъ основныхъ могильниковъ, по большой дорогѣ разбросано еще нѣсколько кургановъ, стоящихъ по одному, по два и служащихъ какъ бы связующими звеньями между основными группами. Въ общемъ, въ разсматриваемой мѣстности можно насчитать до 270 кургановъ. Мною произведены раскопки въ каждой изъ выше отмѣченныхъ пяти могильныхъ группъ, причемъ изслѣдовано 35 кургановъ.

Въ могильникѣ, расположенномъ въ урочищѣ *Горки возлѣ Пашковки*, какъ сказано было, слѣдуетъ различать двѣ группы: *бо́льшую* и *меньшую*. Всѣ значительные курганы первой группы окружены полными рвами. Самый крупный изъ нихъ достигаетъ до 2 арш. 4 вершк. высоты, при 60 арш. окружности. Курганныя насыпи, съ внѣшней стороны, имѣютъ видъ полушарій съ приплюснутыми вершинами. Въ раскопанныхъ *семи* курганахъ этой группы

обрядъ погребенія состоялъ въ *трупосожженіи*. Во всѣхъ этихъ курганахъ покойники *сожжены* были *на почвенномъ* слоѣ. Въ одномъ изъ нихъ остатки сожженныхъ костей собраны были въ урну (горшокъ) и оставлены на мѣстѣ сожженія. Въ остальныхъ шести курганахъ собранные остатки сожженныхъ костей найдены были *выше почвеннаго* слоя, на значительной высотѣ въ насыпи кургана. На почвенномъ же слоѣ, т. е. на мѣстѣ сожженія покойниковъ, оказались лишь *пепелища* съ слѣдами дѣйствія сильнаго огня. Затѣмъ, въ двухъ курганахъ кости собраны были въ урны и поставлены на глубинѣ, болѣе чѣмъ на полуаршинъ отъ поверхности насыпи. Въ остальныхъ четырехъ не оказалось урнъ, и только въ одномъ курганѣ попалось нѣсколько черепковъ отъ битой посуды. Въ этихъ четырехъ курганахъ кости оказались ближе къ поверхности насыпи, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ (отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ арш.).—Къ числу выдающихся особенностей настоящаго могильника слѣдуетъ отнести фактъ присутствія въ двухъ курганахъ, среди человѣческихъ костей, *костей животныхъ*: въ одномъ случаѣ замѣчены кости крупнаго травояднаго—быка или лошади, въ другомъ кости небольшаго животнаго --овцы или свиньи. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что и въ *Курганы* Малейки-Городищенскомъ въ одномъ курганѣ найденъ зубъ большаго травояднаго животнаго. Если же принять во вниманіе, что среди мелкихъ остатковъ пережженныхъ костей весьма трудно бываетъ отличить кости животнаго отъ костей человѣка, то за констатированнымъ только что фактомъ придется признать болѣе широкое распространеніе, чѣмъ это обнаружено моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Далѣе, въ двухъ курганахъ этого могильника обнаруженъ фактъ присутствія такихъ же деревянныхъ *столбовъ*, съ какими мы встрѣчались и въ предыдущемъ могильникѣ. При этомъ вполнѣ удалось выяснить, что вершина столба начиналась на той же высотѣ, на какой находилось и небольшое собраніе жженныхъ костей съ кусками разбитаго горшка и что она вполнѣ совпадала съ площадью, занятою костями. Для уясненія взаимнаго отношенія между костями и курганными столбами весьма важно будетъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ. Въ одномъ курганѣ этого же могильника, начиная съ самаго перваго штиха насыпи, до одного аршина глубины, попадались кусочки мелкихъ жженыхъ костей. На глубинѣ $^3/_4$ арш. оказался цѣлый горшокъ со жженными костями, ко-

торыя въ незначительномъ количествѣ попадались еще приблизительно на $^1/_4$ арш. ниже горшка. Какъ объяснить подобный фактъ? Самымъ естественнымъ, по моему мнѣнію, представляется слѣдующее объясненіе. Горшокъ съ костями первоначально, по всей вѣроятности, находился на вершинѣ кургана, гдѣ онъ поставленъ былъ на деревянномъ столбѣ. По мѣрѣ гніенія столба горшокъ съ костями опускался въ глубь насыпи, оставляя на проходимомъ имъ пути частицы содержащихся въ немъ костей. На глубинѣ $^3/_4$ арш. горшокъ встрѣтилъ препятствіе и остановился; но отдѣльныя частицы костей могли легко проникнуть еще на $^1/_4$ арш. глубже. Правда, въ этомъ именно курганѣ присутствіе столба мною не обнаружено; это обстоятельство не можетъ однакожъ служить доказательствомъ того, что его вовсе не было. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ разложенія столба на его мѣстѣ обыкновенно образуется мягкая порохня, которая не въ состояніи бываетъ выдерживать напора окружающей ее разсыпчатой песчаной насыпи и легко смѣшивается съ нею. Прибавьте къ этому порчу курганной насыпи корнями деревьевъ и легко поймете, что обнаружить слѣды присутствія въ курганѣ деревяннаго столба, поставленнаго нѣсколько вѣковъ тому назадъ, бываетъ весьма трудно, а иногда даже совершенно невозможно при самомъ тщательномъ наблюденіи.

Подводя итогъ вышесказанному, можно придти къ слѣдующему заключенію относительно погребальнаго обряда, практиковавшагося въ могильникахъ Пашковскомъ, Малейки-Городищенскомъ и Сенскомъ. На избранномъ мѣстѣ, на поверхности земли, устраивался костеръ, на которомъ сожигался покойникъ съ жертвенными животными или частями ихъ. Не догорѣвшіе остатки костей, между которыми попадаются и принадлежности костюма, собирались въ урну, съ которою поступали троякимъ способомъ: или оставляли ее на мѣстѣ сожженія и сверху насыпали курганъ, или раньше насыпали курганъ и урну ставили на его вершинѣ и сверху присыпали землею, или чаще всего поступали такимъ образомъ, что на мѣстѣ сожженія покойника ставили круглый деревянный столбъ; вокругъ столба дѣлали земляную насыпь; на вершинѣ насыпи, *на столбѣ*, ставили урну. Присыпали-ли урну землею сверху, или оставляли ее открытою, на основаніи сдѣланныхъ мною при раскопкахъ наблюденій, рѣшить трудно. Но, говоря предположительно, представляется всего

вѣроятнѣе, что урна оставлялась открытою, возвышаясь надъ курганомъ, иначе присутствіе въ курганахъ столбовъ не имѣло бы смысла: зачѣмъ было воздвигать столбъ, когда урну и безъ того совершенно удобно было помѣстить на желанной высотѣ въ курганной насыпи. При обзорѣ относящихся сюда письменныхъ свидѣтельствъ предположеніе это получитъ большее обоснованіе. Здѣсь же пока замѣчу, что только при этомъ предположеніи получаетъ вполнѣ правдоподобное объясненіе тотъ фактъ, что во многихъ курганахъ, при несомнѣнныхъ слѣдахъ трупосожженія, встрѣчается почти полное отсутствіе остатковъ сожженнаго покойника. Объяснять этотъ фактъ тщательностью сожженія невозможно, потому что неоднократное наблюденіе археологовъ показываетъ, что наши предки не сожигали своихъ покойниковъ такъ, чтобы отъ нихъ ничего не оставалось. Къ тому же пепелища тѣхъ кургановъ, въ верхнихъ слояхъ которыхъ найдены собранныя кости, по своему характеру представляютъ полную аналогію съ пепелищами тѣхъ кургановъ, въ насыпяхъ которыхъ костей совершенно не обнаружено. Весьма вѣроятно, что здѣсь, какъ и тамъ, послѣ сожженія покойниковъ оставались несовсѣмъ испепелѣвшіе остатки костей и металлическихъ предметовъ; но они тщательно были собраны въ урны и поставлены на столбахъ.

Въ разстояніи около 200 шаговъ отъ предыдущаго могильника, какъ сказано было выше, расположенъ другой, въ которомъ насчитывается до 25 кургановъ. По внѣшнему виду они ничѣмъ не отличаются отъ предыдущихъ. Изъ трехъ раскопанныхъ кургановъ этого могильника въ одномъ, на *почвенномъ* слоѣ, обнаруженъ костякъ въ деревянномъ гробу, сбитомъ желѣзными гвоздями; въ другомъ, тоже на почвенномъ слоѣ обнаружены слѣды разложившагося гроба; въ третьемъ курганѣ ничего не обнаружено. Хотя этихъ данныхъ недостаточно для произнесенія рѣшительнаго сужденія, однакожъ, заключая по аналогіи, можно съ увѣренностью сказать, что по обряду погребенія этотъ могильникъ существенно отличается отъ предыдущаго, чѣмъ и объясняется его изолированное положеніе: здѣсь, повидимому, всѣ покойники погребались на почвенномъ слоѣ и клались головою на западъ, лицомъ на востокъ.

Теперь обратимся къ тремъ могильникамъ, расположеннымъ къ *востоку* отъ деревни Пожарокъ.

Изъ 8 кургановъ, раскопанныхъ въ *первомъ* могильникѣ, въ двухъ ничего не найдено; въ одномъ покойникъ погребенъ былъ въ *ямѣ* глубиною въ 1 арш., въ деревянномъ гробу; въ остальныхъ пяти покойники похоронены были на *почвенномъ* слоѣ въ деревянныхъ гробахъ. Нѣкоторые изъ этихъ гробовъ сохранились такъ прекрасно, что есть возможность способъ приготовленія ихъ описать съ полною точностью. Толщина колотыхъ сосновыхъ досокъ доходила до 2 вершковъ; концы ихъ отрублены были острымъ орудіемъ, правдоподобнѣе всего топоромъ. Гробы сдѣланы были изъ двухъ продольныхъ досокъ, двухъ поперечныхъ и верхней крышки; но нижней гробовой доски подмѣтить не удалось. Поперечныя доски поставлены были вертикально; продольныя же въ нѣкоторыхъ гробахъ оказались гораздо длиннѣе, чѣмъ это нужно было, такъ что въ головахъ и ногахъ оставались свободные концы длиною, около $^1/_2$ аршина. Гробы сбиты были желѣзными гвоздями. Любопытно то, что гробъ такого же приготовленія оказался и въ той могилѣ, гдѣ покойникъ погребенъ былъ въ *ямѣ*. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій фактъ *обжиганія гробовъ*, съ полною ясностью выступившій въ четырехъ курганахъ. Обжиганіе совершалось такимъ образомъ. Приготовленный изъ толстыхъ деревянныхъ досокъ гробъ сверху обкладывался толстымъ слоемъ березовой коры, которая въ одномъ случаѣ прибита была къ верхней крышкѣ гроба желѣзнымъ гвоздемъ; затѣмъ березовая кора зажигалась. Когда кора воспламенялась и гробъ обугливался, его засыпали землею, послѣ чего огонь конечно потухалъ. Этимъ обжиганіемъ наши предки, очевидно, старались достигнуть того, что теперь достигается посредствомъ герметически закупоренныхъ гробовъ: обугленный гробъ, во первыхъ, самъ не скоро подвергался гніенію, во вторыхъ, онъ предохранялъ содержимое въ немъ отъ вліянія сырости.

Изъ раскопанныхъ пяти кургановъ *второй* Пожарковской группы въ двухъ покойники лежали въ *ямахъ*, изъ которыхъ одна имѣла въ глубину 1 арш., другая только $^1/_4$ арш.; въ остальныхъ трехъ покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ въ деревянныхъ гробахъ, сбитыхъ желѣзными гвоздями (въ двухъ случаяхъ).

Наконецъ въ *третьей* Пожарковской группѣ раскопано было 13 кургановъ. Въ шести изъ нихъ покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ, въ другихъ шести—*въ ямахъ*, глубина которыхъ не

вездѣ была одинакова: начиная отъ $^1/_2$ арш., она доходила до 2 арш. 10 в. Въ послѣднемъ случаѣ, при указанной глубинѣ, яма имѣла 5 арш. 5 вершк. въ длину и 3 арш. 4 в. въ ширину, такъ что представляла изъ себя нѣчто въ родѣ погребальной камеры. Такая глубина ямы въ данномъ случаѣ объясняется желаніемъ совершить погребальный обрядъ на подпочвенномъ слоѣ изъ бѣлаго песку. Во всѣхъ 12 курганахъ покойники лежали головами на западъ. Слѣды гробовъ обнаружены въ трехъ курганахъ: въ двухъ—съ погребеніемъ въ ямахъ и въ одномъ—съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ. Въ одномъ изъ первыхъ двухъ случаевъ гробъ обложенъ былъ березовою корою.—Между предметами погребальнаго обряда ничего типичнаго во всѣхъ трехъ послѣднихъ группахъ не найдено. Можно отмѣтить развѣ фактъ присутствія въ одномъ женскомъ ожерельи *аметистовыхъ* бусъ, которыя для данной мѣстности составляютъ большую рѣдкость. Посуда встрѣчается лишь въ видѣ отдѣльныхъ черепковъ и то въ насыпяхъ кургановъ.

Бросая общій взглядъ на данныя, добытыя при раскопкѣ трехъ послѣднихъ могильниковъ, которые составляютъ какъ бы три группы одного могильника, нельзя не обратить вниманія на отсутствіе единства въ формѣ погребальнаго обряда. Въ виду того, что съ погребальнымъ обрядомъ соединялось извѣстное религіозное представленіе, закрѣплявшее выработанную норму, разнообразіе формъ погребальнаго обряда въ одномъ и томъ же могильникѣ является фактомъ, надъ которымъ должно остановиться вниманіе археолога. Курганы съ погребеніемъ въ ямахъ стоятъ на ряду съ курганами, въ которыхъ покойники погребены на поверхности земли, при чемъ курганы обоихъ этихъ типовъ такъ перемѣшаны между собою, что провести между ними какую нибудь грань нѣтъ никакой возможности. А между тѣмъ на ряду съ этими двумя формами здѣсь встрѣчается еще третья—форма обжиганія гробовъ. Любопытно то, что въ одномъ курганѣ съ обжиганіемъ огонь проникъ внутрь гроба, такъ что костякъ оказался сильно обуглившимся. Итакъ, еще одно мгновеніе и средство, употреблявшееся для сбереженія покойника, совершенно уничтожило бы его, и обрядъ зарыванія въ землю превратился бы, вопреки желанію погребавшихъ, въ обрядъ трупосожженія. Этотъ фактъ тѣмъ интереснѣе, что нѣчто аналогичное съ нимъ уже раньше встрѣчалось въ Моховскомъ могильникѣ. Во всякомъ

случаѣ для насъ важно то, что люди, хоронившіе своихъ покойниковъ на одномъ общемъ кладбищѣ и можетъ быть жившіе въ одномъ селеніи, одни зарывали покойниковъ въ землю, другіе хоронили ихъ на поверхности земли, третьи сверхъ того еще обжигали гробы, въ которыхъ покойники погребались. Какъ объяснить это явленіе, объ этомъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Урочище *Горки возлѣ Микуличскаго двора.* Могильникъ, носящій это названіе, находится къ западу отъ с. Микуличи возлѣ усадьбы Микуличскаго фольварка. Онъ является какъ бы продолженіемъ линіи, по которой растянулись выше разсмотрѣнные группы кургановъ, и отстоитъ не больше трехъ верстъ къ западу отъ Пашковскаго могильника. Площадь, занятая микуличскими курганами, покрыта лѣсомъ, одиноко брошеннымъ среди пахатнаго поля. Между курганами этого могильника встрѣчается нѣсколько большихъ, крупнѣйшіе изъ которыхъ достигаютъ до $3^1/_2$ арш. отвѣсной высоты и до 70 арш. въ окружности, при чемъ большіе не сгруппированы вмѣстѣ, а безъ всякой системы окружены средними и малыми. Многіе изъ нихъ, не только большіе, но и малые, окружены рвами. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитано 52, и кромѣ того отдѣльно въ полѣ расположено еще 8: въ одномъ мѣстѣ 1, въ другомъ 2, въ третьемъ 5. Мною раскопано 10 кургановъ изъ главной группы и 3 изъ числа 5-ти.

Раскопанные курганы Микуличскаго могильника дѣлятся на двѣ категоріи: въ десяти изъ нихъ покойники погребены были въ *ямахъ,* въ трехъ на *почвенномъ* слоѣ. Послѣдніе три относятся къ главной группѣ и принадлежатъ къ разряду незначительныхъ по объему, такъ что съ значительною вѣроятностью можно утверждать, что если не во всѣхъ, то въ большинствѣ малыхъ по объему кургановъ, практиковался обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ, тогда какъ въ самыхъ крупныхъ изъ нихъ несомнѣнно покойники хоронились въ ямахъ. Особенность кургановъ этого втораго типа состоитъ въ значительной *сложности* погребальнаго обряда, чѣмъ Микуличскій могильникъ вообще выдѣляется изъ ряда другихъ могильниковъ, изслѣдованіемъ которыхъ я занимался. Сложность эта выступаетъ прежде всего въ устройствѣ могилъ. Обычныя въ этой мѣстности короткія и узкія ямы, приспособленныя обыкновенно къ величинѣ гроба, здѣсь значительно увеличиваются въ объемѣ, такъ что, по

опущеніи въ нихъ гроба, кругомъ остается еще значительное пустое пространство, величина котораго не можетъ быть однакожъ подведена подъ опредѣленную норму. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ разсматривать и то обстоятельство, что полагаемыя въ могилу принадлежности погребальнаго обряда кладутся частію въ гробу при самомъ покойникѣ, частію же отдѣльно, внѣ гроба. Особенно важно то, что даже такіе предметы, какъ огниво, кремень, сѣра и губка, встрѣчающіеся въ другихъ могильникахъ обыкновенно у бедра покойника въ особой сумкѣ, здѣсь, наряду съ нѣкоторыми другими принадлежностями имущества покойника, кладутся внѣ гроба, отдѣльно. Къ числу особенностей этого могильника слѣдуетъ отнести также употребленіе извести, какъ для обмазыванія стѣнокъ могилъ, которыя въ такомъ случаѣ приближаются къ могильнымъ склепамъ, такъ и для засыпанія гробовъ. Въ крупныхъ по объему курганахъ известка начинаетъ попадаться на поверхности ямъ; чѣмъ глубже, тѣмъ количество ея увеличивается и, наконецъ, вокругъ гроба она преобладаетъ; но любопытно то, что известка въ данномъ случаѣ употреблялась въ сыромъ видѣ, не пережженная или мало обожженная. Въ виду полнаго отсутствія въ данной мѣстности извести (свидѣтельство мѣстнаго помѣщика), фактъ употребленія ея при похоронахъ показываетъ, что обычай этотъ развился, по всей вѣроятности, гдѣ то въ другой мѣстности и что народъ, державшійся этого обычая, повидимому, еще сравнительно недавно появился въ данной области, и, встрѣтившись здѣсь съ затрудненіями относительно поддержанія этого обычая, сталъ измѣнять его, что выразилось въ томъ, что въ нѣкоторыхъ могилахъ известка замѣняется березовой корой,—фактъ, не составляющій исключенія въ данной мѣстности.—Есть много характернаго и въ предметахъ, которые попадаются въ курганахъ микуличскаго могильника. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ отмѣтить сравнительно значительный процентъ кургановъ съ оружіемъ: въ четырехъ курганахъ (изъ 13) найдены желѣзные топоры, находившіеся у праваго или лѣваго бедра; и кромѣ того въ одномъ изъ этихъ же четырехъ кургановъ найденъ сравнительно длинный желѣзный ножъ, находившійся у лѣвой берцовой кости (засапожный), который скорѣе можетъ быть отнесенъ къ разряду оружія, чѣмъ къ орудіямъ домашняго обихода: по крайней мѣрѣ, и по своей длинѣ (самое лезвіе $3^1/_2$ вершка), и по своему мѣстонахожденію онъ отли-

чается отъ тѣхъ поясныхъ ножиковъ, которые попадаются почти въ каждомъ славянскомъ курганѣ. Въ связи съ оружіемъ естественнѣе всего упомянуть и найденныя въ одномъ курганѣ лошадиныя удила съ мундштукомъ. Въ этомъ же курганѣ найдены, между прочимъ, небольшіе вѣсы съ находившимся при нихъ вѣсовымъ камнемъ съ особаго рода рисункомъ на немъ. Къ числу особенностей этого могильника слѣдуетъ отнести также и нѣсколько предметовъ, приготовленныхъ изъ *рога* и *кости*. Сюда принадлежатъ: рукоятка, кажется, отъ желѣзнаго шила, приготовленная изъ рога дикаго козла; два куска лосинаго рога, предназначавшихся, повидимому, служить укрѣпленіемъ дуги лука; небольшой цѣлый рогъ, кажется быка, служившій чѣмъ-то въ родѣ наконечника копья; по крайней мѣрѣ, въ концѣ его продѣлана небольшая дырочка для прикрѣпленія къ оконечности древка; небольшой плоскій конецъ рога съ дырочкой, находившійся въ деревянной оправѣ, и двѣ костяныхъ фибулы, служившихъ застежками для верхняго платья. Въ нѣсколькихъ курганахъ оказались деревянныя въ желѣзной оковкѣ ведра, при чемъ одно изъ нихъ по краямъ украшено было серебряными бляшками; одна изъ такихъ бляшекъ прибита въ центрѣ внутренней стороны дна. Между ручными кольцами нѣсколько оказалось бронзовыхъ *литыхъ*. Что же касается, далѣе, кургановъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ, то незначительному объему ихъ насыпей соотвѣтствуетъ бѣдность ихъ внутренняго содержанія, а поэтому всего естественнѣе будетъ предположить, что они принадлежали низшему классу мѣстнаго населенія.

Мѣстечко Холмечъ. Микуличскій могильникъ былъ самымъ западнымъ пунктомъ въ моихъ настоящихъ изысканіяхъ. Отсюда я возвратился опять на Днѣпръ, въ м. Холимечь (иначе Холмычъ), отстоящее приблизительно на 25 верстъ къ сѣверу отъ м. Лоева. М. Холмечь расположено на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра. Западною стороною оно близко подходитъ къ помѣщичьей усадьбѣ имѣнія Дубовицы, съ восточной стороны оно почти незамѣтно переходитъ въ деревню Заужелье, вытянувшуюся вдоль Днѣпра, въ пунктѣ соприкосновенія съ которою образуется прямой уголъ, обращенный открытою стороною на юго-западъ. По прямой, соединяющей концы линій, образующихъ этотъ уголъ, т. е. отъ имѣнія Дубовицы до южнаго конца с. Заужелья, вытянулась значительная группа кургa-

новъ, которая распадается на два могильника, раздѣленныхъ пространствомъ около одной версты: 1, *возлѣ Дубовицы* и 2, *возлѣ Заужелья*. Въ первомъ могильникѣ насчитывается около 113 кургановъ, во второмъ около 70. Въ первомъ, въ свою очередь, можно отмѣтить нѣсколько центровъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга значительной глубины ярами. Вокругъ многихъ кургановъ обѣихъ группъ замѣтны рвы. Самые крупные изъ нихъ достигаютъ до $2^1/_2$ арш. высоты и до 70 арш. въ окружности. Однообразіе внѣшней формы отсутствуетъ. Въ Холмечскомъ могильникѣ мною раскопано 29 кургановъ: 13 въ дубовицкой группѣ и 16 въ заужельской.

Изъ 13 кургановъ дубовицкой группы въ *одномъ* открыты признаки *трупосожженія:* на почвенномъ слоѣ оказалась куча пережженныхъ костей, смѣшанныхъ съ золою и древеснымъ углемъ. Въ *двухъ* курганахъ оказались *груды костей разныхъ животныхъ*. Въ остальныхъ *десяти* покойники погребены были на *почвенномъ слоѣ* съ обычнымъ обращеніемъ головы на западъ. Нѣкоторые покойники положены были въ деревянныхъ гробахъ, сбитыхъ желѣзными гвоздями. Одинъ гробъ обложенъ былъ березовою корою; возлѣ этого же гроба обнаружены слѣды извести. Въ этомъ именно гробу, поверхъ костяка женщины, длиною 2 арш. 6 в., обнаруженъ былъ костякъ маленькаго ребенка, лежавшаго на большомъ костякѣ такъ, что головка его приходилась возлѣ лѣваго плеча женщины, а ножки—возлѣ праваго бедра. Правою рукою женщины ребенокъ придерживался въ верхней своей части, лѣвою—въ нижней. Головной черепъ женщины въ лобной своей части съ лѣвой стороны прибитъ былъ тупымъ орудіемъ. Изъ предметовъ, найденныхъ въ этихъ курганахъ, заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующіе. Въ двухъ курганахъ найдены желѣзные топоры: одинъ большой, т. е. обыкновенный по величинѣ, другой маленькій въ родѣ маленькаго молотка, длиною $1^1/_2$ вершка и шириною (у лезвія) 1 вершокъ. Въ двухъ курганахъ найдены чашки изъ кости мѣстной черепахи: въ одномъ курганѣ—двѣ, въ другомъ—одна. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ два кургана, наполненные костями животныхъ. Оба они принадлежатъ къ числу самыхъ крупныхъ въ могильникѣ. Въ одномъ изъ нихъ, въ насыпи кургана, на глубинѣ 1 арш. отъ поверхности насыпи, оказалась громадная куча костей, между которыми ясно удалось отличить: шесть головъ быка, двѣ головы лошади, три головы домашней козы и массу дру-

гихъ костей, принадлежавшихъ названнымъ животнымъ. Всѣ эти кости свалены были въ безпорядкѣ. Ниже костей, на самой поверхности земли (высота насыпи 2 арш. 6 в.), обнаружены были слѣды круглой ямы, которая на глубинѣ 1 аршина имѣла до $2^1/_2$ арш. въ діаметрѣ. На днѣ ямы, состоявшей изъ бѣлаго песку, составляющаго подпочвенный слой, оказалась подстилка изъ березовой коры. Въ этой-то ямѣ оказалась новая, уже небольшая кучка костей, среди которыхъ удалось подмѣтить нѣсколько головъ овцы и одну голову свиньи. Въ другомъ курганѣ того же типа (высота 2 арш. 9 в., окр. 69 арш.), на почвенномъ слоѣ, съ сѣверной стороны, обнаружено кострище, остатки котораго, состоящіе изъ угля и жженыхъ костей, собраны вмѣстѣ; тутъ же по одиночкѣ разбросаны были куски разбитаго глинянаго горшка, сдѣланнаго на гончарномъ станкѣ. Въ центрѣ кургана, въ нѣкоторомъ углубленіи, оказалась масса костей быка, свиньи, собаки, волка (?) и множество костей птицъ, начиная отъ гуся и оканчивая самыми мелкими породами. Ниже, подъ костями, оказались куски смѣшанной съ золою глины, подвергшейся сильному дѣйствію огня. Эти почти окаменѣвшія груды глины представляютъ, очевидно, слѣды огнища, которое находилось гдѣ-то по сосѣдству и на которомъ, вѣроятно, приготовлялись въ пищу всѣ указанныя животныя и птицы. Подъ насыпью этого же кургана, съ восточной стороны, обнаруженъ большой запасъ березовой коры, которая, повидимому, въ данномъ случаѣ замѣняла дрова. Въ промежуткѣ между складомъ коры и грудой костей найдено бронзовое литое колечко съ прикрѣпленнымъ къ нему угольком, яснымъ доказательствомъ того, что кольцо находилось въ огнѣ и принадлежало, вѣроятно, сожженному покойнику.—Таково содержаніе обоихъ этихъ кургановъ. Во второмъ курганѣ почти все понятно: кострище обнаруживаетъ слѣды совершеннаго трупосожженія; кости птицъ и животныхъ представляютъ остатки богатой тризны; груды обожженной глины говорятъ о мѣстѣ, на которомъ справлялась тризна; березовая кора служила прекраснымъ горючимъ матеріаломъ при совершеніи тризны; а можетъ быть березовая кора играла видную роль и при сожженіи покойника. Но что сказать о первомъ курганѣ? Допустимъ, что кости животныхъ этого кургана точно также представляютъ остатки похоронной тризны. Допустимъ также, что самъ покойникъ, по которомъ совершалась эта тризна, погребенъ гдѣ ни-

будь по сосѣдству, подъ другимъ курганомъ. Но что значитъ второе собраніе костей животныхъ, погребенныхъ въ нижнемъ ярусѣ, при обстановкѣ, говорящей о большомъ къ нимъ вниманіи погребавшихъ? Эти кости не просто засыпаны были землею; они погребены были совершенно такъ же, какъ погребались люди. Уже самое отдѣленіе костей нижнаго яруса отъ костей верхняго яруса показываетъ, что между ними была какая-то разница. Не умѣя объяснить этого факта, я позволю себѣ высказать лишь слѣдующую догадку. Въ Минской губерніи по мѣстамъ попадаются каменныя изображенія разныхъ живыхъ существъ. Мнѣ, напр., лично приходилось видѣть изображеніе каменнаго змія. Извѣстенъ также фактъ существованія каменнаго гуся. Эти каменныя изображенія, конечно, ничто иное, какъ языческіе идолы. Такое объясненіе не противорѣчитъ существующему взгляду на воззрѣніе Славянъ на природу. Но если у нашихъ предковъ существовали изображенія боготворимыхъ существъ, то, конечно, могли существовать и религіозные культы въ честь ихъ. Нельзя-ли, поэтому, въ содержимомъ настоящаго загадочнаго кургана видѣть слѣды проявленія религіознаго культа въ честь какого нибудь животнаго? Возможно, напр., что въ этомъ курганѣ погребено было какое нибудь священное животное, вмѣстѣ съ которымъ зарыты были и другія животныя по аналогіи съ тѣмъ, какъ, напр., съ знатными людьми погребали ихъ рабовъ, женъ, ихъ имущество и т. д. Къ сожалѣнію, оказавшіяся въ ямѣ кости найдены были въ такомъ положеніи и состояніи, что разобраться въ нихъ было трудно. На основаніи того общаго впечатлѣнія, которое получилось при вскрытіи этого кургана, я рисую себѣ слѣдующую картину, за соотвѣтствіе которой дѣйствительности однакожъ не ручаюсь. Сначала, повидимому, изрѣзано было въ куски нѣсколько мелкихъ животныхъ (овецъ и свиней), которыя брошены были на дно ямы и сверху присыпаны были землею. Затѣмъ, повидимому цѣликомъ, положено было новое животное болѣе нѣжнаго сложенія, можетъ быть собака (голова не отыскана), и опять присыпано было землею. Далѣе слѣдовалъ остовъ домашней козы, которая, повидимому, зарыта была въ стоячемъ положеніи, потому что голова ея оказалась выше остальныхъ костей. Значительно выше, наконецъ, закопана была главная масса костей, которыя, по всей вѣроятности, были остаткомъ совершеннаго пиршества.—Если же оставить въ сторонѣ все то, что от-

носится къ области лишь вѣроятнаго и что могло явиться слѣдствіемъ разнаго рода случайностей, то все же несомнѣннымъ въ разсматриваемомъ курганѣ должно быть признано то, что дно ямы съ особымъ вниманіемъ приготовлено было къ погребенію одного или нѣсколькихъ животныхъ, съ которыми въ сознаніи погребавшихъ соединялось какое то особенное представленіе.

Изъ 16 кургановъ Заужельскаго могильника въ двухъ прямыхъ слѣдовъ погребальнаго обряда не обнаружено, въ трехъ оказались *кострища на почвенномъ* слоѣ, а въ остальныхъ 11 найдены костяки, лежавшіе *на почвенномъ слоѣ* въ обычномъ направленіи, при полномъ почти отсутствіи гробовъ; только въ одномъ курганѣ обнаружены слѣды разложившихся гвоздей, которыми, вѣроятно, сбитъ былъ деревянный гробъ. Изъ предметовъ, найденныхъ въ этомъ могильникѣ, бросаются въ глаза, во первыхъ, чашка головнаго черепа, лежавшая возлѣ правой руки покойника, у головы котораго сваленъ былъ остовъ другаго человѣка съ остальною частью головныхъ костей, во вторыхъ, арабская серебрянная монета X вѣка и византійская монета Константина Порфиророднаго (948—959).

Въ разстояніи около 14 верстъ къ сѣверу отъ м. Холмечь лежитъ дер. *Левашки*. Къ сѣверу отъ этой деревни, вблизи фольварка *Бригидово*, расположенъ могильникъ въ урочищѣ *Казаковъ Садъ*, которое находится на правомъ высокомъ берегу Днѣпра и отдѣляется отъ послѣдняго луговою полосою. Площадь, занятая могильникомъ, покрыта густымъ молодымъ дубнякомъ, необыкновенная густота котораго не позволила точно опредѣлить числа кургановъ. Говоря приблизительно, ихъ здѣсь насчитывается до 150. Почти всѣ курганы этой группы отличаются хорошею сохранностью; многіе оканчиваются острыми вершинами; около многихъ видны слѣды рвовъ. Самые крупные изъ нихъ достигаютъ до $4^1/_2$ арш. высоты и больше 80 арш. въ окружности.—По сосѣдству съ этимъ главнымъ могильникомъ, на пахатномъ полѣ, расположены еще двѣ группы, изъ которыхъ одна совершенно распахана; другая, нѣсколько болѣе сохранившаяся, находится вблизи самой усадьбы Бригидово. По объему курганы этой группы незначительны; нѣкоторые изъ нихъ кругомъ опаханы, другіе совсѣмъ распаханы. Всѣхъ ихъ въ настоящее время можно насчитать до 25; они группируются около двухъ центровъ, раздѣленныхъ пространствомъ приблизительно въ 100 аршинъ. Въ урочищѣ

Казаковъ Садъ раскопано 13 кургановъ, а въ Бригидовскомъ могильникѣ только 3.

Изъ 13 кургановъ, раскопанныхъ въ урочищѣ Казаковъ Садъ, въ двухъ слѣдовъ погребальнаго обряда не обнаружено, въ другихъ двухъ покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ въ обычномъ направленіи; а въ остальныхъ 9 курганахъ оказались слѣды *трупосожженія:* кострища оказались на *поверхности земли;* здѣсь сожжены были покойники и здѣсь же оставлены были собранные въ кучу остатки кострищъ съ пережженными костями. Почти во всѣхъ этихъ курганахъ попадались куски битыхъ глиняныхъ горшковъ, въ которыхъ, судя по нѣкоторымъ примѣтамъ, приносился огонь для зажиганія костра. Между этими 9 курганами одинъ оказался съ такими особенностями, которыя даютъ право отнести его къ разряду такъ называемыхъ *этажныхъ*. По объему онъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ въ могильникѣ (Выс. 4 арш. 2 в. Окр. 81 арш.). На глубинѣ одного аршина отъ поверхности насыпи, ближе къ южной сторонѣ кургана, найденъ костякъ, обращенный головою на западъ. Сѣвернѣе его, на томъ же уровнѣ, обнаруженъ другой костякъ, положенный въ томъ же направленіи; у праваго бедра этого костяка найденъ обычный желѣзный ножикъ. На этомъ же уровнѣ оказались черепки отъ большаго глинянаго сосуда. Ниже, на глубинѣ около $1^1/_2$ арш. отъ поверхности насыпи, оказалось кострище съ остатками сожженныхъ костей. На самомъ почвенномъ слоѣ обнаружены слѣды другаго кострища или вѣрнѣе—пепелища; въ самомъ центрѣ кургана найденъ слой золы около $^1/_4$ арш. толщиною, въ которомъ попадались микроскопическія частицы сожженныхъ костей. Толщина слоя, въ направленіи отъ центра къ периферіи, уменьшалась. Самая зола въ разныхъ мѣстахъ окрашена была въ разные цвѣта—слѣды сожженныхъ предметовъ. Итакъ, въ этомъ курганѣ совершенно ясно выступаютъ три отдѣльныхъ яруса и двѣ существенно отличныхъ формы погребальнаго обряда. Самый обрядъ трупосожженія въ среднемъ ярусѣ, повидимому, не тотъ, что въ нижнемъ ярусѣ. Въ нижнемъ ярусѣ покойникъ сожженъ былъ на большомъ огнѣ, который испепелилъ множество предметовъ, сожженныхъ съ покойникомъ. Объ этомъ говоритъ толстый слой золы, перемѣшанный съ разноцвѣтными остатками какихъ-то не только органическихъ вообще, но и животныхъ, предметовъ. Тутъ, повидимому, мы

имѣемъ дѣло съ тою формою погребальнаго обряда, которая описана у извѣстнаго арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана. Продолговатая форма центральной части пепелища напоминаетъ извѣстіе Ибнъ-Фодлана о сожженіи въ ладьѣ. Пышной формѣ погребальнаго обряда соотвѣтствуетъ и объемъ насыпи кургана, который, судя по основанію (81 арш. въ окружности), принадлежалъ къ разряду самыхъ большихъ не только въ данномъ могильникѣ, но и во всей разсматриваемой области. Что же касается кострища втораго яруса, то оно по своему типу ничѣмъ не отличается отъ кострищъ, которыя встрѣчаются и въ другихъ курганахъ этого могильника и которыя характеризуются тонкимъ слоемъ пепелища и грубыми остатками сожженнаго дерева и костей. Если бы пепелищу нижняго яруса нужно было отыскать аналогію, то его всего естественнѣе было бы сравнить съ пепелищами, которыя встрѣтились раньше въ Малейки-Городищенскомъ могильникѣ.—Что касается, наконецъ, погребальнаго обряда самаго верхняго яруса, то онъ носитъ на себѣ всѣ признаки формы, съ которою постоянно приходится встрѣчаться въ курганахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ и которая встрѣчается и въ разсматриваемомъ могильникѣ. Всѣ эти данныя даютъ основаніе для слѣдующихъ выводовъ. Прежде всего нельзя признать этотъ курганъ фамильнымъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы члены одной и той же семьи погребались по различному обряду. Нельзя даже допустить и того, чтобы покойники всѣхъ трехъ ярусовъ принадлежали одному и тому же этнографическому типу. Дѣло въ томъ, что ближайшіе по времени односельчане никогда не позволили бы себѣ воспользоваться прежней могилой для погребенія новаго покойника, такъ какъ это значило бы выказать невниманіе къ памяти прежняго покойника. Не могли этого сдѣлать и отдаленные потомки уже по тому одному, что покойники верхняго яруса погребены по обряду, который по всей справедливости признается болѣе древнимъ по своей формѣ, чѣмъ тотъ обрядъ, по которому погребенъ покойникъ самаго нижняго яруса: зарываніе въ землю несомнѣнно древнѣе, чѣмъ трупосожженіе. Такую несообразность всего естественнѣе объяснить тѣмъ, что населеніе, положившее основаніе данному могильнику, позднѣе смѣнено было населеніемъ инаго этнографическаго типа, которое придерживалось другой формы погребальнаго обряда и которое не постѣснилось уже существовавшими могилами, по край-

ней мѣрѣ крупнѣйшими изъ нихъ, воспользоваться для погребенія своихъ покойниковъ. Эта догадка находитъ подтвержденіе въ хорошо извѣстныхъ нашей археологіи аналогіяхъ. Въ южнорусскихъ, напр., степяхъ постоянно встрѣчаются курганы, въ которыхъ въ нижнихъ ярусахъ покойники погребены по всѣмъ правиламъ такъ называемаго скиѳскаго погребальнаго обряда, а въ верхнихъ ярусахъ встрѣчаются покойники несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, иногда даже съ признаками христіанскаго погребенія. Не лишне будетъ отмѣтить и слѣдующій фактъ. Въ одномъ изъ кургановъ этого же могильника съ обрядомъ зарыванія въ землю найдено двѣ арабскихъ монеты конца X вѣка, слѣдовательно курганъ этотъ могъ быть насыпанъ или въ самомъ концѣ X в., или, всего вѣроятнѣе, въ началѣ XI в. Къ этому же приблизительно времени должно быть отнесено и погребеніе верхняго яруса разсматриваемаго кургана, гдѣ покойники, какъ сказано, были тоже не сожжены, а просто зарыты. А это время въ нашей исторіи было такой эпохой, когда этнографическій составъ населенія могъ измѣняться уже подъ вліяніемъ искусственной княжеской колонизаціи. На всѣхъ этихъ соображеніяхъ я останавливаюсь потому, что они проливаютъ хоть нѣкоторый свѣтъ на причину той пестроты формъ погребальнаго обряда, съ которыми археологъ встрѣчается въ предѣлахъ изучаемой области.

Изъ трехъ кургановъ Бригидовскаго могильника въ двухъ покойники погребены были въ *ямахъ*, а въ одномъ на *почвенномъ* слоѣ. Первые два принадлежатъ къ одному выше указанному центру, а третій—къ другому.

Изъ Бригидова раскопки перенесены были мной въ д. *Яновку*. Могильникъ, расположенный при этой деревнѣ, находится въ урочищѣ *Пасѣка*, на полѣ, недавно разчищенномъ изъ-подъ лѣса, и отстоитъ отъ Левашевско-Бригидовскихъ могильниковъ приблизительно на пять верстъ къ западу. Въ настоящее время значительная часть кургановъ этой группы распахана; нераспаханныхъ можно насчитать до 16. Мною раскопано 13. Самые крупные изъ нихъ достигаютъ до двухъ аршинъ высоты при 40 арш. въ окружности. Первоначальная форма насыпей подверглась сильному измѣненію.

Во всѣхъ раскопанныхъ мною курганахъ покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ въ обычномъ направленіи съ запада на востокъ. Костяки въ большинствѣ случаевъ подверглись сильному

разложенію и найдены въ безпорядкѣ. Въ большей части кургановъ найдены разбитые горшки, находившіеся на одномъ уровнѣ съ костяками, но не занимавшіе въ отношеніи къ нимъ одного опредѣленнаго положенія. Въ одномъ курганѣ, на ряду съ костякомъ, въ сѣверо-западномъ углу, найдено небольшое собраніе *обожженныхъ* костей и тутъ же куски разбитаго горшка. Были-ли это кости человѣка, или животнаго, опредѣлить нельзя было. Въ другомъ курганѣ оказалось два костяка, лежавшіе рядомъ параллельно другъ другу. Наконецъ, въ третьемъ курганѣ нижняя часть костяка оказалась въ такомъ положеніи, какъ будто бы покойникъ при погребеніи поставленъ былъ на колѣняхъ. Между предметами этого могильника заслуживаютъ вниманія характерные бубенчики выше указаннаго типа.

Къ сѣверо-востоку отъ д. Яновки, въ разстояніи около 4 верстъ отъ нея, лежитъ д. *Адамовка*, а въ сосѣдствѣ съ нею, въ томъ же направленіи отъ Яновки, расположены еще два селенія: дер. *Степановка* и село *Заспа*. Площадь, находящаяся между этими тремя селеніями, представляетъ равнину, насколько помнитъ мѣстное населеніе, никогда не бывшую подъ большимъ лѣсомъ. На этой равнинѣ, которая къ центру нѣсколько возвышается, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ Днѣпра, расположены 4 группы кургановъ: двѣ изъ нихъ лежатъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ деревнями Адамовкой и Степановкой; другія двѣ, какъ бы параллельныя первымъ, расположены въ разстояніи около $^1/_4$ версты къ сѣверо-востоку отъ первыхъ, ближе къ с. Заспѣ, и занимаютъ самый возвышенный пунктъ настоящей равнины; такъ что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ двѣ адамовскихъ и двѣ степановскихъ группы. Многіе изъ здѣшнихъ кургановъ совершенно распаханы; уцѣлѣвшіе сохранили форму полушарій то съ тупыми, то съ болѣе острыми вершинами. Болѣе другихъ уцѣлѣла Степановская группа № 1, т. е. ближайшая къ деревнѣ. Къ этой же группѣ принадлежитъ и самый большій курганъ по объему, достигающій до 4 арш. высоты при 71 арш. въ окружности. Въ центрѣ четырехъугольника, образуемаго четырьмя указанными курганными группами, поле, на пространствѣ около трехъ десятинъ, усѣяно *черепками отъ глиняной посуды*; по способу приготовленія значительная часть черепковъ носитъ на себѣ слѣды очень грубой, первобытной работы. Всѣхъ кургановъ въ этихъ четырехъ могильникахъ насчитано 202. По отдѣльнымъ группамъ они распредѣляются та-

кимъ образомъ: въ адамовской группѣ № 1 всѣхъ кургановъ 33, мною раскопано 9; въ адамовской № 2 всѣхъ 40, раскопано 10; въ степановской № 1 всѣхъ 97, раскопано 15, въ степановской № 2 всѣхъ 32, раскопанъ только 1. Слѣдовательно, всѣхъ кургановъ въ этихъ четырехъ группахъ мною раскопано 35.

Господствующей формой погребенія во всѣхъ этихъ могильникахъ былъ обрядъ погребенія на *почвенномъ* слоѣ. Отступленіе отъ этой нормы встрѣтилось лишь въ 7 курганахъ, изъ которыхъ въ 4 покойники погребены были въ *ямахъ*, а въ 3 оказались слѣды *трупосожженія*. По отдѣльнымъ группамъ эти 7 кургановъ распредѣлены были такимъ образомъ: 3 кургана съ погребеніемъ въ ямахъ принадлежали адамовской группѣ № 2, а 1—степановской № 1. Что касается кургановъ съ трупосожженіемъ, то всѣ они принадлежали степановской группѣ № 1. Любопытно то, что во всѣхъ 4 курганахъ съ погребеніемъ въ ямахъ костяки совершенно не сохранились; отъ погребальнаго обряда въ этихъ курганахъ, подъ однимъ изъ которыхъ оказалось двѣ могильныхъ ямы, сохранились лишь темныя пятна,—слѣды разложившихся предметовъ (гроба и костяка), а въ одной могилѣ кромѣ того сохранился горшокъ. Это обстоятельство легко объясняется необыкновенною сыростью подпочвеннаго слоя, состоящаго изъ красной глины: на глубинѣ одного аршина, гдѣ начинается слой глины, здѣсь уже начинаетъ выступать вода; а между тѣмъ на этомъ именно слоѣ въ данномъ случаѣ и погребены были покойники. Возможно поэтому, что самый обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ былъ уступкой условіямъ, бороться съ которыми оказалось невозможнымъ: погребать покойниковъ въ ямахъ—это значило почти тоже, что опускать ихъ въ воду, а поэтому въ силу необходимости стали хоронить ихъ на поверхности земли. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ, что указанные немногіе курганы съ погребеніемъ въ ямахъ были первымъ опытомъ появившагося въ данной мѣстности населенія, опытомъ, современнымъ основанію этихъ могильниковъ.

Курганы съ трупосожженіемъ принадлежали, какъ сказано было, степановской группѣ № 1. Курганы этой группы вытянулись длинной полосою въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Большинство курганныхъ насыпей этой группы принадлежитъ къ разряду незначительныхъ по объему. Но между ними рѣзко выдѣляется три

кургана, имѣющихъ отъ 3 до 4 арш. высоты. Одинъ изъ нихъ расположенъ въ юго-западномъ концѣ могильника, а два—въ сѣверо-восточномъ. Два послѣдніе стоятъ на границѣ, отдѣляющей сѣверо-восточный конецъ могильника отъ его центральной части и находятся такимъ образомъ во главѣ какъ бы отдѣльной могильной группы. Вотъ въ этихъ-то двухъ большихъ курганахъ, стоящихъ въ парѣ, и открытъ былъ обрядъ трупосожженія, хотя въ окружающихъ ихъ мелкихъ курганахъ покойники погребены по тому же обряду, какой практиковался въ центральной части могильника, т. е. зарыты на почвенномъ слоѣ. Пепелища большихъ кургановъ находились въ *насыпи* кургановъ и состояли изъ золы, мелкаго древеснаго угля и такихъ же мелкихъ частичекъ пережженныхъ костей. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ среди пепелища попадались черепки отъ разбитаго горшка. Третій курганъ съ трупосожженіемъ находился въ юго-западномъ углу могильника. Здѣсь на *почвенномъ* слоѣ оказалось обычное кострище, остатки котораго, состоящіе изъ древесныхъ углей и довольно крупныхъ кусковъ обожженныхъ костей, собраны были въ кучку. Тутъ же попадались куски отъ разбитаго горшка. Въ настоящую минуту я сильно сожалѣю о томъ, что не изслѣдовалъ третьяго большаго кургана. Дѣло въ томъ, что мнѣ не разъ приходилось наблюдать, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обряды трупосожженія и зарыванія покойниковъ въ землю встрѣчаются вмѣстъ въ одномъ и томъ же могильникѣ, тамъ болѣе видные съ внѣшней стороны курганы содержатъ въ себѣ обыкновенно кострища.

Переходя теперь къ курганамъ съ обрядомъ *зарыванія* покойниковъ *на почвенномъ* слоѣ, прежде всего замѣтимъ, что въ громадномъ большинствѣ кургановъ этого типа найдены были *желѣзные гвозди*, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удалось констатировать, что этими гвоздями сбиты были деревянные гробы, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно хорошо сохранились. Въ большей части кургановъ этого типа попадались также горшки, въ большинствѣ случаевъ, конечно, въ разбитомъ видѣ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій фактъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ горшки оказались перевернутыми вверхъ дномъ. Это служитъ доказательствомъ того, что они ставились не съ пищею, какъ это обыкновенно принято думать. Каково же въ такомъ случаѣ было ихъ назначеніе? Внутри нѣкоторыхъ изъ нихъ оказались слѣды древеснаго угля. Въ виду

этого невольно раждается вопросъ: не приносился-ли въ этихъ горшкахъ на могилу огонь отъ домашняго очага? Нужно признать за несомнѣнный фактъ, что у нашихъ предковъ ни одинъ погребальный обрядъ не совершался безъ огня. Изъ значительнаго числа кургановъ, раскопанныхъ мною лично, почти не было такихъ, въ насыпяхъ которыхъ не попадались бы древесные угли. Ясно, что въ то время, какъ сооружалась насыпь, гдѣ-то пососѣдству находился огонь, угли отъ котораго и попадали въ насыпь. Принадлежали-ли эти угли костру, на которомъ готовилась пища для тризны, или этотъ огонь имѣлъ другое чисто религіозное, такъ сказать, священное значеніе, рѣшить трудно. Но едвали будетъ ошибкой утверждать, что сохранившійся теперь обычай, по которому при погребеніи покойниковъ священникъ выбрасываетъ въ могилу горящіе угли изъ кадильницы, ведетъ свое происхожденіе отъ языческой старины. Такъ по крайней мѣрѣ смотрятъ на этотъ вопросъ мѣстные крестьяне, которые и обратили мое вниманіе на практикующійся въ данной мѣстности только что указанный обычай.—Изъ другихъ особенностей кургановъ разсматриваемаго типа обращаютъ на себя вниманіе мѣры, принимавшіяся для предохраненія покойниковъ отъ быстраго разложенія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманіе особенно два кургана. Въ одномъ изъ нихъ покойникъ положенъ былъ въ деревянномъ гробу, сдѣланномъ изъ очень толстыхъ досокъ и сколоченномъ желѣзными гвоздями длиною больше чѣмъ въ 3 вершка. Гробъ поставленъ былъ въ глубокую яму (не больше $^1/_2$ арш.), которая тщательно выложена была березовою корою. Затѣмъ самый гробъ, какъ извнѣ, такъ изнутри, тоже обложенъ былъ очень толстымъ слоемъ березовой же коры, пласты которой прибиты были по мѣстамъ къ гробу желѣзными гвоздями. Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи другой курганъ. Отъ гроба здѣсь сохранилось лишь нѣсколько желѣзныхъ гвоздей. Костякъ тоже оказался въ полномъ разложеніи. Но въ томъ направленіи, въ которомъ онъ лежалъ, обнаруженъ былъ слой тоже березовой коры, а подъ нею оказался другой слой *сосновой смолы*, которою, повидимому, посыпанъ былъ (смола не пережженная) покойникъ. Думаю, что и березовая кора, и сосновая смола въ данномъ случаѣ имѣла тоже значеніе, какое въ другихъ могильникахъ имѣли известка и обжиганіе гробовъ. Во избѣжаніе всякаго рода недоразумѣній, спѣшу замѣтить, что адамовскій № 1 могильникъ,

къ которому принадлежатъ оба эти кургана, по характеру находимыхъ въ могилахъ предметовъ, принадлежитъ къ разряду богатыхъ: кромѣ предметовъ, цѣнныхъ по металлу (серебряныхъ и золотыхъ), здѣсь попадаются предметы несомнѣнно привозные, свидѣтельствующіе о существованіи у даннаго народа торговли. Вотъ почему этого могильника нельзя сопоставить съ могильниками тѣхъ первобытныхъ народовъ, у которыхъ, вслѣдствіе ничтожества ихъ культурнаго развитія, березовая кора является необходимою и единственною принадлежностью погребальнаго комфорта. Не лишне, далѣе, будетъ отмѣтить, что между раскопанными въ разсматриваемыхъ могильникахъ курганами нѣсколько оказалось такихъ, въ которыхъ погребено было по нѣсколько покойниковъ. Раньше уже замѣчено было, что подъ одною насыпью обнаружено было двѣ ямы, отдѣленныхъ одна отъ другой тонкимъ простѣнкомъ; въ другомъ курганѣ оказались два костяка (мужской и женскій), лежавшихъ рядомъ; въ третьемъ курганѣ, вмѣстѣ съ костякомъ зрѣлаго человѣка (длинною 2 арш. $8^1/_4$ вершка), обнаружены остатки дѣтскаго костяка, лежавшаго возлѣ головы (съ лѣвой стороны) перваго. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ четвертый курганъ, который можетъ быть названъ семейнымъ. Здѣсь, въ одномъ деревянномъ гробу, сбитомъ желѣзными гвоздями, оказались три костяка: два принадлежали взрослымъ людямъ, одинъ дѣтскій. Костяки взрослыхъ людей, плотно прилегая одинъ къ другому, находились въ слѣдующемъ положеніи: мужской костякъ, длиною 2 арш. 10 в., лежалъ на лѣвомъ боку; костякъ женскій, длиною 2 арш. 5 в., лежалъ на правомъ боку; лица покойниковъ, обращенныя одно къ другому, непосредственно соприкасались между собою. Мужчина правою рукою обнималъ у пояса женщину; лѣвая рука женщины, находясь подъ правою рукою мужчины, опущена была къ поясу послѣдняго; обѣ верхнія ноги (мужчины и женщины) лежали параллельно одна другой; правая (нижняя) бедровая кость женщины покрывала лѣвую (нижнюю) бедровую кость мужчины. За спиною мужчины, приблизительно у пояса его, лежалъ дѣтскій костякъ, обращенный головою къ ногамъ большихъ костяковъ и, слѣдовательно, какъ бы смотрѣвшій имъ въ лицо.—Что касается, наконецъ, предметовъ, найденныхъ въ курганахъ, то здѣсь я позволю себѣ отмѣтить лишь слѣдующее. Въ одномъ курганѣ найдена небольшая, но очень характерная, серебряная бляшка, приби-

тая къ кусочку дерева четырмя серебряными гвоздиками. И сама бляшка, и способъ прикрѣпленія ея очень много напоминаетъ собою бляшки, которыми, въ одномъ изъ микуличскихъ кургановъ, оковано было деревянное ведро. Въ другомъ курганѣ, у праваго бедра мужскаго костяка, оказался небольшой (совершенно разложившійся) кожаный мѣшочекъ, застегивавшійся при посредствѣ небольшой бронзовой пряжки; въ мѣшочкѣ хранились: огниво, кремень, сѣра и точильный оселокъ. Послѣдній фактъ заслуживаетъ вниманія потому, что онъ позволяетъ точно опредѣлить назначеніе небольшихъ бронзовыхъ пряжекъ, которыя встрѣчаются и въ другихъ курганахъ, но тамъ назначеніе ихъ не выступаетъ съ такою ясностью.

Сѣвернѣе д. Степановки, по пути изъ этой деревни въ д. *Горошковъ*, расположенъ новый могильникъ, въ которомъ теперь насчитывается до 41 кургана. Ни по объему, ни по формѣ курганы эти не представляютъ ничего характернаго. Площадь, занятая могильникомъ, покрыта лѣсомъ, часть котораго расчищена подъ поле.

Въ этомъ могильникѣ раскопано 6 кургановъ. Во всѣхъ ихъ найдены костяки, лежавшіе на *почвенномъ* слоѣ и обращенные головами на западъ. Въ нѣкоторыхъ курганахъ попадались желѣзные гвозди, которыми, очевидно, сбиты были деревянные гробы. Словомъ, по формѣ погребальнаго обряда этотъ могильникъ принадлежитъ къ тому же типу, къ которому принадлежатъ и предшествующіе могильники. Изъ особенностей этого могильника можно отмѣтить развѣ слѣдующій фактъ: въ одномъ курганѣ оказалось два покойника, при чемъ ручныя и тазовыя кости одного изъ нихъ (праваго) сложены были возлѣ головы.

Въ разстояніи около 10 верстъ къ сѣверу отъ с. Заспы находится деревня *Казазаевка*. Въ разстояніи около двухъ верстъ къ сѣверу отъ этой деревни, по пути въ г. Рѣчицу, лежитъ небольшая группа кургановъ, въ которой насчитывается 12 насыпей. Площадь, занятая этимъ могильникомъ, покрыта рѣдкимъ, больше кустарниковымъ, лѣсомъ, брошеннымъ среди пахатныхъ полей. Самый большій курганъ въ этой группѣ подымается не выше 2 арш. Внутренность трехъ самыхъ большихъ въ группѣ кургановъ раскопана кладоискателями, которые, впрочемъ, до уровня, на которомъ находились костяки, не докопались.

Во всѣхъ 7 раскопанныхъ курганахъ этой группы покойники погребены были въ *ямахъ* глубиною въ 1 арш., на подпочвенномъ слоѣ изъ красной глины. Въ одномъ курганѣ удалось замѣтить, что этою же глиною вымазаны были стѣнки могилы. Въ нѣкоторыхъ могилахъ сохранились остатки деревянныхъ гробовъ. Въ трехъ курганахъ найдено по два костяка, которые въ двухъ могилахъ лежали въ отдѣльныхъ ямахъ, раздѣленныхъ простѣнкомъ въ $^1/_2$ арш., въ третьей могилѣ они лежали рядомъ въ одной ямѣ.

Въ сосѣдствѣ съ этимъ могильникомъ, въ разстояніи около $^3/_4$ версты отъ д. Казазаевки, надъ озеромъ „Вышняя рѣчка“, въ урочищѣ „Дивій лугъ“, расположенъ другой могильникъ, въ которомъ выдѣляется гигантскихъ размѣровъ курганъ подъ названіемъ *Олотова* или *Волотова* могила, имѣвшая 150 арш. въ окружности. За исключеніемъ Олотовой могилы, всѣ курганы этой группы настолько незначительны по объему, что, при собираніи свѣдѣній о курганахъ, Волостнымъ Правленіемъ они не были даже замѣчены. Въ настоящее время значительная часть кургановъ этой группы раскопана грабарями при сооруженіи желѣзной дороги. Въ это же время вертикальными слоями раскопана и большая часть Олотовой могилы. Что найдено въ этой могилѣ грабарями, Казазаевцы не знаютъ; но въ другомъ курганѣ, небольшомъ по объему, по свидѣтельству послѣднихъ, найденъ желѣзный *топоръ*, по описанію, той же формы, какая является господствующею и въ другихъ могильникахъ этой области. Мною лично въ этомъ могильникѣ раскопанъ лишь одинъ курганъ, въ которомъ покойникъ погребенъ по тому же обряду, какъ и въ предыдущемъ могильникѣ.

Въ сосѣдствѣ съ этими двумя могильниками, на пахатномъ полѣ, находился третій. Но при самомъ посѣщеніи площадь, занятая имъ, была засѣяна яровымъ хлѣбомъ, при чемъ точно опредѣлить мѣсто нахожденіе кургановъ оказалось невозможныхъ; очевидно, всѣ они въ настоящее время совершенно распаханы.

Въ 3 верстахъ къ юго-западу отъ д. Казазаевки и приблизительно въ такомъ же разстояніи отъ г. *Рѣчицы*, находится новый могильникъ, извѣстный Казазаевцамъ подъ названіемъ *„Курганья за Свиридовскимъ шляхомъ“*. Это курганье расположено среди густаго вѣковаго бора. На нѣкоторыхъ курганахъ попадаются деревья до $4^1/_2$ арш. въ обхватѣ. Въ разстояніи около $^1/_2$ версты отъ могиль-

ника находится „долгое“ болото, часть котораго носитъ названіе „Дрягва“. Всѣхъ кургановъ въ этомъ могильникѣ насчитано 72. Болѣе крупные изъ нихъ достигаютъ до 3 арш. отвѣсной высоты, при 70 арш. въ окружности. Около самыхъ курганныхъ насыпей по объему замѣтны полные рвы. Мною изслѣдовано 15 кургановъ.

По формѣ погребальнаго обряда курганы этого могильника не отличаются однообразіемъ. Въ 2 курганахъ покойники зарыты были въ *ямахъ;* въ 4—на *почвенномъ* слоѣ; а въ остальныхъ 9 встрѣтился обрядъ *трупосожженія.* Во всѣхъ послѣднихъ курганахъ покойники сожжены были на почвенномъ слоѣ; но съ остатками кострища не вездѣ поступлено было одинаково. Въ 7 случаяхъ остатки сожженныхъ костей и древеснаго угля оказались въ верхнихъ слояхъ курганныхъ насыпей. На почвенномъ же слоѣ въ такомъ случаѣ обнаружены были лишь пепелища съ мелкими остатками пережженныхъ костей. Тутъ же изрѣдка попадались нѣкоторые не сгорѣвшіе предметы (каменная буса) и нерѣдко куски битой посуды, причемъ, въ одномъ случаѣ, на внутренней сторонѣ горшка, замѣчены слѣды древеснаго угля,—новое подтвержденіе того предположенія, что въ горшкахъ, по всей вѣроятности, приносился огонь на могилу. Что касается двухъ остальныхъ кургановъ этого типа, то въ нихъ остатки кострищъ оставлены были на томъ же мѣстѣ, гдѣ покойники и сожжены были, т. е. на почвенномъ слоѣ; съ той только разницею, что въ то время какъ въ одномъ курганѣ они брошены были въ безпорядкѣ, въ другомъ курганѣ кости собраны были въ горшокъ, который покрытъ былъ черепкомъ отъ другаго горшка, остальныя части котораго тутъ же разбросаны были.

Курганье за Свиридовскимъ шляхомъ было послѣднимъ могильникомъ, изслѣдованнымъ мною въ настоящую экскурсію. Но нѣсколько раньше мною же раскопано было 8 кургановъ въ сосѣдней могильной группѣ, расположеной въ четырехъ верстахъ къ западу отъ г. Рѣчицы, между деревнями Ребуса и Гориводы. Здѣсь погребальный обрядъ тоже оказался смѣшаннымъ: въ однихъ (5) курганахъ покойники *зарыты* были на *почвенномъ* слоѣ, въ другихъ (3) они *сожжены* были и кости оставлены на мѣстѣ сожженія въ урнахъ и безъ урнъ.

Таковъ тотъ археологическій матеріалъ, который мнѣ удалось собрать во время послѣдней археологической экскурсіи. Изъ сказан-

наго видно, что всѣхъ кургановъ на этотъ разъ мнѣ удалось раскопать 245. Если исключить изъ этого числа 8 такихъ, въ которыхъ ясныхъ признаковъ погребенія обнаружить не удалось, то всѣ остальные 237 могутъ быть раздѣлены на слѣдующія три категоріи: 1) въ 144 курганахъ покойники погребены были на *почвенномъ* слоѣ, 2) въ 36—зарыты были въ *ямахъ* и 3) въ 58 курганахъ обнаружены слѣды *трупосожженія*. Итакъ, первое, что бросается въ глаза при самомъ общемъ знакомствѣ съ добытыми мною въ этотъ разъ археологическими данными,—это безразличное чередованіе на сравнительно небольшой территоріи трехъ своеобразныхъ формъ погребальнаго обряда. Это безразличіе выступитъ еще рельефнѣе, если обратить вниманіе на то, что указанныя три формы нерѣдко всѣ встрѣчаются въ одномъ и томъ же могильникѣ. Изъ изслѣдованныхъ мною 23 курганныхъ группъ, которыя могутъ быть признаны отдѣльными могильниками, только 10 оказалось такихъ, въ которыхъ та или другая погребальная форма выступаетъ въ чистомъ своемъ видѣ, безъ примѣси другихъ. Именно: въ 6 могильникахъ встрѣтилась только форма погребенія на почвенномъ слоѣ, въ 3—только форма трупосожженія и въ 1—только форма зарыванія въ ямахъ. Да и эти цыфровыя данныя едва-ли могутъ быть признаны вполнѣ точными, такъ какъ почти ни одинъ изъ этихъ 10 могильниковъ вполнѣ не изслѣдованъ. Только относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можно утверждать, что въ нихъ другая погребальная форма не встрѣтилась бы, такъ какъ громадное большинство кургановъ этихъ могильниковъ было раскопано. Любопытно также и то, что могильники, въ которыхъ извѣстная погребальная форма является исключительною или, по крайней мѣрѣ, господствующею, не сгруппированы вмѣстѣ, въ той или другой опредѣленной мѣстности, а сплошь и рядомъ перемѣшаны съ могильниками, въ которыхъ господствуютъ другія формы. Эта пестрота въ чередованіи формъ выступитъ еще полнѣе, если обратить вниманіе на то, что разсматриваемыя три основныя формы въ данномъ случаѣ далеко не отличаются строгимъ однообразіемъ и устойчивостью типа, а, въ свою очередь, имѣютъ свои подраздѣленія. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ могильникахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ встрѣчаемъ систематически-правильное *подсыпаніе золы*, что́ въ другихъ могильникахъ этого типа не встрѣчается. Однообразіе типа нарушается также и обрядомъ *обжиганія гробовъ*,—фактъ рѣдкій, но

въ высшей степени характерный. Точно также и обрядъ трупосожженія въ разсматриваемой области не отличается строгою устойчивостью формы. Такъ, въ однихъ курганахъ этого типа мы встрѣчаемъ только *пепелища на почвенномъ слоѣ* при полномъ отсутствіи болѣе крупныхъ остатковъ трупосожженія. Въ другихъ курганахъ, на ряду съ такими пепелищами, въ *насыпи кургановъ* встрѣчаются собранные вмѣстѣ *пережженные остатки костей въ урнахъ и безъ урнъ*. Наконецъ, въ третьихъ курганахъ на *почвенномъ слоѣ* встрѣчаются *полные остатки трупосожженія*, т. е. гдѣ покойникъ былъ сожженъ, тамъ остатки кострища и засыпаны были землею. Кромѣ того, въ курганахъ съ пепелищами попадаются *деревянные столбы*, на которыхъ, по всей вѣроятности, ставились урны съ костями. Бо́льшимъ однообразіемъ отличается форма зарыванія *въ ямахъ*. Но и среди кургановъ этого типа выдѣляется *Микулицкій* могильникъ, въ которомъ столько, хотя и мелкихъ, но своеобразныхъ особенностей, что его трудно подвести подъ общую норму кургановъ этого типа.

Итакъ, первое, что бросается въ глаза при знакомствѣ съ разсматриваемымъ археологическимъ матеріаломъ, это рѣзко бросающееся въ глаза разнообразіе формъ погребальнаго обряда, встрѣчающееся въ области, во первыхъ, незначительной по пространству, во вторыхъ, съ трехъ сторонъ ограниченной такими значительными рѣками, какъ Днѣпръ, Березина и Припеть. Казалось бы, что въ такомъ уголкѣ всего естественнѣе было бы встрѣтить населеніе, принадлежавшее къ одному опредѣленному этнографическому типу, а поэтому и отличавшееся строгимъ однообразіемъ и устойчивостью формъ погребальнаго обряда. Въ виду сказаннаго естественно возникаетъ вопросъ: слѣдуетъ-ли тремъ указаннымъ формамъ погребальнаго обряда придавать серьезное этнографическое значеніе, и нельзя ли допустить, что наши языческіе предки, принадлежа къ одному и тому же племенному типу, могли безразлично практиковать каждую изъ этихъ трехъ формъ, не придавая серьезнаго значенія тому, будутъ-ли ихъ покойники зарыты въ ямахъ, или на поверхности земли, или, наконецъ, сожжены на кострѣ? Есть, повидимому, основанія думать, что наши предки къ этому относились не безразлично. Такъ, лѣтописецъ, описывая обрядъ трупосожженія, замѣчаетъ, что этому обряду слѣдовали только Радимичи, Вятичи и Сѣверяне, т. е.

Славяно-русскія племена, жившія только къ востоку отъ Днѣпра. Въ свою очередь, изъ лѣтописи же мы знаемъ, что Аскольда и Дира, Олега и Игоря не сожигали, а *погребли* по обряду зарыванія въ землѣ. Ольга, по Прологу XV в., завѣщая Святославу похоронить себя по христіанскому обряду, „заповѣда ему съ землею равно погрестись, а могылы не сути, ни тризнъ творити, ни бдына дѣяти". Здѣсь Ольга предупреждаетъ, чтобы ее не хоронили по извѣстному языческому обряду, который, очевидно, отличался отъ обряда, практиковавшагося у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. Есть также указаніе и на то, что Славяно-руссы не любили отступать отъ установившихся уже формъ погребальнаго обряда. На это есть указаніе въ извѣстномъ житіи Константина Муромскаго, хотя написанномъ не ранѣе второй половины XVI в., но составленномъ на основаніи болѣе древнихъ источниковъ. Здѣсь, между прочимъ, говорится о томъ, что когда этотъ князь похоронилъ своего сына Михаила (въ началѣ XII в.) по христіанскому обряду, то „невѣрніи людіе, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе".... Это удивленіе не имѣло бы мѣста, если бы „невѣрніи людіе" относились безразлично къ формѣ погребальнаго обряда.

Изъ этихъ фактовъ можно сдѣлать заключеніе, что если не всѣ три разсматриваемыя формы, то, по крайней мѣрѣ, двѣ изъ нихъ были характеристическими особенностями погребальнаго обряда нѣкоторыхъ племенъ, и что къ особенностямъ этимъ, разъ онѣ установились, наши предки относились, повидимому, не безразлично. Если такъ, то чѣмъ же объяснить столь безразличное отношеніе къ указаннымъ формамъ населенія разсматриваемой области? При обзорѣ формъ погребальнаго обряда въ мозырскомъ уѣздѣ, мы тамъ тоже встрѣтились съ двумя типами (погребеніемъ въ ямахъ и на почвенномъ слоѣ) и объяснили это тѣмъ, что р. Припеть была границею двухъ племенъ: древлянъ и дреговичей, у каждаго изъ которыхъ практиковался свой особый погребальный обрядъ. Нельзя-ли эту же точку зрѣнія примѣнить и къ данному случаю? Въ самомъ большемъ числѣ кургановъ, раскопанныхъ въ рѣчицкомъ уѣздѣ, покойники были погребены на почвенномъ слоѣ; а эта форма, какъ раньше сказано было, составляетъ характеристическую особенность *дреговичскаго* погребальнаго типа. Вотъ почему представляется вполнѣ вѣроятнымъ, что поселенія дреговичей на востокѣ доходили до Днѣпра. Но въ нѣкото-

рыхъ курганахъ этого типа здѣсь встрѣтилась такая особенность, которая въ мозырскомъ уѣздѣ не встрѣчалась: это присутствіе въ курганахъ нѣкоторыхъ могильниковъ этого типа *золы*. Не встрѣчаясь въ мозырскомъ уѣздѣ, насколько, по крайней мѣрѣ, можно судить на основаніи моихъ раскопокъ, особенность эта, какъ обнаружено раскопками В. Б. Антоновича [1]), встрѣчается на югѣ Припети, въ области древлянскихъ поселеній, а равно и въ системѣ З. Двины, какъ это можно судить на основаніи раскопокъ Е. Р. Романова [2]). Ясно, что фактъ присутствія золы въ курганахъ съ обрядомъ зарыванія покойниковъ въ землю имѣлъ очень широкое распространеніе и поэтому долженъ быть исключенъ изъ признаковъ, характеризующихъ тотъ или другой племенной типъ. Это же слѣдуетъ сказать и относительно формы погребенія въ *ямахъ*, которая, какъ самая естественная и практически удобная, имѣла самое широкое распространеніе. Вотъ почему по отношеніи къ данному случаю сущность вопроса сводится къ тому, почему въ области дреговичскихъ поселеній отступленіе отъ этой формы въ пользу погребенія *на почвенномъ* слоѣ сдѣлалось господствующимъ и почему въ рѣчицкомъ уѣздѣ, гдѣ, предполагается, жили тоже дреговичи, обѣ эти формы практиковались безразлично, хотя и съ преобладаніемъ формы погребенія на почвенномъ слоѣ? При обзорѣ кургановъ адамовской группы № 2 уже высказана была мысль, что обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ могъ выработаться изъ формы погребенія въ ямахъ и былъ слѣдствіемъ приспособленія населенія къ условіямъ данной мѣстности, отличающейся необыкновенною сыростью почвы и близостью подпочвеннаго слоя, въ которомъ появляется вода. Вполнѣ вѣроятно, что населеніе этого края при своемъ появленіи въ этой области придерживалось обряда погребенія въ ямахъ. Но встрѣтивъ здѣсь условія, неблагопріятствующія практикѣ этой формы, стало измѣнять ее въ пользу формы погребенія на почвенномъ слоѣ. Съ этой точки зрѣнія обрядъ погребенія въ ямахъ является лишь болѣе ранней формой, которая позднѣе уступила свое мѣсто формѣ погребенія на почвенномъ слоѣ. Съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ понятнымъ и то, почему обѣ эти формы безразлично чередуются въ однихъ и

---

[1]) Чтен. въ Ист. Общ. Н. Л. кн. V, стр. 23.

[2]) Древности. Т. XXIII, вып. 1, стр. 151, № 28.

тѣхъ же могильникахъ. Смѣшеніе двухъ этихъ формъ встрѣчалось и въ мозырскомъ уѣздѣ; но тамъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ могильникахъ, курганы этихъ двухъ типовъ не чередовались между собою безразлично, а группировались около отдѣльныхъ центровъ. Въ рѣчицкомъ же уѣздѣ ничего подобнаго подмѣтить не удалось, хотя смѣшеніе этихъ двухъ формъ встрѣтилось въ 8 могильникахъ. Не слѣдуетъ выпускать изъ виду и слѣдующаго обстоятельства. Обрядъ погребенія на почвенномъ слоѣ въ другихъ областяхъ Россіи, насколько извѣстно, встрѣчается не часто. Арабскіе писатели, часто упоминающіе о погребальныхъ обрядахъ славянъ и Руссовъ, знаютъ лишь двѣ формы обряда: трупосожженіе и погребеніе въ ямахъ; о погребеніи же на почвенномъ слоѣ ни одинъ изъ нихъ не упоминаетъ. Между тѣмъ въ Припетскомъ полѣсьи эта форма является господствующею. Здѣсь лежитъ новое доказательство того, что форма эта могла зародиться въ данной мѣстности и явилась, какъ слѣдствіе приспособленія населенія къ топографическимъ особенностямъ края.

Не легко также объяснить фактъ появленія въ разсматриваемой области обряда трупосожженія. Изъ показанія лѣтописи видно, что обрядъ трупосожженія господствовалъ у племенъ, жившихъ на востокѣ отъ Днѣпра. Археологическая практика въ значительной степени подтверждаетъ это показаніе. Изъ раскопокъ В. Б. Антоновича, г. Гамченки и моихъ извѣстно, что на западѣ отъ Днѣпра господствовалъ похоронный обрядъ зарыванія покойниковъ въ землю. Напротивъ, раскопки Д. Я. Самоквасова въ Черниговской губерніи обнаружили, что на восточной сторонѣ господствовала форма трупосожженія. Въ виду этого естественно возникаетъ мысль: не слѣдуетъ-ли появленіе обряда трупосожженія на западной сторонѣ Днѣпра объяснять занесеніемъ его путемъ колонизаціи населенія съ восточной стороны. Мысль эта вполнѣ правдоподобна; однакожъ принятіе ея встрѣчаетъ слѣдующее затрудненіе. На основаніи вышеуказанныхъ раскопокъ, г. Самоквасовъ изслѣдованные имъ курганы съ трупосожженіемъ дѣлитъ на два вида: „Курганы большей величины, прикрывающіе собою кострища, и курганы малой величины, заключающіе въ себѣ сосуды съ сожженными человѣческими костями“. Въ курганахъ перваго вида покойниковъ сожигали на кострахъ, которые устраивались на земляной насыпи, и тутъ же остатки кострища присыпались землею. Такъ что въ курганахъ этого вида, въ насыпи, на извѣстной

высотѣ отъ поверхности земли, встрѣчаются и кострища, и остатки сожженнаго покойника съ его имуществомъ. Въ курганахъ малаго вида кострища не встрѣчаются; покойниковъ въ этомъ случаѣ сожигали не въ курганахъ, а гдѣ-то на сторонѣ; въ курганахъ же, т. е. въ ихъ насыпи, ставили лишь сосуды со жженными костями [1]). Оставляя въ сторонѣ первый видъ кургановъ, принадлежавшихъ лишь самымъ знатнымъ покойникамъ, относительно втораго вида замѣтимъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ той формой обряда, которая описана у арабскихъ писателей Ибнъ-Фодлана и Ибнъ-Дасты. По словамъ Ибнъ-Фодлана, курганъ въ память сожженнаго Руса насыпанъ былъ не на мѣстѣ сожженія его, а на мѣстѣ, гдѣ стояла вытащенная изъ рѣки ладья; слѣдовательно, курганъ этотъ не прикрывалъ кострища. [2]). Дополненіемъ къ этому свидѣтельству служитъ показаніе Ибнъ-Дасты, по словамъ котораго, славяне, по сожженіи покойника, на другой день „собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую затѣмъ ставятъ на холмъ“ [3]). Обращаясь теперь къ курганамъ рѣчицкаго уѣзда, необходимо признать, что встрѣчающаяся въ этихъ курганахъ форма трупосожженія не вполнѣ тожественна съ только что описанной формой. Здѣсь покойники всегда сожигались не въ насыпи кургана, а на почвенномъ слоѣ; здѣсь, далѣе, курганъ всегда, за самыми рѣдкими развѣ исключеніями, насыпался на томъ же мѣстѣ, на которомъ покойникъ былъ сожженъ. Что же касается сожженныхъ костей, то онѣ, въ однихъ курганахъ оставлялись на мѣстѣ сожженія, въ другихъ—ставились въ насыпи кургановъ въ урнахъ и безъ урнъ; въ третьихъ, наконецъ, онѣ совершенно отсутствовали; но за то въ этихъ курганахъ оказывались деревянные столбы, на которыхъ, какъ раньше предположено было, вѣроятно и ставились урны съ костями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ тою формою погребальнаго обряда, которая описана у нашего лѣтописца. Вотъ относящееся сюда извѣстное классическое мѣсто изъ лѣтописи „И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху.... Аще кто умряше, творяху надъ нимъ, и поселѣ творяху кладу (краду) велику, и възложахуть и на кладу (краду) мертвеца, сожьжаху, а по семъ собравше кости,

[1]) Труды Третьяго Археологич. Съѣзда. Т. I. Сѣверскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи, стр. 205. 206.

[2]) А. Л. Горкави. Сказан. Мусульм. писат. о Слав. и Русскихъ, стр. 101.

[3]) Тамъ же, 265.

вложаху въ судину малу и поставляху на столпѣ на путехъ“ (П. С. Р. Л. т. I, 6). Итакъ, по свидѣтельству нашего лѣтописца, кости сожженнаго на кострѣ (крада) покойника собирали въ небольшой сосудъ и ставили „на столпѣ на путехъ“. Пониманіе послѣднихъ словъ лѣтописца составляло для археологовъ до послѣдняго времени большое затрудненіе. Котляревскій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „О погребальныхъ обрядахъ Славянъ“ [1]) выраженіе „на столпѣ“ нашелъ настолько страннымъ, что отказался понимать его въ точномъ смыслѣ, и предложилъ понимать подъ словомъ *столпъ* въ данномъ случаѣ высокую могилу или по просту курганъ. Толкованіе это направлено къ примиренію свидѣтельства лѣтописи съ вышеприведеннымъ показаніемъ Ибнъ-Дасты и съ данными археологіи, показывающими, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наши предки дѣйствительно ставили погребальныя урны въ насыпи кургановъ. Мнѣніе это принято было и нѣкоторыми другими археологами. Нельзя однакожъ не замѣтить, что въ основаніи этого взгляда положено искусственное толкованіе прямаго и яснаго выраженія лѣтописца, точное пониманіе словъ котораго приводитъ къ совершенно другому выводу. Слово „столпъ“ не разъ употребляется въ лѣтописи и съ нимъ всегда соединяется то же значеніе, какое и мы теперь съ нимъ соединяемъ. Для обозначенія же могильнаго кургана въ лѣтописи употребляется слово „могила“. Затѣмъ, толкованіе это не вполнѣ мирится и съ контекстомъ рѣчи. По словамъ лѣтописца, урны ставились не просто „на столпѣ“, но „на столпѣ на путехъ“, т. е. они ставились на такихъ столбахъ, которые находились на мѣстахъ пересѣченія путей. Утверждать же, что мѣстомъ для своихъ кладбищъ наши предки избирали непремѣнно перепутья, это значитъ—противорѣчить дѣйствительности, которую можно провѣрить на безчисленномъ количествѣ примѣровъ. А между тѣмъ самъ Котляревскій приводитъ одно, не лишенное, по его мнѣнію, вѣроятія, извѣстіе, по которому „въ старину у насъ на распутьяхъ стояли столбы, чураки (чуръ-пенатъ, предокъ), и мимо ихъ никто не проходилъ безъ какой нибудь жертвы“ [2]). Гдѣ сходились дорожные пути, тамъ чаще всего могли сходиться и границы племенныхъ волостей, тамъ же всего естественнѣе было при-

[1]) Стр. 122.

[2]) Тамъ же, 124.

сутствовать и душамъ предковъ, охранявшихъ эти границы. Но души предковъ были добрыми геніями лишь для своихъ, для чужихъ же онѣ представляли враждебную силу. Отсюда, очевидно, ведетъ свое происхожденіе повѣріе, со всею свѣжестью и по настоящее время сохранившееся въ Бѣлоруссіи, по которому на распутьяхъ слетаются враждебныя человѣку силы, для предохраненія отъ которыхъ ставятся кресты. Этотъ очень древній обычай ставить на распутьяхъ кресты, не имѣя для себѣ основанія въ системѣ христіанскаго вѣроученія, ведетъ свое происхожденіе, по всей вѣроятности, еще отъ болѣе древняго языческаго обычая ставить на этихъ же мѣстахъ столбы, представлявшіе грубое изображенія идоловъ. Тутъ не лишне будетъ вспомнить слѣдующее свидѣтельство Ибнъ-Фодлана. Каждый изъ Русовъ, во время прибытія ихъ судовъ къ якорному мѣсту въ Итилѣ, „подходитъ, говоритъ Ибнъ-Фодланъ, къ высокому вставленному (въ землю) столбу, имѣющему лице, похожее на человѣческое, а кругомъ его малыя изображенія, позади этихъ изображеній вставлены въ землю высокіе столбы. Онъ же подходитъ къ большому изображенію, простирается предъ нимъ и говоритъ: о господине"! и т. д. Вотъ подобные-то столбы и ставились, по всей вѣроятности, „на путехъ", на нихъ-то и поставлялись урны съ прахомъ покойниковъ. Позволительно думать, что столбы, встрѣтившіеся, между прочимъ въ Малейки-Городищенскихъ курганахъ, и имѣли то именно назначеніе, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. Нужно помнить, что Малейки-Городищенскій могильникъ расположенъ при переправѣ чрезъ р. Брагинку. Въ виду болотистости береговъ этой рѣчки, можно думать, что данный пунктъ искони былъ мѣстомъ переправы, и поэтому этотъ могильникъ, при самомъ возникновеніи своемъ могъ находиться „на путехъ". Что касается того, что столбы въ данномъ случаѣ поставлены были въ курганахъ, а не отдѣльно отъ нихъ, то и тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Тамъ же Ибнъ-Фодланъ, сказавъ о холмѣ, воздвигнутомъ Русами въ память покойника, добавляетъ, что они „вставили въ средину (холма) большое дерево халанджъ, написали на немъ имя (умершаго) человѣка и имя русскаго царя и удалились". Итакъ, обычай ставить въ курганахъ или на курганахъ столбы существовалъ у русскихъ славянъ. Что же касается обычая дѣлать надпись,

[1]) Гаркави. Тамъ же, 95.

то онъ, конечно, могъ появиться позднѣе, съ появленіемъ грамотности, и вообще въ ту пору онъ не могъ быть общераспространеннымъ. Но въ нѣкоторыхъ курганахъ Малейки-Городищенскаго могильника попадалось по два столба. Какъ же объяснить этотъ фактъ? Объясненіемъ его можетъ служить слѣдующее свидѣтельство Ибнъ-Дасты, относящееся къ погребальному обряду, практиковавшемуся у Славянъ. Когда умираетъ кто-нибудь изъ нихъ, говоритъ Ибнъ-Даста, то жена, которая особенно его любила, „приноситъ къ трупу его *два столба* и вбиваетъ ихъ стойма въ землю, потомъ кладутъ третій столбъ поперекъ, привязываютъ посреди этой перекладины веревку, (жена) становится на скамью, и конецъ этой веревки завязываетъ вокругъ шеи. Когда она такъ сдѣлала, скамья принимается изъ подъ нея и она остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ, а по смерти ее бросаютъ въ огонь, гдѣ она и сгораетъ“ [1]). Относительно показаній Ибнъ-Дасты о погребальныхъ обычаяхъ Славянъ Котляревскій замѣчаетъ, что они отличаются полною историческою правдивостью: „такъ говорить можетъ, замѣчаетъ онъ, только очевидецъ или тотъ, кто записалъ показаніе достовѣрнаго очевидца“ [2]). Гаркави же, наоборотъ, видитъ въ приведенномъ мѣстѣ новое доказательство того, что Ибнъ-Даста будто бы только „спуталъ извѣстія своего предшественника, Ибнъ-Фодлана“ [3]). Съ нашей точки зрѣнія, сопоставленіе показаній этихъ двухъ арабскихъ писателей служитъ лишь подтвержденіемъ той, добытой путемъ археологическихъ раскопокъ, истины, что обрядъ трупосожженія у нашихъ предковъ не отличался строгимъ единствомъ формы, и что, въ частности, только что приведенное свидѣтельство Ибнъ-Дасты находитъ подтвержденіе себѣ въ фактѣ присутствія въ нѣкоторыхъ Малейки-Городищенскихъ курганахъ двухъ столбовъ. Столбы эти ставились, вѣроятно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ сожигали покойника съ его женою, и благодаря своему вертикальному положенію, они совершенно не сгорали; этимъ объясняется то, почему слѣды столбовъ обнаруживаются не только ниже поверхности земли, т. е. въ тѣхъ ямахъ, въ которыя они вставлены были, но

---

[1]) Гаркави. 265.

[2]) Погр. Об. Сл. 55.

[3]) Стр. 265, прим. 3.

и въ насыпи кургановъ. Впрочемъ, если бы это объясненіе почему нибудь признано было не удачнымъ, тогда всего естественнѣе было бы фактъ присутствія въ курганахъ двухъ столбовъ объяснить тѣмъ, что они предназначались для постановки на нихъ двухъ урнъ: фактъ присутствія въ курганахъ двухъ и даже болѣе урнъ съ сожженными костями извѣстенъ археологіи.

Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что, принимая показаніе лѣтописца о столбахъ въ буквальномъ смыслѣ, мы какъ будто становимся въ противорѣчіе съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Разсматриваемое показаніе относится къ племенамъ, жившимъ на востокъ отъ Днѣпра; тамъ, слѣдовательно, скорѣе всего д. былъ бы встрѣтиться обычай ставить урны на столбахъ; но тамъ-то онъ, насколько извѣстно, до этого времени еще никѣмъ не былъ обнаруженъ. Этому обстоятельству не слѣдуетъ однакожъ придавать рѣшающаго значенія. Тутъ еще возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить появленіе у лѣтописца разсматриваемой замѣтки? Позднѣйшія раскопки показали, что содержащееся въ этой замѣткѣ описаніе погребальнаго обряда не охватываетъ собою всѣхъ формъ, практиковавшихся хотя бы напр. у Радимичей и Сѣверянъ. Кромѣ двухъ формъ трупосожженія, въ области радимичскихъ и сѣверянскихъ поселеній мы еще встрѣчаемся съ обрядами зарыванія въ *ямахъ* въ насыпи кургана и на *почвенномъ* слоѣ, о чемъ лѣтописецъ однакожъ не упоминаетъ. Почему? По всей вѣроятности потому, что лѣтописецъ и не задавался цѣлью представить намъ полную характеристику всѣхъ формъ погребальнаго обряда, которыя практиковались у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, а отмѣтилъ лишь ту форму, которая больше всего поражала его христіанское сознаніе.Стоявшіе на распутьяхъ столбы съ урнами не могли не обращать на себя вниманіе каждаго проѣзжаго, тѣмъ болѣе, что съ ними всегда соединялось извѣстное суевѣрное представленіе. Не нужно также забывать, что встрѣчающаяся у него характеристика нравовъ нашихъ языческихъ предковъ носитъ на себѣ печать обличенія. Вообще, показаніямъ древнихъ писателей въ подобныхъ случаяхъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ широкаго обобщенія. Если вѣрить, напр., подобнымъ показаніямъ, то придется признать, что обычай сожигать или погребать живыхъ женъ съ умершими мужьями былъ общей нормой у славянъ, а между тѣмъ, на основаніи произведенныхъ до этого времени раскопокъ, можно съ увѣренностью ут-

верждать, что этотъ обычай былъ лишь рѣдкимъ исключеніемъ. Единогласное же свидѣтельство о немъ письменныхъ источниковъ объясняется тѣмъ, что онъ своею неестественностью поражалъ вниманіе чуждыхъ ему иностранцевъ. Это же слѣдуетъ сказать и объ обычаѣ ставить урны „на столпахъ на путехъ“. Возможно по этому, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ слѣды этого обычая будутъ открыты и въ области поселенія Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. Но при этомъ не нужно забывать, что въ Малейки-Городищенскомъ могильникѣ столбы обнаружены были только потому, что они поставлены были въ курганахъ, что конечно не всегда случалось. Изъ словъ лѣтописца можно замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда урны съ костями ставились „на столпахъ на путехъ“, курганы не насыпались, такъ какъ, строго говоря, ихъ не надъ чѣмъ было насыпать. А если такъ, то и слѣдовъ отъ подобнаго обряда не могло сохраниться. Нельзя, впрочемъ, рѣшительно утверждать, что къ востоку отъ Днѣпра слѣды столбовъ въ курганахъ археологамъ вовсе не встрѣчались. Въ дневникѣ Е. Р. Романова, описывающемъ раскопку кургана, произведенную въ им. Хмеленецъ, Довской волости, Рогачевскаго уѣзда, т. е. въ области поселенія Радимичей, встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку. „Первые два слоя, по 2 арш., состояли изъ песку. Подъ ними слой черной земли въ 4 верш., далѣе снова желтый песокъ до материка; только въ Ю. В. части замѣтно было *круглое черное пятно*, шедшее вглубь и прекратившееся за 5 вершковъ до материка. Во всей насыпи не найдено ни углей, ни черепковъ, вообще никакихъ признаковъ существованія могилы“. Круглое черное пятно, о которомъ здѣсь говорится, представляло, по всей вѣроятности, слѣды сгнившаго столба. Отсутствіе же признаковъ „могилы“ показываетъ, что тщательно собранные остатки кострища поставлены были на столбѣ снаружи и со временемъ были совершенно уничтожены [1]). Во всякомъ случаѣ, разъ отысканы фактическія данныя, позволяющія свидѣтельство лѣтописца о столбахъ понимать въ точномъ смыслѣ, то всякое другое пониманіе этихъ словъ становится искусственнымъ толкованіемъ, въ которомъ нѣтъ крайней нужды.

Какъ бы то впрочемъ ни было, во всякомъ случаѣ у насъ нѣтъ твердаго основанія утверждать, что обрядъ трупосожженія занесенъ

---

[1]) Древности. Т. XIII, вып. 1, стр. 143.

на западную сторону Днѣпра съ восточной. Простое сосѣдство областей еще ничего не доказываетъ, тѣмъ болѣе, что тотъ же обрядъ обнаруженъ въ славянскихъ областяхъ, далеко удаленныхъ отъ Днѣпра, напр. въ Галиціи. Если такъ, то необходимо допустить, что древніе языческіе обитатели Рѣчицкаго уѣзда Минской губерніи къ обрядамъ зарыванія въ землю и трупосожженія относились безразлично, такъ что родственное населеніе одного и того же посёлка однихъ изъ своихъ покойниковъ зарывало въ землю, а другихъ сожигало. Это положеніе не противорѣчитъ даннымъ современной археологіи, въ области которой все больше и больше накопляется фактовъ, говорящихъ о безразличномъ чередованіи обѣихъ этихъ формъ у однихъ и тѣхъ жъ народовъ. Но такое безразличіе не мирится съ курсирующимъ въ нашей литературѣ взглядомъ на происхожденіе трупосожженія. Котляревскій причину происхожденія этого обряда видитъ во взглядѣ первобытнаго человѣка на каждодневный закатъ солнца: закатъ солнца для первобытныхъ людей, или по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, представлялся *сгараніемъ;* солнце сожигалось для того, чтобы перейти въ обитель, которая ожидаетъ самого человѣка, и куда прежде отошли его отцы, гдѣ они наслаждаются новою жизнью.... И вотъ, чтобы помочь своимъ ближнимъ переселиться въ ту же обитель, человѣкъ, по аналогіи съ солнцемъ, подвергаетъ ихъ сожиганію. Обрядъ сожженія появился однакожъ не скоро; онъ, думаетъ Котляревскій, могъ появиться лишь тогда, когда человѣкъ пришелъ къ мысли объ отдѣлимости души отъ тѣла, когда образовалось представленіе о душѣ, какъ о легкомъ, окрыленномъ существѣ, оставляющемъ тѣло и витающемъ въ воздушной облачной сферѣ и т. д. Словомъ, по мнѣнію Котляревскаго, *погребальный обрядъ трупосожженія былъ*, такъ сказать, *снятъ съ природнаго явленія огненной смерти солнца и подкрѣпленъ вѣрованіями о воздушныхъ огненныхъ образахъ душъ* [1]). Не трудно видѣть, что взглядъ этотъ на происхожденіе трупосожженія не легко мирится съ безразличнымъ отношеніемъ къ той или другой погребальной формѣ. По этому взгляду обрядъ трупосожженія покоится на серьезной религіозной основѣ; а религіозная основа и безразличіе—понятія, трудно совмѣстимыя въ сознаніи первобытнаго человѣка. Вотъ почему пред-

[1]) Погребальн. обыч. Славянъ. 175—181.

ставляется необходимымъ искать другой основы для объясненія происхожденія разсматриваемаго обряда.

Прежде всего посмотримъ, какъ относились къ трупосожженію тѣ народы, у которыхъ оно практиковалось. По словамъ Ибнъ-Фодлана, Русъ, на предложенный ему вопросъ, отвѣтилъ: „Вы, арабы глупый народъ, ибо вы берете милѣйшаго и почтеннѣйшаго для васъ изъ людей и бросаете его въ землю, гдѣ съѣдаютъ пресмыкающіяся и черви; мы же сжигаемъ его въ огнѣ, въ одно мгновеніе, и онъ въ тотъ же часъ входитъ въ рай“ [1]). По этому объясненію покойниковъ сожигали, съ одной стороны, для того, чтобы предохранить ихъ отъ съѣденія червями и пресмыкающимися, съ другой стороны, чтобы ускорить ихъ переходъ въ рай. По словамъ Масуди, Бурджане, сожигая своихъ покойниковъ, говорили: „мы сжигаемъ ихъ въ этомъ свѣтѣ, посему они не будутъ сожжены на томъ свѣтѣ“ [2]). Здѣсь выступаетъ уже другая мысль: для перехода въ новый міръ сожженіе не нужно; оно нужно уже по переходѣ въ этотъ новый міръ; несожженные здѣсь, будутъ сожжены тамъ. Торгоуты, у которыхъ обрядъ трупосожженія практикуется и понынѣ, вѣрятъ, что между прочимъ прахъ покойниковъ нуженъ богу для того, чтобы ихъ воскресить [3]). Здѣсь, такимъ образомъ, трупосожженіе не связано съ вопросомъ о загробной жизни. Чѣмъ же объяснить такое несогласіе во взглядѣ разныхъ народовъ на одно и то же явленіе? Казалось бы, что одно и то же явленіе, порожденное однѣми и тѣми же причинами, у всѣхъ людей должно бы вызвать одно и то же объясненіе. Несогласіе это всего естественнѣе объяснить всеобщимъ стремленіемъ, путемъ осмысленія непонятнаго факта, придать ему религіозное значеніе, котораго онъ не имѣлъ при своемъ возникновеніи. Случайно возникшему явленію позднѣе стали пріискивать религіозное объясненіе, которое у каждаго народа, сообразно съ особенностями его міровоззрѣнія, получилось особое. Съ подобнаго рода явленіемъ мы встрѣчаемся и въ христіанствѣ. Извѣстно, что нѣкоторымъ христіанскимъ обрядамъ, возникшимъ первоначально изъ практической необходимости, теперь придается серьезное символическое

---

[1]) Гаркави. 100.

[2]) Тамъ же. 127.

[3]) Рефератъ А. А. Ивановскаго, читанный на послѣднемъ (VIII-мъ) археол. съѣздѣ въ Москвѣ.

значеніе. Что касается обряда трупосожженія, то онъ, по всей вѣроятности возникъ на той же основѣ, на какой возникъ и обрядъ зарыванія въ землю. Такою основою, по моему мнѣнію, было почитаніе праха предковъ и забота о возможно лучшемъ его сохраненіи. Древніе египтяне для сохраненія праха своихъ покойниковъ придумали бальзамированіе. Наши языческіе предки до этого не дошли, но есть серьезное основаніе думать, что они не менѣе египтянъ заботились о сохраненіи праха своихъ покойниковъ. Для достиженія этой цѣли они высыпали могилы известкой, завертывали покойниковъ въ березовую кору, осыпали ихъ сосновою смолою, обжигали ихъ гробы, а иногда и самихъ покойниковъ и т. д. Но всѣ эти средства, какъ говорилъ опытъ, не достигали цѣли. И вотъ естественно возникла мысль сожигать: сожженіе, не сохраняя покойника въ цѣлости, сохраняло его прахъ, который въ сознаніи сожигавшихъ замѣнялъ собою покойника и пользовался вниманіемъ, которое оказывалось послѣднему. А чтобы этотъ прахъ сохранилъ даже самую внѣшнюю форму покойника, у нѣкоторыхъ народовъ его смѣшивали съ глиной и выдѣлывали изъ нея человѣческое изображеніе, которое и должно было замѣнять собою самого покойника и которому воздавались подобающія почести. Такъ дѣлаютъ торгоуты и понынѣ. А что и въ сознаніи нашихъ предковъ прахъ замѣнялъ самихъ покойниковъ, это видно хотя бы изъ того же обычая ставить урны „на столпахъ на путѣхъ“, смыслъ котораго объясненъ выше. Вообще, изъ того, что извѣстно о трупосожженіи какъ изъ исторіи, такъ и изъ позднѣйшихъ археологическихъ раскопокъ, видно, что цѣль сожженія заключалась не въ уничтоженіи останковъ покойниковъ, а въ стремленіи придать имъ такую форму, при которой они могли лучше сохраниться. Если цѣлью трупосожженія было, какъ думалъ Котляревскій, облегчить душѣ освободиться отъ тѣла чрезъ уничтоженіе послѣдняго, то чѣмъ же объяснить то вниманіе, которое издревле оказывали урнамъ съ прахомъ греки, римляне, сарматы, славяне и другіе народы, въ той или другой степени практиковавшіе обрядъ трупосожженія. Не нужно также забывать, что первобытный человѣкъ представляетъ душу чѣмъ то въ родѣ легкаго пара, который свободно можетъ оставлять тѣло и опять возвращаться въ него. Въ этомъ своемъ воззрѣніи онъ, между прочимъ находитъ себѣ объясненіе сновидѣній: представляя себя во снѣ находящимся въ разныхъ мѣстахъ, онъ объясняетъ это

путешествіемъ души отдѣльно отъ покоящагося на одномъ мѣстѣ тѣла. Взглядъ Котляревскаго предполагаетъ въ основаніи своемъ восточный дуализмъ, по которому тѣло, какъ начало злое, служитъ для души темницей, отъ которой ее можетъ освободить очистительная сила огня. Навязывать же нашимъ языческимъ предкамъ начала дуализма едва ли возможно. Дуалистическое міровоззрѣніе появилось у насъ уже позднѣе, подъ вліяніемъ христіанской аскетической литературы. Итакъ, позволительно думать, что и древній египтянинъ, тщательно бальзамировавшій покойниковъ, и позднѣйшій славянинъ, сожигавшій ихъ, мотивировались въ своихъ дѣйствіяхъ одними и тѣми же соображеніями: ихъ дѣйствія въ данномъ случаѣ различаются не цѣлями, а лишь средствами. Когда обитатели древняго города Сузъ влагали своихъ покойниковъ въ глиняные саркофаги и обжигали ихъ на огнѣ, то они въ этомъ случаѣ, очевидно, преслѣдовали ту же цѣль, какую преслѣдовали и египтяне, приготовлявшіе мумію, и позднѣйшіе славяне, практиковавшіе обжиганіе гробовъ; а обжиганіе гробовъ, сопровождавшееся на практикѣ иногда и обжиганіемъ самихъ покойниковъ, естественно могло породить мысль и о полномъ сожженіи. Теорія эта имѣетъ то преимущество предъ теоріей Котляревскаго, что она гораздо проще и естественнѣе объясняетъ фактъ безразличнаго отношенія нашихъ предковъ къ обрядамъ зарыванія въ землю и трупосожженія. Если трупосожженіе было однимъ изъ многихъ средствъ, направленныхъ къ сбереженію праха покойниковъ, то оно легко могло практиковаться на ряду съ другими средствами, отъ которыхъ оно отличалось лишь по внѣшней формѣ, а не по своему внутреннему содержанію, не по духу. Какъ форма болѣе сложная, трупосожженіе должно было практиковаться прежде всего по отношенію къ богатымъ и знатнымъ покойникамъ. Дѣйствительно, въ тѣхъ могильникахъ, въ которыхъ обѣ эти формы встрѣчаются вмѣстѣ, въ самыхъ крупныхъ по объему курганахъ встрѣчается почти всегда трупосожженіе. То же явленіе встрѣчаемъ теперь у вышеупомянутыхъ торгоутовъ: у нихъ сожженія удостоиваются лишь лица, „занимающія видное общественное положеніе, т. е. всѣ духовныя лица (гегени, ламы и т. д.), всѣ князья („ваны“, „баны“), затѣмъ лица, заслуживающія общее уваженіе“ [1]). Само со-

[1]) П. Н. Милюковъ. VIII-й археолог. съѣздъ въ Москвѣ, стр. 10.

бою понятно, что обрядъ трупосожженія можетъ со временемъ сдѣлаться господствующимъ и даже всеобщимъ у извѣстнаго народа или племени и тогда, конечно, онъ станетъ его типичною этнографическою особенностью.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующій, вполнѣ правдоподобный, выводъ. Древнее языческое населеніе, обитавшее въ предѣлахъ нынѣшняго Рѣчицкаго уѣзда Минской губерніи, не смотря на то, что допускало у себя обрядъ трупосожженія, могло тѣмъ не менѣе принадлежать къ одному изъ племенъ, жившихъ къ западу отъ Днѣпра, правдоподобнѣе всего—къ дреговичскому. Тоже обстоятельство, что этотъ обрядъ появился, насколько, по крайней мѣрѣ теперь, извѣстно, въ западной области дреговичскихъ поселеній, наводитъ на мысль, что это нововведеніе появилось не безъ вліянія сосѣднихъ за-днѣпровскихъ племенъ. Этотъ выводъ сдѣланъ на основаніи сопоставленія моихъ раскопокъ съ раскопками, произведенными проф. Самоквасовымъ въ области сѣверянскихъ поселеній. Но нельзя-ли допустить, что только-что разсмотрѣнная пестрота формъ погребальнаго обряда въ Рѣчицкомъ уѣздѣ образовалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ сосѣднихъ радимичей, занимавшихъ область между Днѣпромъ и Сожью, а равно и подъ вліяніемъ кривичей, жившихъ къ сѣверу отъ дреговичей? Хотя область радимичскихъ поселеній еще почти совершенно не изслѣдована въ археологическомъ отношеніи, но уже на основаніи того немногаго, что до этого времени сдѣлано въ этомъ отношеніи, на поставленный вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Хотя въ области радимичскихъ поселеній, на сколько можно судить по раскопкамъ г. Романова, встрѣчается и трупосожженіе, однакожъ господствующею формою погребальнаго обряда тамъ, повидимому, было зарываніе покойниковъ въ *насыпи* кургана, т. е. выше уровня земли. Погребеніе же на почвенномъ слоѣ, которое въ Рѣчицкомъ уѣздѣ господствуетъ, въ системѣ р. Сожи, насколько извѣстно, до настоящаго времени еще не обнаружено. Трупосожженіе у радимичей, насколько можно судить на основаніи имѣющихся немногихъ данныхъ, совершалось тоже въ насыпи кургана; въ Рѣчицкомъ же уѣздѣ оно происходило на почвенномъ слоѣ. Выводъ изъ сказаннаго одинъ: радимичи не могли передать дреговичамъ того, чего сами не имѣли. Что же касается кривичей, то археологіи еще не скоро удастся опредѣлить форму

погребальнаго обряда, господствовавшую у этого многочисленнаго, широко раскинувшагося и раздѣленнаго на нѣсколько вѣтвей племени; а пока это не сдѣлано, говорить объ этнографическомъ вліяніи кривичей на своихъ сосѣдей будетъ преждевременно.

Осталось сказать еще нѣсколько словъ по поводу надгробныхъ деревянныхъ сооруженій, встрѣтившихся въ Моховскомъ могильникѣ. Сооруженія эти необходимо, кажется, ставить въ причинную связь съ другимъ явленіемъ, замѣченнымъ въ томъ же могильникѣ, именно—съ углубленіями, какія встрѣчаются на вершинахъ многихъ кургановъ этой группы. Углубленія эти ничто иное, какъ особаго рода впадины, образовавшіяся вслѣдствіе внутреннихъ проваловъ. Курганы съ завалившимися срединами въ Минской губерніи не составляютъ рѣдкости. „Въ Бобруйскомъ уѣздѣ Минской губерніи, говоритъ Турчановичъ, т. е. въ землѣ дреговичей, между рр. Птичью и Орессою, находится множество древнихъ кургановъ, стоящихъ уединенно, семействами и даже цѣлыми селеніями, въ двѣ и три линіи. *Вершина каждаго кургана состоитъ изъ впадины*—признакъ, что мертвыхъ засыпали землею въ сидячемъ положеніи, по мѣрѣ истлѣнія тѣла земля осаждается внизъ“ [1]). Чѣмъ объяснить образованіе этихъ впадинъ? Представленное Турчановичемъ объясненіе не можетъ быть принято. Въ Моховскомъ могильникѣ мною раскопано нѣсколько кургановъ съ завалившимися вершинами, но ни въ одномъ изъ нихъ признаковъ погребенія въ сидячемъ положеніи не обнаружено: покойники вездѣ лежали въ горизонтальномъ положеніи. Не можетъ быть принято это объясненіе еще и потому, что въ немъ нѣтъ соотвѣтствія между причиною и слѣдствіемъ: не смотря на то, что впадины эти въ теченіи вѣковъ засаривались, все же онѣ даже и теперь, особенно въ большихъ курганахъ, настолько значительны, что объяснить ихъ простымъ разложеніемъ трупа, хотя бы онъ похороненъ былъ и въ сидячемъ положеніи, невозможно. По этой же причинѣ нельзя объяснить ихъ и разложеніемъ обыкновенныхъ деревянныхъ гробовъ: слѣды присутствія деревянныхъ гробовъ встрѣчаются во многихъ могильникахъ, но курганы съ провалившимися вершинами встрѣчаются сравнительно рѣдко. Между могильниками, мною изслѣдованными, онѣ встрѣтились только въ Моховскомъ. Не можетъ быть

[1]) Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи. С.-Пб. 1857. стр. 245, прим. 8.

принято и объясненіе Е. Р. Романова, который, встрѣтивъ въ Могилевской губерніи цѣлый рядъ могильниковъ съ впадинами на вершинахъ кургановъ, объясняетъ образованіе этихъ впадинъ *кладоискательствомъ*. Такимъ случайнымъ фактомъ, какъ кладоискательство, нельзя объяснить явленія, имѣющаго столь широкое распространеніе. Къ тому же въ курганахъ съ впадинами, раскопанными мною, слѣдовъ поврежденія курганныхъ насыпей не обнаружено. Между тѣмъ самъ же г. Романовъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ фактъ, смысла котораго онъ не понялъ, но который вполнѣ удовлетворительно объясняетъ происхожденіе впадинъ. Въ описаніи раскопки одного кургана съ впадиною, г. Романовъ замѣчаетъ: Послѣ снятія верхнихъ слоевъ насыпи кургана „въ центрѣ его выдѣлялся *квадратъ изъ желтаго песка*.... При соскабливаніи земли, найдены большія кучи угольевъ.... Затѣмъ до материка ничего не найдено, хотя въ центрѣ кургана *продолжало виднѣться пятно изъ желтой земли*. На уровнѣ материка изъ желтаго пятна выдѣлялись два прямоугольника, раздѣленные полосою материка въ $1^1/_4$ арш. Это были двѣ могилы“ [1]). Ясно, что квадратное желтое пятно, о которомъ здѣсь говорится, принадлежитъ къ разряду тѣхъ же явленій, съ которыми я встрѣтился въ Моховскомъ могильникѣ, и которыя должны быть поставлены въ причинную связь съ образованіемъ впадинъ. Мнѣ кажется, что происхожденіе этихъ впадинъ логичнѣе всего будетъ объяснить по аналогіи съ тѣми курганами, въ которыхъ впадины образовались вслѣдствіе завала склеповъ. Въ такъ называемыхъ скиѳскихъ курганахъ, въ которыхъ покойниковъ хоронили въ склепахъ, впадины тоже встрѣчаются, но тамъ происхожденіе ихъ объясняется очень просто: истлѣвшіе деревянные потолки склеповъ обламывались, насыпь кургана осѣдала, а на вершинѣ его образовывалась впадина. Въ разсматриваемыхъ мною курганахъ склепы несомнѣнно отсутствовали, но за то въ нихъ обнаружены надгробныя деревянныя сооруженія, которыя покрывались насыпью и съ которыми могло случиться то же, что и съ склепами, т. е. потолки ихъ обвалились, насыпь осѣла, а на вершинѣ кургана образовались впадины. Мною слѣды такихъ сооруженій обнаружены только въ трехъ курганахъ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что они существовали во

[1]) Древности. Т. XIII, выпускъ 1. Раскопки въ Могилевской Губерніи, стр. 142.

всѣхъ курганахъ съ провалившимися вершинами. Если въ скиѳскихъ могилахъ, гдѣ деревянный срубъ склепа ограждался неподвижными стѣнками ямы, отъ сруба часто и слѣда не сохранялось, то тѣмъ естественнѣе ожидать уничтоженія слѣдовъ сруба, находившагося въ подвижной насыпи кургана, которая, осѣдая и расплываясь, совершенно легко уничтожала слѣды находившагося въ ней сооруженія. Что же касается возможности полнаго уничтоженія самого дерева, то оно подтверждается судьбою деревянныхъ гробовъ: въ курганахъ разсматриваемой области сплошь и рядомъ возлѣ костяковъ можно встрѣчать присутствіе желѣзныхъ гвоздей, которые и своимъ расположеніемъ (часто въ два яруса: верхній и нижній) и присутствіемъ на нихъ слѣдовъ покрытаго желѣзною окисью дерева, показываютъ, что ими сбиты были деревянные гробы, а между тѣмъ обнаружить слѣды самихъ гробовъ часто нѣтъ никакой возможности [1]).

Обращаясь, далѣе, къ письменнымъ источникамъ, мы и здѣсь встрѣчаемся съ указаніями на существованіе разсматриваемыхъ могильныхъ сооруженій. Сюда прежде всего относится выше приведенное мѣсто изъ пролога XV в. „Призва (Ольга) сына своего Святослава и заповѣда ему съ землею равно погрестись, а могилы не сути, ни тризнъ творити, ни *бдына* дѣяти“. Что нужно понимать здѣсь подъ словомъ „бдынъ“? Вопросъ этотъ имѣетъ свою маленькую литературу [2]). Несомнѣнно то, что корень этого слова *буд* и по настоящее время встрѣчается въ живомъ бѣлорусскомъ говорѣ въ словахъ: буда, будка, будынокъ, будовать, означающихъ обыкновенно деревянную постройку. При болѣе точномъ толкованіи этого слова высказано нѣсколько мнѣній. Востоковъ, а за нимъ и Миклошичъ, предположительно высказываютъ мнѣніе, что „бъдынъ“ означаетъ надгробный памятникъ. Даль въ своемъ словарѣ выразился, что *буда* не только постройка вообще, но и склепъ для покойниковъ. Котляревскій думаетъ, что „здѣсь разумѣется исключительно языческій

---

[1]) Нѣчто аналогичное съ разсматриваемыми сооруженіями представляютъ *срубы въ формѣ крыши*, открытые В. Б. Антоновичемъ въ нѣкоторыхъ *древлянскихъ* могилахъ, съ тою однакожъ существенною разницею, что въ этихъ срубахъ стѣнки, повидимому, отсутствовали (Чтен. въ Истор. Общ. Нест. Лѣт., кн. 5, стр. 23). Возможно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіями тождественными по идеѣ, но различными по формѣ.

[2]) См. у Котляревскаго. Тамъ же, 118—120.

памятникъ, и такимъ, по всѣмъ соображеніямъ, должно признать особую *надстройку надъ могилою*", въ родѣ позднѣйшаго *голубца*, который представлялъ собою срубъ съ крышею. Въ доказательство этого мнѣнія онъ ссылается на свидѣтельство Козьмы Пражскаго, у котораго упоминается о хижинахъ (scenae) на распутьяхъ для успокоенія душъ усопшихъ, на Ибнъ-Фодлана, у котораго говорится о какомъ то деревянномъ сооруженіи на могилѣ сожженаго руса, и на „Сказаніе о началѣ Москвы", гдѣ говорится, что какой то князь Даніилъ, убѣгая отъ Кучковичей, „по прилучаю найде въ дебри *струбецъ* малъ стояць, подъ нимъ же *погребенъ бысть* ту нѣкоторый *мертвый человѣкъ*, князь же *влѣзъ въ струбецъ* той, закрыся въ немъ". Указаніе на подобное же сооруженіе находимъ въ Ипатской лѣтописи подъ 1175 годомъ. Лѣтописецъ, разсказывая о смерти Андрея Боголюбскаго, влагаетъ въ уста игумена Арсенія между прочимъ слѣдующія слова: „и долго сему князю (Андрею) лежати; отомкнете божницу, да отпою надъ нимъ; вложимъ и въ *буду*, любо си въ гробъ"... Затѣмъ дальше говорится, что князя положили „въ гробъ каменъ". Противополагая, вѣроятно, буду каменному гробу, Карамзинъ комментировалъ ее словомъ „деревянный гробъ" [1]). Всѣ эти толкованія, очевидно, близки къ истинѣ; но всѣ они грѣшатъ нѣкоторою неточностью, происходящею отъ привнесенія въ древнее понятіе новѣйшаго элемента. Ольга, заповѣдуя „могилы не сути, ни тризнъ творити, ни бдына дѣяти", подъ словомъ „бдынъ", по всей вѣроятности, понимала то самое могильное сооруженіе, съ какими мы встрѣчаемся въ Моховскомъ могильникѣ. Какъ произошелъ обычай сооружать бдыны, сказать трудно. Возможно, что они строились, какъ свидѣтельствуетъ Козьма Пражскій, для успокоенія душъ; сооружаемые на распутьяхъ, они могли представить нѣчто аналогичное съ столпами на „путехъ". Но возможно и другое объясненіе: бдыны могли быть наружными склепами. Изъ ямъ на поверхность земли они могли быть вынесены подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, какія заставили дреговичей, занимавшихъ болотистыя области, отказаться отъ погребенія покойниковъ въ ямахъ и хоронить ихъ на почвенномъ слоѣ. Привыкши въ мѣстахъ первоначальнаго своего погребенія погребать своихъ покойниковъ въ деревянныхъ склепахъ и не находя возмож-

[1]) Ист. Г. Р., т. III, прим. 23.

нымъ практиковать этотъ обычай на новой своей родинѣ, нѣкоторые изъ нашихъ предковъ, уступая новымъ условіямъ жизни и не желая въ тоже время совершенно отказываться отъ прежняго обычая, и стали выносить срубы изъ глубины ямъ на почвенный слой, гдѣ они теперь хоронили своихъ покойниковъ. Когда же съ распространеніемъ христіанства сооруженіе могильныхъ насыпей было запрещено, то бдыны изъ насыпей вынесены были наружу. Въ эпоху двоевѣрія они были одною изъ многихъ уступокъ христіанства въ пользу язычества, служа памятниками, замѣнившими собою земляные холмы. Такъ постепенно бдыны перешли въ позднѣйшіе голубцы. Сообразно съ ихъ новою ролью и взглядъ на нихъ перемѣнился: теперь они были уже не просто могильными камерами, въ которыхъ покоились останки покойниковъ, а стали своего рода „хижинами“, въ которыхъ души усопшихъ находили себѣ успокоеніе. Эта точка зрѣнія имѣетъ то несомнѣнное достоинство, что она объединяетъ одиноко стоящіе факты и въ пониманіе вопроса вводитъ элементъ историческаго развитія.

Теперь обратимся къ предметамъ, найденнымъ въ могилахъ и составлявшимъ принадлежность погребальнаго обряда. Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе оружіе, состоящее изъ *топоровъ* и *копій*. Мною лично въ могилахъ найдено 12 желѣзныхъ топоровъ и 2 такихъ же копья. Кромѣ того крестьянами засвидѣтельствовано было о нахожденіи въ могилахъ же двухъ топоровъ и двухъ копій, одно изъ которыхъ въ испорченномъ видѣ мною пріобрѣтено. Мною найденные топоры по могильникамъ распредѣляются такимъ образомъ: 3 топора найдено въ Моховскомъ могильникѣ, 1—въ Колпенскомъ, 1—въ Сенскомъ, 1 въ Малейки-Городищенскомъ, 4—въ Микуличскомъ и 2—въ Холмечеко-Дубовицкомъ. Копья найдены: 1—въ Моховскомъ могильникѣ и 1—въ Сенскомъ. Оружіе попадалось въ курганахъ всѣхъ важнѣйшихъ типовъ, т. е. въ курганахъ съ погребеніемъ *въ ямахъ*, съ погребеніемъ *на почвенномъ* слоѣ (съ золою и безъ золы) и съ остатками *трупосожженія*. Послѣднее обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія; оно исключаетъ возможность предположенія о дѣленіи древняго населенія этого края на завоевателей и завоеванныхъ, господъ и подчиненныхъ,— предположенія, которое могло бы придти въ голову въ виду указанной выше пестроты формъ погребальнаго обряда: всѣ имѣли право

носить оружіе, слѣдовательно всѣ были свободны и равноправны. Прилагаемая здѣсь таблица съ фотографическими снимками освобождаетъ отъ необходимости описывать форму топоровъ: самая значительная длина (№ 2)=4 вершкамъ, самое узкое лезвіе (№ 1)=1 вершку, самое широкое лезвіе (№ 5)=3 в. По формѣ приложенные топоры могутъ быть раздѣлены на три типа. Къ первому типу относятся №№ 1—2, ко второму типу—№ 3, къ третьему типу №№ 4—5. Самымъ древнимъ по формѣ слѣдуетъ признать топоръ № 1; по крайней мѣрѣ желѣзные топоры такой же, по основной идеѣ, формы встрѣчаются въ скиѳскихъ курганахъ по-сульской области. Изъ формы № 1, чрезъ разширеніе лезвія и удлиненіе обратной стороны, образовалась форма № 2. Между этими двумя формами еще та разница, что въ топорѣ № 1 обратная сторона оканчивается молоткомъ, а въ топорѣ № 2— узкимъ лезвіемъ. Изъ этихъ двухъ формъ легко могли образоваться двѣ остальныя чрезъ уничтоженіе обратныхъ сторонъ: форма № 1 перешла въ форму № 3, форма № 2 перешла въ форму №№ 4—5. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ возможность наблюдать любопытный фактъ трансформаціи формы топора: именно, здѣсь мы видимъ, какъ форма древняго скиѳскаго топора постепенно принимаетъ форму, которою характеризуется позднѣйшій славянскій топоръ. Фактомъ этимъ однакожъ не слѣдуетъ злоупотреблять. Дѣло въ томъ, что всѣ эти формы топора можно видѣть въ „Атласѣ къ изслѣдованію о мерянахъ и ихъ бытѣ“ гр. А. С. Уварова (табл. XXIX), при чемъ форма №№ 1—2, т. е. съ выдающимся удлиненнымъ тыльемъ, представляетъ характеристическую особенность топоровъ (собственно сѣкиръ), встрѣчающихся по преимуществу въ мерянскихъ курганахъ. Объ этой формѣ гр. Уваровъ замѣчаетъ: „Такая форма, между скандинавскими древностями, встрѣчается только въ бронзовомъ вѣкѣ, и сдѣлана въ подражаніе топорамъ каменнаго вѣка. Слѣдовательно, эти боевыя сѣкиры не привозились къ Мерянамъ изъ Скандинавіи, а вѣроятнѣе изъ Германіи“ [1]). Графъ Уваровъ упоминаетъ также о *малыхъ топорахъ*, имѣвшихъ не болѣе $2^1/_4$ вершковъ. Нѣчто подобное встрѣчается и здѣсь. Изъ двухъ топоровъ, найденныхъ въ Холмечско-Дубовицкомъ могильникѣ, одинъ имѣетъ только $1^1/_2$ вершка, такъ что его скорѣе можно признать игрушкой, или

[1]) Меряне и ихъ бытъ, 126.

какимъ нибудь символическимъ знакомъ, чѣмъ орудіемъ, имѣвшимъ практическое назначеніе. Что же касается копій, то они сохранились плохо, а поэтому о формѣ ихъ судить трудно.

При обзорѣ предметовъ, найденныхъ въ курганахъ Мозырскаго уѣзда, было замѣчено, что оружіе тамъ не встрѣчается. Раскопки В. Б. Антоновича показали, что и въ области древлянскихъ поселеній оружіе въ курганахъ попадается сравнительно очень рѣдко. Такъ, не смотря на значительное число раскопанныхъ имъ могилъ (свыше 300), ему попалось лишь 8 копій и ни одного топора. Въ Рѣчицкомъ же уѣздѣ, какъ сказано было, на 245 кургановъ встрѣтилось 12 топоровъ и 2 копья, не говоря о топорахъ и копьяхъ, найденныхъ въ могилахъ крестьянами. Чѣмъ же объяснить такую сравнительно большую воинственность населенія данной области. Думаю, что здѣсь могли дѣйствовать двѣ причины. Во-первыхъ, близость Днѣпра, бывшаго большою проѣзжею дорогою, по которой совершалось движеніе не однихъ только мирныхъ купцовъ. Живя на такомъ пути, приднѣпровскіе жители всегда должны были быть на сторожѣ, такъ какъ имъ приходилось принимать не однихъ мирныхъ гостей. Второю причиною разсматриваемаго явленія было сравнительно большее развитіе торговли этого края съ отдаленными областями; а извѣстно, что въ то варварское время каждый купецъ былъ поневолѣ вмѣстѣ и воиномъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ фактъ присутствія вѣсовъ въ такой могилѣ, въ которой покойникъ погребенъ былъ съ оружіемъ. Незначительный объемъ вѣсовъ (см. № 7) прямо показываетъ, что они предназначались для взвѣшиванія—или точнѣе, для провѣрки—монеты. Вѣсы же вообще считаются принадлежностью купцовъ. Въ мерянскихъ могилахъ они встрѣчаются нерѣдко.

Обращаясь къ другимъ предметамъ погребальнаго обряда, упомянемъ прежде всего о небольшихъ желѣзныхъ ножикахъ, въ изобиліи встрѣчающихся въ курганахъ. Ножики обыкновенно находятся у пояса, нѣсколько выше топоровъ, которые попадаются у праваго или лѣваго бедра—выше или ниже; чаще всего ножики встрѣчаются съ лѣвой стороны, иногда возлѣ кисти руки, что наводитъ на мысль о томъ, что покойники погребены были съ ножикомъ въ рукахъ; самое лезвіе ножиковъ имѣетъ отъ 1 до $3^1/_2$ вершковъ длины. Въ одномъ случаѣ, ножъ, длина лезвія котораго равнялась $3^1/_2$ вершкамъ, встрѣтился у берцовой кости; очевидно, онъ долженъ быть отнесенъ

къ типу такъ называемыхъ засапожныхъ. На обратныхъ концахъ ножиковъ иногда видны бываютъ слѣды дерева; это показываетъ, что рукоятки ножей были деревянныя. Обычай ношенія поясныхъ ножей въ припетскомъ полѣсьи во всей своей силѣ сохранился до настоящаго времени.

На ряду съ ножиками у пояса встрѣчаются: огниво, кремень, губка и оселокъ. Предметы эти заключались или въ особаго рода сумки, или въ мѣшечки. Сумки запирались небольшими бронзовыми пряжками (см. табл. № 8), мѣшечки (нынѣшніе капшуки, кисеты) затягивались снурками, къ концамъ которыхъ прикрѣплялись бронзовыя кольца. Отъ сумокъ и мѣшечковъ иногда попадаются кусочки кожи. Но весьма вѣроятно, что въ старину, какъ и теперь, предметы эти приготовлялись также изъ пузыря (капшуки) и холщевой матеріи. Всѣ названные предметы, съ добавленіемъ табаку, и по настоящее время носятся полѣшуками у пояса въ капшукахъ и кисетахъ.

У пояса же встрѣчаются бронзовыя или желѣзныя пряжки отъ поясовъ, которые, очевидно, были кожанные. Подобнаго рода пояса (точнѣе кушаки) подъ названіемъ дяжекъ и попружекъ (вѣрнѣе подпружекъ) и по настоящее время употребляются въ Минской губерніи. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ форма пряжекъ какъ поясныхъ, такъ и тѣхъ, которыми запирались сумки. Однѣ изъ нихъ имѣютъ форму колецъ, одна сторона которыхъ (нижняя) плоская, другая (верхняя, наружная) округленная. Концы этихъ пряжекъ не сходятся вполнѣ, а оканчиваются или простыми кольцевидными загибами, или какими нибудь другими формами, напр. головками животныхъ (табл. № 6). Форму пряжекъ другаго типа можно, вслѣдъ за гр. Уваровымъ, назвать лировидною съ внутреннею перепонкою, въ которой иногда находится небольшая дырочка для прикрѣпленія язычка (табл. № 8). Обѣ эти формы, не встрѣчаясь ни въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, ни въ области древлянскихъ поселеній, составляютъ характерную принадлежность мерянскихъ кургановъ (Атласъ, табл. XXXII), а также въ большомъ количествѣ встрѣчаются онѣ въ системѣ З. Двины, въ Динабургскомъ уѣздѣ Витебской губерніи. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ употреблялись не только для стягиванія поясовъ, но замѣняли собою и пуговицы. У латышей, подъ именемъ

сакстъ, эти пряжки сохранились до позднѣйшаго времени [1]). Графъ Уваровъ, указавъ на то, что пряжки разсматриваемой формы существенно отличаются отъ пряжекъ скандинавскаго происхожденія, относитъ ихъ *къ восточнымъ издѣліямъ* [2]). На ряду съ пряжками слѣдуетъ упомянуть особый видъ костяныхъ фибулъ; это тонкія, круглыя, длиною около 2 вершковъ, костяныя палочки (напоминающія собою кусокъ обыкновеннаго карандаша), которыя, будучи прикрѣплены посрединѣ у одного борта платья, задѣвались въ петлю, находившуюся у другаго борта и, такимъ образомъ, замѣняли собою пуговицы. Такого рода фибулы попадаются, насколько мнѣ извѣстно, въ скиѳскихъ курганахъ посульскаго края.

Въ числѣ принадлежностей домашняго быта встрѣчаются ведра, окованныя желѣзными обручами, съ желѣзными дужками. Обычный діаметръ ведра около 6 вершковъ. Нѣкоторыя ведра, какъ мы видѣли, украшались серебряными вызолоченными бляшками. Впрочемъ, ведра встрѣчаются сравнительно не часто. Возможно, что отъ тѣхъ ведеръ, которыя скрѣплены были не желѣзными, а деревянными обручами, слѣдовъ въ курганахъ не сохранилось.

По одному экземпляру встрѣтились слѣдующіе предметы: желѣзныя удила съ мундштукомъ, бронзовые вѣсы съ вѣсовымъ камнемъ, шило съ рукояткой изъ рога дикой козы, два обыкновенныхъ рога (цѣлый и кусочекъ) не совсѣмъ понятнаго назначенія, клыкъ дикаго кабана безъ всякой отдѣлки, кусокъ серпа и, повидимому,—ножницъ. Слѣдуетъ упомянуть также, что въ Холмечско-Дубовицкомъ могильникѣ въ руки покойниковъ даны были чашки: въ двухъ случаяхъ изъ черепа мѣстной черепахи, въ одномъ случаѣ изъ черепа человѣка.

Посуда встрѣчается въ курганахъ этой области сравнительно не часто: это въ большинствѣ случаевъ черепки отъ битыхъ глиняныхъ горшковъ приблизительно той же формы, съ какою и теперь приходится встрѣчаться въ домашнемъ быту мѣстныхъ крестьянъ. Раньше уже высказано было правдоподобное предположеніе, что, если не всегда, то въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, въ горшкахъ приносился на могилу огонь.

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи. № 4, стр. 54 и примѣч. 7. Таб. V (№№ 1 и 6) и VI (№ 1, 6, 7, 22, 27).

[2]) Меряне и ихъ бытъ, стр. 108.

Самое видное число предметовъ, встрѣчающихся въ могилахъ разсматриваемой области, относится къ разряду украшеній. Раскопки въ Мозырскомъ уѣздѣ показали, что тамъ особое вниманіе обращалось на украшеніе головы. Голову украшали, во первыхъ, серьгами, во вторыхъ—кольцами: височными и вплетавшимися въ волосы. Въ Рѣчицкомъ уѣздѣ на украшеніе головы обращалось, повидимому, мало вниманія. Затѣмъ, между височными кольцами, если они встрѣчаются, попадаются *большія*, которыя тоже приготовлялись изъ серебряной или бронзовой проволоки, но которыя достигаютъ до 2 вершковъ въ діаметрѣ [1]). Попадаясь рѣдко къ западу отъ Днѣпра, височныя кольца большаго формата часто встрѣчаются въ областяхъ поволжскаго края и составляютъ одну изъ характеристическихъ особенностей женскихъ мерянскихъ украшеній [2]). Серьги въ курганахъ Рѣчицкаго уѣзда встрѣчаются тоже сравнительно не часто. За то особое вниманіе здѣсь обращалось на украшеніе шеи, конечно женщинами. Шея украшалась обыкновенно ожерельемъ, которое состояло изъ бусъ и привѣсокъ. Между бусами встрѣчаются: аметистовыя сердаликовыя, хрустальныя, стекляныя золоченыя, стекляныя синія и желтыя, серебряныя и бронзовыя дутыя; но самое значительное количество бусъ встрѣчается изъ композиціи. Бусы послѣдняго рода обыкновенно окрашены бываютъ въ различные цвѣта; въ большинствѣ случаевъ въ могилахъ онѣ встрѣчаются въ разложившемся или въ полуразложившемся состояніи. Попадаются также бусы, приготовлявшіяся изъ свитой спиралью бронзовой проволоки. Любопытно то, что серебряныя и бронзовыя бусы филигранной работы, усѣянныя мелкимъ бисеромъ, въ большомъ количествѣ встрѣчающіяся въ Мозырскомъ уѣздѣ, въ Рѣчицкомъ уѣздѣ составляютъ большую рѣдкость. Вмѣсто ихъ, въ качествѣ шиповъ на серьгахъ, встрѣчаются металлическія бусы болѣе нѣжной работы, въ значительномъ количествѣ встрѣчающіяся въ курганахъ мерянскихъ (Атласъ, табл. XXXI). Что же касается проволочныхъ бусъ, то онѣ, совершенно не встрѣчаясь, насколько, по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, въ Мозырскомъ уѣздѣ, въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ коллекціяхъ, добытыхъ въ восточныхъ

[1]) Височныя кольца большаго формата, добытыя мною изъ могильника, расположеннаго близъ селеній Ребуса и Гориводы Рѣчицкаго уѣзда, изданы въ Календарѣ Сѣв. Зап. края 1890 г. См. „О кург. Минск. губерніи“, стр. 13, № 1 и 3.

[2]) Меряне и ихъ бытъ, стр. 103.

областяхъ европейской Россіи, а также въ системѣ З. Двины [1]). Въ восточныхъ областяхъ Россіи попадаются цѣлые обручи, приготовленные изъ круглой или болѣе или менѣе плоской проволоки, обвитой спиралью около кожаннаго жгута, простой веревки, или даже около пряди женскихъ волосъ. Въ нашихъ курганахъ попадаются иногда бусы, представляющія собою небольшія трубочки, вылитыя изъ какого-то мягкаго сплава съ преобладаніемъ олова. При прикосновеніи къ нимъ онѣ обыкновенно разсыпаются. Между бусами иногда попадаются куски тонкой серебряной или бронзовой проволоки. Это, повидимому, обломки проволочныхъ обручей, на которые нанизаны были бусы. Ожерелья подобнаго рода попадаются въ мерянскихъ могилахъ (Атласъ, табл. XXXII, № 1). Между бусами въ ожерельи размѣщались привѣски, между которыми встрѣчаются: бубенчики (см. табл. № 9), медаліоны, монеты, бронзовыя бляхи, полулунія и небольшія металлическія круглыя пуговки съ ушками. Между медаліонами слѣдуетъ отмѣтить особый видъ съ изображеніемъ такъ называемаго бѣгущаго колеса. Со всѣми этими привѣсками встрѣчаемся въ мерянскихъ курганахъ (Атласъ, табл. XXVIII, XXXI).

Послѣ шеи особое вниманіе обращалось на украшеніе рукъ. На пальцахъ рукъ встрѣчаются кольца серебряныя и бронзовыя. По формѣ кольца можно раздѣлить на три вида: a) проволочныя простыя безъ спайки, b) витыя и c) приготовленныя изъ пластинокъ, концы которыхъ иногда связывались узелкомъ. На рукахъ попадаются браслеты. Браслеты встрѣчаются желѣзные, бронзовые и серебряные. По формѣ одни изъ браслетовъ свободны отъ всякихъ украшеній, другіе имѣютъ видъ жгутовъ, сплетенныхъ изъ проволоки. Послѣдніе особенно часто встрѣчаются въ мерянскихъ могилахъ (Атласъ, табл. XXVIII). Около кистей рукъ иногда попадаются бубенчики, которые, вѣроятно, прикрѣплялись къ обшлагамъ рукавовъ. Отъ самой же одежды слѣдовъ не сохранилось.

Для хронологіи раскопанныхъ кургановъ служатъ монеты. Монетъ найдено 4; всѣ относятся къ X вѣку: одна византійская Константина Багрянороднаго (948—959), три арабскихъ сасанидскихъ самаркандскаго чекана. Всѣ 4 монеты найдены въ курганахъ съ погребеніемъ на почвенномъ слоѣ. Итакъ, курганы, въ которыхъ най-

[1]) Матеріалы по арх. Россіи. Тамъ же, Табл. IV, № 11, 13 и др.

дены были монеты, насыпаны были ни какъ не раньше конца X и начала XI вѣка. Вообще, если судить на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ кургановъ, то придется допустить, что начало появленія курганнаго населенія въ Минской губерніи не можетъ быть относимо въ глубокую древность. Курганные обитатели этого края не знали ни каменнаго, ни бронзоваго вѣка: всѣ они переживали желѣзный вѣкъ и находились, повидимому, на одной и той же степени культурнаго развитія. Правда, въ предѣлахъ Минской губерніи каменныя орудія встрѣчаются, но не въ курганахъ, а случайно выпахиваются крестьянами при вспашкѣ полей; какому народу они принадлежатъ—это еще вопросъ. Кромѣ Мозырскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ, пробныя раскопки мною лично произведены были еще въ уѣздахъ Минскомъ, Игуменскомъ и Борисовскомъ, и я не могу указать ни одного могильника, въ которомъ желѣзо не встрѣчалось бы въ той или другой формѣ.

Изъ кургановъ Рѣчицкаго и другихъ уѣздовъ мною извлечена небольшая коллекція череповъ: всѣ они отличаются однообразіемъ и устойчивостью типа и относятся къ категоріи мезоцефаловъ.

Относительно положенія костяковъ въ могилахъ ничего новаго не обнаружено, сравнительно съ тѣмъ, что найдено было въ Мозырскомъ уѣздѣ и что вообще встрѣчается въ славянскихъ курганахъ: всѣ костяки, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, лежали головою на западъ, ногами на востокъ; незначительныя уклоненія отъ компаса легко объясняются частію тѣмъ, что направленіе могилъ опредѣлялось на глазомѣръ, частію погребеніемъ покойниковъ въ разное время года. Руки или вытянуты бываютъ вдоль туловища, или сложены на желудкѣ—выше или ниже. Относительно положенія головы трудно сказать что нибудь опредѣленное, такъ какъ она напоромъ насыпи почти всегда выведена бываетъ изъ своего первоначальнаго положенія. Съ значительною вѣроятностью можно утверждать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ покойники клались бокомъ. Для характеристики семейныхъ нравовъ необходимо отмѣтить фактъ погребенія мужа и жены рядомъ подъ одною насыпью, причемъ могилы ихъ обыкновенно отдѣляются небольшимъ простѣнкомъ изъ материка. Не лишенъ значенія и тотъ фактъ, что во взаимномъ положеніи могилъ иногда встрѣчается нарушеніе симметріи, т. е. двѣ могилы, находящіяся подъ одною насыпью, расположены бываютъ не парал-

лельно одна другой, а пересѣкаются подъ острымъ угломъ. Это показываетъ, что могилы рыты были въ разное время года (примѣнительно къ восходу солнца) и, слѣдовательно, оба супруга погребены были не одновременно. Но встрѣчаются и такіе случаи, гдѣ мужъ, жена и ребенокъ погребены бываютъ въ одной могилѣ; встрѣчаются также матери съ дѣтьми. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ покойникамъ иногда придавались позы, указывавшія на ихъ взаимныя отношенія.

Во многихъ могилахъ обнаружены ясные признаки деревянныхъ гробовъ; въ другихъ не найдено никакихъ слѣдовъ присутствія гробовъ. Что касается желѣзныхъ гвоздей, то теперь я категорически утверждаю, что они употреблялись исключительно для скрѣпленія гробовыхъ досокъ и другаго назначенія они не имѣли.

При обзорѣ найденныхъ въ могилахъ предметовъ указано было на ихъ близкое сходство, а иногда и полное тождество, съ предметами, извлеченными граф. Уваровымъ изъ мерянскихъ могильниковъ. Это показываетъ, что населеніе данной приднѣпровской области еще въ языческую эпоху находилось въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ приволжскимъ краемъ. Для уясненія исторіи колонизаціи ростовско-суздальскаго края этотъ фактъ имѣетъ серьезное значеніе.

В. З. Завитневичъ.

1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
8.
9.

ПО ПОВОДУ „ДРОГИЧИНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ".

Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью.

I.

Вопросъ о дрогичинскихъ древностяхъ въ археологической литературѣ.

17 лѣтъ тому назадъ, лѣтомъ 1864 г., на берегу р. Буга, подлѣ г. Дрогичина (Гродненской губ., Бѣльскаго у.), найдена была, среди прочихъ предметовъ, масса свинцовыхъ пломбъ, сразу причисленныхъ археологами къ „загадочнымъ и таинственнымъ по значенію". Пломбы эти—разнообразной, но сравнительно незначительной величины, толщиной въ 2—3 миллиметра и въ громадномъ большинствѣ (въ сохранившихся въ цѣлости экземплярахъ) кругловатой формы. Нѣкоторыя имѣютъ ушко или слѣды его, но во всѣхъ существуютъ сквозныя отверстія, то проходящія (чаще всего) сквозь толщу пломбы, то въ срединѣ ея, и образующія внутри пломбы желобокъ. Кромѣ того всѣ онѣ — двойныя, состоятъ изъ двухъ сплюснутыхъ пластинокъ, и на нѣкоторыхъ видны слѣды сплющиванія. Почти на всѣхъ сохранились, съ большею или меньшею отчетливостью, рельефныя изображенія самаго разнообразнаго характера, рѣдко повторяющіяся. Рельефомъ оттиснуты: 1) рѣзы разныхъ формъ, то въ видѣ креста, то угла, то скрещенныхъ въ разныхъ видахъ 2, 3 и болѣе линій (что напоминаетъ руны), 2) буквы и славянскія, и латинскія (прописныя), 3) кресты, то просто, то съ якоремъ внизу, 4) изображенія лицъ, птицъ, чего-то въ родѣ четвероногихъ и т. д., и 5) иногда нѣчто въ родѣ римскихъ цифръ.

На пломбахъ оттиски встрѣчаются съ обѣихъ сторонъ, но попадаются то съ обѣихъ сторонъ изображенія фигуръ, то съ одной фигура, а съ другой рѣзы, то буква съ одной и якобы цифра римская, фигура или рѣзъ съ другой и т. д. Словомъ, рядъ оттисковъ, которые хорошо знакомы всякому, посѣщавшему европейскіе музеи и архивы или разсматривавшему таблицы съ изображеніемъ такъ называемыхъ Haus- und Hofmarken Германіи и др. странъ.

Весенній разливъ Буга, подмывая правую сторону нагорнаго берега, гдѣ расположенъ Дрогичинъ, и срывая цѣлыми кусками черноземъ и мусорный слой, оставилъ послѣ спада воды часть размытыхъ предметовъ и пломбъ, попавшихъ,—какъ неотъемлемая область,—въ 1864 году въ руки археологовъ и, естественно, сдѣлавшихся предметомъ изысканій, догадокъ и т. д. Новые разливы, особенно разливъ 1888 года, привели къ открытію новыхъ экземпляровъ разныхъ предметовъ, особенно же свинцовыхъ пломбъ, число которыхъ теперь доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ, [1]) усиливая интересъ къ этимъ „загадочнымъ“, какъ назвалъ ихъ одинъ изъ гг. археологовъ, предметамъ. Создалась цѣлая литература по вопросу о такихъ невѣдомыхъ пломбахъ, и дала рядъ остроумныхъ гипотезъ, имѣющихъ цѣлью объяснить смыслъ и употребленіе пломбъ.

Г. Амброжіевскій, открывшій ихъ впервые въ *1864 г.*, препроводилъ ихъ (въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ) въ Виленскій музей, и ученые члены тамошней археологической коммиссіи, послѣ тщательнаго изученія присланныхъ предметовъ, пришли въ томъ же *1864 г.* къ заключенію, что пломбы эти не иное что, какъ „висячія печати ятвяжскихъ грамотъ“. Что пломбы—древняго происхожденія и суть родовые гербы,—коммиссія не сомнѣвалась по, вѣроятно, вѣскимъ основаніямъ и потому уже, что однажды Дрогичинъ находился въ ятвяжской землѣ, однажды вещи найдены въ мѣстности, нѣкогда заселенной ятвягами,—можетъ ли быть, съ археологической точки зрѣнія, сомнѣніе въ томъ, что онѣ мѣстнаго издѣлія. Но извѣстный археологъ, графъ К. Тышкевичъ, не вполнѣ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи, и въ спеціальной статьѣ, помѣщенной въ Тру-

[1]) Часть ихъ находится въ Кіевѣ у одного частнаго лица, и снимки ихъ частью отпечатаны въ „Сборникѣ снимковъ съ древностей, находящихся въ Кіевѣ въ частныхъ рукахъ“, въ выпускѣ 1, Кіевъ 1890 г. Наибольшая часть, около 921 снимка, еще печатается.

дахъ Московскаго археологическаго общества (т. 1, 1865 г., стр. 115—122) предложилъ свою гипотезу, свое археологическое объясненіе „таинственныхъ знаковъ“ или оттисковъ, сдѣланныхъ на пломбахъ. Что пломбы эти—ятвяжскія,—въ этомъ графъ Т-чъ сомнѣвался также мало, какъ и археологическая Виленская коммиссія. Находка ихъ, по его мнѣнію,—ясное свидѣтельство, что „ятвяги имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствѣ“, находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними странами и, слѣдовательно, „не были тѣмъ дикимъ и кочевымъ народомъ“, какимъ „представляетъ ихъ намъ исторія“ (Ib., стр. 119). Но допустить, чтобы пломбы были печатями къ грамотамъ,—на это графъ Т-чъ не рѣшился, ибо это значило бы приписать ятвягамъ такую степень развитія, такую „цивилизацію, какой они тогда не достигли“ (ib.). Опасался признать онъ въ пломбахъ и родовые знаки, зародышъ гербовъ, опасался потому, что это грозило бы полнымъ переворотомъ въ геральдикѣ (стр. 119—120), заставило бы признать существованіе уже среди ятвяговъ рода Огинскихъ и др., гербы которыхъ сходны съ фигурами, оттиснутыми на свинцовыхъ дрогичинскихъ пломбахъ (ib). Еще менѣе склоненъ онъ былъ принять и „гипотезу“ (догадку) о томъ, что рѣзы на пломбахъ—слѣды руническаго письма (къ чему позже склонялся отчасти покойный Котляревскій). Пораженный нѣкоторымъ сходствомъ символическихъ знаковъ на днахъ якобы жертвенныхъ горшковъ, находимыхъ въ раскопкахъ по разнымъ славянскимъ землямъ, съ знаками на пломбахъ Дрогичина, онъ рѣшилъ, что „пломбы эти принадлежали къ предметамъ, посвященнымъ божеству, и составляли религіозный символъ“, ибо въ знакахъ оказались „стрѣлы Перуна“ и т. п., а въ фигурахъ, оттиснутыхъ на пломбахъ,—изображенія, „неуклюже отдѣланныя и чудовищно исполненныя“, божествъ (ятвяги, вѣдь, придерживались многобожія) (121). Пломбы, говоритъ графъ Т-чъ, „могли представлять домашнія божества, складывавшіяся куда нибудь (sic!) на жертву, или же носимыя съ собою. Далѣе, оттиски съ отверстіями не противорѣчатъ такому предположенію: они могли быть какими-нибудь религіозными талисманами, которые, можетъ статься, вѣшали въ священныхъ рощахъ или на шнуркахъ (стр. 122).

Открытія, сдѣланныя Виленской коммиссіей и графомъ Т-чемъ, были сообщены Пражскому ученому обществу славянскихъ древностей и археологическому Великобританскому институту на ихъ заключеніе,

и оба ученыя общества не замедлили откликнуться на приглашеніе высказать свое мнѣніе о „таинственныхъ предметахъ“. Англійскіе археологи (за исключеніемъ двухъ: пастора Скарса и отчасти Рочъ-Смита) дали, какъ можно думать, прямой и категорическій отвѣтъ. Они признали пломбы г. Дрогичина—клеймами, привѣшиваемыми къ товарамъ, товарнымъ тюкамъ (не таможенными) [1]). Но членъ Чешскаго ученаго общества, извѣстный археологъ Заппъ, высказался отчасти въ пользу мнѣнія археологической Виленской коммиссіи. Онъ призналъ, что въ оттискахъ на свинцовыхъ пломбахъ существуетъ сходство съ польскими и чешскими гербами, но въ то же время высказалъ соображеніе, что штемпеля на пломбахъ могли изображать тамгу или таможенныя (очевидно, ятвяжскія) клейма, и это тѣмъ болѣе, что въ „древности черезъ р. Бугъ шли торговые пути внутрь Россіи“ [2]).

Мнѣніе нѣкоторыхъ англійскихъ археологовъ о торговомъ характерѣ пломбъ было оставлено безъ всякаго вниманія, вѣроятно, какъ не заслуживающее съ археологической точки зрѣнія даже разсмотрѣнія, и поэтому графъ Т-чъ остановился только на авторитетномъ мнѣніи Заппа, которое отвергъ цѣликомъ. Если, писалъ онъ въ Московское археологическое общество, и „существовали торговые пути въ отдаленныя, до-христіанскія времена, то не имѣется никакихъ данныхъ о существованіи въ то время таможеннаго порядка и тѣмъ менѣе—клейменія товаровъ свинцовыми штемпелями (ib., стр. 124) (Это, разумѣется, у ятвяговъ).

Московское археологическое общество, въ которое былъ перенесенъ столь интересный вопросъ, очутилось въ затруднительномъ положеніи въ виду такого крайняго разнообразія мнѣній о „таинственныхъ“ дрогичинскихъ свинцовыхъ пломбахъ, и, воспользовавшись присланными графомъ Т-чемъ снимками съ изображеній фигуръ на днахъ „жертвенныхъ горшковъ“, находимыхъ въ могилахъ Литвы, з. Руси и славянскихъ земель, поручило разборъ ихъ своему члену, покойному А. А. Котляревскому. Но послѣдній не рѣшился дать категорическій отвѣтъ на предложенный ему вопросъ, и, въ виду ка-

---

[1]) Такъ можно заключить изъ нѣсколько неяснаго письма графа Т-ча въ М. арх. общ.—Труды арх. М. о., I, стр. 124.

[2]) Ib. 123 и 124.

завшейся ему несомнѣнной древности предметовъ, высказалъ не болѣе какъ догадку. Основываясь на данныхъ о нѣмецкихъ Haus- und Hofmarken, домовыхъ клеймахъ, данныхъ, взятыхъ имъ у Homeyer'a (въ Zeitschrift für deutsche Mythologie) и воспроизведенныхъ въ приложеніи къ реферату въ видѣ таблицы, онъ отчасти склонялся, въ виду поразительнаго сходства клеймъ нѣмецкихъ Гомейера (шлезвигъ-голштейнскихъ, тюрингенскихъ и др.) съ извѣстными русскими того же типа, къ тому предположенію, что клейма эти, оттиски на днѣ горшковъ, были, вѣроятно, знаками собственности или просто фабричными клеймами. „Впрочемъ, прибавлялъ онъ, объ этомъ предметѣ трудно сказать что-нибудь положительное: доисторическая древность еще такъ мало намъ извѣстна". Ему, очевидно, не были извѣстны появившіеся до 1864 г. труды Hübbe и Михельсена и замѣтка Hirsch'a о Hausmarke, какъ товарномъ клеймѣ, и потому онъ не рискнулъ пускаться въ догадки о свинцовыхъ дрогичинскихъ пломбахъ.

Вопросъ о нихъ такъ и остался открытымъ, пока новая, болѣе крупная находка 1888 года не вызвала новаго усиленнаго интереса къ дрогичинскимъ пломбамъ, не породила цѣлой серіи новыхъ догадокъ о нихъ и ряда изданія снимковъ съ нихъ.

Въ послѣдніе два года, 1890 и 1891 гг., гг. Авенаріусъ [1]) и Леопардовъ [2]), а затѣмъ г. Болсуновскій [3]) посвятили вопросу рядъ изслѣдованій и, особенно первые два,—создали новыя догадки, уничтожившія и оставившія далеко позади всѣ прежнія. Если прежде всѣ найденные на Бугѣ предметы изъ свинца оказывались несомнѣнно ятвяжскими, то теперь ятвяжская гипотеза исчезла, уступивъ мѣсто славяно-русской гипотезѣ. Даже болѣе:—не гипотезѣ, а доказанному факту, какъ въ томъ убѣждаетъ г. Авенаріусъ. Но какъ ни различ-

---

[1]) „Дрогичинъ надбужскій и его древности", въ сборникѣ, издан. археологической коммиссіей въ Петербургѣ: Матеріалы по археологіи Россіи, т. I, вып. I, СПБ. 1890.

[2]) Въ „Сборникѣ снимковъ съ предметовъ древности, наход. въ Кіевѣ", вып. 1 (Кіевъ 1890): „по поводу дрогичинскихъ находокъ", вып. 3 и 4 (Кіевъ 1891); о славянахъ, какъ основателяхъ Дрогичина.

[3]) Статьи Baro: „Znaki pieczętne na ołowiu (plomby), znajdywane przy m. Drohiczynie", въ Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne, 1891 г., №№ 7 и 8.

ны выводы прежнихъ и новыхъ изслѣдователей, они сходятся вполнѣ въ одномъ: въ признаніи безспорнымъ и доказаннымъ факта *мѣстнаго* происхожденія пломбъ. Что пломбы выдѣлывались въ Дрогичинѣ, въ этомъ не сомнѣваются ни г. Авенаріусъ, ни г. Леопардовъ. Встрѣтившіяся на нѣкоторыхъ пломбахъ славянскія буквы служатъ для г. А-а несомнѣннымъ свидѣтельствомъ ихъ русскаго происхожденія, а также и того, что они „чеканились" въ Дрогичинѣ въ тѣ времена, когда существовавшій въ немъ языкъ былъ „правительственнымъ языкомъ" и когда „русскіе правительственные знаки не были замѣнены литовскими или польскими". Съ другой стороны, такъ какъ г. А-ъ не встрѣтилъ „*нигдѣ*", кромѣ Дрогичина, такихъ пломбъ, такъ какъ ему ничего неизвѣстно о существованіи ихъ въ другихъ странахъ, то, на основаніи этого, считаетъ вполнѣ доказаннымъ, что они сдѣланы въ Дрогичинѣ и притомъ ранѣе конца XIV в. Обращаясь, затѣмъ, къ вопросу о томъ, въ какое именно время создалось въ Дрогичинѣ производство загадочныхъ пломбъ, г. А. утверждаетъ, что этимъ временемъ былъ періодъ съ XII по XIV в., когда въ Дрогичинѣ существовалъ (вѣроятно и это тоже доказанный фактъ) спеціальный „*дрогичинскій мастеръ*" пломбъ. И это опять вотъ на какомъ основаніи:—„сфрагистическіе и нумизматическіе типы, говоритъ г. А-ъ, изобрѣтались туго и оставались иногда неизмѣнными въ теченіи вѣковъ". Въ Европѣ варварскаго періода чеканились монеты въ подражаніе римскимъ монетамъ, „затѣмъ явился порталъ, крестъ" и т. д., потомъ другіе знаки, пока „съ размноженіемъ монетныхъ дворовъ и ухудшеніемъ металла увеличилось и число типовъ. Наконецъ, когда денары превратились въ никуда негодные брактеаты, разнообразіе типовъ разрослось до невѣроятія," и только, по оригинальному мнѣнію г. А-а, въ XIV в. опять ограничились небольшимъ числомъ типовъ. А такъ какъ изображенія на дрогичинскихъ пломбахъ сходны съ изображеніями на европейскихъ монетахъ, то г. А. полагаетъ, что „дрогичинскій мастеръ скопировалъ эти изображенія съ современныхъ ему заграничныхъ монетъ". Онъ ничего не говоритъ о томъ, какое назначеніе, какую цѣль имѣло производство пломбъ, были ли онѣ монетами или нѣтъ. Но, вѣдь, слѣдуя методу г. Авенаріуса, не трудно было бы рѣшить и этотъ вопросъ, признать пломбы, ну, хоть напр., принудительной монетой. Вѣдь Дрогичинъ осаждался не разъ, вѣдь были примѣры употребленія принудительныхъ монетъ изъ свинца во

время осадъ, и т. д. ad libitum и съ одинаковой основательностью.

Создавши гипотезу о „дрогичинскомъ мастерѣ“, г. А-ъ идетъ далѣе. Если его гипотеза вѣрна, то какъ быть съ гипотезой англійскихъ археологовъ? Дѣло, вѣдь, въ томъ, что 1) въ найденныхъ пломбахъ, какъ видно и изъ имѣющихся въ Кіевѣ экземпляровъ ихъ, и изъ описанія ихъ самимъ г. А-ъ, существуютъ сквозныя отверстія либо сбоку, либо въ срединѣ, 2) что, далѣе, пломбы двойныя и носятъ слѣды сжиманія двухъ пластинокъ въ одну, и 3), что сквозь нихъ, очевидно, проходили нитка или веревочка. Факты эти, повидимому, говорятъ какъ бы въ пользу предположенія англійскихъ археологовъ, но г. А-ъ отвергаетъ ихъ гипотезу. Ссылаясь на барона Тизенгаузена, онъ удостовѣряетъ, что на пломбахъ англійскихъ оттиснуты римскія цифры, т. е. номера римскихъ когортъ и легіоновъ, (только ли?) и что, слѣдовательно (?), пломбы не были товарными. И это, по убѣжденію г. А-а, тѣмъ болѣе, что „товарныя пломбы впервые введены Кольберомъ, значитъ въ XVII в.“ (стр. 17.); съ другой стороны, „намъ (кому ?) ничего неизвѣстно, увѣряетъ г. А., о торговлѣ Дрогичина“.

Г. Леопардовъ вполнѣ соглашается съ г. А., что пломбы—славяно-русскія, но идетъ далѣе въ объясненіи ихъ происхожденія. По его мнѣнію, онѣ были занесены въ Дрогичинъ или въ мѣстность, гдѣ возникъ позже городъ, христіанами [1]), бѣжавшими сюда отъ гоненій, воздвигнутыхъ римскими императорами, такъ какъ сходство знаковъ на пломбахъ дрогичинскихъ съ тѣми знаками, которые „первыми христіанами употреблялись въ римскихъ катакомбахъ“, по увѣренію г. Л-а, поразительно. Онъ дѣлаетъ даже предположеніе, что въ Дрогичинѣ существовало еще въ III в. нѣчто въ родѣ фабрики пломбъ, снабжавшей ими тайными путями христіанъ въ Имперіи.

Иначе нѣсколько отнесся къ пломбамъ г. Болсуновскій. Онъ, послѣ изученія и ихъ, и особенно другихъ предметовъ, найденныхъ подлѣ Дрогичина, пришелъ къ заключенію, что пломбы эти должны быть отнесены исключительно къ сферѣ экономическихъ отношеній, не болѣе. Но, пытаясь объяснить роль пломбъ, г. Б., къ сожалѣнію,

---

[1]) Во второй замѣткѣ г. Леопардовъ прямо называетъ ихъ славянскими, причемъ западный Бугъ отожествляетъ съ ю. Бугомъ. Вып. 3 –4, стр. 29.

возвращается вновь къ гипотезѣ, ни на чемъ серіозномъ необоснованной, чешскаго археолога Запна. Онъ предполагаетъ, что пломбы были таможенными клеймами, „привѣшивавшимися къ товарамъ, какъ свидѣтельство того, что пошлина уплачена за товаръ, или же, что товаръ, хотя и осмотрѣнъ, но по чему-либо освобожденъ отъ уплаты ея“. Считая, далѣе, г. Дрогичинъ, благодаря его пограничному положенію, важнымъ торговымъ пунктомъ, г. Б., нѣсколько смѣло, рѣшаетъ, что здѣсь была таможня, чрезъ которую проходили товары, и что здѣсь необходимо должны были выдѣлываться пломбы. А не находя прямыхъ и документальныхъ данныхъ въ подтвержденіе факта существованія какъ таможни въ Дрогичинѣ, такъ и вообще употребленія пломбъ въ таможенномъ дѣлѣ, надѣется, что исторія таможень въ Польшѣ послужитъ подтвержденіемъ его гипотезы. Но намъ думается, что было бы гораздо проще и съ большею выгодою для дѣла обратиться къ даннымъ з. европейской жизни, въ частности къ даннымъ исторіи Данцига и прусскихъ городовъ и вообще Германіи. Если бы г. Б. поступилъ такъ, онъ врядъ ли оставилъ бы безъ вниманія небольшое примѣчаніе въ книгѣ г. Авенаріуса, книгѣ, на которую онъ ссылается. Мы говоримъ о письмѣ къ г. А-у г. Шумовскаго, сообщившаго давно извѣстный и вполнѣ достовѣрный фактъ, что въ средніе вѣка при сборѣ таможенныхъ пошлинъ ограничивались выдачею на свободный провозъ товаровъ письменныхъ ярлыковъ (Авенаріусъ, стр. 18 прим. 1.). Добавимъ, что почтенный авторъ статей въ Wiadomości посвятилъ немало труда на сличеніе (не безплодное ли ?) знаковъ на пломбахъ съ знаками на монетахъ, гербахъ польскихъ и т. д.

Такова литература по вопросу о дрогичинскихъ пломбахъ, таковы тѣ разнообразнѣйшія, нерѣдко поразительныя „гипотезы“, которыя создали въ археологіи свинцовыя пластинки. То, что удивительнѣе всего, это общая почти увѣренность, что пломбы—мѣстнаго происхожденія. Ни одинъ изъ гг. археологовъ, посвятившихъ труды свои пломбамъ, даже не задалъ себѣ вопроса о томъ, мѣстныя онѣ или нѣтъ. Между тѣмъ вмѣстѣ съ пломбами было найдено и много другихъ предметовъ. Позволю себѣ дать перечень нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ видахъ дальнѣйшаго изложенія. Это: 1) свинцовый кружокъ съ гербомъ Венеціи по срединѣ, превосходно выполненный и съ красивою надписью вокругъ: „*ex officina santo Marco*“, 2) кипрская нум-

ма, 3) монеты польскихъ королей XV и XVI вв., и данцигскія и эльбингскія, затѣмъ 4) костяной гребень съ украшеніями, 5) обломки фитильнаго ружья, 6) бронзовый замокъ отъ шкатулки съ украшеніями, 7) масса стеклянныхъ бусъ, особенно *мозаиковыхъ* съ искусно вылѣпленными узорами сквозь всю стеклянную массу, затѣмъ *эмальированныхъ*, т. е. съ наведенными на поверхности стекла цвѣтными изящными узорами, наконецъ, одноцвѣтныхъ: зеленыхъ, желтыхъ и т. д. Почему же эти послѣдніе предметы не включены въ число предметовъ тоже мѣстнаго производства, тогда такъ, безъ всякихъ доказательствъ, признаны таковыми первые? Если существовалъ „дрогичинскій мастеръ“ пломбъ, почему не могло быть мастеровъ фитильныхъ ружей, стеклянныхъ бусъ и т. п.?

Но не будемъ останавливаться на выводахъ, сдѣланныхъ уже относительно пломбъ и начертаній на нихъ. Я не имѣлъ вовсе въ виду разбирать эти выводы, производить оцѣнку основаній, на которыхъ они построены. Цѣль моя заключалась лишь въ томъ, чтобы изложить эти выводы и узнать, что сдѣлано гг. археологами по вопросу о „загадочныхъ“ пломбахъ.

Не будучи ни археологомъ, ни, въ особенности, любителемъ археологіи, а интересуясь лишь исторіей экономическихъ отношеній, я не буду касаться пломбъ и начертаній на нихъ съ точки зрѣнія археологической. Я постараюсь лишь сообщить въ настоящей замѣткѣ уже давно извѣстныя въ европейской литературѣ и тщательно обслѣдованныя данныя о знакахъ на пломбахъ, объ употребленіи этихъ знаковъ въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Дрогичину и являвшихся крупными центрами торговой дѣятельности, а затѣмъ обращусь къ тѣмъ, хотя и скуднымъ, но не безъинтереснымъ даннымъ о торговыхъ сношеніяхъ прусскихъ городовъ съ Литвой и Русью, сѣверо- и юго-западной, которыя давно уже были изложены въ европейской литературѣ, но страннымъ образомъ не были извѣстны у насъ.

Дѣло читателя—сдѣлать выводъ изъ сопоставленія нижеслѣдующихъ данныхъ съ гипотезами археологическими, изложенными выше, а гг. археологовъ воспользоваться или не воспользоваться ими при дальнѣйшихъ ихъ учено-археологическихъ изслѣдованіяхъ.

II.

Клейма и ихъ употребленіе въ средніе вѣка и въ новое время [1]).

Когда козаки малорусскихъ общинъ производятъ передѣлъ пахатной общественной земли или артелью скошеннаго сѣна, то каждый изъ участниковъ передѣла является съ биркой, которыя всѣ складываются въ шапку и вынимаются изъ нея послѣдовательно. Это служитъ средствомъ опредѣлить, кому достанется та или иная полоска земли, тотъ или иной стожокъ сѣна. На каждой такой деревянной биркѣ вырѣзанъ знакъ, то въ видѣ креста (прямого или косого, римской цифры), то вертикальныхъ или горизонтальныхъ линій (одной, двухъ и болѣе, стоящихъ и прямо, и наискось) и т. д. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ—знаки носятъ чисто геометрическій характеръ. Подобные же знаки вырѣзываются на лапахъ утокъ или

---

[1]) Вопросъ о клеймахъ или знакахъ (Signum, Merke, Zeichen, Haus-und Hofmarken, bomaerk [шведскихъ] и т. д.), прикладывавшихся къ товарамъ, орудіямъ производства, скоту, всякаго рода предметамъ и движимой и недвижимой собственности, домамъ, гробницамъ и т. д., давно уже разработанъ въ европейской литературѣ. Пока клейма эти или знаки были въ общемъ употребленіи, составляли фактъ повседневной жизни (приблизительно до XVII в.), объ нихъ, какъ о знакахъ, имѣвшихъ юридическое значеніе и оформленныхъ обычнымъ правомъ и законами, какъ варварскими, такъ и позднѣйшими, трактовали въ цѣломъ рядѣ книгъ юридическаго содержанія. Юридическая литература конца среднихъ вѣковъ и XVI и XVII вв. наполнена разсужденіями объ этихъ знакахъ или клеймахъ, какъ объ одной изъ формъ, выражавшихъ и доказывавшихъ права собственности. О нихъ говорятъ уже юристы Bartolus и Bardus, а затѣмъ и рядъ преемниковъ ихъ. Особенно богата литература XVII в. (См. перечень юридической литературы у Goldschmidt, Handbuch des Handelsrechts, изд. 1874, I, стр. 7 и сл., особ. 52 и сл.; Schedel, Handbuch der Literatur und Bibliographie fur Kaufleute, Lpz., 1796, и др. Ср. Homeyer, die Hausmarken, въ разн. мѣстахъ). Въ XVIII и XIX вв. клейма эти въ ихъ старинной формѣ вышли изъ употребленія, и значеніе и смыслъ ихъ были забыты. Вопросъ о нихъ поднятъ былъ въ 1837 г. (какъ кажется, впервые) Михельсеномъ, въ рефератѣ его въ обществѣ древностей въ Килѣ. Его сообщеніе вызвало рядъ работъ Магнуссена (въ Копенгагенѣ), Фалька, Іенсена (въ Ангельнѣ), Гомейера и массы другихъ, сообщившихъ свои изслѣдованія и открытія въ трудахъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ Германіи. Уже въ 1853 году разработка вопроса и количество собраннаго матеріала дали возможность Михельсену составить цѣлую книгу о клеймахъ (Michelsen, Die Hausmarken, Jena, 1853). Затѣмъ, въ 1857 г. появилась работа Hübbe: „Über den frühen Gebrauch der Hausmarken in der Stadt Hamburg (Hamb., 1857). Еще раньше, а затѣмъ вновь въ 1858 году Гиршъ (Hirsch) занялся тѣмъ же вопросомъ по отношенію къ Данцигу и на осно-

гусей, и по этому узнаютъ владѣльца ихъ, такъ какъ знакъ извѣстенъ всей деревнѣ. Знакъ является здѣсь, какъ означеніе собственности извѣстнаго лица на данный предметъ, совершенно также какъ подобные же знаки опредѣляютъ право собственности гуцуловъ на ихъ топорики и т. п., а дощечки съ вырѣзанными на нихъ клеймами, привѣшенныя къ мѣшкамъ съ хлѣбомъ, означаютъ теперь, кому изъ крестьянъ архангельскихъ принадлежитъ мѣшокъ, поставленный въ хлѣбномъ магазинѣ [1]).

Употребленіе такихъ знаковъ геометрическаго характера—явленіе общераспространенное у всѣхъ почти народовъ и во всѣ времена, и,—хотя и рѣдко,—оно сохранилось кое-гдѣ и въ современной намъ Европѣ. Въ Англіи и теперь еще при передѣлахъ общинной земли употребляется бирка съ нарѣзками, совершенно сходными съ нарѣзками у малороссовъ и т. д. [2]). Тоже въ Мекленбургѣ, на о-вѣ Рюгенѣ и проч. [3]). Въ Сициліи узнаютъ, кому принадлежитъ скотъ, по знакамъ, сдѣлан-

---

ваніи документовъ и предметовъ, хранящихся въ данцигскомъ архивѣ, сообщилъ результатъ своихъ изслѣдованій, во 1-хъ, въ приложеніи IV къ Chronik der Stadt Danzig Weinreich'a: Über dieVerbreitung etc. der Hausmarken in der Provinz Preussen, и во 2-хъ, въ спц. главѣ въ Danzigs Handels—und Gewerbsgeschichte, (Lpz. 1858), стр. 223—226. Въ 1890 г. сводъ всего сдѣланнаго по вопросу о Hausmarken представленъ былъ Homeyer'омъ, извѣстнымъ знатокомъ этого вопроса: Die Haus und Hofmarken, Berlin 1890 (съ массой рисунковъ). Не останавливаясь на литературѣ вопроса въ другихъ странахъ, какъ не находившихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Литвой, укажу на то, что въ Англіи вопросъ о клеймахъ былъ разработанъ уже въ пятидесятыхъ годахъ, напр., въ статьяхъ въ Archaeologia (т. 16, 33 и 35), а затѣмъ Ewing'омъ въ 1850 г., въ его Notices of the Norwich merchant marks (въ Papers of the Norfolk and Norwich archaeological Society). и многими другими. Существованіе такой весьма обширной литературы въ Англіи и объясняетъ вполнѣ отвѣтъ, данный по вопросу о дрогичинскихъ пломбахъ лондонскими археологами. Только полнымъ незнакомствомъ съ литературой о Hausmarken, мы можемъ объяснить странную въ устахъ археолога фразу г. Авенаріуса: о „загадочныхъ знакахъ, *нацарапанныхъ* (sic!) на какихъ-то стертыхъ чешскихъ зданіяхъ" (стр. 15). Знаки эти, и пражскія и масса другихъ, давно уже объяснены и Михельсеномъ, и Гомейеромъ и др.—Въ нашей литературѣ имѣется спеціальное изслѣдованіе о клеймахъ г. Ефименко: „Юридическіе знаки", помѣщ. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1874 г., №№ 10, 11 и 12.

[1]) Ефименко, Ж. М. Н. П., октябрь 1874, стр. 63.

[2]) Gomme, the village community, стр. 166, 268 и сл.

[3]) Homeyer, Hausmarken, стр. 217, 218 и др. Гомейеромъ составлена и спеціальная книга объ этихъ биркахъ или Looszeichen въ Германіи.

нымъ на ушахъ [1]), а норвежскіе купцы, занимающіеся скупкою лѣса, клеймятъ каждый своимъ „рунообразнымъ“ знакомъ срубленныя и сплавленныя по горнымъ ручьямъ деревья [2]).

Въ средніе вѣка употребленіе знаковъ было до того всеобщимъ, что самые ранніе изъ варварскихъ законовъ говорятъ о нихъ, какъ объ юридическихъ знакахъ, опредѣляющихъ права собственности на землю, деревья, скотъ, убитую дичь и т. д. [3]). Въ обычномъ правѣ, какъ оно было формулировано въ XII и XIII вв., вопросъ о знакахъ, клеймахъ, какъ юридическомъ институтѣ, занимаетъ видное мѣсто, и опредѣленія этого права вполнѣ выясняютъ характеръ, смыслъ и значеніе этихъ клеймъ. Изъ исландскаго обычнаго права, извѣстныхъ *Gragas*, гдѣ вопросу о знакахъ (einkunn или mark) посвященъ длинный рядъ статей, видно, что знаки эти передавались по наслѣдству, т. е. являлись родовыми знаками (angeerbte marke), что, подобно всякой иной вещи, они были тоже предметомъ наслѣдованія и раздѣла, что установленіе ихъ не было вполнѣ произвольнымъ, такъ какъ требовалось, чтобы знакъ, усвоенный кѣмъ либо, былъ принятъ и признанъ сосѣдями, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ имъ, на всемъ протяженіи округа (Herad). Въ случаѣ раздѣла считалось обязательнымъ нѣкоторое измѣненіе знака при переходѣ его къ не прямому наслѣднику; если же въ данномъ округѣ оказывались сходные знаки, сосѣди требовали измѣненій въ знакѣ того изъ двухъ, кто не могъ доказать права изстариннаго наслѣдственнаго пользованія имъ [4]). Во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ—предъявленіе знака считалось безспорнымъ доказательствомъ, и потому фальсификація его или поддѣлка признавались уголовнымъ преступленіемъ, наказуемымъ, какъ воровство [5]). Здѣсь, въ этихъ Gragas, о знакахъ говорится не

---

[1]) Sidney Sonnino, I contadini in Sicilia, стр. 20.

[2]) Homeyer, 27.

[3]) Всѣ соотвѣтственныя выдержки изъ Leges Barbarorum о signum или signa см. у Homeyer'a, 8 и сл., и Michelsen'a, 14 и сл. Объ употребленіи клеймъ, какъ юридическихъ знаковъ собственности, т. е. о „пятнахъ“, „знаменахъ“, говорится въ Русской Правдѣ, Литовскомъ статутѣ и т. д. См. Ефименко, Ж. М. Н. П., 1874 г., октябрь, 74 и сл.

[4]) Статьи Gragas о знакахъ сообщены въ переводѣ въ книгѣ K. Maurer'a, Island, 1874, и у Michelsen'a, Hausmarken, 18—23.

[5]) Ib. Ср. пост. въ Christoph. Landslagh Bignynga, B., cap. XLIII, въ сборникѣ (Corpus juris suco-gothorum), изд. Schlyter'омъ.

только въ отношеніи недвижимой или движимой собственности, но и въ отношеніи уже торговли, торговыхъ сдѣлокъ (въ *Kaupa balkr*, составлявшей особый раздѣлъ).

Совершенно сходныя постановленія мы находимъ въ шведскихъ и датскихъ кодексахъ обычнаго права [1]), какъ и во многихъ кутюмахъ и Франціи, и Англіи, и Германіи. Въ обычномъ правѣ о-ва Рюгена, напр., даже особая статья посвящена вопросу о клейменіи утокъ, гусей и курей [2]). Въ теченіе XIV, XV и посл. вѣковъ рядъ законовъ, изданныхъ тогдашними правительствами, придалъ знакамъ обязательный характеръ. Такъ, напр.. въ Англіи спеціальнымъ закономъ Генриха IV, отъ 1406 г., было предписано, чтобы на всѣхъ стрѣлахъ и наконечникахъ стрѣлъ были наложены знаки или штемпеля лицъ, выдѣлавшихъ ихъ [3]), и подобное же требованіе, чтобы товары были „gemerket“, много разъ повторяемо было и въ постановленіяхъ прусскихъ сеймовъ (Landtagen) XV в. [4]), и въ рядѣ постановленій различныхъ и германскихъ, и французскихъ городовъ [5]).

Такіе знаки въ раннее время, какъ то показали Михельсенъ, Гомейеръ, Гиршъ и др., и какъ то видно изъ Gragas, были *Hofmarken*, т. е., *домовыми* или *дворовыми* знаками или клеймами. Они составляли наслѣдственную принадлежность даннаго рода или семьи, передавались по наслѣдству и могли быть усвоены постороннимъ лишь съ разрѣшенія или сосѣдей, или, позже, государства или городскаго управленія [6]). Пока родъ и семья составляли единое нераздѣль-

---

[1]) У Schlyter'a, въ Упландскомъ законѣ, Withaerbo B. XXVII, въ Вестманландскомъ Bygninga, B. LXIV, въ Седерманландскомъ, Bygninga, B. XXXIX и т. д.

[2]) Rugianische Landgebrauch, tit. 176, стр. 216.

[3]) Schanz, Englische Handelspolitik, I, 613.

[4]) Acten der Ständetage West-Preussens, I, постан. 1444 г., стр. 633, 1445 г., стр. 657, 1446, стр. 697, 700, 1446 же г., 731 и т. д.

[5]) Maurer, Geschichte der Städteverfassung, III, 17 и сл. Ср. Monuments pour servir à l'histoire du tiers état, IV, 132, 210, 222, 225, 367, 349, 363 и т. д.

[6]) См. любопытный указъ Карла V 1365 г., по которому пользоваться наслѣдственно знакомъ наслѣдственнымъ же умершаго безъ наслѣдниковъ ножевщика было разрѣшено другому. Fagniez, Etudes sur l'industrie, 387.

ное цѣлое,—знакъ родовой былъ общею принадлежностью, но съ раздѣломъ рода или семьи онъ переходилъ лишь къ одному изъ отдѣлившихся сыновей, или къ прямымъ потомкамъ даннаго рода; остальные сохраняли право на родовой знакъ, но подъ условіемъ внесенія въ него какихъ-либо отмѣтокъ, съ помощью которыхъ легко можно было отличить знакъ каждой изъ отдѣлившихся частей первоначальнаго цѣлаго. Такъ, если родовой знакъ состоялъ изъ простого креста, въ видѣ римской цифры X, то знакомъ боковыхъ линій являлась та же фигура, но съ прибавленіемъ или маленькаго штриха внизу, или одной или нѣсколькихъ вертикальныхъ чертъ, въ родѣ IX, IIX, XI, XII и т. д. [1]) или же, если знакъ родовой былъ чѣмъ-то въ родѣ $\curlyvee$, то въ боковыя линіи онъ переходилъ въ видѣ $\curlyvee$, $\curlyvee$ и т. д. [2]). Какъ средство обозначенія собственности, какъ знакъ, выражавшій данное лицо или данную группу, клеймо прикладывалось ко всякимъ вещамъ и предметамъ, все равно недвижимымъ ли то (домамъ, стекламъ въ окнахъ, зданіямъ, гробницамъ, землѣ и т. д.), или движимымъ, и даже служило въ раннее время символомъ передачи собственности изъ рукъ въ руки [3]). Такую же роль играло клеймо или Hofmarke и при подписаніи документовъ, и большая часть снимковъ, снятыхъ съ клеймъ Гомейеромъ, Михельсеномъ и др., именно и взяты съ средневѣковыхъ рукописей.

Первоначально, въ теченіе большей части среднихъ вѣковъ, почти до XVI в., лишь исключительно два типа знаковъ были въ употребленіи. Какой изъ нихъ возникъ раньше, и возникли ли одновременно или разновременно, — рѣшить трудно. Но, несомнѣнно, преобладающимъ былъ лишь одинъ изъ нихъ. Типы эти выражались либо въ формѣ 1) геометрическихъ начертаній самаго разнообразнаго вида, либо 2) фигуръ: человѣческой головы или лица, птицъ, звѣрей, орудій всякаго рода (топора, пилы, угольника и т. д.) [4]). Чаще всего

---

[1]) Homeyer, стр. 192 и др. Ефименко, окт. 1874 г., стр. 69, и таблицы въ прилож. у Гомейера и у Ефименко.

[2]) См. въ таблицѣ къ статьѣ г. Болсуновскаго, № 2 и 3.

[3]) См. Michelsen, 46 и сл.

[4]) Такъ напр., въ Ульмѣ попадались знаки въ кружкѣ въ формѣ львиной головы, головы вола, осла, собаки и т. д.; въ Базелѣ тоже и сѣдла, повозки, agnus Dei и т. д. См. Maurer, III, 17. Въ Лондонѣ у одного цеха—голова леопарда, Schanz, I, 615, и т. д.

употреблялся первый изъ нихъ. При мало распространенной грамотности въ то время, фактъ употребленія лишь этихъ двухъ типовъ не представляетъ ничего удивительнаго, и, поэтому то отчасти, мы не встрѣчаемъ въ теченіе этого времени употребленія буквъ въ видѣ клейма [1]), что̀ какъ увидимъ, возникло въ болѣе позднее время, хотя, разумѣется, не во всѣхъ странахъ одновременно.

Съ усложненіемъ общественной жизни и возникновеніемъ значительнаго раздѣленія труда и занятій, съ развитіемъ все большимъ и большимъ и промышленной, и торговой дѣятельности, Hofmarken подверглись многимъ и существеннымъ измѣненіямъ, въ особенности въ смыслѣ ихъ примѣненія. Два указанные выше типа, правда, удержались всецѣло и сохранили полное преобладаніе почти до XV в. Но съ развитіемъ купеческаго класса и, слѣд., съ умноженіемъ новыхъ формъ сдѣлокъ, вызванныхъ торговлею и торговыми сношеніями, прежнія Hofmarken превратились въ Hausmarken. То разложеніе рода или соединенной семьи, которое всегда вызывается торговою дѣятельностью, вносящею начало индивидуализма и личнаго заработка, личнаго труда, отразилось и на знакахъ. Создалось крайнее разнообразіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гораздо большій произволъ въ знакахъ или клеймахъ. Съ другой стороны, самое примѣненіе клеймъ получило большую сложность.

„Всѣ произведенныя понынѣ изслѣдованія, говоритъ Гиршъ [2]), показываютъ, что уже несомнѣнно съ XIII вѣка употребленіе купца-

---

Еще въ VIII в. въ одномъ документѣ сказано, что знакъ имѣлъ сходство съ человѣческой фигурой (in cuius capite similitudo hominis erat). Annales Guelferb. у Pertz'a I, 43 цит. Michelsen'омъ, стр. 46. Ср. Homeyer, главу: das Bild im Hausmarken, стр. 351 и сл. Онъ склоненъ думать, что употребленіе фигуръ въ видѣ знаковъ—сравнительно позднаго происхожденія.

[1]) Попадающіеся иногда знаки, напоминающіе, напр., букву Ж, врядъ ли могутъ служить опроверженіемъ.—Въ Hofmarken нерѣдко ставится буква эта въ формѣ: Ж, Ж, Ж. Но дѣло въ томъ, что это—чисто геометрическій знакъ. Мы встрѣчаемъ его въ Исландіи, Любекѣ, Marienburger Werder, о. Рюгенѣ, Тюрингіи и т. д., и, напр., у Корелловъ Арханг. губ. (см. таблицы у Homeyer'a, Michelsen'a и у Ефименко, декабрь 1874). Тоже относит. буквы E, 3, латинской W (встрѣч. въ Арх. губ.), и въ особенности римскихъ цифръ. Было бы крупной и грубой ошибкой всякое подобіе буквы или римской цифры считать дѣйствительной буквой или цифрой.

[2]) Hirsch, Danzigs Handelsgeschichte, 223.

ми Hausmarken было распространено какъ въ нѣмецкихъ городахъ, находившихся внѣ и внутри Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, въ Скандинавіи, Голландіи, Англіи и т. д. Но, такъ какъ письмо составляло въ то время искусство и было извѣстно весьма немногимъ, то, продолжаетъ Гиршъ,—что также подтверждаетъ массой примѣровъ и Гомейеръ,—ни на судѣ до конца XV, ни при сдѣлкахъ письменные документы, подписанные собственноручно, далеко не имѣли такой силы убѣдительности, какъ знакъ, т. е. клеймо или штемпель съ фигурой или геометрическими знаками, даннаго лица, приложенный къ документу или какой-либо вещи. Еще въ XV в. споръ, напр., о дѣйствительности или подложности векселя основывался на разслѣдованіи подлинности или неподлинности знака, „Merke". Такъ, въ 1430 г. подлинность одного векселя была признана потому, что штемпель или знакъ одного данцигскаго купца былъ признанъ дѣйствительно имъ приложеннымъ къ векселю. Въ другомъ случаѣ, въ 1429 г., вексель одного купца изъ Ломжи былъ признанъ подложнымъ лишь потому, что было доказано свидѣтельскими показаніями, что печать этого купца была украдена [1]). Знаки эти прикладывались купцами ко всякаго рода вещамъ и документамъ, и было обязательно для каждаго купца заявлять о своемъ знакѣ (что записывалось въ нотаріальныя книги) и заносить изображеніе его и въ торговыя книги. Выработался и способъ приложенія этого знака. Въ прусскихъ городахъ,—наиболѣе для нашей цѣли важныхъ,—еще въ 1363 г. введено было, какъ нѣчто обязательное (въ силу постановленія геррмейстера), правило, что каждый купецъ долженъ имѣть у себя кольцо или перстень съ своимъ знакомъ и печать (Petschaft, Petschiere) [2]). Эта печать и служила средствомъ клейменія и товаровъ, и векселей и т. п. въ теченіе какъ XIV и XV вв., такъ и позже. Но на всѣхъ сохранившихся такихъ печатяхъ XIV и XV вв., напр. гор. Данцига [3]), а также и другихъ мѣстъ [4]), мы находимъ

---

[1]) Іb. Ср. въ статьѣ Ефименко о значеніи клеймъ на волостныхъ судахъ. Ж. М. Н. П., 1874, октябрь, 67 и др.

[2]) Homeyer, 75.

[3]) Hirsch, стр. 224, прим. 930.

[4]) Homeyer, 173 и сл.

лишь одни Hausmarke, т. е. знаки геометрическіе по преимуществу, и только на печатяхъ XVI и XVII вв. еще и буквы или уже только одни буквы (иниціалы).

Но знаки у купцовъ получили иной характеръ, чѣмъ какой они имѣли прежде. „Для купца, замѣчаетъ Гиршъ, поземельная собственность была лишь какъ бы постороннею, второстепенною вещью; движимость стояла у него на первомъ планѣ, и потому знакъ или клеймо отдѣлялись теперь вполнѣ и всецѣло отъ земли и связывались уже исключительно съ *личностью*“. [1]) Поэтому пользоваться, какъ прежде, однимъ фамильнымъ знакомъ для купца было дѣломъ невозможнымъ. Необходимо было каждому купцу отдѣльно, все равно—былъ ли то отецъ и сыновья, имѣть свой особый знакъ. И это не только измѣненный фамильный. Послѣдній могъ оставаться, но для торговыхъ дѣлъ нуженъ былъ и другой. Этимъ объясняются слова юристовъ Любека и другихъ городовъ въ XVI и XVII вв., что у каждаго купца долженъ быть и имѣется свой особый знакъ [2]). На портретѣ одного данцигскаго купца, нарисованномъ Гансомъ Гольбейномъ, изображены лежащими на столѣ кольцо съ фамильнымъ знакомъ и печать съ „Merke“, имѣющею чисто геометрическую форму (въ берлинскомъ музеѣ № 586).

Пока, при зародышевыхъ формахъ торговли, купецъ всегда самъ сопровождалъ свой товаръ и продавалъ его лично, пока кредитныя сдѣлки были очень рѣдки, и даже продажа товара совершалась на наличныя деньги или производился обмѣнъ товарами, примѣненіе знаковъ или клейма къ товарамъ не могло имѣть широкаго распространенія и значенія. Ихъ примѣненіе возросло съ усложненіемъ торговыхъ отношеній, съ развитіемъ кредитныхъ сдѣлокъ, съ созданіемъ класса посредниковъ, коммиссіонеровъ, экспедиторовъ и т. д. Только тогда, когда купецъ пересталъ производить продажу и куплю лично, когда пересылка това-

---

[1]) Hirsch, 224. Ср. Homeyer, 189.

[2]) „In multis Saxoniae locis videmus, ut mercatores annulo habente insigne alio signo, quod mercum vocant, signent“ Höpkingk, у Homeyer, 172. Ср. ib., 135, о различіи, которое усматривали юристы XVI и XVII вв. между insignis и armis, съ одной, и signis купцовъ, signa mercatoria, съ другой стороны. Ср. Marquardo, Tractatus de jure mercatorum etc., Frankf. 1662, f-o 448 и сл.

ровъ и векселей и обмѣнъ ихъ стали происходить заочно, знаки, какъ юридическое доказательство собственности, могли и должны были получить особенное значеніе.

Уже въ XIII, но особенно въ XIV в., измѣненія въ характерѣ веденія торговли привели къ болѣе широкому примѣненію знаковъ. Въ торговыхъ статутахъ Марсели, Висби и др. [1]) приложеніе штемпелей къ товарамъ выступаетъ какъ распространенный и общеупотребительный фактъ. О „Merke“ на товарныхъ тюкахъ постоянно упоминается въ этихъ случаяхъ, и они признаны доказательствомъ принадлежности товара тому или иному купцу. Въ обычаѣ было прикладывать къ каждому тюку знакъ и сверхъ того отмѣчать тотъ же знакъ и на адресѣ письма, сопровождавшаго товаръ, и на поляхъ самого письма [2]). Въ случаѣ потери товара, покражи его, крушенія корабля, на которомъ товаръ былъ отправленъ, знаки на тюкахъ или самихъ товарахъ служили всегда наиболѣе надежнымъ средствомъ опредѣлить собственника товара, какъ это ясно показываютъ намъ такъ называемыя Rollen, списки товаровъ (Thorner и др.), заключающіе въ себѣ перечень тюковъ и проч., найденныхъ гдѣ нибудь на берегу послѣ крушенія. Въ этихъ Rollen, въ книгахъ, гдѣ записывались товары, въ первой графѣ противъ каждаго товара рисовалась „Merke“ тюка, иногда и имя того купца, чья „Merke“, такъ какъ въ XV в. вошло въ общій обычай знать „Merke“ и иноземныхъ купцовъ, съ которыми купцы даннаго города, Любека, Данцига и т. д., находились въ сношеніяхъ [3]).

Вслѣдствіе расширившихся и усложнившихся торговыхъ сношеній, знакомство съ клеймами чужегородныхъ купцовъ сдѣлалось

---

[1]) Pardessus, Collection des loix maritimes, IV, 265. Schlyter, VIII, 230.

[2]) Употребленіе „Merke“ на письмѣ служило иногда и средствомъ отвести глаза, когда письмо содержало какое нибудь секретное порученіе, чуждое торговаго дѣла. Такъ въ 1411 году торговымъ, купеческимъ знакомъ воспользовался, напр., данцигскій городской совѣтъ, желая узнать, что дѣлалось въ Торнѣ, который вступилъ въ пререканія съ гермейстеромъ ордена по вопросамъ объ обложеніи, и бургомистръ котораго былъ посаженъ въ тюрьму. Письмо это съ купеческимъ данцигскимъ знакомъ напечатано въ Acten der Ständetage Preussens, II, 167. Тѣ же купеческія „Merke“ служили и для подписи, и для гробницъ и т. д. Homeyer, 267 и 173.

[3]) См. эти Rollen въ изложеніи у Homeyer'a, 268 и сл.

простой необходимостью. И дѣйствительно, въ торговыхъ книгахъ купцовъ XV в. мы находимъ рисунки знаковъ и тѣхъ лицъ, съ которыми данный купецъ находился въ сношеніяхъ [1]). Такой знакъ чужаго купца могъ быть вписанъ въ книгу на основаніи фигуръ, изображенныхъ въ письмѣ, и его-то привѣшивали къ тюку всякій разъ, когда товаръ отправлялся на имя этого купца. Но уже въ XV в. накладываніе штемпеля дѣлалось все болѣе и болѣе произвольнымъ. Раньше, какъ еще нерѣдко и въ XV в., знакъ на тюкѣ и знакъ въ письмѣ были тождественны и другъ съ другомъ и съ знакомъ даннаго купца, вырѣзаннымъ на его печати. Но съ XV в., если старый порядокъ еще продолжаетъ существовать, то не безъ частыхъ исключеній. Такъ, въ XV в. одинъ данцигскій купецъ, высылая 13 тюковъ, привѣшиваетъ къ каждому тюку особый знакъ [2]). Въ 1446 г. 9 данцигскихъ купцовъ, отправляя товаръ по Мемелю, подвѣшиваютъ къ товарнымъ тюкамъ вмѣсто усвоеннаго знака, знаки, изображающіе фигуру бороны, сѣти и т. п. Въ 1431 г. изъ Данцига же вывезены были бочки съ сельдями и въ каждую были вбиты гвозди въ извѣстномъ порядкѣ, фигурное изображеніе и расположеніе которыхъ сообщено было покупщикамъ или получателямъ товара въ письмѣ [3]). Но считалось обязательнымъ прикладывать дѣйствительный или условленный штемпель купца, который купилъ товаръ и которому товаръ этотъ отправляется [4]), хотя это далеко не всегда исполнялось и нерѣдко произвольно накладывался то знакъ отправителя, то получателя, а позже и тотъ и другой [5]).

Такимъ образомъ, въ періодъ времени съ XIV по XV в., создалось уже крайнее разнообразіе знаковъ или клеймъ, „Merke“, и употребленіе ихъ получило характеръ значительнаго произвола. Тѣмъ не менѣе, не смотря на разнообразіе знаковъ, старинные ихъ типы: геометрическія линіи и фигуры, все еще играли первенствующую роль. Нерѣдко и фигура, и геометрическія линіи, какъ купеческій знакъ, являются тѣсно связанными другъ съ другомъ, и на пред-

---

[1]) Ib., выдержки изъ Handelsbuch XV в. стр. 273.

[2]) Hirsch, 226. Homeyer, 270 и сл.

[3]) Ib.

[4]) Ib. Homeyer, 336 и 70.

[5]) Homeyer, 355, 102 и др.

меты собственности, а позже и на товары накладываются или привѣшиваются и тотъ и другой штемпель [1]). Печати съ такими двойными знаками встрѣчаются уже и въ XV [2]).

Но весьма рано сравнительно (съ XIV в.), хотя вначалѣ и очень слабо, проявляется стремленіе создать новый типъ штемпеля, замѣнить старые знаки новыми въ видѣ иниціаловъ, начальныхъ буквъ имени или фамиліи, или и того и другого вмѣстѣ. Первые случаи, наиболѣе ранніе, относятся еще къ XIV в. и къ Данцигу и указаны Гиршемъ [3]). Но здѣсь еще старая форма не вытѣснена. Геометрическія линіи „Merke“ сохраняются всецѣло, и къ нимъ, обыкновенно съ боковъ, прибавлены иниціалы. Такое прибавленіе буквъ, замѣчаетъ Гомейеръ, являлось слѣдствіемъ стремленія обособить, отличить фамильный штемпель, индивидуализовать его для каждаго отдѣльнаго купца, отца, напр., и сына [4]). Въ извѣстныхъ штемпеляхъ XV в. и особенно XVI это встрѣчается все чаще и чаще, при чемъ буквы поставлены сбоку главной „Merke“. Но уже къ концу XVI в., вслѣдствіе установленія полной свободы и полнаго произвола въ употребленіи знаковъ или штемпелей въ торговомъ мірѣ [5]), замѣчается все большее и большее расширеніе буквъ насчетъ стараго знака. Гомейеръ, на основаніи изученныхъ имъ штемпелей, показалъ, какъ послѣдовательно расширилось поле иниціала или буквы. Въ XVI и къ началу XVII ст. они, эти буквы, сливаются съ геометрической линіей, то помѣщаясь на самой линіи, то служа для стараго геометрическаго знака какъ бы подставкой (буква внизу, надъ ней старая „Merke“). Въ XVII и XVIII вв. переходъ къ однимъ буквамъ уже полный въ торговыхъ сношеніяхъ, и старая система знаковъ почти совершенно исчезаетъ [6]). Въ Стральзундѣ уже въ первые годы XVII в. купцы употребляютъ для своихъ тюковъ почти исключительно однѣ буквы, а въ Любекѣ полнаго торжества буквы достигаютъ въ XVIII в. [7]).

---

[1]) Примѣры у Hirsch'a въ Beilage къ Chronik, 128, 129 и др. Homeyer, 354 и сл.

[2]) Homeyer, 102. Ср. Goldschmidt, Handelsrecht, 647 и 560.

[3]) Hirsch, Beilage къ Chronik, 131.

[4]) См. напр. на таблицѣ V Nos 138 и 139, штемпеля отца и сына, у Homeyer'a.

[5]) Homeyer, 342.

[6]) Homeyer, § 115: die Buchstaben, стр. 344 и сл.

[7]) Ib., 348.

Если теперь, отмѣтивши въ общихъ чертахъ значеніе, характеръ и развитіе торговыхъ знаковъ въ Европѣ, мы обратимся къ тѣмъ знакамъ, которые находятся на дрогичинскихъ пломбахъ, то увидимъ, что на пломбахъ отбиты три системы знаковъ: геометрическія линіи (т. е. настоящая „Merke“ или Hausmarke), фигуры (лицо, рука, птица, звѣрь и т. д.), и, наконецъ, буквы, то славянскія, то латинскія; въ одномъ случаѣ даже видимо сочетаніе буквы и знаковъ [1]). Сличая знаки эти, по внѣшнему ихъ виду, съ тѣми образцами знаковъ, которые находятся на печатяхъ, на рукописяхъ и т. д. западно-европейскихъ и въ частности германскихъ и которые изданы Гомейеромъ, Михельсеномъ и др., мы не можемъ не замѣтить полной параллели между ними, иногда поразительнаго и полнаго сходства (напр. въ клеймѣ съ якобы буквою Ж, въ формахъ креста съ загнутыми на подобіе топора концами его и т. д.), а, главное, полнаго тождества методовъ въ начертаніи ихъ. Что они, судя по характеру ихъ, служили юридическими знаками собственности, врядъ ли можетъ быть оспариваемо, и это тѣмъ болѣе, что знаки совершенно такого же рода и притомъ несомнѣнно юридическаго характера были общераспространеннымъ явленіемъ на Руси, какъ то показалъ г. Ефименко [2]).

Такимъ образомъ, имѣются весьма сильныя основанія признать единственно вѣрною гипотезу англійскихъ археологовъ, а именно, что пломбы эти были товарными знаками. Но какъ ни сильны они, какъ ни значительны презумпціи въ пользу англійской гипотезы, одинъ лишь фактъ сходства,—хотя бы даже и въ способахъ начертанія знаковъ,—еще не можетъ самъ по себѣ служить достаточно прочнымъ основаніемъ для признанія пломбъ—товарными. Факта этого достаточно лишь для опредѣленія того, что знаки имѣли вообще юридическій характеръ, но чтобы предположеніе о торговомъ ихъ значеніи могло получить полную достовѣрность, необходимо узнать, существовали ли торговыя сношенія з. Европы, въ частности близлежащихъ нѣмецкихъ городовъ, съ тою мѣстностью, гдѣ найдены пломбы.

Посмотримъ же, что говоритъ намъ исторія объ этихъ торговыхъ сношеніяхъ.

---

[1]) См. № 11 въ таблицѣ, прилож. къ статьѣ Тышкевича въ Трудахъ М. арх. общества, т. I, 1865.

[2]) Ж. М. Н. Пр., 1874, октябрь, 72 и сл.

III.

О торговыхъ сношеніяхъ Торна и Данцига съ сѣверо-западной и южной Русью.

Въ обширной статьѣ, посвященной Дрогичину и дрогичинскимъ пломбамъ и изданной археологической коммиссіей, г. Авенаріусъ спрашиваетъ, между прочимъ: „имѣемъ ли мы основаніе говорить о таможенныхъ или товарныхъ пломбахъ, когда изъ исторіи намъ неизвѣстно *ничего* о торговлѣ Дрогичина?“ И съ большой дозой иронія онъ прибавляетъ: „конечно, и въ данномъ случаѣ найдется матеріалъ для гипотезъ; можно, напр., *предположить*, что чрезъ Дрогичинъ направлялась торговля пушнымъ товаромъ изъ Занаревскаго ятвяжскаго края и Бѣловѣжской пущи въ западную Европу и, что благодаря этой торговлѣ, *слѣды которой сохранились въ таможенныхъ пломбахъ* (курсивъ автора), Дрогичинъ достигъ того матеріальнаго благосостоянія, которое выражается въ безчисленныхъ находимыхъ въ его городищѣ предметахъ“ (стр. 18).

Я ничего не имѣю противъ иронія, но думаю, что въ данномъ случаѣ она была направлена г. А—омъ вовсе не туда, куда слѣдовало бы. Еще въ *1834 г.* извѣстнымъ авторомъ исторіи Пруссіи Фойхтомъ [1]), а затѣмъ—и въ особенности—въ *1858 г.* Гиршемъ, въ его исторіи данцигской торговли [2]), былъ сообщенъ рядъ документальныхъ данныхъ о торговыхъ сношеніяхъ „западной Европы“ съ сѣверо-западной и южной Русью, данныхъ, взятыхъ изъ архивовъ и относящихся къ XIII—XV вв. Данныя эти обойдены въ нашей литературѣ почти полнымъ молчаніемъ, между тѣмъ всѣ они такого рода, что, будь они извѣстны до перваго открытія пломбъ въ Дрогичинѣ въ 1864 г., врядъ ли бы дана была возможность созданія и „ятвяжской“ теоріи, и гипотезъ, смѣнившихъ ее.

Въ настоящей главѣ я попытаюсь изложить эти уже совершенно не гипотетическія данныя, ограничиваясь лишь ими одними и не

---

[1]) Voigt, Geschichte Preussens, 9 томовъ. Königsberg, 1827—39.

[2]) Hirsch, Danzigs Handels und Gewerbsgeschichte, изданіе общества князя Яблоновскаго въ Лейпцигѣ, 1858.

прибѣгая къ другимъ, такъ какъ ихъ вполнѣ достаточно для цѣли нашей замѣтки.

Въ одну изъ Willküren Ганзы, изданной еще въ 1346 г., внесено было постановленіе, въ силу котораго изученіе русскаго языка сдѣлано было обязательнымъ для молодыхъ людей купеческаго званія (не старше 20 лѣтъ). Когда же Ганза замѣтила, что къ такому же изученію стремятся и голландцы, то 16 іюля 1423 г. ганзейскіе вендскіе города поспѣшили издать постановленіе о томъ, чтобы всячески средствами препятствовать голландскимъ юнцамъ достигнуть знанія этого языка [1]). Очевидно, что ганзейскіе торговцы крайне нуждались въ посредникахъ съ Русью, посредникахъ, владѣющихъ ея языкомъ. Очевидно и то, какое значеніе придавали они торговлѣ съ нею. И это не только съ однимъ Новгородомъ, но и съ сѣверо-западной и южной Русью. Достаточно разсмотрѣть списки товаровъ, вывозившихся изъ Руси сначала купцами Торна, а затѣмъ Данцига съ XIII по XVI в., чтобы убѣдиться въ этомъ. Главнымъ предметомъ вывоза былъ лѣсъ и лѣсные продукты. Ихъ покупали и вывозили и торнскіе, и данцигскіе купцы въ XIV и XV вв.,—и даже, можно думать, и ранѣе,—какъ изъ собственно литовскихъ земель, такъ и изъ Польши и южной Руси. Покупка и подвозъ лѣса, сплавъ его по рѣкамъ совершались или съ помощью и при посредствѣ мѣстныхъ купцовъ и евреевъ, или непосредственно самими торнскими или данцигскими купцами, скупавшими лѣсъ на мѣстѣ, лично (какъ, напр., дѣлали это въ началѣ XV в. крупные данцигскіе торговцы лѣсомъ, Гансъ Гильгенбургъ, van Sundern и др. [2]), и сплавлявшими его при посредствѣ своихъ факторовъ по ближайшимъ рѣкамъ до Вислы. Спеціальные письменные контракты, скрѣпляемые обыкновенно мѣст-

---

[1]) Stieda, Zur Sprachkenntniss der Hanseaten, въ Hansische Geschichtsblätter 1884 г., и у Buchwald, Zur deutschen Wirthschaftsgeschichte im endenden Mittelalter, Kiel, 1887, стр. 222—3. Обязательно было также и знаніе эстонскаго языка. Обратно, и купцы, по крайней мѣрѣ литовскіе, старались ознакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ и держали для этого учителей, какъ можно заключить изъ того, что въ началѣ XV в. городъ Вильна запретилъ горожанамъ держать у себя на дому „учителей языковъ“ (Sprachlehrern) изъ Пруссіи и среди зимы изгналъ всѣхъ такихъ учителей. Hirsch, стр. 171.

[2]) Hirsch, 178.

ною городскою властью и заносимые въ гродскія книги [1]), были заключаемы данцигскими купцами съ мѣстными купцами и собственниками. Въ контрактѣ означались точно сортъ дерева, его длина и и толщина, качество, и т. п., также и то—въ сыромъ или обработанномъ (на мѣстныхъ лѣсопильняхъ) видѣ лѣсъ долженъ быть проданъ и доставленъ. Обширная торговля лѣсомъ, которую велъ Данцигъ, благодаря, главнымъ образомъ, сильному спросу на него и особенно на лѣсъ, употреблявшійся на выдѣлку луковъ и оружія,—спросу со стороны Англіи и Фландріи,—вызывали усиленныя сношенія съ югомъ Руси, главнымъ образомъ съ Галичиной и Волынью, съ Сандоміромъ, съ мѣстностями по Дунайцу и Сану, а также съ Луцкомъ и Житоміромъ [2]). Карпаты доставляли лѣсъ преимущественно этого сорта. Его обыкновенно сортировалъ спеціальный агентъ въ Сандомірѣ; затѣмъ онъ вторично сортировался въ Данцигѣ. Кромѣ того вывозился строевой и дровяной лѣсъ, какъ изъ этихъ мѣстностей, такъ и изъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, изъ городовъ на з. Бугѣ, Наревѣ и т. д. Лѣсъ, вывозимый съ береговъ Нарева и Буга, купцы скупали въ *Halewick* (?), двухъ мѣстностяхъ одного и того же имени, изъ которыхъ одна лежала *между Холмомъ и Брестъ-Литовскомъ*, а другая подлѣ Ломжи.

Рядомъ съ лѣсомъ немаловажную роль игралъ и поташъ, добываемый въ тѣхъ же лѣсахъ и особенно въ лѣсахъ литовскихъ. Его ссыпали въ бочки, везли въ Кенигсбергъ (изъ Литвы и Ковно), под-

---

[1]) Ib. Гиршъ ссылается на копію такого договора, внесеннаго изъ гродской тикочинской книги въ Schöppenbuch Данцига 1427 г., ib., прим. 602. Основываясь на массѣ имѣющихся въ данцигскомъ архивѣ документовъ этого рода, онъ замѣчаетъ, что „многочисленные городки на з. Бугѣ и Наревѣ имѣли городовое устройство, по образцу нѣмецкихъ городовъ въ Силезіи". „Neben einem Vogte oder Burggrafen, Bürgermeister und Rathmannen besteht überall ein Schöppengericht, vor welchem die Kaufverträge aufgenommen werden, welches über die Aufrechthaltung derselben wachte und auf die Aufforderung des Danziger Rathes gegen säumige Schuldner einschritt" (178—9). Онъ приводитъ и случаи дѣятельности въ этомъ случаѣ городскихъ управленій.

[2]) Ib., стр. 165, 174—5 и др. Впрочемъ, относительно роли Житоміра въ этого рода торговлѣ существуетъ сомнѣніе. О немъ упоминается лишь исключительно, когда дѣло идетъ о торговлѣ гнутымъ лѣсомъ для выдѣлки оружія. Но, замѣчаетъ Гиршъ (стр. 175, прим. 547), „Сандоміръ и Житоміръ записывались въ данцигскихъ документахъ до того сходнымъ образомъ, что весьма часто трудно рѣшить, о какомъ изъ двухъ городовъ идетъ рѣчь".

вергали сортировкѣ, прикладывали на каждой бочкѣ знакъ медвѣжьей лапы (Bärenklaue) и отправляли въ Данцигъ [1]).

Затѣмъ предметами вывоза являлись: *воскъ* (почти исключительно изъ собственно литовскихъ мѣстностей), *мѣха* (куньи, хорьковыя, бобровыя, норковыя, горностаевыя и др.), которые скупались на всемъ пространствѣ сѣверо-западной Руси до Смоленской области включительно, *кожи* и въ сыромъ (главн. обр. самогитскія), и въ обработанномъ видѣ (Smolenskischer Werk [2]), *хлѣбъ* (позже, главнымъ образомъ уже въ XVI в.), *пряжа и пенька*, скупаемыя обыкновенно цѣлыми возами, и т. д. [3]).

Обратно, предметомъ ввоза являлись, кромѣ соли, бо́льшею частью обработанные продукты. Они отправлялись въ Литву и Польшу и обмѣнивались на предметы вывоза. То было прежде всего сукно, массами посылаемое въ Литву уже въ обработанномъ видѣ, въ видѣ „Hosen und Mützen“ [4]), затѣмъ, соленая рыба, сплавляемая весною и осенью изъ Данцига по Вислѣ на особыхъ лодкахъ, „Weichselkähne“ [5]). Главнымъ образомъ то были угри и сельди, шедшіе въ большомъ количествѣ въ Краковъ, Львовъ, откуда они пріобрѣтались въ Молдавію и Валахію [6]). Кромѣ того,—шелковыя матеріи, сахаръ, всякаго рода пряности, шафранъ и т. п., наконецъ, разнообразные предметы мѣстной данцигской и прусской промышленности. „Нѣтъ, заявляютъ, напр., въ 1492 г. ольдермены ковенской конторы, такого предмета прусскаго ремесла, который не былъ бы въ употребленіи и спросѣ въ Литвѣ“ [7]).

---

[1]) Ib., стр. 165—6.

[2]) См. ib., списокъ товаровъ, наход. на данцигскомъ рынкѣ, стр. 260—261. Тысяча кожъ такого Smolenskisches Werk, продавалось въ 1425 г., напр., за черныя кожи—56 марокъ, за красныя—40; въ 1426 за первыя—54 м., за вторыя—44 и т. д. Принимая марку XV в. равною 3 соврем. талерамъ, получаемъ для 1425 г.—168 тал., и 120 т., для 1426—162 т. и т. д. Замѣтно уменьшеніе цѣнъ къ концу столѣтія. Въ 1458 въ Брюгге 1 тысяча кожъ смоленскихъ продавалась за 50 марокъ или 150 талеровъ.

[3]) Ib., 166 и 176.

[4]) Ib., 165 и 184.

[5]) Ib., стр. 164.

[6]) Ib., 186—7.

[7]) Ib., 165. Сюда же могутъ быть отнесены и колокола, покупка которыхъ и здѣсь, и въ Россіи вообще, изъ Германіи была весьма частой. См. у Бережкова, О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 166. Дополняемъ сдѣланныя имъ указанія ссылкой на одну изъ грамотъ 1284 г. (въ грамотахъ сѣверо-зап. края, изд. Наперскимъ въ 1857 г., № IV: грамота смоленскаго князя о нѣмецкомъ колоколѣ).

Если мы спросимъ, какими путями шла эта торговля, то получимъ отвѣтъ, который имѣетъ первостепенное значеніе для нашей цѣли.

Какъ въ то время, когда первенствующая роль въ торговлѣ съ Литвой, Польшей и Русью принадлежала Торну, такъ и позже (съ XV в.), когда Данцигъ сдѣлался главнымъ и преобладающимъ здѣсь дѣятелемъ, слѣдующіе главные пути связывали прусскіе города съ указанными мѣстностями. Оставляя въ сторонѣ собственно польскіе торговые пути, остановимся лишь на тѣхъ, которые связывали Торнъ и Данцигъ съ сѣверо-западной и южной Русью. Прежде всего существовало четыре пути чрезъ Польшу въ Галичину. Одинъ шелъ изъ Торна на Брестъ Куявскій и Ленчицъ въ Сандоміръ, а оттуда въ Бартфельдъ или Бартфа въ Венгріи; другой—на Брестъ Куявскій же, Петриковъ, Мѣховъ до Кракова и далѣе въ Галичину и Венгрію; третій—на Люблинъ въ Львовъ; наконецъ, четвертый—чрезъ Брестъ и Ленчицъ въ Опочно [1]). Но то были не единственные и не главнѣйшіе пути. На юго-востокѣ, *въ бассейнѣ Нарева и Буга* проходили пути, которыми особенно дорожили торговцы Данцига и Торна. Путь шелъ почти все время по рѣкамъ. Главною артеріею служила Висла, затѣмъ Наревъ до Пултуска, наконецъ з. Бугъ, гдѣ торговый путь захватывалъ Нуръ, *Дрогичинъ*, Мельникъ и доходилъ до *Брестъ-Литовска*. То былъ путь, по которому товары шли изъ Торна или Данцига. Обратное движеніе товаровъ изъ главнаго пункта пути,—Бреста, въ Данцигъ и Торнъ нѣсколько видоизмѣнялось. Товары шли водой *отъ Бреста до Дрогичина. Въ Дрогичинѣ суда останавливались; здѣсь происходила перегрузка ихъ на подводы, которыми товаръ отправлялся до Нарева*, въ окрестностяхъ Ломжи, а оттуда по Нареву и Вислѣ, вновь на судахъ (Weichselschiffe),—въ Торнъ [2]). Сверхъ того, существовала цѣлая сѣть путей, проходившихъ по Литвѣ, съ центральнымъ узломъ ихъ, находившимся въ *Каенѣ*, или Ковно. Они связывали Вильну, Троки, Полоцкъ, Смоленскъ съ Данцигомъ, игравшимъ въ этихъ областяхъ первенствующую торговую роль, главнымъ образомъ, со времени заключенія мирнаго договора 12 октября 1398 г.

---

[1]) Ib., стр. 180.

[2]) Ib. Ср. Wernicke, Geschichte Thorns, I, 151. Въ письмѣ геррмейстера нѣмецкаго ордена, отъ 1425 г., помѣщ. цѣликомъ у Wernicke, о путяхъ этихъ сказано, что они „von alders kegen Ungarn und Russen durch das königreich Polen czu czien pflogen".

между Витовтомъ и нѣмецкимъ орденомъ. Спеціальная нѣмецкая контора, по образцу новгородской, бергенской, лондонской и въ Брюгге, была основана въ Ковно, гдѣ данцигцы успѣли пріобрѣсть въ собственность городскія земли, на которыхъ они устроили свои дома и склады. Подобная же контора существовала, повидимому, и въ Вильнѣ [1]), и, какъ важна была вся мѣстность Литвы для эксплуатаціи данцигскихъ торговцовъ, можно видѣть изъ тѣхъ сооруженій, которыя были сдѣланы ими для того, чтобы улучшить судоходство по Мемелю, и изъ проектовъ о проведеніи канала отъ Лабіау до Куришъ-Гафа [2]).

Но, несомнѣнно, самымъ важнымъ путемъ былъ путь по Бугу. Обезпеченіе и пріобрѣтеніе его составляли предметъ особенныхъ заботъ и Торна, и Данцига [3]), и въ теченіе XIII, XIV и XV вв. по Бугу, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, совершалось усиленное торговое движеніе, связывавшее отчасти Галичину, а главнымъ образомъ Волынь и Брестъ-Литовскъ съ Торномъ и Данцигомъ. Путь этотъ не только не потерялъ значенія и позже, въ XVI и XVII вв., но сдѣлался ареною еще болѣе оживленной торговли. Затрудненія для торговой дѣятельности данцигцевъ въ Ковно и Литвѣ, затрудненія, возникшія еще въ XV в. и усилившіяся къ началу XVI вв., принудили данцигцевъ съ меньшимъ рвеніемъ относиться къ ковенской конторѣ. Соперничество виленскихъ купцовъ привело мало по малу ковенскую контору до полнаго паденія. Правда, въ 1525 г. Данцигъ попытался было оживить свою контору, но даже обѣщаніе заплатить тысячу гульденовъ польскому королю не подѣйствовало, и привилегіи, которыхъ добивался Данцигъ, не были утверждены польской короной. Результатомъ явилось полное опустѣніе конторы. Въ 1527 году она стояла впустѣ, а въ 1540 уже издано распоряженіе объ обязательной

---

[1]) Ib., стр. 161. Я, къ сожалѣнію, не могу подробно останавливаться на исторіи ковенской конторы и торговли Данцига съ Литвой и Русью. Она подробно изложена у Hirsch'a, стр. 160—172, и затѣмъ въ прилож. VIII ко 2 книгѣ: „Spätere Schicksale des preussischen Kontors in Kauen", стр. 282—287.

[2]) Ib., стр. 162. Ср. статью Wutzke о Мемелѣ въ Beitrage zur Kunde Preussens, t. 10, 2 Heft, стр. 89 и сл., 3 Heft, 221 и сл., 4 Heft, 281; Voigt, т. VI, стр. 393 и VII, 338.

[3]) Жители Торна усердно просятъ, напр., геррмейстера нѣмецкаго ордена добиться того, чтобы пріобрѣсть (erwerben) путь (Strasse) по з. Бугу.

продажѣ всѣхъ „wüste Grundstücken“, принадлежавшихъ данцигцамъ [1]). Но за то параллельно упадку торговли съ Литвой усиливалась торговая дѣятельность Данцига по Бугу, между прочимъ, съ Волынью и Луцкомъ. Въ распоряженіи знатока исторіи Волыни, О. И. Левицкаго [2]), имѣется цѣлый рядъ документовъ, записанныхъ въ луцкихъ гродскихъ книгахъ XVI и XVII вв. и обнаруживающихъ съ полною очевидностью крупные размѣры торговой дѣятельности Данцига въ XVI и XVII вв. Цѣлый рядъ контрактовъ, заключенныхъ данцигцами съ мѣстными купцами и особенно съ мѣстными помѣщиками на предметъ покупки, главнымъ образомъ, лѣса и лѣсныхъ продуктовъ, а также хлѣба и т. п., не оставляютъ на этотъ счетъ и мѣста сомнѣнію. Отправка товара, какъ видно изъ этихъ договоровъ, шла по з. Бугу, а способъ заключенія контрактовъ сохранился въ прежней формѣ, какъ онъ практиковался въ XIV и XV вв. Уже въ XV в., говоритъ Гиршъ (стр. 177 и сл.), лѣсные и др. продукты доставлялись въ Данцигъ частью непосредственными владѣльцами, помѣщиками и управителями королевскихъ помѣстій, частью купцами, населявшими маленькіе города по Нареву, Бугу и въ Галичинѣ (главнымъ образомъ армянами и евреями), и скупавшими лѣсъ у собственниковъ. Дѣло велось за счетъ и на средства данцигскихъ купцовъ. Во время пребыванія въ Данцигѣ, лица эти заключали письменные договоры съ крупными данцигскими торговцами срокомъ на годъ или нѣсколько лѣтъ и съ обязательствомъ доставить требуемое количество товара. Заключались они въ присутствіи суда (Schöppengericht) и вносились въ книги. Купецъ данцигскій выдавалъ обыкновенно всѣ деньги впередъ, а поставщикъ обязывался подъ угрозою пени доставить въ опредѣленное время товаръ даннаго качества и въ данномъ количествѣ въ Данцигъ. Нерѣдко поставщикъ получалъ такія задаточныя деньги подъ залогъ своего имущества, земли, находившейся на его родинѣ, или дома. Въ иныхъ случаяхъ выдавалась ему сумма

---

[1]) Ib., въ Beilage VIII, стр. 286—7.

[2]) Позволяемъ себѣ принести искреннюю благодарность О. И. Левицкому за сообщеніе этихъ цѣнныхъ данныхъ, до сихъ поръ совершенно почти неизвѣстныхъ (въ европ. литературѣ нѣтъ спеціальныхъ изслѣдованій по исторіи торговли Данцига съ XVI в.), и выразить пожеланіе, чтобы онъ поскорѣе и въ полномъ видѣ подѣлился съ публикой сдѣланными имъ открытіями. Въ числѣ актовъ луцкихъ имѣются и акты о поддѣлкѣ купеческихъ знаковъ, прикладывавшихся къ товарнымъ тюкамъ, или купеческаго *„тавра“*.

на заказъ не вполнѣ, а по третямъ, при чемъ послѣднюю треть данцигскій купецъ уплачивалъ по полученіи товара, и т. д. [1]).

Припомнимъ, въ добавокъ, что торговыя сношенія Данцига распространились въ XVII и особенно XVIII в. и на лѣвобережную Украину, откуда вывозъ хлѣба и пеньки сдѣлался однимъ изъ крупныхъ отраслей дѣятельности.

Когда возникли впервые торговыя сношенія по з. Бугу, рѣшить этотъ вопросъ оказывается совершенно невозможнымъ въ настоящее время. Но изъ данныхъ, сообщенныхъ Voigt'омъ, не подлежитъ сомнѣнію, что торговыя сношенія по Бугу существовали уже въ XIII в. Къ концу XIV и къ началу XV в. они, видимо, пріобрѣли значительные размѣры и создали уже цѣлый классъ купцовъ въ Брестъ-Литовскѣ. На это ясно указываетъ письмо польскаго короля къ геррмейстеру нѣмецкаго ордена отъ 1402 г., въ которомъ король проситъ послѣдняго разрѣшить его подданнымъ и купцамъ, въ особенности же *купцамъ русскаго Бреста (Bretsk Ruthenicum)* безпрепятственно везти лѣсъ и другіе продукты по Вислѣ и свободно продавать и покупать на всей территоріи ордена. Геррмейстеръ далъ въ томъ же году просимое разрѣшеніе [2]). Правда, вслѣдствіе того, что Краковъ пріобрѣлъ право Niederlage, Niederlagsrecht, т. е. право и склада провозимыхъ товаровъ, и исключительной покупки ихъ краковскими купцами, для перепродажи, Торнъ, торговля котораго съ Галичиной подверглась, благодаря этому, сильнымъ стѣсненіямъ и была съужена, добился отмѣны привилегіи, данной брестскимъ купцамъ. Но если послѣдніе потеряли право свободной торговли со всѣми городами Пруссіи и были вынуждены продавать и покупать все въ Торнѣ и Торну, пріобрѣвшему то же право Niederlage, то это не уменьшило торговыхъ сношеній Бреста съ Торномъ и лишь сдѣлало брестскихъ купцовъ болѣе зависимыми сначала отъ купцовъ Торна, а затѣмъ, съ XV в., съ усиленіемъ Данцига, и отъ купцовъ этого послѣдняго города.

---

[1]) Hirsch, 177—178.

[2]) Ib., VI, 312—313. Король проситъ: „quatenus iidem mercatores cum eorum lignis super Wislam et aliis bonis ac mercanciis suis quibuscunque ad terras nostras (sc. Prussiae) absque impedimentis aliis venire et ibidem eadem bona vendere seu alias commutare seu convertere ac alia bona reemere valeant iuxta eorum libitum voluntatis". Ib., стр. 312, прим. 4.

Мы видимъ изъ представленнаго самаго общаго и далеко не полнаго очерка торговли и торговыхъ путей, что 1) *торговыя сношенія сѣверо-западной и южной Руси вообще и прибужскихъ мѣстностей въ частности* съ прусскими городами, въ особенности съ Торномъ и затѣмъ Данцигомъ, *не гипотеза, а реальный фактъ,* основанный на документахъ, что 2) торговля эта и въ частности торговля по Бугу совершалась въ теченіе ряда столѣтій, начиная съ XIII—XIV, несомнѣнно же съ XV по XVII в., что 3) крупнымъ центромъ этой торговли, торговли Торна и Данцига съ Волынью, являлся Брестъ-Литовскъ, и что 4) *Дрогичинъ былъ лишь пунктомъ остановки для судовъ, шедшихъ по Бугу, и мѣстомъ перегрузки товаровъ, направлявшихся къ Нареву и къ Ломжѣ.* О торговомъ значеніи Дрогичина мы ничего не знаемъ: въ архивныхъ документахъ Данцига ничего не говорится о торговлѣ съ Дрогичиномъ, о немъ упоминается лишь какъ о мѣстѣ перегрузки и только. Но находясь на оживленномъ пути, являясь одной изъ станцій товарнаго крупнаго движенія, онъ ежегодно былъ свидѣтелемъ постоянной почти работы по перегрузкѣ товаровъ, и фактъ нахожденія въ немъ громаднаго количества пломбъ, повидимому, какъ мы видѣли, относящихся къ періоду времени съ XIV по XVII в., а главнымъ образомъ къ XVII в., не представляетъ, поэтому, ничего ни страннаго, ни удивительнаго. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что если Дрогичинъ и былъ,—весьма возможно,—пограничной таможней, то это лишь въ теченіе очень короткаго времени, съ конца XIV до XVI ст., и что даже, если бы и допустить невѣроятный фактъ существованія таможенныхъ пломбъ въ средніе вѣка и до XVII в., то врядъ ли была бы возможна находка въ немъ пломбъ позднѣйшей формаціи, формаціи того времени, когда Дрогичинъ пересталъ быть съ половины XVI в. пограничнымъ городомъ какъ не былъ имъ до конца XIV в.

Позволимъ себѣ сдѣлать въ заключеніе еще одно замѣчаніе. Г. Болсуновскій, основываясь на томъ, что вмѣстѣ съ пломбами найдены были и свинцовый кружокъ съ надписью ex officina Santo Marco, и др. предметы, приходитъ къ заключенію, что „Дрогичинъ находился въ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ не только съ з. Европой, но

и съ Венеціей“ [1]). Мнѣ кажется, что выводъ этотъ сдѣланъ слишкомъ поспѣшно и безъ солидныхъ основаній. Мы видѣли уже, что на существованіе торговли въ Дрогичинѣ нѣтъ никакихъ документальныхъ указаній. Но если бы даже они и были, то все-таки говорить о торговыхъ сношеніяхъ Дрогичина и вообще со всей западной Европой, и въ особенности съ Венеціей было бы невозможно въ силу того характера торговыхъ отношеній, какія существовали въ средніе вѣка. Уже одно существованіе и сильное распространеніе извѣстнаго намъ Niederlagsrecht ставило крупныя препятствія „обширнымъ торговымъ сношеніямъ съ з. Европой и Венеціей“. А мы знаемъ, что за исключеніемъ небольшого промежутка времени, когда Брестъ и др. города пользовались свободой торговли, въ теченіе большей части XV в. они могли торговать лишь съ Торномъ и главнымъ образомъ Данцигомъ, упорно устранявшимъ всякаго рода соперниковъ въ дѣлѣ торговли съ Русью. Съ другой стороны, данныя о торговлѣ Данцига во времена господства нѣмецкаго ордена, собранныя Гиршемъ, не оставляютъ и мѣста сомнѣнію, что прямыхъ торговыхъ сношеній между Данцигомъ и Венеціей не существовало. Венеціанскіе товары Данцигъ могъ получать лишь при посредствѣ верхне-нѣмецкихъ городовъ, Нюренберга, Базеля, сношенія которыхъ съ Данцигомъ подтверждены документальными данными [2]). Правда, возникъ было въ XV в. у геррмейстера и Данцига проектъ завязать сношенія чрезъ Русь съ Кафой и такимъ путемъ получать товары Венеціи [3]), но результаты его намъ неизвѣстны, и о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла совершенно молчатъ источники. Ясно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть даже и допущено предположеніе о существованіи прямыхъ сношеній Дрогичина съ Венеціей.

Далѣе. Въ представленномъ нами спискѣ предметовъ ввоза въ Русь изъ Данцига о венеціанскихъ товарахъ вовсе не упоминается.

---

[1]) Wiadomości, 1891, № 8, стр. 184.

[2]) Hirsch, стр. 189.

[3]) Это составляло предметъ обсужденія на прусскомъ Ständetage въ Маріенбургѣ 4 ноября 1420 г. Мы читаемъ въ актахъ собранія: „item von der czerung Niclaus von der Lynden sal man mit hern Homeister reden, der von Thorun gesand wart, desglichs von Henrich Rymans wegen, der von Danczik gesand wart, umbe czu besende noch begerung des hern Romischen koniges, *wy man die strasze ken Caffaw kunde vinden*“. Acten der Ständetage Preussens, изд. Toeppen, Lpz. 1874, т. I, ст. 368.

Какъ же объяснить нахожденіе въ Дрогичинѣ венеціанскаго свинцоваго кружка и массы стеклянныхъ бусъ, которыя, судя по описанію ихъ Авенаріусомъ (оно приведено мною выше), почти несомнѣнно венеціанскаго издѣлія? [1]) Можно думать, что они привозимы были въ сѣверо-западную и южную Русь нюренбергцами, и вотъ на какомъ основаніи. Во-первыхъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивалась торговля венеціанскими товарами, во-вторыхъ, сношенія ихъ съ прусскими городами были весьма дѣятельны и постоянны. Правда, торговля оптомъ, которую въ концѣ XIV в. пытались было завести нюренбергцы на сѣверѣ Германіи и во Фландріи, была по настоянію Ганзы прекращена, но мелкимъ торговцамъ, извѣстнымъ въ средніе вѣка подъ именемъ Landfahrer или Hausirer, удалось завести весьма дѣятельную торговлю въ Пруссіи. Они являлись сюда въ качествѣ разнощиковъ товаровъ, присутствовали на всѣхъ ярмаркахъ, и ихъ торговля вызывала рядъ жалобъ со стороны мѣстныхъ купцовъ. Въ этихъ жалобахъ перечислены и предметы торговли этихъ торгашей—нюренбергцевъ. Это—„venedische Waaren“, венеціанскіе товары [2]).

К. Лучицкій.

Кіевъ
4 ноября 1891.

---

[1]) Не имѣя подъ руками самихъ бусъ, я не рѣшаюсь высказать о нихъ совершенно опредѣленнаго мнѣнія. Но сличеніе ихъ описанія съ тѣмъ, что говорится о производствѣ стекла въ Венеціи и другихъ странахъ у Labarthe'a, Les arts industriels, III, стр. 363 и сл., въ главѣ о verrerie, а именно, что подъ вліяніемъ разсказовъ Marco-Polo, венеціанцы стали усиленно выдѣлывать цвѣтныя стеклянныя бусы, изобрѣтенныя венеціанцами Brioni и Miotto (т. е. такъ наз. arte del margaritaio), и распространять ихъ въ Татаріи, Индіи до Китая, въ Африкѣ и въ Европѣ, и что производство эмальированныхъ бусъ въ Венеціи носило особый отпечатокъ, благодаря усовершенствованіямъ, достигнутымъ здѣсь,—наводитъ на мысль о тожествѣ дрогичинскихъ бусъ съ венеціанскими. Предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса гг. археологамъ, какъ знатокамъ бусъ, находимыхъ въ *очень древнихъ* могилахъ и нерѣдко сходныхъ съ дрогичинскими бусами.

[2]) Hirsch, стр. 189.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ БАТУРИНА.

(1625—1760 г.).

Южное побережье Сейма въ предѣлахъ теперешней Черниговской губ. до XVII в. представляло собою полную пустыню, раздѣлявшую тогдашнія русскія и польскія владѣнія. На пустынность этой мѣстности указываютъ, между прочимъ, слѣдующіе факты. Русская „сторожа“, оберегавшая Путивльскій рубежъ отъ нечаянныхъ нападеній татаръ, стояла по берегамъ р. Сейма не далѣе сорока верстъ на западъ отъ Путивля [1]), т. е. примѣрно около границы теперешняго Конотопскаго уѣзда; а такъ какъ „сторожа“ высматривала непріятеля среди „полей“, то значитъ къ западу отъ сторожевыхъ становъ и были только „поля“, т. е. пустыя, незаселенныя земли. Затѣмъ изъ спора, происходившаго въ полов. XVII в. между русскими и поляками за „рубежъ промежъ Кіева и Чернигова съ Путивлемъ“, видно, что все пространство земель къ западу отъ Путивля поляки въ XVI в. считали за угодья мѣщанъ далекаго отсюда Канева: въ 1576 г. Стефанъ Баторій писалъ „до всѣхъ жилцовъ кіевскихъ, чтобъ мѣщанамъ каневскимъ въ землехъ, въ водахъ и *угодьяхъ ихъ, которые держатъ по самый Путивль*, перешкоды не чинили..“ [2]).

Никакихъ поселеній на этихъ „поляхъ“ до XVII в. не было, да и быть не могло, вслѣдствіе полной беззащитности этой мѣстности.

---

[1]) Бѣляева, О сторожевой службѣ. М. 1846. Стр. 73.

[2]) Дворцовые Разряды, II, 902.

Лишь послѣ Деулинскаго перемирія (1619 г.) начали заселяться эти „поля“ подъ защитою тѣхъ „городковъ“, которые поляки построили здѣсь по границѣ „Путивльскаго рубежа“. При этомъ возникли: Нѣжинъ, Борзна, Батуринъ, Конотопъ, Кролевецъ, Глуховъ... Такимъ образомъ Батуринъ могъ возникнуть не раньше нач. XVII в., а между тѣмъ основаніе его обыкновенно приписываютъ Стефану Баторію. Первый выдумалъ эту басню, кажется, Коховскій [1]), соблазненный созвучіемъ между именами короля и гетманской резиденціи. Отъ Коховскаго басня эта перешла и въ нѣкоторыя малорусскія „кронички“. У Самовидца читаемъ: „при Стефанѣ Баторіи козаки въ лучшій порядокъ устроены... Онъ далъ имъ, опрочь ихъ стариннаго города складоваго Чигирина, еще Трехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ; а платилъ въ годъ всякому козаку по червоному золотому и по кожуху“... Въ другую лѣтопись [2]) это мѣсто внесено уже съ прибавкою: „король Стефанъ Баторій опрочъ Чигирина далъ козакамъ Трехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ, а для резиденціи гетманской устроилъ надъ р. Сеймомъ городъ новый и назвалъ его отъ своего прозванія Баторинъ, кой нынѣ называется Батуринъ; а платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и кожуху“. Записавъ эту выдумку въ кроничку, авторъ послѣдней, какъ видно, обладавшій достаточными свѣдѣніями по мѣстной исторіи, вспомнилъ, что при Баторіи козаки тутъ еще не жили, и поспѣшилъ поправиться припискою: „сей городъ не для резпденціи гетманской построенъ, но король для себя его построилъ, яко свою маетность, ибо въ сіе время въ Мал. Россіи, на сей сторонѣ Днѣпра, еще не было козаковъ, ни гетмана, а онъ (Батуринъ) сталъ резиденціей гетманскою уже при гетманѣ Игнатовичѣ, въ 1670 г.“ Авторъ „Исторіи Русовъ“ пошелъ далѣе и сочинилъ отъ имени Баторія цѣлую грамоту козакамъ, въ которой, выставивъ на первый планъ „единость и равенство“ шляхетства русскаго съ шляхетствомъ польскимъ и литовскимъ, не забылъ и Батурина, говоря, что будто бы Баторій установилъ „отправовать дѣла по приличности“ никогда не существовавшему „трибуналу русскому“ „въ новосозданномъ градѣ нашемъ Батуринѣ, а

[1]) Histor. panow. Jana Kazimierza z klimakter Wesp. Kochowskiego (Poznań, 1859) II, 250. См. также Swięckiego, Opis starożyt. Polski, изд. Туровскаго, II, 107.

[2]) Бѣлозерскій, Южнорусск. лѣтоп., 44.

якъ потреба укажетъ, то и въ Черкасахъ; тежъ и гетману русскому резидовать въ томъ градѣ (Батуринѣ), а въ Черкасахъ мѣти намѣстника своего". Видимыя басни о времени основанія Батурина повторяются до настоящаго времени и нерѣдко историками, уже знакомыми съ критикою. Такъ авторъ солиднаго труда: „Городскія поселенія въ Росс. Имперіи", обстоятельно пересмотрѣвъ источники для исторіи Батурина и посвятивъ ей четыре страницы петита (т. V, ч. I, стр. 402—405), тѣмъ не менѣе, основаніе города приписываетъ Баторію, приводя въ подтвержденіе своего разсказа, между прочимъ, и выписку изъ указанной подложной грамоты Баторія. Преосвящ. Филаретъ Гумилевскій, знакомый съ польскими источниками, повторилъ вымыселъ лѣтописцевъ, украсивъ послѣдній подробностями, какъ будто-бы его подтверждающими. Батуринъ основанъ, говоритъ Филаретъ, королемъ Стеф. Баторіемъ въ 1576 г. на земляхъ, ему принадлежавшихъ, и прибавляетъ: *„для заселенія новаго города своего Баторій вызывалъ желающихъ и давалъ на обзаведеніе по кожуху и червонцу"*. За симъ слѣдуетъ ссылка на то мѣсто южно-русск. лѣтопис., которое приведено нами выше и изъ котораго видно, что по кожуху и по червонцу Баторіемъ было назначено годовое жалованье всѣмъ козакамъ вообще... Далѣе Филаретъ говоритъ и о томъ, что Батуринъ назначался для засѣданій „русскаго трибунала", при чемъ ссылается на Маркевича, какъ извѣстно, вычерпавшаго въ свою книгу „Исторію Русовъ" [1]). Наконецъ составители извѣстнаго Słownik'a geograficzn'ago król. Polsk., говоря о времени основанія Батурина, повторяютъ ту же сказку: „Baturyn założony 1576 przez Stefana Batorego i naznaczony na miejsce pobytu hetmanów zaporoskich" [2]). Такое свѣдѣніе о Батуринѣ тѣмъ болѣе странно читать на страницахъ „Словаря" г. Сулимирскаго, что въ числѣ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ этого солиднаго изданія находится г. Эд. Руликовскій, какъ извѣстно, едва ли не лучшій знатокъ исторіи заселенія правобережной Малороссіи, которому, конечно, не безъизвѣстна исторія заселенія и лѣвобережной Малороссіи и которому, во всякомъ случаѣ, должно быть извѣстно время возникновенія Батурина... Близкое знакомство г. Руликовскаго съ неизвѣстно гдѣ нынѣ нахо-

---

[1]) Описаніе Черниг. Епарх., VI, 334.

[2]) Słownik geogr., I, 118.

дящимся архивомъ Росцишевскихъ[1]) дало ему возможность сохранить для насъ несомнѣнное свидѣтельство о времени заселенія Батурина. Будущая резиденція малороссійскихъ гетмановъ основана по королевскому распоряженію (z polecenia królewskiego) въ 1625 г. распорядителемъ лѣвобережныхъ имѣній Александра Пясочинскаго Матвѣемъ Стахорскимъ. Сообщая этотъ фактъ, г. Эд. Руликовскій дѣлаетъ ссылку на арх. Росцишевскихъ[2]). Такимъ образомъ Батуринъ заселенъ почти одновременно съ Нѣжиномъ и, конечно, съ тою же цѣлью—быть „заслоною коронным границамъ“[3]). Впослѣдствіи Батуринъ былъ отданъ королемъ извѣстному Юрію Оссолинскому, который въ 1647 г. лично посѣтилъ его, Конотопъ и другія свои „ленныя маетности“, находившіяся на лѣвомъ берегу Днѣпра[4]). Основанный для защиты границъ, Батуринъ былъ хорошо укрѣпленъ, какъ это видно изъ описи 1654 г., которая о Батуринѣ говоритъ такъ: „г. Батуринъ стоитъ подлѣ рѣки Семи. Подъ городомъ течетъ въ рѣку Сѣмь озеро Поповка. Около посаду, съ трехъ сторонъ, къ озеру сдѣланъ городъ, земленой валъ; по обѣ стороны того валу огорожено дубовымъ бревеньемъ. Въ томъ земляномъ городѣ сдѣланы три вороты проѣзжіе; на двухъ воротахъ башни покрыты тесомъ, на третьихъ воротахъ башни нѣтъ; глухихъ наугольныхъ шесть башенъ; башни безъ верховъ. Около того-жъ земляного города, съ трехъ сторонъ, къ горѣ сдѣланъ ровъ, а съ четвертые стороны по горѣ отъ того земляного города, вверхъ къ озеру, огорожено стоячимъ острогомъ; башенъ по той острожной стѣнѣ нѣтъ. Межи той острожной стѣны, къ водѣ, ритвиною, сдѣланы ворота. Да въ томъ же городѣ, по башнямъ и по стѣнѣ, 9 пищалей, чугунные, желѣзные. Да въ томъ же городѣ поставлена церковь древеная во имя святит. вел. Николы Чудотворца... Да въ томъ же городѣ Б—нѣ, надъ озеромъ, на горѣ сдѣланъ панской дворъ; около того двора сдѣлана изо рву осыпь земленая, на тоя осыпи огорожено стоячимъ острогомъ дубовымъ бревеньемъ облымъ; межъ того острогу сдѣланы ворота проѣзжіе, на воротѣхъ башня, да три башни глухіе, покрыты

---

[1]) См. объ этомъ архивѣ въ Опис. Стар. Малороссіи, I, 4.

[2]) „Jan Stachórski, jenerał-major“, въ Dziennik Warszawski, 1855 г., №№ 257—262. Мы пользовались этою статьею въ *спискѣ* съ означенныхъ номеровъ газеты.

[3]) Ригельманъ, I, 138.

[4]) Kubala, Jerzy Ossolinski (Lwów, 1883), II, 132.

тесомъ; около того двора, подлѣ острожные стѣны, съ трехъ сторонъ сдѣланъ ровъ; а тотъ острогъ перегороженъ на-двое стоячимъ острогомъ, и сдѣланы два рва подлѣ тѣхъ стѣнъ“ [1]). Изъ описанія этихъ валовъ и башенъ видно, что батуринскія укрѣпленія были гораздо значительнѣе, напр., тогдашнихъ конотопскихъ [2]),—потому что Батуринъ построенъ былъ на высокомъ берегу Сейма, а не около тѣхъ топкихъ рѣчекъ, которыя лучше валовъ и башенъ защищали построенный около нихъ Конотопъ.

Отличившійся при завоеваніи Бѣлоруссіи наказный гетманъ Иванъ Золотаренко просилъ въ сентябрѣ 1654 г. царя дать ему „мѣсто Батуринъ со всѣми волостями, до того мѣста належачими“. Просьба эта тогда-же была исполнена, при чемъ „жалованье“ въ грамотѣ было показано, вѣроятно, со словъ просителя, безъ поясненія—какія разумѣлись при этомъ волости. Черезъ годъ послѣ этого Золотаренко донесъ царю, что „мѣстечко Батуринъ, попущеніемъ Божіимъ, все сгорѣло“ и, взамѣнъ его, просилъ Борзну и Глуховъ [3]). Грамота на Глуховъ была выдана, изъ чего слѣдуетъ заключить, что вмѣстѣ съ тѣмъ Батуринъ пересталъ числиться за Золотаренкомъ. Такъ какъ Ив. Золотаренко время отъ пожалованія ему Батурина до замѣны послѣдняго Глуховомъ находился въ Бѣлоруссіи, то слѣдуетъ полагать, что Батуринъ числился за Золотаренкомъ только на бумагѣ. Гетманскою резиденціей Батуринъ сталъ съ 1669 г. „Многогрѣшный обралъ себѣ гетманское житіе въ Батуринѣ, а по немъ и иншіе гетманы тамъ живутъ“, записано въ Черниговской лѣтописи. Выбранъ Батуринъ для гетманской резиденціи козацкою старшиною на Глуховской радѣ при избраніи Многогрѣшнаго, при чемъ старшина заявляла: „а какъ дастъ Богъ, что Переяславль придетъ въ свое совершенство (послѣ разоренія), тогда бьемъ челомъ его царск. пресв. величеству, чтобъ жити (гетманамъ) въ Переяславлѣ“ [4]). Но въ Батуринѣ, расположенномъ почти въ центрѣ лѣвобережной Малороссіи, на чертѣ, отдѣляющей полѣсье отъ степей, гетманамъ жить было

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, X, 816. Оз. Поповка существуетъ и теперь около такъ называемой „Тепловки“.

[2]) Описаніе конотопскихъ укрѣпленій въ 1654 г. см. тамъ же, 813—814.

[3]) Акты Ю. и З. Россіи, XIV, 171—174 и 786.

[4]) Тамъ же, VIII, 94.

гораздо удобнѣе, чѣмъ въ Переяславѣ, за которымъ были только древность и близость его къ Кіеву, а „городъ Кіевъ въ малороссійскихъ городѣхъ—первой“ [1])...

О внѣшнемъ видѣ Батурина въ XVII в. свѣдѣній почти не сохранилось. У Величка находимъ извѣстіе, что при Самойловичѣ въ Батуринѣ имѣлся уже гетманскій „замокъ“. „Повѣствуется, говоритъ онъ, что „егда гетманъ Самойловичъ вїѣздилъ (въ апрѣлѣ 1687 г.) *зъ замку* батуринскаго, тогда конь подъ нимъ, *на мосту замковомъ*, споткнулся“... Затѣмъ, проѣзжая черезъ Батуринъ въ 1709 г., паломникъ „старецъ“ Леонтій записалъ слѣдующее извѣстіе объ этомъ городѣ: „городъ Батуринъ на рѣкѣ на Семи, на лѣвой сторонѣ, на горѣ, красовитъ, городъ земляной. Строеніе въ немъ поплоше Глухова, и свѣтлицы гетманскія—рядъ дѣлу. И городъ не добре крѣпокъ, да еще столица гетманская“ [2])... Въ какомъ видѣ былъ Батуринъ въ 1708 г., говоритъ Кочубей въ своемъ доносѣ: „... Батуринъ 20 лѣтъ стоитъ безъ починки, и того ради валы около него всюду осунулися и обвалилися; взглядомъ того и одного дня непріятельского наступленія отсидѣться невозможно... А подворокъ свой Гончаровку (Мазепа) обнести велѣлъ знатнымъ валомъ для якоись невѣдомои причини“ [3]). Отсюда видимъ, что, рѣшивъ уже измѣну, Мазепа укрѣплялъ только свой Гончаровскій городокъ, а батуринскія укрѣпленія оставлялъ въ томъ полуразрушенномъ видѣ, въ который они пришли отъ времени. Нужно думать, что, гадая о будущемъ соединеніи со шведами въ предѣлахъ Малороссіи, Мазепа разсчитывалъ, что отложеніе его отъ Петра В. рѣшится однимъ большимъ сраженіемъ, и Батурину осада грозить не можетъ... Гончаровскій замокъ Мазепа могъ укрѣплять для своего обереженья отъ домашнихъ недруговъ, которые могли повторить съ нимъ ту же неожиданность, которую испыталъ Многогрѣшный отъ козацкой старшины въ 1672 г. въ томъ самомъ Батуринѣ. Но негаданныя событія измѣнили предположенія гетмана, и, уходя изъ Батурина 24 октября 1708 г. на соединеніе со шведами,

---

[1]) Тамъ же, 91. Такъ говорила козацкая старшина князю Ромодановскому на Глуховской радѣ, можетъ быть, мечтая объ этомъ „въ малороссійскихъ городѣхъ первомъ городѣ“...

[2]) Черниговск. Листокъ, 1863 г., № 4, стр. 31.

[3]) Бантышъ-Каменск., Источн. Малор. истор., II, 106.

Мазепа уже могъ предвидѣть приходъ царскихъ войскъ для захвата его резиденціи, прежде чѣмъ произойдетъ та битва, которая должна была разрѣшить замыселъ гетмана. Современникъ свидѣтельствуетъ, что Мазепа защиту Батурина противъ русскихъ войскъ поручилъ тремъ лицамъ: сердюцкому полковнику Дмитрію Чечелю, начальнику батуринской артиллеріи Фридриху Кенигсену и батуринскому сотнику Дмитрію Нестеренку [1]). Ровно черезъ недѣлю послѣ ухода Мазепы изъ Батурина, къ послѣднему подступило русское войско, предводимое Меншиковымъ; перваго ноября у Меншикова съ батуринцами шли переговоры: онъ требовалъ добровольной сдачи города, а послѣдніе отказывали; въ ночь на второе ноября Меншиковъ вступилъ въ Батуринъ, благодаря одному изъ старшинъ прилуцкаго полка Ивану Носу, который указалъ мѣсто, чрезъ которое безпрепятственно можно было проникнуть въ крѣпость. Такимъ образомъ Батуринъ былъ взятъ безъ всякихъ усилій; но за отказъ въ добровольной сдачѣ, городъ былъ сожженъ и разоренъ, а жители его разбѣжались, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ взяты были „въ полонъ на Москву“ [2]). Защитники Батурина тоже бѣжали, но были пойманы и казнены. По разсказу Лизогубовской лѣтописи, Чечель бѣжалъ на Обмочевъ, гдѣ остановился у своего кума погрѣться,—„понеже весь обмокъ“,—полѣзъ на печь и тамъ заснулъ. Кумъ между тѣмъ пошелъ извѣстить мѣстнаго войта и другихъ, что Чечель у него. „И такъ взяли его, и поймали, и отдали великороссіянамъ“ [3]). Представленъ былъ Чечель русскимъ военачальникамъ козаками с. Поповки Яценками, которымъ за это кн. Меншиковъ выдалъ „оборонный“ универсалъ.

---

[1]) Мазепа и Мазепинцы, 433.

[2]) Братья Гончаренки жаловались гетману Апостолу: „прошлого 1708 г., во время взятья города Батурина, взято насъ, братовъ двохъ родныхъ, *въ полонъ* на Москву, въ якомъ полону були ми роковъ сѣмъ, а когда ми возвратилисъ на отчизну свою въ Батуринъ“ и т. д. Арх. генер. канцел., № 724.

[3]) Сборникъ лѣтописей, относ. къ ист. Ю. и Зап. Руси (Кіевъ, 1888), стр. 47. Тутъ же находится разсказъ и о казни Кенигсена, отличный отъ разсказа Ригельмана (III, 40). Ученый издатель „Сборника лѣтописей“ въ своемъ предисловіи (стр. VII) представилъ такія обстоятельныя данныя въ подкрѣпленіе своей догадки объ авторствѣ „Описанія знатнѣйшихъ дѣйствъ“ одного изъ Лизогубовъ, что является полное основаніе лѣтопись эту, въ отличіе отъ другихъ, называть Лизогубовскою.

Разореніе Батурина Лизогубовская лѣтопись описываетъ такъ: „много тамъ людей пропало отъ меча, понеже збѣгъ былъ отъ всѣхъ селъ (т. е. въ Батуринъ сбѣжались жители окрестныхъ селъ). Много жъ на Сеймѣ потонуло людей, утекаючи черезъ ледъ еще не крѣпкій, много и погорѣло, крившихся по хоромахъ, въ ліохахъ, въ погребахъ, въ ямахъ, где паче подушилися, а на хоромахъ погорѣли, ибо хотя и вытрубленіе було—престать отъ кровопролитія, однакъ выходящихъ отъ покрытія войско заюшеное, а паче рядовые солдаты, понапившися, кололи людей и рубали, а для того боячися, прочіе въ скрытыхъ мѣстахъ сидѣли, ажъ когда огонь обойшолъ весь городъ, и скрытые пострадали. Мало однакъ отъ огня спаслося, и только одна хатка, подъ самою стѣною вала стоячая, уцѣлела, неякогось старушка“. Черниговская лѣтопись разсказываетъ, что когда Мазепа, идя со шведами на югъ Малороссіи, пришелъ къ Батурину 8 ноября, то еще засталъ, что „крови людской въ мѣстѣ (городѣ) и на предмѣстью было полно калюжами“... и что „ревно плакалъ по Батуринѣ Мазепа“ [1])... Насколько Батуринъ былъ разоренъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ его опись, сдѣланная въ началѣ 1726 г., передъ отдачею Батуринской волости Меншикову. Опись была сдѣлана черезъ 17 лѣтъ послѣ разоренія, а между тѣмъ въ ней читаемъ: „*Нынѣ, по разореніи, городъ Батуринъ ввесь пустъ*, и около его болварки и стѣни всѣ поразвалились, и *ввесь заросъ, и въ обоихъ замкахъ нѣкакого строенія старого и нового нѣтъ*, толко двѣ церкви каменніе пустіе: Живоначальнія Тройцы да Николая Чудотворца, недостроена вполовину; и въ нихъ нѣкакого церковного вбору (убора)—дверей и окончинъ—нѣтъ, и въ мѣстахъ своды обвалились; да бывшихъ гетмановъ и измѣнника Мазепы бывалъ войсковой каменной малой домъ, три полати, ввесь поразвалялся; да измѣнника Мазепы бывшого господаря Самойла Целюрика каменніе двѣ полатки кладовіе пустіе, всѣ разбити“. Разоренный городъ надолго остался пустыремъ. Разбѣжавшіеся батуринцы, вернувшись на родное пепелище, стали селиться около города, на предмѣстьяхъ, которыя не были окончательно разорены, какъ говоритъ та же опись, изъ которой мы и приводимъ здѣсь всѣ касающіяся Батурина свѣдѣнія.—„Да при Батуринѣ, на предмѣстѣ,

[1]) Черниг. лѣтоп. по изд. Кіевск. Стар., 95.

после разоренія, на погорѣлихъ и на пустыхъ мѣстахъ поселились вновь по указу покойного гетмана Скоропадского, которій указъ покойнимъ атаманомъ батуринскимъ Даниломъ Харевскимъ публѣкованъ; а иніе живутъ и въ старыхъ домахъ, *которіе отъ разоренія уцѣлѣли*. И сколько нынѣ при Батуринѣ на предмѣстѣ слободъ и въ нихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, и сколько ремесныхъ, пашенныхъ, торговыхъ и служилыхъ козаковъ и прочихъ чиновъ, и хто откуду пришолъ или тутошніе прежніе жители, о томъ объявляется реестромъ". При этомъ показаны: старшина ратушная, войтъ и бурмистръ; прежнихъ батуринскихъ жителей, поселившихся слободами—25 дв.; торгующихъ мелочнымъ товаромъ—17 дв.; ремесленниковъ, прежде бывшихъ батуринскихъ жителей, которые по разоренiи Батурина поселились *въ старыхъ домахъ* на своихъ мѣстахъ: цеха шевскаго (сапожниковъ)—38 дв., цеха кравецкаго (портныхъ)—28 дв., цеха калачницкаго—11 дв., цеха ткацкаго—12 дв., цеха рѣзницкаго (мясниковъ)—9 дв., кузнецовъ—15 дв., музыкантовъ—6 дв., гончаровъ—5 дв., плотниковъ—5.—Живущіе при Батуринѣ въ слободахъ прежніе жители: *въ слободѣ Подзамковой*—19 дв., *въ слоб. Горбаневской*—31 дв., *въ слоб. Гончаровской*—72 дв. Сверхъ того, въ слоб. Гончаровской живутъ: бывшіе служители гетманскаго двора, нынѣ принадлежащіе къ Обмочевскому „дворцу"—12 дв. и „рыбалокъ", принадлежавшихъ къ гетманскимъ батуринскимъ рыбнымъ ловлямъ,—9 дв. Кромѣ того, къ посполитому населенію Батурина принадлежали „мельники, мѣрочники и посполитіе люде, которые у млиновъ батуринскихъ живутъ и которые прежде надлежали ко двору Мазепы, а нынѣ къ Обмочевскому дворцу принадлежатъ"—82 дв. Жили они въ слоб. Метѣвкѣ (на прав. бер. Сейма); въ этой же слободѣ было, кромѣ того, 30 дв. крестьянъ, „надлежащихъ до двора Мазепы". Всего жителей въ батуринскихъ предмѣстьяхъ посполитаго званія числилось—428 дв. При регистраціи козачьяго населенія, сначала показана старшина, „имѣющая въ Батуринѣ жилища": бунч. тов. Семенъ Чуйкевичъ; бунч. тов. Михайло, бывшій бѣлоцерковскій полковникъ [1]), купилъ дворъ у дворянина

[1]) Михаилъ Омельченко былъ поставленъ полковникомъ бѣлоцерковскимъ въ 1704 г., вмѣсто Палѣя. См. Русск. Стар. 1876 г., № 11, стр. 623.

Павла Козловскаго; бунч. тов. Иванъ Кураховскій; бунч. тов. Яковъ Долинскій „прежде былъ дворяниномъ [1]) при Мазепѣ и при ратушѣ Батуринской шафаромъ былъ“; Василій и Федоръ Роговиченки, „которыхъ отецъ былъ при Мазепѣ дворяниномъ“; бунч. тов. Василій Покотило „прежде былъ служителемъ при Мазепѣ и при гетм. Скоропадскомъ служилъ“; бунч. тов. Павелъ Козловскій при Мазепѣ былъ дворяниномъ; Яковъ Жиловичъ „прежде былъ служителемъ при измѣнникѣ Ломиковскомъ и при гетм. Скоропадскомъ былъ его дворяниномъ“ и Андрей Плисковскій, бывшаго замковаго попа Василія зять“. Затѣмъ слѣдуетъ батуринская сотенная старшина: сотникъ Федоръ Стожокъ, атаманъ Федоръ Прима, хорунжій Иванъ Запько, эсаулъ Грицко Русакъ и писарь Осипъ Рыжій. Всѣхъ козаковъ показано—104 дв., въ томъ числѣ „пѣшихъ“—54 дв., и протекціантовъ генер. писаря Савича, „служившихъ у него на посылкахъ“—9 дв. [2]).—Наконецъ въ описи исчислены „дворы пустые:“ 1) *дворъ съ садомъ на Гончаровкѣ, гдѣ „Мазепа самъ жилъ;“* „въ оном дворѣ каменныя палаты пустыя и разбитыя; тамъ же церковь деревянная цѣла, съ нѣкоторою частью иконостаса; въ опомъ дворѣ гай березовый и около его поле пахатное; за онымъ дворомъ, на Шовковицѣ, гребля пустая сухомлиновская, на которой можно быть плотинѣ“. 2) Тамъ же, на Гончаровкѣ, дворъ съ садомъ и „домовое малое строеніе бывшаго полковника прилуцкого Горленка“, а живетъ въ этомъ дворѣ Омелько Мацай“. 3) На Бураковкѣ дворъ съ садомъ, огородомъ и строеніемъ Павла, Мазепинаго „кухаря“, а живетъ въ этомъ дворѣ Степанъ Бондарь. Затѣмъ показаны: „пустыя неогороженныя дворища прочихъ измѣнниковъ“: Ломиковскаго, Орлика и Григорія канцеляриста, да хуторъ измѣнника Ломиковскаго на Горбаневкѣ. Кромѣ того, прибавлены еще слѣдующія „пустыя мѣста поблизу города: 1) поблизу гребли (Шелковицкой?), прозываемое Хайнатщина“; 2) близь церкви Покрова; 3) „отъ поля, по-надъ дорогою Пальчиковскою, на которомъ бывали, за измѣнника Мазепы, шопы для охраненія ар-

---

[1]) О значеніи званія „дворянинъ“ см. Опис. Стар. Малор., I, 28.

[2]) Въ числѣ этихъ служителей Савича показанъ, между прочими, Мойсей Иваненко—„братаничъ“, т. е племянникъ, „его Савичевъ“....

матъ", т. е. сараи для пушекъ и 4) близъ Гончаровки, „на которомъ за Мазепы были шопы для хороненія палубовъ и возовъ".

Изъ этого перечня видно, что въ 1726 г. самый городъ Батуринъ, послѣ его разоренія, оставался пустъ, а старое его населеніе, съ частью новаго, размѣстилось по слободкамъ, которыя существовали и раньше. Въ этихъ слободкахъ находилось: посполитаго званія людей—около 430 дв. и старшины съ козаками—около 130 дв., а всѣхъ около 560 дворовъ [1]).

Мѣстность, гдѣ находился Гончаровскій замокъ Мазепы, нынѣ извѣстна подъ именемъ „городка" и находится невдалекѣ отъ х. Шелковицы, прилегая одною стороною къ почтовой дорогѣ, идущей изъ Конотопа въ Батуринъ, а съ противоположной стороны—обрывается крутымъ спускомъ, обращеннымъ къ Сейму; такимъ образомъ Гончаровскій „городокъ" съ одной стороны былъ защищенъ своимъ мѣстоположеніемъ, а съ остальныхъ обпесенъ былъ „знатнымъ валомъ", какъ говоритъ Кочубей [2]).

Какъ извѣстно, Батуринъ вмѣстѣ, съ принадлежавшими къ нему селами, указомъ 25 іюня 1726 г. былъ пожалованъ Меншикову; но у послѣдняго Батуринская волость оставалась только до его паденія, когда, вмѣстѣ съ другими Меншиковскими имѣніями, была отобрана въ казну, при чемъ крестьяне Батуринской волости были „отписаны на ея величество" [3]).

---

[1]) Цифры эти не сходятся съ ревизіей 1723 г., свѣдѣнія которой о Батуринѣ случайно внесены въ опись 1726 г. По ревизіи 1723 г. въ Батуринѣ было показано: старшины—21 дв., коз. грунт.—74 и убогихъ—56 дв., подсос.—83 дв., крест. батур. ратуши грунт.—49 и огородниковъ—239 дв., „курсачниковъ" Сачича—13 дв., мельниковъ и около мельницъ живущихъ—грунт. 18 и огородн.—56 дв.; протекціантовъ старшинъ—22 дв. Вѣроятно, по ревиз. 1723 г. показаны дворы, находившіеся и далѣе батуринскихъ предмѣстій.

[2]) Въ шестидесятыхъ годахъ Мазепинскій „городокъ" былъ пріобрѣтенъ отъ казны извѣстнымъ пчеловодомъ С. П. Великданомъ (изъ с. Пальчиковъ), который въ этомъ городкѣ помѣщалъ лѣтомъ часть своей пасѣки. По смерти Великдана имѣніе его было куплено евреемъ Юдовичемъ, при чемъ купленъ былъ и „городокъ". Въ послѣднемъ мѣры—8 дес. 716 саж.

[3]) При отдачѣ Батуринской волости Меншикову и была составлена въ 1726 г. та опись, изъ которой мы взяли приведенныя о Батуринѣ свѣдѣнія и которая находится въ собраніи рукописей В. В. Тарновскаго.

Когда въ 1727 г. гетманство было возстановлено, то у Апостола возникла мысль о возвращеніи гетманской резиденціи изъ Глухова въ Батуринъ. Въ іюнѣ 1729 г. подано было императору прошеніе, „за руками гетмана и старшины, о переводѣ резиденціи изъ Глухова въ Батуринъ“. Черезъ два года послѣ этого, въ іюнѣ 1731 г., Апостолъ, поручая находившемуся въ Москвѣ воронежскому сотнику Холодовичу хлопотать у сильныхъ міра о разныхъ „малороссійскихъ дѣлахъ“, писалъ: „а паче о преселеніи резиденціи зъ Глухова въ Батуринъ“ [1]). Но никакого отвѣта на это прошеніе Апостоломъ получено не было.

Разрѣшено было перенесть гетманскую резиденцію изъ Глухова въ Батуринъ въ 1750 г., вмѣстѣ съ постановленіемъ на гетманство Разумовскаго. Но Батуринъ продолжалъ оставаться пустыремъ; слѣдовательно, прежде всего нужно было приготовить постройки для жилья [2]). Поэтому, вѣроятно, дѣло съ перенесеніемъ резиденціи и затянулось. Изъ имѣющихся у насъ отрывочныхъ свѣдѣній о возобновленіи Батурина видно, что Разумовскій поручилъ извѣстному Теплову сначала построить домъ для него, гетмана, и что Тепловъ, повидимому, присвоилъ себѣ при этомъ право распоряжаться постройкою и „національныхъ зданій“, а затѣмъ учреждена была „экспедиція о батуринскомъ строеніи“, находившаяся уже въ полномъ подчиненіи того же Теплова.

Батуринскій сотникъ Дмитрій Стожокъ въ „сказкѣ“ о своихъ службахъ говоритъ, что съ 1751 г. онъ былъ занятъ заготовленіемъ „разныхъ надобностей къ строенію г. Батурина“ и, кромѣ того, находился „при разныхъ національныхъ строеніяхъ и дѣлахъ при г. Батуринѣ умножившихся“. Такъ, „по повелѣнію его ясневельможности“, съ 1755 г. онъ наблюдалъ надъ постройкою „машинной пильной подъ Батуриномъ мельницы“. Повидимому, объ этой мельницѣ Тепловъ писалъ въ 1757 г., въ походную гетманскую канцелярію: „новостроящейся въ Батуринѣ машинной фабрики заготовляется въ лѣсу г. генер. подскарбія Скоропадскаго, по его дозволенію, около

---

[1]) Изъ „діаріуша“ генер. канцеляріи за 1727—1732 гг.

[2]) Лизогубовск. лѣтопись (стр. 48) говоритъ, что „городокъ, замокъ и церкви въ городѣ и на Гончаровкѣ“ оставались пустыми отъ 1709 до 1742 г.; но о возобновленіи Батурина въ 1742 г. мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

с. Охромѣевичъ (Сосницкаго уѣзда) состоящемъ, сосноваго брусся 50, которое на сихъ дняхъ надлежитъ и перевозить въ Батуринъ, чтобъ въ строеніи оной фабрики остановки не послѣдовало".—Поэтому Тепловъ требовалъ присылки изъ сосѣднихъ сотенъ подводъ. Кажется, что Тепловъ первоначально хотѣлъ устроить пильный заводъ, въ виду того значительнаго количества построекъ, которое предстояло воздвигнуть въ Батуринѣ.—Къ постройкамъ домовъ приступлено было, повидимому, не раньше 1759 г. Въ іюнѣ этого года Тепловъ писалъ въ генер. канцелярію: „къ производящейся нынѣ при г. Батуринѣ его ясневельможности дому и другихъ нужныхъ для резиденціи егожъ ясн-сти строеній работѣ необходимо потребно немалымъ числомъ разныхъ мастеровыхъ людей, пѣшихъ работниковъ и подводъ съ подводчиками. Для того, во исполненіе полученнаго отъ его ясневельможности въ генер. канцеляріи ордера, о чиненіи отъ оной канцеляріи всякаго мнѣ вспомоществованія, да благоволитъ генер. к-лярія, откуду запристойнѣе покажется, выслать къ батуринскому строенію, на первой случай, нижеподписанное число мастеровыхъ людей и работниковъ, какъ то для строенія дому и службъ: столярей искусныхъ въ ихъ мастерствѣ—40, кузнецовъ—30, плотниковъ—200, да для копанія погребовъ и планированія земли пѣшихъ работниковъ—200, также для вывозки лѣсу отъ Устья [1]) и для разныхъ повозокъ подводъ съ подводчики—300".

Ради скорѣйшей достройки гетманскаго дома Тепловъ хотѣлъ было употребить для послѣдняго уже готовую какую-то постройку, перевезенную для этого въ Батуринъ изъ с. Вел. Самбора; но постройка оказалась для дома недостаточною, какъ писалъ Тепловъ тогда же, лѣтомъ 1759 г., въ ту же генер. к-лярію, предлагая послѣдней взять это строеніе для генер. канцеляріи и генер. суда,— „за пріѣздомъ моимъ въ Батуринъ усмотрѣлъ я, что главное строеніе, перенесенное изъ Самбура въ сей городъ, которое для его ясн-ти изготовлено было, явилось весьма тѣсно и расположеніемъ своихъ комнатъ совсѣмъ неугодно для персоны его ясневельможности и всей его сіятельства фамиліи; изъ сего резону разсудилъ я оное снять съ его каменнаго фундаменту и поставить оное новое въ другомъ рас-

---

[1]) Село Сосницкаго уѣзда при сліяніи Сейма съ Десною.

положеніи и въ другой пропорціи комнатъ, на томъ же фундаментѣ. Но чтобъ оному снятому строенію сыскать мѣсто приличное, понеже оно еще крѣпко, то понеже его ясневельможность *не только дому своего строенія изволилъ препоручить подъ мою диспозицію, но разумѣю, что и тѣ національныя строенія, которыя, при первомъ случаѣ, близки должны быть при его ясн-ти, надлежаще были бы выстроены*, сего ради видится мнѣ, что не неспособно будетъ, когда то снятое строеніе употреблено будетъ, пока каменное построится, подъ генер. канцелярію и судъ генеральный, ибо въ ономъ не токмо сіи два департаменты, но и другія коммиссіи съ пространствомъ помѣститься могутъ. Для того не соблаговолитъ ли генер. канцелярія кого отъ себя опредѣлить—принять оное строеніе подъ свое смотреніе и быть повелѣть ему при той работѣ, пока оная совсѣмъ изготовится; а я оное произведу изъ той суммы, которая опредѣлена и выдана въ экономическую канцелярію для гетманскихъ строеній и самъ буду смотрѣть, отведши, по данному мнѣ отъ его ясн ти плану, особливое мѣсто, чтобъ оное въ близости отъ загороднаго дому его ясн-ти было поставлено."

Приступивъ за симъ къ постройкѣ гетманскаго дома уже изъ новаго лѣса, Тепловъ разыскивалъ годное дерево по всей лѣсной Малороссіи, какъ это видно изъ его бумаги, написанной въ ноябрѣ того же 1759 г. въ генер. канцелярію съ требованіемъ подводъ для вывозки этого дерева:—„репортомъ отъ учрежденной о строеніи батуринскомъ экспедиціи представлено въ экономическую канцелярію, что къ производимому нынѣ въ г. Батуринѣ большому строенію гетманского дому до средняго корпусу и до флигелей, на потолокъ и подъ стропила на балки обыскано чрезъ нарочно посыланного угодного дерева довольнымъ числомъ полку Чернѣговского въ пущи Перелюбской (с. Перелюбъ, Сосницк. у.) владѣнія монастыря Троицкаго Чернѣговского, и какъ де тотъ нарочный тамошнего городничего (монаха-управляющаго) спросилъ о цѣнѣ, то онъ де объявилъ, что таковое дерево, поелику тамо довольные пущи, на домъ гетманской и безъ денегъ уступлено будетъ."

Тепловъ дѣятельно занимался порученнымъ ему дѣломъ, но встрѣчалъ при этомъ полное равнодушіе со стороны глуховской администраціи, безъ распоряженій которой онъ все-таки обойтись не могъ. Въ этомъ отношеніи сохранилась любопытная его бумага,

написанная въ генер. канцелярію, въ іюлѣ 1759 г., въ которой онъ упрекаетъ глуховскія власти за бездѣйствіе. Мы видѣли уже, что за мѣсяцъ передъ этимъ Тепловъ требовалъ отъ генер. канцеляріи присылки въ Батуринъ опредѣленнаго количества рабочихъ; часть ихъ и была прислана; но вслѣдъ за тѣмъ столенскій сотникъ Бобырь, донося генер. канцеляріи о появившейся въ его сотнѣ „множественной саранчѣ", просилъ, дабы высланные къ батуринскому строенію работные люди обратно въ домы свои отпущены были". Когда генер. к-лярія сообщила объ этомъ Теплову, то послѣдній послалъ въ Глуховъ такой энергическій отвѣтъ: „Понеже мнѣ отъ его ясневельможности произведеніе всего батуринскаго строенія поручено, а генер. канцеляріи притверждено, чтобы она всякое вспоможеніе мнѣ въ этомъ дѣлала, то, за таковымъ его ясн-сти опредѣленіемъ, я прилагаю неусыпное и многотрудное въ томъ попеченіе, а паче, что на сихъ дняхъ его ясн-сть неоднократно письменно мнѣ и подтвердить изволилъ, что хотя пріѣздъ его ясн-сти въ Малую Россію сего лѣта быть уже и не можетъ, а отложенъ къ будущему зимнему пути, однакожъ не ослабѣвалъ бы я не токмо немало въ произведеніи строенія батуринскаго, но имѣя больше уже нѣсколько времени, старался бы домъ покойнѣе построить и большее число къ нему службъ постановить, а сверхъ того особливый домъ нововыписаннымъ изъ Франціи и дѣйствительно уже въ службу вступившимъ доктору и лѣкарю, такъ какъ женатымъ и съ своими фамиліями пріѣхавшимъ, особливое отъ дому гетманского строеніе хозяйское въ Батуринѣ до пріѣзду же его ясневельможности учредилъ бы"... Далѣе Тепловъ пишетъ, что въ виду краткости времени, назначеннаго для окончанія гетманскихъ построекъ, а особенно вслѣдствіе неаккуратной высылки рабочихъ, которымъ „плата производится довольная", нѣтъ основанія ни отпускать домой по заявленію сотника Бобыря уже высланныхъ работниковъ, ни тѣмъ болѣе убавлять назначенное количество рабочихъ. Затѣмъ Тепловъ проситъ генер. канцелярію „въ разсужденіе принять—возможно-ль столь великое дѣло, какъ гетманскій домъ, построить на-ново въ одно лѣто малымъ числомъ рабочихъ? *И есть ли способъ въ Малой Россіи за деньги вольныхъ рабочихъ доставать, когда отъ лѣности всѣ мужики малороссійскіе убѣгаютъ почти всякой работы, не желая себѣ никакой*

платы? [1]). Но когда еще и ослушаніе сотниковъ и презрѣніе ихъ генер. канцеляріи ордеровъ къ тому вспомоществовать будетъ, то по такому ихъ (сотниковъ) небреженію, ежели безъ взысканія и штрафа оставаться они будутъ, *едва ли есть способъ таковыя строенія въ Малой Россіи и производить*, хотя бы генер. канцелярія наистрожайшіе ордеры писала повторительно, ибо, какъ экономической канцеляріи довольно извѣстно, сотники мало уваженія на присылаемые къ нимъ ордеры имѣютъ; а въ семъ случаѣ было бы поощреніе вящшее строенію батуринскому лишится и послѣднихъ работниковъ, когда столь малое число высланныхъ людей въ разореніе сотнѣ отъ генер. канцеляріи признавается, а домъ гетманскій за маловажное дѣло пріемлется, который, за недостаткомъ работниковъ теперешнихъ, малымъ самымъ числомъ по количеству цѣлого посполитого народа малороссійскаго изъ полковъ наряженныхъ, изъ того числа высланвыхъ крайне негодныхъ и малолѣтнихъ, *почти съ невозможностью теперь строится*. И ежели бы экономическая канцелярія всѣ такіе недостатки въ производящемся изъ скарбу войсковаго строенію не предупреждала своимъ собственнымъ немалымъ коштомъ въ лѣсѣ и работникахъ, то бы, надѣяся на помощь генер. канцеляріи, начатое строеніе вовся стояло безъ дѣйствія; но экономическая канцелярія, видѣвъ неисполненіе требуемаго, принуждена была со всѣхъ гетманскихъ урядовыхъ маетностей, въ немалый убытокъ собственного его ясневельможности доходу, мѣрочниковъ (мельниковъ) забрать, столяровъ и кузнецовъ, ибо изъ полковъ насилу выслано вмѣсто 40 столяровъ — 1, вмѣсто 30 кузнецовъ — 18, вмѣсто 200 плотниковъ — 149, вмѣсто 200 пѣшихъ — 166, вмѣсто 300 подводчиковъ — 273; и какъ пѣшіе, такъ и подводчики, по большей части малолѣтніе, а плотники всѣ генерально крайне негодные, столяръ — одинъ и кузнецовъ — 18, то сама генер. канцелярія благоволитъ разсудить, — возможно-ль мнѣ съ строеніемъ такъ пространнымъ поспѣшить окончаніемъ въ одно лѣто?.... тамъ, гдѣ ни работниковъ, ни майстеровыхъ за деньги достать невозможно и убѣжище остается къ одной только исправности сотничей къ высылкѣ, которые никогда однакожъ тѣмъ отговорится не могутъ, якобы въ Малой Россіи край-

---

[1]) Ср. „Записку“ Теплова въ Записк. о Южн. Руси, II, 194 и слѣд.

не уже плотниковъ, столяровъ и кузнецовъ годныхъ не было или работниковъ не малолѣтнихъ, но мнѣ самому извѣстно, что всѣ малороссійскіе мѣрочники не что иное, какъ довольно искусные плотники суть, а столяровъ и кузнецовъ немалое число по деревнямъ шатается и при самыхъ полковникахъ, полковой старшинѣ и сотникахъ находятся, изъ которыхъ какъ ни единаго мѣрочника, такъ и столяровъ и кузнецовъ, какъ вышеупомянуто, не высланожъ". Поэтому Тепловъ просилъ генер. канцелярію „всѣ недостатки при строеніи батуринскомъ властію своею исправить и не упустить тѣхъ безъ штрафа, кто нерадѣтельно по ея ордерамъ поступалъ" [1]).

Этою бумагою Теплова обрываются наши свѣдѣнія о „батуринскомъ строеніи". Въ 1760 г. Батуринъ, какъ извѣстно, пожалованъ былъ Разумовскому, вмѣстѣ съ прочими гетманскими имѣніями, въ вѣчное и потомственное владѣніе (указъ отъ 17 февраля). Въ это время „батуринское строеніе" настолько подвинулось, что въ началѣ 1761 г. гетманъ могъ уже жить здѣсь въ своемъ домѣ; были, вѣроятно готовы, и другія постройки, ибо лѣтомъ 1761 г. пріѣхали въ Батуринъ приглашенные изъ Франціи Разумовскимъ докторъ Дю-фаи и лѣкарь Эно, для которыхъ, какъ мы сказали выше, предполагалось отвести особое помѣщеніе [2]).

Разумѣется, вмѣстѣ съ пожалованіемъ Батурина Разумовскому, вопросъ о перенесеніи сюда „гетманской резиденціи" и „національныхъ построекъ" упразднялся. Вслѣдъ за уничтоженіемъ гетманства, въ декабрѣ 1764 г., императрица нашла нужнымъ подарить Разумовскому батуринскій гетманскій домъ и прочія воздвигнутыя Тепловымъ зданія, какъ построенныя „скарбовыми деньгами", а вмѣстѣ и „заготовленные на строеніе всякіе матеріалы".

Послѣ увольненія отъ гетманства, Разумовскій одиннадцать лѣтъ оставался въ Петербургѣ и вернулся въ Малороссію только въ 1776 г. Поселился онъ въ Батуринѣ и, лишь за кратковременными отлучками, прожилъ въ немъ остальную свою жизнь. Здѣсь онъ и умеръ въ 1803 году, и похороненъ въ сооруженной имъ же церкви Воскресенія Христова. Въ Батуринѣ Разумовскій жилъ въ построенномъ

---

[1]) Изъ рукописей нашей б-ки.

[2]) Семейство Разумовскихъ, I, 276 и 277.

для него Тепловымъ „гетманскомъ домѣ“, который находился на большой улицѣ, невдалекѣ отъ Конотопскаго пріѣзда [1]). Однако домъ этотъ Разумовскаго не удовлетворялъ, и онъ сдѣлалъ закладку новаго на купленномъ въ 1772 г. у Теплова мѣстѣ, окончанія котораго не суждено ему было дождаться, и существующія донынѣ его полуразвалины остаются единственнымъ памятникомъ былой жизни Батурина [2]).

А. Лазаревскій.

13 іюля, 1891 г.
С. Подлипное.

---

[1]) Васильчиковъ говоритъ (Сем. Разум. I, 463), что домъ Разумовскаго находился „на мѣстѣ, которое до сихъ поръ называется городкомъ“, въ полуверстѣ отъ Тепловки, на краю обрыва Батуринской горы“. Но „городкомъ“ въ Батуринѣ называется мѣсто, гдѣ жилъ Мазепа (см. выше), а домъ Разумовскаго находился противъ бывшей многіе годы почтовой станціи, на большой улицѣ, по которой проходитъ дорога изъ Конотопа къ переправѣ черезъ Сеймъ. Каменная ограда усадьбы Разумовскаго существовала еще въ семидесятыхъ годахъ и, вѣроятно, остатки ея видны и теперь.

[2]) См. нашу замѣтку о „Тепловкѣ“ (какъ называется въ народѣ недостроенный домъ Разумовскаго) въ Кіев. Старинѣ, 1890 г., ноябрь, 337—345. Тамъ же приложенъ и фототипный рисунокъ „Тепловки“.

Кіевскіе воеводы, губернаторы и генералъ-губернаторы отъ 1654 по 1775 г.

Кіевъ городъ пограничной і другимъ губерніямъ нев(п)римеръ. (Изъ одного донесенія кіевскаго генералъ-губернатора кн. И. Ю. Трубецкого).

Административное устройство Кіева и приписанныхъ къ нему малороссійскихъ городовъ, со времени присоединенія его къ Русскому государству и до учрежденія Кіевскаго намѣстничества, представляло большія отличія отъ устройства какъ остальной Малороссіи, такъ и областей великорусскихъ. Съ самаго момента присоединенія своего къ Россіи городъ этотъ, вслѣдствіе своего важнаго политическаго и стратегическаго значенія, а также и своего историческаго прошлаго, обращалъ на себя особое вниманіе русскаго правительства и возбуждалъ въ послѣднемъ стремленіе тѣснѣе связать его съ Русскимъ государствомъ. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли было назначеніе для Кіева особыхъ правителей—воеводъ, впослѣдствіи переименованныхъ въ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ. Правители эти не могли имѣть той власти, какую имѣли одноименные съ ними правители областей великорусскихъ; они были собственно начальниками великорусскихъ войскъ, расположенныхъ въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ; но при назначеніи ихъ правительство имѣло въ виду и иную, болѣе широкую, задачу: они должны были служить представителями государственной власти въ краѣ и подготовлять болѣе тѣсное сближеніе его съ Россіей. Осуществленіе этой задачи представляло большія трудности. Объединительныя стремленія правительства встрѣчали противовѣсъ въ общемъ

положеніи дѣлъ въ Малороссіи и въ особыхъ правахъ козацкаго и мѣщанскаго населенія Кіева. Послѣднее препятствіе было устранено довольно легко. Полковое правленіе Кіевскаго полка было перенесено въ г. Козелецъ, въ Кіевѣ же остался только сотникъ, что̀ низвело Кіевъ на степень второстепеннаго пункта козацкаго управленія. Что же касается кіевскаго мѣщанства, представлявшаго богатую общину, пользовавшуюся съ конца XV столѣтія Магдебургскимъ правомъ, то правительство, еще при самомъ присоединеніи города къ Россіи, подтвердило права мѣщанства, признаніе которыхъ не противорѣчило установившемуся въ Московскомъ государствѣ обычаю и представляло даже извѣстную выгоду для правительства, какъ ограниченіе козацкаго управленія [1]). Труднѣе было побороть общій порядокъ вещей; борьба затянулась надолго и окончилась только въ царствованіе Екатерины II измѣненіемъ всего политическаго строя Малороссіи; тогда и Кіевъ былъ подчиненъ общей административной системѣ, установленной учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года.

Исторія кіевской администраціи до 1775 г. должна составить существенную часть исторіи Малороссіи въ данный періодъ и выяснить нѣкоторыя малоразработанныя ея стороны. Между тѣмъ вопросъ этотъ, сколько намъ извѣстно, не вызывалъ еще особаго изслѣдованія, а въ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи почти что не затрогивается: въ нихъ можно еще найти указанія на особый характеръ правленія кіевскихъ воеводъ, со временъ же Петра В. Кіевская губернія представляется какъ-бы однородною съ другими учрежденными въ то время губерніями. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены представить общій очеркъ административнаго устройства Кіева въ разсматриваемую эпоху, не касаясь пока возникающихъ при этомъ частныхъ вопросовъ, которые могутъ быть предметомъ особаго труда.

Первые воеводы (кн. Ѳ. С. Куракинъ и кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій) назначены были въ Кіевъ еще въ 1654 г. Въ наказѣ, данномъ этимъ воеводамъ, такимъ образомъ опредѣляется цѣль посылки ихъ въ Кіевъ: „Великій государь прислалъ въ Кіевъ ихъ, своего царскаго величества

---

[1]) Извѣстна постоянная борьба кіевскихъ гражданъ съ козаками и постоянное стремленіе гетмановъ подчинить Кіевъ своей власти, что̀ и имѣло мѣсто два раза: при гетманѣ Апостолѣ и послѣ его смерти (1733—37) и при К. Г. Разумовскомъ (1762—64).

боярѣ и воеводѣ, и съ ними ратныхъ людей для обереганья отъ полскихъ и литовскихъ людей, чтобъ святые Божія церкви впередъ въ разоренье, а православные христіане отъ полскаго короля и отъ полскихъ и литовскихъ людей во изгнаніи, и въ тѣснотѣ, и въ смертномъ убійствѣ, и ни въ какомъ мученьѣ за православную христіянскую вѣру не были". Обязанности воеводъ опредѣляются такимъ образомъ: они должны и черезъ гетмана и непосредственно отъ себя отписать во всѣ „черкасскіе" города къ полковникамъ и къ начальнымъ людямъ, чтобъ они въ городахъ жили „съ великимъ береженьемъ, неоплошно;" обмѣниваться вѣстями съ полковниками и гетманомъ; сноситься съ „литовскими" старостами и державцами, но лишь устно, письма же ихъ отсылать въ Москву; въ случаѣ нападенія поляковъ и литовцевъ посылать на нихъ черкасъ и всякихъ ратныхъ людей; слѣдить, чтобы служилые люди не дѣлали обидъ населенію, а въ противномъ случаѣ судить и наказывать ихъ; если же „отъ черкасъ задоры учинятся," велѣть расправу чинить и наказаніе по мѣстнымъ правамъ ихъ же судьямъ, но съ боярскаго вѣдома; осмотрѣть кіевскую крѣпость и, если нужно, выбрать мѣсто для построенія новой, разложивъ эту повинность на все населеніе, на служилыхъ людей, а также и на мѣщанъ; дальше слѣдуютъ статьи о заставахъ и сторожахъ, о предосторожностяхъ относительно морового повѣтрія, о выходцахъ изъ-за границы, о бѣглыхъ и лазутчикахъ, объ оборонѣ Кіева на случай осады, о жалованьи служилымъ людямъ. Въ заключеніе говорится, что воеводы во всѣхъ дѣлахъ должны поступать „по наказу, и по указнымъ грамотамъ, и, смотря по тамошнему дѣлу, какъ ихъ Богъ вразумитъ, чтобы дѣлу лутче и прибылнѣе и государеву имяни къ чести и къ повышенію" [1]).

Наказъ этотъ составленъ по образцу другихъ воеводскихъ наказовъ XVII в., но представляетъ и свои особенности: власть воеводы имѣетъ въ немъ почти исключительно военный характеръ; финансовыя и судебныя дѣла не входятъ въ компетенцію воеводъ и остаются въ рукахъ мѣстныхъ властей; но въ то же время права тѣхъ и другихъ властей не разграничены, и воеводамъ какъ-бы предоставляется право надзора надъ мѣстными властями.

---

[1]) Акты Ю. и З. Россіи, т. X, стр. 351—372.

Съ такими полномочіями воеводы были назначены при Хмельницкомъ, кромѣ Кіева, и въ нѣкоторые другіе города (Переяславль, Черниговъ, Нѣжинъ). Мѣра эта встрѣчена была въ Малороссіи несочувственно, и на первыхъ же порахъ вызвала довольно рѣзкій протестъ. Такъ, въ прелиминарныхъ статьяхъ Хмельницкаго казаки просятъ, чтобы воеводы были только въ большихъ городахъ—въ Кіевѣ да въ Черниговѣ (ст. 14), чтобы они избирались изъ ихъ же людей; если же будутъ государевы воеводы, то чтобы сборщиками доходовъ были ихъ же люди (ст. 7); чтобы въ городахъ, гдѣ будутъ воеводы, судъ оставался прежній, а у воеводъ судились бы только желающіе (ст. 2) [1]). Въ тѣхъ же статьяхъ, которыя признаются окончательными, встрѣчается слѣдующій рѣзкій протестъ противъ воеводскаго управленія: „Чтобъ наѣхалъ воевода, учалъ бы права ихъ ломать и тягости какія чинилъ, и то бъ имѣло быть съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыкнуть и тягости такія не могутъ носить“ (п. 12) [2]). Въ отвѣтѣ на этотъ пунктъ сказано: „Быть урядникомъ того войска, права и волности смотрѣть имъ“. Тѣмъ не менѣе воеводы остались, по крайней мѣрѣ, въ Кіевѣ.

Съ этихъ поръ начинается упорная борьба козаковъ съ воеводскимъ управленіемъ. Въ гетманство Выговскаго бояринъ Хитрово, принимавшій, какъ извѣстно, участіе въ утвержденіи Выговскаго гетманомъ, настаивалъ на введеніи воеводскаго управленія въ малороссійскихъ городахъ. „Великій государь, говорилъ онъ, желая по христіянству, чтобъ было все войско Запорожское въ осторожности и безстрашіи отъ внезапнаго прихода непріятеля, изволилъ учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатныхъ городахъ Малой Россіи: въ Черниговѣ, Нѣжинѣ, въ Переяславѣ и другихъ, гдѣ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевѣ, для вашей обороны. Воеводы и ратные люди будутъ укрѣплять города и устраивать осады; а въ городахъ и мѣстечкахъ будутъ вѣдать козаковъ и чинить между ними расправу полковники, и войты, и бурмистры по вашимъ правамъ; а осадныхъ людей въ городахъ будутъ судить и расправу надъ ними чинить воеводы—только тоже по вашимъ правамъ. Тѣ поборы, которые собирались у васъ—подымное и съ орандъ—будутъ сбираться въ

---

[1]) Маркевичъ, Ист. Малор., III, 133—139.

[2]) Буцинскій, О Богданѣ Хмельницкомъ, стр. 164.

оныхъ городахъ въ войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому войску и на царскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы[1])". Такимъ образомъ власть воеводъ предполагалось распространить на финансовыя и отчасти судебныя дѣла. Воеводское управленіе на этихъ началахъ и было введено въ нѣкоторыхъ городахъ; но скоро наступили извѣстныя смуты, и правительство для прекращенія ихъ соглашалось на большія уступки. Въ наказѣ начальствовавшему надъ московскими войсками въ Малороссіи кн. Трубецкому сказано: „А буде (Выговскій) учнетъ просить воеводства Кіевскаго—быть по его прошенію (п. 2); а буде учнетъ говорить, чтобъ въ Кіевѣ и иныхъ городахъ государевымъ бы воеводамъ и ратнымъ людемъ не быть и чтобы боярина Василія Борисовича (Шереметева, кіевскаго воеводу) нынѣ изъ Кіева и ратныхъ людей вывесть, потому что уже онъ гетманъ и воевода кіевскій и другому воеводѣ быть въ Кіевѣ не для чего—и боярина вывесть, а ратнымъ бы людемъ, сколькимъ великій государь укажетъ, быть[2])". Примиреніе съ Выговскимъ, какъ извѣстно, не состоялось, и Шереметевъ оставался кіевскимъ воеводою до 1661 г.

Въ статьяхъ Юрія Хмельницкаго опять встрѣчается протестъ противъ воеводскаго управленія. Ст. 12 представляетъ буквальное повтореніе приведенной выше 12 ст. рѣшительныхъ пунктовъ Хмельницкаго; ст. 1, 2 и 11 требуютъ, чтобы судъ и сборъ налоговъ принадлежалъ не воеводамъ, а мѣстнымъ урядникамъ[3]). Требованія эти были утверждены правительствомъ, но все-таки по дополнительнымъ статьямъ вводится воеводское управленіе въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавѣ, Умани „для обороны отъ непріятелей“[4]).

Въ московскихъ статьяхъ Брюховецкаго воеводское управленіе распространяется еще на нѣкоторые города, при чемъ опредѣляется и число ратныхъ людей въ каждомъ городѣ, а именно: въ Кіевѣ—5000, Переяславѣ—2000, Черниговѣ—1200, Нѣжинѣ—1200, Новгородку (Новгородъ-Сѣверскѣ)—300, Полтавѣ—1500, Кременчугѣ—300,

---

[1]) Костомаровъ, Ист. монографіи, II, 86—87.

[2]) А. Ю. З. Р., IV, 204—206.

[3]) Маркевичъ, III, 181—185.

[4]) Маркевичъ, III, 188—191.

Кодакѣ—300 и Острѣ—300; при этомъ сказано, что воеводы ни къ какимъ дѣламъ и къ судамъ козацкимъ „вступаться не имѣютъ [1])“. И на этотъ разъ воеводское управленіе вызвало рѣзкій протестъ со стороны населенія: извѣстно, что именно возстаніе противъ воеводъ повело къ убійству Брюховецкаго. Воеводы были изгнаны изъ многихъ городовъ, но Кіевомъ они продолжали править (П. В. Шереметевъ 1666; Г. А. Козловскій 1669—73).

Гетманъ Дем. Многогрѣшный также просилъ уничтоженія воеводскаго управленія, „понеже отъ нихъ многія ссоры и досадительства бывали“. Но правительство подтвердило существованіе воеводъ въ Кіевѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ „по прежнимъ статьямъ, для обороны“, съ тѣмъ, чтобы они не вмѣшивались ни въ сборъ налоговъ, ни въ суды; воеводы могутъ судить только своихъ ратныхъ людей, при разборѣ же жалобъ на ратныхъ людей со стороны мѣстныхъ жителей „для великія правды искоторія (вѣроятно, скорыя) расправы“, вмѣстѣ съ воеводою, должны судить изъ малороссійскихъ жителей знатные и добрые, и разумные люди [2]). Такимъ образомъ компетенція воеводъ была значительно ограничена, но самое учрежденіе осталось неприкосновеннымъ. Со времени Самойловича положеніе воеводъ, какъ военныхъ начальниковъ надъ великорусскими гарнизонами, утвердилось окончательно. Въ статьяхъ этого гетмана не встрѣчаются упоминанія о воеводахъ; въ статьяхъ же Мазепы и Скоропадскаго опять подтверждается существованіе воеводъ, которымъ царь Алексѣй Михайловичъ „указалъ быти въ прародительской своей отчинѣ, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, также и въ Черниговѣ, въ Переяславѣ, и въ Нѣжинѣ, и въ Острѣ для обороны отъ непріятеля; а въ права и вольности козацкія, и въ суды, и ни въ какія дѣла воеводамъ вступаться не указалъ какъ кіевскому воеводѣ, такъ и иныхъ городовъ; и указалъ имъ имѣть начальство надъ ратными людьми, которые въ тѣ города присланы будутъ во всякомъ строеніи на оборону [3])“.

Отсюда слѣдуетъ, что исторія воеводскаго управленія отъ Богдана Хмельницкаго до Скоропадскаго представляетъ непрерывную борьбу между козацкимъ самоуправленіемъ и стремленіемъ правительства

---

[1]) Марковичъ, III, 225—226.

[2]) Марковичъ, III, 242—243.

[3]) Маркевичъ, III, 296.

ввести въ Малороссіи великорусское воеводское управленіе. Права малороссійскихъ воеводъ простирались только на военное управленіе, но постоянное подтвержденіе этихъ ограниченій, постоянныя жалобы на воеводъ, наконецъ неоднократныя возстанія показываютъ, что de facto власть воеводъ принимала часто болѣе широкіе размѣры [1]); да и само правительство старалось расширить ее и распространить на большее количество городовъ. Попытки эти не всегда удавались; были случаи, что воеводъ изгоняли и даже убивали, но въ Кіевѣ воеводская власть утвердилась прочно, и мы встрѣчаемъ здѣсь непрерывный рядъ воеводъ до самой замѣны ихъ губернаторами. Мы не знаемъ съ достовѣрностью отношеній кіевскаго воеводы къ воеводамъ ближайшихъ малороссійскихъ городовъ, но изъ нѣкоторыхъ указаній въ гетманскихъ статьяхъ можно предположить, что онъ считался выше другихъ, и что Кіевъ былъ какъ-бы центромъ воеводскаго управленія.

Съ начала XVIII вѣка вводится постепенно раздѣленіе Россіи на провинціи и губерніи. Первый указъ объ этомъ, изложенный довольно неясно, относится еще къ 1699 г.; [2]) второй, болѣе опредѣленный,—къ 1708, а окончательный—къ 1719 [3]). Въ это время и кіевскіе воеводы получаютъ титулъ губернаторовъ (впослѣдствіи генералъ-губернаторовъ). Первымъ кіевскимъ губернаторомъ былъ генералъ-майоръ Юрій Андреевичъ Фамендинъ (вѣроятно, фонъ-Менгденъ [4]). Сохранился „росписной списокъ“, составленный въ 1700 г. при пріемѣ имъ кіевской крѣпости отъ предшественника своего кн. П. И. Хованскаго [5]); изъ этого списка видно, что Фамендинъ принялъ въ свое вѣдѣніе кіевскую крѣпость съ ратными людьми, военными запасами, провіантомъ и денежными суммами, а равно и приказную палату, въ которой

---

[1]) Подробности изложены у Костомарова (Гетманство Выговскаго; Руина); документы, относящіеся къ этому вопросу, частію изданы въ Актахъ Ю. и З. Россіи. Изъ новѣйшихъ работъ обращаетъ на себя вниманіе статья В. Эйнгорна: „Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и Нѣжинскій магистратъ“ (К. Ст., 1891, № 11).

[2]) П. С. З. Р. И., т. III, № 1706.

[3]) П. С. З., т. IV, № 2218, и т. V, № 3380.

[4]) Фамендинъ названъ губернаторомъ въ прилагаемомъ спискѣ Паковалника; что правитель Кіева назывался тогда губернаторомъ можно заключить также и изъ мирнаго трактата съ Турціею, заключеннаго Украинцевымъ, гдѣ упоминаются „порубежные губернаторы“ (П С. З., т. IV, № 1804).

[5]) См. въ III-мъ отд. настоящей книги.

хранились наказы прежнихъ воеводъ. Отъ второго губернатора ген.-м. Гулица до насъ дошла грамота (см. приложеніе II.) Эти документы довольно ясно опредѣляютъ значеніе первыхъ кіевскихъ губернаторовъ, которые для Кіева и Малороссіи представляли изъ себя тѣхъ же воеводъ съ исключительно военною властью. Еще яснѣе опредѣляетъ характеръ власти кіевскаго губернатора слѣдующій указъ о назначеніи преемника Гулицу, кіевскаго воеводы (впослѣдствіи онъ назывался губернаторомъ) кн. Д. М. Голицына, отъ 10 февраля 1707 г.: „Великій государь указалъ Кіевъ, такожъ и прочіе замки въ черкаскихъ городѣхъ, въ которыхъ русскіе воеводы, приписать къ Бѣлугороду; и изъ Бѣлагорода комнатному стольнику и воеводѣ кн. Д. М. Голицыну, осмотря ихъ, быть къ веснѣ въ Кіевъ, гдѣ много исправленія требуетъ, и для того ему бѣлогородскимъ разрядомъ исправлять; а за честь кіевскаго мѣста писать его кн. Дмитрія воеводою кіевскимъ, а не бѣлогородскимъ; и вѣдать Бѣлгородъ со всѣмъ разрядомъ ему жъ, князю Дмитрію, а Кіевъ съ прочими замками черкасскими взять въ разрядъ“ [1]). Въ этомъ указѣ ясно чувствуется связь съ прежними распоряженіями о великорусскихъ воеводахъ въ Малороссіи: Кіевъ несомнѣнно играетъ первенствующую роль между другими малороссійскими городами съ воеводскимъ управленіемъ; власть воеводы исключительно военная. Въ этомъ же указѣ обращаетъ вниманіе на себя еще одна сторона: Кіевъ приписанъ къ бѣлгородскому разряду, и воевода носитъ титулъ кіевскаго только „за честь кіевскаго мѣста“; очевидно, Петръ находилъ неудобнымъ признать центромъ военнаго управленія пограничный городъ, находящійся въ странѣ, пользующейся исключительными правами.

Въ 1708 состоялось первое раздѣленіе Россіи на губерніи. Въ числѣ этихъ губерній была и Кіевская. Она обнимала большую часть теперешнихъ губерній Харьковской, Курской и Орловской; изъ малороссійскихъ же городовъ къ ней приписаны были только Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ и Нѣжинъ, т. е. именно тѣ города, въ которыхъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ были великорусскіе воеводы [2]). Та-

---

[1]) П. С. З., т. IV., № 2140.

[2]) Н. И. Костомаровъ относитъ къ Кіевской губерніи и гетманщину (Ист. Россіи, вып. 6, стр. 608); но это очевидная обмолвка: гетманщина имѣла свое особое управленіе и не могла зависѣть отъ кіевскаго губернатора.

кимъ образомъ указъ 1708 относительно малороссійскихъ городовъ былъ только подтвержденіемъ сложившагося раньше устройства. Что же касается приписанныхъ къ Кіевской губерніи городовъ великорусскихъ, то въ нихъ губернаторъ долженъ былъ вѣдать тѣ же дѣла, какъ и губернаторы другихъ губерній, т. е. въ данное время не только военныя, но и финансовыя.

Административное устройство 1708 г. было измѣнено въ 1719, при чемъ губерніи были раздѣлены на провинціи [1]). Кіевская губернія была уменьшена въ объемѣ (изъ 56 городовъ оставлено 41) и раздѣлена на четыре провинціи: Бѣлгородскую (20 гор.), Сѣвскую (9), Орловскую (6) и Кіевскую (6—кромѣ названныхъ выше, Переволочна и Полтава). Кіевская провинція занимаетъ въ этомъ перечисленіи послѣднее мѣсто; при названіяхъ городовъ этой провинціи не показано, какъ сдѣлано относительно другихъ провинцій, число дворовъ, съ которыхъ положено сбирать разные сборы. Изъ этого можно заключить, что Кіевская провинція, по прежнему, была подчинена губернатору только въ военномъ отношеніи, и что настоящимъ административнымъ центромъ былъ не Кіевъ, а Бѣлгородъ. Впрочемъ, кіевскіе губернаторы получали въ это время нѣкоторыя спеціальныя порученія, расширявшія ихъ власть; такъ князю Д. М. Голицыну въ 1714 г. поручено было ловить чрезъ нарочныхъ комиссаровъ бѣглыхъ людей великороссійскаго народа, скрывавшихся въ гетманщинѣ и Слободской украинѣ, а въ 1715 ему же подчинены были раскольничьи слободы въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полку [2]).

Вообще въ это время власть кіевскаго губернатора должна была усилиться вслѣдствіе измѣненія административнаго строя Малороссіи. Въ самомъ началѣ гетманства Скоропадскаго къ нему опредѣленъ былъ стольникъ Измайловъ для управленія и „общаго съ нимъ совѣта“; Измайлова смѣнилъ Протасьевъ, а незадолго до смерти Скоропадскаго учреждена была Малороссійская коллегія изъ шести штабъ-офицеровъ подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова, которая и управляла Малороссіею впродолженіи пяти лѣтъ отъ смерти Скоропадскаго до избранія Апостола. Перемѣны эти не могли не

---

[1]) П. С. З, т. V., № 3380.

[2]) Лилеевъ, Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ (К. Ст., 1889, сент., стр. 610 и 611).

отразиться на дѣятельности кіевскаго генералъ-губернатора и подчиненныхъ ему комендантовъ. Еще Скоропадскій въ просительныхъ пунктахъ, поданныхъ Петру I въ 1722 году ходатайствовалъ объ ограниченіи власти генералъ-губернатора [1]: „Господину генералъ-губернатору кіевскому и комендантамъ, по гварнѣзонамъ въ Малой Россіи будучимъ, да повелитъ Ваше Императорское Величество до судовъ и правленія малороссійскаго не вступаться и указовъ никакихъ отъ себе до старшины малороссійской не засилать—всепокорнѣйше просимъ". На этотъ пунктъ послѣдовала такая резолюція: „опредѣлится брегадиръ съ 6-ю его помощниками, которому велено все чинить по трактату, учиненному съ Хмельницкимъ, о чемъ пространно усмотришь къ удовольству изъ указа, вамъ подписаннаго [2])."

Изъ просьбы Скоропадскаго можно заключить, что генералъ-губернаторъ въ это время присвоивалъ себѣ уже власть судебную и административную, что было, вѣроятно, результатомъ примѣненія инструкціи 1719 г., значительно расширявшей власть губернатора, но непримѣнимой къ Кіеву вслѣдствіе его исключительнаго положенія.

Непродолжительное и незначительное гетманство Апостола и послѣдовавшее затѣмъ правленіе Малороссійской канцеляріи, могли способствовать только дальнѣйшему увеличенію власти кіевскаго генералъ-губернатора. Между тѣмъ значеніе Кіева для государства возрастало вмѣстѣ съ расширеніемъ границъ государства и началомъ вмѣшательства русскаго правительства въ польскія и турецкія дѣла, что также не могло не отразиться на значеніи генералъ-губернаторской власти. Въ царствованіе Анны Ивановны учреждена была украинская линія отъ Днѣпра до Дона съ 20 т. поселенцевъ, составлявшихъ лапдмилицкіе полки, подчиненные кіевскому генералъ-

---

[1]) Кто первый получилъ титулъ генералъ-губернатора, опредѣлить довольно трудно: пункты Скоропадскаго относятся къ правленію кн. П. А. Голицына; въ прилагаемыхъ же спискахъ титулъ этотъ впервые примѣненъ къ кн. И. Ю. Трубецкому. Впрочемъ, въ это время титулы областныхъ правителей не имѣли опредѣленнаго значенія (см. Романовичъ-Славатинскій, Историческій очеркъ губернскаго управленія, стр. 61).

[2]) Маркевичъ, III, 340.

губернатору. Въ 1737 году составлена была подробная инструкція кіевскому губернатору (постъ этотъ занималъ тогда генералъ-майоръ Сукинъ), значительно расширявшая предѣлы его власти какъ можно видѣть изъ слѣдующаго перечня ея отдѣловъ: 1) о присяжной должности, 2) о пріемѣ городовъ и проч., 3) объ учрежденіи карауловъ и объ осторожности, 4) о шпіонахъ, 5) о содержаніи крѣпостей, 6) о провѣдываніи вѣдомостей изъ пограничныхъ мѣстъ, 7) о послахъ и посланникахъ чужестранныхъ, 8) объ отъѣзжихъ и пріѣзжихъ для торговыхъ промысловъ, 9) о непропускѣ подозрительныхъ людей, 10) о заповѣдныхъ товарахъ и монетѣ, 11) о пріѣзжихъ съ товарами изъ-за границы и о пропускныхъ за границу, 12) о бѣглыхъ изъ Россіи и которые явятся или присланы будутъ изъ-за границы, 13) о моровой язвѣ, 14) о касающихся дѣлахъ Малороссіи и Слободскихъ полковъ, 15) о дѣлахъ принадлежащихъ до тайной канцеляріи, 16) о храненіи дѣлъ, 17) объ исполненіи указовъ, 18) о раздѣленіи дѣлъ между канцелярскими служителями, 19) о командѣ ему, губернатору, надъ подчиненными комендантами и управителями, 20) о розыскныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ, 21) о скоромъ розыскѣ воровъ и разбойниковъ и о искорененіи оныхъ, 22) о осужденныхъ къ ссылкѣ на галеры или къ смертной казни, 23) о развратныхъ въ вѣрѣ, 24) о обрѣзывающихся въ магометанство и преступающихъ въ иновѣрство, 25) о содержаніи приходныхъ и расходныхъ книгъ и о храненіи денежной казны, 26) о доходахъ, чтобъ оныхъ безъ указа не убавлять и не прибавлять, 27) жалованье давать по ассигнаціямъ, 28) о содержаніи книгъ и указовъ, принадлежащихъ до прихода и расхода должнымъ порядкомъ, 29) кто былъ у прихода и расхода, то пока онъ въ томъ сочтенъ не будетъ, къ другимъ дѣламъ не опредѣлять, 30) о дачѣ счетныхъ выписей или квитанцій, 31) объ отсылкѣ въ указныя мѣста за добрымъ конвоемъ, 32) о нечиненіи обидъ и неиманіи взятокъ, 33) безъ указа не отъѣзжать, 34) какимъ образомъ поступать съ мѣщанами и съ магистратомъ, 35) о прочихъ дѣлахъ поступать по Уложенію и указамъ, 36) когда усмотрѣно будетъ что сверхъ инструціи, 37) о соблюденіи тайны [1]).

---

[1]) П. С. З., т. X, № 7161.

Изъ этой инструкціи видно, что губернаторы вѣдали уже нѣкоторыя финансовыя и судебныя дѣла. Дѣла эти не затрогивали впрочемъ компетенціи Малороссійской канцеляріи, что можно видѣть изъ 14 ст. инструкціи; судебныя касались или политическихъ преступленій (ст. 5), или той части населенія Кіева, которая не была подсудна ни козацкому управленію, ни городскому магистрату, или наконецъ стародубскихъ раскольниковъ; финансовыя относились къ городамъ великорусскимъ или къ существовавшимъ въ Кіевѣ особымъ сборамъ съ моста и перевоза. Но самое видное мѣсто среди обязанностей губернатора занимаетъ веденіе дѣлъ пограничныхъ—охрана границъ государства, провѣдываніе вѣстей и даже сношенія съ иноземными государствами. Въ этомъ отношеніи къ кіевскому генералъ-губернатору перешли нѣкоторыя права гетмана. Болѣе важныя права дипломатическихъ сношеній, предоставленныя Богдану Хмельницкому, были отняты у его преемниковъ, но сношенія по менѣе значительнымъ пограничнымъ дѣламъ, съ донесеніемъ объ этомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сохранились: постановленія объ этомъ есть еще въ статьяхъ Апостола [1]). Наряду съ гетманами подобныя права предоставлялись уже воеводамъ и губернаторамъ. Съ упраздненіемъ гетманскаго достоинства, послѣ смерти Апостола права губернатора въ этомъ отношеніи должны были расшириться, чѣмъ и объясняется содержаніе инструкціи 1737 г.

Еще большее значеніе пріобрѣтаетъ Кіевъ въ царствованіе Елисаветы Петровны, вслѣдствіе колонизаціи новороссійскихъ степей и гайдамацкихъ движеній въ Польшѣ, вызывавшихъ вмѣшательство русскаго правительства. Тогда учрежденъ былъ на польской границѣ рядъ воинскихъ форпостовъ, и содержалась особая ландмилицкая команда; при нѣкоторыхъ форпостахъ учреждены таможни и карантины. Всѣ названныя учрежденія состояли въ вѣдѣніи кіевскаго генералъ-губернатора. Къ этому же времени относится правленіе извѣстнаго генералъ-губернатора Леонтьева (1740 — 1753), отъ котораго сохранилось множество дѣлъ, преимущественно относящихся къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Польшею и Турціею, а также дѣлъ запо-

[1]) Маркевичъ, III, 405.

рожскихъ. Въ центральномъ архивѣ университета св. Владиміра хранится подлинная грамота за подписью графа Остермана и Черкасскаго о назначеніи Леонтьева въ Кіевъ для исправленія губернаторскихъ дѣлъ, относящаяся еще къ 1738 г. (См. приложеніе III). И изъ этой грамоты также можно видѣть, что постъ кіевскаго губернатора имѣлъ преимущественно военное и дипломатическое, а не административное значеніе; да иначе и не могло быть, потому что Малороссія все-таки имѣла еще свое особое управленіе (Малороссійская канцелярія, а съ 1750 гетманство К. Г. Разумовскаго).

Такъ продолжалось до царствованія Екатерины II. Съ уничтоженіемъ гетманскаго достоинства и учрежденіемъ малороссійскаго генералъ-губернаторства должно было измѣниться и значеніе кіевскаго генералъ-губернатора. Въ 1775 г. состоялся указъ о подчиненіи Кіева власти малороссійскаго генералъ-губернатора. Это было начало реформъ, которыя должны были закончиться распространеніемъ на Малороссію обще-государственныхъ учрежденій. Приступая къ этимъ реформамъ, генералъ-губернаторъ гр. Румянцевъ обратился къ упраздняемой Кіевской губернской канцеляріи со слѣдующимъ ордеромъ [1]):

„Имѣетъ сія канцелярія въ архивѣ ее по дѣламъ учинить вѣрнѣйшие справки: с которого времени учреждена Киевская губерния, с какимъ точно основаніемъ, кто были управляющие ея, какие отъ времени до времени касательно сей губерніи были установления или в чемъ перемены, даже до препоручения в мое вѣдомство і доставить мнѣ обстоятельное извѣстие, съ приложениемъ состоявшихся о томъ указовъ и учрежденій копіи. Г. Румянцевъ-Задунайскій. Глуховъ. Октября 24 дня 1777 г.“

Канцелярія, выслушавъ этотъ ордеръ, постановила, „во исполненіе онаго его высокографскаго сиятельства повеленія, об оном со всекраинѣишимъ раченіемъ по архивѣ чинить пріискъ“; но послѣ тщательныхъ розысковъ заявила, что „таковыхъ документовъ, с котораго времени учреждена Кіевская губернія, съ какимъ точно основаніемъ,

[1]) Дѣло Кіев. губерн. канц., хранящ. въ Кіев. центр. арх.

кто были отъ начала управляющіе, какіе отъ времени до времени касательно сей губерніи были установленія.... не оказалось". Впослѣдствіи, впрочемъ, были представлены списки правителей и различныхъ хранившихся въ архивѣ канцеляріи указовъ; главные же вопросы генералъ-губернатора такъ и остались безъ отвѣта за неимѣніемъ свѣдѣній [1]). Но впослѣдствіи свѣдѣнія эти, вѣроятно, были собраны, потому что Шафонскій,—пользовавшійся, какъ извѣстно, оффиціальными матеріалами, собранными по приказанію гр. Румянцева,—въ своемъ описаніи Черниговскаго намѣстничества, далъ слѣдующее довольно точное, опредѣленіе района и объема власти кіевскаго генералъ-губернатора: „Городъ Кіевъ и его генералъ-губернаторы не имѣли настоящей и цѣлой губерніи, такъ какъ прочіе въ Россіи генералъ-губернаторы. Ихъ власть и управленіе до Малой Россіи и до гетмановъ или до ихъ уряду вовсе не простиралась, а имъ была отъ губерніи Смоленской до предѣловъ Турецкихъ простирающалсь граница и по ней военная стража и всѣ пограничныя крѣпости, не исключая гарнизона пѣжинскаго, кромѣ глуховскаго, отъ московскаго оберъ-коменданта зависимаго, поручена. Сверхъ того, поселившіеся въ Черниговскомъ и Стародубовскомъ полку раскольники Кіевской губернской канцеляріи были подсудны, и особливая для разбору между россійскими и польскими пограничными жителями споровъ учрежденная пограничная коммиссія [2]), въ точное кіевскихъ генералъ-губернаторовъ вѣдѣніе отдана была" [3]).

Въ 1781 году въ Малороссіи введено учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., и въ Кіевѣ открыто намѣстничество.

---

[1]) Всѣ эти факты заимствованы мной изъ хранящагося въ К. Ц. А. дѣла губернской канцеляріи; дѣло это въ извлеченіи издано А. А. (Андріевскимъ) въ Историческихъ матеріалахъ изъ архива Кіев. губерн. правл., К., 1882, вып. 1.

[2]) Пограничные суды учреждены были еще въ 1676 г.; существованіе ихъ подтверждаемо было въ 1732, 1764, 1768 гг. (См. Bandtkie, Historya, prawa polskiego, 667), Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, когда именно поступили они въ вѣдѣніе кіевскихъ генералъ-губернаторовъ. Наиболѣе раннія книги пограничныхъ судовъ, хранящіяся въ Кіевскомъ центр. арх., относятся къ 1735 г. (№ 202).

[3]) Шафонскій, Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе, стран. 103 и 104.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ исторію мѣстнаго управленія Кіева отъ 1654 по 1775 г., мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Кіевъ съ приписанными къ нему малороссійскими городами имѣлъ въ разсматриваемую эпоху особое управленіе, отличное отъ управленія остальной Малороссіи и отъ управленія областей великорусскихъ.

2. Власть кіевскаго воеводы (впослѣдствіи губернатора или генералъ-губернатора) простиралась не на цѣлую территорію, а лишь на нѣсколько городовъ въ сферѣ военнаго управленія.

3. Власть воеводы (губернатора) имѣла преимущественно военный характеръ.

4. Губернскія учрежденія Петра В. не измѣнили значенія правителей Кіева.

5. Власть кіевскихъ губернаторовъ (генералъ-губернаторовъ) пріобрѣтаетъ болѣе широкое значеніе съ 30—40 годовъ XVIII ст., сохраняя при этомъ свой исключительный характеръ.

6. Только съ 1781 г. Кіевская губернія получаетъ устройство, аналогичное съ устройствомъ другихъ губерній.

В. Щербина.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Заимствуемъ изъ упомянутаго въ статьѣ дѣла Кіевской губернской канцеляріи списки правителей Кіева въ разсматриваемый періодъ; они были уже напечатаны А. А. (Андріевскимъ) въ 1 выпускѣ „Историческихъ матеріаловъ изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія. К. 1882 г.“, при чемъ въ основаніе взятъ списокъ Наковалнина; показанія же оффиціальнаго списка приведены съ нѣкоторыми сокращеніями, въ скобкахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда первый изъ нихъ расходится со вторымъ. Мы печатаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они помѣщены въ дѣлѣ. Раньше, сколько намъ извѣстно, эти документы были напечатаны въ „Исторіи Малороссіи“ Маркевича [1]) и въ „Описаніи Кіева“ Закревскаго [2]). У Маркевича помѣщенъ вѣрный, но сокращенный списокъ воеводъ (приведены только имена первыхъ воеводъ изъ каждаго управленія). У Закревскаго помѣщены списки воеводъ, генералъ-губернаторовъ и гражданскихъ губернаторовъ. Списокъ воеводъ немного полнѣе помѣщеннаго у Маркевича, но все-таки неполонъ; списки же губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ составлены, примѣняясь къ позднѣйшей іерархіи, такъ что рядъ генералъ-губернаторовъ тянется непрерывно отъ кн. Д. М. Голицына; въ именахъ и хронологіи встрѣчаются ошибки.

---

[1]) Ист. Мал., V, стр. 176—177.

[2]) Оп. К., т. II, стр. 894—896.

Въ заключеніе мы прилагаемъ двѣ неизданныя грамоты о назначеніи въ Кіевъ губернаторами Гулица и Леонтьева; первая сохранилась въ копіи, вторая въ подлинникѣ; обѣ они очерчиваютъ кругъ дѣятельности губернаторовъ и позволяютъ видѣть постепенное расширеніе ихъ власти. Грамоты взяты нами изъ отдѣльныхъ документовъ Кіевскаго центральнаго архива.

I.

Списки воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ.

(1654—1775 гг.).

а) О бывшихъ въ Кіевѣ губернаторахъ съ указовъ Правительствующаго Сената.

1. 1719 апрѣля 18—о бытіи губернаторомъ кн. Петру Алексіевичу Голицыну.

2. 1722 іюля 10—о имѣніи генералу Кіевской, губерніи генералъ-губернатору кн. Трубецкому въ Кіевѣ и въ городахъ малороссійскихъ смотрѣніа.

3. 1730 октября 14—о бытіи въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ генералу Матюшкину.

4. 1731 ноября 19—о бытіи въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ генералу графу богемскому фонъ Вейзбаху; губернаторомъ генералъ-лейтенанту Шереметеву.

5. 1736 февраля 11—о бытіи въ Кіевѣ губернаторомъ генералъ-майору Сукину.

6. 1737 декабря 21—о поступленіи генералу и кавалеру Румянцеву, до опредѣленія въ Кіевскую губернію губернатора, въ правленіе губернскихъ и прочихъ дѣлъ.

7. 1738 марта 7—о бытіи въ Кіевѣ для исправленія губернскихъ дѣлъ генералъ-лейтенанту Леонтьеву.

8. 1740 марта 8—о бытіи въ Кіевѣ губернаторомъ тайному совѣтнику Неплюеву.

9. 1741 генваря 8—о пожалованіи генералъ-лейтенанта Леонтьева въ полные генералы и генералъ-губернаторы въ Кіевѣ.

10. 1741 сентября 7—о бытіи въ Малой Россіи для управленія тамошнихъ дѣлъ главнымъ командиромъ тайному совѣтнику и кавалеру Неплюеву, а генералу Леонтьеву въ Кіевѣ генералъ-губернаторомъ.

11. 1752 сентября 29— о имѣніи правленія дѣлъ въ Кіевской губернской канцеляріи бригадиру кіевскому, оберъ-коменданту Костюрину; въ полученномъ въ Кіевской губернской канцеляріи изъ Правительствующаго Сената отъ 23 декабря 1753 при указѣ реестрѣ, между прочими, пожалованными тогожъ декабря 18 въ чины, показано, что въ Кіевскую губернію опредѣленъ въ вице-губернаторы бригадиръ, кіевскій оберъ комендантъ Иванъ Костюринъ съ гратсомъ генералъ-майорскимъ.

12. 1758 генваря 27—о бытіи тайному совѣтнику и кіевскому вице-губернатору Костюрину съ переименованіемъ генералъ-поручикомъ въ С.-Петербургѣ оберъ-комендантомъ и о вступленіи, до опредѣленія на мѣсто ево, во управленіе здѣшней губерніи дѣлъ оберъ-коменданту Володимеру Лопухину.

13. 1760 сентября 21—о пожалованіи въ Кіевъ губернаторомъ генералъ поручика Глѣбова.

14. 1761 февраля 27—о препорученіи оберъ-коменданту генералъ-майору Чичерину правленія всѣхъ дѣлъ, которыя по тогдашнее время генералъ-майоромъ Лопухинымъ производимы были.

15. 1761 декабря 12—о опредѣленіи въ Кіевскую губернію къ вице-губернаторской должности генералъ-майора Власьева.

16. 1762 марта 16—что генералъ-аншефъ, кіевскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ Глѣбовъ изъ С.-Петербурга отправился въ Кіевъ къ ево должности и о прочемъ.

17. 1766 апрѣля 11—о опредѣленіи въ Кіевскую губернію генералъ-губернаторомъ генерала и кавалера Воейкова.

18. Съ предложеніемъ генералъ-аншефа бывшаго въ Кіевѣ генералъ-губернатора и кавалера Воейкова 27 ноября 1775, съ приписаніемъ въ немъ всевысочайшаго имяннаго Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената указа о увольненіи его отъ всѣхъ дѣлъ и о произведеніи ему по чину его жалованія по смерть его.

Да по дѣламъ значится, что въ Кіевской губерніи находились въ 1715 г. губернаторъ кн. Д. М. Голицынъ, который и въ

посылаемомъ 18 апрѣля 1719 г. Сенатомъ указѣ значится-жъ, да въ 1728 г. генералъ-майоръ и вице-губернаторъ Штокъ, которыхъ точно о опредѣленіи въ Кіевскую губернію къ правленію указы еще отыскиваются.

Сверхъ того, представляется при семъ же копія съ записки, партикулярно сочиненной бывшимъ въ Кіевѣ надворнымъ совѣтникомъ Антономъ Наковалнинымъ, о бывшихъ кіевскихъ губернаторахъ и комендантахъ, въ которой явствуетъ:

б) Бояры и воеводы.

1. Городъ Кіевъ взятъ отъ поляковъ въ прежнее россійское владѣніе въ 1654 году марта 1 числа и тогда же по указу великаго государя Алексѣя Михайловича Кіевъ принялъ: первый бояринъ и намѣстникъ ростовской кн. Ѳедоръ Семеновъ сынъ Куракинъ, товарищъ бояринъ и намѣстникъ галицкой кн. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій, дьякъ Андрей Немировъ; и строили градъ Кіевъ разными людьми.

2. Ево, Куракина, перемѣнилъ въ 1656 году околничій Андрей Васильевъ сынъ Бутурлинъ; дьякъ Василій Герасимовъ.

3. Въ 1658 Бутурлина перемѣнилъ бояринъ и намѣстникъ бѣлозерской Василій Борисовъ сынъ Шереметевъ; стольникъ кн. Юрья Никитинъ сынъ Борятинской да стольникъ Иванъ Ивановъ сынъ Чадаевъ; дьякъ Алексѣй Посниковъ.

4. Въ 1661 г. оные жъ кн. Ю. Борятинской и Чадаевъ и при нихъ дьяки Иванъ Татариновъ, Тимофей Савлуковъ въ Кіевѣ были, понеже бояринъ Шереметевъ взятъ былъ съ полками подъ Чудновъ, гдѣ въ томъ же году взятъ въ полонъ.

5. Въ 1661 г. на мѣсто Борятинскаго и Чадаева Иванъ Андреевъ сынъ Ржевской; Алексѣй Аврамовъ сынъ Мещериновъ; дьякъ Тимофей Савлуковъ.

6. Въ 1662 г. на мѣсто Ржевскаго и Мещеринова думной дворянинъ Яковъ Ивановъ сынъ Чадаевъ; дьякъ Тимофей Савлуковъ.

7. Въ 1665 г. на мѣсто думного Чадаева околничей кн. Никита Яковлевъ сынъ Львовъ; дьякъ Денисъ Савлуковъ.

8. Въ 1666 г. на мѣсто кн. Львова бояринъ и намѣстникъ

смоленской Петръ Васильевъ сынъ Шереметевъ; стольникъ Константинъ Карповъ сынъ Щербатовъ; Петръ Тимофеевъ; дьяки: Денисъ Савлуковъ, Иванъ Рубцовъ.

9. Въ 1669 г. на мѣсто Петра Шереметева околничей и намѣстникъ звенигородской кн. Григорій Афанасьевъ сынъ Козловской; стольникъ кн. Тимофей Афанасьевъ сынъ Козловской же; дьякъ Иванъ Матвѣевъ.

10. Въ 1673 г. на мѣсто Козловскаго бояринъ и намѣстникъ нижегородской кн. Юрья Петровъ сынъ Трубецкой; при немъ околничій и намѣстникъ галицкой кн. Данила Степановъ сынъ Великогагинъ; стольникъ Алексѣй Дмитріевъ сынъ, Федоръ Ивановъ сынъ Колтовскіе; дьяки: Тимофей Безсоновъ, Иванъ Калитинъ.

11. Въ 1675 г. на мѣсто кн. Трубецкаго бояринъ и намѣстникъ болгарской кн. Алексѣй Андреевъ сынъ Голицынъ; стольникъ кн. Яковъ Васильевъ сынъ Хилковъ; окольничій Матфей Степановъ сынъ Пушкинъ; дьяки: Иванъ Калитинъ, Иванъ Рогозинъ.

12. Въ 1677 г. на мѣсто Голицына околничей и намѣстникъ калужской Алексѣй Петровъ сынъ Головинъ; дьякъ Иванъ Кучецкой. Въ томъ же году бояринъ и намѣстникъ угорской кн. Иванъ Борисовъ сынъ Троекуровъ; околничей и намѣстникъ мединской Иванъ Ивановъ сынъ Ржевской, а при немъ дьяки: Иванъ Кучецкій, Григорій Протопоповъ.

13. Въ 1688 г. на мѣсто Троекурова бояринъ и намѣстникъ бѣлозерской Михайло Андреевъ сынъ Голицынъ; стольникъ кн. Ѳедоръ Михайловъ сынъ Каркадиновъ; думный дворянинъ Григорій Степановъ сынъ Карауловъ; дьяки: Григорій Богдановъ, Илья Колпиковъ.

14. Въ 1679 г. на мѣсто кн. Голицына бояринъ и намѣстникъ дорогобужской кн. Никита Семеновъ сынъ Урусовъ; околничей кн. Данила Афанасьевъ сынъ Борятинской; думный дворянинъ Иванъ Петровъ сынъ Лихаревъ; дьяки: Полуехтъ Истоминъ, Климъ Судейкинъ.

15. Въ 1680 г. на мѣсто кн. Урусова околничей и намѣстникъ вяцкой Иванъ Болшой; стольники: Василій Лаврентьевъ сынъ Пушечниковъ, Еремей Афанасьевъ сынъ Пашковъ; дьяки: Константинъ Михайловъ и Иванъ Козаковъ.

16. 1681 г. на мѣсто вяцкаго намѣстника Ивана Большова дворянинъ и намѣстникъ карачевской Леонтій Романовъ сынъ Неплюевъ; въ томъ же году бояринъ и намѣстникъ смоленской Петръ Васильевъ сынъ Болшой Шереметевъ да сынъ его Ѳедоръ Петровъ Шереметевъ; съ ними-жъ и онъ, Леонтей Неплюевъ; дьяки: Сидоръ Павловскій, Дмитрій Ѳедоровъ.

17. Въ томъ же 1681 г. околничей и намѣстникъ бѣльской Иванъ Ѳедоровъ сынъ Волынской; при немъ дьяки: Дмитрій Ѳедоровъ, Павелъ Семеновъ.

18. Въ 1682 г. на мѣсто бѣлскаго бояринъ и намѣстникъ тульской кн. Петръ Семеновъ сынъ Прозоровской; околничей и намѣстникъ козельской кн. Борисъ Васильевъ сынъ Горчаковъ; дьякъ Мина Гробовъ.

19. Въ 1684 г. на мѣсто Прозоровского бояринъ и намѣстникъ вологоцкой Алексѣй Петровъ сынъ Салтыковъ; околничей кн. Иванъ Степановъ сынъ Хотетовской; думный дворянинъ Федоръ Андреевъ Дьяковъ; дьяки: Иванъ Шапкинъ, Осипъ Татариновъ.

20. Въ томъ же 1684 г. бояринъ и намѣстникъ кондійской Ѳедоръ Петровъ сынъ Шереметевъ; околничей кн. Василій Ѳедоровъ Жирового-Засѣкинъ; стольникъ Иванъ Степановъ сынъ Телепневъ.

21. Въ 1686 г. на мѣсто Шереметева бояринъ и намѣстникъ устюжской кн. Юрья Семеновъ сынъ Урусовъ; околничей кн. Дмитрій Нефедовъ сынъ Щербатовъ; думный дворянинъ Іевъ Демидовъ сынъ Голохвостовъ; дьяки: Никита Полунинъ, Левъ Нечаевъ.

22. Въ 1687 г. на мѣсто Урусова бояринъ и намѣстникъ суздальской Иванъ Васильевъ сынъ Бутурлинъ: думный дворянинъ Василій Никитинъ сынъ Тарбѣевъ; дьяки: Иванъ Клементьевъ, Леонтей Улановъ.

23. Въ 1689 г. на мѣсто Бутурлина бояринъ и намѣстникъ костромской кн. Михаилъ Григорьевъ сынъ Ромодановской; думной дворянинъ Иванъ Павловъ сынъ Языковъ; дьяки: Иванъ Алферовъ, Никита Сафоновъ.

24. Въ 1691 г. на мѣсто Ромодановскаго стольникъ и намѣстникъ рязанской кн. Лука Ѳедоровъ сынъ Долгорукой; стольникъ Тимофей Павловъ Ржевскій; дьяки: Максимъ Даниловъ, Василей Степановъ.

25. Въ 1693 г. на мѣсто Долгорукаго бояринъ намѣстникъ кондійской кн. Петръ Ивановъ сынъ Меньшой-Хованской; стольникъ Григорій Андреевъ сынъ Племянниковъ; дьяки: Иванъ Секентьевъ, Гаврила Перекусихинъ.

26. Въ 1695 г. на мѣсто Хованскаго бояринъ и намѣстникъ дорогобужской кн. Данила Афанасьевъ сынъ Борятинской; стольникъ кн. Федоръ Федоровъ сынъ Борятинской; дьяки: Калина Патрикѣевъ, Иванъ Козловъ.

27. Въ 1698 г. на мѣсто Борятинскаго бояринъ и намѣстникъ кондійской кн. Петръ Ивановъ сынъ Большой-Хованской (зачеркнуто Глухой); стольникъ Михайла Аргамаковъ; дьякъ Анисимъ Невѣжинъ.

28. Въ 1701 г. на мѣсто Хованскаго генералъ майоръ и губернаторъ Юрья Андреевъ сынъ Фамендинъ.

29. Въ 1704 г. по смерти генералъ Фамендина генералъ майоръ Андрей Андреевъ Гулицъ; при немъ дьякъ Макаръ Калачниковъ, а по смерти его, Калачникова, иностранной коллегіи субъ-канцеляристъ дьякъ Аверкій Ивановъ сынъ Леонтьевъ.

30. Въ 1707 г. генерала Гулица перемѣнилъ ближній стольникъ и намѣстникъ смоленской кн. Дмитрій Михайловъ Голицынъ, которому и поручена Кіевская губернія, что нынѣ Бѣлогородская; при немъ были лантрихтеръ Иванъ Коптюжинъ, лантраты: Неплюевъ съ сыномъ, Шеншинъ, Кафтыревъ, Воейковъ, Мезенцевъ, Кривцовъ; дьяки: Аверкій Леонтьевъ, Дементій Бѣлой, Лаврентій Протопоповъ, Марка Лосевъ.

31. Въ 1719 г. на его, Голицына, мѣсто рижскій губернаторъ и сенаторъ кн. Петръ Алексѣевъ сынъ Голицынъ.

32. Въ 1723 г. на мѣсто его, Голицына, генералъ аншефъ и кавалеръ кн. Иванъ Юрьевъ сынъ Трубецкой.

33. Въ 1730 г. на мѣсто его, Трубецкого, генералъ лейтенантъ Володимеръ Петровъ сынъ Шереметевъ.

34. Въ 1736 г. на мѣсто его, Шереметева, генералъ майоръ и кавалеръ Семенъ Ивановъ Сукинъ.

35. Въ 1740 г. на мѣсто Сукина бывшій въ Константинополѣ резидентомъ и морского флота контръ-адмиралъ Иванъ Ивановъ сынъ Неплюевъ.

36. Въ томъ же 1740 г. на его, Неплюева, мѣсто генералъ-аншефъ и кавалеръ Михаилъ Ивановъ сынъ Леонтьевъ.

37. По смерти Леонтьева въ 1753 г. пожалованъ генералъ-майоромъ и въ Кіевъ вице-губернаторомъ Иванъ Костюринъ, а въ 1755 г. декабря 25 тайнымъ совѣтникомъ; къ нему же, Костюрину, въ помощь присланъ совѣтникъ Михаилъ Макаровъ въ рангѣ полковничьемъ.

38. Въ 1758 г. по отъѣздѣ Костюрина въ С.-Петербургъ, губернскою канцеляріею правили генералъ-майоры Лопухинъ и Чичеринъ, а потомъ вице-губернаторскую должность генералъ-майоръ Власьевъ, а въ 1762 г. мая 30 въ Кіевъ присланъ губернаторомъ генералъ аншефъ и кавалеръ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Глѣбовъ; къ нему въ товарищи полковникъ Петръ Тимофеевъ Рагозинъ.

39. Въ 1764 г. на мѣсто Рагозина въ товарищи губернаторскіе Иванъ Маскатиньевъ, а въ 1765 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Варфоломей Андреевъ сынъ Ламбъ въ товарищи же.

40. На его, Глѣбова, мѣсто въ Кіевъ губернаторомъ произведенъ генералъ-аншефъ и кавалеръ Ѳедоръ Матвѣевъ Воейковъ; въ Кіевъ прибылъ іюня 24 дня 1766 года.

——

Въ томъ же дѣлѣ находятся списки кіевскихъ комендантовъ, губернаторскихъ товарищей и прокуроровъ; они также напечатаны въ „Историческихъ матеріалахъ изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія“ (вып. 1).

II.

Копія грамоты о назначеніи г.-м. Гулица.

҂а҃ѱг г. марта въ є҃і день—списокъ великаго государя с грамоты.

Отъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россиі самодержца, столникамъ нашимъ и полковникамъ Ивану Клементьевичу Ушакову, Ивану Исаевичу Скрыпицыну, Михалу Ѳедоровичу Сухареву, Вилиму Николаевичу Ѳанъ Залину да дьяку нашему Макару Калачникову: указали мы, великій государь, на нашей, великого государя, службѣ в Киеве генерала маеора на Юрьево мѣсто Ѳамендина быть губернаторомъ генералу-жъ маеору Андрѣю Андрѣевичу Гулицу, а с нимъ тебѣ, Макару; и какъ к вамъ сія наша, великого государя, грамота придетъ, а генералъ маеоръ и губернаторъ Гулицъ в Киевъ приѣдетъ, и вы отдайте ему наше, великого государя, полковое знамя и городъ Киевъ, и городовые ключи верхнихъ городовъ и нижняго острога, и малого городка, что на Печерской горѣ, и нашимъ, великого государя, всякихъ чиновъ коннымъ и пѣшимъ ратнымъ людемъ имянные списки, и росписи пушечного наряду, и полковымъ всякимъ припасомъ, и въ приказной палатѣ нашу, великого государя, денежную и всякую казну, и указные грамоты о всякихъ дѣлехъ, и наказы бывшихъ в Киеве бояръ нашихъ и воеводъ и генералъ маеора Юрія Ѳамендина, и розыскные и всякие полковые вершеные и невершеные дѣла, и приходные, и расходные, и записные книги, и смѣтные списки; а отдавъ то все и учиня росписной списокъ таковъ же слово въ слово, каковъ пошлетъ онъ, генералъ маеоръ, к намъ, великому государю, к Москве, оставить за своими руками в Киеве въ приказной палатѣ; а котораго числа онъ, генералъ маеоръ и губернаторъ, в Киевъ приѣдетъ, и городъ ему и все вышеписанное отдадите, о томъ к намъ, великому государю, писали чрезъ почту, а отписку велѣли подать въ Приказѣ Малыя Россіи боярину нашему Ѳеодору Алеѯѣевичу Головину с товарищи. Писанъ на Москвѣ, лѣта ҂а҃ѱг, ѳевраля въ к҃г день.

На подлинной великаго государя грамотѣ припись дьяка Ивана Волкова, Справа подьячего Петра Курбатова.

III.

Грамота о назначеніи г.-л. Леонтьева.

Божіей милостью мы, Анна, императрица и самодержица Всероссійская и проч., и проч., и проч.

Нашему генералу лейтснанту Леонтьеву.

По нашему указу опредѣлено вамъ быть в Киевѣ для управленія губернскихъ дѣлъ, о чемъ учиненная въ бытность здѣсь генерала ѳелтъ маршала граѳа ѳонъ Миниха репортиция за приписаниемъ нашия собственныя руки оному отдана, по которой онъ васъ в Киевъ и отправить имѣетъ.

И тако будучи вамъ в Киевѣ дѣла губернские и прочие управлять по силѣ имѣющихъ нашихъ в Киевской губернской канцеляріи указовъ, такожъ и по присылаемымъ к вамъ отъ генерала ѳелтъ маршала граѳа ѳонъ Миниха ордерамъ, опредѣлениямъ со всякимъ прилѣжаніемъ, не упуская ни въ какихъ дѣлехъ и исправлениихъ, что до нашей службы и интересовъ касается, ни малѣйшаго времяни. Особливо же имѣть вамъ крѣпчайшее смотрение надъ учрежденными в вѣденіи вашемъ на границахъ ѳорпосты какъ для выдерживания карантины, такъ и ради престереженія проѣзжающихъ и проходящихъ чрезъ оные всякихъ людей.

В корреспонденціи заграницу с нѣкоторыми приятели, с которыми прежде сего киевские командиры оную имѣли, такожъ и в развѣдываниихъ о состояніи и намѣренияхъ и движениихъ турковъ и татаръ поступать вамъ по сношениямъ и совѣту с обрѣтающимся в Киевѣ тайнымъ совѣтникомъ Неплюевымъ, которому о томъ отъ насъ особливо комисия поручена; и какие когда о чемъ откуду вѣдомости получите, о томъ немедленно какъ намъ сюда доносить, такъ и обиемъ генераламъ ѳелтъ маршаламъ: граѳу ѳонъ Миниху і ѳонъ Лессію, и о чемъ, куда потребно будетъ, і в другие подлѣжащие мѣста сообщать. Помянутому же тайному совѣтнику Неплюеву, по требованиямъ его, въ употребление к посылкамъ какъ заграницу, такъ и сюда,

и вышеозначеннымъ генераламъ фелтъ-маршаламъ имѣете выдавать способныхъ к тому людей, и онымъ подводы и прогонные денги всегда безъ остановки, якоже и в прочемъ оному чинить всякое вспоможеніе, какъ о томъ и к прежде бывшимъ в Киевѣ командирамъ в нашихъ указахъ писано.

Данъ в Сантъ Петеръ Бурхе, марта 6 дня 1738 году.

По ея императорскаго величества указу:

Андрей Остерманъ.
К. Алексѣй Черкасскій.

Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго.

I.

Обстоятельства жизни въ Сибири бывшаго гетмана Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго, сосланнаго туда въ 1672 г., мало извѣстны. Кромѣ краткихъ извѣстій Бантыша-Каменскаго [1]), Словцова [2]), Соловьева [3]), мы имѣемъ по данному вопросу 3 акта, изданные Археографическою Комиссіею [4]), и 3 акта, недавно напечатанные г. Гоздаво-Голомбіевскимъ [5]). Данныя этихъ источниковъ очень отрывочны: они относятся къ 1672—4, 1682—4, 1688 и 1694 годамъ. Притомъ же, они касаются, главнымъ образомъ, внѣшней судьбы ссыльнаго гетмана въ Сибири: разсказываютъ—какъ его пересылали изъ города въ городъ [6]), какъ заключали его тамъ въ тюрьмы и по собственному почину московской администраціи, и по проискамъ гетмана Ивана Самойловича, участливо освѣдомлявшагося въ 1683 г.

---

[1]) „Исторія Малой Россіи“, II, 136, откуда перепечатаны *Маркевичемъ* въ его „Ист. Малороссіи“, II, 200.

[2]) „Истор. обозр. Сибири“, 1, 128, 133, 176, 187 (по 2-му изд. 1886 г.).

[3]) „Ист. Росс.“, XII, 122.

[4]) Доп. Ак. Ист., VI, № 95, 1, 11 и X, № 67, XXXII.—№ 95, 1 напечатанъ также въ Полн. Собр. 1, № 562.

[5]) „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.“, 1888, кн. 1, статья и три документа о пребываніи въ Сиб. гетм. Д. Мног—го“, сс. 3—10.

[6]) Изъ Тобольска гетмана перевезли въ Енисейскъ, оттуда въ Иркутскъ (Доп. Ак. Ист., VI, № 95, 11), затѣмъ въ Селенгинскъ (Голомбіев., 10).

„о Демкѣ Многогрѣшномъ: въ которомъ онъ сибирскомъ городѣ и нынѣ живъ-ли и въ цѣлости-ль?!!“ [1]). Но какъ въ дѣйствительности жилось этому несчастному „Демкѣ“ въ Сибири—вдали отъ родины, среди непривычной природы и обстановки, такъ далекой отъ былого величія гетманской власти,—указанные источники не даютъ на это почти никакого отвѣта.

Вся ли сибирская жизнь Демьяна Игнатовича прошла въ переѣздахъ изъ одной тюрьмы въ другую, или же и въ Сибири онъ дождался лучшихъ дней?—Акты, найденные г. Голомбіевскимъ, говорятъ [2]), что въ концѣ 1682 г. Многогрѣшный былъ освобожденъ изъ иркутской тюрьмы и написанъ въ *„дѣти боярскіе“* по *Иркутску* [3]), съ годовымъ „окладомъ“ въ 18 рублей, по 18 четей ржи и овса и $4^1/_2$ пуда соли. Но получивши званіе боярскаго сына—отбывалъ-ли Многогрѣшный дѣйствительную службу, наравнѣ съ другими иркутскими боярскими дѣтьми? или же онъ только номинально носилъ это званіе?—Сомнѣнія эти вполнѣ естественны.

Извѣстно, что московское правительство сначала рѣшило бывшаго гетмана и его сотоварищей по ссылкѣ опредѣлить „въ пѣшую казачью службу“ по сибирскимъ городамъ: Демьяна велѣно отослать для этого въ Селенгинскій острогъ, его брата *Василія* (бывшаго черниговскаго полковника)—въ Красноярскій, гетманскаго племянника Михаила *Зиновьева*—въ Якутскій, полковника Матвѣя *Гвинтовку* —въ Кузнецкій и есаула Павла *Грибовича*—въ Томскій остроги. Но послѣ бѣгства Грибовича „въ Запороги“ въ 1673 г., вопросъ о службѣ ссыльныхъ былъ оставленъ, и велѣно было заключить ихъ въ тюрьмы „въ указныхъ мѣстахъ“ (т. е.—по тѣмъ городамъ, куда они разосланы [4]). Въ 1674 г., послѣ новаго бѣгства нѣсколькихъ ссыльныхъ черкасъ (Микиты Опалинскаго и др.), опять подтверждено о строгомъ заключеніи по тюрьмамъ атамана и его сотоварищей, при чемъ правительство ясно постановило: „а у нашихъ великого госу-

---

[1]) Голомбіев., 9.

[2]) Ibid., 5—7.

[3]) Словцовъ (1, 128 и др.) ошибочно называетъ Многогрѣшнаго „селенгинскимъ боярскимъ сыномъ.“

[4]) Но извѣстно, что гетманъ тогда не попалъ въ назначенный ему Селенгинскъ, а очутился въ Иркутскѣ (Д. А. И., VI, № 95, 11).

даря *ни у какихъ дѣлъ* ссыльнымъ людемъ, которые сосланы *за великіе вины* и за многіе воровства послѣ 170 году, *быть не велѣлъ*, и къ Москвѣ ихъ не отпускать" (т. е. не посылать ихъ въ Москву по служебнымъ дѣламъ—съ воеводскими отписками и т. п. [1]).

Этотъ указъ прямо относился и къ Многогрѣшному. Указа не могли забыть и въ 1682 г., когда бывшій гетманъ удостоился званія иркутскаго боярскаго сына. Возможно, что это званіе онъ носилъ номинально, можетъ быть только въ видахъ улучшенія его финансоваго положенія: назначенный ему, какъ боярскому сыну, денежный и хлѣбный „оклады" несомнѣнно были выше того „поденного корма", какой онъ получалъ раньше въ качествѣ „тюремнаго сидѣльца". Да если иркутскія власти и успѣли привлечь Многогрѣшнаго къ отбыванію дѣйствительной службы, то эта служба его не была продолжительна: царская грамота о назначеніи гетмана боярскимъ сыномъ писана 14 декабря 1682 г. [2]), а 6 августа 1683 г. состоялся указъ—„по письму" гетмана Ив. Самойловича—о новомъ заключеніи Многогрѣшнаго въ тюрьму, „за крѣпкими и твердыми караулы, съ добрыми приставники", при чемъ онъ лишенъ былъ званія боярскаго сына и опять переведенъ на прежнее положеніе: „кромѣ" велѣно давать ему „противъ иныхъ тюремныхъ сидѣльцовъ" [3]). Въ слѣдующемъ 1684 г., „по частократному прошенію" Самойловича, этотъ указъ былъ строго подтвержденъ и Д. И—чъ переведенъ изъ Иркутска въ одинъ изъ „дальнихъ" сибирскихъ городовъ—въ Селенгинскій острогъ, но не для службы, а чтобы держать его тамъ „за крѣпкимъ карауломъ" [4]).

Итакъ, на этотъ разъ Многогрѣшный не долго пробылъ свободнымъ (относительно говоря) служилымъ человѣкомъ. Сколько лѣтъ онъ провелъ послѣ этого перерыва въ заключеніи—неизвѣстно. Но въ 1688 г. мы встрѣчаемъ его въ Селенгинскѣ опять служилымъ человѣкомъ и теперь уже на дѣйствительной службѣ. Извѣстія объ этомъ періодѣ его жизни очень коротки.

---

[1]) Доп. Ак. Ист. VI, № 95, 1.
[2]) Голомб., 7.
[3]) Ibid., 8.
[4]) Ibid., 9—10.

Бантышъ-Каменскій [1]) глухо говоритъ, что въ 1688 г. Д. Многогрѣшный, вмѣстѣ съ сыномъ *Петромъ*, „помогалъ“ извѣстному послу для переговоровъ съ китайцами окольничему Ѳедору Алексѣевичу *Головину* и въ усмиреніи Табунутовъ и въ разбитіи Мунголовъ“. Вообще авторъ замѣчаетъ, что бывшій гетманъ „наряду съ дѣтьми боярскими“ исполнялъ въ Селенгинскѣ „всякую городовую и уѣздную службу“.

Любопытные намеки дѣлаетъ Словцовъ [2]) о характерѣ служебной дѣятельности Д. И— ча въ Селенгинскѣ и объ отношеніяхъ къ нему Головина. Разсказывая о набѣгахъ монголовъ на Селенгинскъ въ началѣ 1688 г., онъ говоритъ, что непріятельскіе отряды отступили въ концѣ марта, не тревожимые русскими: „посолъ (т. е. Ѳ. А. Головинъ) не велѣлъ слѣдить отступившаго непріятеля, потому что конница (русская) была такъ плоха, что не могла поймать языковъ, *при всѣхъ усиліяхъ* селенгинскаго (sic) сына боярскаго Дамьяна Многогрѣшнаго, *предпочтительно* посломъ употребляемаго въ конныхъ посылкахъ“.

Итакъ, Ѳ. А. Головинъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ государственныхъ людей конца XVII в., оказывалъ вниманіе бывшему гетману. Естественно предположивши въ немъ, какъ бывшемъ „казакѣ“, способности командовать конницею, Головинъ „предпочтительно“ и употреблялъ Многогрѣшнаго въ партизанской службѣ. Повидимому, онъ и не ошибся: Словцовъ отмѣчаетъ, что гетманъ прилагалъ „всѣ усилія“ къ исполненію дававшихся ему порученій („поймать языковъ“ и проч.), но ничего не могъ добиться вслѣдствіе плохаго состоянія русской конницы. Такимъ образомъ, и изъ этихъ немногихъ намековъ Словцова видно, что Многогрѣшный былъ на дѣйствительной службѣ и здѣсь, въ той маленькой роли, какую послала ему судьба, служилъ „по совѣсти“....

Послѣднее извѣстіе о сибирской службѣ Многогрѣшнаго относится къ 1694 г. Оно заключается въ „письмѣ китайскаго думнаго боярина *Сонготина* къ иркутскому воеводѣ кн. Ив. (Пет—чу) Гагарину, по случаю бѣгства въ Китай подвластныхъ Россіи монголъ

---

[1]) „Ист. Мал. Рос.“, II, 136.

[2]) „Ист. Обозр. Сиб.“, 1, 128.

Табунутовъ“ [1]). Въ этомъ актѣ Сонготинъ приводитъ—со словъ отписки къ нему Гагарина—выдержку изъ отписки къ послѣднему Демьяна Многогрѣшнаго изъ *Селенгинска*. Сонготинъ такъ начинаетъ выписку изъ „листа“ къ нему кн. Гагарина: „въ нашей-де державѣ въ Селенгинскомъ городѣ *сѣдокъ* Демьянъ Многогрѣшной изъ Селенгинскаго мѣста въ Иркутской городъ въ посланномъ письмѣ написалъ“.... Далѣе идетъ выпись изъ этого „письма“ Многогрѣшнаго, къ иркутскому воеводѣ о бѣгствѣ Табунутовъ.

Итакъ, въ 1694 г. Многогрѣшный опять служилъ въ Селенгинскѣ—былъ тамъ „сѣдокомъ“. Странно, что русскій переводчикъ „листа“ Сонготина перевелъ употребленное здѣсь послѣднимъ какое-то китайское слово такимъ терминомъ („сѣдокъ“), который не употреблялся въ русскомъ языкѣ XVII вѣка въ примѣненіи къ служилымъ людямъ. Но смыслъ этого термина понятенъ. Въ XVII в. въ ходу было выраженіе, что такой-то начальный человѣкъ „сидитъ“ въ такомъ-то приказѣ, или на воеводствѣ, „на приказѣ“ (т. е.—при исполненіи особо порученнаго, приказаннаго ему дѣла) и т. п. Понятно отсюда, что „сѣдокъ“ есть старшее, начальное лицо, сидѣвшее въ извѣстномъ мѣстѣ.

Слѣдовательно, Д. Многогрѣшный въ 1694 г. сидѣлъ „на приказѣ“ въ селенгинскомъ острогѣ, т. е. былъ тамъ—по служилой терминологіи XVII в.—„*приказнымъ*“ (человѣкомъ). Ниже мы увидимъ документальное извѣстіе, что именно селенгинскимъ „приказнымъ“ Д. И—чъ былъ въ 1691 г. Обыкновенно служилые люди (высшихъ уѣздныхъ ранговъ—боярскія дѣти, казачьи головы, атаманы, сотники

[1]) Доп. Ак. Ист., X, № 67, XXXII.—Г. Голомбіевскій (стр. 5) относитъ этотъ актъ къ 1692 году. Но я не могу съ нимъ согласиться, такъ какъ въ заголовкѣ акта ясно указанъ именно 1694 годъ: „списки съ листовъ, которые *присланы* Китайского государства отъ ближнихъ людей.... *въ нынѣшнемъ 202 году*....“ (1694 г.). Правда, въ самомъ началѣ „листа“ Сонготина упоминается и 200-й (1692) годъ; Сонготинъ говоритъ, что его „письмо“ къ кн. Гагарину „послано 200 году въ 4 мѣсяцъ въ 12 числѣ“.... Но русскіе XVII в. никогда въ такихъ выраженіяхъ („4-й мѣсяцъ 12-е число“) не датировали времени. Вѣроятно, Сонготинъ говоритъ здѣсь—если это не ошибка—не о русскомъ, а о китайскомъ лѣтосчисленіи. Да и странно было бы предположить, что „письмо“ Сонготина, посланное имъ въ 200 г., получено въ Иркутскѣ въ 202 г.!....—Кн. И. П. Гагаринъ воеводствовалъ въ Иркутскѣ въ 1692—95 гг. (см. „розыскное дѣло“ о его злоупотребленіяхъ, 1697 г.—*Сибир. приказа* столбецъ № 1292).

и т. п.) посылались „на приказъ“ на годичный срокъ, но въ отдаленныхъ острогахъ сидѣли и по два года, и болѣе. Возможно, что и Многогрѣшный былъ „приказнымъ“ Селенгинска съ 1691 г. по 1694 г. Очевидно, онъ привязался къ этому пункту, такъ какъ именно здѣсь получилъ свободу послѣ долгихъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Да и положеніе „приказнаго“ въ отдаленномъ Селенгинскѣ было довольно самостоятельное и болѣе свободное, чѣмъ служба боярскаго сына въ своемъ уѣздномъ городѣ—Иркутскѣ, на глазахъ у воеводы. „Приказный“ въ своемъ острогѣ и въ окрестномъ районѣ ясачныхъ волостей былъ такимъ же воеводою, но только меньшихъ размѣровъ, чѣмъ воевода уѣзднаго города и въ большей зависимости отъ послѣдняго, чѣмъ тотъ отъ Сибирскаго приказа въ Москвѣ. А Многогрѣшному, стоявшему нѣкогда у такой обширной власти, не могли не нравиться и самые слабые отблески былого могущества.

Вотъ и все, что даютъ указанные источники о сибирской службѣ Д. И—ча. Свѣдѣнія эти—очень неполны и недостаточны для характеристики его жизни въ Сибири. Тѣмъ болѣе интереса должны представить новые документы о Д. Многогрѣшномъ, 1691—2 гг., найденные мною въ *столбцѣ № 1182 Сибирскаго приказа*, хранящемся въ Москов. Архивѣ Мин—ва Юстиціи, и—одинъ документъ *Иркутской приказной избы*, 1681 г., хранящійся въ томъ же Архивѣ [1]) и любезно сообщенный мнѣ г. А. А. Гоздаво-Голомбіевскимъ (за что приношу ему благодарность). Послѣдній документъ—черновая *„отписка“* въ Сибирскій приказъ иркутскаго воеводы Ивана *Власова*, посланная въ іюлѣ 1681 г.

Какъ мы уже знаемъ, въ концѣ 1682 г. Демьянъ Игнатовичъ былъ „написанъ“ въ иркутскіе боярскіе дѣти и сталъ получать опредѣленное „государево жалованье“ (см. выше). Настоящая отписка Ив. Власова относится ко времени, предшествовавшему этому назначенію, и говоритъ, что лѣтомъ 1681 г. Д—нъ Игн—чъ находился въ Селенгинскѣ, но не въ тюрьмѣ, а на свободѣ: воевода пишетъ, что бывшій гетманъ съ семьей *„скитаетца межъ дворъ* и помираетъ голодною смертію“, такъ какъ въ указѣ о его ссылкѣ не опредѣлено—„чѣмъ ему зъ женою и зъ дѣтьми питатца“...

---

[1]) Иркутск. Губерниск. Правленія столбецъ № 7, лл. 6—7.

Выраженія о скитаньѣ „межъ дворъ“ и о „голодной смерти“ ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ. Это— обычныя въ XVII в. *фигуральныя* выраженія, сплошь и рядомъ встрѣчающіяся въ челобитныхъ служилыхъ и др. людей. Эти сильныя фразы употреблялись единственно для того, чтобы усилить впечатлѣніе извѣстной просьбы.... Это именно фразы, а не указанія на дѣйствительные факты.... Фактомъ же остается здѣсь только то обстоятельство, что Многогрѣшный по выходѣ изъ тюрьмы, живя на свободѣ въ Селенгинскѣ и не будучи служилымъ человѣкомъ, не былъ обезпеченъ опредѣленнымъ содержаніемъ отъ казны.

Возможно, что онъ содержалъ въ это время себя и семью на тѣ остатки прежняго богатства, какіе удалось ему сохранить при ссылкѣ въ Сибирь. Но къ 1681 г. этотъ источникъ изсякъ, и Д—нъ Иги—чъ подалъ пріѣхавшему въ Селенгинскъ Ив. Власову „*челобитную*“ о назначеніи „корма“. Воевода, отписывая объ этомъ государю, но не препровождая при отпискѣ самой „челобитной“ гетмана, сообщаетъ, что „видѣвъ ево (гетмана) *крайнюю нищету*“— велѣлъ выдавать Д—ну Иги—чу „*по шти денегъ* на день“, а хлѣба не рѣшился давать безъ государева указа. Да и о назначенномъ гетману денежномъ кормѣ воевода спрашиваетъ государя: „давать-ли“ эти деньги Многогрѣшному?....

Рѣшеніе государя неизвѣстно, но нѣтъ основаній предполагать, чтобы распоряженіе Ив. Власова было отмѣнено. Полагаю, что именно настоящая отписка Власова и послужила толчкомъ къ назначенію Многогрѣшнаго въ слѣдующемъ году иркутскимъ боярскимъ сыномъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ, хлѣбнымъ и солянымъ окладами жалованья.

Въ виду особеннаго интереса „отписки“ Ив. Власова привожу ее здѣсь цѣликомъ:

„Государю, царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, холопъ твой Ивашко Власовъ челомъ бьетъ: въ нынѣшнемъ, государь, во 189-мъ году, іюля въ (пробѣлъ) день, билъ челомъ тебѣ, великому государю царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичю, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, а въ *Селенгинскомъ* мнѣ холопу твоему подалъ челобитную бывшей *черкаской гетманъ Демьянъ Игнатьевъ*: по указу отца твоего, государева, блаженные памяти великого государя, царя

и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, сосланъ-де онъ въ Сибирь, въ Селенгинскъ, зъ женою и зъ дѣтьми, а чѣмъ-де ему зъ женою и зъ дѣтьми *питатца*—того въ указѣ отца твоего, государева, блаженные памяти великого государя не написано, и онъ-де зъ женою и за двемя сынами *и съ тремя дочерьми* скитаетца межъ дворъ и помираетъ голодною смертію, и чтобъ ты, великій государь, ево пожаловалъ ради своего государского ангела великого Христова мученика Ѳеодора Стратилата и ради своего государского многолѣтного здравія—чемъ ему зъ женою и зъ дѣтьми пропитатца. И я, холопъ твой, видѣвъ ево *крайную нищету*, милости ради Божіи и твоего ради государского многолѣтного здравія, по твоему, великого государя, указу, велѣлъ ему, Демьяну, зъ женою и зъ дѣтьми давать изъ твоей, великого государя, казны, до твоего, великаго государя, указу, *по шти денегъ на день*, нужного ради пропитанія, а хлѣбного жалованья безъ твоего, великого государя, указу дать ему не смѣлъ. А въ Селенгинскомъ, государь, хлѣбъ купятъ весчей пудъ муки ржаной по 6 алтынъ, по 4 деньги и больши. И впредь, государь, ему, Демьяну, зъ женою и зъ дѣтьми твое, великого государя, хлѣбное и денежное жалованье и по шти-ли денегъ на день давать-ли—о томъ что ты, великій государь, мнѣ, холопу своему, укажешь?“

Перехожу къ найденнымъ мною документамъ столбца № 1182 Сибирскаго приказа, которые подробно разсказываютъ объ одномъ эпизодѣ изъ селенгинской службы Многогрѣшнаго въ 1691 г. Это—а) *отписка* въ Сибирскій приказъ иркутскаго воеводы Леонтья Конст—ча *Кислянскаго*, осенью 1691 г., б) *„докладъ“* Сибирскаго приказа, въ февралѣ 1692 г. и в) *грамота* новому иркутскому воеводѣ кн. Ив. Петр. Гагарину, отъ 5 марта того же года.

Документы разсказываютъ о набѣгѣ *„мунгальскихъ* воровскихъ людей“, въ февралѣ 1691 г., подъ Селенгинскій острогъ, въ которомъ сидѣлъ тогда „приказнымъ“ именно иркутскій боярскій сынъ Демьянъ Многогрѣшный. Какъ этотъ разсказъ, такъ и дальнѣйшія подробности документовъ о приготовленіяхъ къ походу въ „Мунгальскую степь“ значительнаго русскаго отряда, „начальнымъ человѣкомъ“ котораго былъ назначенъ именно Д. И—чъ, затѣмъ—свѣдѣнія о рекогносцировкѣ въ степь отряда гетманскаго сына *Петра* Многогрѣшнаго, о его стычкѣ съ мунгалами и смерти на этомъ бою (въ

іюлѣ того же года) и проч.—все это очень наглядно рисуетъ боевую жизнь Селенгинскихъ служилыхъ людей. Можетъ быть, именно такая тревожная жизнь и влекла Д. И—ча въ этотъ порубежный городъ, жившій въ постоянномъ страхѣ то наѣздовъ „воровскихъ (т. е. вольныхъ) мунгальскихъ людей“, то измѣны окрестныхъ еще недостаточно объясаченныхъ инородцевъ (особенно Табунутовъ).... Въ этой постоянной тревогѣ текущей жизни меньше безпокоили Д. И—ча мучительныя воспоминанія объ иной жизни и иномъ краѣ....

Цѣпны также немногія данныя настоящихъ документовъ о старшемъ гетманскомъ сынѣ—Петрѣ Демьяновичѣ. Оказывается, что и онъ, подобно отцу, былъ *иркутскимъ „боярскимъ сыномъ“* [1]) и служилъ при отцѣ. Когда послѣдній былъ назначенъ „начальнымъ человѣкомъ“ селенгинскаго отряда, собиравшагося въ походъ противъ мунгаловъ—Петръ былъ опредѣленъ *„въ товарищи“* отцу. Для молодого Петра это было очень лестное назначеніе, врядъ-ли вызванное дѣйствительными заслугами его, а скорѣе вниманіемъ и уваженіемъ иркутскихъ властей къ старику-гетману. По крайней мѣрѣ документы говорятъ, что когда въ іюлѣ 1691 г. Петръ былъ посланъ отцомъ въ степь „въ подъѣздъ“ (на рекогносцировку) противъ мунгальскихъ людей—онъ дѣйствовалъ такъ неосторожно, что его отрядъ былъ совершенно разбитъ, и самъ Петръ палъ здѣсь жертвою собственной неосторожности.... Это не говоритъ объ его военныхъ способностяхъ. Впрочемъ, можетъ быть, онъ былъ въ это время слишкомъ молодъ.

Перехожу къ подробной передачѣ содержанія документовъ столбца № 1182, пользуясь „докладомъ“ Сибирскаго приказа, сохранившимся вполнѣ и въ лучшемъ видѣ, чѣмъ „отписка„ Л. К. Кислянскаго. Все существенное „отписки“ цѣликомъ внесено въ „докладъ.“

---

[1]) Иркутскій „розборный списокъ“ служилыхъ людей, 1692 г., сообщаетъ объ умершемъ Петрѣ Дем—чѣ, что онъ „поверстанъ“ былъ въ боярскіе дѣти Ѳед. Ал. Головинымъ, съ годовымъ „окладомъ“ въ 10 р., по 10 четей ржи и овса и 3 пуда соли (*Сибир. пр—за столб. № 1397*).

II.

Въ январѣ 1692 г. Сибирскій приказъ получилъ „отписку“ иркутскаго воеводы Л. К. Кислянскаго, посланную имъ осенью (вѣроятно, въ сентябрѣ) 1691 г. и сообщавшую вѣсти о мунгальскихъ движеніяхъ около Селенгинска. Кислянскій дѣлаетъ обзоръ этихъ движеній съ февраля 1691 г., пользуясь „отписками“ въ Иркутскъ „приказнаго“ Селенгинскаго острога Демьяна Многогрѣшнаго. Первая отписка Д. И—ча послана Кислянскому въ первыхъ числахъ февраля. Многогрѣшный сообщалъ въ ней о набѣгѣ подъ острогъ „воровскихъ мунгальскихъ людей“ 2 февраля. Дѣло было такъ:

Мунгалы „тайно“ подъѣхали подъ Селенгинскъ и „отогнали“ государевъ скотъ—19 „рогатыхъ скотинъ“, 4 коней и 1 верблюда. Кромѣ того, они успѣли захватить „конные и рогатые табуны“ селенгинскихъ жителей. Сколько именно было головъ въ послѣднихъ табунахъ—неизвѣстно. Многогрѣшный замѣчаетъ, что табуны захвачены мунгалами „безъ остатку.“

Вина Многогрѣшнаго здѣсь очевидна: острогъ и его окрестности такъ небрежно охранялись, что мунгалы могли незамѣтно подойти и захватить весь городской скотъ!.... Желая поправить свою оплошность, Многогрѣшный бросился съ служилыми людьми въ погоню за мунгалами, отрядъ которыхъ не превышалъ 400 человѣкъ. Русскіе успѣли догнать мунгаловъ. Завязался горячій бой. Демьянъ Игнатовичъ не щадилъ себя: его „*ранили* многими раны“, какъ „переранили“ и другихъ „многихъ“ служилыхъ людей. Но и личная отвага Д. И—ча не поправила дѣла: мунгалы успѣли уйти отъ русскаго отряда и увести весь скотъ. Можетъ быть, именно раны Многогрѣшнаго, заставившія его покинуть отрядъ, и помѣшали успѣху преслѣдованія.

Мунгаловъ пробовали затѣмъ остановить кочевавшіе подъ Селенгинскомъ „ясачные *тайшичи*“ (Чюванъ и Аюшка, дѣти Чикъ-Ирденя, и др.), но и надъ ними мунгалы одержали верхъ: многихъ „улусныхъ людей“ побили, другихъ ранили, взяли въ полонъ и захватили ихъ скотъ. Затѣмъ мунгальская партія двинулась „за Кемницкую степь“.

Вмѣстѣ съ отпискою объ этой неудачѣ Д. И—чъ прислалъ Кислянскому мунгальскаго „выходца“, добровольно перешедшаго въ

русскіе предѣлы. Кислянскій передаетъ въ своей отпискѣ Сибирскому приказу добытыя у этого выходца разныя „мунгальскія вѣсти“ (о мѣстѣ нахожденія и силахъ *Купухты* и проч.).

Затѣмъ Кислянскій сообщаетъ, что Многогрѣшный прислалъ ему *челобитную* селенгинскихъ служилыхъ, жилецкихъ и ясачныхъ людей, просившихъ разрѣшенія предпринять походъ „въ степь“, чтобы „смирить“ дерзость мунгаловъ. Очевидно, иниціаторомъ этой челобитной былъ Многогрѣшный, горѣвшій желаніемъ отомстить мунгаламъ за неудачу 2 февраля.... Тѣмъ же чувствомъ были проникнуты, конечно, и всѣ селенгинцы, пострадавшіе отъ мунгаловъ.

Кислянскій рѣшился удовлетворить это челобитье и сдѣлалъ необходимыя распоряженія для подготовки похода. Снаряженіе экспедиціи поручено его иниціатору—Многогрѣшному, а въ помощь ему приданы—его сынъ Петръ, иркутскій боярскій сынъ, затѣмъ селенгинскій боярскій сынъ Любимъ Уваровъ и селенгинскій „прикащикъ“, козачій десятникъ Ѳедоръ Леонтьевъ.

Зная недостаточность селенгинскихъ ратныхъ силъ, Кислянскій приказалъ двинуться туда изъ Удинского острога отряду стрѣльцовъ „приказа“ Никифора Сѣнотрусова. Кромѣ того, Многогрѣшному было разрѣшено организовать команду „охочихъ служилыхъ людей“ изъ „улусныхъ людей“ (ясачныхъ инородцевъ) и разныхъ русскихъ „охотниковъ“. „И у того всего собранного войска велѣлъ онъ (Кислянскій) быть *начальнымъ человѣкомъ* Демьяну Многогрѣшному, а въ *товарищахъ*—сыну ево Петру“. Надъ удинскими стрѣльцами поставленъ Любимъ Уваровъ.

Дѣлая эти распоряженія, Кислянскій вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ долгомъ своимъ преподать Д. Иги—чу нѣсколько общихъ совѣтовъ относительно будущаго похода противъ мунгаловъ. Когда служилые и ясачные люди—писалъ Кислянскій Многогрѣшному—соберутся „на урочной срокъ“ въ Селенгинскъ, Д. И—чъ долженъ „въ походъ итти воинскимъ поведеніемъ“.... Напоминаніе было, кажется, не лишнимъ въ виду того, что 2 февраля селенгинскія власти обнаружили полное отсутствіе „воинскаго поведенія“....

Далѣе, Кислянскій продолжаетъ: встрѣтивши „въ степи“ мунгальскихъ людей, Д. И—чъ долженъ „посылать *на перекличку* (т. е.—для переговоровъ) лутчихъ людей съ толмачами и говорить, чтобъ они, тайши, съ улусными своими людьми, не теряя своихъ людей, шли

въ сторону великихъ государей.... въ вѣчное холопство и въ ясачной платежъ....“ Въ случаѣ неудачи переговоровъ Д. И—ча, „со всякимъ опасеніемъ и осторожностію, прося у Бога милости, смотря по людямъ“, долженъ „чинить воинской промыслъ“ надъ мунгалами.

Пока шли эти приготовленія, Многогрѣшный въ іюнѣ сообщилъ Кислянскому, что 29 апрѣля онъ посылалъ „для провѣдыванья воровскихъ непріятельскихъ мунгальскихъ людей вверхъ по Селенгѣ рѣкѣ“ селенгинскихъ конныхъ козаковъ Стефана Михайлова, Афанасья Голаго и толмача Ивана Татаринова съ отрядомъ изъ 22 табунуцкихъ ясачныхъ людей и 2 мунгаловъ (выходцевъ). 13 мая Михайловъ вернулся въ Селенгинскъ и подалъ Многогрѣшному „доѣздъ“ о своей рекогносцировкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ „мунгалетина“, пойманнаго отрядомъ на устьѣ рч. Буры. Михайловъ захватилъ здѣсь всего 4 мунгаловъ, 1 „бабу“ и 5 „малыхъ подростковъ“, но о судьбѣ ихъ Д. И—чъ ничего не писалъ Кислянскому. На рч. Шаморѣ русскій отрядъ „подсмотрѣлъ“ партію въ 25 мунгаловъ. Михайловъ пустился въ погоню за ними и настигъ ихъ въ вершинахъ рч. Шаморы. Здѣсь оказалася у мунгаловъ укрѣпленная стоянка, которой русскимъ не удалось взять: „сидятъ (мунгалы) въ крѣпкихъ мѣстѣхъ, въ каменю и въ засѣкѣ. И тѣ де воровскіе люди отъ нихъ Стеньки съ товарищи отбились“.... Другихъ мунгальскихъ партій Михайловъ не встрѣчалъ.

Въ отвѣтъ на эту отписку Кислянскій писалъ Многогрѣшному, что „до указу великихъ государей“ походъ въ мунгальскую степь откладывается. Очевидно, Кислянскій боялся взять на себя отвѣтственность за этотъ походъ, который могъ повести за собою разныя дипломатическія осложненія съ порубежными китайскими властями, а въ худшемъ случаѣ могъ окончиться и пораженіемъ селенгинскаго отряда. Но въ ожиданіи московскаго отвѣта Кислянскій разрѣшалъ Многогрѣшному дѣлать „подъѣзды“ въ степь „для провѣдыванья...., смотря по вѣстямъ и по людямъ“, но совѣтовалъ дѣлать это „со всякимъ *обереганьствомъ*, тайнымъ обычаемъ“....

Не успѣлъ этотъ совѣтъ дойти до Селенгинска, какъ 20 іюля Кислянскій получилъ оттуда печальную вѣсть о разбитіи мунгалами отряда *Петра Многогрѣшнаго* и о смерти этого старшаго сына гетмана.... Самъ Д. Иг—чъ ничего не писалъ Кислянскому: очевидно, горе старика было такъ велико, что у него не хватило силъ доло-

жить иркутскому воеводѣ о гибели сына и о новой неудачѣ селенгинскихъ ратныхъ людей.... Не написалъ въ Иркутскъ и товарищъ Петра по этому неудачному походу—селенгинскій „прикащикъ“ Ѳедоръ Леонтьевъ, можетъ быть, больше Петра виновный въ неудачѣ „подъѣзда“.... Кислянскій узналъ о погромѣ русскихъ изъ отписки козачьяго десятника Дмитрія Евсѣева. Ее доставили въ Иркутскъ участники „подъѣзда“—казачій пятидесятникъ Антонъ Березовскій и стрѣлецъ Иванъ Суклерскій. Изъ ихъ распросныхъ рѣчей въ Иркутской приказной избѣ и изъ отписки Евсѣева Кислянскій сообщаетъ Сибирскому приказу слѣдующія подробности о неудачѣ отряда Петра Многогрѣшнаго и Ѳ. Леонтьева.

Отрядъ ихъ состоялъ изъ 400 козаковъ и ясачныхъ инородцевъ. Отрядъ отправлялся „для провѣдыванья“ тѣхъ воровскихъ мунгальскихъ людей, которые 2 февраля отогнали селенгинскіе табуны....

Такимъ образомъ, и по численности отряда, и по цѣли его движенія—это былъ совсѣмъ не „подъѣздъ“.... Селенгинцы просто горѣли желаніемъ отомстить мунгаламъ за набѣгъ 2 февраля. Имъ не понравилось предписаніе Кислянскаго—подождать съ походомъ „до указу великихъ государей“, и они рѣшили немедленно учинить этотъ походъ подъ видомъ „подъѣзда“.... Демьянъ Иг—чъ или не могъ, или вѣрнѣе не хотѣлъ мѣшать такому самовольству. Онъ даже поставилъ своего сына во главѣ отряда....

Отрядъ двинулся изъ Селенгинска вверхъ по р. Селенгѣ. На берегахъ рч. Могая русскій отрядъ „наѣхалъ“ на многолюдное становище мунгаловъ: русскіе сосчитали здѣсь 451 юрту, а людей въ нихъ болѣе тысячи. Казалось бы, что именно тутъ слѣдовало русскимъ наблюдать строжайшее „оберегательство“.... Но не такъ вышло на дѣлѣ: „воинское поведеніе“ у мунгаловъ оказалось выше, чѣмъ у „Петра съ товарищи“....

Участники несчастнаго боя откровенно разсказывали Кислянскому, что мунгалы учинили бой съ русскими—„*подсмотря прежде ихъ, изготовясь*, изъ прикрытныхъ мѣстъ изъ-за лѣсу учали изъ ружья стрѣлять, и ударя на русскихъ людей съ ружьемъ и съ копьями, *воинскимъ поведеніемъ*“....

Единственнымъ оправданіемъ русскихъ можетъ служить развѣ то обстоятельство, что бывшіе въ отрядѣ табунуцкіе ясачные люди—около 100 человѣкъ—„измѣнили, и измѣня—*дали тылъ*, и служи-

лыхъ русскихъ людей *смѣшали* всѣхъ, и лошадьми давили, и лошади (у русскихъ) отбили и съ собою уводили“... Впрочемъ, и эту измѣну нельзя въ сущности назвать неожиданною, такъ какъ сами же селенгинцы замѣтили здѣсь Кислянскому, что табунуты „и прежде сего“ не разъ измѣняли русскимъ подобнымъ же образомъ.... Слѣдовательно, незачѣмъ было и брать табунутовъ въ походъ, а разъ взявши—необходимо было слѣдить за ними въ оба....

Какъ бы то ни было, но русскіе сильно пострадали на этомъ бою: число раненыхъ неизвѣстно, а убито 18 козаковъ и другихъ служилыхъ людей. Въ числѣ ихъ былъ и иркутскій боярскій сынъ Петръ Демьяновичъ Многогрѣшный.... Единственный успѣхъ русскихъ на этомъ бою выразился въ томъ, что они отбили у мунгаловъ „затинную пищаль“ (можетъ быть, раньше захваченную мунгалами у русскихъ же).... Передъ боемъ русскіе „поимали мунгальского мужика съ бабою“, но на бою мунгалы отбили „бабу“ и только „мужика„ удалось доставить въ Селенгинскъ.

Не легко было отступленіе русскаго отряда съ рч. Могая: мунгалы 10 верстъ преслѣдовали ослабѣвшій отрядъ, везшій своихъ убитыхъ и раненыхъ.... Но затѣмъ мунгалы повернули назадъ.

Узнавши объ этой неудачѣ, Кислянскій немедленно распорядился отправить въ Селенгинскъ изъ Удинскаго острога 100 стрѣльцовъ „приказа“ Никифора Сѣнотрусова, а изъ Иркутска послалъ туда же 22 пуда 29 „гривенокъ“ пороху, на пополненіе оскудѣвшей „зелейной казны“. Кислянскій снова и настойчиво предписываетъ селенгинскимъ властямъ „жить во всякой осторожности, съ отъѣзжими денными и нощными караулы“... Настаиваетъ онъ также на тщательномъ „розыскѣ“ объ измѣнѣ подданныхъ табунуцкихъ людей.

„Докладъ“ оканчивается извлеченіями изъ „вѣстовыхъ отписокъ“ Кислянскаго о дальнѣйшихъ движеніяхъ мунгаловъ около Селенгинска. Въ этомъ разсказѣ уже не встрѣчаемъ участія Многогрѣшнаго. Отписки изъ Селенгинска къ Кислянскому идутъ отъ другихъ лицъ. Но значитъ-ли это, что Д. И—чъ пересталъ въ это время сидѣть здѣсь „на приказѣ“?—Можетъ быть, но во всякомъ случаѣ, если эта смѣна и произошла, то по желанію самого Многогрѣшнаго и не носила характера наказанія. При наличности послѣдняго Кислянскій не могъ бы умолчать о томъ въ своихъ от-

пискахъ Сибирскому приказу. Да и послѣдній упомянулъ бы о наказаніи Многогрѣшнаго въ своемъ *приговорѣ* на „докладѣ“. Между тѣмъ, въ этомъ приговорѣ нѣтъ и упоминанія о Многогрѣшномъ, а не то что выговора ему за неудачу 2 февраля и проч. Очевидно, и иркутскія власти, и центральное правительство снисходительно отнеслись къ старику, можетъ быть, и дѣйствительно мало виновному въ постигшихъ его неудачахъ....

Въ приговорѣ Сибирскаго приказа, отъ 5 февраля 1692 г., читаемъ, что „по указу великихъ государей..., боярин князь Иванъ Борисовичъ *Репнинъ*, слушавъ сей выписки, приказалъ—послать“ къ иркутскимъ воеводамъ грамоту о томъ, чтобы въ Селенгинскѣ и другихъ острогахъ служилые люди жили „отъ воинскихъ и отъ мунгальскихъ воровскихъ людей со всякимъ опасеніемъ и осторожностью“ и проч. Кромѣ того, приговоръ напоминаетъ тѣмъ же служилымъ людямъ, чтобы они ясачнымъ людямъ „тѣсноты и налогъ.... ни гдѣ не чинили“, а оказывали бы имъ „ласку и привѣтъ и береженье“... Въ этихъ заключительныхъ словахъ приговора содержится, очевидно, намекъ на „измѣну“ табунутовъ....

Этотъ приговоръ переданъ новому иркутскому воеводѣ кн. Ивану Петровичу Гагарину въ *грамотѣ* отъ 5 марта 1692 года.

Вѣроятнѣе однако, что и послѣ неудачи Петра Многогрѣшнаго отецъ его продолжалъ оставаться „на приказѣ“ въ Селенгинскѣ и, если не писалъ къ Кислянскому въ концѣ лѣта 1691 г., то или по болѣзни, или вслѣдствіе огорченія смертью сына, или по другимъ случайнымъ причинамъ. По крайней мѣрѣ мы уже знаемъ, что Демьянъ Игнатовичъ былъ селенгинскимъ „приказнымъ“ и въ 1694 году, когда онъ писалъ кн. Гагарину о бѣгствѣ въ китайскіе предѣлы тѣхъ именно табунутовъ, которые были причиною гибели его сына Петра въ 1692 г. (см. выше).

Послѣднее извѣстное мнѣ свѣдѣніе о сибирской службѣ Демьяна Игнатовича относится къ 1695 году. Именно: „отписка“ иркутскаго воеводы стольника Ивана Николева, 1699 г., разсказывающая о сношеніяхъ съ китайскими порубежными властями прежняго воеводы Афанасья Савелова, по поводу набѣговъ мунгальскихъ людей въ 1695 г. на Селенгинскъ, сообщаетъ между прочимъ, что „приказнымъ человѣкомъ“ Селенгинска въ этомъ году былъ именно Демьянъ Игнатьевичъ. Въ приложенномъ къ отпискѣ „листѣ“ ки-

тайскаго „дворцоваго боярина“ *Сонготу* (Сонготинъ) Многогрѣшный снова (см. выше) названъ селенгинскимъ „*сѣдокомъ*“ [1]).

Годъ смерти Демьяна Игнатовича Многогрѣшнаго неизвѣстенъ.

Но сохранилось любопытное извѣстіе, что въ послѣдніе годы жизни Демьянъ Игнатовичъ „*постригся*“ въ монахи. Вотъ оффиціальная, но, къ сожалѣнію, довольно глухая запись объ этомъ фактѣ:

Въ „хлѣбной и соляной расходной книгѣ“ по г. *Иркутску*, 1701 г., въ числѣ „окладовъ“ хлѣбнаго и солянаго жалованья боярскихъ дѣтей на второмъ мѣстѣ стоитъ окладъ Д. И. Многогрѣшнаго: „окладъ 18 чети ржи, овса тожъ, пол-пята (т. е. $4^1/_2$) пуда соли—*Демьянъ Игнатовичъ* сынъ *Многогрѣшной*, и въ прошломъ *204 (1696)-мъ году* онъ, Демьянъ, *постригся*“ [2]).

Но эта же запись книги 1701 г. свидѣтельствуетъ, что въ этомъ году гетманъ-монахъ былъ еще живъ, иначе книга непремѣнно отмѣтила бы фактъ его смерти (и умре въ такомъ-то году), какъ напримѣръ она отмѣтила смерть „*нѣженского протопопа Семіона Адамова*“ (л. 543: „въ прошломъ *во 195 (1687)-мъ году* умре“), извѣстнаго защитника Албазина „казачьяго головы“ и „московскаго списка дворянина“ Афанасья Ивановича *Бейтона* (ibid.: „умре“ въ 209 (1701)-мъ году“) и другихъ лицъ, „оклады“ которыхъ и послѣ ихъ смерти вносились въ книги до тѣхъ поръ, пока не были передаваемы инымъ служилымъ людямъ.

III.

Остается еще сказать о судьбѣ членовъ семьи Д—на Иг—ча.

Извѣстно, что съ гетманомъ отправились въ ссылку жена *Анастасія*, сыновья *Петръ* и *Иванъ*, дочь *Елена*, братъ *Василій*, бывшій черниговскій полковникъ, и, наконецъ, племянникъ Михаилъ *Зиновьевъ* [3]).

Долго-ли прожила съ мужемъ въ Сибири жена гетмана—неизвѣстно. О дочери же Еленѣ мы знаемъ, что она вышла замужъ

---

[1]) Сибирскаго приказа столбецъ № 1397.

[2]) Сибирскаго приказа кн. № 1316, л. 641.

[3]) Соловьевъ, XII, 122.

за сибирскаго дворянина Ивана Бейтона [1]). Это—сынъ извѣстнаго полковника Афанасья Ивановича Бейтона, знаменитаго защитника (послѣ смерти воеводы А. Л. Толбузина) Албазина противъ китайцевъ, въ 1686—89 гг. Словцовъ замѣчаетъ (1,133), что „отъ сего брака идутъ двѣ линіи, пользующіяся въ Иркутскѣ хорошимъ именемъ по учебной и гражданской службѣ“ (писано въ 1830-хъ годахъ).

Но кромѣ Елены, у Д--на Иг—ча были еще двѣ дочери: „отписка“ иркутскаго воеводы Ивана Власова (см. 11 главу) говоритъ не объ одной, но о „*трехъ дочеряхъ*“ гетмана. Можетъ быть, послѣднія 2 дочери родились у него въ Сибири?... Именъ ихъ И. Власовъ не называетъ.

О судьбѣ старшаго гетманскаго сына Петра Демьяновича сообщено выше. О младшемъ сынѣ Иванѣ ничего неизвѣстно.

Въ иркутскомъ „розборномъ спискѣ“ 1699 г., кромѣ Петра Многогрѣшнаго, упоминается еще *боярскій сынъ „Яковъ* Демьяновъ сынъ Многогрѣшной“, поверстанный бояриномъ Ѳ. А. Головинымъ, съ окладомъ въ 7 рублей, по 7 четей ржи и овса и 2 пуда соли. „Розборной списокъ“ прибавляетъ, что Яковъ Демьяновичъ „въ прошломъ во 199 (1691) году *умре*“ [2]).

Былъ-ли это 3-й сынъ гетмана? или это былъ Иванъ, носившій почему либо и имя Якова? или же историки ошибались, называя втораго сына гетманова Иваномъ?—рѣшить не могу.

О братѣ и племянникѣ гетмана сообщу нѣсколько новыхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ документовъ начала XVIII в., собранныхъ извѣстнымъ сибирскимъ исторіографомъ Герардомъ Миллеромъ и недавно напечатанныхъ въ изданіи Археографической коммиссіи: „Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка“ [3]).

Объ одномъ эпизодѣ изъ служебной дѣятельности *красноярскаго* боярскаго сына *Василія* Игнатьевича *Многогрѣшнаго* [4]), относящемся

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, 11, 136.

[2]) Сибирск. приказа столбецъ № 1397.

[3]) I-й томъ вышелъ въ 1882 г., II-й въ 1885 г.

[4]) Вас. Иг—чъ сосланъ въ Красноярскъ въ 1674 г. (Д. А. И., VI, № 95, 11). Когда онъ получилъ званіе боярскаго сына—неизвѣстно, но, вѣроятно, въ 1682 году, т. е. тогда же, когда и Демьянъ Иг—чъ „написанъ“ въ иркутскіе боярскіе дѣти.

къ 1692 г., говоритъ документъ 1700 г.—„*выпись*“ Сибирскаго приказа изъ „распросныхъ рѣчей“ служилыхъ людей и изъ воеводскихъ „отписокъ“ о набѣгахъ киргизовъ на порубежные сибирскіе города [1]). О Василіи Многогрѣшномъ говорятъ здѣсь выдержки изъ „отписки“ красноярскаго воеводы Петра Мусина-Пушкина, 1693 г. (сс. 15—16). Воевода разсказываетъ объ удачномъ „боѣ“ Вас. Иги—ча съ „измѣнникомъ“ *Тубинскимъ*, „князцомъ“ *Шандычкою*, въ мартѣ 1692 г. Вотъ подробности этой экспедиціи, взятыя Мусинымъ-Пушкинымъ изъ „отписки“ къ нему В. Многогрѣшнаго изъ *Канскаго* острога и изъ представленнаго имъ по возвращеніи въ Красноярскъ „послужнаго списка“ (т. е.—отчета о воинскихъ подвигахъ ратныхъ людей въ походѣ).

Въ январѣ 1692 г. красноярскіе служилые люди и канскіе ясачные люди били челомъ воеводѣ, „чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ—велѣлъ тубинскаго князца Шандычку съ улусными его людьми, за многое ихъ воровство и за измѣну и за разореніе—*смирить*, и послать изъ Красноярска служилыхъ людей, чтобъ надъ ними учинить поискъ“....

Въ февралѣ былъ сформированъ въ канскомъ острогѣ отрядъ, поставленный подъ начальство В. Многогрѣшнаго. Какъ великъ былъ отрядъ—неизвѣстно.

В. Иги—чу предписано было вступить сначала въ переговоры съ Шандычкой и требовать возврата „грабежныхъ животовъ“, захваченныхъ Тубинцами у канскихъ ясачныхъ людей. Только въ случаѣ неудачи этихъ переговоровъ, В. Многогрѣшному разрѣшалось „чинить воинской поискъ“....

Въ мартѣ онъ отписалъ Мусину-Пушкину, что Шандычка „великаго государя указу учинился ослушенъ—для разговору къ нимъ не пошелъ“.... Вмѣсто переговоровъ Тубинцы стали стрѣлять „изъ луковъ и пищалей“ по служилымъ людямъ, „и они-де служилые люди, видя такое воровство, учинили бой: и Божіею помощію, и его государскимъ счастіемъ тѣхъ воровъ и измѣнниковъ Шандычку съ товарищи побили, а женъ ихъ и дѣтей поимали въ полонъ, и знамя взяли“....

---

[1]) Пам. Сиб. Ист., I, № 1.

Изъ представленнаго В. Многогрѣшнымъ „послужнаго списка“ видно, что на этомъ бою русскихъ было убито 6 человѣкъ, раненъ 21 чел., а Тубинцевъ будто бы убито около 500 чел, да „въ полонъ взято женъ и дѣтей“ около 600 человѣкъ.

Въ 1694 г., „за тое ихъ красноярцевъ къ великому государю службу и радѣніе, послано съ Москвы въ Красноярскій Василью Многогрѣшному съ товарищи великого государя жалованья—за побитыхъ и раненыхъ по рублю, за *явственной бой* [1]) по полтинѣ человѣку, всего на 800 рублевъ собольми и (другою) рухлядью“.

Въ ноябрѣ 1694 г. красноярскій воевода Алексѣй Башковскій прислалъ въ Сибирскій приказъ слѣдующую челобитную Василія Многогрѣшнаго (привожу съ нѣкоторыми сокращеніями):

„Великимъ государямъ царямъ.... бьетъ челомъ холопъ вашъ, дальніе Сибирскіе стороны города Красноярска сынишко боярскій Васька Многогрѣшный: въ прошлыхъ, государи, годѣхъ отцу вашему... и брату вашему... и вамъ великимъ государямъ служилъ *я*, холопъ вашъ, лѣтъ *съ пол-третьятцать*; и нынѣ вамъ великимъ государемъ служу всякіе ваши... службы, и посыланъ былъ противъ вашихъ государскихъ непріятелей Калмыцкихъ и Киргизскихъ людей, съ Красноярскими служилыми людьми *начальнымъ* человѣкомъ многажды, и бился съ ними... не щадя головы своей. А въ...200-мъ году посыланъ былъ я... на вашу... службу въ Канскую землю... на воровъ и измѣнниковъ на тубинского князца на Шандычку съ товарищи..., Тубинцовъ побили съ 500 да въ полонъ взяли женъ и дѣтей съ 600 человѣкъ. И нынѣ я... *устарѣлъ*, а *дѣти* мои... *Пронька* да *Митька* въ вашу... службу ни въ какой чинъ... *не приверстаны*. А въ... 201 году въ Красноярскомъ волею Божіею умре сынъ боярскій Юрья *Саковской* и послѣ, государи, ево, Юрья, дѣтей... мужеска полу никово не осталось и въ ево мѣсто въ дѣти боярскіе иной нихто не приверстанъ, а вашего жалованья денежной ему окладъ

---

[1]) Въ „послужныхъ спискахъ“ XVII в., отмѣчавшихъ различные подвиги ратныхъ людей во время извѣстнаго боя, объ отличившихся вообще храбростію дѣлались такія помѣты: напрекъ *„бился явственно“*, т. е.—явно для всѣхъ выдѣлился своею храбростію. Отсюда и спеціальный терминъ—„явственной бой“. Если же кто кромѣ общей храбрости отличился еще и особыми подвигами, то и это также отмѣчалось, напр.: напрекъ „бился явственно, *убилъ мужика*“ (т. е.—непріятельскаго воина), или—„ранилъ мужика“, „*взялъ языка*„ (т. е.– полоненика) и т. п.

былъ 12 рублевъ, и тотъ денежной и хлѣбной и соляной ево оклады иному не отданы.—Милосердые великіе государи цари...! пожалуйте меня... за мои службишки и для... старости, велите... сынишкѣ моему Пронькѣ быть на... мѣсто... Саковского въ ево... окладѣ, а *въ мое мѣсто... посль смерти моей* въ дѣти жъ боярскіе поверстать сынишка жъ моего Митьку и велите, государи .: свой... милостивой и разсмотрительной указъ учинить, чтобъ мнѣ... за службы мои призрѣніемъ вашею государскою милостію дѣтишекъ моихъ быть порадованну и имъ, дѣтишкамъ, послѣ смерти моей... безъ чину и безъ вашего... жалованья межъ дворъ не волочитца и голодною смертію не помереть и вашихъ государскихъ службъ не отбыть! Великіе государи, смилуйтеся!"—„Къ сей челобитной, вмѣсто сына боярскаго Васьки Многогрѣшнаго, Гришка *Пахоруковъ* руку приложилъ" [1].—Никакого приговора на челобитной нѣтъ.

Перехожу къ гетманскому племяннику *Михаилу Зиновьеву*. Извѣстно, что онъ сосланъ былъ въ *Якутскъ* въ 1674 г. [2]. Сначала его держали здѣсь въ тюрьмѣ, а затѣмъ (когда именно—не извѣстно) освободили и включили въ число служилыхъ людей. Въ началѣ XVIII в. мы встрѣчаемъ его въ званіи *„прикащика"* („приказнаго" человѣка) одного изъ камчатскихъ остроговъ, т. е.—въ высшихъ рядахъ служилыхъ людей Якутскаго уѣзда. Любопытный эпизодъ изъ его служебной дѣятельности—поѣздка въ *Камчатку* въ 1702 г.—находимъ въ одномъ документѣ 1710 г.: *„скаска"* якутскихъ служилыхъ людей, поданная въ якутской приказной палатѣ воеводѣ стольнику Дорофею Афанасьевичу Траурнихту, о морскихъ островахъ противъ устьевъ рр. Камчатки, Ковымы (нынѣ р. Колымы), Яны, и др. [3]. О „прикащикѣ" *Михайлѣ Многогрѣшномъ* [4]) говоритъ именно „скаска" служилаго человѣка Михайлы Насѣткина (сс. 502—503). Если самъ Михайло Многогрѣшный не былъ допрошенъ воеводою Траурнихтомъ, то нельзя-ли отсюда заключить, что въ 1710 году Михайлы уже не было въ жи-

[1]) Сибир. приказа столбецъ № 1317.

[2]) Доп. Ак. Ист., VI, № 95, 11.

[3]) Пам. Сиб. Ист., II, № 118, 6.

[4]) Въ актахъ о ссылкѣ гетмана Многогрѣшнаго, 1674 г. (Д. А. И., № 95, 1 и 11), Михайло Зиновьевъ не носитъ фамиліи своего дяди. Очевидно, онъ принялъ ее только впослѣдствіи—на службѣ въ Якутскѣ.

выхъ?—Возможно, хотя съ другой стороны возможно и то, что во время снятія воеводою „скасокъ“ Михайло отсутствовалъ изъ Якутска.

М. Насѣткинъ разсказываетъ, что въ 1702 г. онъ посланъ былъ „въ *камчадальскій* острогъ съ прикащикомъ Михайломъ Многогрѣшнымъ, для ясачнаго сбору“. Изъ анадырскаго острога шли они до пенжинскаго острога „на оленяхъ и на собакахъ“. Здѣсь построили „суды—карбасы“ и „выплыли въ Пенжинское устье“. Взявши у ясачныхъ коряковъ „бойдары“, М. Многогрѣшный и М. Насѣткинъ съ устья р. Пенжины [1]) двинулись „*моремъ* на Камчатку“, къ устью р. *Лъсной* [2]). Отсюда, „подѣлавъ нарты и лыжи“, добрались они въ камчатскій острогъ.

Изъ камчатской службы Михайлы Многогрѣшнаго М. Насѣткинъ упоминаетъ о двухъ походахъ его противъ „немирныхъ камчатцкихъ мужиковъ“—къ устью р. *Камчатки* и въ „*Курильскую* землю“ [3]). Во время перваго похода видѣли они „противъ Камчатского устья“ *островъ* [4]), но „какіе на томъ острову люди есть“ и прежъ сего на томъ острову рускіе люди бывали-ль—того де онъ, Михайло, ни отъ кого не слыхалъ“....

Въ „Курильскую землю“ ходилъ М. Многогрѣшный съ отрядомъ въ 50 человѣкъ. Въ этомъ походѣ провѣдали они „отъ *Курильскаго* острогу [5]) далѣ въ *Носъ* [6]) земли, и отъ того-де мѣста далѣ земли въ Носъ нѣтъ—пришло море, только видѣть въ морѣ за *переливами* (т. е.—проливомъ) *земля* (т. е.—*Курильскіе острова*), а про-

---

[1]) Р. *Пенжина* впадаетъ въ Пенжинскую губу—самую сѣверную оконечность Охотскаго моря, омывающую западные берега головы Камчатскаго полуострова.

[2]) Р. *Лъсная* впадаетъ въ Охотское море, на западномъ побережьѣ головы полуострова, у мыса Пенгепеме.

[3]) Такъ называлась въ то время южная часть полуострова Камчатки, лежащая противъ оо. *Курильскихъ*.

[4]) Никакого острова *нѣтъ* противъ устья р. Камчатки, но русскіе могли принять за островъ противолежащіе къ с.-в. и в-ку берега Камчатской губы. Правда, оо. *Командорскіе* можно считать лежащими противъ Камчатскаго устья. Но врядъ-ли М. Многогрѣшный могъ видѣть ихъ съ берега: ближайшій о. *Беринга* лежитъ въ 200 в. къ с.-в. отъ устья р. Камчатки.

[5]) Курильскій острогъ находился около озера *Курильскаго*, лежащаго на югѣ полуострова, около 100 в. къ с.-з. отъ мыса Лопатки.

[6]) „*Носомъ*“ назывался въ то время м. *Лопатка*—самая южная оконечность полуострова, противъ оо. Курильскихъ.

вѣдать-де той земли не на чемъ—судовъ морскихъ и судовыхъ припасовъ нѣтъ“... Это—одно изъ наиболѣе раннихъ свидѣтельствъ о началѣ знакомства русскихъ съ Курильскими островами.

Обратный путь М. Многогрѣшнаго и М. Насѣткина съ Камчатки въ Якутскъ шелъ чрезъ анадырскій острогъ на р. *Ковыму* (нынѣ р. Колыма). Здѣсь сѣли они на суда, выплыли въ *море* и шли „моремъ въ *Индигирское* устье“. На пути между устьями рр. Ковымы и Индигирки видѣли они „*острова* [1]) въ морѣ“, но есть-ли на немъ люди—не знаютъ.

Этими свѣдѣніями и заканчивается „сказка“ М. Насѣткина.

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) Очевидно, они видѣли одинъ изъ 5 оо. *Медвѣжьихъ* (въ 150 в. къ с.-з. отъ дельты р. Колымы), вѣроятнѣе всего—самый крупный изъ нихъ—о. *Крестовскій* (въ 50 в. къ с.-з. отъ мыса Крестовскаго).

Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и объ отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата.

Чуть ли не съ самаго присоединенія Кіева къ Россіи кіевскій магистратъ заботился объ огражденіи мѣстной торговли отъ конкурренціи великороссіянъ. Въ грамотѣ Петра В. 1710 г., которая выдана въ подтвержденіе грамоты 1700 г., находимъ уже повелѣніе о томъ, чтобы „пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ, на обиду кіев. мѣщанамъ, въ лавкахъ не сидѣть и никакихъ товаровъ въ локти, фунты и золотники не продавать“. Розничная торговля на Подолѣ воспрещалась какъ великороссійскимъ купцамъ, такъ и „ратнымъ людямъ“, и это запрещеніе подтверждалось неоднократно послѣдующими „подтвердительными грамотами“ и сенатскими указами, о полученіи которыхъ весьма ревниво заботился магистратъ, часто посылая въ столицу своихъ повѣренныхъ по разнымъ городскимъ дѣламъ.

Несмотря однако на запрещенія, уже въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія появляются въ Кіевѣ въ качествѣ осѣдлыхъ торговцевъ великороссіяне, пріобрѣтаютъ даже собственные дворы на Подолѣ и ведутъ розничную торговлю какъ въ наемныхъ, такъ и въ собственныхъ лавкахъ. Пріѣзжали они нерѣдко въ Кіевъ, какъ подрядчики различныхъ военныхъ командъ, иногда какъ маркитанты [1]). По привилегіямъ королевскимъ 1643 г. марта 27 и 1649 г. апрѣля 3, утвер-

[1]) Въ мартѣ 1762 г. бѣлевскіе купцы Лука *Недерикъ* и Алексѣй *Степановъ* брали въ Кіев. губ. канц. паспорты за границу, отправляясь туда къ арміи маркитантами. Съ ними было 15 работниковъ и 14 возовъ съѣстныхъ и пр. припасовъ.

жденнымъ и высочайшими грамотами, кіевскому магистрату предоставлялось право„ приходящихъ изъ разныхъ мѣстъ людей по желанію ихъ подъ юрисдикцію мѣскую принимать и по принятіи за сущихъ юрисдикторовъ мѣскихъ имѣть“ [1]). Магистратъ кіевскій не былъ стѣсненъ въ этомъ случаѣ никакими ограниченіями для принятія въ среду своего мѣщанства пришлыхъ людей; но великороссіяне, поселявшіеся въ Кіевѣ для торговаго промысла, не вступали въ составъ мѣстнаго купечества, не желая въ этомъ случаѣ, надо полагать, подчиняться юрисдикціи магистрата. Продолжая числиться по ревизіямъ въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ вышли сами или ихъ родители, эти великороссіяне, проживая по паспортамъ великороссійскихъ городовъ, въ качествѣ пріѣзжихъ, подчинялись въ отношеніи суда и расправы власти великороссійскихъ чиновъ.

Что же собственно удерживало ихъ отъ перечисленія въ кіевское мѣщанство?

До сихъ поръ мнѣ встрѣтилась одна лишь просьба великороссіянина о такомъ перечисленіи, да и та относится уже къ 1785 году, когда въ Кіевѣ совершенно измѣнился характеръ городскаго управленія и появилось общероссійское положеніе о гильдіяхъ [2]). Другое же прошеніе, относящееся къ 1765 году, послѣдовало отъ великороссіянина, который и родился уже въ Кіевѣ, гдѣ отецъ его, калужскій купецъ, проживалъ много лѣтъ; но этотъ великороссіянинъ Иванъ *Епринцовъ* пожелалъ записаться не въ кіевское, а въ купечество „Крюковскаго шанца“.

Возможно, что въ извѣстной мѣрѣ воздерживали отъ такого перечисленія великороссійскихъ купцовъ, проживавшихъ вообще въ Малороссіи, тѣ судебные порядки, которые практиковались въ ней по торговымъ дѣламъ. Нѣкоторымъ указаніемъ на такую причину могутъ служить извѣстные „пункты“ Костюрина 1754 г., составленные по требованію Правит. сената [3]). Въ первомъ изъ нихъ говорится о

---

[1]) Ист. мат. изъ арх. К. губ. пр., вып. 9, стр. 206.

[2]) Калужскіе купцы Яковъ *Воротынцевъ* съ сыномъ Василіемъ и Степанъ *Масленниковъ* въ декабрѣ 1785 г. подали прошеніе въ Кіев. намѣст. пр. о принятіи ихъ въ число кіевскихъ купцовъ 3-й гильдіи, такъ какъ они, „находя для себя лучшую выгоду къ пребыванію и промыслу въ Кіевѣ, намѣрены остаться на жительствѣ въ немъ навсегда“.

[3]) Кіев. Стар., 1888 г., май, стр. 38.

томъ, чтобы „малороссійскимъ и великороссійскимъ купцамъ о долговыхъ деньгахъ *имѣть судъ по вексельному уставу*, такъ какъ нынѣ у нихъ происходитъ, что малороссійскій купецъ возьметъ деньги и даетъ по ихъ называемой обликъ, а на срокъ не отдаетъ, въ томъ производятъ въ малороссійскихъ канцеляріяхъ письменные суды и часто бываютъ долго не рѣшительны, а купецъ (великороссъ) принужденъ лишиться торгу или отстать отъ дѣла".

Эта жалоба на медленность малороссійскихъ судовъ въ дѣлахъ торговыхъ не можетъ быть однако отнесена къ магистратскому суду въ Кіевѣ, гдѣ для торговыхъ дѣлъ допускалось словесное разбирательство и судъ посредниковъ, избираемыхъ самими тяжущимися сторонами, такъ наз. „компромисскій судъ". Такъ у меня имѣется одно дѣло 1746 г., въ которомъ споръ между двумя греками разбирался въ магистратѣ кіевскомъ избранными ими самими посредниками, въ числѣ которыхъ былъ и одинъ московскій купецъ, проживавшій въ Кіевѣ. Кромѣ того, магистратъ кіевскій въ торговыхъ дѣлахъ руководствовался, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его рѣшеній, и вексельнымъ уставомъ.

Конечно, медленность судопроизводства въ малороссійскихъ судахъ могла имѣть нѣкоторое вліяніе на то, что великороссійскіе купцы, постоянно проживавшіе въ Малороссіи, не приписывались къ мѣстному купечеству и, продолжая жить по паспортамъ, стремились къ обособленію относительно суда и расправы. Объ этой независимости отъ мѣстнаго суда по торговымъ дѣламъ не мало заботился кіевскій вице-губернаторъ Костюринъ. Изъ одного дѣла купца Клобукова 1757 г. видно, что Костюринъ не исполнилъ даже указа Правит. сената, предписывавшаго выслать этого великороссіянина въ Войсковый ген. судъ для выслушанія рѣшенія; „дабы въ такихъ случаяхъ великороссійское купечество къ напрасному разоренію приводимо быть не могло", Костюринъ, указавъ на законы, которымъ противорѣчитъ такое привлеченіе купца Клобукова къ малороссійскому суду, просилъ: „не соизволитъ ли Правит. сенатъ повелѣть реченное спорное въ единственномъ купеческомъ промыслѣ дѣло опредѣленными съ обѣихъ сторонъ купецкими людьми, по ихъ въ томъ искусству, разобрать и въ окончаніе привесть".

Въ 1745 г. апрѣля 23 состоялся высоч. указъ, которымъ повелѣно „великороссійскимъ купцамъ, въ Малой Россіи торгующимъ и

жительствующимъ, между собою (кромѣ розыскныхъ и убивственныхъ дѣлъ) судомъ и расправою быть вѣдомымъ въ Кіев. губ. канц., а въ Глуховѣ и въ полкахъ—у великороссійскихъ командировъ“ [1]).

Такимъ образомъ само правительство обособляло великороссійскихъ купцовъ въ Малороссіи, какъ чужестранцевъ, предоставляя имъ право на особый судъ.

Въ г. Нѣжинѣ, гдѣ въ прошломъ столѣтіи существовала оживленная торговая дѣятельность, гдѣ проживало постоянно не мало и великороссійскихъ купцовъ [2]), учрежденъ былъ особый „главный словесный судъ“ изъ выборныхъ иногородныхъ купцовъ для разбирательства возникавшихъ между купечествомъ споровъ по торговымъ дѣламъ [3]). На рѣшенія этого суда приносилась аппеляція въ Кіев. губ. канц.

Такимъ образомъ большинство дѣлъ, касавшихся великороссійскаго купечества въ Малороссіи, сосредоточивалось въ Кіев. губ. канц., архивъ которой и долженъ представлять богатый матеріалъ для знакомства съ характеромъ дѣятельности этого купечества и съ отношеніемъ къ нему мѣстнаго населенія. Въ остаткахъ этого-то архива мнѣ и встрѣчались нерѣдко, большею частію въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ документовъ, жалобы кіевскаго магистрата и отдѣльныхъ лицъ изъ кіевскаго мѣщанства на великороссійскихъ „купецкихъ людей“, главнымъ образомъ, на производимое ими „помѣшательство въ торговлѣ“. Документы эти представляютъ извѣстный интересъ, знакомя до нѣкоторой степени съ положеніемъ великороссійскаго купечества въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и съ отношеніемъ къ нему мѣстнаго населенія. Эти-то документы и послужили матеріаломъ для настоящей замѣтки.

Интересно, конечно, прежде всего было бы знать численность великороссійскаго купечества въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этомъ весьма незначительны.

---

[1]) См. приложеніе № IV.

[2]) По вѣдомости, представленной въ 1754 году въ Войск. ген. канц., „о проживающихъ въ полкахъ великороссійскихъ людяхъ, гдѣ, кто и когда изъ нихъ пріобрѣлъ козачій грунтъ“, значится въ г. Нѣжинѣ 11 фамилій великороссійскихъ купцовъ, имѣвшихъ въ городѣ собственные дворы.

[3]) Въ 1759 г. въ этомъ судѣ выборными членами были: курскіе купцы—Прохоръ *Скорняковъ* и Карпъ *Перевышевъ*, калужскіе—Петръ *Коробовъ*, Василій *Угрюмовъ* и Иванъ *Холщевниковъ*, путивльскіе—Федоръ *Рожновъ* и Вас. *Рышковъ*, тульскій Вас. *Лившцовъ*.

Въ замѣткѣ проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова о населеніи г. Кіева въ 1742 г.[1]), приведено свѣдѣніе о числѣ присягавшихъ великороссіянъ: ихъ тамъ указано 129 человѣкъ. У меня есть свѣдѣнія, относящіяся почти къ тому же времени о числѣ великороссіянъ, имѣвшихъ въ Кіевѣ собственные дворы и лавки и проживавшихъ въ наемныхъ домахъ.

По вѣдомости, представленной магистратомъ генералъ-губернатору въ декабрѣ мѣсяцѣ 1741 г., значится такихъ великороссійскихъ „купецкихъ людей“: а) живущихъ на Подолѣ своими дворами 11, при чемъ двое изъ нихъ имѣли по два собственныхъ двора и по двѣ лавки; б) живущихъ на Подолѣ въ наемныхъ дворахъ 26, и изъ нихъ двое имѣли по двѣ лавки, а одинъ три, и в) живущихъ въ верхнемъ городѣ 6, изъ которыхъ одинъ имѣлъ три лавки; всего по этой вѣдомости показаны 43 торговца и 10 лавокъ. Изъ жившихъ на Подолѣ своими дворами двое владѣли банями[2]).

Самая вѣдомость эта представлена была по такому поводу. Когда въ декабрѣ мѣсяцѣ 1741 г. предписано было магистрату приготовить триста подводъ подъ слѣдовавшаго изъ Петербурга турецкаго посла, то магистратъ распредѣлилъ эту повинность и на показанныхъ въ вѣдомости великороссіянъ, такъ какъ и имѣвшимися въ магистратѣ указами и недавнимъ распоряженіемъ Кіев. губ. канц. требовалось „живущимъ въ Кіевѣ *всякаго званія людемъ* надлежащее къ городу послушаніе равно вмѣстѣ съ мѣщаны исполнять“. Но въ предыдущемъ 1740 году, когда требовались подводы для слѣдовавшаго въ Турцію чрезвычайнаго посла А. И. Румянцева, эти великороссіяне уклонились отъ поставки возложеннаго на нихъ числа подводъ, не смотря на особый о томъ ордеръ губ. канц.; потому-то магистратъ и обратился теперь къ генералъ-губернатору Леонтьеву съ просьбой

---

[1]) Кіев. Ст., 1888 г., № 4.

[2]) Относительно бань въ грамотѣ 1710 г. читаемъ: „а которые наши, великого государя, служивые и иныхъ всякихъ чиновъ люди имѣютъ въ Кіевѣ въ нижнемъ городѣ торговыя бани, на грунтахъ мѣскихъ построенныя, не въ пристойныхъ мѣстахъ, отъ которыхъ бань водою ограды церковныя и около церквей потопляетъ, и тѣ бани сломать и мѣста очистить, а построить имъ, ратнымъ людемъ, торговыя бани въ иныхъ мѣстехъ, гдѣ кіевскій войтъ съ мѣщаны отведутъ, и съ тѣхъ бань платить имъ, нашимъ ратнымъ всякихъ чиновъ людемъ, въ майстратъ оброкъ по договору; а винныхъ и пивныхъ шинковъ и воровскихъ людей въ тѣхъ баняхъ отнюдь не держать и тѣмъ кіевскимъ мѣщаномъ никакихъ убытковъ не чинить“.

принять мѣры для понужденія упомянутыхъ великороссіянъ къ поставкѣ подводъ, „дабы по ихъ обиклому всегдашнему упрямству“ не послѣдовало остановки. Просьба магистрата была уважена [1]).

Не имѣя права устраивать на Подолѣ собственныя свои лавки, великороссійскіе торговцы нанимали лавки у мѣстныхъ мѣщанъ, которые иногда сами прикрывали эту „неуказную“ розничную торговлю иногородныхъ людей, показывая ихъ своими приказчиками. Съ этимъ трудно было, конечно, бороться магистрату. Такъ, мѣщанинъ Степанъ Андреевъ предоставилъ свою лавку калужскому купцу Андрееву Трескову [2]), который и торговалъ въ ней болѣе четырехъ лѣтъ безпрепятственно; въ 1760 году магистратъ, запечатавъ эту лавку, хотѣлъ было не допустить Трескова къ дальнѣйшей торговлѣ „чрезъ единое то, что онъ изъ великороссіянъ“. Когда, по жалобѣ Андреева, дѣло это перешло въ К. губ. канц., то тамъ нашли, что грамоты, на которыя ссылается магистратъ, „гласятъ единственно на великороссійскихъ купецкихъ людей, т. е. самихъ дѣйствительныхъ хозяевъ, чтобъ имъ въ Кіевѣ нижнемъ городѣ на Подолѣ купечества не имѣть, а не на прикащиковъ и не на сидѣльцовъ“, а потому и предписано было не препятствовать торговлѣ Трескова, котораго кіевскій мѣщанинъ Андреевъ признавалъ своимъ приказчикомъ.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ губ. канцелярія признавала, что грамоты, на которыя ссылался магистратъ, дѣйствительно запрещаютъ розничную торговлю на Подолѣ „*великороссійскимъ* купецкимъ людямъ“; раньше же губ. канцелярія давала упомянутымъ грамотамъ иное толкованіе, чѣмъ и побуждала магистратъ хлопотать о новыхъ подтвержденіяхъ грамотъ спеціально уже по этому вопросу. Такъ и въ 1744 году февраля 8 данъ былъ, по ходатайству магистрата, высоч. изъ Правит. сената указъ, въ которомъ, между прочимъ,

---

[1]) Указомъ 22 января 1742 г. К. губ. канц., предписавъ разложить поставку подводъ и на всѣхъ поименованныхъ въ вѣдомости великороссіянъ, живущихъ какъ въ собственныхъ, такъ и въ наемныхъ домахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предписала секундъ-маіору Кульневу понудить этихъ лицъ къ дѣйствительному исполненію возложенной на нихъ повинности. Во избѣжаніе же такого рода жалобъ въ будущемъ, губ. канц. рекомендовала магистрату требовать, чтобы мѣщане, отдавая великороссіянамъ свои лавки въ наймы, заключали письменный договоръ, что эти наниматели „повинны какъ въ дачѣ подводъ, такъ и въ другихъ городскихъ тягостяхъ, кіевскимъ мѣщаномъ вспомоществовать“.

[2]) См. „Ист. мат. изъ арх. К. губ. пр.“, вып. 8, стр. 161.

подтверждалось имѣвшееся уже въ грамотѣ 1700 г. запрещеніе „пріѣзжимъ торговымъ людямъ“ торговать на Подолѣ въ розницу. Но, какъ видно, и этотъ указъ требовалъ нѣкотораго разъясненія, такъ какъ терминъ „пріѣзжіе торговые люди“ допускалъ толкованіе, не согласное съ тѣмъ смысломъ, какое ему придавалъ магистратъ, ходатайствуя о подтвержденіи своихъ привилегій. Эта неточность выраженія подала поводъ генералъ-губернатору на первыхъ порахъ по полученіи указа истолковать его не согласно съ домогательствами магистрата.

Такъ, въ 1745 г., когда нѣкій великороссіянинъ Иванъ Сусловъ жаловался на недопущеніе его магистратомъ къ торговлѣ на Подолѣ [1]), генералъ-губернаторъ Леонтьевъ рѣшилъ, что запрещеніе розничной торговли на Подолѣ относится только къ *пріѣзжимъ* въ Кіевъ торговымъ людямъ, а не къ великороссіянамъ вообще, а потому и приказалъ магистрату: Суслова, какъ давно живущаго въ Кіевѣ собственнымъ своимъ дворомъ, „изъ лавки вонъ не высылать и какъ въ прожитіи его на Подолѣ, такъ и въ томъ его купеческомъ произвожденіи никакихъ обидъ и препятствій отнюдь ему не чинить, но жить ему на Подолѣ и торгъ свой въ лавкѣ производить безъ всякаго помѣшательства“.

Совсѣмъ не такъ подобное же дѣло рѣшено тѣмъ же генералъ-губернаторомъ три года спустя, въ 1748 году. Магистратъ жаловался на отставнаго солдата изъ великороссіянъ Игната Смородинова, который „безъ вѣдома и воли магистратовой все обманою лавками мѣщанскими и угодьями мѣскими и поселеніями хуторными пообладалъ“ и, вопреки запрещенію, торговалъ въ нѣсколькихъ лавкахъ. Въ этомъ доношеніи магистрата [2]) обращаетъ на себя вниманіе ясно выраженное неудовольствіе не столько тѣмъ, что великороссіянинъ производитъ на Подолѣ торговлю, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ уклоняется отъ юрисдикціи магистрата, не признаетъ его хозяйственно-административной и судебной власти: „когда случается, по скарги на его отъ мѣщанъ, ко расправѣ, яко человѣкъ купеческій, дабы становился, онъ всегда ослушенъ есть... единъ имѣя упоръ и непокореніе, яко

[1]) Этотъ Сусловъ имѣлъ уже въ 1718 г. на Подолѣ собственный свой домъ, который и сгорѣлъ во время бывшаго въ томъ году большаго пожара (см. приложеніе № 1).

[2]) См. прилож. № II.

богатой человѣкъ, нѣ на что не усмотруетъ и нѣ во что приказы магистратовые вмѣняетъ".

Генералъ-губернаторъ по этой жалобѣ магистрата предписалъ прежде всего изслѣдовать, на какомъ основаніи Смородиновъ торгуетъ на Подолѣ, „и для чего кіев. мѣщане свои лавки для той торговли, вѣдая запретительные *о неторгованіи великороссійскимъ людемъ* указы, въ наемъ ему, С—ну, отдавали", а затѣмъ предписалъ губ. канц. взять со Смородинова подписку о томъ, что впредь онъ торговать не будетъ.

Согласная съ этимъ приказаніемъ подписка и была взята со Смородина, при чемъ вмѣсто него росписался сынъ его Романъ, который числился сѣвскимъ купцемъ и уплачивалъ въ г. Сѣвскѣ городскія и другія повинности.

Въ дѣлѣ Игната Смородина генералъ-губернаторъ уже не даетъ такого толкованія грамотамъ, какое высказалъ въ дѣлѣ Суслова, и беретъ подъ свою защиту интересы кіевскаго мѣщанства. Тѣмъ не менѣе въ сороковыхъ годахъ, къ которымъ относится большинство встрѣчавшихся мнѣ подобнаго рода жалобъ кіевскаго магистрата на великороссійскихъ купцовъ, послѣдніе въ своихъ „неуказныхъ промыслахъ", въ нарушеніи магистратскихъ правъ и привилегій, разсчитывали на поддержку и, вѣроятно, встрѣчали ее со стороны Кіев. губ. канцеляріи. Нѣкоторымъ указаніемъ на это можетъ служить возникшее между магистратомъ и этой канцеляріей пререканіе по дѣлу великороссійскаго купца Рѣзваго съ товарищи [1]).

Неточность выраженія—„пріѣзжіе торговые люди"—подавала поводъ къ такимъ пререканіямъ, служа основаніемъ для губ. канц. разрѣшать великороссіянамъ, имѣвшимъ собственные дворы, производство торговли на Подолѣ.

По вызову Кіев. губ. канц., въ 1744 г. явились проживавшіе въ Кіевѣ великороссійскіе купцы Максимъ Рѣзвый, Романъ Смородинъ, Семенъ Ноздринъ и Максимъ Кузнецовъ и заявили желаніе взять въ арендное содержаніе казенный шелковый заводъ, но съ тѣмъ,

---

[1]) Сѣвскій купецъ Максимъ *Рызвый*, который въ вѣдомости 1741 г. показанъ живущимъ на Подолѣ въ наемномъ домѣ и владѣющимъ одною лавкою, былъ вмѣстѣ съ Романомъ *Смородиновымъ* въ 1753 г. надзирателемъ кіевскихъ, нѣжинскихъ и переяславскихъ казенныхъ кабаковъ.

между прочимъ, условіемъ, чтобы имъ дозволено было торговать въ лавкахъ на Подолѣ разными товарами. Губ. канцелярія согласилась было принять такое условіе, а мануфактуръ-коллегія, утверждавшая представленныя этими купцами условія, относительно разрѣшенія имъ торговли на Подолѣ выразилась такъ: „буде оное съ указами сходно, быть по мнѣнію Губ. канц.“

Принимая во вниманіе, что они живутъ давно уже въ Кіевѣ въ собственныхъ домахъ и не могутъ поэтому назваться „пріѣзжими“ [1]), губ. канцелярія уважила просьбу этихъ четырехъ торговцевъ и разрѣшила имъ „впредь до указу“ торговать въ рядахъ разными товарами. Но магистратъ, видя въ этомъ прямое нарушеніе утвержденныхъ высоч. указами своихъ правъ и привилегій, представилъ Губ. канц., что Рѣзвый съ товарищами ложно показали о своемъ давнемъ жительствѣ, что въ кіевскомъ магистратѣ на дняхъ лишь полученъ указъ главнаго магистрата о высылкѣ ихъ въ г. Сѣвскъ, гдѣ они записаны въ подушный окладъ и откуда отлучились, по всей вѣроятности, самовольно безъ паспортовъ и со времени отлучки не вносили слѣдуемыхъ съ нихъ податей [2]). Магистратъ, увѣренный, что эти фиктивные заводчики добиваются лишь того, чтобы свободно торговать въ лавкахъ на Подолѣ [3]), потребовалъ закрытія ихъ лавокъ,

---

[1]) Въ своемъ заявленіи въ Кіев. губ. канц. торговцы писали, что они „не пріѣзжіе купцы, но издревле въ Кіевѣ домами своими жительствуютъ и за пріѣзжихъ купцовъ не почитаются; къ тому жъ, за дѣйствительнымъ ихъ шелковой фабрики содержаніемъ, въ другія дальнія мѣста для купечества отлучаться будетъ невозможно, а безъ купечества имъ, будучи у содержанія и размноженія оной шелковой фабрики своимъ коштомъ, никакимъ образомъ пробыть невозможно, и уповательно отъ нихъ, яко отъ четырехъ человѣкъ, кіевскимъ жителямъ на Подолѣ врозпь товарами купечествѣ помѣшательства быть не можетъ“.

[2]) Такое требованіе податей въ сѣвскій городовой магистратъ съ Романа Смородинова за 1781 годъ я встрѣтилъ и въ протоколахъ кіевскаго губернскаго магистрата 1783 года. Такимъ образомъ и 40 лѣтъ спустя послѣ вышеприведеннаго дѣла Смородиновъ оставался сѣвскимъ купцемъ, не записанный въ купечество кіевское.

[3]) Въ жалобѣ своей генералъ-губернатору по этому дѣлу кіев. магистратъ писалъ, что де шелковый заводъ, какъ замѣтили это нѣкоторые изъ кіевскихъ мѣщанъ, занимающихся этимъ дѣломъ „для куріозптету“, требуетъ присмотру только въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; упомянутые же „мнимые заводчики“ просто избираютъ это „на едину токмо магистрату кіевскому, и мѣщанству и купечеству, противность“. Призванные въ магистратъ 30 сентября 1745 г., эти четыре великороссіянина, по выслушаніи указовъ, запрещающихъ имъ торговлю на Подолѣ, объявили „издѣваясь“, что они тѣмъ не менѣе

но они рѣшительно воспротивились этому, говоря безъ всякаго почтенія: „мы-де по опредѣленію Кіев. губ. канц. имѣемъ здѣсь на Подолѣ вольный торгъ, а магистрата не слушаемся“. Представляя о такомъ упорствѣ, магистратъ обратился съ жалобой на оказываемое имъ послабленіе Кіев. губ. канцеляріею къ генералъ-губернатору, прося его запретить Рѣзвому съ товарищами торговать на Подолѣ. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ, изъ которыхъ взяты мною приводимыя свѣдѣнія, нѣтъ рѣшенія генералъ-губернатора по этому дѣлу. Но надо думать, что и въ данномъ случаѣ генералъ-губернаторъ удовлетворилъ ходатайство магистрата.

Имѣется одинъ документъ 1747 г., свидѣтельствующій о томъ, что ген.-губ. Леонтьевъ оказывалъ свою поддержку кіевскому магистрату и въ томъ случаѣ, когда магистрату приходилось разбирать судебнымъ порядкомъ столкновенія мѣстныхъ мѣщанъ съ великороссійскими купцами. Не смотря на упомянутый выше указъ 1745 г., предоставлявшій великороссіянамъ право судиться исключительно въ губ. канц., ген.-губ. Леонтьевъ находилъ возможнымъ судебное разбирательство по торговымъ дѣламъ великороссіянъ предоставлять магистрату. Такъ, въ 1745 г. на великороссійскаго купца Якова *Баташева* [1]) жаловался въ магистратъ кіевскій мѣщанинъ Григорій Каневскій за то, что тотъ надѣлилъ его разными худыми товарами, а „свидѣтельства чужестраннія, каковыя Каневскій ему о фальшивомъ чаю, отъ него взятомъ, до прочитанія вручилъ“, вмѣстѣ съ другими бумагами и векселями, не возвратилъ. Баташевъ отказался отвѣчать по этому дѣлу предъ магистратомъ, который потому и обратился уже отъ себя въ 1747 г. съ жалобой къ генералъ-губернатору. Леонтьевъ, имѣя въ виду, что по этому дѣлу въ магистратѣ было уже произведено надлежащее судебное слѣдствіе, что магистратъ не обнаружилъ

такое разрѣшеніе получили изъ губ. канц.: „зъ якихъ ихъ объявленій видимо, не произвожденія и умноженія ради шелковой фабрики, якой они весьма и не знаютъ, но сидѣнія ради съ мѣщанами вмѣстѣ въ лавкахъ и произвожденія торговъ, сего пожелали имѣть.“

[1]) Фамиліи Баташева въ вѣдомости 1741 г. не встрѣчаемъ, но изъ одного дѣла 1766 г. видно, что Яковъ *Баташевъ*, московскій 2-й гильдіи купецъ, „напрасно завладѣлъ“ хуторомъ на Плоскомъ близъ Богословскаго монастыря съ винницею и мельницею, а послѣ смерти Баташева этотъ хуторъ достался Антону *Карамалю*, который въ началѣ 1765 г. велъ о немъ процессъ съ надв. сов. Наковальнинымъ.

„поноровки“ Каневскому [1]), приказалъ: „о вышеписанномъ о всемъ разобрать и правильное правосудіе и рѣшительное окончаніе учинить и дѣйствительнымъ приговоромъ заключить въ кіевскомъ магистратѣ непремѣнно, и для того помянутому купцу Баташеву въ кіев. магистратѣ въ судѣ быть безъотрицательно“.

Надо думать, что въ то время, когда г. Кіевъ, послѣ упорной борьбы за освобожденіе свое отъ власти гетмана и вообще „касательства малороссійской команды“, былъ предоставленъ *исключительному* вѣдѣнію генералъ-губернаторовъ, которымъ повелѣно было, между прочимъ, и „неуказные въ Кіевѣ поселенія и продажи отвращать“; тогда мѣстное мѣщанство находило болѣе дѣйствительную защиту своихъ торговыхъ интересовъ отъ людей пришлыхъ, не входившихъ въ составъ его и не подчинявшихся юрисдикціи магистрата [2]). Но при зависимости магистрата отъ гетмана крайне трудно было ему справляться съ тѣмъ „помѣшательствомъ въ торговлѣ“, какое причиняли мѣстные козаки, и, главнымъ образомъ, сотникъ ихъ Павелъ Гудимъ, имѣвшій на Подолѣ свои лавки, которыми и пользовался „на подступъ мѣсту“ и въ ущербъ мѣстнымъ торговцамъ, отдавая эти лавки въ наемъ великороссійскимъ купцамъ, а то и просто прикрывая своимъ именемъ такую незаконную торговлю, выдавая великороссійскихъ торговцевъ за своихъ приказчиковъ.

Ограниченія, о которыхъ такъ часто и настойчиво хлопоталъ кіевскій магистратъ, относительно поселенія и торговли великороссіянъ, касались только нижняго города, Подола; въ другихъ же частяхъ г. Кіева великороссіяне могли селиться и торговать свободно, безъ всякихъ ограниченій, во всемъ подчиняясь власти Кіев. губ. канц.; но, очевидно, все торговое движеніе сосредоточивалось въ прошломъ столѣтіи на Подолѣ, а потому туда и тянулось всякое купечество.

---

[1]) По дѣламъ Каневскаго, производившимся въ это время въ магистратѣ, всѣ его пожитки, хуторъ съ винокурнею и со всѣмъ въ томъ хуторѣ имуществомъ были описаны и оцѣнены магистратомъ. По всей вѣроятности, въ это время Баташевъ и завладѣлъ его хуторомъ по своимъ денежнымъ претензіямъ.

[2]) На это указываютъ, между прочимъ, и напечатанныя въ 8-мъ вып. „Ист. мат. изъ архива Кіев. губ. пр.“ два дѣла 1766 г. о запрещеніи отставнымъ солдатамъ заниматься продажею табаку на Подолѣ и о запрещеніи заниматься тамъ же цирюльническимъ ремесломъ лицамъ, не принадлежащимъ къ цирюльническому цеху.

Въ верхнемъ городѣ Кіевѣ и въ форштатѣ великороссіяне завѣдывали казенными кабаками, состояли надзирателями, головами и цѣловальниками при казенной питейной торговлѣ, а когда казенные кабаки отдавались на откупъ, то и откупщиками являлись купцы изъ великороссіянъ [1]). На откупу казенные кіевскіе кабаки, вмѣстѣ съ переяславскими и нѣжинскими, были съ 1756 по 1760 г., и тогда откупщиками ихъ состояли московскіе купцы Никифоръ *Ильинъ* и Петръ *Елисѣевъ* и коломенскій Петръ *Токаревъ*. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вновь казенной продажи при посредствѣ особыхъ „надзирателей", „вѣрныхъ сборщиковъ" изъ великороссіянъ, съ 1 ноября 1768 г. эта продажа вновь сдана на откупъ „короннымъ повѣреннымъ", купцамъ: коломенскому Софрону *Добычину* и Андрею *Осипову*, и затѣмъ всегда уже оставалась на откупу.

Вотъ на этой-то почвѣ происходили иногда непріязненныя столкновенія кіев. магистрата съ великороссіянами—откупщиками и надзирателями. Такъ надзиратель Житковъ въ 1754 г. жаловался въ Кіев. губ. канц. на подрывъ, причиняемый магистратомъ казенной продажѣ питей тѣмъ, что въ магистратскихъ шинкахъ хлѣбное вино продавалось дешевле, чѣмъ въ казенныхъ кабакахъ [2]). На запросъ Кіев. губ. канц. „по какимъ резонамъ" произошло такое пониженіе цѣны, магистратъ отвѣчалъ лишь: потому, что де по одной копѣйкѣ

---

[1]) Въ 1738 г. „австерскими надзирателями" были Петръ *Климовъ* и Иванъ *Кавелинъ*.

Въ 1753 г. надзирателями кіевскихъ, нѣжинскихъ и переяславскихъ казенныхъ кабаковъ были купцы г. Сѣвска Максимъ *Рызвый* и Романъ *Смородинъ*, на мѣсто которыхъ въ 1754 г. поступили бѣлгородскій купецъ Яковъ *Прохоровъ* и трубчевскій Михаилъ *Житковъ*.

Въ 1767 г. „вѣрными сборщиками" у казенныхъ питейныхъ сборовъ были *Кузнецовъ* и *Соколовъ*, а въ 1768—*Перевощиковъ* и *Владиміровъ*.

Въ 1754 году казенныхъ кабаковъ въ Кіевѣ было 16, и по нимъ денежной казны къ 1 генваря 1754 г. остаточныхъ показано „истинныхъ" 6969 р. 23¾ к., а питья и припасовъ по „истинной цѣнѣ" на 3,281 р. 17¼ к. Кабаки показаны слѣдующіе: 1) главный (при немъ контора), 2) у Печерскихъ воротъ, 3) у Золотыхъ воротъ, 4) у Львовскихъ, 5) близъ Киселевой горы, 6) у Крещатицкой пристани, 7) у Крещатицкой рогатки, 8) подлѣ Николы у провалу, 9) въ Печерской крѣпости, 10) противъ Пустынно-Никольскаго монастыря, 11) у Самары, 12) въ Новой слободкѣ, 13) подъ Солоною горою, 14) въ Солдатской слободкѣ, 15) за Васильковскою рогаткою, 16) на Неводницкомъ звозѣ. Къ строеніямъ казенной продажи питей относилась и мельница на Днѣпрѣ на двухъ байдакахъ.

[2]) „Ист. мат. изъ арх. К. г. пр.", вып. 6, стр. 122—130.

на квартѣ (вмѣсто 5 по 4 к.) убавлено, „дабы лучше напитки сходили“, но при этомъ напомнилъ К. губ. канц. 8-й п. высоч. указа 1743 г., въ которомъ сказано: „кабацкимъ управителямъ въ магистратскіе шинки ни подъ какими виды не мѣшаться и тѣмъ въ продажѣ магистратскихъ напитковъ убытковъ и помѣшательствъ не чинить“.

Есть основаніе предполагать, что не только завѣдываніе казенными кабаками въ качествѣ „надзирателей“ или „вѣрныхъ сборщиковъ“, но даже содержаніе ихъ на откупу не приносило особыхъ выгодъ великороссійскимъ торговцамъ, которые, кажется, состоя при этомъ дѣлѣ, занимались, главнымъ образомъ, не имъ, а другими торговыми дѣлами.

Совсѣмъ уже никакой выгоды, кромѣ пребыванія въ Кіевѣ, не представляла для великороссійскаго купечества продажа казенной соли, къ каковой продажѣ избирались изъ нихъ ежегодно головы и цѣловальники [1]).

Продажа казенной соли учреждена была въ Кіевѣ, на основаніи высоч. указа 3 ноября 1768 г. Изъ Глухова было доставлено для Кіева пермской и элтонской соли до 20 тысячъ пудовъ. Соль эта была принята магистратомъ и ссыпана въ магистратскіе амбары. Для завѣдыванія продажей соли магистратъ избралъ трехъ человѣкъ, а „дабы чрезъ долговременное оныхъ мѣщанъ при той соли бытіе не могли, лишась купеческаго своего промысла, прійти въ крайнее разореніе“, магистратъ замѣнилъ ихъ черезъ годъ другими.

Когда открыта была въ томъ же 1769 г. продажа казенной соли на Печерскѣ и въ верхнемъ городѣ въ лавкахъ, предоставленныхъ для этого Кіево-Печерскою лаврою и Софійскимъ монастыремъ, тогда выбраны были въ головы изъ проживавшихъ въ Кіевѣ великороссійскихъ купцовъ бѣлогородскій Вас. *Панковъ* и крюковскій Ив. *Слѣпаковкинъ*.

---

[1]) Кажется, что вообще купечество въ другихъ городахъ уклонялось отъ этой службы. У меня имѣется одинъ документъ, указывающій на такое уклоненіе. Избранный бѣлогородскимъ магистратомъ на 1769 г. соляннымъ головою къ продажѣ соли въ г. Старомъ Осколѣ бѣлгородскій купецъ Романъ Ноздринъ, проживавшій въ Кіевѣ, всячески скрывался цѣлый годъ, въ концѣ концовъ успѣлъ даже обманнымъ образомъ причислиться къ крюковскому купечеству. Въ Кіевѣ же отъ этой службы великороссійскіе торговцы не уклонялись.

Когда въ 1770 г. привезли еще казенной соли, Кіев. губ. канц. потребовала отъ магистрата опредѣленія головъ и цѣловальниковъ изъ кіевскихъ мѣщанъ, для продажи ея на Печерскѣ и въ верхнемъ городѣ. Тогда-то магистратъ обратился за защитой къ генералъ-губернатору Воейкову, который и представилъ въ Пр. сенатъ свое мнѣніе [1]) о томъ, что такая обязанность по завѣдыванію всею продажею казенной соли будетъ несправедливымъ обремененіемъ кіевскихъ мѣщанъ, а потому— „не повелѣно ли будетъ къ той казенной соли опредѣлить въ головы и въ цѣловальники изъ купечества великороссійскихъ городовъ“. Ходатайство это и было уважено [2]).

Въ упомянутомъ ходатайствѣ Воейкова находимъ нѣкоторое указаніе на условія жизни кіевскаго мѣщанства, затруднявшія успѣшную конкуренцію его въ торговлѣ съ великороссійскими купцами, которые, если и несли повинности, то только денежныя, не отрываясь отъ сво-

---

[1]) См. прилож. № III.

[2]) 16 сентября 1770 г., по представленію Воейкова же, послѣдовалъ указъ о назначеніи цѣловальниковъ по найму изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, по выбору же служили только головы, которые, какъ видно, избирались отдѣльно купцами, жившими на Подолѣ, и отдѣльно жившими въ форштатѣ.

Изъ встрѣчавшихся мнѣ документовъ, касающихся соляной продажи, видно, что въ 1771 г. вышеупомянутые купцы Панковъ и Слѣпаковкинъ смѣнены были купцами *Ноздринымъ* и *Бубновымъ*; въ январѣ 1772 г. на смѣну ихъ „живущіе на Подолѣ разныхъ городовъ великороссійскіе купцы“ выбрали живущаго на Подолѣ своимъ дворомъ путивльскаго купца Артамона *Молчанова*, а живущіе за К.-Печерскою крѣпостію въ форштатѣ великорос. купцы выбрали въ товарищи Молчанову живущаго въ форштатѣ же болховскаго купца Ивана *Первыхъ*.

Въ 1774 г. въ январѣ подольскіе великороссіяне выбрали боровскаго купца Вас. *Калашникова*, а форштатскіе—калужскаго купца Андрея *Быльцова*.

Въ 1775 г. подольскіе выбрали калуж. купца Семена *Костромина*, а форштатскіе—курскаго Фед. *Фомина*.

На 1776 г. избраны были калуж. куп. Акимъ *Поповъ* и кременчугскій Фед. *Бѣляевъ*. Поповъ заявилъ, что онъ не можетъ приступить къ пріему соли „по неимѣнію ему свободнаго времени по обязательству его въ 1775 г. въ находящійся въ Кіевѣ полевой аптеки магазинъ къ доставленію въ оной разныхъ нужныхъ матеріаловъ, и нынѣ ежедневно всегда тѣхъ матеріаловъ поставка строжайше отъ него, Попова, требуется, и для того къ пріему и продажѣ означенной соли повѣряетъ вмѣсто себя быть кіев. рейт. команды отст. вахмистру Ив. Переясловцову съ тѣмъ, ежели въ той соли послѣдуетъ иногда какой казенный убытокъ, то оный обязуется онъ, Поповъ, заплатить собств. своимъ имѣніемъ“. К. губ. канц. приняла Переясловцова вмѣсто Попова и привела его къ присягѣ.

На 1777 г. выбраны были головами кременчугскіе купцы Семенъ *Воробьевъ* и Василій *Дударевъ*.

его купечества ни для какихъ общественныхъ службъ, тогда какъ болѣе имущественные торговцы изъ кіевскихъ мѣщанъ несли довольно сложныя обязанности общественныя, которыя и отрывали ихъ отъ собственныхъ „купеческихъ промысловъ".

Несомнѣнное вліяніе на неприязненное отношеніе мѣстнаго населенія и кіевскаго магистрата къ великороссійскому купечеству имѣли откупа и таможни, въ которыхъ главными дѣятелями являлись лица изъ этого купечества.

Ставши городомъ пограничнымъ, Кіевъ испытывалъ массу неудобствъ, стѣснявшихъ торговую дѣятельность мѣстнаго населенія. Со второй половины прошлаго столѣтія начинаются жалобы отдѣльныхъ лицъ и магистрата, свидѣтельствующія объ упадкѣ торговли. Къ сожалѣнію, для сколько-нибудь обстоятельнаго изслѣдованія о торговлѣ Кіева въ это время имѣется слишкомъ мало матеріала. Во встрѣчавшихся мнѣ документахъ имѣются только общія заявленія объ упадкѣ мѣстной торговли, и въ одномъ изъ этихъ дѣлъ 1761—72 г. встрѣчается указаніе, какъ на одну изъ причинъ такого упадка—именно на дѣятельность откупщиковъ великороссіянъ, которые мѣстныхъ „маломощныхъ купцовъ привели не въ состояніе".

Учрежденный въ 1757 г. откупъ табачный, какъ видно, весьма невыгодно отозвался на интересахъ кіевлянъ. Право вывоза табаку за границу предоставлено было сенатору графу Петру Ивановичу Шувалову, комиссіонерами котораго и являются московскіе купцы Петръ *Клобуковъ* [1]) и Максимъ *Алисовъ*.

Числясь купцами московскими, они проживали въ г. Нѣжинѣ, гдѣ владѣли собственными дворами: Алисовъ съ 1733, а зять его Каблуковъ—съ 1741 г. Послѣдній состоялъ въ Нѣжинѣ первымъ членомъ словеснаго суда. Взявши по контракту, заключенному въ сентябрѣ 1758 г., на откупъ продажу за границу табаку, они пользовались содѣйствіемъ властей, которыя не допускали провоза табаку

---

[1]) Петръ Клобуковъ (фамилія эта иногда пишется Каблуковъ—и такое разное написаніе встрѣчается въ одномъ и томъ же документѣ) былъ, видно, весьма богатый купецъ и пользовался, между прочимъ, кредитомъ и въ Петербургской банковой конторѣ: въ числѣ указовъ, полученныхъ въ Кіев. губ. канц. въ 1760 г., встрѣчается одинъ изъ этой конторы о принятіи отъ Клобукова процентовъ съ капитальнаго долга въ 14,270 р. за прошлое время по 1760 г. въ количествѣ 785 р. 50 к.

чрезъ таможни и заставы безъ ярлыковъ табачной конторы откупщиковъ, взимавшихъ извѣстную пошлину съ отпускаемаго за границу табаку.

Если и раньше мѣщане кіевскіе, занимавшіеся торговлею табакомъ, признавали взиманіе этихъ пошлинъ нарушеніемъ дарованныхъ городу Кіеву и его мѣщанамъ правъ и привилегій (такъ смотрѣлъ на это дѣло и кіевскій магистратъ), то тѣмъ болѣе возбуждала въ нихъ ропотъ и противодѣйствіе принятая теперь относительно вывоза табаку мѣра, увеличившая таможенные платежи и крайне стѣснявшая мѣстную торговлю. Торговля эта отдавалась теперь въ руки „пріѣзжаго“ купца великороссіянина, который, собственно говоря, и права не имѣлъ торговать въ Кіевѣ.

Такимъ образомъ, очень многіе изъ кіевскихъ мѣщанъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы этого откупа, со спокойною совѣстію обратились къ контрабандѣ. При помощи собственныхъ расторопныхъ объѣздчиковъ и при содѣйствіи „приличныхъ командъ“, которыя предоставлялись Каблукову, какъ комиссіонеру знатнаго откупщика сенатора, онъ легко уловлялъ „тайнопровозцевъ“ и въ первый же годъ своего комиссіонерства возбудилъ нѣсколько дѣлъ въ губ. канц. противъ кіевскихъ мѣщанъ. Изъ одного такого имѣвшагося у меня дѣла 1759 г., къ сожалѣнію, совершенно разбитаго, безъ начала и конца, видно, что дѣйствительно съ предоставленіемъ Каблукову исключительнаго права вывозить за границу табакъ кіевскіе мѣщане обратились къ тайному провозу его „безъ всякаго указнаго платежа“.

Къ этому же, по всей вѣроятности, побуждали и существовавшіе на таможняхъ порядки, по поводу которыхъ кіевскій магистратъ обращался съ жалобой и въ Прав. сенатъ, заявляя при этомъ, что на таможняхъ берутъ пошлины „годъ противъ года съ прибавкою“, а таможенники причиняютъ несносныя обиды и притѣсненія кіев. мѣщанамъ, такъ что де „оттого многіе принуждены отъѣзжіе заграницу торги оставить“.

Оставлять свои заграничные торги приходилось кіевскимъ мѣщанамъ, какъ кажется, не потому, что таможенные сборы были слишкомъ значительны, а главнымъ образомъ потому, что великороссійскіе купцы, состоявшіе сначала откупщиками этихъ сборовъ и затѣмъ директорами таможенъ, на первыхъ же порахъ стали сами практиковать въ широкихъ размѣрахъ контрабандный провозъ товаровъ, чѣмъ

и причиняли серьезное „помѣшательство“ въ мѣстной торговлѣ, убивъ прежде всего торговлю купцовъ „маломощныхъ“, какихъ было, конечно, большинство среди кіевскихъ мѣщанъ-торговцевъ. Къ такому заключенію невольно приводитъ разсмотрѣніе таможенныхъ дѣлъ [1]). Одно изъ нихъ особенно богато данными для знакомства съ дѣятельностію великороссійскаго купечества, которое, въ роли сначала откупщиковъ, а затѣмъ управителей и директоровъ, и привело мѣстныхъ кіевскихъ „маломощныхъ купцовъ не въ состояніе“. Это—слѣдствіе 1767—1772 г. „по доносу кіев. мѣщанина Дмитріевича на злоупотребленія таможенныхъ откупщиковъ Карасева и Лапина“.

Дѣло въ томъ, что, по заключенному въ Прав. сенатѣ контракту, калужскому купцу Алексѣю Карасеву во время содержанія имъ съ товарищами таможенъ на откупу „ни подъ какимъ видомъ торговать не велѣно“; а между тѣмъ оказалось, что сами-то эти откупщики вели обширную торговлю, скупая главнымъ образомъ въ Малороссіи черную смушку и другіе пушные товары и сбывая ихъ за границу, а оттуда привозя разнаго рода мануфактурные товары (Этимъ именно и занимались прежде кіевскіе мѣщане-торговцы). Пользуясь своимъ привиллегированнымъ, такъ сказать, офиціальнымъ, положеніемъ на таможнѣ, уплачивая лишь небольшую часть пошлинъ, а то и совсѣмъ ихъ не уплачивая, эти откупщики легко могли подорвать торговлю лицъ, уплачивавшихъ всѣ узаконенныя пошлины, и, такъ сказать, отнять у нихъ рынокъ. Жертвою такой конкуренціи и былъ, очевидно, кіевскій мѣщанинъ Степанъ Дмитровичъ, который велъ значительную заграничную торговлю, часто бывая лично въ Гданскѣ, Лейпцигѣ и другихъ городахъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію, всѣ встрѣчавшіяся мнѣ въ архивѣ Кіев. губ. пр. таможенныя дѣла представляли лишь обрывки слѣдственныхъ производствъ, тянувшихся безконечно долго и неизвѣстно какимъ рѣшеніемъ законченныхъ. Всѣ эти дѣла относятся къ 60-мъ и 70-мъ годамъ прошлаго вѣка. Уже тотчасъ по учрежденіи таможенъ поступаетъ въ Прав. сенатъ жалоба пѣжинскихъ купцовъ грековъ на хозяйничавшихъ на таможнѣ великороссійскихъ купцовъ, и по этой жалобѣ тянется безконечное дѣло, по которому привлекались къ отвѣтственности калужскіе купцы Алексѣй и Антонъ *Карасевы*, Иванъ *Лапинъ*, Гавріло *Ивановъ*, Харитонъ *Свѣшниковъ*, Герасимъ *Золотаревъ* и орловскій купецъ Иванъ *Кузнецовъ* (См. № VIII, б.). Въ 1766 г. уже закончено было какое-то сложное слѣдствіе о таможенныхъ злоупотребленіяхъ, по которому, какъ видно изъ попавшагося мнѣ протокола К. губ. канц., наложено было взысканіе на директора таможни *Кондратьева* и другихъ лицъ.

О размѣрахъ его торговли можно судить уже потому, что одной таможенной пошлины онъ уплатилъ: въ 1760-мъ году 6800 рублей, въ 1761-мъ—7400 р., въ 1762-мъ—4200 р., въ 1763-мъ—7700 р.

Но въ концѣ концовъ Дмитровичъ, какъ видно, не въ состояніи былъ бороться съ такой конкуренціей, которая опиралась на контрабанду: Алексѣй Карасевъ вытѣснилъ его изъ прежнихъ рынковъ [1]). Хорошо знакомый съ установившимися на таможняхъ порядками, Дмитровичъ и явился въ поданной имъ жалобѣ обличителемъ злоупотребленій таможенниковъ, на которыхъ уже много жалобъ поступало въ магистратъ отъ кіевскихъ мѣщанъ. Хотя личная Дмитровича обида, послужившая предметомъ жалобы, состояла въ неправильномъ, въ подрывъ его кредита, протестѣ Карасевымъ даннаго ему Дмитровичемъ въ счетъ таможенной пошлины векселя, но жалоба получила, такъ сказать, общій характеръ обличенія злоупотребленій.

Желая устранить эти заявленія общаго характера, касавшіяся интересовъ кіевскаго мѣщанства, главный виновникъ злоупотребленій Алексѣй Карасевъ настойчиво заявлялъ, что де Дмитровичъ „за маломощныхъ купцовъ не опекунъ“, а потому де и ссылки его на ихъ жалобы въ кіев. магистратъ не должны быть принимаемы во вниманіе, и къ отвѣту по нимъ его, Карасева, привлекать не слѣдуетъ.

Назначенная указомъ Прав. сената особая комиссія болѣе восьми лѣтъ производила слѣдствіе по доносу Дмитровича, и неизвѣстно, когда и чѣмъ его закончила; но въ своемъ заключеніи, составленномъ въ 1772 г. по требованію генералъ-губернатора Воейкова, представила достаточно данныхъ, несомнѣнно подтвердившихъ тѣ злоупотребленія, въ какихъ обвинялъ Дмитровичъ таможенныхъ дѣятелей, купцевъ Карасева и Лапина и многихъ другихъ ихъ пособниковъ изъ великороссійскаго купечества.

Въ такого же рода злоупотребленіяхъ, какія обнаружилъ Дмитровичъ, являвшійся какъ бы представителемъ интересовъ всего кіевскаго мѣщанства, обвинялъ впослѣдствіи, въ 1780 году, многихъ вели-

---

[1]) Въ 1763 г. Дмитровичъ, по просьбѣ Карасева, купилъ для него за границей на *пять* тысячъ товаровъ, которыхъ тотъ обѣщалъ не продавать въ Малороссіи, но обѣщанія своего не исполнилъ и продалъ въ Ромнахъ. „Видя чрезъ сіе своихъ товаровъ въ Малой Россіи не вмѣщеніе, онъ, Дмитровичъ, принужденъ съ ними отправиться въ Москву и тамо оныхъ продать, понеся въ томъ отъ него, Карасева, притѣсненіе и убытокъ“.

короссійскихъ купцовъ и таможенныхъ служителей калужанинъ Вавило *Ярославцевъ*.

Можно съ увѣренностію сказать, что злоупотребленія эти существовали, какъ нѣчто обычное; а какъ они отражались на интересахъ кіевскаго мѣщанства, занимавшагося торговлей, и какое вліяніе имѣли на отношенія этого мѣщанства вообще къ великороссійскому купечеству, являвшемуся въ роли откупныхъ и таможенныхъ дѣятелей,—представить себѣ не трудно.

А. Андріевскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Жалоба Ивана Суслова на кіевскій магистратъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1745 г. нѣкій Иванъ Сусловъ подалъ въ К. Г. К. такое доношеніе:

„Дѣдъ и отецъ мой нижайшаго служилъ Ихъ Имп. Вел. по г. Стародубу въ дворянской службѣ и отъ прежде бывшихъ въ Кіевѣ господъ бояръ и воеводъ посыланы были во многія государства для важныхъ государственныхъ дѣлъ и за оныя службы, по жалов. грамотѣ изъ Посольскаго приказу, велѣно отцу моему и дѣтямъ его жить въ Кіевѣ и имѣть всякія вольности и торги безъ всякихъ податей; точію оная грамота въ прошломъ 1718 г., во время пожарнаго въ Кіевѣ ниж. г. Подолѣ случая, въ домѣ моемъ сгорѣла, а я нижайшій по смерти отца своего и донынѣ жительство имѣю въ томъ же нижнемъ городѣ Кіева; точію кіев. магистратъ чинилъ мнѣ всегда не малыя обиды и утѣсненія, и о тѣхъ моихъ обидахъ и утѣсненіяхъ просилъ я на оной магистратъ въ Москвѣ Прав. сената въ конторѣ, и по тому моему прошенію изъ оной Прав. сената конторы присланъ указъ въ Кіев. губ. канц. и велѣно, за вышеписаннымъ посягательствомъ, быть мнѣ подъ вѣдѣніемъ оной К. г. к., и кіев. магистрату меня ничѣмъ не вѣдать, о чемъ во оной губ. канц. по имѣющимся моимъ съ кіев. магистратомъ дѣламъ явствуетъ именно; а нынѣ кіев. войтъ Павелъ Войничъ съ магистратомъ, не знаемо для чего, въ противность вышепис. жал. грамоты, на меня нижайшаго нападаютъ безвинно и съ торговой моей наемной лавки, изъ которой я пропитаніе свое имѣю, выгоняютъ вонъ напрасно и ничѣмъ торговать не допускаютъ, отчего я нижайшій прихожу въ крайнее убожество и разореніе. И того ради К. г. к. всепокорнѣйше прошу, дабы повелѣно было къ свободному моему въ Кіевѣ ниж. городѣ на Подолѣ

прожитію и купеческому противъ прежняго произвожденію во оной кіев. магистратъ подтвердитъ Е. И. В. указомъ".

По этому доношенію состоялось такое постановленіе генералъ-губернатора:

„Понеже въ прошломъ 1744 году, февраля 8 дня въ присланныхъ, по челобитью оного войта съ магистратомъ, при высоч. Е. И. В. изъ Прав. сената указѣ рѣшительныхъ пунктахъ на 7 пунктъ написано: по грамотѣ, данной кіев. магистрату въ 1700 году, на обиду кіев. мѣщаномъ, въ лавкахъ вмѣстѣ сидѣть и никакихъ товаровъ въ локти и фунты и золотники продавать запрещено только пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ, а оной Сусловъ изъ давнихъ лѣтъ въ Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ собственнымъ своимъ дворомъ жительство имѣетъ, и какъ постои въ квартирѣ своей всегда имѣетъ, такъ и во время требованія отъ магистрата многова числа подводъ оныя по расположенію противъ прочихъ мѣщанъ ставитъ и присылаемой отъ оного жъ магистрата казенной провіантъ въ сухари крошитъ и сушитъ;— приказалъ: помянутаго Ивана Суслова, въ противность вышепоказанной жалов. грамоты и вновь, по челобитью его, кіев. войта Войнича съ магистратомъ, рѣшительнаго 7-го пункта, изъ лавки вонъ не высылать и какъ въ прожитіи его въ Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ, такъ и въ томъ купеческомъ его произведеніи, никакихъ обидъ и препятствіевъ отнюдь ему не чинить, но жить ему въ томъ ниж. г. Кіевѣ и торгъ свой въ лавкѣ въ ряду производить безъ всякого помѣшательства противъ прежняго непремѣнно; и о томъ о всемъ къ кіев. войту Войничу съ магистратомъ послать указъ".

II.

Изъ дѣла по жалобѣ кіев. магистрата на Игната Смородинова.

21-го сентября 1748 г. магистратъ подалъ ген.-губернатору Леонтьеву такое доношеніе:

„Солдатъ отставной Игнатъ Кузьмичъ Смородинъ, уповая на свое безмѣрное богатство, безъ вѣдома и воли магистратовой, все обманою лавкамы мѣщанскимы и угодіямы мѣскимы и поселеніями хуторнимы на власной землѣ мѣской пообладалъ и користуется, сказуя про себе: нѣкого де не боюся; и когда случается по скарги на

его отъ мѣщанъ ко расправѣ, яко человѣкъ купеческій, дабы становился, онъ всегда ослушенъ есть, о чемъ не единожди В. В. П-ву представляли устне и доношеніями, точію онъ единъ имѣя упоръ и непокореніе, яко богатой человѣкъ, нѣ на что не усмотруетъ и нѣ во что приказы магистратовіе вмѣняетъ, которіе ему, за силу высокомонаршихъ грамотъ и премощнѣйшихъ указовъ, посиланіе, чтобъ по претенсіямъ мѣщанъ кіевскихъ отвѣтствовалъ; да онъ же, не довольствуяся показанною обманною, въ противность всемил. грамотамъ и указамъ, въ лавки не едной, на обиду крайнюю мѣщанству, торги разніе отправляетъ.

Въ грамотахъ же монаршихъ меновите изображено: для помѣшательства и на обиду вмѣстѣ съ кіевскими мѣщаны великороссійскимъ не торговать; но онъ, Смородинъ, не вѣдаемъ въ какову надѣю, кромѣ что богатъ, исполненія не чинилъ и не чинитъ. Умилосердися Высокопревосходительство Ваше, съ покорностію просимъ, прекращаючи ослушность и самоволіе и явную продерзость Смородинову, приказать: первое-въ лавкахъ вмѣстѣ съ мѣщаны, какъ всемил. грамоты и указы повелѣваютъ, не торговать; второе—землями мѣщанскими и прочими угодіями мѣскими въ Преорцѣ по рѣчцѣ Сирцѣ, которими завладѣлъ, уступить, а надлежащій чи мѣсту, чи мѣщанству окладъ пополнить и крайне въ претенсіяхъ своихъ, буде каковіе на мѣщанахъ имѣются, раздѣлаться безъ отлагательства; третее—лавками, каковими завладѣлъ, мѣщанамъ привернуть, и гдѣ что отъ мѣщанъ ему доводится доправка по скарги его учинена быть имѣетъ".

Ген.-губернаторъ Леонтьевъ, въ разрѣшеніе этого ходатайства, приказалъ: 1) ежели отст. солдатъ Игнатъ Смородинъ неправильно мѣщанскими лавками и землями и прочими угодьями владѣетъ и буде добродѣтельнымъ порядкомъ раздѣлаться не пожелаетъ, то велѣть на него, Смородина, по порядку каждому обидимому суда искать и по указной формѣ челобитные подавать, гдѣ онъ Смородинъ судился, а именно въ Кіев. ген.-губ. канцеляріи, гдѣ тѣмъ челобитчикамъ указной судъ даванъ быть имѣетъ; 2) буде же онъ С. по какимъ либо законнымъ крѣпостямъ тѣми лавками и землями и прочими угодьями владѣетъ, то надлежитъ тѣмъ кіев. мѣщанамъ оныя лавки и земли и прочія угодья у него С. выкупить; 3) а чтобъ отнынѣ впредъ ни въ какія мѣщанскія и магистратскія лавки и земли и прочія угодья отнюдь ни подъ какимъ претекстомъ онъ С. не интересовался.

о томъ ему С. объявить съ подпискою; 4) а для чего онъ С. въ Кіевѣ ниж. городѣ на Подолѣ, въ противность указовъ, въ лавкахъ разными товарами торгуетъ и кѣмъ допущенъ и для чего кіев. мѣщане свои лавки для той торговли, вѣдая запретительные о неторгованіи великороссійскимъ людемъ указы, въ наемъ ему С. отдавали, о томъ кіев. магистрату изысканіе учинить; а отъ Кіев. ген.-губ. канцеляріи никогда ему С. такова дозволенія не было; однакожъ дабы онъ С. отнынѣ впредь отнюдь въ Кіевѣ ниж. г. на Подолѣ ничѣмъ въ лавкахъ, въ противность указовъ, не торговалъ, о томъ ему С-ну объявить съ подпискою жъ; 5) а чтобъ оному С. судимому быть въ кіев. магистратѣ, на того учинить невозможно, для того что онъ С. отставной солдатъ и по силѣ указовъ судимъ въ Кіев. ген.-губ. канцеляріи. И о томъ къ кіев. войту Войничу съ магистратомъ послать указъ".

Согласная съ этимъ приказаніемъ подписка и была взята со Смородина, при чемъ вмѣсто Игната Смородина „по его велѣнію сынъ его Романъ руку приложилъ".

III.

Просьба кіевскаго магистрата объ освобожденіи кіевскихъ мѣщанъ отъ назначенія изъ нихъ головъ къ продажѣ казенной соли.

29-го апрѣля 1770 г. кіевскій магистратъ подалъ генералъ-губернатору Воейкову такое доношеніе:

„Указомъ Е. И. В. изъ Кіев. губ канц., сего апрѣля 17 дня въ магистратъ кіевскій присланнымъ, состоявшимъ по указу Прав. сената, съ котораго при предложеніи В. В. П-ва въ оную губ. канц. приложена копія, велѣно отъ кіевскаго магистрата къ смотрѣнію и и продажѣ имѣющейся въ вѣдомствѣ оной губ. канц. казенной соли на нынѣшній 1770 годъ въ добавокъ назначеннымъ отъ той К. г. к. изъ великороссійскихъ купцовъ головою Новороссійской губерніи Крюковскаго шанца Ивана Слѣпаковкина, въ цѣловальники двоихъ, имѣющихъ свои жилые домы, еще и съ кіевскихъ мѣщанъ одного въ головы и четырехъ человѣкъ въ цѣловальники опредѣлить и съ надлежащимъ выборомъ и одобреніемъ въ оную губ. канц. прислать. А понеже по высокомонаршимъ сему магистрату и мѣщанамъ жалов. грамотамъ, каковы и всевысоч. отъ Е. И. В., за собственноручнымъ

Е. В. подписаніемъ, 1764 году ноября въ 5 д. жал. грамотою во всемъ подтверждены, всемил. повелѣно кіев. мѣщанъ ничѣмъ не отягощать и не убыточить и никакихъ съ нихъ кормовъ и поборовъ не имать, понеже оные кіев. мѣщане за всѣ свои вольныя употребленія платятъ въ казну ежегодно по шестисотъ рублевъ, а войтъ съ урядовыми управляютъ магистратъ и судъ майдебурской и строятъ нижній городъ Кіевъ; вслѣдствіе чего и по состоявшемуся прошлого 1733 г. въ Г. Кол. Ин. Д. опредѣленію и по посланной изъ оной же Ин. Кол. къ бывшему малорос. гетману Апостолу, по причинѣ бывшаго отъ его съ здѣшнихъ мѣщанъ наряду на линію работныхъ людей, того жъ 733 г. февраля 16-го д. грамотѣ велѣно, какъ тотъ съ здѣш. мѣщанъ на линію нарядъ отставить, такъ и впредь ни въ какіе наряды, каковы зъ Малой Россіи будутъ, кіев. мѣщанъ не включать, почему здѣш. мѣщане должны ни въ какіе бывшіе зъ Малой Россіи наряды, ровно жъ и къ состоящимъ въ вѣдомствѣ К. г. к. казеннымъ сборамъ и продажамъ никогда и опредѣляемы не были; сверхъ же того въ сей городъ Подолъ въ вѣдомство магистрата зъ Глухова привезено для продажи той же казенной соли не меньше, какъ и на К. губ. канц. возможно, къ продажѣ которой сюда привезенной соли отъ магистрата и нарочные изъ здѣш. мѣщанъ три человѣка опредѣлены и нынѣ дѣйствительно въ продажѣ той соли состоять; да и какъ опая соль здѣсь продажею весьма медлительно происходитъ, ибо съ начала привоза оной понынѣ продано только 1197 пуд., то оныхъ мѣщанъ, дабы чрезъ долговременное при той соли бытіе, лишась своихъ купеческихъ промысловъ, къ крайнему разоренію не могли подпасть, другими перемѣнить, а притомъ къ нимъ и еще нѣсколько человѣкъ ко удобнѣйшему той каз. соли продажи присовокупить необходимо слѣдоватиметъ; и такъ какъ указомъ Прав. сената препоручено В. В. П-ву сдѣлать распоряженіе, чтобъ къ содержанію и продажѣ въ Кіевѣ каз. соли употреблены были какъ кіев. мѣщане, такъ и жительствующіе здѣсь домами разныхъ городовъ великороссійскіе купцы; подъ именемъ же Кіевъ не единъ сей городъ Подолъ, но и Печерскъ и верхній городъ содержится, то вслѣдствіе онаго Прав. сената указа отъ стороны сего города въ продажи положенной на сей магистратъ каз. соли здѣш. мѣщане дѣйствительно уже и находятся, напротивъ же того въ тѣхъ обоихъ городахъ должны быть въ продажи состоящей въ вѣдомствѣ оной К. г. к. казенной соли жительствующіе тамо

великороссійскіе купцы и разночинцы, какъ оная соль найболѣе для довольствія ихъ, да и въ собственной ихъ же пользѣ тамо и учреждена; ибо ежели здѣш. мѣщанамъ и въ продажи той каз. соли быть, то какъ имъ самимъ мѣщанамъ съ крайнимъ будетъ отягощеніемъ, такъ и вышеписаннымъ высоко-монарш. сему городу жал. грамотамъ слѣдоватиметъ не безъ нарушенія; якожъ здѣш. мѣщане и кромѣ того, по нынѣш. воен. обстоятельствомъ, и такъ довольное и всегдашное имѣютъ отягощеніе, ибо, первое, что непрестанный и чрезвычайный содержанъ постой; второе, для препровожденія денежной казны, такожъ разныхъ колодниковъ, плѣнныхъ и конфедератовъ, въ конвой (которой прежнихъ годовъ наряжаемъ и даванъ былъ отъ сотен. кіев. правленія козаками) здѣш. жъ мѣщане и подгородніе жители употребляются; третее, по требованіямъ разныхъ воен. командъ здѣш. жъ мѣщанъ также употребляются въ казенныя работы и исправленія: рыбалки—въ лоцманы, портные и кушнеры почти уже цѣлой годъ къ шитью на обмундированіе рекрутъ мундировъ, а прочіе мастеровые въ разные жъ казенные исправленія; кои же съ здѣш. мѣщанъ знатнѣйшіе имѣются, тѣ отъ сего магистрата, какъ къ счету давнихъ годовъ оного магистрата книгъ распредѣлены, такъ и въ другія указныя и гродскія комиссіи и исправленія непрестанно употребляются, да и впредь къ таковымъ и другимъ случающимся комиссіямъ и исправленіямъ необходимо потребны будутъ; для того о всемъ томъ В. В. П-ву магистратъ кіев. чрезъ сіе представляя покорнѣйше проситъ, принявъ всѣ вышеписанныя обстоятельства во уваженіе, отъ наряду къ содержанію и продажѣ состоящей въ вѣдомствѣ К. г. кан. каз. соли въ головы и въ цѣловальники здѣш. мѣщанъ увольнить, а на сіе отъ В. В. П-ва сей магистратъ должность имѣетъ ожидать резолюціи".

Подписали: войтъ Григорій Пивоваровъ; бурмистры—Данило Величковскій, Аѳанасій Александровичъ, Козьма Кулешъ, Іосифъ В. Гудимъ, Іосифъ Ив. Гудимъ, писарь Яковъ Давидовскій и райцы—Іосифъ Козельскій и Герасимъ Кувечинскій.

Генералъ-губернаторъ по поводу этой просьбы магистрата входилъ съ представленіемъ въ Прав. сенатъ, какъ это видно изъ (чернового) предложенія его въ К. губ. канц. отъ 25-го мая, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ:

„А какъ и подлинно кіев. мѣщанамъ, по нынѣшнему военному времени, во всегдашнихъ отъ нихъ требованіяхъ разныхъ мастеровыхъ людей и обывательскихъ подводъ, а при томъ и въ содержаніи умноженной противъ прежняго почты, не безъ отягощенія состоитъ, къ тому жъ они казенную соль для продажи у себя уже имѣютъ, которая препоручена имъ отъ меня въ прошломъ 1769 году, то [1]), съ прописаніемъ вышеписаннаго, и представлено на разсмотрѣніе Прав. сенату съ тѣмъ, не повелѣно ль будетъ къ продажѣ той казен. соли опредѣлить въ головы и въ цѣловальники изъ купечества великороссійскихъ городовъ“.

IV.

Указъ Прав. сената ген.-губернатору Леонтьеву отъ 23-го апрѣля 1745 г. о великороссійскихъ купцахъ въ Малороссіи.

„Прав. сенату Ген. войск. канцелярія доношеніемъ объявляла: въ той де в. г. к. великоросійскіе купцы, которые въ Малой Россіи никакихъ грунтовъ и угодій собственныхъ не имѣютъ, а живучи такъ для купеческого своего промысла, въ собственныхъ и наемныхъ домѣхъ, исправляютъ свое купечество, а въ великороссійскихъ же городахъ всякія подати въ казну и рекрутъ даютъ, просили, чтобъ ихъ ко всякимъ общенароднымъ тамо тягостямъ съ малороссіяны не привлекать, а указовъ де оные купцы изъ тѣхъ городовъ, гдѣ ихъ жительство, не имѣютъ, и требовала указу—оныхъ купцовъ съ малороссіяны ко всякимъ тамошнимъ податямъ и повинностямъ привлекать ли? тако жъ тѣмъ купцамъ у малороссійскихъ ли старшинъ или великороссійскихъ командировъ вѣдомымъ судомъ и расправою быть? И по указу Е. И. В. Прав. сенатъ *приказали*: великорос. купцовъ, которые въ Мал. Россію пріѣзжаютъ для купеческаго своего промыслу, купя или нанявъ у тамош. малорос. жителей домы для складки къ бываемымъ въ М. Россіи ярмолкамъ товаровъ или для пріуготовленія въ отпускъ къ россійскимъ портамъ, и ихъ прикащиковъ и работниковъ ни къ какимъ тамошнимъ общенароднымъ тягостямъ и податямъ отнюдь никакъ не привлекать, ибо они, какъ выше объявлено, съ товаровъ своихъ платятъ вездѣ пошлину по уставамъ,—и того ради покупные имъ дворы имѣть и нанимать запрещать и ни къ какимъ тамошнимъ

малороссійскимъ тягостямъ и податямъ принуждать и тѣмъ ихъ отъ распространенія въ М. Россіи купечества, которой народу Малороссійскому не безполезенъ, тако жъ и отъ индуктного платежа отлучать не можно; а которые великорос. купцы въ М. Россіи торгуютъ и живутъ всегда, у тѣхъ спрашивать дозволительныхъ объ ихъ въ М.-Россію для торгового промыслу отъѣздѣ надлежащихъ изъ городовъ указовъ и въ платежѣ подушныхъ по тѣмъ городамъ денегъ и прочихъ поборовъ квитанцій повсягодно, по которымъ съ тѣми мѣстами, изъ которыхъ указы или квитанціи объявлять будутъ, имѣть справки; и ежели о которыхъ покажется какое сумнительство, оныхъ тамо до торговъ не допускать, а высылать для подлинныхъ справокъ въ тѣ города; а къ общенароднымъ малороссійскимъ тягостямъ и поборамъ такожде ихъ не привлекать, понеже они (какъ выше показано) всякіе казенные подати платятъ въ великороссійскихъ городѣхъ; а судомъ и расправою, кромѣ розыскныхъ и убивственныхъ дѣлъ, тѣмъ великорос. купцамъ между собою быть вѣдомымъ въ Кіевѣ въ губ. канц., а въ Глуховѣ и въ полкахъ у великорос. комендантовъ, а гдѣ комендантовъ нѣтъ, то у великороссійскихъ же и малороссійскихъ полковниковъ въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ; а въ розыскныхъ и убивственныхъ дѣлахъ въ министерской и К. губ. канцеляріяхъ; а на малороссійскихъ жителей въ обидахъ, такожъ и малороссіянамъ на нихъ великорос. купцовъ бить челомъ по силѣ рѣшительныхъ и данныхъ гетману Апостолу пунктовъ въ тамошнихъ судехъ, гдѣ надлежитъ, по порядку; и г. генералу и кав. и Кіев. губ. ген.-губернатору Леонтьеву о томъ вѣдать и чинить по сему Е. И. В. указу; а въ М. Россію въ Г. в. к. указъ о томъ изъ сената посланъ".

Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова.

Жизнь и поэзія Михаила Юрьевича Лермонтова, чествованію памяти котораго посвящается настоящее торжественное засѣданіе Историческаго общества Нестора лѣтописца, привлекли особенное вниманіе русскаго общества со дня полувѣковой годовщины преждевременной смерти поэта, 15 іюля настоящаго года. Выдающейся поминкой по поэтѣ явились многочисленныя и разнообразныя изданія его сочиненій, въ которыхъ помѣщены не только всѣмъ извѣстныя произведенія поэта, но и его наброски и юношескіе опыты. Все это, правда, сдѣлалось извѣстнымъ русской читающей публикѣ еще раньше: журналы давно уже стали знакомить публику съ этими набросками и юношескими произведеніями геніальнаго поэта; давно уже поднятъ былъ вопросъ о болѣе исправномъ изданіи сочиненій Лермонтова, которыя издавались не съ достаточной точностью; давно уже поднятъ былъ болѣе важный вопросъ о научномъ изученіи жизни и литературной дѣятельности поэта. Мы имѣемъ нѣсколько такихъ цѣнныхъ опытовъ изученія жизни и поэзіи Лермонтова; но по самому свойству матеріаловъ—при крайней скудости писемъ, при незначительности и спутанности большинства воспоминаній о Лермонтовѣ,—сочиненія поэта остаются главнымъ источникомъ для изученія его жизни и поэзіи. Литературная дѣятельность Лермонтова была кратковременна; но талантъ его успѣлъ выразиться въ разнообразныхъ произведеніяхъ. Среди этихъ произведеній видное мѣсто занимаютъ историческіе и народно-бытовые сюжеты, на которыхъ я имѣю въ виду остановиться въ настоящемъ чтеніи.

Въ 1837 году, въ одинъ годъ съ извѣстнымъ стихотвореніемъ „На смерть Пушкина", Лермонтовъ написалъ двѣ замѣчательныя пьесы въ русскомъ народномъ стилѣ: „Бородино" и „Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова". Ни раньше, ни позднѣе Лермонтовъ не представилъ ничего подобнаго по силѣ творчества, по замѣчательному соотвѣтствію съ народными произведеніями, съ народной исторіей. Раннія произведенія Лермонтова въ народномъ стилѣ далеки отъ пьесъ 1837 года; собственныя признанія поэта, на которыхъ мы остановимся дальше, показываютъ, что ни въ дѣтствѣ, ни въ отрочествѣ онъ не слыхалъ сказокъ народныхъ и только около 1830 года высказывалъ желаніе „вдаться въ поэзію народную". Къ сожалѣнію, біографическія данныя о Лермонтовѣ не даютъ разъясненій,—какимъ путемъ пришелъ поэтъ къ болѣе точному воспроизведенію народныхъ и историческихъ сюжетовъ: путемъ ли непосредственнаго соприкосновенія, знакомства съ народной средой, путемъ ли научнаго изученія народной жизни, поэзіи и исторіи; или путемъ подражанія предшествующимъ и современнымъ поэтамъ, напр. Пушкину.

Оригинальность стихотворенія „Бородино" и „Пѣсни о царѣ Иванѣ Васильевичѣ" не позволяютъ остановиться на одномъ послѣднемъ объясненіи. Конечно, блистательный примѣръ Пушкина въ художественномъ воспроизведеніи народно-поэтическихъ сюжетовъ долженъ былъ оказать вліяніе и на Лермонтова; выборъ темъ, независимо отъ Пушкина, могъ обусловливаться и вліяніемъ другихъ русскихъ писателей,—менѣе талантливыхъ. Но еще болѣе значенія въ литературной дѣятельности Лермонтова въ этомъ отношеніи должны были имѣть непосредственныя занятія его русской народной поэзіей, русской исторіей и, быть можетъ, отчасти и собственныя наблюденія надъ народною жизнью.

Какъ ни скудны біографическія данныя о деревенской жизни Лермонтова до 14-лѣтняго возраста въ селѣ Тарханахъ Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда, кое-что однако мы находимъ въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ и отрочествѣ Лермонтова и еще болѣе въ его собственныхъ произведеніяхъ. Изъ нѣкоторыхъ разсказовъ о дѣтствѣ Лермонтова мы узнаетъ, что на святкахъ каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, пѣли пѣсни, плясали, иг-

рали [1]). Слѣдовательно, хотя-бы только на святкахъ Лермонтовъ могъ еще въ дѣтствѣ познакомиться и съ народными пѣснями, и съ народными играми, обрядами. Но онъ могъ слышать пѣсни и сказки и въ другое время, играя съ однолѣтками изъ дворовыхъ мальчиковъ въ воинскія игры, въ разбойниковъ [2]). Можетъ быть Лермонтовъ не придавалъ значенія этому непосредственному воспріятію русской народной поэзіи, когда въ 1830 году записалъ: „если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ея искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ. Какъ жалко, что у меня была мамушкой нѣмка, а не русская — я не слыхалъ сказокъ народныхъ: въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“ [3]). Вѣроятно, эта замѣтка относится къ тому времени, когда домашній учитель въ подмосковномъ селѣ Середниковѣ, Орловъ, обратилъ вниманіе Лермонтова на болѣе важное значеніе русской народной поэзіи, на ея изученіе въ тогдашней русской литературѣ [4]). Конечно, такихъ народныхъ былинъ и пѣсенъ, какія были изданы еще въ 1804 и въ 1818 гг., подъ названіемъ „Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ“, Лермонтовъ могъ и не слыхать въ дѣтствѣ.

Въ небольшомъ отрывкѣ изъ начатой повѣсти, которому придаютъ автобіографическое значеніе, юный герой слушалъ „сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури“ [5]). Мы увидимъ дальше, какъ часто пользовался Лермонтовъ т. н. разбойничьими пѣснями.

Не остался безъ вліянія на юнаго Лермонтова и пейзажъ нѣкоторыхъ мѣстностей какъ Пензенской губерніи, такъ и сосѣднихъ

---

[1]) Сочиненія М. Ю. Лермонтова, изд. подъ ред. П. А. Висковатова, 1891 г., т. VI, стр. 18 (всѣ дальнѣйшія ссылки относятся къ этому изданію).

[2]) Тамъ же, стр. 22—23.

[3]) Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 114.

[4]) Сочиненія Лермонтова, т. VI, стр. 90.

[5]) Сочиненія Лермонтова, V, стр. 368—369.

губерній. Въ исторической повѣсти 1831—32 гг., подъ названіемъ „Горбачъ—Вадимъ", Лермонтовъ такъ описываетъ Чортово-Логовище: „до сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, *Пензенской* и Саратовской губерній... любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и впослѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе Елизаветы Петровны.... Во времена, нами описываемыя, эти пещеры не были еще, *какъ теперь*, завалены сухими листьями и хворостомъ". Далѣе описываются болото, луговина, оврагъ и курганы. При этомъ Лермонтовъ замѣчаетъ: „слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя *человѣкъ непривыкшій къ степной жизни, воспитанный на бульварахъ*, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ" [6]).

Я уже говорилъ, что раннія произведенія Лермонтова въ народномъ духѣ, особенно до 1830 года, далеки отъ пьесъ 1837 года. Въ стихотвореніи 1829 года „Преступникъ", написанномъ подъ вліяніемъ „Братьевъ Разбойниковъ"—Пушкина (напечатанныхъ въ 1825 году въ „Полярной Звѣздѣ" и отдѣльно въ 1827 году), не смотря на то, что выступаетъ „атаманъ честной", народно-бытоваго элемента нѣтъ, если не считать двухъ—трехъ выраженій: „добрыхъ молодцовъ", „волюшки". Между тѣмъ въ 1825 году Пушкинъ, собиравшій въ уединеніи села Михайловскаго народныя пѣсни и сказки, изучавшій со вниманіемъ „Исторію Государства Россійскаго", напечаталъ уже „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ" (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1825 г.); въ 1827 году—пьесу „Женихъ" (въ Московскомъ Вѣстникѣ); въ 1828 году—„Зимнюю дорогу" (тамъ же) и извѣстный прологъ къ „Руслану и Людмилѣ", въ которомъ въ плѣнительныхъ чертахъ представилъ нѣкоторыя стороны русскихъ народныхъ сказокъ; наконецъ въ 1829 году, въ Московскомъ Вѣстникѣ Пушкинъ напечаталъ „Утопленника", назвавъ его „простонародной пѣсней, простонародной сказкой". Мы говоримъ о печатныхъ произведеніяхъ Пушкина, которыя могли быть извѣстны и Лермонтову; около этого же времени Пушкинъ достигъ такого совершенства въ обладаніи формой и духомъ „простонарод-

[6]) Сочиненія Лермонтова, т. V, стр. 71—74.

ныхъ пѣсенъ, сказокъ", какое выразилось, напр., въ начатой сказкѣ о медвѣдихѣ съ медвѣжатами. А Лермонтовъ и въ 1829 году еще далекъ отъ народно-поэтическаго стиля въ своей „Русской Мелодіи", даже въ этихъ стихахъ:

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный, и свободный!...[7]).

Какъ видно Лермонтова привлекалъ въ это время не столько Пушкинъ съ своими народно-поэтическими художественными созданіями, сколько Рылѣевъ[8]) съ извѣстными въ свое время „Думами". Эти думы не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ народной поэзіи ни по формѣ, ни по содержанію. О направленіи своей поэзіи Рылѣевъ говоритъ въ посланіи къ Бестужеву: „я не поэтъ, а гражданинъ". Въ 1829 году Лермонтовъ набрасываетъ отрывокъ „Олегъ" совершенно въ стилѣ „Думъ" Рылѣева съ такимъ же выраженіемъ общественныхъ и гражданскихъ идеаловъ:

Ахъ! было время, время боевъ[9]),
На милой нашей сторонѣ!
Гдѣ-жъ тѣ года?...
....тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ.

Замышляя въ этомъ „Олегѣ"—„начертать временъ былыхъ простую повѣсть", Лермонтовъ не владѣлъ еще ни формой, ни содержа-

---

[7]) Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 36.—Ср. Романсъ" 1829 г. (тамъ же., стр. 28):

Снѣга и вихрь зимы холодной,
Горячій взоръ московскихъ дѣвъ,
И балалайки звукъ народной.

Послѣдніе стихи этого „Романса" напоминаютъ извѣстные стихи Пушкина: „А колокольчикъ однозвучный Звенѣлъ, звенѣлъ и пропадалъ".

[8]) Сочиненія Лермонтова, т. VI. П. А. Висковатый въ Біографіи поэта нѣсколько разъ упоминаетъ Рылѣева, который находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Столыпиными-родственниками Лермонтова (VI т., 84 стр.); идеи котораго могли имѣть и вліяніе на Лермонтова (стр. 119); послѣдній передѣлалъ пѣсню Рылѣева (184 стр.).

[9]) Ср Сочиненія Рылѣева, 1872 г., стр. 6—9 „Олегъ Вѣщій":

„Сгорая пылкой жаждой боевъ". Это боевъ—въ рифму съ „героевъ", какъ и у Лермонтова.

ніемъ народно-былевыхъ созданій. Достаточно привести слѣдующее описаніе героевъ:

Они на темносизыхъ тучахъ
Разнообразною толпой
Летятъ. Щиты въ рукахъ могучихъ,
Ихъ тѣшитъ бурь знакомый вой.
Сплетаясь цѣпію воздушной,
Они вступаютъ въ грозный бой.
Я зрѣлъ ихъ смутною душой,
Я имъ внималъ не равнодушно.
На мнѣ была тоски печать,
Бездѣйствіемъ терзалась совѣсть [10]).

Еще рѣзче вліяніе Рылѣева сказывается въ небольшомъ стихотвореніи 1830 года,—„Новгородъ“ [11]). Къ этому мотиву Лермонтовъ возвращается еще въ 1832 г. въ стихотвореніи, замѣчательномъ уже по выработкѣ формы:

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель. Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя столѣтій перемѣны
Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И столько гордыхъ думъ увлекъ въ свое паденье!
Скажи мнѣ, Новгородъ, ужель ихъ больше нѣтъ [12])?

Вліяніе Пушкина, но въ той же мѣрѣ, какъ и въ названной выше пьесѣ „Преступникъ“, сказывается у Лермонтова еще въ стихотвореніи 1829 года „Два сокола“ и въ пьесѣ 1830 г. „Гость“. Въ стихотвореніи „Два сокола“ видно вліяніе Пушкинскаго стихотворе-

---

[10]) Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 19.

[11]) Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 132. Въ примѣчаніи указаны намеки на Аракчеева и военныя поселенія.

[12]) Тамъ-же, стр. 236.

нія „Два ворона“ [13]), а въ пьесѣ „Гость“ вліяніе „Утопленика“ Пушкина, при чемъ Лермонтовъ пользуется тѣмъ же размѣромъ и даже нѣкоторыми выраженіями. Но народно-бытоваго элемента, который такъ замѣчательно выражается въ „Утопленикѣ“ Пушкина, въ „Гостѣ“ Лермонтова почти нѣтъ, такъ какъ сюжетъ пьесы безцвѣтенъ.

Историческія и народно-бытовыя темы, которыя Лермонтовъ пробовалъ разрабатывать въ раннюю пору своей литературной дѣятельности относятся къ періоду времени отъ 1829 до 1832 года. Это было время жизни Лермонтова въ Москвѣ,—время его пребыванія въ Благородномъ университетскомъ пансіонѣ и въ Московскомъ университетѣ.

Несомнѣнно, что въ этотъ московскій періодъ жизни Лермонтовъ, подъ вліяніемъ профессоровъ, сотоварищей-студентовъ и тогдашней русской литературы, обратилъ особенное вниманіе на изученіе русской исторіи и русской народной поэзіи. Достаточно назвать имена такихъ профессоровъ, какъ Мерзляковъ, писавшій романсы и пѣсни въ русскомъ народномъ стилѣ, Снегиревъ, занимавшійся русскими народными пословицами, пѣснями и лубочными картинками, Погодинъ, пробовавшій свои силы не только въ научныхъ изслѣдованіяхъ, но и въ художественномъ воспроизведеніи русской старины, Надеждинъ, извѣстный впослѣдствіи этнографъ, издатель Телескопа, въ которомъ помѣщались статьи по русской народной поэзіи, Каченовскій, въ Вѣстникѣ Европы котораго помѣщались такія же статьи. Быть можетъ на Лермонтова оказывали вліяніе и такіе сотоварищи по университету, какъ Кирѣевскій, Константинъ Аксаковъ, Бѣлинскій, Владиміръ

---

[13]) Напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1829 г. Бѣлинскій называетъ это стихотвореніе Пушкина передѣлкой баллады Вальтеръ-Скотта; по замѣчанію г. Поливанова (Сочиненія Пушкина, М. 1887 г., т. I, стр. 275), подобной баллады у Вальтеръ-Скотта не оказывается. Однако въ Московскомъ Телеграфѣ 1830 г. (ч. 32, стр. 441) помѣщено стихотвореніе Ротчева, подъ заглавіемъ „Два ворона“—„изъ Шотландскихъ пѣсенъ, собранныхъ В. Скоттомъ“. Стихотвореніе Пушкина представляетъ близкое отношеніе къ этому переводу Ротчева, и самъ Пушкинъ назвалъ свое стихотвореніе „Шотландской пѣсней“. Но мы не могли провѣрить перевода Ротчева. Указаніе Шевырева на отношеніе „Казачьей колыбельной пѣсни“ Лермонтова къ колыбельной пѣсенкѣ В. Скотта: Lullaby of an infant chief (См. Москвитянинъ, 1841 г., ч. II, стр. 534) подтверждается изд. Вальтеръ-Скотта: The complete poetikal and dramatic works of S. Walter-Skott. New Jork, 1885, III, 365—366.

Пассекъ, и друг. Въ драмѣ Лермонтова 1831 г. „Странный человѣкъ“ находимъ разсужденія студентовъ на тему — „когда-то русскіе будутъ русскими?“ [14]). Если Лермонтовъ прислушивался къ подобнымъ разсужденіямъ студентовъ, среди которыхъ были будущіе изслѣдователи по русской исторіи, по этнографіи, по народной поэзіи, представители славянофильства и западничества, то, быть можетъ, Москвѣ и Московскому университету Лермонтовъ по преимуществу былъ обязанъ болѣе серіознымъ знакомствомъ съ русской народной поэзіей, съ русской исторіей. Еще болѣе вліянія на литературную дѣятельность Лермонтова въ эту раннюю пору надо признать за русской журналистикой тогдашняго времени. Изучая произведенія Лермонтова въ связи съ русской жизнью и съ русской литературой, невольно наталкиваешься на выборъ имъ темъ и сюжетовъ, если уже не говорить о подражаніи, изъ русской журналистики, хотя позднѣе поэтъ и дѣлаетъ извѣстный отзывъ о русскихъ журналахъ своего времени:

Стихи—такая пустота:
Слова безъ смысла, чувства нѣту...
Возьмешь ли прозу?—переводъ,
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,—
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ? [15]).

Но связь этихъ незамѣтныхъ, слабыхъ произведеній текущей журналистики съ произведеніями выдающихся талантовъ извѣстнаго времени несомнѣнна. Эту связь можно отмѣтить и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, Гоголя, и друг. [16]). Для изслѣдователя ли-

---

[14]) Сочиненія Лермонтова, т. 4, стр. 203.

[15]) Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 290.

[16]) Припомнимъ извѣстное отношеніе „Полтавы“ Пушкина къ поэмѣ Рылѣева „Войнаровскій“. См. Сочиненія Пушкина, изд. Поливанова, т. 2. стр. 149, и далѣе. Укажемъ интересное отношеніе типа Плюшкина—Гоголя къ типу купца Груздева—„величайшаго скряги“ въ романѣ (изъ Иркутскихъ преданій) И. Калашникова: „Дочь купца Жолобова“, 1831 г. Цитуемъ этотъ романъ по 3 изд., 1842 г., ч. I, стр. 44, 45, 46;—53—56. Ср. описаніе безпорядка въ горницѣ Груздева съ описаніемъ комнаты Плюшкина и разговоръ его съ Маврой съ разговоромъ купца Груздева съ Лукерьей Савишной. Современемъ, быть можетъ, такихъ отношеній „Мертвыхъ Душъ“ Гоголя къ русскимъ повѣстямъ изъ провинціальной жизни—откроется и болѣе.

тературы въ этомъ отношеніи открывается интересное взаимодѣйствіе литературныхъ силъ, преемственность въ разработкѣ извѣстныхъ темъ въ кругу собственной литературы, помимо широкаго и болѣе важнаго въ другихъ отношеніяхъ вліянія иноземныхъ литературъ. Выдающимся примѣромъ такого вліянія на произведенія Лермонтова можетъ служить повѣсть Шидловскаго, подъ названіемъ „Пригожая Казначейша“ (сцены уѣзднаго города), помѣщенная въ Библіотекѣ для Чтенія 1835 г. (т. IX; стр. 127—147; цензурная помѣта 27 февраля), имѣющая непосредственное отношеніе къ поэмѣ Лермонтова 1836 г. „Казначейша“ [17]). Въ юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова эта связь съ сюжетами, встрѣчающимися въ русской журналистикѣ, еще замѣтнѣе. Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1830 г. мы находимъ статью „Панорама Москвы“ (съ историческими воспоминаніями); въ „Телескопѣ“ 1831 г. стихотвореніе Грилуннаго „Московскій Кремль“; отрывокъ изъ сказанія о Мстиславѣ—Вельтмана [18]) и подобныя же произведенія и наброски находимъ и у Лермонтова [19]). Въ русскихъ журналахъ двадцатыхъ и первой половины тридцатыхъ годовъ нерѣдко встрѣчаемъ переложенія народныхъ пѣсенъ, богатырскихъ сказокъ, историческія повѣсти [20]), не говоря уже объ из-

---

[17]) Герой романа—армін отставной поручикъ, прибытіе котораго въ уѣздный городъ сдѣлало эпоху (стр. 136), долго ухаживаетъ за скромной на видъ казначейшей, пока наконецъ похищаетъ ее отъ „неудалаго и скупаго“ мужа (130 стр.). Сходство замѣчается и въ частностяхъ: „Онъ о погодѣ говоритъ. Она—„да-съ“, „нѣтъ-съ“ и замолчитъ“; ср. въ повѣсти, стр. 137—138. Кромѣ того, въ поэмѣ Лермонтова отражается вліяніе „Евгенія Онѣгина“ Пушкина, преимущественно со стороны внѣшней формы. Ср. Современникъ, т. LIX, отд. Ш, стр. 16. Здѣсь указано отношеніе „Послѣдняго Новоселья“ Лермонтова къ одной изъ статей Московскаго Наблюдателя. „Лермонтовъ буквально переложилъ слова (журнала) въ стихи“.

[18]) Князь Мстиславъ является у Вельтмана еще въ романѣ „Кощей Безсмертный“. Отрывокъ изъ сказаній о Мстиславѣ помѣщенъ въ Моск. Телегр. 1831 г., № 21.

[19]) Сочиненія Лермонтова, т. 5, стр. 435 „Панорама Москвы“ 1833 г.; т. 1, стр. 194 и т. 2, стр. 177—178 (Кремль); т. 4, стр. 2—7 (Мстиславъ Черный).

[20]) См. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1891 г., № 2, отд. 2, стр 420—421. Въ „Другѣ Просвѣщенія“ 1804 г., ч. 3. „Добрыня“ Львова—поэма близкая по своему стиху къ „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ“ Лермонтова. „Сынъ Отечества“ 1831 г. отрывокъ изъ поэмы „Мечиславъ и Рослана“; 1833 г. отрывки изъ романа „Князь Курбскій“; 1836 г. Н. Прокоповича стихотв. изъ Кирши Данилова о „Садкѣ“. „Московскій Наблюдатель“ 1835 г. Н. Полеваго „Пиръ Святослава“—подражаніе Слову о Полкѣ Игоревѣ; 1836 г.

вѣстныхъ выдающихся произведеніяхъ въ народномъ стилѣ Пушкина, Жуковскаго, Кольцова, Даля, и др. Въ Московскомъ Телеграфѣ Н. Полеваго еще въ 1830 году указывалось на распространенность въ русской литературѣ переложеній русскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ:

Вѣдь мы народность оживляемъ!...
Болтать, пѣть пѣсни заставляемъ;
Потомъ на новый ладъ кроимъ
Бывалой старины забавы [21]).

Въ этой пародіи, относящейся, вѣроятно, къ подражателямъ Пушкина, напечатаны и „старыя русскія пѣсни“, между прочимъ прекрасная пѣсня „Не шуми мати зеленая дубровушка“. Въ переложеніи этой пѣсни какъ будто уже указывается матеріалъ для картины суда и казни надъ буйнымъ молодцемъ при Іоаннѣ Грозномъ. Замѣчательно, что вмѣсто пѣсенной висѣлицы царь присуждаетъ молодцу—„для головы—топоръ готовый“—подробность пѣсни Лермонтова о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 года [22]) находимъ народную колыбельную пѣсню подобную той, ко-

---

8 и 9 части: отрывки изъ сказаній объ Ольгѣ,—княгини З. А. Волконской. Приведемъ для образца изъ этихъ отрывковъ хотя слѣдующее подражаніе народной пѣсни:

Изъ за холма, холма темно-сѣннаго
Не орелъ съ орлятами выпархивалъ..

8 ч., стр. 295; у нея же (9 ч., стр. 329)—надгробная пѣснь Славянскаго гусляра. Кстати, отмѣтимъ романы и повѣсти, посвященные эпохѣ Іоанна Грознаго, которую Лермонтовъ затрагиваетъ въ „Боярынѣ Оршѣ“ и въ „Пѣснѣ о Калашниковѣ“: 1831 г. Гарольдъ и Елизавета или вѣкъ Іоанна Грознаго, историч. романъ Эртеля 2 ч. Спб. 1833 г. Малюта Скуратовъ или 13 лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго, историч. романъ XVI в. 2 ч. М.; 1834 г. Ермакъ или покореніе Сибири П. Свиньина, 4 ч., Спб.; Япанча татарскій пѣздникъ, или завоеваніе Казани Царемъ Іоанномъ Грознымъ—Москвичина М.; Шигоны, русская повѣсть XVI в.; Повѣсти изъ русск. народныхъ преданій М. Н. Макарова стр. 108 „Филиппъ Щетининъ и Мадлена Тарновская“. Припомнимъ драму Хомякова 1826 г. „Ермакъ“. Надеждинъ въ „Телескопѣ“ 1836 г. (ч. XXXI) говоритъ о вѣкѣ Іоанна Грознаго: „Вѣкъ царя Грознаго—золотое утро русской народной словесности... драгоцѣннѣйшіе перлы истинной русской поэзіи. Этотъ вѣкъ завѣщалъ намъ столько прекрасныхъ пѣсень, воспѣвающихъ паденіе Казани и Астрахани... шепчущихъ про ужасы опричнины... Грозный главный герой и единственный двигатель въ дивной поэмѣ своего царствованія“.

[21]) Новый Живописецъ общества и литературы 1830 г., стр. 137.

[22]) Московскій Телеграфъ 1831 г., часть 37, стр. 542–544.

торую Лермонтовъ помѣстилъ въ своей поэмѣ „Мстиславъ“. Полевой указываетъ на эту пѣсню: „вотъ истинная поэзія неподдѣльная оригинальность Русскаго ума“. Эти пѣсни были извѣстны въ печати уже съ конца XVIII ст. въ изданіяхъ Чулкова, Новикова, Дмитріева, Попова, Якубовича, Калайдовича и др. Быть можетъ, изъ этихъ изданій Лермонтовъ и заимствовалъ народную пѣсню о „Татарскомъ полонѣ“, которую вставилъ въ сюжетъ драмы о Мстиславѣ Черномъ [23]). Пѣсню эту нельзя считать переложеніемъ Лермонтова, такъ какъ и въ 1831 году, перелагая народную пѣсню о Стенькѣ Разинѣ, утопившемъ въ Волгѣ свою любимую красавицу, Лермонтовъ далекъ еще отъ вполнѣ вѣрнаго воспроизведенія народной поэзіи, народнаго быта. Отмѣтимъ хотя слѣдующія мѣста:

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!.. лекарство то месть!...
И заплачу ль, какъ плачетъ
Любовникъ другой?..
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?...
Отнынѣ онъ чистой водой
Боится ужъ руки умыть [24]).

Также слабо воспроизводитъ народные мотивы и „Русская пѣсня“ Лермонтова 1831 года [25]).

Извѣстно, что въ произведеніяхъ Лермонтова много повтореній однихъ и тѣхъ же мотивовъ, однихъ и тѣхъ же типовъ и въ по-

---

[23]) Сочиненія Лермонтова, т. IV, стр. 5. Мы не имѣли возможности провѣрить пѣсню Лермонтова по рѣдкимъ въ настоящее время изданіямъ Чулкова, Новикова и др. Въ извѣстномъ изданіи „Пѣсенъ, собран. П. В. Кирѣевскимъ“ въ VII выпускѣ приводится 14 варіантовъ пѣсни о „Татарскомъ полонѣ“; но изъ нихъ только одинъ варіантъ, записанный г-жей Кохановской въ Харьковской губерніи, до нѣкоторой степени совпадаетъ съ пѣснею Лермонтова. Если тожественной пѣсни не находится въ сборникахъ, издан. съ конца XVIII ст., то остается предположить, что Лермонтовъ могъ самъ записать эту пѣсню отъ дворовыхъ людей своей бабушки, изъ Пензенской губ.

[24]) Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 162—165.

[25]) Тамъ же, стр. 212. Подобныя „русскія пѣсни“ Лермонтовъ называетъ въ это время и „романсами“ (ср. тамъ же, стр. 219).

эмахъ, и въ лирическихъ произведеніяхъ [26]). „Бородино“ 1837 года извѣстно уже въ первоначальномъ видѣ въ 1830 году; „Казачьей колыбельной пѣснѣ“ 1840 года предшествуютъ: „Баллада“ 1830 года и упомянутая народная колыбельная пѣсня. Какъ ни одиноко стоитъ „Пѣсня“ о купцѣ Калашниковѣ среди произведеній Лермонтова, какъ ни мало мы знаемъ о ея происхожденіи [27]), о ея первоначальныхъ наброскахъ,—тѣмъ не менѣе можно найти кое-что въ раннихъ произведеніяхъ Лермонтова и для исторіи этой „Пѣсни“. Какъ увидимъ дальше, „Пѣсня“ о Калашниковѣ имѣетъ непосредственное отношеніе въ деталяхъ къ т. н. разбойничьимъ пѣснямъ. Припомнимъ еще, что вся „Пѣсня“ излагается отъ лица пѣвцовъ-гусельщиковъ, что однимъ изъ главныхъ героевъ является удалой боецъ Калашниковъ, надъ могилой котораго насыпали бугоръ и поставили кленовый крестъ; „пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится... пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку“. Эти образы пѣвцовъ, бойца и его могилы, грустные мотивы разбойничьихъ пѣсенъ встрѣчаются у Лермонтова уже въ раннихъ произведеніяхъ, начиная съ 1830 года. Въ „Пѣснѣ Барда“ 1830 года представляется сѣдой пѣвецъ съ гуслями за спиной [28]). Народный пѣвецъ является и въ упомянутой „Русской мелодіи“ 1829 года. Пѣвецъ же родной страны упоминается въ „Могилѣ бойца“[29]). Сюжетъ драмы „Мстиславъ Черный“ заканчивается, подобно „Пѣснѣ“ о Калашниковѣ, смертью бойца, который „умирая проситъ, чтобы надъ нимъ поставили крестъ и чтобы разсказали его дѣла какому-нибудь пѣвцу, чтобы этой пѣснью возбудить жаръ любви къ

---

[26]) Ср. Измаилъ-Бей, Хаджи-Абрекъ, Мцыри, Бояринъ Орша. См. прекрасную статью А. Д. Галахова въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858 г., т. XVI.

[27]) Сочиненія Лермонтова, изд. Гербекъ, 1891 г., т. II, стр. 408—409. Редакторъ изданія сообщаетъ: „покойный Краевскій разсказывалъ намъ, что на его письмо относительно блестящаго успѣха „Пѣсни“ Лермонтовъ отвѣчалъ, что хотя ею восторгаются, а не знаютъ, что онъ набросалъ ее отъ скуки, чтобъ развлечься во время болѣзни, не позволявшей ему выходить изъ комнаты“. Біографъ Лермонтова высказываетъ предположеніе, что поэтъ—задумалъ „Пѣсню“ уже въ 1836 г. Сочиненія Лермонтова, изд. П. А. Висковатова, т. VI, стр. 225. Дѣйствительно, можно предполагать о такомъ болѣе раннемъ происхожденіи „Пѣсни“ и вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣрять свидѣтельству самого поэта, который не отличался откровенностью въ отзывахъ о своихъ произведеніяхъ.

[28]) Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 122.

[29]) Тамъ же, стр. 131.

родинѣ въ душѣ потомковъ“ [30]). Въ „Балладѣ“ 1830 года славянка юная поетъ надъ колыбелью сына:

Отецъ твой сталъ за честь и Бога
Въ ряду бойцовъ противъ Татаръ.

Боецъ Лермонтова одушевленъ местью или къ врагамъ родины, какъ Мстиславъ, или къ личнымъ врагамъ, какъ Арсеній въ „Литвинкѣ“, или бояринъ Орша въ поэмѣ того же названія. Этотъ образъ бойца былъ особенно близокъ душѣ Лермонтова, мечтавшаго съ раннихъ лѣтъ о геройскихъ подвигахъ, о сильныхъ энергическихъ натурахъ. Въ стихотвореніи „Желаніе“ 1831 года поэтъ называетъ себя „послѣднимъ потомкомъ отважныхъ бойцовъ“, вспоминая происхожденіе своихъ предковъ изъ Шотландіи [31]). Точно также много субъективнаго и въ представленіи кровавой могилы, кургана, которыхъ Лермонтовъ ожидаетъ для себя въ стихотвореніи 1831 года, 11 іюля,—стихотвореніи замѣчательномъ уже по внѣшней отдѣлкѣ. Въ „Завѣщаніи“ 1830 года—въ прозѣ, а въ „Завѣщаніи“ 1831 г. въ стихахъ Лермонтовъ говоритъ:

Могилѣ той не откажи
Ни въ чемъ, послѣдуя закону:
Поставь надъ нею крестъ изъ клену,
И дикій камень положи...
Мой крестъ пришельца привлечетъ [32]).

Мотивы т. н. разбойничьихъ пѣсенъ передаются у Лермонтова въ упомянутомъ стихотвореніи „Атаманъ“ и въ стихотвореніи „Воля“ 1831 года; послѣднее стихотвореніе Лермонтовъ помѣстилъ въ исторической повѣсти „Горбачъ-Вадимъ“. Мы уже упоминали объ этой юношеской повѣсти поэта, въ которой могли отразиться впечатлѣнія, навѣянныя деревенской жизнью Лермонтова въ Пензенской губерніи; здѣсь же, вѣроятно, поэтъ слышалъ разсказы о пугачевщинѣ, которыми воспользовался въ „Горбачѣ-Вадимѣ“. Повѣсть осталась недоконченной, и впослѣдствіи Лермонтовъ не возвращался къ этому сюжету, который былъ замѣчательно разработанъ въ „Капитанской

---

[30]) Сочиненія Лермонтова, т. 4, стр. 6—7.

[31]) Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 179.

[32]) Тамъ же, стр. 182.

дочкѣ“ Пушкина. Герой повѣсти Лермонтова Горбачъ-Вадимъ также мало связанъ историческими чертами съ эпохой пугачевщины, какъ Арсеній въ поэмѣ „Боярипъ Орша“ съ эпохой Іоанна Грознаго. Выбирая сюжетъ изъ эпохи XVIII в., Лермонтовъ объясняетъ въ повѣсти и руководящую мысль: въ XVIII в. „каждая жизнь была романъ; теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ“ [33]). Это объясняетъ намъ стремленіе Лермонтова къ изображенію героевъ изъ жизни древней Руси и эпохи 1812 года.

Еще въ сказкѣ „Незабудка“ 1830 года Лермонтовъ высказываетъ ту же мысль, которая выражена въ начальномъ и въ заключительномъ куплетахъ „Бородино“:

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни [34]).

Обращаясь къ этимъ людямъ старой Руси, къ героямъ-богатырямъ, Лермонтовъ сначала пытается избрать сюжеты изъ древнѣйшихъ преданій о богатыряхъ изъ временъ князя Владимира, о борцахъ противъ Татаръ; но пѣсенные мотивы и историческія преданія плохо вяжутся у него съ представленіями излюбленныхъ героевъ въ романтическомъ духѣ. Между тѣмъ въ періодъ московской жизни мечты Лермонтова останавливаются на московскихъ преданіяхъ. Поэта воодушевляютъ московскій Кремль, поле Бородина, Воскресенская пустынь [35]). Поэтъ восхищается Кремлемъ „въ часъ утра золотой“, когда, „какъ царь, бѣлѣетъ башня великанъ“ [36]). Въ поэмѣ „Сашка“ Лермонтовъ обращается къ „зубчатому, безмятежному Кремлю“:

Ты живъ, и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой.

---

[33]) Сочиненія Лермонтова, т. 5, стр. 38.

[34]) Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 85.

[35]) Тамъ же, стр. 194, 154 и 102. „Воскресенская пустынь“ жилище патріарха Никона воодушевляетъ Лермонтова своимъ напоминаніемъ о прошломъ, своей рѣчью „о таинствахъ гробовъ“.

[36]) Тамъ же, стр. 194.

Въ этомъ же обращеніи къ Кремлю находитъ себѣ объясненіе прекрасное стихотвореніе 1832 года „Два великана“:

Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ...
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою,
Ахнулъ дерзкій и упалъ...

Только при сопоставленіи съ обращеніемъ поэта въ поэмѣ къ Кремлю становится понятнымъ,—кто этотъ „старый русскій великанъ, въ шапкѣ золота литаго“:

И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный,
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣряться главою—и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!

Въ 1835 году Лермонтовъ обращается уже къ эпохѣ Іоанна Грознаго въ поэмѣ „Бояринъ Орша“:

Во время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозваньемъ Орша.—Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ...
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день Воскресенія Христа
Поцѣловалъ его въ уста...

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ...
И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:
„Надёжа-царь! пусти меня
„На родину.... Мой старый домъ
„На берегу Днѣпра крутомъ,
„Близъ рубежа Литвы чужой,
„Обросъ могильною травой".

Не смотря на незначительность историческаго и народно-бытоваго элемента въ этой поэмѣ, изъ которой Лермонтовъ могъ перенести многія мѣста въ поэмы о кавказскихъ герояхъ—горцахъ, сюжетъ „Боярина Орши" напоминаетъ пѣсни о князѣ Волконскомъ и Клюшникѣ, или пѣсни о молодцѣ, жившемъ у короля въ службѣ [38]). Поэтъ могъ слышать или читать эти народныя преданія въ формѣ пѣсенъ или сказокъ. Подобную сказку Лермонтовъ излагаетъ и въ поэмѣ—о царской дочери и о молодомъ конюхѣ.

„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова", появившаяся въ печати въ началѣ 1838 г., выдѣляется изъ всѣхъ произведеній Лермонтова замѣчательнымъ воспроизведеніемъ русской народной поэзіи и русскаго быта XVI в. Сюжетъ „Пѣсни" нельзя назвать строго историческимъ. Въ исторіи времени Іоанна Грознаго—единственнаго историческаго лица въ поэмѣ Лермонтова—мы не находимъ ни опричника—Кирибѣевича изъ семьи Малютиной, ни купца Калашникова. „Пѣсня" не связана также и съ тѣми историческими событіями эпохи Іоанна Грознаго, которыя воспѣваются народными пѣснями, какъ взятіе Казани, покореніе Сибири, или даже какъ женидьба царя и отношенія его къ сыну. Сюжетъ „Пѣсни" представляетъ вымышленную быль, повѣсть, нарисованную на фонѣ эпохи Іоанна Грознаго.

Существуетъ преданіе, что Лермонтова натолкнуло на мысль написать эту „Пѣсню" дѣйствительное событіе, происшедшее въ

[38]) Пѣсни, собран. П. В. Кирѣевскимъ, 1863 г., вып. 5, стр. 128—182. Пѣсни записаны: А. С. Пушкинымъ (стр. 138); 1831 г. (стр. 157); изъ Новиковскаго сборника 1780 г. (стр. 177, 182).

Москвѣ во время пребыванія поэта въ университетѣ. Въ гостиномъ дворѣ, въ Москвѣ торговалъ молодой дѣльный купецъ, жившій въ Замоскворѣчьѣ по старинному. Красивая жена его никуда не выходила, кромѣ церкви и родныхъ, и то—въ сопровожденіи старухи няньки. Лихой гусаръ, тщетно добивавшійся знакомства съ молодой красавицей-купчихой, похитилъ ее съ улицы въ то время, какъ она возвращалась отъ всенощной. Мужъ отомстилъ за поруганіе семьи и за тѣмъ арестованный наложилъ на себя руки [39]). Нельзя однако приписывать одному этому преданію рѣшающее значеніе въ вопросѣ о выборѣ сюжета „Пѣсни". Въ Исторіи Карамзина, въ IX т. находимъ упоминаніе изъ эпохи Іоанна Грознаго о чиновникѣ Мясоѣдѣ-Висломъ, который имѣлъ прелестную жену: ее взяли, обезчестили, а мужу отрубили голову [40]). Несомнѣнно, что Лермонтовъ пользовался Исторіей Карамзина для своей „Пѣсни о Калашниковѣ". Карамзинъ не разъ упоминаетъ о пирахъ Іоанна Грознаго, объ опричникахъ и отношеніи ихъ къ купцамъ, о наградахъ царя борцамъ на потѣшныхъ травляхъ, на которыя царь выѣзжалъ съ опричниками [41]). „Іоаннъ любилъ роскошь, говоритъ Карамзинъ, блестящія собранія, обѣды, за коими въ теченіе пяти, шести часовъ пресыщалось 600 или 700 гостей, не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жаркихъ, отдаленныхъ климатовъ" [42]). Только у Карамзина а не въ народныхъ пѣсняхъ, Іоаннъ сидитъ за „трапезой" [43]), какъ у Лермонтова:

То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Но въ изображеніи Ивана Васильевича Лермонтовъ слѣдовалъ не Карамзину, а русскимъ народнымъ пѣснямъ. Изъ такихъ пѣсенъ—о взятіи Казанскаго царства, о томъ, какъ Никитѣ Романовичу дано село Преображенское, о Мастрюкѣ Темрюковичѣ (всѣ эти пѣсни

---

[39]) Историческій Вѣстникъ, 1884 г., сентябрь, стр. 593—595; „Изъ записной книжки" П. К. Мартьянова. Ср. Сочиненія Лермонтова, т. VI, стр 225.

[40]) Исторія Государства Россійскаго, Н. М. Карамзина, изд. Эйнерлинга, 1843 г., т. IX, стр. 96.

[41]) Тамъ же, стр. 50, 51, 97.

[42]) Тамъ же, стр. 278.

[43]) Тамъ же, стр. 9, 51, 98.

находятся въ сборникѣ Кирши Данилова, изд. 1804 и 1818 гг.)— ближе всего подходитъ къ „Пѣснѣ“ Лермонтова пѣсня о Мастрюкѣ Темрюковичѣ, — шуринѣ царскомъ, котораго побороли московскіе борцы.

Но прежде всего мы остановимся на народной пѣснѣ, записанной Кохановской въ Курской губ. и представляющей замѣчательное совпаденіе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ „Пѣсней“ Лермонтова. Эту пѣсню Кохановской можно причислить—съ одной стороны, къ историческимъ пѣснямъ, относящимся ко времени Іоанна Грознаго; съ другой стороны, къ пѣснямъ т. н. разбойничьяго цикла. Послѣднія представляютъ намъ молодца—разбойничка, связывая его по преимуществу съ эпохой Грознаго царя, въ слѣдующихъ положеніяхъ. Молодецъ или самъ предчувствуетъ, что его поймаютъ и казнятъ, или это предчувствіе высказывается дѣвицей, видѣвшей „нехорошъ сонъ“. Далѣе, однѣ пѣсни представляютъ пойманнаго молодца на правежѣ, отъ котораго освобождаетъ его Грозный царь; другія пѣсни описываютъ казнь молодца съ различными подробностями. Но существенною частью пѣсенъ являются спросы царя и отвѣты молодца, при чемъ царь, какъ и у Лермонтова, хвалитъ молодца за умѣлый отвѣтъ и съ ироніей жалуетъ его казнью; иногда присоединяется и милость царя роднымъ молодца—торговать безданно, безпошлинно. Казненнаго молодца, по его желанію, хоронятъ промежъ трехъ дорогъ, ставятъ надъ могилою крестъ, и прохожіе люди останавливаются передъ этой могилой и крестомъ [44]).

Пѣсня, записанная Кохановской, начинается отрывочнымъ обращеніемъ къ плачущей дѣвицѣ по миломъ другѣ и утѣшеніемъ, что царь молодца пожалуетъ. Затѣмъ слѣдуетъ замѣчательное указаніе, что молодецъ убилъ царскаго опричника:

Повели младца въ каменну Москву,
Ко Грозну Царю.
Какъ и сталъ Царь младца спрашивати:
„Ты скажи, скажи, вдалый молодецъ,
„Ты за что вбилъ мово подручника,
„Молодаго мово опричника?“

---

[44]) Сказанія Русскаго Народа, Сахарова, 1841 г., т. I, стр. 225 и далѣе.

—Я скажу тебѣ, православный Царь,
—Я за что убилъ зла Татарченка,
—Молодаго твово опричника:
—Я убилъ его за дурны дѣла ..[45]).

Далѣе пѣсня не имѣетъ отношенія къ Лермонтовской „Пѣснѣ“ о Калашниковѣ: царь хвалитъ молодца за отвѣтъ; но на этомъ пѣсня и обрывается.

Мы не знаемъ, извѣстна ли была Лермонтову подобная пѣсня о молодцѣ и опричникѣ; но несомнѣнно, что Лермонтовъ зналъ пѣсню о Мастрюкѣ Темрюковичѣ, которая находится въ сборникѣ Кирши Данилова. Содержаніе пѣсни о Мастрюкѣ слѣдующее. Царь Иванъ Васильевичъ женится въ Золотой Ордѣ на Маріѣ Темрюковнѣ. Въ царскомъ поѣздѣ ѣдутъ князья—бояре, могучіе богатыри и любимый шуринъ, Мастрюкъ Темрюковичъ, молодой черкашенинъ. По пріѣздѣ въ Москву царь повелъ пиръ на-веселѣ въ палатахъ бѣлокаменныхъ. Всѣ князи, бояра, могучіе богатыри пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются... а единъ не пьетъ, да не ѣстъ царской гость дорогой Мастрюкъ. Никита Романовичъ объ этомъ царю доложилъ: „А и гой еси, Царь Государь, Царь Иванъ Васильевичъ... Мастрюкъ у себя на умѣ держитъ, вѣра поборотися есть“. Царь посылаетъ Никиту Романовича за борцами, которые и отыскиваются въ лицѣ двухъ братцевъ—родимыхъ.

Мастрюкъ хвастаетъ: „на ладонь ихъ посажу, другой рукою раздавлю“. Но борцы осилили Мастрюка въ то время, какъ царь смотрѣлъ: „что кому будетъ Божья помочь“. За Мастрюка вступается сестра, Марья Темрюковна, обращаясь къ царю: „такова у тебя честь добра до любимаго шурина, а дѣтина наругается, что дѣтина деревенской“; но царь доволенъ борцами [46]).

Эта пѣсня о Мастрюкѣ извѣстна въ многочисленныхъ варіантахъ, изъ которыхъ приведемъ слѣдующія мѣста, соотвѣтствующія „Пѣснѣ“ Лермонтова. У царя почестной пиръ; всѣ на пиру пьютъ—ѣдятъ, одинъ гость не пьетъ—не ѣстъ. Царь обращается къ гостю:

---

[45]) Пѣсни, собран. П. В. Кирѣевскимъ, 1864 г., вып. 6, стр. 201.

[46]) Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. 3 (1878 г.), стр. 25—29.

„ужъ ты гой еси, мой любимый гость... не зло ли ты думаешь, не лихо ли складываешь?“ Царю докладываютъ, что Мастрюкъ хочетъ побороться. Но въ Москвѣ борцовъ не случилося. На кличъ выходятъ два брата родимые, по нѣкоторымъ пѣснямъ—два калашничка, или два брата, дѣти-то Кулашниковы (эти прозвища бойцовъ напоминаютъ и прозвище героя Лермонтова,—Калашникова). Замѣчательно и слѣдующее обращеніе „удальца—бойца“ къ сопротивнику:

Ой ты гой еси, крестьянскій сынъ!
Выходи скорѣй на борьбу со мной,
На борьбу со мной послѣднюю,
Что послѣднюю, драку смертную! [47])

Въ одной изъ пѣсенъ о Кострюкѣ встрѣчаемъ еще одну подробность, не лишенную интереса для объясненія „Пѣсни“ Лермонтова. Царь жалуетъ борцовъ:

И дамъ я вамъ пофальной листъ,
Ѣздить по инымъ городамъ и ярмонкамъ
Торговать всё товарами разныма,
Безъ дани, безъ пошлины,
Безъ государевой подати [48]).

Кромѣ пѣсни о Мастрюкѣ изъ сборника Кирши Данилова Лермонтовъ могъ почерпнуть много отдѣльныхъ выраженій [49]). Въ сборникѣ же Кирши Данилова находятся припѣвки, соотвѣтствующія припѣвкамъ гусельщиковъ въ „Пѣснѣ“ Лермонтова. Пѣсня о Михаилѣ Скопинѣ заканчивается слѣдующей припѣвкой:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,

---

[47]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, 1864 г., вып. 6, стр. 102—186. Ср. особенно, стр. 182—186. Пѣсни записаны 1833 г. (стр. 109).

[48]) Онежскія былины, записан. А. Ѳ. Гильфердингомъ, 1873 г., стр. 1332.

[49]) Древнія Росс. Стихотв., изд. 3, стр. 26 (А и гой еси Царь Иванъ Васильевичъ); 88 (Она по двору идетъ, будто уточка плыветъ... Нарочны борцы удалы молодцы); 229 (упадала звѣзда поднебесная); 27 (свадебкой, сѣделечко черкесское); 228 (испужалися); 290 (изъ-за горъ высокихъ, изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго); 60 (могучія плечи расходилися); 253 (ты скажись мнѣ молодецъ свою дядину, отчину); и т. д.

А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи *медъ*, зелено вино;
Гдѣ-то пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому *боярину* великому
И хозяину своему ласкову [50]).

Краткіе запѣвы и припѣвки встрѣчаются у Кирши Данилова во многихъ пѣсняхъ; въ пѣснѣ о „Гостѣ Терентьище“ выступаютъ веселые гусельщики: „садитесь на лавочки, поиграйте во гусельцы, и пропойте-ко пѣсенку“ [51]). Замѣчательно, что эти припѣвки гусельщиковъ преимущественно встрѣчаются въ пѣсняхъ о Грозномъ царѣ. Такъ почти всѣ пѣсни о взятіи Казани начинаются обращеніемъ пѣвцовъ къ гостямъ, къ добрымъ людямъ—послушать про царевый про походъ, про Грозна царя Ивана Васильевича [52]). Пѣсни о томъ, какъ Никитѣ Романовичу дано село Преображенское начинаются, какъ пѣсни гусельщиковъ у Лермонтова:

Когда-то возсіяло солнце красное,
На тоёмъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Заводилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ [53]).

Мы не разъ имѣли случай замѣтить совпаденія Лермонтовской „Пѣсни“ съ народными пѣснями, помимо сборника Кирши Данилова. Несомнѣнно, что не одинъ этотъ сборникъ былъ въ распоряженіи Лермонтова; несомнѣнно, что у него могли быть подъ руками и другіе сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, онъ могъ и самъ слышать подобныя пѣсни, или могъ пользоваться чужими за-

---

[50]) Древнія Росс. Стихотв. Кирши Данилова, изд. 3. стр. 193.

[51]) Тамъ же, стр. 13.

[52]) Пѣсни, собран. Кирѣевскимъ, вып. VI, стр. 1—10.

[53]) Онежскія былины, Гильфердинга, стр. 784; ср. еще стр. 104 и 141.

писями. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще слѣдующія сопоставленія Лермонтовской „Пѣсни“ съ т. н. разбойничьими, или удалыми пѣснями и съ пѣснями народными бытовыми. Ограничиваемся хотя слѣдующими выдержками изъ этихъ пѣсенъ, которыя напоминаютъ отвѣтъ царя Калашникову, обстановку казни послѣдняго, его могилу и его безталанную участь.

Что возговоритъ надёжа, православный царь:
Исполать тебѣ дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими
Что двумя ли столбами съ перекладиною [54]).

Ведутъ молодца казнить:

Идетъ его грозенъ палачъ,
Во рукахъ несетъ топоръ широкій.

Молодецъ прощается съ родными:

Онъ на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, міръ и народъ Божій,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои-ль грѣхи тяжкіе [55]).

Народное преданіе приписываетъ Стенькѣ Разину слѣдующее завѣщаніе, повторяющееся у Лермонтова о могилѣ Калашникова:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ Казанской, Астраханской, славной Кіевской
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ...
Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится [56])

---

[54]) Сказанія Русскаго Народа, Сахарова, 1841 г., т. I, стр. 227.

[55]) Тамъ же, стр. 226.

[56]) Филологич. Записки, 1874 г., вып. V, стр. 51 (Н. Я. Аристова: Объ историческомъ значеніи русск. разбойничьихъ пѣсенъ).

Или какъ въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни:

Буде старъ человѣкъ пойдетъ—помолится...
Буде младъ человѣкъ пойдетъ—въ гусли наиграется [57]).

Припомнимъ заключеніе „Пѣсни“ Лермонтова:

Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится...
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Къ купцу Калашникову, какъ нельзя болѣе, идетъ народная пѣсня о безчастномъ добромъ молодцѣ:

Ты безчастный, добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка;
Что ни въ чемъ-то мнѣ, братцы, талану нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ [58]).

Такъ и къ другому молодцу „Пѣсни“ Лермонтова—къ опричнику подходятъ народныя пѣсни о молодцахъ, безчастныхъ въ любви, погибающихъ въ степяхъ приволжскихъ [59]).

Такое же соотвѣтствіе съ бытовыми народными пѣснями находимъ и въ изображеніи семейнаго быта купца у Лермонтова. Хороводныя пѣсни изображаютъ мужа, который собирается или прибить плеткой, или запереть за замокъ свою жену, гуляющую по вечерамъ съ молодцами:

Ужъ ты гдѣ была жена страдница? [60]).

Нельзя однако считать „Пѣсню“ Лермонтова какимъ-то сборнымъ произведеньемъ изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, переложеніемъ этихъ отдѣльныхъ мотивовъ и картинъ, не говоря уже о томъ, что едва ли можно отыскать что-либо отвѣчающее всему сюжету Лермонтовской „Пѣсни“ въ народныхъ преданіяхъ, въ народныхъ пѣсняхъ. Поэтъ силой своего творчества представилъ новое произведеніе, которое родственно съ народной поэзіей, но не тожественно.

---

[57]) Сказанія Русскаго Народа, Сахарова, т. I, стр. 206.

[58]) Тамъ же, стр. 229.

[59]) Тамъ же, стр. 215, и далѣе.

[60]) Тамъ же, стр. 34. Нѣкоторыя народныя выраженія и черты стараго русскаго быта Лермонтовъ могъ найти и въ соч. *Снегирева*: Русскіе въ своихъ пословицахъ. 1831—1834 г. 4 кн. См. напр. кн. 2, стр. 132 (удалый молодецъ на кулачномъ бою); кн. 3, стр. 68—70 (царскій судъ, пѣсня, лобное мѣсто).

Его „Пѣсня“ также связана съ народными мотивами, какъ большая величавая рѣка, разливающаяся вширь и вдаль,—съ своими истоками—изъ родниковъ, ручьевъ и рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ почвы.

Возьмемъ ли мы Лермонтовскіе припѣвы гусляровъ; или—картину пира, на которомъ любимый опричникъ царя, Кирибѣевичъ, обнаруживаетъ свою могучую грусть по красавицѣ, „крѣпкая дума“ по которой становится для него роковой; или картину лихой невзгоды купца Калашникова, выбивающей его изъ устоевъ честной и строгой въ старозавѣтномъ духѣ семейной жизни и влекущей къ отстаиванію до послѣднихъ силъ „святой правды—матушки“; или—послѣднюю картину богатырскаго кулачнаго боя, переходящаго изъ веселой потѣхи въ поединокъ, въ высшій судъ, за которымъ слѣдуетъ судъ царскій и казнь Калашникова,—во всѣхъ этихъ картинахъ выдержанъ одинъ тонъ—простой и художественный, придана содержанію цѣльность и законченность.

Развитіе сюжета представляетъ мрачную драму: то грозный гнѣвъ царя на заподозрѣннаго опричника, на удалаго Калашникова, убившаго лучшаго царскаго бойца Кирибѣевича; то гнѣвъ и немилостивыя рѣчи Парамона Степановича, обращенныя къ хозяюшкѣ—красавицѣ, воротившейся съ улицы въ позднюю пору—опозоренной, отеломленной, и семейное совѣщаніе купца въ темну почь морозную съ младшими братьями, какъ отомстить за обиду; то смерть опричника; то лютая позорная казнь удалаго бойца, молодого купца, то могила съ кленовымъ крестомъ! Но и средп этихъ мрачныхъ картинъ, какъ проблески солнца среди тучъ, показываются веселыя лица гусляровъ, улыбки и смѣхъ царя на пиру, образъ красавицы Алены Дмитріевны и природа, которая, какъ улыбающаяся, алая заря, разыгравшаяся надъ Москвой въ роковой день, сверкаетъ „вѣчно гордой и спокойной красотой“ надъ самыми мрачными картинами человѣческой жизни [61]). Это сопоставленіе картинъ и развитіе всего сюжета „Пѣсни“ сближаетъ ее съ общимъ направленіемъ Лермонтовской поэзіи: съ ея безотрадной грустью и съ жалобой на судьбу, съ ея ожесточеніемъ противъ попранной правды и вмѣстѣ съ примиреніемъ поэта преимущественно въ природѣ. Даже въ языкѣ, въ отдѣль-

---

[61]) Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 312.

ныхъ образахъ можно найти соотвѣтствіе „Пѣсни“ съ другими произведеніями Лермонтова [62]). Можно замѣтить даже неточность противъ обычаевъ русской старины, сохранившихся и въ современномъ народномъ быту, въ изображеніи Лермонтова замужней женщины:

Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.

Въ день свадьбы, какъ извѣстно, косу русую расплетали у дѣвицы, и замужняя она уже не могла красоваться русой косой,—почему въ свадебныхъ пѣсняхъ и встрѣчаются мотивы оплакиванья косы—дѣвичьей красы.

Изъ этой неточности нельзя однако выводить заключенія о томъ, что Лермонтовъ создавалъ свою „Пѣсню“ только на основаніи книжныхъ и устныхъ источниковъ, или на основаніи своего личнаго настроенія. Несомнѣнно, что ему была знакома и бытовая жизнь русскаго народа и его различныхъ слоевъ, кромѣ высшаго свѣтскаго общества, въ которомъ онъ по преимуществу вращался, какъ мы знаемъ изъ его біографіи. Такъ напримѣръ, хотя-бы въ изображеніи кулачнаго боя—этой распространенной въ прошломъ русской національной потѣхи—Лермонтовъ могъ слѣдовать и личнымъ впечатлѣніямъ, какъ въ селѣ Тарханахъ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ выходили на кулачный бой охотники изъ купцовъ и даже изъ господъ [63]).

---

[62]) Кромѣ отмѣченныхъ выше соотвѣтствій приведемъ еще слѣдующія: Соч. Лермонтова, т. I, стр. 61, 62, 70, (синія горы); 102 (заунывный гласъ колокола); 197 (валитъ пушистый снѣгъ, и красная заря глядитъ, звонъ колоколовъ вѣсть кончины); 192 (метель шумитъ и снѣгъ валитъ); 210-(унылый колокола звонъ); 212 (клоками бѣлый снѣгъ валится и пѣснь мятелица поетъ, играетъ);—II т., 45 стр. (у героя чугунный крестъ на груди); „Боярин Орша“, 257 стр. (грозный царскій гласъ); 258 (въ темну ночь); 263 (сѣрый аргамакъ; гудятъ, ревутъ колокола); 273 (выходитъ красная заря); 277 (поетъ гулливая метель).—V т.; стр. 19 (Горбачъ-Вадимъ: зимой шумѣла метелица), и проч. Мы привели соотвѣтствія только изъ произведеній Лермонтова, предшествующихъ „Пѣснѣ“. Можетъ быть не лишены интереса и слѣдующія сопоставленія выраженія „Пѣсни“—„мои кости сирыя дождикъ вымоетъ“ съ выраженіями: I т., 13 стр. (бѣжалъ я сирый, одинокій); 50 (вѣтка сирая); II т., 27 стр. (мавзолей не тяготитъ сырыхъ его костей).

[63]) Сочиненія Лермонтова, т. VI, стр. 228—229. Сахаровъ: Сказанія Русскаго Народа, т. I, стр. 87—88. Д. А. Ровинскій: Русскія Народн. Картинки, кн. V, стр. 219—223. Русская Бесѣда, 1856 г., II кн., стр. 57, и далѣе: „Борцы въ древней Руси“, И. В. Бѣляева.

Точно также Лермонтовъ могъ знать и жизнь купечества съ ея старовавѣтными обычаями, какъ она долго сохранялась въ Московскомъ Замоскворѣчьѣ.

Въ 1837 г., нѣсколько ранѣе „Пѣсни“ о Калашниковѣ, появилось въ печати „Бородино“ Лермонтова. Стихотвореніе написано безъ народнаго размѣра въ томъ же стилѣ, какъ и ранній набросокъ „Поле Бородина“ 1830 года. Но какая громадная разница между этимъ первоначальнымъ наброскомъ и отдѣланнымъ произведеніемъ 1837 года, которое увеличено на семь куплетовъ; какое движеніе придано всей картинѣ Бородинскаго боя; какой народный колоритъ наложенъ на все произведеніе!

Неестественный, романтическій образъ солдата артиллериста превратился въ народнаго служиваго, въ дядю, съ рѣчью грубо-простодушной и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненной эпическаго воодушевленія. Солдатъ первоначальнаго наброска, подобно героямъ Лермонтовскихъ поэмъ, заслушивался и „пѣсней непогоды“, которая напоминала ему „пѣснь свободы“, и видѣлъ мотивы своего геройства въ отчаяніи, въ мщеньи и выражался такимъ языкомъ, который по мѣстамъ болѣе подходитъ къ одѣ на побѣду, чѣмъ—къ представленіямъ и рѣчи солдата:

Что Чѣсма, Рымникъ и Полтава!
Я вспомня ледснѣю весь...
Я спорилъ о могильной сѣни...
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ погаснутъ очи
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно [64]).

Все это въ стихотвореніи 1837 года отброшено поэтомъ. Теперь, въ эпоху созданія „Пѣсни“ о Калашниковѣ, Лермонтову не нужны были и тѣ эфектныя положенія, въ которыя онъ любилъ ставить своихъ героевъ въ юношескихъ произведеньяхъ. Ночь передъ битвой на полѣ Бородина представлялась Лермонтову въ 1830 году не иначе, какъ въ шумѣ бури, съ пѣснями непогоды; герой обращался къ товарищу, поднявъ голову съ лафета; послѣ битвы онъ

---

[62]) Сочиненія Лермонтова, т. I, стр. 155—156.

„склонялъ голову на трупъ застывшій, какъ на ложе". Въ „Бородино" 1837 г. ночь передъ рѣшительнымъ боемъ описывается какъ будто старымъ русскимъ лѣтописцемъ: „французъ ликовалъ до разсвѣта, но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый". Солдатъ-герой не выступаетъ теперь на первый планъ: онъ сливаетъ себя съ товарищами и выступаетъ только разъ, какъ артиллеристъ съ своей пушкой:

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!

Безцвѣтность наброска—въ названіяхъ „вождя", „противника", въ отдѣльныхъ деталяхъ описанія боя—замѣнилась яркими, живыми и реальными образами. Вмѣсто „вождя" явился „полковникъ-хватъ, слуга царю, отецъ солдатамъ"; вмѣсто „противника"—„мусью французъ, басурманъ"; вмѣсто „отъ враговъ ударъ нежданный на батарею прилетѣлъ, громъ грянулъ, пуля смерти понеслася изъ моего ружья" явились широкія, стремительныя очерки боя:

Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй...
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала...

Прибавленъ еще и „русскій бой, удалый нашъ рукопашный бой".

Одно выраженіе прежняго наброска,—„на пушки конница летала" превратилось въ цѣлую воинную картину, какъ будто нарисованную кистью баталиста Ораса Верне:

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами--
Всѣ промелькнули передъ нами...
Носились знамена, какъ тѣни...
Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи.

Однако изъ первоначальнаго наброска Лермонтовъ удержалъ отдѣльныя мѣста съ нѣкоторыми измѣненіями:

„Ребята, не Москва-ль за нами!
Умрите-жъ подъ Москвой,
(измѣнено: Умремте-жъ подъ Москвой)
Какъ наши братья умирали!"
И мы *погибнуть* обѣщали,
(измѣнено: И умереть мы обѣщали)

И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Боевыя сцены „Бородино“, по живости изображенія военныхъ силъ и ихъ дѣйствій, не уступаютъ позднѣйшимъ военнымъ картинамъ, которыя Лермонтовъ, уже испытанный боевой офицеръ на Кавказѣ, рисуетъ въ „Валерикѣ“ 1840 г. и въ „Спорѣ“ 1841 г. Но въ „Валерикѣ“, въ этомъ „безыскусственномъ разсказѣ“, Лермонтовъ говоритъ о войнѣ, какъ ея участникъ, какъ графъ Л. Н. Толстой въ „Севастопольскихъ очеркахъ“, говоритъ съ „грустью тайной и сердечной“. Въ „Бородино“ и въ „Спорѣ“ рисуются одни величественныя военныя картины безъ всякой рефлексіи.

„Бородино“ Лермонтова, явившееся черезъ 25 лѣтъ послѣ Отечественной войны, было какъ будто юбилейнымъ патріотическимъ гимномъ великой годины. Много стихотвореній было посвящено Бородинскому бою до Лермонтова и послѣ него, много народныхъ пѣсенъ, преимущественно солдатскихъ, козацкихъ и сочиненныхъ въ патріотическомъ духѣ, воспѣвало Отечественную войну; но ни одно изъ этихъ произведеній не можетъ встать вровень съ „Бородино“—Лермонтова. Напрасно бы мы стали искать подобныхъ описаній у поэта—участника въ Отечественной войнѣ—представителя „могучаго лихаго племени“,—Дениса Давыдова. Его „Бородинское поле“, какъ и извѣстное произведеніе Жуковскаго—„Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ“, не свободно отъ ложноклассическихъ прикрасъ: мечей, перунова дыма, и т. п.[65]). У Давыдова мы встрѣчаемъ только отдѣльныя мѣста, какъ будто напоминающія Лермонтова. Въ „Современной пѣснѣ“ Давыдовъ говоритъ, очевидно вспоминая Отечественную войну:

Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ,
Громкій, величавый!..
То былъ вѣкъ богатырей![66])

Въ стихотвореніи „Партизанъ“ онъ также посвящаетъ нѣсколько строкъ Бородинскому бою:

Умолкнулъ бой. Ночная тѣнь
Москвы окрестность покрываетъ;
Громада войскъ во тьмѣ кипитъ[67]).

---

[66]) Стихотворенія Д. В. Давыдова, изд. Суворина, стр. 68.

[67]) Тамъ же, стр. 15.

А между тѣмъ Давыдовъ и въ жизни, и въ поэзіи проявилъ необыкновенную отвагу и „жаръ рѣчей“, по выраженію Пушкина [68]). При всемъ томъ, Давыдову не доставало объективности, поэтической фантазіи, глубокой мысли и чувства, какіе мы находимъ у Лермонтова. Давыдовъ самъ искренно опредѣлилъ свое отношеніе къ поэзіи:

Я не поэтъ—я партизанъ, козакъ...
Пусть грянетъ Русь военною грозою—
Я въ этой пѣсни запѣвало [69]).

Еще болѣе выигрываетъ „Бородино“ Лермонтова при сопоставленіи съ т. н. народными пѣснями, относящимися къ Отечественной войнѣ. Послѣ 1812 г. въ журналахъ появилось много т. н. народныхъ пѣсенъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пѣвцомъ разсказчикомъ представлялся, какъ и у Лермонтова, отставной солдатъ. Но всѣ эти пѣсни, вошедшія затѣмъ въ пѣсенники, отличались ложнымъ тономъ, напыщеннымъ патріотизмомъ, побѣднымъ громомъ оружія и хвастливымъ отношеніемъ къ побѣжденному врагу; иногда къ грому оружія присоединялся и звонъ стакановъ, застольныхъ чашъ. Ничего подобнаго мы не находимъ у Лермонтова. Въ отношеніи поэта къ выведенному имъ разсказчику ветерану видна любовь къ русскому солдату съ его героическимъ и вмѣстѣ смиренно-христіанскимъ настроеніемъ; въ отношеніи къ врагу выражается сдержанность и правдивая оцѣнка его силъ; и все стихотвореніе Лермонтова проникнуто не узкимъ патріотизмомъ, а широкимъ обще-русскимъ чувствомъ, глубокой всенародной мыслью:

Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою...
Недаромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!

Въ солдатскихъ и козацкихъ пѣсняхъ, относящихся къ Отечественной войнѣ, мы встрѣчаемъ только слабыя черты, подходящія къ Лермонтовскому стихотворенію:

Подымался съ горъ туманъ, французъ силу забиралъ [70])...

---

[68]) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 1887 г., подъ ред. П. О. Морозова, т. I, стр. 264.

[69]) Сочиненія Д. Давыдова, стр. 55.

[70]) Пѣсни, собран. Кирѣевскимъ, 1874 г., вып. 10, стр. 12, 13.

Не пыль во полѣ пылитъ,
Не дубравушка тумитъ,
Французъ съ арміей валитъ [71])...
Ужъ какъ сталъ французъ палить,
Только дымъ-сажа валитъ
Въ томъ ли во чаду
Красна солнца не видать [72])...
И мы начали палить, только дымъ столбомъ валитъ
Каково есть красно солнце, не видно во дыму [73])...
Какъ зоринька занялась,
Вся силушка собралась:
Стали тѣла разбирать,
Своихъ русскихъ узнавать.
Много силушки побили,
И конями потоптали [74]).

При сравненіи этихъ немногихъ мотивовъ изъ военныхъ пѣсенъ съ стихотвореніемъ Лермонтова ярче выступаетъ эпическое воодушевленіе поэта и слабость позднѣйшей народной поэзіи. Мы видѣли, какъ много дали для творчества Лермонтова былины, историческія пѣсни и пѣсни бытовыя. За пѣснями, относящимися къ Отечественной войнѣ, нельзя признать такого вліянія. Въ „Бородино“ поэтъ выходитъ на дорогу самостоятельнаго творчества въ народномъ духѣ. Этотъ путь указанъ былъ еще Пушкинымъ въ его народно-бытовыхъ сюжетахъ, наприм., въ стихотвореніи „Гусаръ“, тонъ котораго отчасти отразился и на „Бородино“ Лермонтова.

Въ 1840 году Лермонтовъ возвратился къ колыбельной пѣснѣ, которую пробовалъ удержать въ народной формѣ въ драмѣ „Мстиславъ Черный“ и — передѣлать въ „Балладѣ“ 1830 г. Теперь въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“, какъ и въ „Бородино“, Лермонтовъ самостоятельно разрабатываетъ тему въ народномъ стилѣ. Поэтъ не выходитъ изъ предѣловъ казачьяго быта; онъ остается въ кругу представленій своеобразной жизни, но согрѣваетъ эту картину общечеловѣческими отношеніями. Пѣсенка казачки надъ колыбелью будущаго

---

[71]) Тамъ же, стр. 34, 35.
[72]) Тамъ же, стр. 36.
[73]) Тамъ же, стр. 38.
[74]) Тамъ же, стр. 43.

богатыря и казака отличается простотой и трогательной нѣжностью. Какъ въ „Бородино“ видна любовь поэта къ солдату, такъ въ „Казачьей колыбельной пѣснѣ“ видна любовь поэта къ дѣтямъ и сочувствіе къ глубокому материнскому чувству. Художественный образъ будущаго казака выдержанъ: его не удержатъ отъ браннаго житья ни слезы матери, ни ея тоска.

Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой.

Эти горькія слезы матери невольно напоминаютъ прочувствованное стихотвореніе Некрасова:

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя....
Однѣ я слезы подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой пивѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе Лермонтова проникнуто и религіознымъ чувствомъ, благоговѣніе къ которому поэтъ уважалъ и въ народѣ и въ своемъ поэтическомъ настроеніи. Въ 1840 же году, рисуя образъ симпатичной женщины изъ высшаго круга общества, сближая ея черты съ природой и народомъ родины, Лермонтовъ восхищается и тѣмъ, что

Слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру [75]).

И „Бородино“, и „Казачья колыбельная пѣсня“ указываютъ на то, что Лермонтовъ замѣчательно угадывалъ народно-поэтическіе мотивы и глубоко сочувствовалъ „правдѣ народной“, по выраженію Достоевскаго [76]).

---

[75]) Сочиненія Лермонтова, т. I, стр 299.

[76]) На память о Н. А. Некрасовѣ, Спб., 1878 г., стр. 124.

Еще послѣднее страстное признаніе этого сочувствія поэтъ оставилъ въ стихотвореніи „Отчизна“ 1841 г. Въ этотъ послѣдній годъ своей жизни Лермонтовъ „любовь къ отчизнѣ“ стремится прикрѣпить не къ славѣ, не къ завѣтнымъ преданьямъ темной старины, а къ роднымъ полямъ, лѣсамъ, рѣкамъ и къ деревнямъ. Благосостояніе родины, выражающееся въ желтой нивѣ, въ полномъ гумнѣ, въ народномъ праздничномъ весельѣ, возбуждаетъ въ поэтѣ отрадное мечтанье. Мечтаньямъ этимъ не суждено было развиться и выразиться въ творчествѣ Лермонтова. „Отчизна“ была послѣднимъ „привѣтомъ поэта странѣ родной“...

. . . и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній [77]).

Мы прослѣдили зарожденіе и развитіе историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ у Лермонтова; мы видѣли, какъ отъ подражательныхъ опытовъ, отъ неяснаго представленія о русскомъ народномъ стилѣ, о народномъ бытѣ и исторіи, поэтъ перешелъ къ замѣчательному воспроизведенію историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ,— отчасти путемъ изученія русской народной поэзіи и исторіи, отчасти путемъ сближенія съ народною жизнью. Выборъ сюжетовъ колебался у Лермонтова между исторіей, военнымъ бытомъ и болѣе широкимъ захватомъ народной жизни. Изъ этихъ сюжетовъ наиболѣе удалось Лермонтову овладѣть эпохой Іоанна Грознаго, и „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова“ до сихъ поръ остается выдающимся произведеніемъ въ исторіи русской поэзіи. Конечно, значеніе „Пѣсни“ уже не имѣетъ для насъ исключительнаго историческаго интереса, такъ какъ научное изученіе русской исторіи далеко ушло въ настоящее время отъ тѣхъ немногихъ, важныхъ въ свое время, пособій, которыми располагалъ поэтъ. „Пѣсня“ о Калашниковѣ имѣетъ для насъ значеніе, какъ высоко-художественное произведеніе, замѣчательно совпадающее съ русской народной поэзіей, съ ея духомъ, съ ея формой. Эта „Пѣсня“ и другіе народно-бытовые сюжеты Лермонтова относятся къ той разросшейся полосѣ въ русской литературѣ, къ которой принадлежатъ

[77]) Сочиненія Лермонтова, т. 1, стр. 281—282.

предшествующія Лермонтову произведенія Пушкина и современныя нашему поэту—повѣсти Гоголя, пѣсни Кольцова. Если послѣ Гоголя мы знаемъ блестящихъ преемниковъ въ области романа, повѣсти, сатиры и драмы; то въ немаломъ затрудненіи очутимся мы, отыскивая въ послѣдующей литературѣ ближайшихъ преемниковъ Лермонтова въ воспроизведеніи историческихъ и народно-бытовыхъ сюжетовъ. Уже въ одномъ этомъ отношеніи становится понятнымъ то вниманіе къ М. Ю. Лермонтову, въ виду истекшаго пятидесятилѣтія съ его смерти, которому отдаетъ дань въ настоящемъ засѣданіи и наше Общество.

П. Владиміровъ.

Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова*).

(Посвящ. Ю. А. Кулаковскому).

Rien n'appartient à rien, tout appartient à tous.
Il faut être ignorant comme un maître d'école
Pour se flatter de dire une seule parole
Que personne ici-bas n'ait pu dire avant vous.
A. de Musset.

...Человѣкъ отчаянно тоскуетъ...
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ...
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.
Стихотв. Тютчева: „Нашъ вѣкъ".

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь [1].
Печаль въ моихъ пѣсняхъ...
Отзывъ безпокойный невѣдомыхъ мукъ [2].

---

* Въ торжественномъ собраніи Историческаго Общества Нестора Лѣтописца 27 октября 1891 г. рѣчь эта была произнесена въ сокращеніи. Здѣсь она является въ полномъ видѣ и также съ нѣкоторыми добавленіями на основаніи статей о Лермонтовѣ, явившихся въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго года.

[1] „1831 года, іюля 11". Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе В. Ѳ. Рихтера подъ редакціею П. А. Висковатова. М. 1891. Т. I, стр. 171. Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ постоянно ссылаться на это изданіе, какъ скоро будемъ указывать томы и страницы безъ всякихъ другихъ обозначеній.

[2] „Къ *" (1832): ib., 230. Ср. I, 228: „Мои слова печальны".

Въ этихъ признаніяхъ Лермонтова, вылившихся задолго до безвременнаго прекращенія на вѣки его творчества, выразились, кажется, вполнѣ отчетливо основные мотивы и характеръ всей его поэзіи.

Поэтъ, одаренный „пламенной, молодой душой", въ которой „огонь божественный горѣлъ отъ самой колыбели"; поэтъ, „чувствовавшій пылъ возвышенныхъ страстей" [3] и постоянно переживавшій „бурю тягостныхъ сомнѣній" [4]; поэтъ, въ „гордой душѣ" котораго жило стремленіе къ „извѣстности и славѣ", съ лѣтъ юношества вѣрившій, что онъ „отмѣченъ судьбою" и что ему суждено безсмертіе [5], развился быстро, „слишкомъ рано созрѣлъ", по его собственному выраженію, и провелъ свою недолгую жизнь въ постоянной вдумчивости и кипучей дѣятельности мысли, въ мучительной душевной борьбѣ, падая и возвышаясь, и неустанно возвращаясь къ глубокому раздумью надъ основными и роковыми вопросами жизни. На эти вопросы былъ безпрестанно наталкиваемъ Лермонтовъ не только чтеніемъ, но и своею даровитою, отзывчивою натурою, напряженною съ дѣтства фантазіею и идеальными порывами, которые сталкивались съ разочарованіемъ поэта въ самомъ себѣ и въ людяхъ, и, наконецъ,—невзгодами жизни.

Поэтъ титанически-гордыхъ порывовъ человѣческой души въ ея безграничномъ стремленіи къ „чему-то тайному" съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей сознательной жизни подвергалъ анализу себя и другихъ, выносилъ безотрадное впечатлѣніе изъ этого наблюденія, рано пересталъ чувствовать радость существованія и уже на 16-мъ году жизни говорилъ о морщинахъ на своемъ челѣ и называлъ себя „страдальцемъ" [6]. Такую же неудовлетворенность испытывалъ Лермонтовъ и во все остальное время своей жизни: его удовлетворяли лишь немногія изъ тѣхъ радостей жизни, которыя приносятъ обыкновенно бо́льшую или меньшую отраду.

Лермонтова не увлекалъ энтузіазмъ къ „глубокимъ познаніямъ": „все для насъ въ мірѣ тайна", и даже „тотъ, кто думаетъ отгадать

---

[3] V, 401; I, 166.

[4] 1, 287.

[5] I, 166. Въ одномъ письмѣ 1832 г. читаемъ: „тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ" (V, 381).

[6] IV, 11.

чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается". „Познаній жажда, червь души незрѣлой" [7], никогда не была въ немъ весьма сильна. Лермонтовъ не пытался проникнуть въ тонкости модной у насъ тогда германской философіи. „Безплодной" казалась ему та университетская „наука", которою „изсушало умъ" современное ему поколѣніе [8]. Не давала она ему отвѣта на вопросы, томившіе его лично; она надѣляла лишь „бременемъ познанья и сомнѣнья". Не старался Лермонтовъ и въ средѣ своихъ университетскихъ товарищей найти людей, которые могли бы понять и оцѣнить его стремленія, а между тѣмъ онъ сиживалъ въ тѣхъ самыхъ аудиторіяхъ, въ которыхъ слушали также лекціи Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, К. Аксаковъ, Красовъ.

Не зная „мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной", Лермонтовъ направлялся въ иную сторону, въ

. . . . . свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей [9].

Но и тамъ не находилъ онъ полнаго удовлетворенія. Вначалѣ онъ чувствовалъ себя тамъ вполнѣ чужимъ, и бывало такъ, что онъ, „просидѣвъ 4 часа, не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ", писалъ онъ по этому поводу [10]. Потомъ онъ пріобрѣлъ свѣтскую развязность, „волочился и вслѣдъ за объясненіемъ въ любви говорилъ дерзости". Однако не вполнѣ его плѣнялъ „ложный блескъ и ложный міра шумъ" хотя поэтъ любилъ „всѣ обольщенья свѣта", любилъ бывать въ „свѣтской тинѣ", въ „пестрой толпѣ", когда

При шумѣ музыки и пляски
При дикомъ шепотѣ затверженныхъ рѣчей,

---

[7] V, 366 („Отрывокъ второй начатой повѣсти"); II, 339 (варіантъ въ „Сказкѣ для дѣтей" 1841).

[8] I, 273; V, 210, слова Печорина: „Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача"... Интересенъ отзывъ о философіи въ трагедіи „Menschen und Leidenschaften" (1830): „Философія не есть наука безбожія, а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ истинный счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ" (IV, 134).

[9] I, 254 (эти выраженія употреблены собственно въ примѣненіи къ Пушкину въ стихотвореніи, написанномъ по случаю кончины послѣдняго).

[10] V, 380.

Мелькаютъ образы бездушные людей—
Приличьемъ стянутыя маски.

Ему нравилось блистать тамъ „холодною иронiею“,

. . . . . смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью [11].

Ему самому однако не становилось отъ того легче. Напрасно Лермонтовъ въ обществѣ искалъ „души родной“. Нельзя сказать, чтобы у него не было друзей какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, но онъ не отдавалъ имъ своего сердца вполнѣ, потому что они не могли „понять его пылкую душу“. Въ „дружбѣ сладкой“ онъ извѣрился, какъ и во многомъ другомъ [12], онъ позналъ „дружескiй обманъ“, и у него не было кому

. . . . . руку подать
Въ минуту душевной невзгоды.

Поэтъ рѣшилъ, что онъ—„*гонимый* мiромъ странникъ“ [13], и не разъ называлъ себя странникомъ съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ съ какимъ прилагалъ къ себѣ этотъ эпитетъ Гёте [14]; Лермонтовъ говорилъ о себѣ:

Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
Ущелiй и свободы, и, не зная
Гнѣзда, живу какъ птичка кочевая [15].

Лермонтовъ, по его собственному признанiю, „любилъ съ начала жизни угрюмое уединенье“. Лишь часы близкаго общенiя съ природою приносили облегченiе и нѣкоторое успокоенiе больному сердцу поэта,

---

[11] I, 285—287; V, 401—402.

[12] IV, 235.

[13] I, 218.

[14] I, 268; см. также I, 341. Выраженiя: „Der Wanderer, Pilger“ были нерѣдко употребляемы нѣмецкими поэтами прошлаго вѣка и, между прочими, Гёте: *Minor und Sauer* Studien zur Goethe-Philologie, Wien 1880, 44—45. Какъ извѣстно, въ англiйской литературѣ XVII в. явилось знаменитое аллегорическое повѣствованiе J. Bunyan'a: „Путешествiе пилигрима“. Въ старой нашей литературѣ также выраженiе „путникъ“ употреблялось въ переносномъ смыслѣ, какъ, напр., въ произведенiи Iоасафа Горленка: „Бранъ честнихъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертними въ человѣцѣ-*путнику*“ и проч. (см. Чтенiя въ Истор. Общ Нест. лѣт., кн. VI).

[15] II, 223.

„природы сына“, какъ называлъ себя Лермонтовъ вслѣдъ за писателями, провозглашавшими возвратъ къ природѣ. Точно такъ же въ природѣ находили утѣшеніе и нѣкоторые изъ героевъ поэтическихъ созданій Лермонтова, каковы, напр., Мцыри и Печоринъ [16]. Лермонтовъ

. . . . . въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Онъ—одинъ изъ нашихъ поэтовъ, у которыхъ эстетическое чувство природы достигло особаго развитія подъ совмѣстнымъ воздѣйствіемъ личныхъ наклонностей и западно-европейскихъ писателей того же что и онъ потиба. Природа восполняла для него то, чего не находилъ онъ въ обществѣ людей, безропотно или терпѣливо влачащихъ „цѣпи образованности“, „приличья цѣпи“. „Надменный, глупый свѣтъ“ „съ своей красивой пустотой“ „обольщаетъ очи нарядной маскою своей“; при этомъ

Свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ?

Лермонтовъ постоянно противополагалъ этому „свѣту“ истинно-прекрасную и величавую природу, какъ и себя отдѣлялъ отъ „свѣта“. И въ природѣ бываютъ бури, какъ въ душѣ и жизни человѣка, но въ первой онѣ быстро смѣняются тишью, и вообще въ природѣ царятъ гармонія и покой,—какихъ нѣтъ въ жизни людей. Такое сопоставленіе тѣхъ или иныхъ явленій внѣшней природы съ повседневными событіями жизни человѣка не разъ усматривается въ поэзіи Лермонтова. Не разъ отмѣчалъ онъ противоположность тѣхъ и другихъ, а иногда и аналогіи въ родѣ той, какую представляетъ, напр., „дружба, краткая, но живая

---

[16] Лишь демонъ рѣзко отклоняется въ этомъ отношеніи отъ излюбленныхъ героевъ Лермонтова:

И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

III, 7. Поэтъ, находя въ себѣ много сроднаго съ демономъ, не могъ однако раздѣлять презрѣніе послѣдняго къ красѣ міра и въ томъ разошелся съ Демономъ своей поэмы.

Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой“ [17].

Въ трагедіи „Menschen und Leidenschaften“ (Люди и страсти, 1830 г.) Любовь говоритъ Юрію: „Посмотри, братъ мой, какъ прекрасенъ взошедшій мѣсяцъ, какая тихая, свѣтлая гармонія въ усыпающей природѣ; а въ груди твоей бунтуютъ страсти, страсти жестокія, мятежныя, противныя законамъ [18]. Посмотри на эти разсѣянныя облака, свѣтлыя какъ минуты удовольствій и мимолетныя какъ онѣ; посмотри, какъ проходятъ эти путники воздушные“.... [19] Равнымъ образомъ и Демонъ, внушая Тамарѣ безучастное отношеніе къ несчастнымъ и „жребію смертнаго творенья“, указывалъ на то, что

Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ ни радость ни печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль [20].

Созерцаніе такого рода явленій природы иногда освѣжительно и успокоительно дѣйствовало на душу поэта, представляя его взору контрастъ мятежному духу человѣка и его суетливости и подымая надъ тревогами и сумятицей существованія [21]. По временамъ и дивная

---

[17] Ср. I, 303: И бури шумныя природы
И бури тайныя страстей.
Ср. еще стих. „Парусъ“.

[18] Ср. цитуемое нами ниже мѣсто изъ стихотворенія „Валерикъ“ (1840):
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ! и т. д.

[19] IV, 138.

[20] III, 17. Ср. стихотвореніе: „Тучи“ (Тучки небесныя, вѣчные странники! и т. д. I, 304), „Утесъ“ (I, 335) и т. п. Ср. образы волнъ, напр. въ стих „Графинѣ Ростопчиной“ (I, 302).

[21] Напр., въ 1837 г. Лермонтовъ писалъ: „...лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи какъ на блюдечкѣ, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства; для меня горный воздухъ бальзамъ; хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь“ (V, 441). Отношеніе Лермонтова къ природѣ интересно сопоставлять, между прочимъ, съ отношеніемъ Шиллера. Послѣдній въ статьѣ „О наивной и сентиментальной поэзіи“ говоритъ о частомъ

краса природы не могла превозмочь душевной тоски [22], но, тѣмъ не менѣе, поэта влекло къ мечтательному созерцанію естества, какъ не могъ онъ бѣжать надолго и отъ „свѣта“. Отрѣшиться вполнѣ отъ послѣдняго и всецѣло уйти въ уединеніе природы Лермонтовъ не могъ:

перенесеніи нами наивности мышленія съ разумнаго на неразумное въ природѣ подъ вліяніемъ испытываемаго нами недовольства вслѣдствіе того, что мы дурно пользуемся присущею намъ моральною свободою и не находимъ нравственной гармоніи въ нашемъ дѣйствованіи. „Мы обращаемся тогда къ неразумному, какъ къ личности, и ставимъ ему въ заслугу его вѣчно одинаковый видъ, завидуемъ его спокойной выдержкѣ, какъ будто ему приходилось бороться съ искушеніемъ быть не такимъ“. Такъ возникаетъ тоска по природѣ, тоска, которая бываетъ двояка. Шиллеръ совѣтуетъ „чувствительному другу природы“ допросить себя, что порождаетъ эту тоску: лѣность ли тоскуетъ въ немъ по спокойствіи природы, или же оскорбленная въ немъ нравственность тоскуетъ по гармоніи природы? Томленіе объ „утраченномъ счастіи природы“ Шиллеръ отвергалъ. Очевидно, что влеченіе Лермонтова къ природѣ должно было проистекать не изъ завидованія природѣ въ неразумномъ, несовмѣстимаго съ достоинствомъ личности, но изъ стремленія уничтожить смуту въ самомъ себѣ, достигнуть единства и покоя въ равновѣсіи, а не въ бездѣйствіи. Объ обращеніи къ природѣ, вытекающемъ изъ послѣдняго побужденія, Шиллеръ говоритъ: „пусть ея совершенство послужитъ образцомъ для твоего сердца, когда ты выйдешь изъ своего искусственнаго круга къ природѣ, она предстанетъ предъ тобою въ своемъ великомъ покоѣ, въ своей наивной красотѣ, въ своей дѣтской невинности и простотѣ; останавливайся тогда передъ этой картиной, лелѣй это чувство; оно достойно твоей прекрасной человѣчности. Не позволяй болѣе себѣ желанія мѣняться съ нею, но пріими ее въ себя и стремись сочетать ея безконечное преимущество съ своею собственною безконечною прерогативою и произвести изъ нихъ божественное. Да окружитъ она тебя подобно прекрасной идилліи, въ которой ты всегда снова будешь находить самого себя внѣ заблужденій искусства, на лонѣ которой ты будешь почерпать мужество и новую увѣренность для шествованія и въ своемъ сердцѣ вновь будешь возжигать пламя идеала, такъ легко погасающее въ буряхъ житейскихъ“. Ср. стихотвореніе Шиллера: „Прогулка“, статью „о стихотвореніяхъ Маттисона“ и письмо Шиллера къ Лоттѣ и Каролинѣ 10 сентября 1789 г. У Лермонтова читаемъ (V, 210): „...какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ—чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда-нибудь опять“. Ср. I, 70.

[22] I, 343:

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

Интересно для сравненія вліяніе, какое оказывала весенняя природа на Шиллера: „весна, писалъ Шиллеръ къ Гёте въ мартѣ 1802 г., обыкновенно дѣлаетъ меня печальнымъ, потому что внушаетъ безпокойное и безпредметное горячее стремленіе“.

подобно Шиллеру онъ не впадалъ въ полную мизантропію [23] и испытывалъ потребность любви (онъ самъ говоритъ, что его сердце „было безъ страстей“) и, можетъ быть, также дружбы не менѣе, чѣмъ Шиллеръ, но нашъ поэтъ не встрѣтилъ такого отклика расположенія, который успокоилъ бы его духъ, и не могъ отдаться этимъ чувствамъ въ такой мѣрѣ, какъ великій нѣмецкій идеалистъ:

Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ [24].

И природа оставалась для Лермонтова самымъ лучшимъ повѣреннымъ его стремленій и тайнъ его души, которая неохотно раскрывала свои сокровеннѣйшіе тайники передъ людьми. Холоденъ и безучастенъ былъ этотъ повѣренный, но съ нимъ окрылялся духъ поэта, и въ немъ поэтъ находилъ хоть нѣсколько отвѣта на страстныя свои вопрошенія. Величавая краса Кавказа, увлекавшая Лермонтова съ дѣтства, „природы дикой пышныя картины, разливъ зари и льдистыя вершины, блестящія на небѣ голубомъ“, „цѣпи синихъ горъ“, воздушныя пространства голубаго неба, свѣтлый пейзажъ солнечнаго дня, мерцаніе и бесѣда звѣздъ ночи, шумъ холоднаго моря, молчанье синей степи, громъ бурь—все это открывало необъятную ширь и просторъ передъ мощной душою поэта-„странника“, неустанно рвавшеюся вдаль, не знавшею покоя (См. I, 61—62). Одновременно плѣняли его и „молодаго дня за рощей первое сіянье“, ясное и золотистое утро въ горахъ, „когда снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что кажется тутъ бы и остаться жить на вѣки“, и румяный вечеръ. И какъ съ раннихъ лѣтъ Лермонтовъ любилъ простой народъ, ненавидя крѣпостное право, такъ полюбилъ онъ, наконецъ, подобно Пушкину—„за что, не зная самъ“ —и не столь грандіозную, какъ Кавказская, природу отчизны:—

Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ...

---

[23] По идеѣ Шиллера, не находившаго удовлетворенія въ одной природѣ, уединеніе среди прекрасной природы приноситъ полную отраду и возстановляетъ нарушенную гармонію въ нашемъ внутреннемъ существѣ только тогда, когда уединяющемуся сопутствуютъ дружба и любовь. Шиллеръ принялъ идею Шефтсбери о прирожденности аффекта любви и дружбы къ сроднымъ созданіямъ.

[24] I, 306. Ср. IV, 235: „Пріятели въ нашъ вѣкъ—двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издаютъ согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ“.

Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
... дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ [25].

Въ часы созерцанія природы поэтъ испытывалъ одно изъ наиболѣе увлекавшихъ его наслажденій: Лермонтовъ умѣлъ—казалось ему въ тотъ моментъ—читать въ великой книгѣ природы и находить отвѣтъ на тревожившіе его неотступно вопросы:

... мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ [26].

Такимъ образомъ, созерцаніе природы сливалось по временамъ въ юномъ поэтѣ съ религіознымъ чувствомъ [27]. Вскорѣ Лермонтовъ сталъ далекъ отъ простой вѣры. Но онъ не отрѣшился вполнѣ отъ религіознаго поклоненія въ установленной формѣ [28]—отъ того могло охранить его помимо всего остальнаго его отношеніе къ природѣ [29]; иногда,

---

[25] I, 328.—Отношеніе Лермонтова къ крѣпостному праву и вообще положенію народа выступаетъ въ юношескихъ драмахъ Лермонтова, напр., въ драмѣ: „Странный человѣкъ“ (IV, 208; ср. ib., 122) и въ повѣсти „Горбачъ-Вадимъ“.

[26] I, 169.

[27] См., напр., стихотв. „Кладбище“ (I. 107—108): изображается вечеръ, видъ крестовъ, тишина, жужжаніе мошекъ, прощающихся съ днемъ, и въ заключеніе говорится:

Стократъ великъ, кто создалъ міръ! великъ!
Сихъ мелкихъ твореній надмогильный крикъ
Творца не больше ль славитъ иногда,
Чѣмъ въ пепелъ обращенныя стада? и т. д.

[28] См., напр., стихотворенія: „Вѣтка Палестины“ (I, 251—252), „Молитва странника“ (Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою... I, 261).

[29] Вспомнимъ, что въ прошломъ столѣтіи преклоненіе передъ природою получало почти религіозный характеръ даже у такихъ мыслителей, какъ Дидро и Гольбахъ. Ср. у Лермонтова V, 209 („Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы“), и I, 70. Сліяніе религіознаго чувства съ созерцаніемъ природы не разъ замѣчается въ поэзіи Лермонтова. См. въ особенности стих.: „Когда волнуется желтѣющая нива“ (I, 265).—Какія религіи развиваютъ чувство природы, см. у *Sainte-Beuve*, Portraits littéraires, II, 1854, 103—104.

„въ минуту ли жизни трудную“, или и безъ того, поэтомъ овладѣвало религіозное чувство, и изъ устъ его выливалась сердечная молитва, приносившая облегченіе, прогонявшая сомнѣніе, возвращавшая вѣру [30]; но не разъ также поэтъ, который „ни передъ кѣмъ еще не склонялъ послушныя колѣни“, „просить и небо не желалъ“, либо молитва Тому, кто, по словамъ поэта, „изобрѣлъ мученья“ его [31], слагалась въ мнимо благодарственный перечень печалей и обмановъ, испытанныхъ въ жизни поэтомъ, и послѣдній заключалъ свою мольбу словами:

Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ [32].

А по временамъ, особливо въ болѣе ранніе годы юности, Лермонтовымъ овладѣвало полное сомнѣніе... [33].

Понятно послѣ всего сказаннаго, что Лермонтовъ, чувствовавшій себя чужимъ въ обществѣ, въ которомъ вращался, не находившій близкихъ истинныхъ друзей, не получившій опоры и въ крѣпкомъ отвѣтномъ чувствѣ любви, не пытавшійся углубляться въ науку и теоретическую философію, которыми увлекались многіе великіе поэты, утратившій, наконецъ, и непосредственность вѣры, мало могъ почерпнуть и у природы, которая, по словамъ Шиллера [34], „мало можетъ дать сама по себѣ, и все, все получаетъ отъ нашей души“. Поэтическія олицетворенія явленій природы, сколь ни удовлетворяли поэта въ тѣ моменты, въ которые были создаваемы его фантазіей, мало уясняли для него міровую тайну, когда ослабѣвалъ порывъ вдохновенія. А между тѣмъ Лермонтовъ страстно желалъ и искалъ внутреннихъ устоевъ. Томимый душевною тревогой, онъ взывалъ:

---

[30] „Молитва“ (I, 278—279).

[31] I, 259. Ср. выдержку, приведенную ниже въ примѣч. 35, и IV, 241: „Ты самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти муки“. См. еще IV, 73 и самый ранній примѣръ подобной „молитвы“ (1829; I, 22).

[32] II, 298; ср. V, 403 и II, 132.

[33] IV, 171; рѣзкое выраженіе скептицизма—тамъ же стр. 174, 241. Есть основаніе усвоять самому Лермонтову высказываемыя здѣсь религіозныя сомнѣнія. Ср., напр., V, 388 и 398. См. также насмѣшливое сопоставленіе „Гусара-Поэта“ съ Ааропомъ: (I, 266) и т. под. выходки.

[34] См. письмо, посланное изъ Веймара Шиллеромъ его милымъ въ сентябрѣ—1789 г. Вслѣдъ за приведеннымъ выше мѣстомъ въ этомъ письмѣ говорится: „Натура плѣняетъ и восхищаетъ насъ только тѣмъ, что мы ей сообщаемъ. Прелесть, въ которую она облекается—только отображеніе внутренней пріятности въ душѣ ея созерцателя, и мы великодушно любуемъ зеркало, которое увлекаетъ насъ нашимъ собственнымъ изображеніемъ“.

Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей,
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей? [35]

Вѣстникъ этотъ не приходилъ, поэтъ напрасно „кругомъ искалъ души родной“ [36] и долженъ былъ одинъ добиваться отвѣта на различные вопросы касательно задачъ человѣка, идеала истинно разумной *цѣльной* личности, положенія, какое она можетъ занимать въ обществѣ, смысла прошлаго и настоящаго родной земли и т. п. Вопросы эти были тѣмъ труднѣе, что поэту приходилось рѣшать ихъ единичными усиліями; лишь нѣкоторую помощь могло оказать ему то готовое литературное направленіе, къ которому онъ былъ близокъ уже по складу своей натуры. Теоретическія рѣшенія вопросовъ, занимавшихъ Лермонтова, не удовлетворяли его. Онъ искалъ отвѣта въ жизни и закрѣплялъ въ своемъ творчествѣ данныя, какія выносилъ изъ тяжкаго опыта.

Поэтъ вдавался въ новый и новый анализъ жизни, людей и самого себя и то переживалъ

Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны...
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ, нижутся слова;

то приходилось поэту томиться въ

. . . . . тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую подъемлетъ... [37]

Такъ проходила жизнь поэта. Онъ вырабатывалъ свой талантъ въ столкновеніи съ дѣйствительностію. Онъ испытывалъ постоянное

[35] I, 269 (1837 г.).
[36] I, 270.
[37] I, 292—293.

недовольство людьми и собой, неустанно искалъ новыхъ устоевъ для личности—въ приближеніи ли къ природѣ, въ любви ли къ людямъ, въ общественной ли жизни на новыхъ началахъ. Въ этомъ стремленіи впередъ и впередъ его духъ не зналъ удовлетворенія и покоя, и лишь въ отдѣльные моменты проникался онъ болѣе свѣтлымъ настроеніемъ, которое отодвигало нѣсколько въ глубь тоску.

Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила. [38]

Подъ конецъ своей жизни кратковременной, но богатой внутреннимъ опытомъ и работою мысли, Лермонтовъ началъ вырабатывать опредѣленное и устойчивое міросозерцаніе и могъ сказать съ своей точки зрѣнія: „я жизнь постигъ“ [39]; у него поэзія „печали“ и „тоски“ все болѣе и болѣе исполнялась положительныхъ началъ.

Если всѣмъ сказаннымъ сколько-нибудь вѣрно переданы общее содержаніе и характеръ творчества Лермонтова, которое необъятно, какъ необъятны мысль и чувства великаго поэта, то разсматриваемое творчество, по его задачамъ, можно признать вполнѣ соотвѣтствующимъ великой цѣли поэзіи: въ рамкахъ ли чисто субъективнаго выраженія индивидуальнаго чувства или болѣе объективной передачи событій личной жизни, въ картинахъ ли природы, останавливавшей на себѣ вниманіе поэта, въ фантастическихъ ли, но полныхъ глубокаго смысла, повѣствованіяхъ, въ изображеніяхъ ли русской общественности и жизни современной и прошлой, поэзія Лермонтова, въ цѣломъ исходя изъ субъективныхъ порывовъ и страданій души поэта, или же коренясь въ средѣ и обстановкѣ, въ которой онъ пребывалъ, не разъ входила въ то же время въ кругъ важнѣйшихъ для человѣка общихъ вопросовъ жизни личности и общества, затрогивала міровыя темы, выражала скорби, много разъ удручавшія душу человѣка и вполнѣ намъ близкія, обращалась къ проблемамъ, передъ которыми останавливались многіе изъ лучшихъ поэтовъ вѣковъ прошлыхъ и настоящаго, словомъ освѣщала частное „мыслію о вѣчности“.

[38] II, 73.

[39] I, 306. Нѣкоторые отрицаютъ въ поэзіи Лермонтова опредѣленный идеалъ и находятъ въ ней лишь „смутное недовольство настоящимъ, смутное стремленіе къ чему-то лучшему“ (Карелинъ), „туманность идеаловъ и неустойчивость взглядовъ на коренные вопросы жизни“ (Котляревскій), и т. под. По мнѣнію же г. Н. Михайловскаго, у Лермонтова „среди всѣхъ колебаній, всѣхъ ихъ переживая, держалось рано созрѣвшее рѣшеніе задачи жизни.

При этомъ въ творчествѣ Лермонтова важна не одна возвышенность и глубокая жизненность многихъ темъ, благодаря которой онъ сталъ на уровнѣ нѣкоторыхъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ и тревогъ, наиболѣе захватывающихъ душу человѣка XIX в.; важны также и крупныя преимущества въ развитіи этихъ темъ, искренность и энергія, индивидуальность, отчетливость и талантливость выполненія, между проч. и чудная красота и выразительность и вмѣстѣ изящная простота и сжатость языка. Въ силу всего этого Лермонтовъ преодолѣлъ какъ нельзя лучше трудность, указанную Гораціемъ въ словахъ:

Difficile est proprie communia dicere.

Высокія достоинства поэзіи Лермонтова были признаваемы большинствомъ читателей и лучшими критикомъ и поэтомъ при его жизни [40], но были отвергаемы или умаляемы нѣкоторыми критиками въ его время и въ послѣдующее [41]. Въ 60-хъ годахъ интересъ къ произведеніямъ Лер-

---

[40] Критика обскурантовъ встрѣтила недружелюбно произведенія Лермонтова. Враждебно относился къ Лермонтову, но безуспѣшно осмѣивалъ его не имѣвшій твердыхъ принциповъ Брамбеусъ (Сенковскій). Не понялъ Лермонтова и умалялъ достоинства его поэзіи Шевыревъ, о сужденіяхъ котораго см. въ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы“ (Современникъ 1855—1856 г.г.). Изданіе М. Н. Чернышевскаго, Спб. 1892, 133—137.—Н. А. Полевой не одобрялъ произведеній Лермонтова, руководясь тѣми же основными положеніями своей романтической эстетической системы, которыя приводили его и къ отрицанію великихъ заслугъ Гоголя, Диккенса и Жоржа Санда: „изобразить человѣка съ его добромъ и зломъ, мыслью неба и жизнью земли, примирить для насъ видимый раздоръ дѣйствительности извѣстною идеею искусства, постигшаго тайну жизни,—вотъ цѣль художника; но къ ней ли устроены *Герои нашего времени* и *Мертвыя Души?*“ Замѣтимъ, кстати, что, исходя, повидимому, изъ тѣхъ же принциповъ, не долюбливалъ произведеній Гоголя и И. И. Срезневскій.—Бѣлинскій былъ пламеннымъ почитателемъ поэзіи Лермонтова и въ рецензіи на посмертное изданіе сочиненій послѣдняго (1842 г., въ 3-хъ частяхъ) назвалъ Лермонтова необыкновеннымъ человѣкомъ: „все написанное имъ интересно и должно быть обнародовано, какъ свидѣтельство характера, духа и таланта необыкновеннаго человѣка“. Гоголь прозрѣвалъ въ немъ „будущаго великаго живописца русскаго быта“ и нашелъ „большое достоинство“ въ „Героѣ нашего времени“. См. Р. Арх. 1890, кн. II, воспоминанія С. Т. Аксакова, стр. 40.

[41] Писаревъ причислялъ Лермонтова лишь къ „зародышамъ поэтовъ“: „У насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Зародышами можно назвать Лермонтова, Полежаева, Крылова, Грибоѣдова; а къ числу пародій я отношу Пушкина и Жуковскаго“. Писаревъ и въ этомъ сужденіи выказалъ непослѣдовательность, какъ и во многихъ другихъ: съ своей точки зрѣнія онъ долженъ былъ признать Лермонтова истиннымъ поэтомъ, потому что страданіямъ души и нынъ принадлежитъ видное мѣсто въ поэзіи Лермонтова. Зайцевъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Словѣ“ 1863 г., признавалъ цѣннымъ сравнительно немногое изъ поэзіи Лермонтова и презрительно отнесся къ его страданіямъ. Скептическое отношеніе къ послѣднимъ и моральной основѣ поэзіи Лермонтова не прекратилось и въ 80-хъ годахъ, а равно и теперь.

монтова нѣсколько ослабѣлъ [42]), и вновь усилился съ 80-хъ годовъ; теперь въ признаніи великихъ достоинствъ поэзіи Лермонтова сходятся критики различныхъ направленій: почти всѣ называютъ ее выдающеюся, иные провозглашаютъ ее даже геніальною (Скабичевскій, Н. И. Стороженко и др.).

Тотъ однако, кто вчитается внимательнѣе въ сужденія критиковъ, будетъ изумленъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ и противорѣчіями въ выясненіи смысла поэзіи Лермонтова въ ея цѣломъ и въ частностяхъ. Инымъ этотъ поэтъ кажется преимущественно талантливымъ выразителемъ Байроновскаго разочарованія и т. наз. міровой скорби, соединявшейся съ этимъ разочарованіемъ, или болѣе или менѣе самостоятельнымъ романтикомъ вообще [43]. Другіе, также признавая

---

[42] Соотвѣтственно тому лишь вскользь касались Лермонтова Чернышевскій и Добролюбовъ (послѣдній въ статьѣ: „Что такое Обломовщина?“ перепечатанной во II-мъ томѣ его сочиненій).

[43] Толки о байронизмѣ Лермонтова и о несамостоятельности его поэзіи ведутъ свое начало издавна и принадлежатъ къ весьма распространеннымъ. О вліяніи Байрона подробно говорилъ г. Галаховъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858 г. *Ап. Григорьевъ* въ ст.: „Лермонтовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда“, Время, 1862, № 10, стр. 2 и 4, писалъ: „Великій поэтъ является передъ нами еще весь въ элементахъ, съ проблесками великой правды, но еще неуяснившейся нисколько самостоятельности, не властелиномъ тѣхъ стихій, которыя заключались въ его эпохѣ и въ немъ самомъ какъ высшемъ представителѣ этой эпохи, а еще слѣпою, хотя и могущественною силою, несущеюся впередъ стремительно и почти безсознательно“.—„Байронъ и байронизмъ какъ общее и нашъ русскій романтизмъ какъ особенное—вотъ элементы того Лермонтова, какой остался въ его произведеніяхъ“. Г. *Каренинъ* давно уже въ статьѣ: „Донъ-Кихотизмъ и Демонизмъ“ заявилъ, что у Лермонтова „съ Байрономъ ничего общаго кромѣ внѣшности нѣтъ Онъ заимствовалъ изъ Байроновской поэзіи тѣло, не усвоивъ и нисколько не понявъ ея могучаго духа“ (Донъ Кихотъ Ламанчскій. Т. II. Изд. 3. Спб. 1881, стр. 615) Въ послѣднее время о байронизмѣ Лермонтова говорили г. Спасовичъ въ статьѣ: „Байронизмъ у Лермонтова“ (перепечат. во II-мъ томѣ „Сочиненій В. Д. Спасовича“) и *Н. И. Стороженко* въ рѣчи: „Вліяніе Байрона на европейскія литературы“ (изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ перепечатана въ журн. „Пантеонъ литературы“, мартъ 1888). По мнѣнію г. Стороженка, „большинство написаннаго Лермонтовымъ носитъ на себѣ печать Байронова генія... Несмотря однакожъ на то, что вліяніе Байрона на Лермонтова продолжалось до самой смерти нашего поэта, его ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать слабымъ осколкомъ Байрона, какъ назвалъ его князь Вяземскій. Лермонтовъ обладалъ слишкомъ могучимъ и самостоятельнымъ талантомъ, чтобы осудить себя на одно подражаніе“. Одинъ изъ новѣйшихъ представителей разсматриваемаго взгляда, нѣсколько исправившій его (см. стр. 53—62 его книги) и вмѣстѣ съ тѣмъ впавшій въ односторонность, утверждаетъ, что „чувство общественности было главнымъ источникомъ всѣхъ душевныхъ страданій Лермонтова“ (*Н. Котляревскій*, Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ исто-

въ Лермонтовѣ поэта настоящей міровой скорби, считаютъ его выразителемъ общихъ идей просвѣщенія, выработанныхъ XVIII-мъ вѣкомъ, главнымъ образомъ—стремленія къ природѣ [44]. Третьи называютъ

рико-литературной оцѣнки. Спб. 1891. Стр. 269); въ другомъ мѣстѣ тотъ же критикъ говоритъ: „родникомъ страданій Лермонтова была его недремлющая совѣсть, твердившая ему неустанно, что его жизнь не соотвѣтствуетъ его идеаламъ, его творчество—его высокому понятію о поэзіи, его отношеніе къ людямъ—тому чувству любви, какое поэтъ инстинктивно ощущалъ въ себѣ, но никакъ не могъ оформить и философски обосновать“ (тамъ же, стр. 287). Признавать Лермонтова по преимуществу романтикомъ невозможно въ виду чертъ его характера жизни и дѣятельности, представляющихъ отклоненіе отъ романтическаго типа, и попытка г. Котляревскаго исправить и дополнить представленіе о Лермонтовѣ, какъ о романтикѣ, въ своемъ исходномъ пунктѣ заслуживаетъ вниманія, но, къ сожалѣнію, она мало удачна, такъ что строгіе отзывы о ней (напр., въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1891, № 12) не лишены основанія. Въ послѣднее время нѣкоторые, напр. гг. Ив. Ивановъ, Острогорскій и Николаевъ (Моск Вѣд. 1891, № 193), не считаютъ Лермонтова байронистомъ по преимуществу. Въ существѣ къ разряду мнѣній, пытающихся нѣсколько видоизмѣнить тезисъ о байронизмѣ и вообще романтизмѣ поэзіи Лермонтова, должно быть причислено и мнѣніе *Н. Михайловскаго*, выраженное въ статьяхъ: „Герой безвременья“ (Русскія Вѣдомости 1891, №№ 192 и 216). По словамъ г. Михайловскаго, „съ ранней молодости, можно сказать, съ дѣтства и до самой смерти мысль и воображеніе Лермонтова были направлены на психологію прирожденнаго властнаго человѣка, на его печали и радости, на его судьбу, то блестящую, то мрачную“. (Въ повѣсти Горбунъ) „шестнадцатилѣтній авторъ замѣчаетъ: „Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много“. Это скорбное замѣчаніе на всю жизнь осталось руководящимъ для Лермонтова. Имъ опредѣляются существеннѣйшая часть содержанія его поэмъ, драмъ и повѣстей, характеръ его лирики и наконецъ бурныя волны его собственной жизни Въ развитіи этой темы онъ достигалъ и непревзойденныхъ вершинъ художественной красоты и, я рѣшаюсь сказать, предчувствія научной точности въ постановкѣ соотносящихся вопросовъ“.

[44] *Ив. Ивановъ*—въ рѣчи, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1891, № 118. Въ № 288 той же газеты г. Ивановъ писалъ: „Мотивы демоническаго пессимизма у Лермонтова буквально тѣ же самые, какіе навѣяли Руссо грезы объ „естественномъ состояніи“; „разочарованіе Лермонтова всегда основывается на *общихъ* причинахъ, хотя съ самаго начала оно могло быть вызвано личнымъ опытомъ“. См. того же г. Ив. Иванова статью: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ“ въ I-мъ т. художественнаго изданія товарищества И. Н. Кушнеревъ и К° и книжнаго магазина П. К. Прянишникова: „М. Ю. Лермонтовъ. Сочиненія. М. 1891“. На стр. XLVII читаемъ: „Личность поэта сама по себѣ слишкомъ оригинальна и богата внутреннимъ содержаніемъ, чтобы поддаться чужимъ воздѣйствіямъ, пассивно воспринимать чьи бы то ни было идеи. Много говорили о вліяніи Байрона. Эти разговоры сильно напоминаютъ легкомысленныя насмѣшки Сушковой надъ „поэтомъ-отрокомъ“, вѣчно мечтавшимъ съ „огромнымъ Байрономъ“ въ рукахъ. Барышня не могла и представить, что предъ ней другой Байронъ, по природѣ, можетъ быть, еще болѣе сильный и разносторонній, чѣмъ англійскій“. На стр. XLVIII: „Самъ Лермонтовъ всего себя, всѣ свои идеалы (sic) почерпнулъ у природы“... На стр. XLIX Лермонтовъ ставится рядомъ

его поэтомъ-метафизикомъ, мечты котораго уносили изъ презрѣннаго земнаго міра въ міръ небесный, представлявшійся поэту настоящею его родиною [45]. Четвертые утверждаютъ, что „Лермонтовская поэтическая гамма—грусть, какъ выраженіе не общаго смысла

съ Руссо, Шиллеромъ и Байрономъ и вообще идеалистами, мечтавшими объ „идиллически простодушныхъ и счастливыхъ" идеальныхъ герояхъ и питавшими „негодованіе на общественную жизнь, даже на общество и цивилизацію. Это была реакція противъ крайняго извращенія искренности чувства и достоинства личности". „Лермонтовъ одинъ изъ этихъ идеалистовъ, одаренный геніемъ, настолько же оригинальнымъ и сильнымъ, какъ любой изъ названныхъ нами поэтовъ. Онъ похожъ на нихъ,—и на всѣхъ одинаково". На стр. L: „Источникъ разочарованія у Лермонтова тотъ же, какой въ XVIII вѣкѣ увлекалъ Руссо, Шиллера, Гердера, позже—Байрона. И выходъ изъ этого чувства у всѣхъ одинаковъ, отрицаніе общества, не только свѣтскаго,—даже цивилизованнаго, идеализація человѣка, не тронутаго культурой, *естественнаго человѣка*, какъ говорили въ прошломъ вѣкѣ. Лермонтову еще въ ранней юности хотѣлось сбросить *образованности цыпи*, и всю жизнь ему рисовался *могучій образъ*, вѣчно одинъ и тотъ же, какое бы имя онъ ни носилъ—*Демонъ*, *Мцыри*, *Измаилъ*. Это идеальное воплощеніе въ *личности* свойствъ *природы*—естественная свобода чувства и мысли, идиллическая простота и беззавѣтный, бурный порывъ". Стр. LII: „исконныя стремленія Лермонтова" „завѣщаны просвѣтительнымъ движеніемъ прошлаго вѣка. Въ основѣ ихъ лежитъ одна могучая идея—*природа*. Она давала жизнь принципамъ, на которыхъ построена новая Европа: эти принципы—свобода и нравственная сила личности, естественная справедливость, сердечная искренность. Лермонтовъ—первый поэтъ, можно сказать, первый мыслитель, создавшій у насъ эти идеалы".—Основныя положенія г. Иванова страждутъ натянутостію, и все вообще изложеніе жизни и дѣятельности Лермонтова—черезчуръ панегирическимъ топомъ и преувеличеніями. Замѣтимъ кстати, что въ то время какъ Иванову основною идеей поэзіи Лермонтова кажется возвеличеніе соотвѣтствія съ природой, г. *Анненскій* въ статьѣ: „Объ эстетическомъ отношеніи Лермонтова къ природѣ", Русская Школа 1891, № 12, стр. 80 говоритъ: „Природа не была для Лермонтова предметомъ страстнаго и сентиментальнаго обожанія: онъ былъ слишкомъ *трезвъ душою* для Руссо". Ср. отзывъ Лермонтова о „Новой Элоизѣ": I, 183. Что до стремленія къ природѣ, то это—довольно неопредѣленное выраженіе, мало говорящее безъ болѣе обстоятельныхъ разъясненій.

[45] *С. А. Андреевскій*, Литературныя чтенія, Спб. 1891, стр. 219: „Исключительная особенность Лермонтова состояла въ томъ, что въ немъ соединялось глубокое пониманіе жизни съ громаднымъ тяготѣніемъ къ сверхчувственному міру. Въ исторіи поэзіи едвали сыщется другой подобный темпераментъ. Нѣтъ другого поэта, который бы такъ явно считалъ небо своей родиной и землю своимъ—изгнаніемъ" и т. п. Автору можно предложить вопросъ: какъ же согласить съ его взглядомъ чисто земныя влеченія въ поэзіи Лермонтова? Вѣдь признаетъ же г. Андреевскій „реальную сторону таланта Лермонтова". Поэтъ прямо говоритъ (I, 22):

. . . мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю.

См., далѣе, „Къ другу" (I, 47), „В. Л." (I, 53) и т. п.

жизни, а только характера личнаго существованія, настроенія единичнаго духа; Лермонтовъ поэтъ не міросозерцанія, а настроенія, пѣвецъ личной грусти, а не міровой скорби“ [46]; грусть эта—„практическая, русско-христіанская“, хотя и не близкая къ своему источнику [47]; при этомъ Лермонтовъ рисовался своею печалью. Пятые говорятъ, что „творчество Лермонтова питалось реальными мотивами и что количество этихъ мотивовъ будетъ возрастать по мѣрѣ того, какъ мы будемъ обладать большимъ количествомъ данныхъ для его біографіи“ [48]. И т. д.

Устанавливая такія общія опредѣленія основнаго направленія поэзіи Лермонтова, предварительно характеризуютъ довольно произвольно нравственный міръ поэта выдержками изъ его произведеній, автобіографическое значеніе которыхъ во всѣхъ частностяхъ не можетъ быть доказано [49], впадаютъ въ односторонность, въ противорѣчія, натяжки, недомолвки, въ излишній пафосъ и фразерство, или же дозволяютъ себѣ поклепы на личный характеръ поэта, обзывая, напр., послѣдняго „систематическимъ мечтателемъ, похожимъ на лунатика, ходящаго по улицамъ съ открытыми, но не зрящими глазами“, питавшаго „пренебреженіе къ людямъ“, „потому что они—призраки“ [50],

---

[46] Русская Мысль 1891, № 7, ст. К.: „Грусть“, стр. 7—8.

[47] Тамъ же, стр. 13. Рядомъ съ такими утвержденіями въ статьѣ г. К. читаемъ, что „до конца своего недолгаго поприща Лермонтовъ не могъ освободиться отъ привычки кутаться въ свою нарядную печаль, выставлять гной своихъ душевныхъ ранъ, притомъ напускныхъ или декоративныхъ, трагически демонизировать свою личность,—словомъ, казаться лейбъ гвардіи гусарскимъ Мефистофелемъ“ (стр. 3). „Мысль, рано и долго питавшаяся заимствованными со стороны, вычитанными образами, принятыми за свою собственную мечту, должна была покрыть въ глазахъ поэта людей и вещи тусклымъ свѣтомъ; настроеніе унынія и печали, первоначально навѣвавшееся случайными, хотя бы даже призрачными впечатлѣніями, незамѣтно превращалось въ потребность или въ „печальную привычку сердца“, говоря словами поэта“ (стр. 5).

[48] Мнѣніе Н. И. Стороженка. То же утверждаетъ и г. Висковатовъ. Уже Боденштедтъ указалъ на то, что „творенія Лермонтова составляютъ его біографію. Жизнь и творческая дѣятельность были неразрывны въ немъ“. Слѣдуя такому взгляду, не должно забывать эпиграммы Лермонтова (I, 39):

Тотъ самый человѣкъ пустой,
Кто весь наполненъ самъ собой!

[49] См., напр., статью г. *Герасимова*: „Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ“. Вопросы философіи и психологіи, 1890, кн. 3.

[50] Слѣдуетъ ссылка на видимо не понятое авторомъ стихотвореніе „Первое января“.

обнаруживавшаго „шальное пренебреганіе жизнью“ и т. д. [51]. Вообще многіе труды о нашемъ поэтѣ страждутъ промахами въ методѣ, натяжками, недосмотрами и недочетами въ изученіи частностей, противорѣчіями между фактами и выводами, водянистыми и нерѣдко мало дающими разглагольствованіями и т. п.

Словомъ, читатель, приступающій къ внимательному изученію поэзіи Лермонтова и надѣющійся найти у критиковъ разъясненіе ея смысла, оказывается въ весьма затруднительномъ положеніи въ виду крайняго разногласія въ опредѣленіяхъ ея значенія.

Это разнорѣчіе въ истолкованіи поэзіи Лермонтова показываетъ, какъ нелегко свести ее къ немногимъ простымъ формуламъ. Главная

---

[51] *Спасовичъ*, Сочиненія т. II, Спб. 1889, 402—403.—Въ образецъ рѣзкихъ разнорѣчій касательно личнаго характера Лермонтова укажемъ съ одной стороны на мнѣніе г. И. Иванова [„*Благословляя* поэта, люди по прежнему *не хотятъ понять* человѣка... поэтъ, одинокій въ дѣтствѣ, остался такимъ и въ молодости: ни родной семьи, ни друга, ни любящей женщины. А между тѣмъ онъ постоянно сознается: *любить необходимо мнѣ* и его сердце *было безъ страстей*. Онъ хватался за всякій случай—облегчить свое одиночество, мы видѣли какія письма онъ писалъ тѣмъ, въ чью дружбу вѣрилъ, и какимъ стономъ у него вырывалась по временамъ тоска, воспитанная вѣчнымъ одиночествомъ, вѣчно неудовлетворенной жаждой *родной души* и идеаловъ своей мысли. Да, поэтъ всю жизнь переживалъ двойную драму: „свѣтъ“ не хотѣлъ понять ни *чувствъ*, ни *думъ*. Люди не давали любви и ни на одну минуту не отвѣчали *могучему образу*, владѣвшему мыслью поэта. И естественно, Лермонтовъ скрывалъ отъ людей *самого себя*... Онъ, всегда, повидимому, гнѣвный и разочарованный, до послѣдней минуты носилъ глубокую вѣру въ идеалы и вѣрилъ въ ихъ торжество“. Стр. XLIV, XLVI, XLVII] и съ другой стороны на мнѣніе г. Спасовича, выраженное въ его послѣдней статьѣ о Лермонтовѣ [„это человѣкъ гордый, неуживчивый, вызывающій, колкій, задорный, который, повидимому, и не привязывался ни къ кому особенно крѣпко, даже къ женщинамъ..... глубокій эгоистъ.—Лермонтовъ не былъ собственно ни гуманнымъ человѣкомъ, ни гуманистомъ—по натурѣ своей отрицатель и скептикъ.—По даннымъ жизни и поэзіи Лермонтова, воображеніе наше не можетъ его представить себѣ инымъ, какъ только непреклонно гордымъ, вѣчно мятежнымъ, презирающимъ людей и злословящимъ судьбу“. Вѣстникъ Европы 1891, № 12, стр. 610, 611, 623, 624]. Еще одинъ примѣръ: по мнѣнію г. Котляревскаго (стр. 185), у Лермонтова „противорѣчія въ мысляхъ и чувствахъ должны были повести за собою и противорѣчія въ жизни. Нервное состояніе духа должно было отразиться на нервности въ поступкахъ“; по мнѣнію же г. Мартьянова, „каждый шагъ Лермонтова, каждое его слово были разсчитаны и всѣ дѣйствія направлены къ тому, чтобы „задача жизни“ осуществилась. Никакой „нравственной шатости“, никакой „двойственности характера“, никакого „разлада души“ въ поэтѣ не существовало. Напротивъ это былъ самобытный, цѣльный, какъ глыба гранита, и надежный, какъ дамасская сталь, мужественный и закаленный невзгодами характеръ, основные элементы котораго составляли его честность, правдивость, доброта, ласковость и веселость“ (Историческій Вѣстникъ 1892, № 2, статья: „Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова“, стр. 448).

трудность заключается въ сложности психическаго склада творца этой поэзіи и въ необходимости разбираться въ нерѣдкихъ противорѣчіяхъ и преувеличеніяхъ, въ которыя могъ вполнѣ искренно и естественно впадать поэтъ; далѣе—въ разносторонности мотивовъ поэзіи Лермонтова. Помимо того разногласіе въ уясненіи основнаго содержанія ея обусловливается отсутствіемъ полнаго и добросовѣстнаго изученія произведеній Лермонтова, которое, говорятъ, было невозможно до истеченія 50-лѣтія со времени его кончины, такъ какъ было извѣстно лишь незначительное количество біографическихъ данныхъ, и не было полнаго собранія сочиненій Лермонтова.

Само собою разумѣется, что единственный правильный выходъ изъ затрудненій, открывающихся предъ изслѣдователемъ творчества Лермонтова, можетъ быть достигнутъ приложеніемъ строжайшаго историко-литературнаго метода къ произведеніямъ Лермонтова, возможно тщательнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ обстоятельствъ возникновенія ихъ, изученіемъ ихъ не только въ связи съ особенностями душевной организаціи, личною душевною и внѣшнею жизнію поэта и русскою литературою и общественною жизнію его времени, но также и въ связи со многими теченіями западно-европейской мысли и творчества новаго времени.

На нашъ взглядъ разсмотрѣніе отношеній поэзіи Лермонтова къ западно-европейскимъ литературамъ важно не менѣе выясненія національной и личной основы ея. Сравнительное историко-литературное изслѣдованіе произведеній Лермонтова можетъ разъяснить многое въ генезисѣ поэтическихъ его замысловъ и освѣтить смыслъ его творчества. Вспомнимъ, что въ первые годы своей поэтической дѣятельности, когда окончательно слагались характерныя особенности ея подъ вліяніемъ основнаго личнаго настроенія поэта, Лермонтовъ нѣсколько тяготѣлъ къ Западу, родня себя съ послѣднимъ даже по своему происхожденію, а не только по своему душевному складу. Въ 1831 г. онъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что онъ не воронъ степной и не можетъ помчаться на Западъ, въ свою „отчизну“, въ Шотландію, страну его предковъ,

Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ
Ихъ незабвенный покоится прахъ.

Поэтъ скорбѣлъ о томъ, что онъ, „нездѣшній душой, увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ“ [52]). Въ томъ же году онъ заявилъ о себѣ, что онъ

[52] I, 178—179.

. . . . . не Байронъ, а другой,
Еще невѣдомый, избранникъ...

съ русскою душой [53]. Мы не можемъ принять полностію ни того, ни другого увѣренія; мы должны лишь имѣть ихъ въ виду, составляя собственное заключеніе на основаніи всей совокупности данныхъ о жизни и дѣятельности Лермонтова. Изученіе же произведеній этого поэта раскрыло уже не мало самыхъ разнородныхъ отношеній его къ поэзіи Запада, и добытые доселѣ выводы и наблюденія, какіе можно было вывести изъ изученія хода творчества Лермонтова, весьма часто отправлявшагося отъ литературныхъ источниковъ [54], даютъ право думать, что въ будущемъ такихъ отношеній откроется еще больше, и окажутся вполнѣ правыми тѣ изслѣдователи, которые не ограничатся принятіемъ вліянія Байрона на Лермонтова, а взглянутъ на послѣдняго, какъ на поэта, который воспринялъ и претворилъ въ своихъ созданіяхъ множество разнородныхъ вліяній. Лермонтовъ примыкалъ не къ Байрону только, а вообще къ тому литературному движенію, въ которое Байронъ входилъ лишь какъ одинъ изъ многихъ передовыхъ вождей, и которое имѣло весьма видныхъ представителей также въ литературахъ французской и нѣмецкой прошлаго и настоящаго вѣка. Нашъ поэтъ, хотя обзывалъ французовъ „великимъ“, но „вѣтренымъ племенемъ“ [55], и былъ невысокаго мнѣнія объ ихъ литературѣ [56], подпалъ, тѣмъ не менѣе, въ значительной степени вліянію послѣдней, не прекращавшемуся до конца жизни Лермонтова [57]. Мало того: уясняя вліяніе западно-европейскихъ литературъ на Лермонтова,

---

[53] I, 218.

[54] См., напр., въ рѣчи *П. В. Владимірова*: „Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова“ (VI-я книга „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, 1892, и отдѣльный оттискъ).

[55] I, 318—319.

[56] V, 377: „...имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерканной пьесы Дюсиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, не умѣющихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ ходъ трагедіи“. Ср. отзывъ Лермонтова о французскомъ садѣ: V, 384. Ранѣе Лермонтова и одновременно съ нимъ пренебрежительно отзывался о французской литературѣ Пушкинъ. Рѣшительную антипатію ко всему французскому заявлялъ „Московскій Наблюдатель“.

[57] Такъ, пародируя своего Демона въ „Сказкѣ для дѣтей“, Лермонтовъ, вѣроятно, не остался безъ вліянія подобнаго же пародированія, примѣръ котораго онъ встрѣтилъ во французской литературѣ.

должно восходить не только къ произведеніямъ XIX-го вѣка, но и къ болѣе раннимъ. Начатки нѣкоторыхъ идей и поэтическихъ замысловъ нашего поэта можно находить у такихъ корифеевъ, какъ Шекспиръ [58]. Доселѣ наилучше выяснено вліяніе Байрона на творчество Лермонтова. Воздѣйствіе же Руссо на нашего поэта указано лишь въ самыхъ общихъ чертахъ [59], а равно то значительное вліяніе, какое оказалъ Шиллеръ, внушивъ Лермонтову своеобразный идеализмъ, сочетавшійся въ немъ съ демонизмомъ; мало разъяснено отношеніе творчества Лермонтова къ произведеніямъ А. де-Мюссе и другихъ поэтовъ [60]. А между тѣмъ изъ новѣйшихъ разысканій оказывается, что Лермонтовъ почерпнулъ мотивы для своей поэзіи не у одного, или у

---

[58] Такъ, напр., одна изъ великихъ мыслей Шекспира повторена Лермонтовымъ въ словахъ о томъ, что источникъ душевныхъ мукъ

Находишь въ себѣ самомъ,
И небо обвинять нельзя ни въ чемъ.

Шекспиромъ Лермонтовъ интересовался и за годъ до кончины, когда хотѣлъ добыть „полнаго Шекспира по-англійски“ (V, 430). Вліяніе „Отелло“, сказавшееся въ „Маскарадѣ“, указано *Н. И. Стороженкомъ* въ рѣчи: „Женскіе типы, созданные Лермонтовымъ“ (Русскія Вѣдомости 1891, № 104). Г. *Чуйко* (Всем. Иллюстр. 15 іюля 1891, 42) указалъ еще одинъ слѣдъ вліянія Шекспира.

[59] См. указанія, сдѣланныя г. *Ив. Ивановымъ* въ № 288 „Русскихъ Вѣдомостей“ 1891 г., въ статьѣ: „Лермонтовскій вопросъ“, и ранѣе—въ статьѣ, предпосланной 1 му тому художественнаго изданія.

[60] Въ статьѣ г. *Галахова*: „Лермонтовъ“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1858, т. XVI, стр. 277—311, заключающей прекрасный общій очеркъ того теченія въ западно-европейскихъ литературахъ, къ которому примкнулъ Лермонтовъ, отношеніе послѣдняго къ другимъ поэтамъ помимо Байрона не разъяснено въ частностяхъ указаніями на факты. Лишь въ третьей статьѣ, ib. стр. 609—610, указана вскользь въ самыхъ общихъ чертахъ аналогія героевъ Лермонтова съ героями Бенжаменъ-Констана, де Мюссе и Шатобріана. Такъ же общи и неполны указанія у *Острогорскаго*: Этюды о русскихъ писателяхъ. III. Мотивы Лермонтовской поэзіи, М. 1891, стр. 39—43. Не выдерживаетъ критики и общій тезисъ г. Острогорскаго объ отношеніи творчества Лермонтова къ иностранной литературѣ. По мнѣнію г. Острогорскаго, „хотя нѣсколько величайшихъ иностранныхъ писателей и было знакомо Лермонтову съ ранней юности, но знакомство это было отрывочное, случайное и поверхностное, считая даже и Байрона“. Что до вліянія де Мюссе, то односторонне сосредоточилъ преимущественно на немъ вниманіе г. К. Тр-н-скій въ статьѣ, помѣщенной въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1891 г., № 8, стр. 141 и слѣд. На то, что мысли Печорина объ идеяхъ и страстяхъ напоминаютъ „Senancourt-a и Alfred de Musset“, указалъ г. *Болдаковъ*: Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Провѣренное по рукописямъ изданіе подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова. Изд. Елизаветы Гербекъ. М. 1891, т. I, стр. 436.

нѣсколькихъ, а у многихъ западно-европейскихъ поэтовъ [61] и также у писателей родной страны, Пушкина и др.

Итакъ, самыя разнородныя связи соединяли творчество Лермонтова съ поэзіею Запада. Это не препятствовало однако нашему поэту горячо отзываться на нужды родной земли и вмѣстѣ стать оригинальнымъ выразителемъ національныхъ основъ и собственныхъ могучихъ душевныхъ порывовъ. Какъ истинно даровитый поэтъ, Лермонтовъ воспринималъ изъ общечеловѣческаго творчества то, что подходило къ его личному міровоззрѣнію и настроенію и уясняло послѣднее, и часто лишь вдохновлялся заимствованною общею идеею къ созданію своеобразныхъ новыхъ построеній.

Такимъ образомъ, и творчество Лермонтова подтверждаетъ общее наблюденіе, по которому поэзія вѣчно обновляется, преобразуя старыя концепціи и сообщая имъ новый смыслъ.

Я не имѣю въ виду представить обстоятельное подкрѣпленіе всѣхъ высказанныхъ мною общихъ замѣчаній о поэзіи Лермонтова и ограничусь лишь краткимъ разъясненіемъ ихъ.

---

[61] Такъ, кромѣ перечисленныхъ писателей, какъ указалъ г. Висковатовъ, на Лермонтова оказалъ вліяніе Лессингъ. Отмѣтимъ, между прочимъ, въ драмѣ „Испанцы“ разсужденіе Фернандо о религіяхъ (IV, 54) и убіеніе Эмиліи Фернандомъ (IV, 91), напоминающее закланіе Эмиліи Галотти Одоардомъ. Г. Галаховъ уже въ статьѣ 1858 г. упомянулъ о знакомствѣ Лермонтова съ одною изъ поэмъ Мицкевича. Г. Спасовичъ, Сочиненія, т. II, 358 и слѣд., говоритъ обстоятельнѣе о заимствованіяхъ Лермонтова у Мицкевича. И т. д.

Поминка по Л. К. Лазаревичѣ, сербскомъ писателѣ [1]).

Въ настоящее наше засѣданіе я буду имѣть честь доложить почтенному ученому собранію, въ немногихъ словахъ, о той великой потерѣ, какую понесла 29 истекшаго декабря сербская словесность, а съ нею, смѣю думать, и все славянство, въ лицѣ преждевременно сошедшаго въ могилу въ этотъ день даровитаго писателя *Лазаря Кузьмича Лазаревича*. Докладъ мой будетъ по необходимости коротокъ: свѣжа еще могила, сокрывшая въ себѣ прахъ этого беллетриста, умершаго во цвѣтѣ лѣтъ отъ злаго недуга (чахотки), и не пришло еще время сдѣлать ему правдивую оцѣнку, соотвѣтствующую истинному значенію его писательской дѣятельности, и точно опредѣлить его мѣсто среди сербскихъ собратьевъ по оружію. Я намѣчу здѣсь только выдающіеся моменты его жизни и дѣятельности, сдѣлаю посильную характеристику его, какъ писателя, и укажу вкратцѣ на то значеніе, какое ему придавала еще при жизни сербская печать.

Лазаревичъ родился 1 мая 1851 года [2]) на территоріи нынѣшняго Сербскаго королевства, именно въ Шабцѣ, гдѣ отецъ его Кузьма былъ торговцемъ. По окончаніи Бѣлградской гимназіи, онъ изучалъ, какъ казенный воспитанникъ, врачебныя науки въ Берлинскомъ уни-

---

[1]) Читана въ засѣданіи Истор. Общ. Нестора лѣтописца, 24 февр. 1891 г.

[2]) Въ нѣкоторыхъ славянскихъ повременныхъ изданіяхъ годъ рожденія Лазаревича неправильно показанъ 1849 г. (см. по этому поводу „Отачбину“ 1891 г., 27 книгу, вып. 106—107, стр. VIII).

верситетѣ, гдѣ и кончилъ блестяще курсъ лѣкаремъ. Нужно сказать, впрочемъ, что охоту къ занятіямъ естествовѣдѣніемъ онъ обнаружилъ еще въ Бѣлградѣ, какъ ученикъ гимназіи и слушатель Великой Школы (по отдѣленію правовѣдѣнія), по окончаніи которой онъ даже выпустилъ переводъ Фарадеевой „Естественной исторіи свѣчи".

Послѣ того онъ поселился въ Бѣлградѣ и съ увлеченіемъ занимался врачебною наукою и практикой, какъ городской врачъ Бѣлграда и затѣмъ личный врачъ короля Александра. Врачебное дѣло пришлось ему вполнѣ по сердцу, и намъ извѣстны 22 его доклада въ Бѣлградскомъ врачебномъ обществѣ [1]). На полѣ изящной словесности появился онъ сравнительно поздно, имѣя уже подъ тридцать лѣтъ. Такъ въ 1879 г. въ повременномъ изданіи „Сербска Зора" помѣщенъ былъ первый его разсказъ „Пьрвы пут съ отцем на ютренѣ", поразившій всѣхъ сербскихъ читателей необычайною свѣжестью, простотою и задушевностью. Скоро произведеніе это, гдѣ трогательно разсказана не новая, впрочемъ, исторія искренняго раскаянія селянина, доведшаго свою семью, вслѣдствіе страсти къ игрѣ въ карты, до нищеты, было переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки и нѣкоторыя инославянскія нарѣчія; было оно также нѣсколько разъ перепечатано и въ сербскихъ изданіяхъ („Сьрбадія", „Сокол"). Въ 1880 г. явилось уже болѣе крупное произведеніе его—повѣсть „Школьска икона", напечатанная сперва въ „Словинцѣ", а затѣмъ перепечатанная въ „Сьрбадіи". Это, по нашему мнѣнію, лучшая вещь изъ всего написаннаго Лазаревичемъ, по наибольшей яркости и типичности выведенныхъ въ ней, дѣйствующихъ лицъ, особенно стараго патріархальнаго священника.

Повѣсть эта, первая изъ всѣхъ повѣстей и разсказовъ Лазаревича, явившаяся въ русскомъ переводѣ [2]) и, такъ сказать, открывшая собою дальнѣйшій рядъ переводовъ изъ этого писателя въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія русскихъ читателей по яркому, хотя и безыскусственно-простому, изображенію

---

[1]) Напр о лѣченіи дифтеритныхъ налетовъ насыщеннымъ растворомъ natri benzoici, объ опытахъ съ анти-фибриномъ и пр.

[2]) „Русская Мысль", 1887 г., кн. 4, переводъ А. Степовича. Кромѣ того, въ дѣтскомъ повременномъ изданіи „Родникъ" за 1889 г. явилось, съ разрѣшенія переводчика, сокращеніе этого перевода, сдѣланное редакціею (См. книгу этого журн. за апрѣль 1888 г.).

быта сербской деревни, еще не тронутой городской цивилизаціею. Патріархальные нравы этого сербскаго захолустья, необычайно простыя и естественныя отношенія, существующія между священникомъ и его приходомъ, между пастыремъ и паствою, чрезвычайно напоминаютъ намъ обстановку и нашей деревни, лѣтъ 40—50 тому назадъ, особенно въ Южной Руси; въ этомъ отношеніи указанная повѣсть Лазаревича и повѣсть нашего писателя И. Левицкаго „Старосвѣтскіе батюшки и матушки“ (напечат. въ „Кіевской Старинѣ“) являются изображеніями почти одинаковаго строя вещей и потому вполнѣ родственными, во многихъ случаяхъ напоминающими и пожалуй даже дополняющими одна другую. Русскій переводъ „Школьной иконы“ вызвалъ, какъ уже сказано, цѣлый рядъ переводовъ другихъ повѣстей и разсказовъ Лазаревича въ 1888—1890 гг. въ Рус. Вѣстникѣ, Вѣстн. Евр., Днѣ и пр. (списокъ ихъ см. въ концѣ доклада). Въ 1881 и 1882 гг. въ ежемѣсячникѣ „Отачбина“ явились еще три разсказа Лазаревича, тоже съ содержаніемъ изъ народнаго быта, близко знакомаго автору, и повѣсть „Вертеръ“, изображающая уже образованный слой сербскаго народа. Одинъ изъ этихъ разсказовъ („У колодца) побудилъ даже редакцію „Отачбины“ заявить, что Лазаревичъ несомнѣнно станетъ „Тургеневымъ сербской повѣсти“, какъ Степанъ Любиша—Нѣгошемъ сербской прозы: „Съ радоштью поздравлямо появу оваквог приповедача у нашой книжевности, као што е Л. К. Лазаревичъ. Као год што се ни смо преварили (не ошиблись), кагда за Степана Любишу рекосмо, да е Нѣгуш србске прозе, тако се надамо (надѣемся), да се не хчьемо преварити, (что не ошибемся), ако рекнемо, да хчье Л. К. Лазаревичь постати Тургеневъ србске приповѣтке“. (Отачбина, 1881 г., кн. VI, вып. 23, стр. 344).

Съ 1882 г. по 1888 г. является шестилѣтній перерывъ въ писательской дѣятельности Лазаревича, въ теченіе котораго онъ не далъ ничего въ области изящной словесности. Лишь въ 1888 г. написанъ былъ имъ разсказъ съ фантастическимъ содержаніемъ „Вѣтеръ“, уступающій однако, по общему признанію, прежнимъ его произведеніямъ (См. Отачбина, кн. 21, 485 стр.).

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Лазаревичъ былъ увѣнчанъ премію имени Николая Мариновича отъ Бѣлградской академіи наукъ за свое послѣднее произведеніе [1]) („Он зна све“, изд. академіи

[1]) См., между прочимъ, „Новое Время“, № 72—73, за 1890 г., гдѣ помѣщена и оцѣнка новаго произведенія Лазаревича.

1890 г.) на основаніи отзывовъ г. Св. Вуловича и Др. Милана Іовановича (Отачбина 1891 г., кн. 27, вып. 106—107).

Мы уже сказали, что въ Лазаревичѣ сербская словесность потеряла сравнительно довольно крупную силу. Дѣйствительно, повѣствовательный даръ этого писателя ставилъ его значительно выше прочихъ современныхъ ему сербскихъ писателей, и ни Веселиновичъ, ни Матавуль, ни Адамовъ, ни кто-либо другой изъ живущихъ нынѣ и дѣйствующихъ еще сербскихъ писателей не въ состояніи заставить сербское читающее общество забыть эту великую потерю....

Лазаревичъ писалъ чрезвычайно мало; написано имъ гораздо менѣе того, что́ позволяло ему его значительное беллетристическое дарованіе. Въ 1886 году въ Бѣлградѣ вышла небольшая книжка, заключавшая въ себѣ все, написанное до того времени Лазаревичемъ въ области изящной словесности. Это все состояло изъ шести только небольшихъ разсказовъ и повѣстей; если прибавить два произведенія, написанныя въ 1888 г. и послѣ, то получимъ всего восемь произведеній,—количество весьма не значительное, какъ для времени, въ теченіе коего явились они (одиннадцать лѣтъ), такъ и для дарованія такой большой величины, какимъ обладалъ Лазаревичъ. За то количественная незначительность написаннаго имъ вознаграждается довольно высокимъ качествомъ: почти всѣ разсказы и повѣсти этого писателя являются цѣннымъ вкладомъ въ небогатую сокровищницу новѣйшей сербской изящной словесности какъ въ чисто литературномъ отношеніи, такъ и особенно, на мой взглядъ, какъ художественное воспроизведеніе любопытныхъ бытовыхъ данныхъ изъ жизни Сербскаго народа.

Что же касается собственно незначительнаго количества написанныхъ Лазаревичемъ вещей, то, насколько удалось это мнѣ узнать во время пребыванія моего въ Сербіи (1889 г.), едва ли не главною причиною этого обстоятельства слѣдуетъ признать необыкновенную скромность этого писателя, доходившую даже до чрезмѣрнаго умаленія имъ своихъ творческихъ силъ. Мнѣ приходилось, напр., не однажды и читать въ печати и слышать лично въ Бѣлградѣ отъ разныхъ лицъ слѣдующее вполнѣ правдоподобное сообщеніе касательно этой стороны дѣла. Въ 1882 г. Лазаревичу удалось обстоятельно ознакомиться съ произведеніями величайшаго представителя послѣгоголевскаго періода

русской литературы Л. Н. Толстого. Впечатлѣніе отъ этого знакомства было произведено на него громадное, ошеломляющее, неожиданное и, въ смыслѣ интересовъ сербской словесности, очень даже нежелательное. „Прочелъ я, разсказывалъ Лазаревичъ, Толстого и.... перо выпало у меня изъ рукъ. Развѣ возможно писать послѣ такихъ геніальныхъ вещей, какъ „Война и Миръ“ и „„Анна Каренина“? И тридцатилѣтній писатель, успѣвшій въ теченіе лишь какихъ-нибудь трехъ лѣтъ стать чуть ли не во главѣ родной литературы, дѣйствительно бросилъ перо и не бралъ его въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ! Лишь незадолго до своей смерти, какъ сказалъ я выше, онъ опять возвратился къ творчеству. Это обстоятельство, надѣюсь, можетъ послужить наилучшимъ объясненіемъ причинъ, въ силу которыхъ даровитый писатель оказался такъ мало плодовитымъ....

Отличительною чертою творчества Лазаревича является чрезвычайная безпритязательность и, такъ сказать, дѣтское простодушіе разсказа, вполнѣ отвѣчающія тому народно-бытовому складу и содержанію, которое составляетъ главную основу почти всѣхъ его произведеній. Тутъ простота, безыскусственность формы идетъ рука объ руку съ крайнею несложностью изображеній эпическаго быта и склада жизни того слоя Сербскаго народа, какой по преимуществу любовно изображается Лазаревичемъ. И при этомъ никакой поддѣлки подъ народъ: вы видите полное отсутствіе всякой дѣланности какъ въ языкѣ, такъ и въ изображеніи и развитіи сюжета. Повѣсть „Школьная икона“ и разсказъ „Первый путь съ отцемъ на ютренѣ“ особенно отличаются этой трогательной простотою и патріархальностью содержанія, непосредственностью отношенія къ нему самого автора и безыскусственностію изложенія, первобытною яркостью красокъ въ языкѣ и образныхъ средствахъ его.

Несомнѣнно, что все это подкупало сербскаго читателя и заставляло его особенно увлекаться Лазаревичемъ; въ этомъ же заключается причина и той сравнительно высокой оцѣнки, какую даетъ сербская печать Лазаревичу, какъ беллетристу, и какая, иногда бывала нѣсколько преувеличена, особенно въ глазахъ свѣдущаго русскаго читателя, владѣющаго такими сокровищами поэтическаго творчества, какъ произведенія Л. Н. Толстого, Гончарова, Тургенева, Достоевскаго и др.

Но указанное явленіе, т. е. преувеличенная оцѣнка сербскою печатью поминаемаго нами писателя, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, нѣсколько оправдано и обосновано тѣмъ обстоятельствомъ, что Лазаревичъ является дѣйствительно типичнѣйшимъ представителемъ новѣйшей сербской словесности, наиболѣе рѣзко отразившимъ въ себѣ ея существеннѣйшую особенность, а именно полный, такъ сказать, демократизмъ какъ содержанія, такъ и языка. Дѣло въ томъ, что Сербія, по самымъ условіямъ своего возрожденія и возстановленія, явилась страною простонародною по преимуществу. Всѣ лучшіе люди ея, дѣйствовавшіе на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, вышли прямо изъ простонародной среды; потому-то и писатели, вышедшіе изъ той же среды, понемногу поставили дѣло такъ, что литература, какъ по языку, такъ и по содержанію, сдѣлалась непосредственнымъ выраженіемъ народной души и жизни.

Съ литературнымъ преданіемъ предковъ новая сербская словесность, какъ извѣстно, почти совсѣмъ порвала всякія связи, и этотъ разрывъ получилъ даже весьма характерное внѣшнее выраженіе въ видѣ новѣйшаго сербскаго правописанія, которое Вукъ Караджичъ основалъ, какъ извѣстно, исключительно на фонетическомъ началѣ. Почти все содержаніе новѣйшей сербской изящной словесности состоитъ изъ чисто народныхъ бытовыхъ очерковъ, разсказовъ, многомного повѣстей въ родѣ „Школьной иконы“; вотъ почему всѣ это содержаніе невольно пріобрѣтаетъ чисто этнографическій, такъ сказать, характеръ и значеніе, и поминаемый нами Лазаревичъ, въ глазахъ серба, является наиболѣе значительнымъ и сильнымъ представителемъ и выразителемъ этой особенности сербскаго писательства. Не удивительно поэтому, что почти всѣ журнальные цѣнители произведеній Лазаревича называли его не иначе, какъ „нашъ Тургеневъ“, „српски Тургеневъ“, „очевидни ученикъ великог приповѣдача руског Тургенева“ (см. напр. отзывы въ „Яворѣ“, „Narodni'хъ Novina'хъ“ и вышеприведенное мнѣніе временника „Отачбина“).

Намъ только кажется, что сравненіе Лазаревича съ Тургеневымъ сдѣлано сербскими критиками неудачно; того и другаго нельзя сравнивать не только въ смыслѣ размѣровъ дарованія; самое творчество ихъ разнородно. Изъ всѣхъ произведеній Тургенева, который долженъ быть признанъ по-преимуществу поэтомъ интеллигенціи, однѣ развѣ „Записки Охотника“ могутъ подлежать сравненію съ разсказами Лазаревича,

будучи съ ними болѣе или менѣе однородны. Скорѣе сербскій писатель можетъ быть приравниваемъ къ такимъ нашимъ писателямъ-народникамъ, какъ Успенскій Глѣбъ, Левитовъ, Златовратскій и др. Только у него болѣе непосредственнаго отношенія къ народу, что, конечно, должно быть объяснено просто вышеуказаннымъ мною природнымъ, такъ сказать, демократизмомъ новѣйшей сербской словесности. Отъ такихъ личностей, какъ старый сельскій священникъ въ повѣсти „Школьная икона", дѣдъ Матвѣй въ разсказѣ „У колодца", вѣетъ чудной эпической простотою того еще первобытнаго строя вещей, изъ котораго Сербія мало по малу уже волей-неволей выходитъ на рутинный культурный путь западно европейской и спеціально австрійской цивилизаціи. Стоитъ только перейти этому общественному строю вещей въ область преданія, исчезнувши навсегда изъ жизни, и сербскимъ писателямъ неоткуда уже будетъ почерпать матеріалъ для такихъ разсказовъ, какъ разсказы Лазаревича; иной порядокъ вещей наступитъ, явятся новые люди, чисто европейскаго облика, лишенные спеціально-народной окраски, и тогда только настанетъ пора для повѣстей и разсказовъ Тургеневскаго пошиба...

Вслѣдствіе вышеуказанной эпической простоты и безыскусственности, разсказы Лазаревича, мнѣ кажется, смѣло могутъ быть пущены для чтенія и нашего грамотнаго люда, особенно деревенскаго, у котораго они несомнѣнно найдутъ хорошій пріемъ, будучи для него вполнѣ понятны и доступны по содержанію и по внѣшней манерѣ изложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко проникли бы въ эту грамотную народную среду и болѣе правильныя и здравыя понятія о сербахъ, какъ объ одномъ изъ славянскихъ племенъ, наиболѣе близкомъ къ русскому по языку, по особенностямъ быта и склада жизни; особенно въ религіозномъ отношеніи, какъ племя единовѣрное, сербы могли бы возбудить къ себѣ *сознательное* сочувствіе русскаго простолюдина, что одно могло бы уже считаться успѣхомъ въ дѣлѣ развитія въ нашихъ массахъ сознанія своего славянскаго происхожденія и единенія съ другими соплеменными и притомъ иногда единовѣрными народами. Наши комитеты грамотности и разныя коммиссіи народныхъ чтеній нашли бы, какъ мнѣ кажется, въ разсказахъ Лазаревича довольно благопріятный матеріалъ, притомъ благодарный, отличающійся своею свѣжестію и отсутствіемъ всякой дѣланности, чѣмъ такъ часто

грѣшатъ иногда наши изданія для народнаго чтенія. Намъ остается только пожелать скорѣйшаго исполненія этого предположенія; тогда успѣшное распространеніе въ народной средѣ Лазаревичевыхъ разсказовъ было бы болѣе или менѣе обезпечено.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Списокъ русскихъ переводовъ изъ Л. К. Лазаревича.

Русская Мысль за 1887 г., кн. 4. „Школьная икона“, переводъ А. Степовича.

Родникъ за 1888 г., кн. 4. Сокращеніе вышеозначеннаго перевода, подъ новымъ заглавіемъ: „Марьица“. Разсказъ снабженъ иллюстраціями.

Вѣстникъ Европы за 1888 г., кн. 7. „Въ первый разъ у заутрени“ (Први пут с отцем на ютрњу), переводъ г. Н. Г.

Гражданинъ за 1888 г. (Приложенія): 1) „Въ добрый часъ, гайдуки!“, переводъ г. Д. Никольскаго (У добри час, хајдуци!) и 2) „Все это народъ позолотитъ“ (Све хтье то народ позлатити), переводъ г. Д. Н.

Русскій Вѣстникъ 1890—91 г.: 1) „За народомъ не пропадетъ“ (Све хтье то народ позлатити); 2) „У колодца“ (На бунару); 3) „Вертеръ“ (1891 г., кн. 3). Переводъ всѣхъ этихъ трехъ разсказовъ сдѣланъ г. С. Шараповымъ.

День 1889 г. „У колодца“ (На бунару), перев. г. М. Жераича.

Такимъ образомъ остаются неизвѣстными русскому читающему обществу только два разсказа Л. К. Лазаревича: „Вѣтеръ“ и „Онъ все знаетъ“ (Послѣдній разсказъ удостоенъ, какъ было выше сказано, денежной награды въ 500 динаровъ, присужденной Сербскою Академіей); мы не сомнѣваемся, что въ скорости и эти произведенія станутъ достояніемъ русской изящной словесности, такъ какъ интересъ къ этому сербскому писателю у нашего образованнаго общества, повидимому, еще неохладѣлъ. Такъ въ 1891 году нѣкто г. С. Шараповъ предпринялъ изданіе: „Восточно-европейскіе писатели въ русскомъ переводѣ“ отдѣльными небольшими выпусками, гдѣ Лазаревичъ, конечно, долженъ

занять одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ; дѣйствительно, уже первый выпускъ этого изданія, которому можно во всякомъ случаѣ пожелать успѣха у нашихъ читателей, заключаетъ въ себѣ именно одинъ изъ разсказовъ этого писателя „У колодца“.

А. Степовичъ.

ОТДѢЛЪ III.

МАТЕРІАЛЫ.

СВЯТАГО КИРІЛЛА,

ЕКСАРХА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО, ИГУМЕНА,

НАУКА О ПРОТИВНОЙ УНІИ,

противъ благочестивыхъ свещенниковъ православныхъ ясное указаніе.

„Наука о противной уніи"—памятникъ полемической литературы, составленный около 1626 года.

Предлагаемый нами памятникъ, подъ заглавіемъ: „Наука о противной уніи.. Кирилла"... (Лукариса), извлеченъ изъ рукописнаго сборника, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 376 in 4°. Сборникъ этотъ писанъ почти цѣликомъ однимъ почеркомъ (скорописью), мелкимъ, иногда четкимъ, иногда нечеткимъ, нѣсколько небрежнымъ. Составитель сборника, повидимому, жилъ въ Москвѣ, въ концѣ XVII в.; такъ можно думать, съ одной стороны, потому, что онъ внесъ въ сборникъ поученіе патріарха Іоакима, напечатанное въ 1688 г., и нѣсколько документовъ 80-хъ гг. XVII в. Онъ былъ, повидимому, однимъ изъ образованнѣйшихъ московскихъ людей конца XVII в., знавшихъ по гречески и по латыни, и любилъ щегольнуть припи-сками, въ родѣ: τέλος καὶ τῷ Θεῷ δόξα. Между списанными имъ статьями мы находимъ нѣсколько относящихся къ борьбѣ православія съ католичествомъ и уніею, каковы: „Наука" Кирилла, „Бесѣда Бѣлоцерковская" Іоанникія Галятовскаго, нѣсколько документовъ, имѣющихъ связь съ дѣломъ патріарха Никона (отписки разныхъ архіереевъ къ царю по случаю клятвы Никона на патріарха Питирима, отвѣты Паисія Лигарида Стрешневу), нѣсколько проповѣдей на разные случаи (на погребеніе „честного человѣка", „честной жены", „воинскаго человѣка"), отрывокъ изъ введенія въ курсъ латинскаго языка („Vestibulum ad latinitatis januam"), наконецъ книгу о томъ, „какъ солдатомъ оружьемъ владѣти".

Востоковъ считаетъ сборникъ написаннымъ въ Польской Руси. Вѣроятнѣе же, однако, то, что онъ составленъ въ Москвѣ мѣстнымъ

книжникомъ, хорошо знакомымъ съ памятниками письменности какъ Московской Руси, такъ и Юго-Западной. Признаки его московскаго происхожденія оказываются въ томъ, что онъ западно-русскія и польскія слова переводитъ на сѣверно-русскій языкъ, или польскія выраженія пишетъ русскими буквами (напр. выраженіе: „со niesiesz, czy wielie? próżne ręce nie maią miejśca w tém kościele“...), что въ приписке на обор. 30 листа написаны выраженія чисто славянскія, безъ всякихъ южно-или западно-русскихъ особенностей; что касается глоссъ на поляхъ поученія патріарха Іоакима, состоящихъ изъ южнорусскихъ словъ, на которыя указываетъ Востоковъ, то едвали онѣ сдѣланы составителемъ, а не однимъ изъ читателей или позднѣйшимъ владѣльцемъ сборника. Наконецъ, почеркъ сборника, по словамъ А. И. Соболевскаго, одинъ изъ обычныхъ великорусскихъ почерковъ XVII в., безъ всякихъ южно-русскихъ чертъ.

Статьи сборника могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: однѣ изъ нихъ тѣ, которыя нерѣдки въ великорусскихъ спискахъ XVII в. (эсхатологическія предсказанія Андрея Юродиваго, поученія Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Златоустаго, отвѣтъ Лигарида); другія принадлежатъ къ памятникамъ южно-русской литературы XVII в. („Наука“ Кирилла, „Бесѣда“ Галятовскаго, „Слово на Благовѣщеніе“). Онѣ расположены безъ всякаго порядка; отсюда видно, что составитель помянутаго сборника вносилъ ихъ постепенно, въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени, имѣя въ виду только свои личныя потребности и интересы.

Предлагаемый нами памятникъ подъ заглавіемъ: „Наука Кирилла“ до сихъ поръ неизвѣстенъ въ печатныхъ изданіяхъ. Безъ сомнѣнія, онъ не принадлежитъ Кириллу Лукарису, а пущенъ въ ходъ подъ его именемъ для бо́льшаго авторитета, что́ было въ обычаѣ нашихъ старыхъ книжниковъ. Дѣйствительнымъ авторомъ его былъ, мы думаемъ, западно-руссъ, какъ это видно изъ языка и страстной непріязни автора къ папизму и іезуитамъ, нанесшимъ столь чувствительный ударъ православію въ Юго-Западной Руси. Составитель нашего памятника едва-ли былъ человѣкъ съ систематическимъ школьнымъ образованіемъ; онъ скорѣе былъ начетчикъ и притомъ изъ простецовъ, хотя читавшихъ довольно много. Онъ жилъ, повидимому, не въ близкое время отъ начала уніи, потому что имѣлъ

смутное представленіе о лицахъ и событіяхъ первыхъ временъ уніи.

Предлагаемый нами памятникъ интересенъ не какъ историческій документъ, сообщающій намъ какія-либо новыя данныя для исторіи уніи и борьбы православныхъ съ нею, а какъ памятникъ литературный. Это-полемическое сочиненіе объ уніи, построенное на основѣ историческихъ и легендарныхъ преданій о ней и народныхъ воззрѣній на нее среди православныхъ и сопровождающееся исчисленіемъ латинскихъ заблужденій, напоминающихъ обличительные пункты Іоанна Вишенскаго на унію [1]).

Въ нашемъ памятникѣ встрѣчается нѣсколько непонятныхъ выраженій, быть можетъ, неудачно прочтенныхъ переписчикомъ изъ великороссовъ, недостаточно знакомымъ съ западно-русскимъ нарѣчіемъ, выраженій, возстановленіе которыхъ теперь затруднительно.

При воспроизведеніи „Науки объ уніи“ въ печати титлы раскрыты, и въ концѣ словъ проставлены ъ и ь вездѣ, гдѣ нѣтъ этихъ буквъ въ рукописи.

А. Крыловскій.

---

[1]) Ак. Ю и З. Р., т. II, стр. 205—270.

Святаго Кирілла, ексарха Александрійскаго, игумена, наука о противной уніи, противъ благочестивыхъ свещенниковъ православныхъ ясное указаніе.

Вы, священницы благочестивіи, пытаете, православныи отцы и братія любезная, пытаете многократне, что есть унѣа и якій пожитокъ приноситъ христіяномъ. Если же тежъ любовь ваша, а зрозумѣти рачте.

Розумѣется унѣа, по просту рекши згода, то есть едность двомъ набоженствомъ, греческому и латинскому, которую предъ всѣми людми залецаютъ, абы до ней приступили.

Такъ же и насъ и васъ ловятъ лагодне латинницы и унѣаты.

Тая унѣя за Святыхъ Апостоловъ неслыхана, и отъ Святыхъ Отцовъ не постановлена, и на святыхъ соборахъ не потверженна, и отъ святыхъ мучениковъ не вызнаванна, и отъ давныхъ вѣковъ за святыхъ ся не оказывала, а же теперь выникнула ново недавно отъ л̄-ти лѣтъ за Григорія тринадцатаго, папы римского, зъ новымъ календаромъ. Тая унѣа, недавныхъ часовъ, забѣгла тутъ до нашое Руси и по околичныхъ сторонахъ зъ Рыму по воплощеніи Христовомъ року ҳафпв, гды смышленное послушенство относили до Рыму владыки русскіи папежу рымскому. А меновите о знайму тыхъ особъ двохъ, которые доброволне отдали папежу послушенство. Первая особа на имя Ипатій Потѣй, который, первѣй будучи христіаниномъ, потомъ, покинувши вѣру христіанскую, былъ розмаитымъ геретикомъ: напе-

редъ былъ нуркомъ, потомъ новокрещенцомъ аріаниномъ, и жидомъ былъ, отрѣкшися Христа, и въ школѣ жидовской молился [1]); потомъ ксіонже Острозскій Василій, воевода кіевскій, просилъ святѣйшого патріарху Іеремея, будучого на той часъ въ Вилнѣ, по зверженю Онисифора, просилъ, мовлю, абы того Патѣя отъ жидовства намовилъ на христіанство, которого патріарха святѣйшій и окрестилъ коштомъ князцѣмъ. По крещеніи ксіонже его мл., роскохавшися въ нюмъ, же тотъ сталъ христіаниномъ, тамъ же заразъ казавъ его посвятити на владыцтво Володимерское святѣйшому патріарсѣ; а потомъ того Патѣя зъ владыцтва тогожъ святѣйшого патріарху просивъ ксіонже его мл., же бы его посвятилъ на митрополію патріарха, на которомъ посвященію зрозумѣлъ святѣйшій патріарха, же ся церковь Божая не утѣшитъ съ того человѣка, и не хотѣлъ его посвящати, ажъ ледва упросивъ ксіонже его мл. святѣйшого патріарху Іеремеа, мовячи такъ, же, повѣдаетъ, будетъ изъ него человѣкъ добрый, бо южъ былъ розмаитымъ геретикомъ, и такъ повѣдаетъ: сподѣваюся, же будетъ уже сталымъ у вѣрѣ христіанской. Теды той Патей [2]), по отъѣздѣ патріаршой, не много потрывавши, и здрадивши ксіонженця и речь посполитую и свою присягу, якъ ся былъ обѣцалъ сталымъ быти у вѣре христіанской, потаемнѣ утекъ до Рыму зъ владыкою луцкимъ Терлецкимъ двуженцемъ, отдаючи послушенство папежовѣ рымскому въ року ҂ахф҃чв [3]). И приѣхавши зъ Рыму д҃і лѣтъ таився зъ унѣею, не показуючися быти такимъ, ажъ ся показало сего року,

---

[1]) Подобные толки о Поцѣѣ ходили у современниковъ, какъ это видно изъ „Перестроги“ (Ак. З. Р., т. IV, № 149, стр. 209) и „Густинской лѣтописи“ (Полное Собр. Русск. Лѣтописей, т. II, стр. 371).

[2]) Поцѣй былъ рукоположенъ во епископа владимірскаго и брестскаго Михаиломъ Рогозою, митрополитомъ кіевскимъ, въ 1593 году, по предписанію короля, „ни чѣмъ ся не вымовляючи“ (Ак. Зап. Р., т. IV, № 44). Слѣдовательно, писатель нашего сборника смѣшиваетъ Михаила Рогозу и Ипатія Поцѣя, когда говоритъ, что патріархъ Іеремія при посвященіи Поцѣя „зрозумѣлъ, же ся церковь Божая не утѣшитъ съ того человѣка“. Въ Густинской лѣтописи читаемъ: „Духъ святый, дѣйствуя въ патріарсѣ, не благоволи въ немъ (т. е. Михаилѣ Рогозѣ), и не хотяше его святити патріархъ; но послѣди, моленіемъ отъ многихъ убѣжденъ бывъ, рече: аще достоинъ естъ, якоже вы глаголите, буди достоинъ; аще ли не достоинъ есть, азъ чистъ есмъ отъ сего, вы узрите; и тако посвяти его“ (Пол. Собр. Рус. Лѣтоп., т. II, стр. 369; Ак. З. Р., т. IV, „Перестрога“, № 149, стр. 206).

[3]) Въ этомъ году впервые владыками было заявлено согласіе на унію. А. Ю. З. Р., т. I, № 202.

то есть д҃і, во Лвовѣ; [1]) и не принялъ его во Лвовѣ жаденъ человѣкъ ани до жадное церкви его не допустили, ани проскуръ ему не дали. Але онъ, купивши на рынку пироговъ, и служилъ собѣ въ костелѣ литоргію у фари, а на мещанъ пофалявся, же его за митрополита не приняли, а на архіепископа отца Гедіона Балабана лвовского, еѯарху константинополского, позовъ свой положивъ и листъ свой проклятый на дверохъ церковныхъ Успенія Пречистой и Преблагословенной Богородицы Приснодѣвы Маріи въ мѣстѣ у звонницы мурованной прибити казалъ; потымъ довѣдавшися его милость отецъ архіепископъ Гедіонъ Балабанъ, же на его епископію наехалъ, и приѣхавши до Лвова сталъ у св. Георгіа на передмѣстю въ церкви каѳедралной, казалъ тотъ листъ Патѣевъ изняти изъ дверей церковныхъ, утверждаючи христіанъ, ижъ то есть речь проклятая того-то Патѣя и не маетъ въ собѣ жадное моци и благословенства; и прибилъ свой листъ благословенный такий противъ того листу тымъ способомъ пишучи, же то есть речь проклятая тая унѣя; и научалъ много христіанъ, абы ся не дали зводити, а тому Патѣю далъ позовъ, же наѣхалъ на его епископію; тамъ же въ понедѣлокъ, на сошествіе Святаго Духа, до единоя каменици казалъ ему ся становити, тому-то Патѣю. Где тыжъ тамъ, въ той каменици, были два воеводы любелскій [2]) и белзскій [3]), такъ тыж и розмаитыхъ людей за архіепископомъ

[1]) Въ 1604 году Ипатій Поцѣй, желая завладѣть Львовскою епископіею и Юрьевскою соборною церковью, прибылъ во Львовъ; но мѣщане въ лицѣ ставропигіальнаго братства окружили церковь и епископскій домъ и Поцѣю въѣхать не дозволили. Вслѣдствіе чего Поцѣй принужденъ былъ остановиться у латинника аптекаря Яна, откуда потребовалъ, чтобы владыка львовскій Гедеонъ, духовенство и братство явились къ нему и признали бы надъ собою его власть, угрожая, въ случаѣ ослушанія, употребить строгія мѣры. Приказаній Поцѣя никто не послушался и не явился на его зовъ. Поцѣй принужденъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ (Зубрицкій, Лѣтопись Львовскаго ставропигіальнаго братства, подъ 1604 г.).

По поводу пребыванія Поцѣя во Львовѣ братство составило нѣсколько назидательное наставленіе Поцѣю, а львовскій протопопъ Григорій, епископскій намѣстникъ, написалъ цѣлое соборное посланіе къ духовенству и мірянамъ львовской епархіи, въ которомъ, жалуясь на Поцѣя, говоритъ, что онъ „великій розрухъ и розтеркъ и звады межи поспольствомъ, звыклымъ въ покою жити, починилъ, подъводячи люди на люди и уряды такъ духовного, якъ и свѣцкого стану, на чиненье кривдъ, саженя и винами караня, изъ цеховъ витисканье, отсуженія чти.... (Петрушевичъ, „Сводная Галицко-Русская Лѣтопись съ 1600 по 1700 годъ“, стр. 403—405).

[2]) Маркъ Собѣскій (Niesiecki K., Herbarz Polski, wydanie przez Bobrowicz. Lipsk. 1839 -1846, т. I, стр. 186 и т. VIII, стр. 429—431).

[3]) Станиславъ Влодекъ (Niesiecki, т. I, стр. 192 и т. IX, стр. 374—375).

своимъ, окромъ посполитого люду, которого барзо много было коло тое каменицы, ходячи за своимъ епископомъ; потомъ и Патѣй пришолъ, и, гды ввойшолъ до каменици, теды отецъ архіепископъ на привитаню не далъ ему руки и анѣ всталъ предъ нимъ, ани сидѣти ему далъ, але казалъ ему, тамъ же стоячи, справлятися, мовячи до него: „для чегось ты наехавъ на мою епископію, будучи зверженнымъ отъ сану епископского на соборѣ Берестійскомъ и будучи простымъ нѣякимсь земяниномъ, и смѣешь безпечне литургисати; або того не вѣдаешь, же гды якая бестія доткнется якой святости, теды южъ не можетъ ся назвати святостью? Такъ ани твоя служба не маетъ въ соби жадной моци, анѣ святости“. Тогды Патѣй, не могучи ся оправдити, назвался митрополитомъ папезскимъ, на што и привилеймы хвалился; потомъ отложили тую справу до заутрія на вовторокъ, поневажъ вечерня наспѣла. На завтрій день отецъ архіепископъ казалъ у великій звонъ звонити, абы ся люде собрали; тамъ ихъ научалъ, утверждалъ, абы крѣпко въ святой вѣрѣ стояли и на сеймахъ, южъ не новина, противъ таковыхъ геретиковъ становитися могли. По божественной литургіи знову до тое каменницы отецъ епископъ зъ множествомъ христіанъ приповъ; пришовъ тежъ и Патѣй; и много ему отецъ епископъ прѣтивъ и до великаго встыду Патѣй пришолъ, не могучися оправдити, або вѣмъ знову были тамъ тые два воеводы любелскій и белскій; потымъ зъ великимъ гнѣвомъ розіишлися. На завтрій день, въ середу, рано казалъ отецъ епископъ у великій звонъ звонити, абы ся люде зобрали, и служилъ самъ литургію соборомъ, и, утвердивши люди, отехалъ до Галича отецъ епископъ; а Патѣй, поприбіявши листы свои по костелахъ и въ церкви той же Успенія Пресвятое Богородицы у мѣстѣ, а самъ почалъ возы готовати и стацѣю свою на дорозѣ казалъ вернути и самъ зе Львова утѣкъ, грозячися на мещанъ, же его за митрополита не приняли. Потомъ въ четвертокъ рано пріѣхали до Львова коморнѣцы отъ князя Острожского Василіа, воеводы кіевского, шпѣгуючи того Патѣя, але южъ его во Львовѣ не застали и глядѣли его листовъ по всѣхъ костелахъ рымскихъ; которые листы сами ляхи познѣмали, абы ихъ не освѣдчано; и съ тымъ оные слуги поѣхали до Галича за отцемъ архіепископомъ, просячи его мл. до князя его милости. Поты конецъ той справѣ.

А хочете лѣ вѣдати, для чого то унѣю тѣ двѣ особѣ приняли вышь меновапные, то есть Ипатій Потѣй, а другій Кирило Терлец-

кій? Для того, иж имъ то обецано дати мѣйсце у радѣ кролевской, при лягату папезжскимъ; и гды ихъ легатъ послалъ за папежа тыхъ выше менованныхъ особъ, абы ся тамъ, поклонивши, и послушенство отдали папежу въ Рымѣ, обецуючи имъ легатъ при собѣ завше мѣйсце заседати дати на сеймѣхъ при арцибискупахъ и ксенжахъ, скоро зъ Рыму приѣдутъ отъ папежа зъ свѣдоцтвомъ. И такъ съ тоею обетницею отъ легата папѣского поѣхали до Рыму и, ведлугъ пожаданя своего, якъ хотѣли, такъ и справили, отдаючи бовѣмъ отъ всѣхъ владыкъ послушенство папежу, которымъ владыкамъ анѣ ся снило.

Теды папежъ, розумѣючи правдою, жебы его всѣ владыки признали, яко то митрополита, заразомъ росказалъ имъ по лацѣнѣ отправовати въ Корунѣ Полской по церквахъ, а стѣны въ волтарѣ входячие и съ царскими дверми и сѣверскими вырѣзовати казалъ папѣжъ, же бы власне не церквы, але костелы были; и для того имъ по латине росказалъ конечне отправовати, а руское церковъное набоженство все попалити, мовячи такъ до нихъ папежъ: „нехай будетъ единъ пастырь и едина овчарня“. Они, обачивши, же зле, же то заразъ бы приехавши изъ Рыму набоженство грецкое покинувши въ церквахъ, а до того и стѣны олтарные повырѣзовати, а до того еще же до Рыму потаемне утекли, отдаючи послушенство съКороны Полское и тежъ безъ вѣдомости вшисткихъ владыкъ и всего духовенства, и христіанства.

І тамъ, скоро пріѣхали зъ Рыму, на сеймъ до лягата папезского розумѣючи, же мѣйсце засядутъ зъ нимъ и тежъ и зъ арцибискупами рымскими на сеймѣ, ажъ ихъ надѣя обмылила: абовѣмъ презъ увесь сеймъ росказалъ имъ лягатъ стояти у дверій, единому у единого ушака, а другому у другого; и такъ и теперь мѣйсца нѣ маютъ тые слѣпые вожове зъ своею зъ гнилою уніею, съ которыхъ и теперь, ляхи смѣются не вымовне, а они тежъ, ослѣпившися тоею манѣею, тиснутся до костела, хочай ихъ бы намнѣй костелъ не потребуетъ; а теперь хочай бы и рады назадъ обернутися, такъ не машъ якъ, бо сами того хотѣли; а отъ насъ ся отщепили и отъ святой восточной церкви, и святыхъ патріарховъ, и стали ся подъ клятвою за тое, которые уже и сами изгнили и намъ тоей прелести наисѣрыли, якъ саранча свой плодъ розпустила. Такъ унѣа христіанскому роду закону сказителница и вынищитъ усилуетъ святую православную христіанскую вѣру; тая унѣя на грѣхъ кождого приводитъ, для которой

присягу свою каждому зломити муситъ; тая унѣа выволанцемъ церковнымъ, и отгнаннымъ попомъ презъ негодность пышнымъ, и пяницамъ, и лотромъ, шалбѣромъ, лакомцомъ, и негоднымъ, и святокупцомъ, и двоеженцомъ есть смачна и угодна; тая унѣя на всѣ роспустности позволяетъ духовнымъ попомъ и чернцомъ на мясо едзеня; тая унѣя гвалтъ и мусъ чинитъ и насиловане святымъ Божіимъ церквамъ и гонитъ насъ въ латинскій костюлъ, иже бы зъ насъ (яко зъ нихъ самыхъ) [1]), якъ зъ глупцовъ, шидили ляхи; тая унѣя нѣ отъ небесъ, нѣ отъ Іерусалима, нѣ отъ востока ей подано, але въ Рымѣ вылупилася, якъ зміа зъ ейца, а тутъ ядъ свой изливаетъ всюды; тая унѣя нѣ жидовъ, нѣ турковъ, нѣ ормянъ, нѣ татаръ, анѣ новокрещенцовъ не приводитъ на свою гнилую отъ Бога проклятую унію, тылко вѣрныхъ христіанъ трвожатъ и турбуютъ; тая унѣа у Грецескомъ народѣ и въ Московскомъ царствѣ не маетъ мѣстца, и брѣдятся ею вѣрные христіане; тую унѣю зъ вѣковъ залецаютъ каждому слѣпые вожове, и хто зъ нею шлюбъ возметъ, достанетъ або уряду, албо именя, албо шляхецтва, любъ тыжъ и воеводства; тая унѣя пилно ся у томъ кохаетъ, абы рымского папежа хвалено и жебы пріимовано его уставы, якъ онъ что роскажетъ, бы вже и о Христѣ мало споминано было, тая унѣа не кажетъ мѣти Христа за голову церкви, тылко одного человѣка на всюмъ свѣте рымского папежа, о которомъ вѣрныи пытается: если тая голова ровно изъ иншими будетъ умирати, то южъ Богомъ быти не можетъ, а за тымъ, гды смерть, ажь и вамъ, унитомъ, и собѣ нѣчого не поможотъ; тая унѣа труднѣйшая надъ турецкую неволю, бо тамъ въ Турцехъ вѣры не зневоляютъ; тая унѣя—церографъ на тос, абы выполняти, што имъ старшие кажутъ, вымысливши ведле своихъ мозговъ, а не волею Божеею; тая унѣа до потваровъ, сами жъ зачепивши христіанъ и причину давши, заразъ до протестатіи, до позвовъ, до права а до статутовъ пакъ, такъ умѣютъ и знаютъ раздѣлы и артикулы на память лѣпшей, нижели зачала въ Евангеліи; тая унѣя ворота до всѣхъ новинъ злыхъ, которыи старожитные Святыхъ Отецъ житіе вынищаютъ, а ведле своихъ мозговъ за наукою отца ихъ антихриста инакшей выкладаютъ и вынищаютъ, предотечи антихристовы того вѣку пронырг-

[1]) Въ подлинникѣ скобки.

ливые; тая унѣя не можетъ ся назвати нѣ христіанская вѣра, нѣ латинская, бо отъ церкви восточной отступили, а до западнаго костела не приступили въ едность; тая унѣа нѣчого своего власного нѣ маетъ, але въ постатѣ чужой оказуется, якъ бѣсове беруть на себе тѣло з оффѣрдымовъ, приносимыхъ имъ отъ чародѣевъ, будучи сами безплотныи; тая унѣа житіе бѣсовско собѣ узяла тыхъ вѣковъ остатечныхъ передъ судным днемъ, бо бѣсъ, завидуючи христіаномъ православнымъ, же на его мѣйсцу, съ которого зъ высокости и спалъ и съ полкомъ своимъ, же христіанами православными Христосъ маетъ наполнити, и для того на грѣхъ изводитъ, жебы на его мѣсцу не были. Такъ же унѣтове, своему лживому богу-антихристу моцно служачи, заздрятъ христіаномъ, отступивши отъ вѣры христіанской, заводячи ихъ и обецуючи имъ дигнѣтарства, маетности и роскоши розмаитые, а иншихъ гвалтомъ и маетности отбиранемъ и мордерствы размаитыми тылко абы могли якожъ колвекъ отъ головы Христа отвести, а подъ иную антихристову всѣхъ ради бы подбити и подманити, якъ сами поманилися, и погнити, и церкви Божіи погноили и попустошили, а въ которыхъ церквахъ сами будто служатъ для оманы людей, теды чинятъ брыдкое спустошеніе на мѣстцу святомъ, ведлугъ свѣдецтва Даніеля пророка во главѣ 7-й. Вся бо вѣмъ церковь Христова ими ся гнушаетъ и ихъ набоженствомъ и оффѣрами ся брѣдитъ, якъ и въ Брестю Литовскомъ, по зверженію того Патѣя на соборѣ и по отлученю духовного его сану, и гды ся важилъ служити литургію, теды явне Господь Богъ чудо показалъ, же келихъ засмердѣвся зъ сакраментомъ ихъ, при мпого людій, ажъ не могли поживати; то сжъ ся и въ Володимеру стало, же на устрашеніи, въ царскихъ дверехъ ставши съ келихомъ, единъ попъ унѣтъ и почекалъ поки скончили крылошане причастенъ; скоро жъ вымолвилъ: „со страхомъ Божіимъ и съ вѣрою“ и проч., теды съ келиха сакраментъ Божій и зъ лыжечкою презъ голову оного священника вылетѣло и предъ престоломъ упало на сукно; съ которымъ сукномъ вырѣзавши тамъ же въ церкви спалено, а люди безъ причастія отишли [1]). Та-

---

[1]) Это—одно изъ тѣхъ легендарныхъ сказаній, которыя упоминаются въ Густинской лѣтописи (Полн. Собр. Русскихъ Лѣтописей, т. I, стр. 373), въ Перестрогѣ (Ак. З. Р. т. IV, № 149, стр. 224) и въ собственно ручныхъ запискахъ Петра Могилы (Арх. Ю. З. Р., ч. I, т. 7, стр. 116—119).

кая то манѣя ихъ, тыхъ згнилыхъ оѳѣровниковъ. Еще припомню, што ся въ Слонимѣ стало о тѣхъ манѣтахъ въ року 1617, въ мѣсяцу сентебру, свой з'издъ, хотячи новый календарь въ церкви по латине набоженство постановити, а руское набожество попалити, а той заволаны клявѣюшовъ езуиты каляндарь выставити и принятi, залецавъ еденъ попъ на катедрѣ, албо рачей похлѣбца, мовячи такъ же съ костеломъ рымскимъ въ болшихъ есмо ся речахъ згодили, а чему же быхмо ся мѣли лучити одъ нового календару; сшовши съ катедры, тамъ же нагле здохъ [1]). А то былъ першій въ нихъ слѣпый вожъ, который смѣлъ новый календарь залецати. Я мовлю, же его Господь Богъ покаралъ, якъ Арія первшого. Далей не хочу ихъ штукъ выличати, хоть еще много ся остало, гдыжъ всѣмъ христіаномъ тая ихъ манѣя явна. Тая унѣя съ послушенства Божого зволокаетъ, а въ послушенство свое вяжетъ; тая унѣа духовному разуму не послѣдуетъ, але свѣтскому неволница есть; тая унѣа восточную церковь матку мажетъ, а западную маетъ отчима-костюлъ; тая унѣя подобная челядницы, которая надъ своею панею владзу маетъ; тая унѣя святыя церкви и олтары сквернитъ, ижъ до нея люди негодныи вступуютъ; подъ тоею унѣею мучители, а не учители, и тиранове наступуютъ, а не преподобныи мужи на владыцтва, якъ дѣялося у Премышлю въ мѣсте отъ Крупецкого [2]), а въ Брестю Литов-

---

[1]) Это сказаніе, сколько намъ извѣстно, не встрѣчающееся въ другихъ памятникахъ, похоже на сказаніе Густинской лѣтописи.

[2]) По смерти Михаила Копыстенскаго (1610 г.) Перемышльское епископство отдано королемъ Сигизмундомъ III Аѳанасію (въ мірѣ Александру) Крупецкому, по происхожденію литвину и при томъ римско-католику. Крупецкій спачала былъ писаремъ въ Луцкой области, а потомъ за выдающіяся свои дарованія былъ призванъ ко двору смотрѣть за воспитаніемъ королевича, гдѣ и задумалъ поступить въ монахи чина св. Василія Великаго, принять унію и получить Перемышльское епископство. Въ 1610 году 20 іюня онъ былъ посвященъ въ Брестѣ во епископы Ипатіемъ Поцѣемъ. Православные Крупецкаго знать не хотѣли, выбрали себѣ Хлопецкаго (Шишку), который, получивъ королевскую привилегію, скоро умеръ. По смерти Хлопецкаго Крупецкій одинъ остался епископомъ Перемышльскимъ и такимъ онъ былъ до 1620 года. Въ этомъ году патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ посвятилъ игумена дубенскаго Исаакія Копинскаго Борисковича епископомъ Перемышльскимъ, и съ этихъ поръ Перемышльская епархія имѣла двухъ епископовъ: одного уніата, другого православнаго. Между ними завязалась жестокая борьба, въ которой принимали участіе братство, духовенство и шляхта. Борьба эта продолжалась до 1650 года, т. е. до смерти Крупецкаго, между нимъ и слѣдовавшими одинъ за другимъ православн. епископами: Іоанномъ Романовичемъ Попелемъ, Сильвестромъ Воютинскимъ Гулевичемъ и съ

скомъ отъ Патѣя, которыи титуломъ владыки, а дѣломъ тираны и мордерцы; тая унѣя людей слабыхъ въ розумѣ отъ Бога отлучаетъ, а до роспутности оказіа; тая унѣа христіанскій родъ въ мятежъ привела и ненависть межи Русь и Поляковъ учинила; тая унѣя практика на тое, ижъ бы были зъ церквей костелы, а зъ священниковъ плебаны, а съ христіанъ папежники; тая унѣя широкую хвалу Божію старается въ дому Божіимъ скоротити, а потомъ излупити и остатокъ загубити, а латинское набоженство увести уготовала; тая унѣя подобная тымъ мужемъ, которыи предъ потопомъ злучились сіи (?) и сынове Сифовы з дочками Каиновыми надъ заповѣдь Божію, яко свѣдчатъ книги Бытія з и лі, за што были потомъ караны и погинули; такъ и унѣты подобныи тымъ мужемъ, которыи по потопѣ размножившися замыслили муровати вежу, абы по ную взлѣзти на небо, где имъ Богъ розлучилъ мову и розсыпалъ ихъ згоду и раду, которыи, не доконавши работы, зе встыдомъ розойшлися и мовою и мешканемъ по всей землѣ; единъ толко Еверъ до той унѣи не приступилъ и при своей мовѣ зосталъ, а тые всѣ съ теперешними унѣяты подобныи мещаномъ Содома и Гомора, которыи ся на грѣхъ нечистый згодили и такъ огнемъ погорѣли; тая унѣя—незнакомитая, але зводителница отъ правдивое дороги спасенной. Тая унѣя передъ очима папежниковъ вѣру ихъ хвалятъ, а заочне ганятъ; предъ очима православныхъ патріарховъ хвалятъ, а заочне ганятъ, вдаючися предъ всѣми лицемѣри. Тая унѣя розширяется у Руси суптелно, углажено, уфарбовано и полященно, а часомъ и кровію польляна; тая унѣя научила запиратися отца и мати, и кровныхъ, и повинныхъ на остатокъ и вѣры своей, отъ крещенія св. взятое; тая унѣя черезъ заруки презъ вины, презъ заруки урядовые, презъ вяженя до турмъ по мѣстахъ и селахъ до себе примушаютъ и приводятъ; тая унѣя не вадится зъ невѣрными людми, але тылко православныхъ христіанъ турбуютъ и потрясаютъ; тая унѣя на каждого православного голосомъ рычитъ: „возми, возми, распни его!“ Тая унѣя, которая яко бы любовь держитъ, таковую изъ невѣрными пріязнь и братство заховуетъ,

---

Антоніемъ Винницкимъ, съ одной стороны, и съ другой—Крупецкимъ (Лѣтопись собора перемышльскихъ клирошанъ; Stebelski, Chronologia, стр. 223; Ostrowski, Dzieje prawa kościoła polskiego, т. III, стр. 500; Перемышлянинъ на 1854 годъ; Сводная Галицко-русская Лѣтопись Петрушевича, стр. 40—42; Голубевъ, Петръ Могила, приложеніе, стр. 190—194; Ак. Ю. и З. Р., т. II, № 40 и др.).

а кровь невинную проливаетъ, якъ то значно оказала въ Московскомъ царствѣ; тая унѣя трубитъ силно крыкомъ таковымъ: „папѣ, папѣ, папѣ кляняйтеся“! Тая то унѣя рада бы все писмо словенское и святыи книги церковныи вынищила и потлумила, на которыхъ самыхъ то тѣхъ унѣтовъ мовитъ Спасъ нашъ и Избавитель: „если хто запрится Мене предъ человѣки,—запруся и Я его предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ, Ижъ есть на небесѣхъ“. А унѣаты зъ латынниками зовутся святая згода, а мы зась ее называемъ отступленіе розуму прирожоного, такъ же вѣры ихъ и церкви, древо грѣху, овощъ беззаконства, потрава зъ трутизною, лесть солодкая, кривая дорога, духовное чюжолозство, матка заздрости, яко овощъ земли содомския, который зверху красенъ, а внутрь брыдкости полный. Тая унѣя предводителница отъ малого початку отщепенства на великое згулное беззаконство и до вѣчной муки углаженная стежка; початокъ имя маетъ лагодности, а конецъ—безвстыдливость и нечловеченство, а выконане зась душевное братоубійство. Тая унѣя тую моцъ маетъ, абы православный и цалый въ вѣре южъ такъ вѣривъ, якъ панъ каже, за подпущен'емъ ихъ, што явне воли Божой и самой правдѣ есть то противно. Тая унѣя влоскими фортелми есть уплетенна и закрыта предъ тыми, на которыхъ ловитву застановлено, абы до ней вязли, якъ птахи въ мысливцеву сѣтку; та унѣа не любитъ того слова Христового, где мовитъ самъ Христосъ: „Азъ есмь пастырь и душѣ Мою полагаю за овцы“; тая унѣя увесь належный Христовъ урядъ и расправу его папежовѣ рымскому присуживаетъ; тыи унѣятове подобныи тымъ ремесникомъ, которыи съ долгои сукни короткую чинять; также и унѣяты, вырѣзавшися изъ благочестія, изгордиши шатою крещенія Христова, поотрѣзовали себѣ вѣру и сумнѣня маючи, але сами доброволне, ни отъ кого примушени, абы до тои манѣи приступили; ихъ старшій Патѣй то имъ справилъ, яко самъ былъ розмаитымъ еретикомъ, покинувши вѣру христіанскую, и, такъ не статечнымъ будучи, перше самъ обманився (яко выш есть писано) [1]), а при собѣ и другихъ поманивъ; и теперь ходятъ его наслѣдники въ короткихъ и подкасистыхъ сукняхъ, якъ чаплѣ и буслѣ по болоту, гадъ хапаючи и ловячи; такъ и они теперь, безъ розуму, што имъ придетъ на мысль, если кого набривши по собѣ въ болотѣ свѣта, те-

[1]) Скобки въ подлинникѣ.

ды заразъ на смерть, албо на муки розмаитые, гды же всюды имъ о то не трудно, если бы хто зъ ними не хотѣвъ шалоным быти, а болѣ тежъ манѣтомъ. И то глупство и барзо смѣху годно, жебы хто отъ суполного розуму собѣ зычивъ отступивши, а шаленства безрозумного набывати бы мѣлъ. Вѣдаю добре, же жаденъ розумный на тое не позволитъ и овшемъ еще передъ шаленымъ утѣкаетъ; а ктожъ тымъ унѣятомъ виненъ, што воны доброволне пошалѣли, само хотячи, и прилучилися до костела рымского, и ихъ костелное вызнаня вѣры и артикулы исъ собору приняли Фліоренского, Триденского; которыхъ артикуловъ церковь наша Восточная матка не пріимуетъ и той ихъ соборъ яскинею и збойцею называетъ, абовѣмъ на томъ концилѣомѣ, то есть соборѣ Флоренскомъ, Триденскомъ, много новыхъ артыкуловъ отъ Формоса папежа приняли, противныхъ противъ самого Бога во Троицы, противко и церквѣ Восточной и соборамъ святымъ семи, которые отъ святыхъ Отецъ становляны были Духомъ Святымъ, которые соборы и папежове зъ нами держали презъ дванадцать сотъ лѣтъ въ святой унѣи и костеломъ не называли теперешняго костела, але церковью; которыхъ то папежовъ маемо и въ календару своемъ благочестивомъ; такоже и каноны читовали въ Минеахъ Мѣсячныхъ святымъ отцомъ, якъ въ церкви и теперь православной у насъ знайдуется А онъ, папежъ Формосъ, важился то отмѣнити и тое все попалити казалъ, а ведлугъ своего постановленя росказалъ инакшей вѣрити, которому оные похлѣбцы унѣтове доброволне послушенство безъ примушеня отдали и похожене Духа Святого отъ Сына, и чистецъ, и все его вызнаня приняли, и такъ ся всѣ поманили. Той унѣи творцы нѣякіесь вызуиты, которые людей з розуму вызуваютъ и сами с крыжаковъ повстали, которыхъ бернардынове барзо не любятъ; которые то вызуиты, хочу мовити езуиты, именемъ христіанства згордили называтися и взяли собѣ товарыство зъ манѣты, хочу мовити изъ унѣты; тыи двѣ регулы: едина секта вызуиты, а другие манѣты; теперъ же ся до розуму кинули манѣты, же ся хопили до той регулы южъ теперь не въ короткихъ сукняхъ, але такъ ся выстрыхнули съ ковнерами высокими, поизренямъ страшнымъ и походомъ, такъ яко ихъ самъ autor-антихристъ научивъ; теперь не познаешь, который вызуита, а который манѣта. Тутъ не вадитъ еще животъ положити тыхъ вызуитовъ.

Реляція о скрытыхъ штукахъ езуитскихъ нравовъ: где въ якомъ мѣстѣ почнутъ ся фундовати, то напередъ склепъ потаемный змуруютъ, и такъ мистерный и свѣтлый, въ которомъ мешкан'е яко царское; потомъ кляшторъ поставятъ и костюлъ; при которомъ кляшторѣ, гды южь ся розмножатъ старые и молодые, теды тые старые молодыхъ учатъ и посылаютъ перше на рынокъ, жебы просили на костюлъ ялмужны, а потомъ учатся того, жебы у купцовъ, у крамаровъ, чого потреба, абы фортелемъ такимъ на костюлъ достали безъ грошей, за што люде платятъ; а ежели научатся малыхъ речей просити, теды южъ ихъ посылаютъ до княжатъ, до пановъ великихъ; але мудро научивши, же буде филозофіею наробляти въ орації, же не тылко маетность, албо гроши якіи панъ дастъ, але такъ зъ розуму вызуютъ, же и себе самого и з жоною радъ бы далъ; а еще подчасъ на питку съ тымъ же паномъ розмову свою ведлугъ философіи выставятъ, же з бѣлого сукна албо блавату учинятъ чорное, а съ чорного за ся знову бѣлое; такъ то силюизмамя здоймуютъ и покажутъ, же каждый признаетъ, хто буде при томъ; при той зась розмовѣ, почнутъ того князя ли албо пана пытати, якъ много, маетности маетъ и якъ много инътраты чинитъ; потомъ по малу малу упросятъ якую маетность у того пана, а потомъ, видячи южъ подпилого пана, теды коло него штукою зайдутъ, испытаютъ, яко ся вашмосць, мосцѣ пане, подпѣсуешь, и за-разомъ каламаръ подставятъ; теды маютъ при собѣ аркушъ паперу зобганого штучне, жебы тамъ руку подписавъ, где власне подписуютъ; и такъ якъ подпишетъ докладне, теды будутъ пытати, якій гербъ; и скоро печать дадутъ, тамъ же, пробуючи, до того жъ листу притиснутъ, а листа не роспростираючи, жебы розумѣли писаный. Потомъ, на завтрешній день, по похмѣлю, почнутъ просити пана о листъ на тую маетность, которую имъ обецалъ; теды по отѣзде отъ пана до кляштора и заразомъ на томъ аркушѣ, што хочутъ, попишутъ и маетности того шляхтича, що найналѣпшіи до книгъ гродскихъ актикуютъ,—такіи то вызуиты маютъ свои штуки. А гды по ялмужной издастъ,то по два, то [1]) единъ езуита, а другій молодый—бѣлая голова по езуитску въ тыхъ же суконяхъ; а тые што въ кляшторѣ старшіе, то въ томъ склепѣ собѣ на-

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ подлинника нѣсколько словъ зачеркнуто.

питковъ розмаитыхъ коштовныхъ заживаютъ съ паннами; и ежели бы якая панна убогая была, теды въ свои шаты ее убравши и такъ съ нею роскоши заживаютъ, бо въ томъ склепѣ розмаитыхъ шатъ есть и жолнерскихъ и бѣлоголовскихъ. Такіе штуки вшендзя они чинятъ, где они мешкаютъ; а о такихъ штукахъ нѣхто не можетъ знати въ кляшторѣ: нѣ молодые езуитки, а нѣ свѣцкіе люди. А ежели бы довѣдалися на кого, хто бы о ихъ штукахъ почалъ шемрати, хочай езуитка молодый, хочай свѣцкій, теды заразомъ того порвавши одверный, который склепу пилнуетъ, и заразомъ вкинетъ того въ той склепъ, съ которого южъ нѣгды не выйдетъ, бо тамъ въ томъ склепѣ катъ есть съ своими инструментами, и такъ того почнетъ мордовати, ажъ всю правду муситъ выказати, которые знаетъ, што воны робятъ. И будетъ катъ пытати его о каждой и до наименьшой штуки, которую же скажетъ, то заразомъ езуиты пишутъ до иншихъ езуитовъ по мѣстахъ, абы ся стерегли тыхъ штукъ, которые на муцѣ признано; а того, кого мучоно, южъ живого не пустятъ на свѣтъ; хочя бы трафилося и невинного, тылко бы довнѣманнемъ доходили, мовячи албо довѣдуючися, чи не знаетъ онъ нашихъ штукъ; теды и того, на пробу до склепу давши, хочай бы и наименшіи речи не зналъ о ихъ штукахъ, теды и того живого южъ на свѣтъ не пустятъ; а то все для того, жебы люде о ихъ штукахъ не довѣдалися. Потымъ сами езуиты, подстрыгшися и по жолнѣрску убравшися, пойдутъ, довѣдуючися о своихъ штукахъ, што о нихъ люде розумѣютъ; и такъ, не кажучися езуитами, сидячи на банкетахъ, албо въ напитку якомъ, казавши собѣ вина дати, а почнутъ яко бы езуитовъ ганити, сѣдячи межи шляхтою, мовячи такъ: мосцѣви панове, якъ розумѣця о тыхъ езуитахъ? цо онѣ за зачь? намъ ся вѣдзѣ, же то людзя не потребнѣ. Скоро жъ почуютъ отъ шляхты якую штуку и якъ о нихъ розумѣютъ, теды зъ нову до себе пишутъ по всихъ мѣстахъ, где толко оны есть, абы ся выстерегали тыхъ штукъ, якъ люди о нихъ розумѣютъ. А до того еще великіе зъ нихъ постники, которые такимъ ся постомъ постятъ; и бавятъ, же бы шчо найсытшіи мяса и найсмачнѣйшіи потравы и напитки пили; и на браня ялмужни малыхъ не сквапливе, тылко хто имъ дастъ тысячми, то возмуть, а хто сто золотыхъ даетъ, то не берутъ и не позволяютъ; такъ и въ Римѣ ся дѣетъ: гды хто прійдетъ до кляшторныхъ воротъ, теды заразъ воротный испытаетъ, хто тамъ есть преде вроты? що несіешъ? ци віеліе?

Прожно ренце ніе маіо міесца въ тымъ косціелі[1]). Тые то єзуиты, которые съ крыжаковъ повставши, гди ихъ Ягело, король полскій, побилъ и звѣтязство надъ ними зъ нѣмцы одержалъ, которыхъ тридцать тысячій позабивалъ, а поймалъ сорокъ тисячій въ року 1410, мѣсяца іюля 7 дня; съ тыхъ то недобитковъ тые крижацы въ Парижу, папезской сторонѣ, починилися єзуитами, которыхъ и тамъ выгнано, а для чогожъ? Для того, же въ постѣ великомъ вохалися, вшистко отъ рыбъ идали, маючи едну сажавку, въ которой знашли головъ дитячихъ 45,000; тое ся и теперь дѣятъ въ той сторонѣ папезской, где и сами папежове тое чинятъ и тое вшетеченство сами пополняютъ, яко и оная невѣста Янъ-папежъ дитя породила, идучи съ процесіею на іерданъ; для которого грѣху тое свято зацное загубили, крещеніе Господне, и на тое мѣсце постановили трехъ кролевъ; и такъ и для распустницы невѣсты, хочай была и папежомъ, а такъ важилися самому Господу Богу честь отняти и крещеніе Его святое загубити, которымъ крещеніемъ всѣ христіане крестимося, а они, Христа оставивши, жоноцкую вѣру нестатечную держатъ; а еще за тое жъ пороженіе дитяти въ суботу мясо не едя. Тутъ еще другую зневагу Христу Спасителю чинятъ, же въ середу не постятъ; который постъ для того постановленъ, же жиды раду чинили, якимъ бы способомъ Христа поймати и о смерть приправити. Теды папежники лѣпей зезволили за грѣхъ паней папежои постъ въ суботу зложити, а нѣжели за Христа Спасителя нашего. И ужъ пошлибъ еще до другихъ папежовъ, але первѣй мушу тую привести, а въ ней скутокъ показати, которого ся року тое дѣяло; свѣдчитъ о томъ Моитъ Брантъ, книга 6, глава 11, который докторомъ рымскимъ поважнымъ былъ, который жилъ вѣку десятого по Христѣ, то есть, тисячного року. Моитъ Брандомъ, мужемъ вѣры годнымъ, который написалъ: невѣсты (съ которыми тежъ и Яновая речоная папѣжъ на свою волю посмѣвиско неучтивыхъ. але густыхъ (?) рымлянъ)[2]) побудили и подбили, а то маемъ того поважного мужа и правду поважную; которого то доктора, абы сърозумѣлъ, не за еретика читалъ. Бараніушовы книги, въ которыхъ его человѣкомъ поважнымъ, учонымъ и каѳоликомъ добрымъ называетъ, але абымъ ся не здалъ самъ отъ себе злоречачій,

---

[1]) Co niesiesz? czy wiele? Próżne ręce nie mają miejsca w tém kościele.

[2]) Скобки-въ подлинникѣ.

папежовъ (гдыжъ и мнѣ жалостная тая шпетность костела рымскаго зоставаетъ). Читай Бараніуша вѣкъ девятый, што тые лѣта за головъ и пастыровъ мѣли; о Бонѣфаціуши шостомъ, папежѣ, такъ мовитъ Бароніушъ, вѣкъ 9: року 796 наступилъ на папежство Бонифаціушъ шестый, збродень и ліотръ великій, который южъ два крот разъ съ капланства, другій разъ съ поддіаконства зложоный былъ; еще ихъ килко збыло, о которыхъ на тотчасъ даю покой, бо гды жъ въ Бараніушу, въ книзѣ латинской, широко на тыхъ папежовъ свѣдчитъ. Такая то секта една зъ унѣятами езуиты и ляхи.

Тая уніа ихъ тое маетъ ремесло, которое, подобно тенету власне: якъ мысливцы роспростерши звѣрятъ у него нагонятъ; такъ и нынѣшніи душоловцы и человѣкогубцы тую унѣю всюды всѣмъ указуютъ; ее рострухаторы, якъ цыгане по ярмарку, люде гулячи хромыми конми. Тая унѣя кождому часу подлегати обецуется и оффѣруется, где потреба укажетъ, уняти святыхъ уставы, а приложити свое згнилое зданя и новые хитрые вымыслы; а такъ приспособлюются въ пюй, той унѣи, единъ добрый, а два злыи. Первая бовѣмъ унѣя способъ добрый, которую святыи отцы постановили и узаконили, которая зъ Богомъ едночится мешкати въ святыхъ Его приказаняхъ, до которое унѣи милуючіе Бога, якъ сынове отцу, присвояются Ему и суть наслѣдовцами Его кролевства небеснаго, ижъ пріимуютъ зъ нимъ згоду, яко святые угодницы Его. Другій способъ злый, злое унѣи зъ діаволомъ, отступникомъ Божіимъ, который грѣху отецъ есть и кламца, и ремесникъ вшелякое неправды, и ненависникъ на человѣка, и хулникъ на Бога, и зрадца збавеня нашего, слуга вѣчное муки, сынъ геенный и преисподникъ темницы; отъ которое унѣи пристоитъ утѣкати, абы зъ діаволомъ не мучитися. Третій способъ злый, злое унѣи з людми зъ миромъ, або зъ свѣтомъ, о которомъ мовитъ Іоаннъ, святый апостолъ: „міръ весь во злѣ лежитъ“, которая то геретиковъ прилучаетъ, вѣрныхъ и православныхъ мужей и отъ святыя заповѣди Божое отводитъ на человѣкоугодіе онос. Таковая унѣа зла есть и непотребна, и удалятися отъ таковое намъ пристоитъ, яко отъ душевной погибели. На таковую хищную и святокрадную справу, отъ святокрадцевъ на насъ поставлену, ку острожности нашего спасенія листъ святого апостола Іуды, за Іоанновымъ посланіемъ третимъ во Апостолѣ на око, о тыхъ отщепенцовъ зрозумѣемъ и обачимъ, которыи оразъ единыи святыми поданое вѣры

отступили и одорвалися, и оттяли, и уже суть тѣлесны; духа правды не маючи, суть ропотници, укорители, часть порочная, то есть подойзренная въ пожадливостяхъ своихъ, ходячи нечестіемъ и законопреступленіемъ; уста ихъ мовятъ прегордая. Але вы, мовитъ апостолъ, возлюбленніи, святою вашею вѣрою будуйтеся, Духомъ Святымъ молячися, сами себѣ въ любви заховайтеся, очекиваючи милости отъ Господа нашего Іисуса Христа въ жизнь вѣчную. И овыхъ разсуждаючи милуйте, а другихъ и страхомъ спасайте, отъ огня отъимуючи; выявляетъ же тежъ зъ боязнію ненавидячи, што отъ тѣла сплюгавленную шату могучому даетъ заховати безъ грѣха и безъ скверны и поставити передъ славою непорочныхъ въ радость единому премудрому Богу и Спасу нашему Іисусомъ Христомъ, Господемъ нашимъ, Ему же слава и честь, и велыкость державы, и моцъ прежде всѣхъ вѣкъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Амінь.

О гоненіи на церковь Божію отъ апостатовъ многомятежного міра сего и о спасеніи православныхъ христіанъ, трваючихъ при Восточной церкви, и о боязни Божой, и прочая. Початокъ бовѣмъ збавеня нашего есть боязнь Божая; зъ боязни Божіи родится послушенство святыхъ его приказаній выполнене; зъ выполненя приказаній Божіихъ родится покора; зъ покоры родятся сегосвѣтные марности; зъ сего свѣта марностей родится зъневажен'е, а оттоль и самого себе для хвалы святого имени Божого выречен'е походитъ, и душъ нашихъ въ приватностяхъ ихъ зневажене, и тѣла въ пожадливостяхъ его уморен'е; а зъ замореня тѣла вшелякіе сегосвѣтные роскоши уступаютъ, и за сегосвѣтными роскошами прочъ отъ насъ идутъ и вшелякіе душевные заразы и розслабы, а наступуютъ цноты и богомыслность, кгды и мѣсце себѣ въ душахъ нашихъ укореняютъ; а съ кореня родятся отрасли вѣтвій множество и вѣчное займуютъ отъ ростовъ тыхъ цвѣты; а зъ цвѣтовъ родятся овоцовъ множество, выростаютъ вѣчныхъ добродѣйствъ во царствіи небесномъ. Розмножмо жъ прето, братіе, и розрастѣмъ цноты въ сердцахъ нашихъ и въ честности заховуймося, абысмо въ досконалость Божого человѣка пришли и досконалыхъ вѣчныхъ добръ отъ Господа Бога доступили! На многихъ мѣсцахъ въ Писмѣ Святомъ читаемъ, же ся тая кровная матка наша святая Восточная церковь кораблемъ на мору свѣта сего мятежного называетъ. На тотъ теды корабль, то есть на святую церковь зъ давныхъ часовъ, а правдиве мовячи еще съ початку вѣры, за

апостоловъ и по апостолѣхъ вставичные вѣтры и навалности блюзнѣрствъ геретицкихъ окрутне штурмовали и теперь апостатове нынѣшніи штурмуютъ, хотячи тотъ корабль-церковь Божію и вѣрныхъ въ ней безъ милости и безъ жадного улютованя утопити и памятку ее зъ свѣта выгладити; которыхъ тыхъ теды гнилыхъ вѣтровъ спростныхъ лечь и мерскихъ геретиковъ многихъ и наступуючихъ зъ иншими фалшивыми науками и тежъ змышленными сакраментами, зъ иншими священствами, зъ иншыми епископствами, зъ иншею суксесіею, которыхъ ихъ барзо наполнилося не толко хитростію свѣцкою, але моц'ю и потугою шатанскою зъ цесарами и крольми приходили, турбуючи церковь Божію, яко оные симоніане, херинтове, евіонитове, гнюсницы, манихее, самонтянистове, наватіане, савеліане, аріанове, монтанистове, донатистове, македоняне, несторіане, евтихіане, образоборцы, власне яко ово теперешнихъ часовъ отщепенцы церковные унѣятове,—тые всѣ на тотъ корабль, то есть на церковь Божію, пащоки свои роззѣвляючи, акы львы рычатъ, хотячи ее поглотити, а другіе, имя свое выворочаючи хотячи ю погубити; которыхъ навалностей и окрутенства ихъ были хитрѣйшіе, и подъ плащикомъ христіанства тые были шкодлившіе, нижли поганскіе, бо рыхлѣй бы могли домовою незгодою и розорванемъ церковь Божію загубити, а чьи меча и крве розлитіе оныхъ часовъ еретицы не занехали и теперь, яко видимъ, што занехати не хочутъ, такъ власне, яко аріаномъ, гды имъ рады съ Писма не доставало, теды они зрадою, мечомъ губили вызнавцовъ церкви Божее и зъ своими цесарми, яко погане, такъ и они православныхъ забияли, яко зъ едное Африки заразомъ колко тисячей духовныхъ людей едного року выгнали и погубили. Тое жъ чинили цесарѣ-икономоманохи [1]) през полтораста лѣтъ же православныхъ забіяно, а аріанове презъ триста лѣтъ морды чинили. А хто жъ съ тыми геретиками въ той часъ войну вѣлъ? Кто ихъ обличалъ, обявлялъ и отгонялъ? Кто ся имъ спротивлялъ? На кого наиболей наступовали? Кого ся бояли? Кто ихъ судилъ, албо штрофовалъ, канонизовалъ, то есть анаѳематисовалъ? Кто на нихъ сеноды складалъ? Азали не оные святые великіе и знаменитые мужіе, столпы церковные, намѣстницы апостольскіе, богоносные отцы наши и патрыархове посполу изъ цесарми православными; на оныхъ вольныхъ соборахъ вселенскихъ, а при нихъ и поместныхъ меншихъ схожаючихся, хто вытрывалъ,

[1]) Икономахи?

выигрывалъ и на власномъ своемъ, а не на чужомъ грунтѣ зосталъ, если не оные мужи святые, правители оного корабля Христового, то есть святое церкви Его? Тая бовѣмъ, яко глубокость морская, геретыковъ пожерла, которые, яко каменіе, пошли въ самое дно пекелное, устати и погинути мусѣли; для того погинути, же не были правдивыми, ани тежъ переднѣйшими, ани меншими членкамя тѣла церкви Божіей, анѣ тымъ кораблемъ, въ которомъ самъ Христосъ Господь сѣдитъ со святыми учениками и со всѣми вѣрными своими. Тое жъ ся и тымъ теперешнимъ геретикомъ, блюзнѣромъ, отщепенцомъ, мерзеннымъ воніатомъ, конечне значная нѣякая отъ самого Бога наглая згуба и помста страшная конечнѣ стати муситъ, которые правды отступивши власне и рожоное Матки своее, которая ихъ водою и духомъ породила и персями своими выховала; тые теды, отщепенцами ставшися, до мачохи ся склонили и удали; съ которою мачохою посполу на насъ православныхъ повстали, але мусятъ згинути, бо не суть въ корабли Христовомъ, и такъ згинути мусятъ конечне, такимъ способомъ, яко Іуда Христопродавца.

О разности костелной зъ святою апостолскою церковію:

1) О похоженію Духа Св. не ведле Евангелія и преданія церковного. А зложен'е вѣры отъ св. отецъ, яко енералне на синодахъ св. подано, они не такъ, але противно вызнаваютъ, два початка единой ипостаси вносячи.

2) Таемницы св. по жидовску опрѣснокомъ отправуютъ, мертвымъ хлѣбомъ, противъ святыхъ апостоловъ преданную.

3) На святомъ крещеніи мvромъ не помазуютъ дѣтокъ, але слиною, съ землею смѣшавши.

4) Таемницъ св. до семи лѣтъ дѣтямъ не даютъ, которые много безъ причастія умираютъ.

5) Сакраментовъ тыхъ простымъ людемъ не даютъ, которые сами поживаютъ, и келихъ цалкомъ нового тестаменту, то есть другую особу св. сакраменту, за которое уживан'емъ животу вѣчный, а за неуживан'емъ неодержан'е оного, самъ Збавитель завѣсивъ подъ вѣчнымъ а неодмѣннымъ декретомъ, тотъ теды отъ людей отняли и ихъ отъ Него отлучили.

6) Службъ св. Василіа и св. Іоанна Златоуста не маютъ.

7) Святыхъ постовъ дорочныхъ не постятся трохъ, ани въ каждомъ тыдню среды постить не маютъ.

8) Набоженство зъ гордынею музикъ отправуютъ, а не зъ богобойност'ю.

9) Ксендзы ихъ жонъ не маютъ, але вшстечницъ допущаются.

10) Чистецъ змышленный маютъ на слабость грѣшачимъ, а на лацнѣйшое въ пекло схиснен'е; который то чистецъ ихъ предъ тымъ вымыслилъ Пифагоръ, филосовъ поганскій.

11) Святыхъ патріарховъ Восточное церкви и пастыровъ благочестивыхъ отступили и отъ седми енералныхъ соборовъ каноны покасовали и поваріовали и до грунту поламали.

12) Свята великіе зацные и всѣ посполу дорочные отмѣнили и пасху съ жидами посполу обходятъ.

13) Празникъ цалкомъ Богоявленія св. откинули.

14) Лѣта отъ сотворен'я свѣта со жидами держатъ.

15) Дары отъ хлѣба, на службу Божію офѣрованнаго, не маютъ.

16) Олтара звтвороного въ костелѣ не маютъ, але невѣстамъ и псамъ входъ волный.

17) Ведлугъ уставу церковного при молитвѣ поклоновъ Господу Богу не отдаютъ.

18) Смышленное якоесь милостивое лѣто держатъ.

19) Постъ суботный змышленый противко кановновъ апостолскихъ маютъ.

20) Комедіи обычаемъ поганскимъ отправуютъ.

21) Образы истуканныя, мѣсто малеваныхъ, маютъ, обычаемъ балвановъ языческихъ противу св. Отецъ.

22) На крестѣ Христовомъ три гвозди признаваютъ, а церковь Божія д̄ вызнаваетъ.

23) Крестъ св. папежъ ихъ на ноги кладетъ и на землѣ пишутъ противъ святыхъ Апостолъ заповѣди.

24) Кровь вдавленныхъ звѣрятъ и птаства уживаютъ, зневажаютъ росказаніе Духа св., якъ свѣдчитъ Дѣян., 36.

25) Процесіи зъ свѣцкими игры обходятъ, справу духовную—съ бѣсовскою.

26) Свята Господскіи зъ стрелбами отправуютъ богопротивно и богомерско.

27) Зъ особъ людскихъ особы бѣсовскіи на игрищахъ строятъ, тако жъ и на комедіахъ.

28) Мнишескій чинъ ихъ, повстягливость посту отвергши, мясоядѣніемъ питаются надъ уставы церковные и подан'е св. отецъ.

29) Святаго Великого посту зуполне не постятъ, але первое недѣлѣ оскверняютъ два дни и машкары строятъ.

30) Паномъ за гроши разрѣшаютъ посты св. на мясоедзеня.

31) Несправедливыми присягами грунты для костеловъ своихъ приворочаютъ, выдираючи у людій.

32) Пастырь ихъ, рымскій папежъ, не постится николи, и вся зъ нимъ Влоская земля.

33) Вшетечницамъ позволяютъ вшетеченство въ Рымѣ, и волно изъ ихъ плюгавого прибытку данѣ збирати папежу; съ которое дани самъ папежъ столъ маетъ и жолнѣромъ платитъ.

34) Святое Писмо фалшовати не боятся.

35) Святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ правило ламлютъ.

36) Малженство въ повиноватствѣ ставляютъ.

37) Новые вымыслы и уставы часто до вѣры своей прикладаютъ.

38) Святымъ отцемъ и первымъ папежомъ не повинуются.

39) Мши одного дня на одномъ олтари колко разъ служатъ на противъ святости.

40) Умерлыхъ ховаючи, не знати, что поютъ.

41) Чужимъ языкомъ незначнымъ набоженство отправуютъ надъ науку апостольскую.

42) Бороды и усы духовныи собѣ голять.

43) Бискупы ихъ въ шатахъ шарлатныхъ, чирвоныхъ и съ перстенями по-мирски ходятъ, а не по порядку святыхъ отецъ.

44) У костелахъ не кадятъ, толко на великіе свята.

45) Мшу безъ спѣвания пошепкомъ отправуютъ и въ многихъ речахъ зъ святыми не згожаются.

46) Святый знакъ креста Христова на собѣ въ спакъ кладутъ, зъ лѣвое руки на правое.

47) Поставен'ю святому отъ Іерусалимской церкви ни въ чомъ не суть приязни и всего отмѣтны, идѣже гробъ Спасителя нашего и кровь Его святая за насъ вылита есть.

РОСПИСНОЙ СПИСОКЪ

Г. КІЕВА

1700 г.

Сообщилъ протоіерей П. Г. Лебединцевъ.

Печатаемый ниже „Росписной списокъ“ составленъ въ сентябрѣ (число не означено) 1700 года при передачѣ воеводой княземъ Петромъ Ивановичемъ Хованскимъ кіевской крѣпости вновь назначенному воеводѣ, генералъ-маіору Юрію Андреевичу Фамендину.

Настоящій документъ содержитъ въ себѣ: подробное описаніе пространства крѣпости, ея тогдашняго состоянія и сдѣланныхъ починокъ; перечисленіе крѣпостнаго гарнизона, съ распредѣленіемъ по роду службы и наименованіемъ начальствующихъ лицъ; описаніе приказной палаты и ея архива; исчисленіе и описаніе боевыхъ орудій и боевыхъ припасовъ къ нимъ; перечень дворовъ, занятыхъ служилыми людьми; указаніе на состояніе денежной казны, хлѣбныхъ и соляныхъ складовъ, кружечнаго двора, гдѣ производилась продажа спиртныхъ напитковъ, аптеки и проч.

Документъ имѣетъ форму тетради въ $^1/_4$ долю листа, переплетенной въ кожу; всѣхъ четвертокъ 147; по четверткамъ „списокъ“ скрѣпилъ „дьякъ Іванъ Невѣжинъ. Справлялъ Макарко Калачниковъ. Митка Соловковъ“. Рукопись документа хранится въ Тамбовскомъ историческомъ архивѣ, въ который пожертвована почет. гражданиномъ А. Н. Серебряковымъ.

Кромѣ предлагаемаго ниже „Росписнаго списка“ 1700 г., мы знаемъ еще другой, болѣе ранній, относящійся къ 1695 г. (7203 г.), изъ котораго приводитъ нѣсколько цитатъ г. Н. Оглоблинъ въ своемъ изслѣдованіи о „Провинціальныхъ архивахъ въ XVII вѣкѣ“ [1]).

---

[1]) См. „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, издаваемый Археологич. Институтомъ, кн. VI, Спб. 1888 г., и отдѣльный оттискъ.

Списокъ находится теперь въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи между книгами (№ 50) Кіевскаго стола. Судя по цитатамъ г. Оглоблина [1]), мы думаемъ, что описаніе города въ немъ сдѣлано обстоятельнѣе, а перечень хранившихся въ архивѣ Кіевской приказной палаты документовъ подробнѣе настолько, что даетъ автору возможность извлекать цѣлые документы, напр., „указную грамоту о гонцахъ“ [2]). Росписной списокъ 1695 г. представляетъ еще тотъ интересъ, что къ тому же году относится и планъ Кіева, имѣющійся въ главн. Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ и скопированный художникомъ г. Струковымъ для Кіевской археографической коммиссіи, которая предполагала изданіе цѣлой серіи плановъ [3]), какъ важнѣйшаго и точнѣйшаго матеріала для исторической топографіи г. Кіева [4]). Изданіе это, насколько намъ извѣстно, потребовало огромныхъ издержекъ, далеко превышавшихъ скромныя средства коммиссіи, а потому и отложено на неопредѣленное время.

Протоіерей П. Лебединцевъ.

---

[1]) „Провинціальные архивы въ XVII в.“ (отдѣльный оттискъ), стр. 19, 52, 53, 87, 89, 93, 105, 115, 132 и 133.

[2]) Ibid., стр. 132.

[3]) См. нашъ рефератъ „объ имѣющихся въ Петербургѣ примѣчательныхъ планахъ г. Кіева, составленныхъ въ минувшемъ столѣтіи“, читанный въ засѣданіи Общества Нестора 11-го марта 1873 г. („Чтенія въ Истор. Общ. Нестора лѣт.“, кн. I-я, стр. 268).

[4]) „Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей“, изданный Временной коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, Кіевъ, 1874.

„РОСПИСНОЙ СПИСОКЪ“ Г. КІЕВА 1700 Г.

—

Лѣта 1700, сентября въ.....день, по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, и по грамоте исъ Приказу Малыя Росіи, за приписью дьяка Василья Посникова, генералъ і маеоръ Юрья Андрѣевичъ Θамендинъ принялъ у боярина и воеводы у князя Петра Ивановича Хованского въ Киеве Божие милосердіе—образы, и великого государя полковое знамя, и ратныхъ всякихъ чиновъ людей по имяннымъ спискамъ, и городъ Киевъ, и городовые ключи, и приказную палату, и въ приказной палате великого государя указные грамоты, и всякіе приказные дѣла, и денежную казну, и лекарствъ, и житной дворъ со всякими запасы, и соль, и кружечной дворъ со всякими припасы, и по городу и въ ружейныхъ анбарахъ нарядъ и всякое ружье, и въ казенныхъ погребахъ зелья, и свинецъ, и пушечные ядра, и гранаты, и θетиль, и пенку, и всякіе ратные полковые и осадные припасы, и струги болшие, и плавные стружки, и лотки, и якори, и конаты мостовые, и всякого мостового строенія припасы, и городовой, и мостовой лѣсъ, и государевы дворы, гдѣ стоятъ бояре и воеводы, и дьяки, и столники, и полковники, и нижнихъ чиновъ начальные люди, и войсковые избы старого и нового строенія,—все на лицо. А сколько чего принято, и то писано въ семъ росписномъ списку ниже сего подлинно порознъ, по статьямъ.

Великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, моленіе, Божие милосердье—образъ Пресвятые Владычицы живоносного Ея источника: окладъ серебреной глатκой, золоченой, вѣнцы и на поляхъ низано

жемчюгомъ въ одно зерно, киотъ оклеенъ бархатомъ черчатымъ, пелена черчатая съ кружевомъ золотымъ ветха.

Образъ преподобнаго отца Сергия, радонежскаго чудотворца: окладъ серебреной чеканной, золоченъ, верхъ и на поляхъ и около ризы низано жемчюгомъ въ одно зерно, киотъ оклеенъ бархатомъ черчатымъ.

А тѣ иконы отпущены съ Москвы для охраненія града Киева во 181 [1]) году.

Великого государя полковое знамя; на немъ писано по зеленой камкѣ на обѣихъ сторонахъ золотомъ и серебромъ и розными красками образъ Пресвятые Богородицы да преподобныхъ отецъ Антония и Ѳеодосия печерскихъ, и древко писано золотомъ же и красками; на древке крестъ серебряной. На то жъ знамя чехолъ суконной красной.

Въ Киевѣ жъ великого государя ратныхъ всякихъ чиновъ людей: рейтарского строю маеоръ Иванъ Поздѣевъ; а по указу великого государя и по грамоте велѣно ему быть въ Киеве и вѣдать рейтарской полкъ; порутчиковъ 3, прапорщиковъ 6, рейтаръ 90. Салдацкого строю полковникъ Вилимъ Ѳанзаленъ, подполковникъ Корнила Коретъ, капитанъ Радіонъ Ѳикъ, порутчиковъ 3, прапорщиковъ 6, солдатъ 963 человѣка. Столникъ и полковникъ Иванъ Ушаковъ отпущенъ изъ Киева къ Москвѣ, по указу великого государя и по грамотѣ, на время; его полку стольникъ и подполковникъ Василей Мещериновъ, капитаны: Аристъ Ѳанензинъ, Семенъ Невской, Аѳонасей Реткинъ на Москвѣ, стрелцовъ 586 человѣкъ. Столникъ и полковникъ Иванъ Скрыпицынъ отпущенъ изъ Киева къ Москвѣ, по указу великого государя и по грамоте, на время; его полку столникъ и подполковникъ Сава Болобоновъ, капитаны: Ѳетгольцовъ на Москвѣ, Михайла да Тимоѳей Болобоновы, Михайла Масловъ; стрелцовъ 492 человѣка. Столникъ и полковникъ Михайла Сухаревъ; его полку подполковникъ Лукьянъ Шестаковъ, капитановъ 6, стрелцовъ 513 человѣкъ.

Киевскихъ пушкарей 48 человѣкъ.

Киевские приказные палаты подъячихъ 12 человѣкъ.

Киевскихъ жилыхъ полковъ началные люди, по указу великого государя и по грамоте, высланы для смотру изъ Киева къ Москве:

[1]) 1673 г.

рейтарского строю полковникъ Мартынъ Камолъ, подполковникъ Валентинъ Дела Клементей, ротмистръ Иванъ Ѳанаргеймъ; салдацкого строю полковникъ Михайла Ѳонъ Страузберхъ, подполковникъ Николай Геринкъ, маеоръ Аврамъ Коретъ, капитаны: Андрей Мануйловъ, Яковъ Ренберхъ, Петръ Филимоновъ, Николай Петерсонъ, прапорщикъ Кузма Якъшинъ.

Отставные начальные люди, которымъ, по указу великого государя и по грамотамъ, велено быть въ Киевѣ до указу великого государя: подполковникъ Иванъ Вейсъ, маеоры Иванъ Личковской, Петръ Карсаковъ, Семенъ Вишинъ, капитаны: Яганъ Петерсонъ, Иванъ Турчениновъ.

Да въ нынешнемъ 1700 году, по указу великого государя и по грамоте, велѣно быть въ Киевѣ изъ маеоровъ Борису Онучину, изъ капитановъ Петру Шмиту въ прапорщикахъ; и тѣ начальные люди въ Киевѣ сентября по.....число не бывали.

Городы верхние земляные въ Киеве и отводные городки по мѣре въ трехъ аршинную сажень порознъ:

Меншой городъ по мѣре кругомъ и съ проѣзжими вороты и съ выводы 784 сажени съ полусаженью, въ длину отъ Соѳѣйской каменной башни по мѣре до Киевскихъ воротъ 139 саженъ, поперегъ отъ Михайловскихъ проѣзжихъ воротъ до Ивановского выводу по мѣре 193 сажени. Въ немъ четверы ворота да четыре калитки.

Болшой городъ кругомъ съ проѣзжими вороты и съ выводы 2073 сажени; въ длину отъ Соѳѣйской каменной башни до Золотыхъ воротъ по мѣре 353 сажени съ полусаженью; поперегъ отъ Олвовскихъ воротъ до Соѳѣйскихъ воротъ, что въ поперечномъ валу, по мѣре 336 саженъ; отъ Соѳѣйскихъ воротъ, что въ поперечномъ валу, до Печерскихъ воротъ въ длину по мѣре 216 саженъ 2 аршина; отъ Михайловскихъ проѣзжихъ воротъ подлѣ поперечного валу до болшого земляного валу, гдѣ притянулся поперечной валъ, поперегъ по мѣре 346 саженъ. Въ немъ четверы ворота да семь калитокъ.

Отъ меншого города къ Золотымъ воротамъ въ болшомъ же городѣ поперечного валу въ длину 426 саженъ съ аршиномъ. Въ немъ двои ворота да три калитки.

Около Михайловского монастыря въ болшомъ же городѣ земляного валу кругомъ 210 саженъ съ аршиномъ. Въ немъ ворота да калитка.

Тѣхъ городовъ воротныхъ и калиточныхъ и подлазныхъ 55 ключей, да нижнего города Киева 4 ключа.

У Золотыхъ воротъ на городовой стенѣ вестовой колоколъ разбитъ до ушей. У Соѳѣйскихъ воротъ на городовой стенѣ вестовой колоколъ разбитъ же; и тотъ колоколъ снятъ и поставленъ въ ружейной анбаръ.

Въ четверыхъ проѣзжихъ воротахъ 4 решетки железныхъ опускныхъ болшихъ для осадного времени.

За городомъ 5 городковъ отводныхъ земляныхъ. Въ томъ числѣ противъ Всесвяцкого выводу городокъ по мѣре кругомъ 46 саженъ. Другой поблизку того по мѣре кругомъ 42 сажени. Третей за Золотыми вороты, по правую сторону Золотыхъ воротъ, по мѣре кругомъ 170 саженъ съ полусаженью. Четвертой по лѣвую сторону тѣхъ же воротъ по мѣре кругомъ 136 саженъ. Пятой по правую сторону Троецкого выводу по мѣре кругомъ 50 саженъ. А въ тѣхъ отводныхъ городкахъ къ рекѣ Лыбеди сдѣланы 20 подкоповъ да 5 подкоповъ въ заровныхъ бояхъ.

Приказная палата—горница съ комнатою; къ комнате прирублена казенка, передъ ними сѣни, въ сѣняхъ чюланъ на жилыхъ подклѣтахъ, покрыты тесомъ.

А въ той приказной полате моленіе—иконы: образъ Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа въ киоте резномъ, Нерукотворенный образъ писанъ на полотнѣ; образъ Спасовъ же Господа Вседержителя писанъ на полотнѣ; образъ Пресвятые Богородицы Печерские съ преподобными отцы Антониемъ и Ѳеодосиемъ на полотнѣ.

Книга Уложенная ветхая. Новоуказные присланные съ Москвы въ Киевъ статьи.

На столе коверъ старой ветхъ, да сукно красное да лазоревое ветхи жъ.

Лавки, гдѣ сидятъ бояре и воеводы, побиты сукномъ краснымъ старымъ.

Два тюшека коженые старые ветхи. Два сукна зеленыхъ—одно настоящее, другое полавочное.

Два шендала медныхъ ламаныхъ.

Списки съ наказовъ, каковы даны прежнимъ боярамъ и воеводамъ, которые были въ Киеве.

Блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, грамота, какова прислана въ Киевъ къ боярину и воеводе, къ Петру Васильевичю болшому Шереметеву во 176 [1]) году о полскихъ и литовскихъ послѣхъ, о Беневскомъ съ товарищи.

Блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, двѣ грамоты изъ Приказу Малыя Росіи присланы съ Москвы въ Киевъ къ боярину и воеводе ко князю Никите Семеновичю Урусову съ товарищи апрѣля въ 8 да іюля въ 9-мъ числехъ 186 [2]) году о Бѣлоцерковскомъ каменданте да о Степане Куницкомъ.

Грамота великого государя, какова прислана во 192 [3]) году марта во 2 день о приезде въ Киевъ изъ Волоской земли посланного отъ Степана Петра воеводы митрополита Досиѳѣя. А велѣно тѣ великого государя грамоты держатъ втайнѣ.

Великого государя грамоты, которые посланы къ боярину и воеводамъ ко князю Михайлу Григоревичю Ромодановскому съ товарищи изъ Приказу Малыя Росіи во 198 [4]) году генваря въ 26 день о приезжемъ изъ Полши о Василье Искрытцкомъ; марта въ 20 день о приезжемъ изъ Полши о старце Гедеоне Одорскомъ; марта въ 29 день о подметномъ письмѣ, которое поднято въ Печерскомъ местечке.

Августа въ 28 день у скаске боярина князь Михайла Григоревича Ромодановского во 199 [5]) году октября въ 10 день Чюдова монастыря о дьяконе Стеѳане.

Извѣтъ столника и полковника Иванова полку Ушакова стрелцовъ десятника Петра Ѳомина съ товарищи того жъ полку на стрелца на Васку Петрова въ непристойныхъ словахъ.

Великого государя грамоты, которые посланы къ столнику и воеводамъ ко князю Лукѣ Ѳедоровичю Долгорукову съ товарищи во 199 году августа въ 24 день о почте и о вестяхъ и осторожности; въ 200 [6]) году іюня въ 11 день о вестяхъ и осторожности отъ непріятелскихъ людей.

Челобитье столника и полковника Григорья Анненкова на столника жъ и полковника Герасима Нелидова и его, Герасимовы, роспросные рѣчи.

---

[1]) 1668 г. [2]) 1678 г. [3]) 1684 г. [4]) 1690 г. [5]) 1691 г. [6]) 1692 г.

Списокъ великого государя съ грамоты 201 [1]) году декабря 6-го числа, за приписью дьяка Максима Данилова, какова прислана въ Киевъ къ столнику и воеводе ко князю Лукѣ Ѳедоровичю Долгорукому о посылкѣ для провѣдыванья вѣстей.

Грамота прислана въ 202 [2]) году іюня въ 19 день къ боярину и воеводе ко князю Петру Ивановичу Хованскому, а велено ее держать втайне.

Шесть грамотъ въ столпу о Гарасиме Нелидове: и челобитье сотенного, и розыскное дѣло въ обидахъ его полку стрелцамъ, и списки съ отписокъ, и смотреной наличной списокъ его полку стрелцамъ, и скаска его Герасимова полку бѣглымъ и умершимъ стрелцамъ.

А тѣ великого государя вышеписанные грамоты и извѣты и розыски въ Киеве въ приказной полате въ ящике за печатью боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского.

Книги записные и столпы за дьячими приписми всякой великого государя казнѣ и войсковымъ, и полковымъ, и городовымъ, и мостовымъ всякимъ припасомъ, и приказнымъ дѣламъ прошлыхъ лѣтъ и нынешнего 1700 году, и приходные и расходные книги, и ратнымъ начальнымъ людемъ смотреные списки.

Описная роспись въ тетратехъ о киевскомъ ограниченіи земель, за рукою перепищика капитана Ѳедора Соломѣина, что въ томъ ограниченіи городовъ, и местечокъ, и селъ, и деревенъ, и мелницъ, и всякихъ угодей, которые написаны къ Киеву по договору вѣчного мира съ королевскимъ величествомъ полскимъ во 194-мъ [3]) году. Да о томъ же ограниченіи чертежъ.

Великого государя грамота 201-го [4]) году декабря 28-го числа къ стольнику и воеводамъ ко князю Лукѣ Ѳедоровичю Долгорукому съ товарищи изъ Приказу Малыя Росіи, а въ ней написано: Велики государи указали и бояре приговорили: писать къ великому государю къ Москве впредъ чрезъ уставленную почту, а буде прилучится писать къ великому государю о нужныхъ какихъ скорыхъ дѣлехъ,—съ нарочнымъ гонцомъ; и тому гонцу писать въ подорожной памяти подводу, да проводникъ на подводе, да для поспешения подводу въ поводъ,—всего три подводы; а зимою съ санми двѣ подводы; а болши того гонцомъ въ подорожныхъ отнюдь подводъ не писать; да въ тѣхъ

---

[1]) 1693 г. [2]) 1694 г. [3]) 1686 г. [4]) 1693 г.

же подорожныхъ писать и словесно приказывать: подводы въ малороссискихъ городѣхъ имали бъ у полковниковъ и въ ратуше у войтовъ и у бурмистровъ, объявляя имъ тѣ свои подорожные памяти; а самоволно нигдѣ бъ въ городѣхъ и на дорогахъ казацкихъ и мѣщанскихъ и крестьянскихъ подводъ не имали, и ни какого насилия и безчестия началнымъ людемъ и казакомъ въ малороссискихъ городѣхъ не чинили, и кормовъ и питья себѣ у нихъ не домогались, и у казаковъ на дворехъ, кромѣ мещанъ, не ставились, а ставились бы, гдѣ ихъ поставятъ, и были бъ доволны тѣмъ кормомъ и питьемъ, что имъ дадутъ доброволно въ почестъ изъ ратуши. А естьли тѣ посылщики учнутъ въ малороссискихъ городѣхъ чинить какие обиды и грабежи и безчестье, и за то имъ быть въ жестокомъ наказане, а взятое доправлено на нихъ будетъ вдвое. А окромѣ гонцовъ никакихъ подорожныхъ памятей о подводахъ не давать, и людей своихъ бояромъ и воеводамъ къ Москве и никуда ни для чего на подводахъ не посылать, и въ росписномъ списку съ новыми воеводы написать тое грамоту велено имянно. А та великого государя вышеписанная грамота съ иными грамоты въ приказной полатѣ въ столпу 201 [1]) году.

Книги описные дворамъ, которые поблиску Соѳѣйскаго монастыря, по челобитью преосвященного Варлаама, митрополита киевскаго.

А что какихъ дѣлъ бояринъ и воевода князь Петръ Ивановичь Хованской у столника и воеводы у князь Ѳедора Ѳедоровича Борятинского принялъ, и тѣ дѣла въ приказной полате у подъячихъ.

Да при бояринѣ и воеводахъ, при князѣ Петрѣ Ивановиче Хованскомъ съ товарыщи, въ Киеве, въ приказной полатѣ, великого государя указные грамоты о всякихъ дѣлехъ октября съ 18 числа 205 [2]) году по нынешней 1700 годъ сентября по.....число: и къ великому государю къ Москвѣ отписки, и въ городы къ воеводамъ и изъ городовъ отъ воеводъ отписки жъ, и о вѣстяхъ выходцовъ изъ полону всякихъ чиновъ людей роспросные рѣчи, и листы войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра къ гетману и кавалеру къ Ивану Степановичю Мазепе и къ полковникомъ, и отъ него гетмана и кавалера и отъ полковниковъ листы жъ о всякихъ дѣлехъ въ столпахъ въ Киеве, въ приказной полате, у нихъ же подъячихъ.

---

[1]) 1693 г. [2]) 1697 г.

Къ пріѣзду въ Киевъ генерала и маеора Юрья Андрѣевича Өаменднна серебреныхъ денегъ: 4510 рублевъ 17 алтынъ, полскихъ чеховъ 6158 руб. 18 алтынъ с осмакомъ; всего серебреныхъ и чеховъ 10669 рублевъ 1 алт. 4 деньги с осмакомъ.

Да по указу великого государя и по грамоте изъ Приказу Малыя Росіі дано великого государя денежного полугодового жалованя первые половины 208 [1]) году киевскихъ полковъ рейтаромъ и салдатомъ 2269 руб. съ полтиною изъ киевскихъ доходовъ.

Да продано клейменой бумаги на 4 рубли, на 24 алт., на 4 денги. Въ томъ числѣ серебреныхъ 3 руб. 1 алт. 4 д., да чеховъ 1 руб. 23 алт.

Да прислано съ Москвы клейменой бумаги 12 дестей безъ полутретья листа подъ болшимъ клеймомъ, 2 стопы и 3 дести подъ середнимъ клеймомъ, 10 стопъ и 5 дестей подъ меншимъ клеймомъ, 1 десть пищей бумаги, 50 свѣчь салныхъ, 10 гривенокъ воску.

Въ приказной же полате присланное съ Москвы мѣдное осмивершковое ведро винное; другое киевское старое мѣдное жъ десятиквартовое ведро. Да съ киевского жъ мѣдного ведра деревянное десятиквартовое заорленное ведро за печатью боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского, а мѣдное ведро послано къ Москвѣ въ Приказъ Малыя Росіі.

Въ онбарехъ хлѣбныхъ запасовъ и соли въ московскую мѣдную заорленую мѣру на-лицо 3639 чети 6 четвериковъ ржи сѣвские присылки 206 [2]) году; да кулевого запасу брянские присылки 206 году 1485 чети съ осминою муки ржаные, 1491 четвертъ сухарей, 147 чети крупъ овсяныхъ, 150 чети толокна; да соли въ онбаре на-лицо 5490 пудъ 29 гривенокъ въ весу съ рогожи; да соленыхъ снѣтковъ 88 пудъ 27 гривенокъ.

А для приему и отдачи хлѣбныхъ запасовъ, по указу великого государя и по грамоте изъ Приказу Малыя Росіі, осмина да четверикъ мѣдные заорленные присланы съ Москвы въ Киевъ, а двѣ мѣры по полтора четверика да полчетверика сдѣланы противъ тѣхъ же мѣръ въ Киеве изъ старыхъ мѣдныхъ мѣръ.

Да въ онбарехъ же на-лицо стрелецкого хлѣба присылки нынешнего 1700 году 8920 чети съ осминою безъ получетверика ржи, 7209 чети съ осминою и съ четверикомъ овса.

[1]) 1700 г. [2]) 1698 г.

А для прислуги и отдачи того стрелецкого хлѣба присланы изо Брянска въ нынешнемъ 1700 году три мѣры деревянные заорленые съ посылщики, которые проводили тѣ хлѣбные запасы съ капитаномъ съ Андрѣемъ Аносовымъ да стрелецкого приказу съ подъячими съ Иваномъ Алексѣевымъ, съ Михѣемъ Внуковымъ; а по скаске тѣхъ подъячихъ тѣ деревянные мѣры присланы во Брянскъ съ Москвы.

А тѣ вышеписанные великого государя хлѣбные запасы брянские присылки: мука, и сухари, и крупы, и толокно, въ приемѣ у маеора Ивана Поздѣева; а рожь сѣвские присылки и соль въ приеме салдацкого строю у прапорщика у Василья Аристова съ целовалники; а стрелецкой хлѣбъ въ приеме у выборныхъ цѣловалниковъ: столниковъ и полковниковъ Иванова полку Ушакова, Иванова полку Скрыпицына, Михайлова полку Сухорева, у стрелцовъ у Ивашка Любимова съ товарыщи.

На кружечномъ дворѣ питейныхъ припасовъ за продажею въ остатке на-лицо 4000 вѣдръ 8 квартъ вина простого по приемной ценѣ на 1407 руб. на 5 алт.; уксусу 98 вѣдръ по 4 алт. вѣдро, итого на 11 руб., на 25 алт., на 2 денги; пива 99 гарнцовъ, по 2 денги съ лецкою гарнецъ, итого рубль 10 алт. 4 денги.

Аптекарскихъ лекарствъ, которые по указу великого государя присланы съ Москвы въ Киевъ въ прошломъ въ 206 [1]) году: пластырей—съ типтикомъ фунтъ, параселки четверть фунта, бѣлилного 24 залотника, милолотного 24 жъ залотника; мазей—базиликовъ четверть фунта, папиливой 42 залотника, бѣлилной полфунта; разныхъ статей—порошку отъ кровавого поносу 12 залотниковъ, соли палынной залотникъ, диоскордию 12 залотниковъ, канеары 12 жъ залотниковъ, мистури симлескъ 12 залотниковъ, изъ аленьяго рогу 6 залотниковъ, пургацейного пороху 5 залотниковъ.

Наряду, и всякого ружья, и пушечныхъ, и полковыхъ всякихъ припасовъ на лицо:

По *Меншому городу*—на *Совѣйскомъ выводе* 4 пищали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пищаль въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 4 аршина 2 вершка; а сколко пудъ вѣсомъ—и въ Киеве терезей такихъ нѣтъ, привѣсить нѣначемъ; на ней вылиты у устья личины, около личинъ

---

[1]) 1698 г.

змеи, да подлѣ ушей и запалу травы; на ней вылита подпись: Божиею милостию, повелениемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича, всеа Росіі, лѣта 7130; [1]) мастеръ Григорей Наумовъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; на одномъ ухѣ наметки нѣтъ; станокъ ветхъ. Три пищали по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по 8 пудъ по 36 гривенокъ пищаль; на нихъ кресты, въ томъ числѣ на одной вылитъ, а на дву вырѣзаны; у выходу и выше ушей вылиты травы, а на одной пищали подпись: Лилъ Степанъ Кузминъ; подъ ними станки ветхи, окованы, на дубовыхъ каткахъ; въ томъ числѣ у дву пищалей наметокъ нѣтъ.

Отъ Соѳѣйского выводу на правой сторонѣ на уголномъ выводе пищаль въ 3 гривенки ядромъ, длина 2 аршина 2 вершка, вѣсомъ 17 пудъ 4 гривенки; подъ нею станокъ старой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Ивановскомъ раскате* пищаль мѣдная галанская; на ней выше запалу высечена подпись; пищаль ядромъ 15 гривенокъ, длина 4 аршина съ вершкомъ, вѣсу 88 пудъ; да ниже запалу слова полатыни; да на ней же вылитъ человѣкъ на конѣ съ карункою, на карункѣ крестъ, подъ ногами змей; да выше ушей вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами карунки да крестъ; выше ушей и у дула личины въ травахъ, да у запалу вылиты травы; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, ветхъ. Другая пищаль мѣдная жъ въ 4 гривенки ядромъ, длина 4 аршина съ вершкомъ, вѣсомъ 35 пудъ; на ней вылита подпись: Божиею милостию, повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіі, слита сия пищаль 7136; [2]) мастеръ Кондратей Михайловъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Рожественскомъ выводе* 2 пищали; въ томъ числѣ пищаль мѣдная въ 4 гривенки ядромъ, длина 4 аршина 2 вершка, вѣсомъ 34 пуда; на ней вылита подпись: Божиею милостию; повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіі, слита сия пищаль въ лѣто 7137; [3]) мастеръ Алексѣй Якимовъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, ветхъ. Другая пищаль дробовая мѣдная, вѣсомъ по подписи 9 пудъ 30 гривенокъ, длиною

---

[1]) 1622 г. [2]) 1628 г. [3]) 1629 г.

аршинъ 6 вершковъ, ядромъ 6 гривенокъ; на ней у запалу вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ногѣ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ногѣ скипетръ, да подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Θангоренъ; да промежъ ушей вылита чешуя, да выше ушей вылита личина въ травахъ, да у выходу вылиты травы же; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

У *Киевскихъ воротъ* построенъ сарай на столбахъ и покрытъ дранью; а въ томъ сарае поставлено 19 станковъ, на тѣхъ станкахъ положено 436 стволовъ мушкѣтныхъ да 10 пищалей затинныхъ.

На *Воздвиженскомъ роскате* 2 пищали; въ томъ числѣ пищаль мѣдная галанская, ядромъ пудъ 10 гривенокъ, длиною 5 аршинъ безъ 6 вершковъ, вѣсомъ по подписи 308 пудъ 20 гривенокъ; на ней вылитъ человѣкъ на конѣ съ карункою, на карунке крестъ, подъ ногами змей; у ушей и у выходу и у запалу травы; на ней же подпись вылита по латыни: 1634 году, имя мастера Эвербардусъ Сплинтеръ въ городе Горбуріи; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль желѣзная вестовая въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 48 пудъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

По лѣвую сторону *Николаевской калитки* пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, вѣсомъ 19 пудъ 30 гривенокъ, длина 3 аршина 6 вершковъ. На ней вылитъ у выхода орелъ двоеглавной съ скипетромъ и съ яблокомъ, а надъ главами 3 карунки съ крестами, а по подписи: лѣта 179 [1]) лилъ пушечной литецъ Пантелѣй Яковлевъ; станокъ подъ нею окованъ, на колесахъ; станокъ и колеса ветхи.

По правую сторону Николаевской калитки пищаль мѣдная дробовая, ядромъ въ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ, вѣсомъ 8 пудъ 25 гривенокъ; на ней у запалу вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ногѣ держитъ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ногѣ скипетръ; да на ней же вылиты слова по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Θангоренъ; выше ушей и у дула вылиты личины въ травахъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Тресвяцкомъ выводе* пищаль мѣдная дробовая, мѣрою аршинъ 6 вершковъ, ядромъ въ 6 гривенокъ; на ней высечена у ушей

---

[1]) 1671 г.

подпись: вѣсу 8 пудъ 25 гривенокъ; да у дула вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге яблоко со крестомъ, а въ лѣвой скипетръ, да подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Θангоренъ; да промежъ ушей выбита чешуя, да выше ушей вылита личина въ травахъ, да у выходу вылиты жъ травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Воеводскомъ выводе* пищаль мѣдная; на ней подпись вырезана: пушке длина 3 аршина 6 вершковъ, ядромъ 2 гривенки, весу 22 пуда; на ней вылито у выходу и у ушей травы. Подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Михайловскомъ выводе* 2 пищали мѣдные, по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсомъ по 8 пудъ по 36 гривенокъ; на нихъ вырезаны кресты, у одной у выходу вылита трава; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ; у одной на ухе наметки нѣтъ; станки ветхи.

Въ *Большомъ городѣ:* въ *Михайловской калитки* пищаль мѣдная дробовая, длина аршинъ 6 вершковъ, ядромъ 6 гривенокъ, вѣсомъ по подписи 8 пудъ 30 гривенокъ; у запалу вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге скипетръ; на ней же вылиты слова по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Θангоренъ; да выше ушей вылита личина въ травахъ; промежъ ушей выбита чешуя, да у дула вылиты травы жъ; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *выводе противъ Михайловскаго монастыря* 2 пищали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пищаль 3 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ вершка, вѣсомъ 8 пудъ 16 гривенокъ; на ней высеченъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки, у ушей и у выходу травы; подъ нею станокъ ветхъ, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 36 гривенокъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ ветхъ, окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Отъ того выводу на правой сторонѣ пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, ветхъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *роскате, что за Θамендинскимъ дворомъ, противъ городка,* что на Печерской горѣ, пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина

2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ; на ней вылитъ крестъ въ травахъ, да подпись; а прочесть той подписи не мочно, потому что не вылилась; у выходу вылиты травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; станокъ ветхъ; на ушахъ наметокъ нѣтъ.

Въ калитке *противъ малого городка, что на Печерской горѣ,* пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длиною 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; на одномъ ухе наметки нѣтъ.

По лѣвую сторону *Архангельского выводу* пищаль мѣдная, 2 гривенки ядромъ, длина 4 аршина безъ полу 2 вершка, вѣсомъ 24 пуда; на ней вылита подпись по латыни: 1529 году; гербъ: орелъ одноглавной, по правую сторону человѣкъ на конѣ съ палашемъ; у выходу и у ушей травы; 3 крыла; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Архангельскомъ выводе* пищаль желѣзная въ 6 гривенокъ ядромъ, длина полъ 3 аршина, вѣсомъ 25 пудъ 39 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. 2 пищали мѣдные по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина, безъ полу 6 вершка, вѣсомъ по 9 пудъ; на нихъ вырезаны кресты; подъ ними станки окованы; на ушахъ наметокъ нѣтъ; на дубовыхъ каткахъ.

По правую сторону *Архангелского выводу* къ Печерскимъ воротамъ, что была написана на башни, пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 9 пудъ; на ней вылитъ крестъ въ травахъ да подпись: Лилъ Ѳедоръ Ивановъ; у выходу жъ травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Надъ Печерскими вороты, на раскате, пищаль мѣдная 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, вѣсомъ 20 пудъ; на ней вылиты у устья и выше ушей и запалу травы, да на ней же вылита подпись: Божиею милостию, повелѣніемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіи, лѣта 7131 [1]) году; мастеръ Алексѣй Якимовъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; полковая.

---

[1]) 1623 г.

Надъ тѣми жъ *Печерскими вороты*, въ среднемъ бою, пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ; у выходу и у запалу вылиты травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Печерскомъ выводе*, въ верхнемъ бою, 3 пищали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пищаль въ 2 гривенки ядромъ, вѣсомъ 9 пудъ, длиною аршинъ 10 вершковъ; на ней вылитъ крестъ въ травахъ, у запалу подпись: Воинъ; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. 2 пищали мѣдныхъ по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по 9 пудъ; на нихъ вырезаны кресты; у одной у дула вылитъ репей; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ.

Въ томъ же выводе надъ воротами, въ среднемъ бою, пищаль мѣдная дробовая, ядромъ въ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ; на ней у запалу вылитъ орелъ двоеглавной; надъ главами 3 карунки со кресты; въ правой ноге держитъ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой скипетръ, да на ней же подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Ѳангоренъ; да промежъ ушей выбита чешуя; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Да въ томъ же выводе, въ нижнемъ бою, въ варотехъ пищаль мѣдная дробовая, ядромъ въ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ, въ ней весу по подписи 8 пудъ 30 гривенокъ; на ней у запалу вылитъ орелъ двоеглавной, а надъ главами 3 карунки со кресты; въ правой ноге держитъ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге—скипетръ; выше ушей вылита личина въ травахъ, да у дула вылиты травы жъ. Подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

По лѣвою сторону *Троецкого выводу* пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длиною 4 аршина безъ вершка, вѣсомъ 24 пуда; на ней вылита подпись по латыни: 1529 году; по сторонамъ—по лѣвою сторону орелъ одноглавной съ карункою, а по правую сторону человѣкъ на конѣ съ палашемъ; на ней же травы; три крила; подъ нею станокъ окованъ; на ушахъ наметокъ нѣтъ; на дубовыхъ каткахъ.

На *Троецкомъ выводе* 2 пищали мѣдные по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по 9 пудъ; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ; у одной на ушахъ наметокъ нѣтъ.

Отъ Троецкого выводу, направо къ *Золотымъ воротамъ*, по стене пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ; на ней вылитъ крестъ въ травахъ; у ушей и у выходу травы жъ; подпись: лилъ Степанъ Кузминъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Въ томъ же мѣсте, въ верхнемъ бою, пищаль мѣдная въ полгривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ 8 пудъ 25 гривенокъ; на ней вылитъ крестъ и травы да подпись: лилъ Ѳедоръ Ивановъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

У поперечного валу на раскате пищаль мѣдная вестовая въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 4 аршина 2 вершка; а сколко пудъ вѣсомъ— и въ Киеве терезей такихъ нѣтъ, привѣсить нѣ на чѣмъ; на ней вылита подпись: Божиею милостию, повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Росіі, лѣта 7133 [1]) году, мастеръ Григорей Наумовъ; у выходу личины, около личинъ змей, у ушей и у запалу травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Подлѣ *Золотыхъ воротъ* на лѣвой сторонѣ пищаль мѣдная, 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, вѣсомъ по подписи 22 пуда; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На выводе, что у Золотыхъ воротъ, 3 пищали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пищаль въ 3 гривенки ядромъ, вѣсомъ 28 пудъ, длина 3 аршина 7 вершк.; на ней вылита подпись: лѣта 7171 [2]) сентября въ 8 день; вылита пушка при государе, царе и великомъ князе Алексѣе Михайловиче, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержце; да выше подписи орелъ двоеглавной, у запалу и выше ушей и у выходу вылиты травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль въ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершковъ, вѣсомъ 8 пудъ 36 гривенокъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль въ пол 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Да у тѣхъ же воротъ тюѳякъ мѣдной мѣрою 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 3 пуда 20 гривенокъ;

[1]) 1625 г. [2]) 1663 г.

на ней вылита подпись: Князь великіі Іоаннъ Василевичь, господарь всеа Росіі; дѣлалъ Яковъ; подъ нею ложа окована обручами желѣзными.

На *Егорьевскомъ выводе* 3 пищали; въ томъ числѣ пищаль желѣзная въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, вѣсомъ по подписи 49 пудъ; на ней выше запалу два слова: пакой да зело; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. 2 пищали мѣдные по пол 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ полу 5 вершка, вѣсомъ по 8 пудъ по 36 гривенокъ; на одной пищали вырезанъ крестъ; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ.

На *Сергіевскомъ раскате* пищаль мѣдная вестовая въ 6 гривенокъ ядромъ, длина 4 аршина 2 вершка; а сколко пудъ вѣсомъ—и въ Киеве терезей такихъ нѣтъ, привѣсить нѣ на чемъ; вылита подпись: Божиею милостию, повелѣніемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіі слита сія пищаль лѣта 7138 [1]), мастеръ Алексѣй Якимовъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Сергіевскомъ выводе* 3 пищали; въ томъ числѣ пищаль желѣзная 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 49 пудъ; на ней два слова: пакой да зело; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; на ней вылитъ крестъ, у выходу травы; лилъ Ѳедоръ Ивановъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная въ полъ 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 36 гривенокъ; на ней вырезанъ крестъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; па ушахъ наметокъ нѣтъ.

На *Всесвятцкомъ раскате*, противъ Пробитого валу, пищаль мѣдная, прозваніемъ Левъ, 6 гривенокъ ядромъ, длина 6 аршинъ 3 вершка, вѣсомъ 119 пудъ 20 гривенокъ; на ней вылита подпись: Божиею милостию, повелѣніемъ самодержавного великого государя, царя и великого князя Ѳеодора Алексѣевича, всеа Великая и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержца, въ 4-е лѣто благочестивые и богохрани-

[1]) 1630 г.

мые державы царства его, въ славномъ и преименитомъ царствующемъ граде Москвѣ, лита во 188 [1]) году; лилъ мастеръ Харитонъ Ивановъ; на ней же вылитъ близко дула левъ; около подписи и выше ушей и у дула травы, у казны личины; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Всесвятцкомъ выводе* 3 пищали; въ томъ числѣ пищаль желѣзная 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 49 пудъ; на ней два слова: пакой да зело; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ; на ушахъ наметокъ нѣтъ. Пищаль мѣдная 2 гривенки ядромъ, длина пол 2 аршина безъ вершка, вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная въ пол 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Отъ Всесвятцкого выводу на стенѣ ко Львовскимъ воротамъ пищаль мѣдная въ пол 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 12 пудъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На *Львовскихъ воротехъ* пищаль мѣдная дробовая, ядромъ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ; на ней у запалу вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге держитъ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой скипетръ; да подпись высечена: вѣсомъ 8 пудъ 20 гривенокъ, и вылиты слова по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Ѳангоренъ; да выше ушей вылита личина въ травахъ, да промежъ ушей выбита чешуя; станокъ окованъ, на духовыхъ каткахъ. Другая пищаль мѣдная; на ней къ запалу вылита подпись: пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, вѣсомъ 19 пудъ 33 гривенки, лѣта 7100 [2]); да у запалу подпись же: лилъ мастеръ Мартемьянъ Осиповъ; да на ней же у дула вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки, въ правой ноге скипетръ, а въ лѣвой яблоко со крестомъ; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На выводе, что *противъ Кириловскаго взводу*, въ нижнихъ бояхъ, 3 пищали мѣдные; въ томъ числѣ 2 пищали скорострѣлные по

---

[1]) 1680 г. [2]) 1592 г.

3 гривинки ядромъ, длиною по 3 аршина, вѣсомъ по 10 пудъ; на нихъ вылиты орлы двоеглавные, со скипетры и съ яблоки, надъ главами по 3 карунки со кресты, у выходу и у ушей травы, да 2 лва, да подписи по-латыни, на одной: приказалъ дѣлать Яганъ Θангоренъ, мастеръ Микласъ; вылиты въ Липске городе лѣта 1669; на другой имена полковниковъ Николая Бовмана да Ягана Θангорена, лѣта 1602, мастеръ Германъ Энкинъ; подъ ними станки окованы, на дубовыхъ каткахъ; на ушахъ наметокъ нѣтъ. Пищаль 2 гривенки ядромъ, длина аршинъ 6 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ 20 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На томъ же выводе 4 пищали мѣдныхъ; въ томъ числѣ пищаль мѣдная; на ней къ запалу вылита подпись: пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина 6 вершковъ, въ ней вѣсу 20 пудъ 10 гривенокъ; лилъ мастеръ Яковъ Дубина лѣта 7013 [1]); да на ней же ниже ушей вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге держитъ скипетръ, а въ лѣвой ноге яблоко; у запалу и выше ушей и у дула вылиты травы; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль въ 3 гривенки ядромъ, длина аршинъ 6 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ 20 гривенокъ; на ней у запалу вылитъ узолъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсомъ 9 пудъ; на ней вылитъ баранъ, у выходу и ушей травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 2 аршина безъ полу 6 вершка, вѣсомъ 8 пудъ 36 гривенокъ; на ней вылитъ крестъ въ травахъ да подпись: Воинъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На той же стенѣ, на углу, пищаль мѣдная дробовая, ядромъ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ; на ней вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге держитъ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге скипетръ; на ней же вылиты слова по-латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Θангоренъ; на ней высечена подпись: вѣсомъ 10 пудъ 34 гривенки, да выше ушей и у дула вылиты травы, да межъ ушей и выше ушей выбита чешуя; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

---

[1]) 1505 г.

Въ томъ же мѣстѣ пищаль мѣдная дробовая, ядромъ 6 гривенокъ, длина аршинъ 6 вершковъ; на ней у запалу выбитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки со кресты, въ правой ноге держитъ яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге скипетръ; на ней подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Ѳангоренъ; да высечена подпись же: вѣсомъ 8 пудъ 26 гривенокъ; да выше ушей и у дула вылиты травы, да межи ушей и у дула личины въ травахъ; станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

На стенѣ, что во рву, *противъ Кожемяцкой слободы* 2 пищали мѣдные по 2 гривенки ядромъ, длиною по 2 аршина безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по 9 пудъ; на нихъ вырезаны кресты; подъ нимъ станки окованы, на дубовыхъ каткахъ.

Да въ *Меншомъ городе Кіевѣ у приказной полаты* 4 пищали мѣдные галанскяе; въ томъ числѣ пищаль ядромъ пудъ 10 гривенокъ, длиною 5 аршинъ безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 208 пудъ 20 гривенокъ; на ней вылитъ человѣкъ на конѣ съ карункою, на карунке крестъ, подъ ногами змей, у ушей и у выходу и у запалу травы; на ней же подпись вылита по-латыни: 1634 году, имя мастера Сверусь Костеръ, въ городе Амстрадаме; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, на нихъ по два обруча желѣзныхъ. Пищаль галанская жъ пудъ 6 гривенокъ ядромъ, длина 5 аршинъ безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 196 пудъ 35 гривенокъ; на ней вылитъ человѣкъ на конѣ съ карункою, на карункѣ крестъ, подъ ногами змей, у запалу и выше ушей и у выходу травы, да подпись вылита по латыни: 1635 году, мастеръ Эвергардусъ Сплинтеръ въ городе Энгузіи; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, на нихъ по два обруча желѣзныхъ. Пищаль галанская жъ пудъ 6 гривенокъ ядромъ, длина 5 аршинъ безъ 5 вершковъ, вѣсомъ по подписи 196 пудъ 35 гривенокъ; на ней вылитъ человѣкъ на конѣ съ карункою, на карункѣ крестъ, подъ ногами змей; подпись по латыни: лѣта 1635, мастеръ Эвергардусъ Сплинтеръ въ городе Энгузіи; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ, на нихъ по два обруча желѣзныхъ. Пищаль галанская жъ 15 гривенокъ ядромъ, длина 4 аршина съ вершкомъ; на ней вылитъ человѣкъ на конѣ съ карункою, на карунке крестъ, подъ ногами змей, ниже запалу слова по латыни, выше ушей и у дула травы; вѣсомъ по подписи 89 пудъ;

на ней выше ушей вылитъ орелъ двоеглавной съ карунками и со кресты; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ.

Въ *оружейномъ анбаре:* Пищаль мѣдная дробовая вѣсомъ 9 пудъ, длина аршинъ 6 вершковъ, ядромъ 6 гривенокъ; на ней у запалу вылитъ орелъ двоеглавной, въ правой ноге яблоко со крестомъ, а въ лѣвой ноге скипетръ, надъ главами 3 карунки со кресты, а промежъ ушей выбита чешуя, да выше ушей подпись по латыни: Николай Бовманъ да Яганъ Θангоренъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная въ полугривенки ядромъ, длинею 2 аршина, вѣсомъ 5 пудъ; на ней вылиты 3 лва, да двѣ травы, да подпись вылита: Иоаннъ, Божиею милостию государь всеа Росіі, лѣта 7006 [1]), лилъ Яковъ Θрянъ; на походномъ станку. Двѣ пищали дробовыхъ длиною по аршину по 6 вершковъ, вѣсомъ по 5 пудъ по 22 гривенки; на нихъ вылиты кресты и травы; на волоковыхъ станкахъ, на колесахъ. Пищаль мѣдная вѣсомъ 11 пудъ 10 гривенокъ, длиною по 3 аршина, ядромъ въ полъ 2 гривенки, на волоковомъ станку, на колесахъ. Пищаль дробовая мѣрою аршинъ съ четвертью, ядромъ 12 гривенокъ; на ней же ниже ушей вылита подпись: лилъ мастеръ Мартемьянъ Осиповъ; да на ней же у запалу подпись высечена: вѣсомъ 9 пудъ; да у выходу вылиты травы; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная длиною 3 аршина 6 вершковъ, ядромъ 2 гривенки, вѣсомъ по подписи 21 пудъ 28 гривенокъ; на ней вылита подпись же: лѣта 7186 [2]); межъ казны и ушей вылитъ орелъ двоеглавной, въ правой ноге скипетръ, а въ лѣвой яблоко; надъ запаломъ накрышки нѣтъ; лилъ мастеръ Яковъ Осиповъ Дубина; на походномъ станку; станокъ худъ. Пищаль мѣдная длиною аршинъ 10 вершковъ, ядромъ 2 гривенки; у выходу вылиты 3 орепья; межъ казны и ушей вылитъ крестъ въ травахъ; лилъ мастеръ Θедоръ Улыбинъ; вѣсомъ 8 пудъ 25 гривенокъ; на походномъ станку; станокъ худъ. Пищаль мѣдная грановитая, длина 2 аршина полъ 2 вершка, ядромъ въ полгривенки, вѣсомъ 5 пудъ 33 гривенки; у запалу розгаръ и у выходу розгаръ же; на походномъ станку; станокъ худъ.

13 пушекъ верховыхъ мѣдныхъ; въ томъ числѣ пушка 12 пудъ гранатъ; на ней у выходу вылиты травы да подпись, а по подписи

---

[1]) 1498 г. [2]) 1678 г.

сдѣлана та пушка въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7013 [1]) и 14, [2]) сентября въ 26 день; мастеръ Андрей Чеховъ; сдѣлалъ пушечной литецъ Проня Ѳедоровъ; а сколько пудъ вѣсомъ, и того не подписано, а въ Киевѣ терезей такихъ нѣтъ, привѣсить нѣ на чемъ. Пушка 3 пуда гранатъ, вѣсомъ 50 пудъ 36 гривенокъ; на ней у выходу и подле ушей и у запалу вылиты травы; а по подписи лита во 186 [3]) году: лилъ пушечной литецъ Пантелей Яковлевъ. Пушка 3 пуда жъ гранатъ, вѣсомъ 48 пудъ 24 гривенки; на ней вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки, у выходу травы, у запалу подпись: мастеръ Яковъ Никиѳоровъ. Пушка 2 пуда гранатъ, вѣсомъ 24 пуда 30 гривенокъ, а по подписи вылита во 176 [4]) году; лилъ мастеръ Яковъ Дубина. 2 пушки по 2 пуда жъ гранатъ, въ томъ числѣ на одной вылита подпись: Божиею милостию, повелѣниемъ государя, царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Росіі, слита сия пушка лѣта 7141 [5]); мастеръ Микиѳоръ Ѳедоровъ; а на другой пушке вылита подпись же: мастеръ Михайла Ивановъ; вѣсу въ нихъ не подписано. Пушка полупудовая гранатъ, вѣсу въ ней не подписано; на ней вылита подпись: 178 [6]) году; лилъ пушечной литецъ Пантелей Яковлевъ; а тѣ верховые пушки на дубовыхъ станкахъ; станки окованы. Пушка гранатомъ 3 пуда, вѣсомъ 46 нудъ 30 гривенокъ; на ней вылита подпись выше ушей: лѣта 7206 [7]) году, да подпись у запалу: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да на ней же выше и ниже ужей чешуя; на ней же у выходу вылита личина въ травахъ. Пушка гранатомъ 3 пуда жъ, вѣсомъ по подписи 48 пудъ 30 гривенокъ; на ней вылита подпись выше ушей: лѣта 7206 [8]) году, да подпись же у запалу: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да на ней же выше и ниже ушей чешуя; да на ней же у выходу вылита личина въ травахъ. Пушка гранатомъ 2 пуда, вѣсомъ по подписи 25 пудъ 38 гривенокъ; на ней вылита подпись выше ушей: лѣта 7206 [9]) году, да у запалу вылита подпись же: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да у выходу вылита личина въ травахъ, да вылита чешуя. 3 пушки гранатомъ по пуду; вѣсомъ одна 18 пудъ 30 гривенокъ; на ней вылита подпись: лѣта 7206 [10]) году; ниже подписи вылитъ орелъ двоеглавной

---

[1]) 1505 г. [2]) 1506 г. [3]) 1678 г. [4]) 1668 г. [5]) 1633 г. [6]) 1670 г. [7]) 1698 г. [8]) 1698 г [9]) 1698 г. [10]) 1698 г.

съ карунками, въ правой ноге держитъ скипетръ, а въ лѣвой ноге яблоко; да у запалу подпись же: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; выше подписи къ выходу вылиты травы, да на ней же ниже орла вылита чешуя. Другая пушка вѣсомъ 18 же пудъ 18 гривенокъ; на ней вылита подпись: лѣта 7206 [1]) году: ниже подписи вылитъ орелъ двоеглавной съ карунками, въ правой ноге держитъ скипетръ, а въ лѣвой яблоко со крестомъ; да у запалу вылита подпись же: лилъ масгеръ Логинъ Жихаревъ; да выше подписи къ выходу вылиты травы; да на ней же вылита чешуя. Третья пушка вѣсомъ 18 же пудъ 16 гривенокъ; на ней вылита подпись: лѣта 7206 [2]) году; подпись не вылилась; ниже подписи вылитъ орелъ двоеглавной съ карунками, въ правой ноге держитъ скипетръ, а въ лѣвой яблоко со крестомъ; да у запалу подпись же: лилъ мастеръ Логинъ Жихаревъ; да выше подписи вылиты травы; да ней же вылита чешуи.

Въ тѣхъ же оружейныхъ анбарехъ 4 станка съ мушкѣтными стволы; въ томъ же числѣ на 3 станкахъ по 20 стволовъ, на одномъ станку 40 стволовъ окованы.

Въ *Киевѣ*, въ *Нижнемъ городе*, поставлено по башнямъ 8 пищалей. Въ томъ числѣ пищаль мѣдная; на ней къ запалу вылита подпись: пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, въ ней вѣсу 24 пуда 38 гривенокъ; лѣта 7182, [3]) другая подпись у запалу: литецъ Осипъ Ивановъ; выше ушей вылитъ орелъ двоеглавной, надъ главами 3 карунки, въ правой ноге скипетръ, а въ лѣвой яблоко; да въ правою сторону къ дулу вылитъ...., у дула вылиты травы; станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль желѣзная 6 гривенокъ ядромъ, длина 3 аршина полъ 6 вершка, вѣсомъ по подписи 48 пудъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль желѣзная жъ въ полторы гривенки ядромъ, длиною 3 аршина безъ 6 вершковъ, вѣсомъ 24 пуда; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль желѣзная жъ въ 12 гривенокъ ядромъ, длина 2 аршина 2 вершка, вѣсомъ 22 пуда 16 гривенокъ; подъ нею станокъ окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная; на ней вылита подпись у запалу; пищаль 2 гривенки ядромъ, длина 3 аршина 6 вершковъ, въ ней вѣсу 20 пудъ 35 гривенокъ, лилъ мастеръ Яковъ Осиповъ Дубина, лѣта

[1]) 1698 г. [2]) 1698 г. [3]) 1674 г.

7182 [1]); да ниже ушей вылитъ орелъ двоеглавной; надъ главами 3 карунки, въ правой ноге скипетръ, а въ лѣвой яблоко; выше ушей вылиты травы; станокъ волоковой, окованъ, на каткахъ. Пищалъ мѣдная скорострѣлная длиною 2 аршина, вѣсомъ 10 пудъ; на ней вылитъ орелъ двоеглавной съ карункою, и со крестомъ, и съ скипетромъ, и съ яблокомъ, да травы, а промежъ травъ чешуя, да по латыни имена: полковники Николай Бовманъ да Яганъ Θангоренъ; а лита 7032 [2]), мастеръ Германъ Энкинъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на каткахъ. Пищаль желѣзная въ 3 гривенки ядромъ, длина 3 аршина безъ 6 вершковъ; въ ней вѣсу по подписи 29 пудъ 35 гривенокъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная скорострѣлная длиною 2 аршина, вѣсомъ 10 пудъ; на ней вылитъ орелъ двоеглавной съ карункою, и со крестомъ, и съ скипетромъ, и съ яблокомъ, да травы, а межъ травъ чешуя да по латыни имена: полковники Николай. Бовманъ да Яганъ Θангоренъ, а лита 7032 [3]), мастеръ Эпкинъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на колесахъ. Пищаль желѣзная въ 3 гривенки ядромъ, длина 3 аршина безъ 6 вершковъ, въ ней вѣсу по подписи 29 пудъ 35 гривенокъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на дубовыхъ каткахъ. Пищаль мѣдная скорострѣлная длиною 2 аршина, вѣсомъ 10 пудъ; на ней вылитъ орелъ двоеглавной съ карункою, и со крестомъ, и съ скипетромъ, и съ яблокомъ, да травы, а межъ травъ чешуя да по латыни имена: полковники Николай Бовманъ да Яганъ Θангоренъ, а лита 7032 [4]), мастеръ Германъ Энкинъ; подъ нею станокъ волоковой, окованъ, на колесахъ.

Къ тѣмъ же пищалемъ 80 ядръ; въ томъ числѣ: 10 ядръ вѣсомъ по 12 гривенокъ; 10 ядръ по 6 гривенокъ; 30 ядръ по 3 гривенки; 20 ядръ по 2 гривенки; 10 ядръ по пол 2 гривенки.

Въ *Печерскомъ* местечке: пищаль мѣдная длиною аршинъ 10 вершковъ, вѣсомъ 10 пудъ 13 гривенокъ; на ней насѣчены репьи; станокъ и колеса старые; отдана та пищаль во 183 [5]) году на время для обороны отъ приходу непріятелскихъ людей. Пищаль мѣдная въ 2 гривенки ядромъ, длина 4 аршина безъ 3 вершковъ, вѣсомъ 24 пуда; на ней вылитъ орелъ одноглавной да подпись по латыни: 1525

---

[1]) 1674 г. [2]) 1524 г. [3]) 1524 г. [4]) 1524 г. [5]) 1675 г.

году; подъ нею станокъ окованъ, на колесахъ неокованыхъ. Пищаль желѣзная, въ пол 4 гривенки ядромъ, длина 4 аршина безъ чети, вѣсомъ 29 пудъ; на ней вырезана подпись по латыни 814; подъ нею валоковой станокъ, на дубовыхъ каткахъ. А тѣ вышеписанные 2 пищали отданы при боярине и воеводахъ, при князе Михайле Григорьевиче Рамодановскомъ съ товарыщи, для обороны отъ приходу непріятельскихъ людей во 198 [1]) году на время.

Въ *Выдубецкомъ* монастыре: пищаль мѣдная въ четверть гривенки ядромъ, длиною 2. аршина съ четвертью, вѣсомъ 5 пудъ 20 гривенокъ; на ней вылита выше ушей личина въ травахъ, у выходу другая личина, около личины 2 птицы, ниже птицъ травы; а та пищаль отдана въ тотъ монастырь при боярине и воеводахъ, при князе Никите Семеновиче Урусове съ товарыщи, для обороны отъ приходу непріятелскихъ людей во 188 [2]) году на время.

Въ оружейныхъ анбарехъ: 800 ядръ по пуду по 10 гривенокъ; 499 ядръ по пуду по 6 гривенокъ; 128 ядръ по пуду; 13 ядръ по 30 гривенокъ; 31 ядро по 20 гривенокъ; 1263 ядра по 15 гривенокъ; 869 ядръ по 12 гривенокъ; 8646 ядръ по 6 гривенокъ ядро; 3490 ядръ по 4 гривенки; 6 ядръ по 5 гривенокъ; 10 ядръ въ полъ 4 гривенки; 6251 ядро по 3 гривенки; 1036 ядръ по полъ 3 гривенки; 20596 ядръ по 2 гривенки; 2376 ядръ по 2 гривенки; 2376 ядръ по полъ 2 гривенки; и изъ того числа отдано въ Печерской монастырь 50 ядръ на время; 1713 ядръ по гривенки, въ томъ числѣ 15 кованныхъ; 1096 ядръ по полъ гривенки; 1088 ядръ въ четверть гривенки ядро; 15 пудъ 8 гривенокъ дроби желѣзной болшой; 6 пудъ 18 гривенокъ середней; 108 пудъ 26 гривенокъ малой; 4185 ядръ на чепяхъ, къ нимъ 1700 трубокъ деревянныхъ, въ которыхъ тѣ чепные ядра въ пушку зарежаютъ; 4484 ядра на роздвижныхъ прутьяхъ; 32 пары приступныхъ гранатъ на вилахъ, въ томъ числѣ 2 вилы переломлены; 11 гранатъ нарядныхъ по 12 пудъ; 86 гранатъ ненарядныхъ по 12 жъ пудъ; 441 гранатъ нарядныхъ по 3 пуда, въ томъ числѣ 12 по 3 пуда по 20 гривенокъ гранатъ; 2166 гранатъ ненарядныхъ по 3 пуда гранатъ; 436 гранатъ ненарядныхъ по 2 пуда гранатъ, 1200 гранатъ ненарядныхъ 2 пудовыхъ; 715 гранатъ ненарядныхъ же по

---

[1]) 1690 г. [2]) 1680 г.

полтора пуда гранатъ; 2878 гранатъ ненарядныхъ по пуду гранатъ; 1 гранатъ нарядной по полупуду; 986 гранатъ ненарядныхъ по полупуду жъ гранатъ; 1963 гвоздя малыхъ желѣзныхъ тиннальныхъ вѣсомъ 11 пудъ 5 гривенокъ; къ тѣмъ ненарядным гранатомъ 9441 трубка деревянныхъ; 6 выбойниковъ вѣсомъ 25 гривенокъ.

Да къ тѣмъ же выпеписаннымъ верховнымъ пушкамъ огнѣстрѣлныхъ и свѣтлыхъ 20 ядръ розныхъ статей; къ нимъ 670 трубокъ желѣзныхъ; въ томъ числѣ одно ядро нарядное съ трубки; 16 мешковъ холщовыхъ огнѣстрѣлныхъ болшихъ и малыхъ порожихъ; 9 затравниковъ пушечныхъ желѣзныхъ; 10 паръ приступныхъ гранатъ по 5 пудъ по 9 гривенокъ, по 2 и по 3 пуда; въ томъ числѣ 35 паръ нарядныхъ, 175 паръ ненарядныхъ; телѣга, на чемъ гранаты возятъ; 15195 гранатъ ручныхъ желѣзныхъ разныхъ статей нарядныхъ; въ томъ числѣ у переправки розбилось 20 гранатъ, а 14 гранатъ въ розрядку не годились; 30507 гранатъ ручныхъ ненарядныхъ, къ нимъ 28520 трубокъ деревянныхъ; 98 гранатъ ручныхъ склянечныхъ нарядныхъ; 389 гранатъ ручныхъ склянечныхъ ненарядныхъ, въ томъ числѣ 12 гранатъ розбитыхъ; 11 мѣстъ желѣзныхъ дробныхъ, что гранаты чистятъ и нарежаютъ; 50 пищалей затинныхъ, въ томъ числѣ положено на станку 10 пищалей, да отдано въ монастырь на время въ Печерской 2, въ Соѳѣйской 3 пищали. Сверло болшое пушечное вѣсомъ 2 пуда 2 гривенки; 4 пуда 22 гривенки дроби мушкѣтной желѣзной; 21 мушкѣтъ съ замками худыхъ, въ томъ числѣ у одного замка нѣтъ, а у одного отъ дула оторвало съ поларшина; въ нихъ замки и ложи ламаные; 90 мушкѣтовъ съ жагры худыхъ, жагры и ложи ламаные; 30 мушкѣтовъ починенныхъ, въ томъ числѣ 12 мушкѣтовъ съ замками; 18 мушкѣтовъ съ жагры.

Въ оружейномъ анбаре положено на 4 станкахъ 100 стволовъ мушкѣтныхъ; 96 стволовъ роздутыхъ и рваныхъ; 82 пищали съ прикладами и съ замками; 6 стволовъ покрыты красною кожею и обложены мѣдью, одинъ толко початковатъ; 246 карабиновъ починены и вычищены въ ложахъ съ замками; 115 карабиновъ съ колесными замками не починены; 186 стволовъ карабинныхъ худыхъ безъ замковъ; 18 карабиновъ, въ томъ числѣ у одного карабина огнива нѣтъ; полъ 6 пары пистолей худыхъ въ ложахъ ламаныхъ безъ огнивъ и безъ курковъ; 2 ствола карабинныхъ; 5 пистолей худыхъ безъ замковъ; 200 палниковъ пушечныхъ; 161 пудъ 35 гривенокъ зелья руч-

ного съ деревомъ; 1098 пудъ 31 гривенокъ со полугривенкою зелья ручного жъ съ деревомъ: 2062 пуда 32 гривенки зелья пушечного безъ дерева; 4806 пудъ 16 гривенокъ зелья пушечного жъ съ деревомъ, и изъ того числа отдано въ Печерской монастырь 10 пудъ зелья ручного и пушечного по поламъ на время. 4060 пудъ 2 гривенки съ полугривенкою свинцу, и изъ того числа дано въ Печерской монастырь 5 пудъ; свинцу сѣченого и на прутья тянутого 6 пудъ 18 гривенокъ; 600 ядръ пушечныхъ свинцовыхъ по кружалу въ четверть гривенки, въ нихъ во всѣхъ вѣсу 7 пудъ 15 гривенокъ; 221 пудъ 12 гривенокъ пуль свинцовыхъ, мушкѣтныхъ литыхъ и сѣченыхъ; 163 картула накладныхъ съ пулеми свинцовыми, въ нихъ вѣсу 4 пуда 10 гривенокъ худыхъ. 1689 пудъ 26 гривенокъ ѳетиля вареного, и изъ того числа отдано въ Печерской монастырь на время 7 пудъ; 7 пудъ ѳетиля вареного гнилого; 342 пуда 7 гривенокъ съ полугривенкою ѳетиля невареного. 7863 аршина съ полуаршиномъ холста толстого; 68 аршинъ бумазеи черной мыши попортили; 6 аршинъ съ полуаршиномъ крашенины черной; 7372 мешка пушечныхъ холщевыхъ болшихъ и малыхъ; 11 мешковъ пушечныхъ съ порохомъ, вѣсомъ 22 гривенки; 6 мѣшковъ пушечныхъ же съ порохомъ, что ядромъ въ полгривенки, итого 4 гривенки; 100 мешковъ холщовыхъ, что ручные гранаты носятъ; 2 паруса холщовыхъ новыхъ; 56 мешковъ коженыхъ пороховыхъ худыхъ; 6 мешковъ коженыхъ пороховыхъ новыхъ. 11 трубокъ ѳетилныхъ изъ бѣлого желѣза худыхъ; 10 трубокъ ѳетилныхъ изъ бѣлого жъ желѣза цѣлыхъ; 61 капралствъ изъ бѣлого желѣза худыхъ. 4311 пудъ 12 гривенокъ съ полугривенкою пенки; 62 пуда 35 гривенокъ пенки пыжовой гнилой; 5 пудъ 15 гривенокъ лну; 126 пудъ 28 гривенокъ селитры нелитрованной; 9 гривенокъ жилъ битыхъ; 142 пуда 13 гривенокъ 75 золотниковъ сѣры горючей съ деревомъ; пудъ 16 гривенокъ сѣры горючей толченой съ деревомъ же; итоть мѣдная съ пестомъ желѣзнымъ; три куба мѣдныхъ обтекарскихъ съ трубами и съ кровлеми, веткихъ; 14 урывковъ пушечныхъ желѣзныхъ, вѣсомъ 21 пудъ 9 гривенокъ; пудъ желѣза съ пушичныхъ станковъ; 153 пуда 6 гривенокъ съ полугривенкою желѣза; 2 крюка желѣзныхъ, которые остались отъ Соѳейской каменной башни; 4 крюка желѣзныхъ малыхъ, да 4 крюка, что изъ струговъ конопать тоскаютъ, вѣсомъ 8 гривенокъ; 16 фурмъ мушкѣтныхъ мѣдныхъ, въ томъ числѣ 1 изломана, 4 фурмы мушкѣт-

ныхъ желѣзныхъ; 29 гривенокъ съ полугривенкою стали; пудъ 16 гривенокъ колоколной мѣди въ весу съ длиною и съ землою; 3 пижовника, 6 затравокъ, 9 трещетокъ, 2 тысячи кремней, 236 ремней бандѣлѣрныхъ; 4491 ремень бандѣлерныхъ худыхъ и оборванныхъ; 6 барабановъ худыхъ, и изъ того числа въ Печерской да въ Выдубецкой монастырь отдано по барабану, 8 ремней барабанныхъ, въ томъ числѣ 1 безъ крюка; 16 ремней барабанныхъ худыхъ; 20 протазановъ съ кистми шолковыми ветхими; 4 протозана съ нагалищами и съ бохромами ветхи; 59 протозановъ худыхъ и ламаныхъ; 12 алибардъ; 636 бердышей худыхъ и ламаныхъ; 431 списа съ копьи; 1630 полупичныхъ копейцовъ ламаныхъ; 122 копья желѣзныхъ; 160 списъ съ полуспичными желѣзцы; 66 полупикъ съ копейцами; 10 копейцовъ желѣзныхъ; 5 гротиковъ; 254 древка безъ копей; 56536 осыпныхъ рогатокъ желѣзныхъ; 424 скобы подножныхъ цѣлыхъ; 76 скобъ подножныхъ ламаныхъ; 6 знаменъ рейтарскихъ лазоревой камки съ бохрамами худыхъ и драныхъ; 74 знамя таѳтяныхъ и дорогилныхъ, розными цвѣтами, побитыхъ и подранныхъ, къ нимъ 28 нагалищъ суконыхъ, и изъ того числа отдано въ Печерской монастырь на время знамя; 9 знаменъ драгунскихъ косящетыхъ черной и желтой таѳты, по краямъ съ вишневою таѳтою безъ древокъ; 12 знаменъ таѳтяныхъ и кумачныхъ розными цвѣтами, въ томъ числѣ 2 знамя салдацкихъ, къ нимъ 8 древокъ съ гротики, 4 древка безъ гротиковъ, ламаныхъ; 9 втоковъ знаменныхъ; знамя болшое киндячное изодраное; 3 знамя казацкихъ дорогилныхъ, побитыхъ; 6 знаменъ таѳтяныхъ сотенныхъ съ древками и со вспоки побитыхъ и подраныхъ; 30 древокъ, что были на нихъ знамена худые и подраные; 28 ремней карабинныхъ безъ ремней; 526 паръ латъ рейтарскихъ худыхъ и оборванныхъ; 2 доски латныхъ заднихъ рейтарскихъ; 828 паръ латъ салдацкихъ худыхъ и оборваныхъ, въ томъ числѣ 10 паръ салдацкихъ починеныхъ; 56 паръ латъ заднихъ досокъ; 11 досокъ латныхъ худыхъ; 1100 оплешковъ; 523 полы латныхъ худыхъ; 243 корваша худыхъ; 693 шишака цѣлыхъ поржавели; 609 шишаковъ худыхъ; 861 шпага цѣлыхъ, во всѣхъ ножны худы, шпаги поржавели; 540 шпагъ ламаныхъ, во всѣхъ ножны худы, шпаги поржавели; 16 крижовъ шпажныхъ худыхъ, вѣсомъ 19 гривенокъ съ полугривенкою; 1022 лядунки безъ ремней худыхъ драгунскихъ; 66 паръ олстръ пистолныхъ худыхъ безъ ремней; 16 коѳтановъ стрелецкихъ анбур-

ского сукна зеленыхъ и лазоревыхъ гнилыхъ и драныхъ; 4 коѳтана, что передѣланы изъ худыхъ коѳтановъ для почты, и тѣ коѳтаны подраны; 42 шубы худыхъ и драныхъ; 1327 кирокъ цѣлыхъ желѣзныхъ; мотыка; 68 лопатъ желѣзныхъ цѣлыхъ; 280 заступовъ желѣзныхъ; 2 просѣка; 5 богровъ желѣзныхъ пожарныхъ болшихъ на шестахъ; 5 крюковъ пожарныхъ желѣзныхъ на шестахъ; 9 вилъ пожарныхъ желѣзныхъ; 25 уполовниковъ желѣзныхъ; 2 лошки желѣзныхъ, въ томъ числѣ у одной ручка отломлена; 29 буравовъ середнихъ и малыхъ, въ томъ числѣ у дву буравовъ перья попорчены; 2 белезы желѣзныхъ конопатныхъ; 15 круговъ желѣзныхъ; 6 буравовъ; 2 напарьи болшихъ; 3 напарьи середнихъ; 5 трубокъ проходныхъ желѣзныхъ малыхъ попорченыхъ, въ томъ числѣ 1 изломана; 3 напарьи струговыхъ; 45 напарьевъ, что передѣланы изъ худыхъ напарьевъ; терези, на чемъ вѣсятъ зелья и свинецъ, и ѳетилъ; 3 роспуски; 2 роспуски пушечныхъ съ дышлы; 3 фунта мѣдныхъ съ весками, въ томъ числѣ 2 неполныхъ; 7 пилъ, что дерево трутъ, въ томъ числѣ 5 пилъ одноручныхъ худыхъ; 3 клещи маленкихъ желѣзныхъ; 12 пешенъ цѣлыхъ; 43 лопатки конопатныхъ цѣлыхъ и ламаныхъ; 95 ломовъ желѣзныхъ цѣлыхъ; 31 ломъ ламаныхъ; 2 напарьи подкопныхъ желѣзныхъ; 66 молотовъ болшихъ и малыхъ цѣлыхъ; 20 молотовъ болшихъ розбитыхъ; кулакъ желѣзной; 7 долотъ худыхъ; 17 скобелей; 1 черта плотничья; 365 косы, что сѣно косятъ, худыхъ и ламаныхъ; 7 наковаленъ да 5 молотковъ, что косы отбиваютъ; 21 конатъ пенковыхъ новыхъ, вѣсомъ по 2 пуда, мѣрою по 25 саженъ; 3 коната пенковыхъ новыхъ по 3 пуда, мѣрою по 30 саженъ; 12 бечевъ пенковыхъ новыхъ, мѣрою по 8 саженъ, въ томъ числѣ 2 бечевы держаные; 2 косаря, что у лошадей копыты очищаютъ, въ томъ числѣ 1 изломленъ; 3 котла желѣзныхъ, что смолу варятъ, худыхъ; крюкъ желѣзной, чѣмъ гранаты чистятъ; крюкъ желѣзной, чѣмъ котелъ цепляютъ; вѣсомъ въ обѣихъ крюкахъ полъ 8 гривенки; 4 крюка, что ледъ тоскаютъ; крюкъ желѣзной, что ледъ тоскаютъ, изломленъ; 860 пудъ 10 гривенокъ смолы густой и житкой вѣсомъ съ деревомъ; пудъ смолы черной, вѣсомъ съ деревяннымъ ящикомъ; 2 пуда 10 гривенокъ смолы въ 2 каткахъ да въ кузове, въ весу съ катками и съ кузовомъ; 5232 гвоздя двоетесныхъ; 1640 скобъ конопатныхъ; 40 станковъ пушечныхъ дубовыхъ и сосновыхъ не окованыхъ, розныхъ статей; 2 колеса пушечныхъ окованыхъ старыхъ; 2

колеса пушечныхъ худыхъ; на нихъ 17 обоймицъ желѣзныхъ; 18 станковъ пушечныхъ желѣзныхъ ветхихъ; 3 ушей пушечныхъ желѣзныхъ; 2 закрутия пушечныхъ; 33 набойника желѣзныхъ малыхъ, розныхъ статей; подъемъ пушечной желѣзной; 126 круговъ пушечныхъ деревяныхъ, розныхъ статей, къ огнестрѣлной стрелбѣ; 9 паршоръ коренныхъ худыхъ и рваныхъ; по 8 паршоръ припряжныхъ худыхъ и рваныхъ; 58 козъ городовыхъ желѣзныхъ цѣлыхъ; 53 козы городовыхъ желѣзныхъ ламаныхъ; 26 цепей подъемныхъ мостовъ, въ томъ числѣ 2 цепи съ веретенами желѣзными; 12 цепей короткихъ съ колцы, вѣсомъ тѣ цепи 16 пудъ 2 гривенки; 23 колца желѣзныхъ малыхъ, вѣсомъ 6 гривенокъ; 2 петли желѣзныхъ, вѣсомъ пудъ, къ подъемнымъ мостамъ; 34 резца, что дернъ очищаютъ; 3 отрѣза, что дернъ рѣжутъ; 11 резцовъ ламаныхъ, 9 резцовъ малыхъ попорченыхъ. Токарныхъ снастей розныхъ статей; 131 пара ручныхъ жорновъ цѣлыхъ; 3 пары и 1 камень розбитыхъ; 3 гвоздилки кузнечныхъ; 36 серповъ ламаныхъ; 386 пудъ шерсти коровей; 56 кожъ говяжыхъ худыхъ; 2 вилы желѣзныхъ, что сыскивали въ рекѣ Днепрѣ пушакъ; 2 мѣха кузнечныхъ; 3 наковални кузнечныхъ; 8 клещей кузнечныхъ; 20 пилъ кузнечныхъ болшихъ и малыхъ; 9 дрылей, чѣмъ проверчиваютъ всякие снасти; 2 горбиза въ дереве; клещи малыя съ шурупомъ; пилска, чѣмъ отверчиваютъ шурупы; вертлюгъ да тиски малыя; крюкъ малой; веретино желѣзное въ колесе съ вертлюгомъ; 6 раковинъ желѣзныхъ къ паромамъ на шестѣ; 499 крюковъ желѣзныхъ на шестахъ; 230 осей дубовыхъ кленовыхъ пушечныхъ розныхъ статей; 19 осей дубовыхъ подъ галанскіе пищали; 80 косляковъ дубовыхъ колесныхъ; 35 мѣшковъ холщовыхъ городовыхъ худыхъ и драныхъ и ни къ чему не годятся; 49 мѣшковъ, что передѣланы изъ худыхъ изо ста мешковъ, да 50 мешковъ, что сдѣланы вновь, чѣмъ рожь носить; 29 цыновокъ цѣлыхъ; 30 цыновокъ худыхъ; 9 якорей розныхъ статей; 6 пудъ 7 гривенокъ лыкъ московские присылки канатные снасти: 6 крюковъ болшихъ съ крушками и съ досками желѣзными; 9 веретенъ желѣзныхъ; 8 досокъ съ крючьи; 7 рылей деревянныхъ да въюшка; ветилнаго дѣла заводу: котелъ мѣдной, что ветиль варятъ; 7 крюковъ желѣзныхъ; 5 колесъ съ веретенами желѣзныхъ; 3 колеса бесъ веретенъ; 6 вѣкшъ деревянныхъ; крюкъ желѣзной выемной; 2 станка, что конаты и ветиль спускаютъ, ветхихъ.

Зелейного дѣла заводу: 6 корытъ; 36 ночевъ; 2 лопатки желѣзныхъ; 10 ковшовъ цѣлыхъ; 20 ситъ цѣлыхъ, 6 ситъ худыхъ, одно сито болшое цѣлое, 3 сита болшихъ худыхъ; 9 решетъ цѣлыхъ, 5 решетъ худыхъ; 3 грохота; 2 дубины, въ нихъ сдѣланы ступы; ступъ, что сняты съ 12 пестовъ, что зелье толкти, мѣдные; 2 набойника; 2 прута мѣдныхъ; трупка мѣдная.

Къ гранатному и къ огнестрѣлному дѣлу припасы московские присылки: 24 фунта съ полуфунтомъ антимонiі съ кулкомъ; полъ 10 гривенки сулемы; во 18 пузыркахъ 12 гривенокъ 84 золотника съ полузолотникомъ ртути, въ весу съ пузырками; 45 аршинъ крашенины; 3 войлока коровьихъ худыхъ; 24 ѳунта антимонiі; 22 дести картузной бумаги мыши попортили; пудъ 12 гривенокъ 3 золотника скипадару въ 3 кувшинахъ, въ весу съ кувшинами; 4 ведра съ квартою неѳти въ 5 кувшинахъ вѣсомъ 2 пуда 21 гривенка 51 золотникъ, въ весу съ кувшинами; пудъ 9 гривенокъ бумаги хлопчатой въ трехъ кулѣхъ, въ весу съ кулями; пудъ 33 гривенки терпентину, въ томъ числѣ въ 2 горшкахъ болшихъ да въ 2 горшкахъ маленкихъ, по половине въ весу съ горшками; 14 гривенокъ ладону въ весу съ мѣшкомъ; 30 гривенокъ алиѳы въ дву скляницахъ да въ кувшине, въ весу съ скляницами и съ кувшиномъ; 11 ѳонарей скляничныхъ въ дереве, въ томъ числѣ 1 слюдной, худы; 4 сковородки жестяныхъ съ ручками, въ томъ числѣ 1 безъ ручки; 2 сковородки жестяныхъ малыхъ; 5 сковородокъ мѣдныхъ съ ручками желѣзными помятыхъ, въ томъ числѣ 1 на ношкахъ; 8 гривенокъ нашетырю; 9 гривенокъ калиѳони съ кулкомъ; полъ 2 гривенки ентарной муки; 2 пуда 20 гривенокъ мышьяку; 15 гривенокъ бѣлой неѳти, въ весу съ кувшиномъ; 5 гривенокъ сулемы въ пузыре въ весу съ пузыремъ; 6 ящиковъ деревянныхъ, на чемъ порохъ трутъ; 2 обруча желѣзныхъ, въ томъ числѣ 1 болшой, другой меншой на дубовую колоду, что сваи бьютъ, вѣсомъ 35 гривенокъ; 4 уполовника желѣзныхъ цѣлыхъ; 10 крюковъ желѣзныхъ малыхъ, чѣмъ гранаты тоскаютъ изъ котла, какъ смолятъ; 3 лопатки мѣдныхъ малыхъ съ дырками и съ ручками желѣзными, что съ селитры пѣну снимаютъ, въ томъ числѣ у одной ручка отломлена; кружало желѣзное, что мѣреютъ гранаты; клещи малые желѣзные; острозубецъ малой желѣзной; 2 ножницы, въ томъ числѣ 1 испорчены; 8 кочетыговъ желѣзныхъ малыхъ; 9 жигалъ ламаныхъ; жигало цѣ-

лое; 4 иглы желѣзныхъ малыхъ, чѣмъ светлострелные ядра оплетаютъ; 3 тагана желѣзныхъ круглыхъ о трехъ ношкахъ, вѣсомъ 25 гривенокъ; 34 золотника меркули къ облимантомъ; 34 золотника меркули препрепитатомъ. Къ подкопному дѣлу: 500 колоколцовъ мѣдныхъ круглыхъ меншой статьи; 25 ѳунтовъ проволоки мѣдной тонкой; 5 пудъ 18 гривенокъ съ полугривенкою дроту желѣзного толстого.

А тѣ вышеписанные воинские всякие полковые припасы въ приеме у маеора у Семена Вишина съ целовалники.—Писалъ Ганко Паршинъ.

Да въ полкѣхъ наряду: салдацкого строю въ Вилимове полку полковника Ѳанзалина 13 пищалей мѣдныхъ; въ томъ числѣ: пищаль вѣсомъ 9 пудъ съ четвертью, длиною полъ 3 аршина безъ 3 вершковъ; пищаль вѣсомъ 7 пудъ, длиною 2 аршина; пищаль вѣсомъ 7 пудъ, длиною 2 аршина съ вершкомъ; пищаль длиною таковая жъ, вѣсомъ 7 пудъ 24 гривенки; 2 пищали вѣсомъ по 4 пуда, длиною по полутору аршину безъ вершка; пищаль длиною 3 аршинъ съ полувершкомъ, 2 гривенки ядромъ; пищаль длиною 2 аршина 6 вершковъ, 2 гривенки ядромъ; пищаль вѣсомъ 20 пудъ, длиною 3 аршина 5 вершковъ, ядромъ 2 гривенки; пищаль вѣсомъ 19 пудъ 7 гривенокъ, длиною 3 аршина 6 вершковъ; пищаль вѣсомъ 11 пудъ 10 гривенокъ, длиною аршинъ 9 вершковъ; пищаль вѣсомъ 9 пудъ 9 гривенокъ, длиною 2 аршина съ четвертью; пищаль вѣсомъ 9 пудъ, дробовикъ, длиною аршинъ 9 вершковъ. Столниковъ и полковниковъ въ Иванове полку Ушакова: 2 пищали мѣдныхъ, длиною 3 аршина 7 вершковъ, вѣсомъ 19 пудъ 35 гривенокъ; пищаль длиною 3 аршина 7 вершковъ, вѣсомъ 13 пудъ 30 гривенокъ. Въ Иванове полку Скрыпицына: 2 пищали мѣдныхъ, въ томъ числѣ пищаль длиною 2 аршина 2 вершка; другая длиною полъ 2 аршина 2 вершка, ядромъ по 2 гривенка. Въ Михайлове полку Сухорева: 2 пищали мѣдныхъ, въ томъ числѣ пищаль ядромъ 2 гривенки; на ней подпись висѣчена: пушкѣ длина 3 аршина 7 вершковъ, вѣсомъ 21 пудъ 20 гривенокъ; да вылита подпись же: лилъ мастеръ Ѳедоръ Кириловъ, да на ней же у запалу и выше ушей и у дула травы; другая пищаль вѣсомъ 19 пудъ 30 гривенокъ, длиною 3 аршина 7 вершковъ. Всего въ тѣхъ вышеписанныхъ полкахъ 19 пищалей.

Моставыхъ и полковыхъ и брянской присылки струговъ и завозенныхъ и есаулныхъ струшковъ и лотокъ всякихъ мостовыхъ и струговыхъ припасовъ: въ моставомъ строеніи—3232 бруса и бревенъ, 5406 досокъ и тесницъ, 3 якоря, 11 канатовъ; за моставымъ строеніемъ въ остаткѣ: 169 струговъ, 3 лотки есаулныхъ, 10 лотокъ, 124 бруса, 10 бревенъ, 9 свай, 130 досокъ. Моставые жъ припасы: 72 якоря цѣлыхъ розныхъ статей, 46 якорей розныхъ статей ламаныхъ, 138 скобъ связныхъ, въ томъ числѣ 7 ламаныхъ 118 колецъ съ пробои, въ томъ числѣ 421 колцо, пробои отломлены, 60 крюковъ связныхъ, 129 белезъ, 6 стебель якорныхъ, 6 теселъ круглыхъ, 127 буравовъ, въ томъ числѣ 8 буравовъ малыхъ да у 17 буравовъ перья поломаны, 2 обруча желѣзныхъ, что сняты съ дубовые колоды, что сваи бьютъ, 20 канатовъ пенковыхъ, 7008 лубовъ, 9816 драницъ, 584 бобайки, 117 водоливовъ, 510 шестовъ, 135 потопчинъ, 2725 рогожъ цѣлыхъ и худыхъ, 257 раковъ желѣзныхъ, въ томъ числѣ 30 раковъ ламаныхъ, 20 долотъ среднихъ и малыхъ, 70 гвоздей костылевыхъ середней статьи и малыхъ, 160 гвоздей двоетесныхъ, 120 скобъ, 3 пуда смолы съ деревомъ, 11 канатовъ лычныхъ, 2 котла желѣзныхъ худыхъ, что смолу варевали. Писалъ Давыдко Ѳатѣевъ.

Городовыхъ всякихъ лесныхъ припасовъ въ стрелецкихъ и въ салдацкомъ полкѣхъ на пристаняхъ: столниковъ и полковниковъ—въ Иванове полку Ушакова 165 бревенъ длиною по 3 сажени, 30 брусовъ длиною по 4 сажени, 40 тесницъ по полъ 3 сажени, 150 тесницъ по 4 сажени, 54 доски длиною по полъ 2 и по 2 и по 3 сажени, 156 коловъ дубовыхъ, 36 пластинъ, 200 драницъ по 3 сажени, 300 досокъ брянской и трубчевской присылки. Въ Иванове полку Скрыпицына 58 бревенъ длиною по 3 сажени, 70 бревенъ длиною по 4 сажени, 262 тесницы длиною по 3 сажени, 217 тесницъ длиною по 4 сажени, 926 драницъ длиною по 3 сажени, 90 коловъ дубовыхъ, 15 брусовъ длиною по 4 сажени, 15 брусовъ по 2 сажени, 15 брусовъ длиною по полъ 3 сажени, 17 досокъ длиною по 2 сажени, 18 досокъ по полъ 3 сажени, 10 досокъ по 3 сажени. Въ Михайлове полку Сухарева 32 бревна длиною по 3 сажени, 20 бревенъ длиною по 4 сажени, 176 тесницъ длиною по 3 сажени, 125 тесницъ длиною по 4 сажени, 8 брусовъ длиною по 3 сажени, 8 брусовъ длиною по 4 сажени, 15 брусовъ, длиною по 2 сажени, 8

брусовъ длиною по полъ 3 сажени, 17 досокъ длиною по 3 сажени, 18 досокъ длиною по полъ 2 сажени, 10 досокъ по 3 сажени длиною, 130 колотъ дубовыхъ, 267 тесницъ брянской и трубчевской присылки. Въ киевскомъ салдацкомъ жиломъ полку: 32 тесницы длиною по 4 сажени, 112 тесницъ по 3 сажени, 22 тесницы по 2 сажени, 6 досокъ по полъ 2 сажени, 33 бруса, по 3 сажени, 12 брусовъ по 4 сажени, 12 брусовъ по 2 сажени, 13 брусовъ по полъ 2 сажени, 20 брусовъ по полъ 3 сажени, 8 бревенъ по 3 сажени брянской и трубчевской присылки, да 300 тесницъ длиною по 4 сажени, 100 драницъ длиною по 3 сажени.

Да въ прошломъ въ 205 [1]) и въ 206 [2]) и въ 207 [3]) и въ 208 [4]) годѣхъ, по указу великого государя, царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержца, и по приказу боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского съ товарыщи, сдѣлано и починено заново меншого и болшого города и подкоповъ; столниковъ и полковниковъ московскими стрелцами и киевского жилого полку салдаты на кватерахъ городовые стены починено въ 205 [5]) году киевские проѣзжие ворота починены заново; въ нихъ постановлено: 4 пялцы брусяныхъ толстыхъ, сверху тѣхъ пялецъ мостъ и по обѣ стороны обрублено бревнами; да къ тѣмъ же воротамъ придѣлано изнутри города по обѣ стороны: обрублено бревнами и насыпано землею, сверху выкладено дерномъ, длиною по обѣимъ сторонамъ по 4 сажени, шириною по сажени, въ вышину по полъ 2 сажени; надъ середнимъ выводомъ сверху выкладено дерномъ длиною 5 саженъ, шириною сажень; въ верхномъ выводе наверху и по сторонамъ обрублено бревнами; сверху выкладено дерномъ длиною 4 сажени, шириною саженъ, и по сторонамъ изнутри города выкладено дерномъ же шириною по сажени, въ вышину по полсажени; въ другихъ воротехъ, которые въ выводе, починена стена заново—обрублено бревнами длиною 3 сажени, въ вышину саженъ; наверху тѣхъ воротъ выкладено дерномъ. Да съ загородной стороны починено 5 бойницъ: выкладено дерномъ въ длину полъ 2 сажени, въ вышину 2 аршина, шириною полсажени; да съ загородной же стороны воротъ по обѣимъ сторонамъ выкладено дерномъ въ вышину

---

[1]) 1697 г. [2]) 1698 г. [3]) 1699 г. [4]) 1700 г. [5]) 1697 г.

по 2 сажени, шириною по полъ 2 сажени; противъ воеводцкого и тресвятцкого выводовъ починено на городовой стенѣ щиту—выкладено дерномъ въ длину саженъ, въ вышину полсажени. У воеводцкого выводу починено щита жъ—выкладено дерномъ въ длину 2 сажени, въ вышину полсажени; промежъ прорвы и Львовскихъ воротъ, у дву роскатовъ, въ серединѣ, подъ щитами починены заново два пушечные бои—на верху и изъ сторонъ обрублено бревнами, надъ бойницею сдѣланъ щитъ, выкладенъ дерномъ длиною 5 саженъ; въ другой бойницѣ сдѣланъ потолокъ бревенчетой новой, да починенъ подлазъ; въ немъ поставлены трои пялцы брусяныхъ, сверху и по обѣимъ сторонамъ обрублено бревнами, да сдѣланы вновь двери дощатые; надъ подлазомъ починенъ щитъ, выкладенъ дерномъ длиною 4 сажени; промежъ Сергиевского роскату и Львовскихъ воротъ починено городовой стены два уступа—заплетено плетнемъ и насыпано землею въ длину верхнего уступу 22 сажени, нижнего уступу длиною 10 саженъ; вышиною оба уступа по 2 сажени по 2 аршина; у Михайловскихъ проѣзжихъ воротъ починенъ чрезъ ровъ мостъ и перила вновь; промежъ поперечного валу и Печерскихъ воротъ починено городовой стены—забрано досками и насыпано землею и выкладено дерномъ въ четырехъ мѣстехъ длиною 15 саженъ, въ вышину по сажени, въ ширину по 2 аршина; въ подлазе починенъ потолокъ, намощенъ бревнами новыми и насыпано землею и выкладено дерномъ въ длину и въ ширину по сажени, толщиною въ поларшина; подлѣ караульной избы, которая стоитъ на валу, починено городовой стены въ три уступа—заплетено плетнемъ и насыпано землею, въ длину тѣ уступы по 12 саженъ, въ вышину по сажени, въ ширину по 2 аршина; отъ той караулной избы идучи къ Троецкому выводу починено городовой стены—забрано бойдачными досками и насыпано землею, длиною 23 сажени, въ вышину полсажени, шириною на 2 аршина; надъ Троецкимъ подлазомъ выводной городокъ починенъ заново—намощенъ бревнами и насыпанъ землею, длиною и вышиною по полъ 2 сажени; да въ томъ же выводномъ городкѣ старой острогъ перебранъ и починенъ заново бревнами; надъ тѣмъ подлазомъ починено щиту заново жъ, выкладено дерномъ длиною 2 сажени, въ вышину 2 аршина, толщиною полсажени; по правою сторону Троецкого выводу починено городовой стены—забрано бойдачными досками и насыпано землею длиною 2 сажени, въ вышину и въ ширину по полъ 2 са-

жени; отъ Печерскихъ проѣзжихъ воротъ до Архангелского выводу починено городовой стены, въ 7 мѣстехъ насыпано землею и выкладено дерномъ длиною на 55 саженяхъ съ полуаршиномъ, въ ширину въ поларшина, въ вышину въ 2 аршина; въ Архангелскомъ выводе поставлено нового острогу въ дву мѣстехъ въ длину 7 саженъ, въ вышину саженъ съ полуаршиномъ. За тѣмъ выводомъ починенъ подлазъ—поставлено 7 пялца, сверху и по обѣимъ сторонамъ обрублено бревнами длиною 4 сажени, сверху насыпано землею и выкладено дерномъ; да на томъ подлазе починенъ щитъ—выкладено дерномъ длиною 2 сажени; по правою сторону Печерскихъ воротъ починено городовой стены—въ 2 мѣстехъ насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 4 сажени, въ вышину въ полсажени, шириною поларшина; отъ Петровского роскату до Соѳѣйской каменной башни починено городовой стены—щита выкладено дерномъ въ розныхъ мѣстехъ на 58 саженяхъ; отъ Соѳѣйской башни до Михайловскихъ воротъ починено щита жъ въ розныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ на 87 саженяхъ; отъ Михайловскихъ воротъ до Ѳамендина роскату починено щита въ розныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ на 89 саженяхъ; отъ Ѳамендина роскату до Михайловского выводу починено щита въ розныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ на 69 саженяхъ; да Михайловского выводу починено щита—выкладено дерномъ длиною 4 сажени, въ вышину 2 аршина; по правою сторону Золотыхъ воротъ починено городовой стены— забрано тесомъ и насыпано землею длиною 16 саженъ, въ вышину до щита 4 сажени, шириною по 2 сажени; да починенъ щитъ—выкладенъ дерномъ, длиною 32 сажени; да надъ подлазомъ взрублено бревнами до щита вышиною 4 сажени, шириною 3 сажени.

За Золотыми вороты по правою сторону на роскате починено щита длиною 15 саженъ, въ вышину 2 аршина, въ ширину аршинъ; въ 206 [1]) году промежъ Воеводцкого и Рождественского выводовъ починено городовой стены—щиту выкладено дерномъ въ длину на полъ 2 сажени, въ ширину аршинъ, въ вышину полсажени; на Рождественскомъ выводе починено валу заново—насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 18 саженъ, въ ширину на полъ 2 сажени,

[1]) 1698 г.

въ вышину тожъ; да на томъ же выводе сдѣлано щита—выкладено дерномъ длиною 18 саженъ, въ ширину 2 аршина, въ вышину 2 аршина 2 вершка; отъ Рождественского выводу до воеводцкого выводу починено щита въ розныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ длиною 6 саженъ, въ ширину по поларшина, въ вышину по полусажени; отъ Воеводцкого выводу къ Тресвяцкому выводу починено щита въ дву мѣстехъ—выкладено дерномъ длиною по 2 сажени, въ ширину по поларшина, въ вышину по полсажени; промежъ Кириловского роскату и Львовскихъ воротъ въ дву мѣстехъ сдѣлано у городовой стены 2 уступа, заплетено плетнемъ и насыпано землею въ длину въ обѣихъ уступахъ по 5 саженъ, въ ширину по 2 сажени, въ вышину съ подошвы тожъ; на Львовскомъ роскате починено городовой стены—насыпано землею длиною 6 саженъ, въ ширину и въ вышину по 2 сажени; у Сергиевского роскату починено городовой стены заново—насыпано землею длиною 15 саженъ, въ ширину полъ 2 сажени, въ вышину 2 сажени; да починенъ взвозъ на Сергиевской роскатъ, насыпано землею длиною 7 саженъ, въ ширину саженъ; да уступу нижнего заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною 6 саженъ, въ ширину полсажени; поперечного валу починено заново—насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 5 саженъ, въ вышину изо рву съ подошвы до щита 12 саженъ, въ ширину 3 сажени съ аршиномъ; отъ поперечного валу, идучи къ Печерскимъ воротамъ, надъ подлазомъ починено щита—насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 5 саженъ, въ вышину полъ 2 сажени, въ ширину на сажень; подлѣ караульной избы починено городовой стены—заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною 26 саженъ, въ вышину и въ ширину по аршину; у Троецкого роскату починено щита—выкладено дерномъ длиною 3 сажени, въ вышину 4 аршина, въ ширину поларшина; отъ Печерскихъ воротъ идучи къ Архангелскому выводу, починено городовой стены въ дву мѣстехъ заново—заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною въ обѣихъ мѣстехъ по 12 саженъ, въ вышину по 2 сажени, шириною въ аршинъ и въ поларшина; подлѣ Архангелского выводу починено щита—выкладено дерномъ длиною 2 сажени, въ ширину поларшина, въ вышину 2 аршина; у Архангелского выводу починенъ подлазъ—поставлены двои пялца, на пялцахъ наслано пластинами колотыхъ бревенъ длиною на саженъ съ полуаршиномъ, въ ширину 2 аршина, по обѣимъ сто-

ронамъ забрано тесомъ въ вышину по полсажени; надъ подлазомъ выкладено дерномъ длиною съ одной стороны 4 сажени, а по другую сторону 2 сажени, въ ширину саженъ и въ полсажени; на Петровскомъ роскате починено щита заново—выкладено дерномъ длиною 14 саженъ, въ ширину и въ вышину по сажени; по правою сторону Золотыхъ воротъ починено городовой стены—заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною 7 саженъ, въ вышину и въ ширину по сажени съ полуаршиномъ; да починенъ взвозъ—насыпано землею, а въ иныхъ мѣстехъ выкладено дерномъ длиною 22 сажени, въ ширину и въ вышину по сажени; по лѣвою сторону Золотыхъ воротъ подлѣ роскату, гдѣ стояла галанская пушка, починено городовой стены—заплетено плетнемъ и насыпано землею длиною 25 саженъ, въ вышину 3 сажени, въ ширину саженъ съ поларшиномъ; подлѣ того жъ роскату по лѣвою сторону сдѣланъ вновь пушечной бой; да щита починено—насыпано землею и выкладено дерномъ длиною 15 саженъ, въ вышину и въ ширину по 2 аршина; подлѣ поперечного валу починено щита изнутри города—выкладено дерномъ длиною 11 саженъ съ аршиномъ, въ вышину саженъ, въ ширину аршинъ.

По указу великого государя и по грамотамъ изъ Приказу Малыя Россіи и по приказу боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского съ товарыщи велено Киевъ Нижней городъ строить съ оборонными крепостми отъ неприятелского приходу; и въ 207 [1]) году октября въ 18 день киевской войтъ съ мѣщаны Киеву Нижнему городу строенію, гдѣ и въ которыхъ мѣстехъ и на сколькихъ саженяхъ въ трехъ аршинную саженъ того города они построили, и, что не додѣлано, подалъ роспись, а въ росписи написано:

Почавъ отъ горы Верхнего города поставлено острогу на 32 саженяхъ; а острогу до рву не додѣлано 8 саженъ съ двемя аршины; башня Рождественская съ проѣзжими вороты. Подлѣ той башни сдѣланъ роскатъ и учиненъ ровъ, оставленъ дубомъ; подлѣ того роскату сдѣлана бойница 2-хъ саженъ съ двемя аршины въ длину того рву и клѣтокъ дубовыхъ; до бойницы 32 сажени съ двемя аршины; отъ той бойницы до другой бойницы надъ рѣкою Днепромъ сдѣлано клѣтками на 81 сажень съ аршиномъ; а бойница 2-хъ саженъ; отъ той бойницы до бойницы жъ 91 саженъ; а бойница 2 саженъ съ

[1]) 1699 г.

аршиномъ; отъ той бойницы до башни Духовской проѣзжей 88 саженъ; отъ той башни до бойницы 78 саженъ; а бойница 2-хъ саженъ съ двемя аршины; отъ той бойницы до бойницы жъ 77 саженъ; а бойница 2-хъ саженъ съ двемя аршины; а отъ той бойницы по другую Проварскую глухую бойницу 73 сажени; а отъ той бойницы до Проварскихъ воротъ 27 саженъ съ двемя аршины; а Проварскіе ворота 4 сажени съ полусаженью; отъ Проварскихъ воротъ до бровара казацкого 20 саженъ; а броваръ въ городовой стенѣ въ длину 10 саженъ съ полсаженью; отъ бровара до бойницы 58 саженъ; бойница 3-хъ саженъ; отъ той бойницы до бойницы жъ великой, что на пристани, 69 саженъ; а отъ той бойницы отъ поля до другой бойницы проходной 72 сажени; а бойница по 3 сажени; отъ той бойницы до роскату 65 саженъ съ двемя аршины; роскату по стенѣ 3 сажени; а отъ роскату до роскату жъ 17 саженъ; а отъ того роскату до Воскресенской башни проѣзжей 50 саженъ; а отъ Воскресенской башни по бойницу 45 саженъ; а отъ той бойницы до бойницы жъ 70 саженъ; а отъ той бойницы до третей бойницы 47 саженъ; а отъ той третей бойницы до роскату 47 саженъ; роскату по стенѣ 7 саженъ; а отъ того роскату до роскату жъ 33 сажени; отъ роскату до Ерданской башни 27 саженъ; а тотъ Нижней городъ строенъ дубовыми и сосновыми бревнами, рубленъ клѣтками, покрыто того города дранью на 520 саженяхъ, опричь башенъ и бойницъ, а не покрыто 680 саженъ; а отъ Ерданской башни до Кожемяцкихъ воротъ не сдѣлано толко на 127 саженяхъ; а отъ Кожемяцкихъ воротъ до горы на 19 саженяхъ поставленъ острогъ; а то недодѣланое мѣсто отведено было дѣлать бурмистру Захару Татрину, и тотъ бурмистръ умре; а на лѣто иной бурмистръ станетъ то мѣсто дѣлать; а на тое дѣло дубовые и сосновые бревна въ готовности.

Въ 207 [1]) и въ 208 [2]) годѣхъ изнутри города надъ Киевскими вороты починено верхнего бою—сдѣланы одни пялца новые и намощено бревнами, на бревнахъ накладено дерномъ въ длину 2 сажени, 2 аршина въ ширину, да сдѣланы—перила; отъ того верхнего бою по правою сторону починено городовой стѣны, насыпано землею и выкладено дерномъ и забрано бревнами въ длину 9 саженъ, въ ши-

---

[1]) 1699 г. [2]) 1700 г.

рину 2 сажени, въ вышину саженъ съ аршиномъ; на Киевскомъ роскате починено щита—выкладено дерномъ въ длину 2 аршина съ полуаршиномъ, въ ширину поларшина, въ вышину тожъ; за Киевскими вороты по правую сторону починено Воздвиженского роскату—которая земля обвалилась отъ водяного обвалу и промою, съ подошвы набито сваями дубовыми, на сваяхъ обрублено бревнами и набито землею въ длину 7 саженъ, въ ширину 2 сажени, въ вышину 2 аршина; на томъ же обрубе сдѣланъ уступъ, набито землею и выкладено дерномъ въ длину 8 саженъ, въ ширину саженъ, въ вышину тожъ; надъ тѣмъ же уступомъ сдѣланъ другой уступъ вышиною саженъ съ полуаршиномъ, выкладенъ дерномъ въ длину 8 саженъ, въ ширину саженъ; третей уступъ въ длину и въ вышину и въ ширину тожъ; ото Львовскихъ воротъ до Всесвятцкого роскату починено городовой стены въ розныхъ мѣстехъ—насыпано землею и выкладено дерномъ въ длину 43 сажени, въ вышину 2 сажени, а въ иныхъ мѣстехъ 2 сажени съ аршиномъ; въ той городовой стенѣ подлазъ и осыпъ старой провалился, и тотъ подлазъ починенъ, и поставлены 10 пялца новыхъ, и забрано, и покрыто бревнами, и насыпано землею; да по городовой стенѣ починено, гдѣ вода промыла, въ розныхъ мѣстехъ—насыпано землею и выкладено дерномъ на 35 саженяхъ; по правую сторону Львовскихъ воротъ изнутри города починено городовой степы—заплетено плетнемъ и обвязано бревнами и набито землею въ длину 4 сажени 2 аршина, въ вышину въ первомъ уступе саженъ 3 чети аршина, въ ширину саженъ съ четвертью аршина; въ другомъ уступе въ длину 4 сажени 2 аршина съ полуаршиномъ, въ вышину саженъ съ аршиномъ, въ ширину саженъ съ четвертью аршина; отъ поперечного валу къ Печерскимъ воротамъ починено по городовой стенѣ щита въ розныхъ мѣстехъ—набито землею и выкладено дерномъ въ длину на 5 саженяхъ, въ вышину на полъ 2 аршина, въ ширину на поларшина; за поперечнымъ валомъ близъ Золотыхъ воротъ починено по городовой стенѣ въ дву мѣстехъ щита длиною по полсажени, въ вышину въ аршинъ, въ ширину на поларшина; да по городовой стенѣ починено въ розныхъ мѣстехъ промойныхъ мѣстъ—насыпано землею и выкладено дерномъ въ длину на 12 саженяхъ, въ ширину на поларшина; по правую сторону Печерскихъ воротъ изнутри города починено городовой стены—заплетено плетнемъ и обвязано бревнами и набито землею въ длину 6 саженъ, въ

вышину полъ 2 сажени, въ ширину въ 2 аршина, а въ иныхъ мѣстехъ въ полъ 2 аршина и въ аршинъ; отъ Архангелского выводу до Михайловской калитки починено по городовой стенѣ щита въ розныхъ мѣстехъ—насыпано землею и выкладено дерномъ въ длину на 110 саженяхъ, въ вышину по аршину, въ ширину въ поларшина; отъ Михайловскихъ воротъ до Печерского роскату починено городовой стены въ розныхъ мѣстехъ—выкладено дерномъ на 56 саженяхъ, въ вышину въ аршинъ, въ ширину въ поларшина; по лѣвою сторону Золотыхъ воротъ починено по городовой стенѣ щита въ розныхъ мѣстехъ—насыпано землею и выкладено дерномъ на 62 саженяхъ, въ вышину въ аршинъ, въ ширину въ поларшина; да починенъ валовой взвозъ—обвязано бревнами и набито землею въ длину 38 саженъ, въ ширину полъ 2 сажени; по правою сторону Золотыхъ воротъ починенъ подлазъ заново—поставлены 4 пялца, по сторонамъ забрано бревнами; у поперечного валу, что подлѣ малого городка, передъ калиткою сдѣланъ чрезъ ровъ мостъ на казлахъ и намощенъ досками въ длину 8 саженъ, въ ширину полъ 2 аршина; у поперечного жъ валу передъ Троецкою калиткою сдѣланъ чрезъ ровъ мостъ на казлахъ и намощенъ бревнами въ длину 10 саженъ, въ ширину саженъ съ полуаршиномъ; у конца поперечного жъ валу, что подлѣ болшого валу городовой стены, передъ калиткою черезъ ровъ сдѣланъ мостъ на столбахъ и намощенъ бревнами въ длину 10 саженъ 2 аршина, въ ширину 2 сажени безъ полуаршина; подлѣ малого города по правою сторону Соѳѣйскихъ проѣзжихъ воротъ, противъ наугольного выводу, рва вымыло отъ дождевой воды и отъ той воды подмыло уголной выводъ; и ныне въ томъ мѣсте проведена труба на пялцахъ и на столбахъ по мѣре въ длину до взруба 34 сажени съ аршиномъ; взрубъ рубленъ въ тарасы въ вышину саженъ съ аршиномъ; отъ взруба та жъ труба проведена къ прорве въ длину 11 саженъ; а вышеписанной промоине въ ширину 2 саженъ и въ полъ 2 и въ 2 и въ 3 и въ 4 и въ полъ 5 сажени, а подлѣ взруба 6 саженъ, а въ глубину 2 сажени и въ полъ 2 и въ 2 сажени, и та промоина съ трубою вровенъ насыпано и набито землею; по правою жъ сторону воротъ Соѳейскихъ, въ Соѳейскомъ выводе, въ калитке, въ нижнемъ бою для дождевой воды старая труба починена; а отъ калитки изъ старой трубы водою промыло шириною въ саженъ и въ 2, и въ 3 сажени, въ глубину въ 2 сажени безъ полуаршина; и чрезъ то место проведена

труба на столбахъ и на пялцахъ въ длину 6 саженъ съ полусаженью, и съ трубою вровенъ насыпано и набито землею и выкладено дерномъ; по лѣвою сторону Соѳейскихъ же воротъ, въ ровъ, землею отъ дождевой воды нанесло и у рва краи отмыло длиною 18 саженъ 2 аршина; и ту землю изъ того рва вычищено, а ровъ вновь дерномъ выкладено вышиною въ 2 сажени съ полуаршиномъ и въ 2 сажени съ аршиномъ шириною; за дерномъ землею насыпано въ сажень и въ полъ 2 и въ 2 сажени; а надъ тѣмъ рвомъ поставлены надолбы, а для сходу воды сдѣлано въ ровъ труба въ длину въ полъ 3 сажени; отъ Соѳѣйскихъ проѣзжихъ воротъ отъ мосту по болшой Соѳѣйской же улице отъ дождевой воды въ улице вымыло земли, и отъ того проѣздъ былъ худъ, и рву поруха; и въ томъ мѣсте намощенъ мостъ въ длину 35 саженъ съ полусаженью; по правою сторону отъ Соѳѣйского мосту по пушкарской бывшей улице мосту намощено въ длину 4 сажени полъ 2 аршина; по лѣвою сторону тѣхъ же Соѳѣйскихъ воротъ, подлѣ рву мосту намощено въ длину 18 саженъ съ полуаршиномъ. Починка подкопомъ: по правою сторону Золотыхъ воротъ въ отводномъ городкѣ починены подкопы; по правою сторону вывода розчищенъ старой провалной подкопной котелъ; въ котлѣ поставлены новые столбы и покрыто бревнами и насыпано землею; изъ того котла направо подъ выводной уголъ старой подкопной ходъ до кавнаты и въ кавнате засыпано землею, а нынѣ розчищенъ до кавнаты 15 колѣнъ, мѣрою 15 саженъ, и кавната починена заново; изъ того жъ котла по лѣвою сторону старой проходъ до кавнаты, посередь того выводного угла до кавнаты 13 колѣнъ, мѣрою 13 саженъ; а ныне наплавная земля розчищена и вынесена, и кавната починена заново. Въ тотъ же колодезь старой ходъ въ дву мѣстехъ провалился и наплыло землею; и та земля розчищена и вынесена на 15 саженъ, а худые пялца переменены; посередь въ томъ же отводномъ городкѣ розчищенъ и прокопанъ провалной болшой колодезь; въ колодезе поставлены новые столбы и забранъ досками и покрыто бревнами и насыпано землею; въ колодезе старой ходъ провалился длиною на 4 сажени, а наплавная земля прочищена и поставлены пялца и забрано досками вновь на 16 саженяхъ, а провалъ набитъ землею; изъ того колодезя наплавную землю (вынесено?), прочищенъ старой ходъ подъ валъ и подъ ровъ до колодезя въ заровномъ бою длиною на 23 сажени и поставлены пялцы и забрано досками вновь.

въ колодезь поставлены новые столбы и покрыто бревнами и засыпано землею; изъ того колодезя подъ заровнымъ боемъ наплавную землю прочищено на 13 саженяхъ; изъ того ходу по правою сторону подъ заровнымъ боемъ розчищенъ ходъ для слуху длиною на 6 саженяхъ, по лѣвою сторону на 7 саженяхъ; въ томъ же отводномъ городкѣ по лѣвою сторону роскопанъ и розчищенъ другой провалной колодезь и поставлены новые столбы и забрано досками, покрыто бревнами и засыпано землею; изъ того котла на правой сторонѣ старой подкопной ходъ, пялца огнили и засыпано землею, посередь того выводного угла до ковнаты 13 колѣнъ, мѣрою 13 саженъ; а нынѣ тотъ проходъ и ковната розчищено и поставлены пялца и забрано досками вновь; изъ того жъ котла по лѣвою сторону старой подкопной проходъ, пялца огнили и заплыли землею до верху подуголного выводного угла до ковнаты 19 колѣнъ, мѣрою 28 саженъ; а ныне тотъ ходъ и ковната розчищена и поставлены пялца и забрано досками вновь; въ томъ же котлѣ старой ходъ, пялца огнили и провалились на 4 саженяхъ и наплыло землею; а нынѣ вычищенъ и поставлены пялцы и забрано досками вновь длиною на 38 саженяхъ, а провалъ засыпанъ землею; въ томъ же отводномъ городкѣ калитка сквозь валъ въ ровъ длиною 11 саженъ; а ныне розчищено, и по правою сторону проходу старой подошвенной бой во рву огнилъ и провалился и заплыло землею длиною на 8 саженяхъ, по лѣвою сторону длиною на 7 саженяхъ; а нынѣ прочищено и поставлены пялца и забрано досками вновь и покрыто землею; къ тому вышеписанному городку сдѣланъ мостъ на казлахъ для взвозки въ тотъ городокъ пушекъ и намощенъ тотъ мостъ бревнами въ длину 10 саженъ, въ ширину саженъ съ полуаршиномъ. По лѣвою сторону Золотыхъ воротъ въ другомъ отводномъ городкѣ подкопы починены; изъ болшого городового рва до колодезя; изъ подкопного проходу наплылая земля розчищена и вынесена длиною на 10 саженяхъ съ аршиномъ, и поставлены пялцы и забрано досками вновь; изъ того ходу направо къ выводу, что на правой сторонѣ, до провалного котла изъ проходу наплыло землею, и то мѣсто розчищено, и земля вынесена длиною на 25 саженяхъ съ полуаршиномъ, и поставлены пялца, и забрано досками вновь; въ томъ числѣ на 10 саженяхъ провалъ былъ, и то мѣсто засыпано и сровняно землею, котелъ роскопанъ и розчищенъ и поставлены новые столбы и забра-

ны досками, и покрыто бревнами, и засыпано землею; отъ котла до другого жъ котла провалного изъ проходу наплылая земля розчищена и вынесена длиною на 10 саженяхъ, и поставлены пялца, и забрано досками вновь; котелъ роскопанъ и розчищенъ, и поставлены новые столбы, и забрано досками, и покрыто бревнами, и засыпано землею; изъ того котла направо старой подкопной проходъ, пялцы огнили, и въ одномъ мѣсте провалился и заплылъ землею до верху подуголного выводного угла до ковнаты 13 колѣнъ, мѣрою 15 саженъ; а наплылая земля розчищена и вынесена, и поставлены пялца, и забрано досками вновь, и провалъ засыпанъ и сравненъ, ковната передѣлана, и забрана, и покрыта досками вновь; изъ того котла налево старой подкопной проходъ, пялцы огнили и въ дву мѣстехъ провалился на 3 сажени и заплылъ землею до верху, до середнего выводного угла, до ковнаты 12 колѣнъ, мѣрою 16 саженъ съ полусаженью; а наплылую землю розчищено и вынесено, и поставлены пялца, и забрано досками вновь, и провалы засыпаны; ковната розчищена, и забрано досками, и покрыто бревнами вновь; изъ вышеписанного подкопного ходу, что изъ болшого рва налево, къ выводу, что на лѣвой сторонѣ, до провалного котла изъ ходу наплылую землю розчищено и вынесено длиною 31 саженъ съ аршиномъ, и поставлены пялца, и забрано досками вновь; въ томъ числѣ въ 3-хъ мѣстехъ провалы на 20 саженяхъ; и тѣ провалы засыпаны и выровнены землею, котелъ роскопанъ и розчищенъ, и посталены новые столбы, и забрано досками, и покрыто бревнами, и засыпано землею; изъ того котла налево старой подкопной проходъ, пялцы огнили и заплыли землю до верху подуголного выводного угла до ковнаты 18 колѣнъ, мѣрою 26 саженъ; наплылая земля розчищена и вынесена, и поставлены пялцы, и забрано досками вновь, ковната, и забрано досками, и покрыто бревнами. И въ 207 [1]) и въ 208 [2]) годѣхъ у тѣхъ вышеписанныхъ городовыхъ и подкопныхъ починкахъ былъ у досмотру полковникъ Вилимъ Ѳанзаленъ.

Въ нынѣшнемъ 1700 году починка городового жъ дѣла: промежъ Николаевского и Тресвяцкого выводовъ починенъ подлазъ—вновь поставлены пялца, наверху и по сторонамъ забрано бревнами и насыпано землею, изнутри города по обѣимъ сторонамъ выкладено дерномъ въ длину по сажени, въ вышину по сажени жъ съ полуарши-

[1]) 1699 г. [2]) 1700 г.

номъ; на верху того жъ подлазу выкладено дерномъ жъ въ длину и въ ширину по сажени; у Николаевского выводу въ розныхъ мѣстехъ починено щита—выкладено дерномъ длиною 4 сажени съ полуаршиномъ; на Тресвятцкомъ выводе починено щита жъ—выкладено дерномъ длиною 27 саженъ, въ вышину полъ 2 аршина; промежъ Тресвятцкого и Воеводцкого выводовъ починено щита—выкладено дерномъ длиною 7 саженъ, въ вышину полъ 2 аршина; по лѣвою сторону Печерскихъ воротъ, съ загородной стороны, починенъ подлазъ—вновь поставлены 4 пялцы, на верху наслано досками и насыпано землею въ длину 6 саженъ, въ толщину съ одной стороны полъ 2 аршина, съ другой поларшина, въ ширину съ обѣихъ сторонъ по полъ 2 сажени; по лѣвою сторону въ томъ же подлазе на стороне забрано бревнами въ длину 3 сажени, вышиною саженъ; надъ подлазомъ починенъ щитъ—выкладено дерномъ длиною 3 сажени, въ толщину аршинъ въ вышину полъ 2 аршина; по правою сторону Печерскихъ воротъ починенъ подлазъ, поставлены 7 пялцы, на верху и по сторонамъ забрано бревнами, изнутри города подъ дверные пяты подложенъ брусъ; да починенъ въ Троецкой выводъ ходъ—поставлены одни пялцы, да подъ дверные пяты подложенъ брусъ; отъ Троецкого выводу къ поперечному валу починенъ подлазъ—поставлено 8 пялцы, наверху и по сторонамъ забрано бревнами, подъ дверные пяты подложенъ брусъ; къ поперечному жъ валу въ подлазе подложенъ подъ дверные пяты брусъ; промежъ поперечного валу и Золотыхъ воротъ починенъ подлазъ—поставлены одни пялца, подъ дверные пяты подложенъ брусъ; отъ Золотыхъ воротъ направо къ Сергиевскому выводу починенъ подлазъ—поставлены 2 пялца бревенчетыхъ, подъ дверные пяты подложенъ брусъ; отъ Сергиевского выводу къ Сергиевскому жъ выводу починенъ подлазъ—поставлены 7 пялцы, по сторонамъ забрано 3 звена бревнами, да подложенъ подъ дверные пяты брусъ.

А въ прошлыхъ годѣхъ при прежнихъ боярехъ и воеводахъ, въ Киеве будучихъ, на житномъ дворе, близъ городовой стены, хлѣбные ямы были выкопаны, и отъ тѣхъ ямъ городовой стенѣ была великая поруха. И по приказу боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского съ товарыщи тѣ ямы ныне засыпаны навозомъ и землею, чтобъ городовой стенѣ порухи не было. Писалъ Ивашко Курбатовъ.

Въ Киевѣ въ верхнемъ мештомъ и въ болшомъ городе казен-

ныхъ, и хлѣбныхъ, и соленыхъ анбаровъ, и погребовъ, и дворовъ, на которыхъ по пріѣздомъ своимъ живутъ бояре, и воеводы, и дьяки, и столники, и полковники, и розныхъ чиновъ началные люди, и полковыхъ избъ строения прошлыхъ лѣтъ, а что въ которомъ городе порознь, и то писано ниже сего:

Въ Меншомъ городе: церковь каменная Рожество Пресвятые Богородицы Десятинные; къ ней придѣлана трапеза деревянная, да вверху придѣлъ святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла. 11 анбаровъ съ хлѣбными запасы, и съ солью, и со всякими воинскими и полковыми припасы, и въ которыхъ стоятъ пушки; 4 погреба; въ томъ числѣ у трехъ выводы каменные, у одного деревяннои, выкладенъ дерномъ; а тѣ погребы построены на зелейную казну, и на гранаты, и на всякие ратные припасы; да при боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ съ товарыщи построенъ заново каменной погребъ на денежную казну; другой построенъ погребъ же заново деревянной рубленой, гдѣ напередъ сего стаявала смола, а ныне въ немъ поставлено кружечного двора приемное вино; дворъ, гдѣ живутъ по пріѣздамъ своимъ бояре и воеводы; дворъ, гдѣ живетъ столникъ и воевода Веденіктъ Борисовичь Змеовъ; два двора, гдѣ стоятъ по пріѣздамъ дьяки; дворъ противъ житного двора, гдѣ стоялъ столникъ и подполковникъ Василей Мещериновъ.

Въ Болшомъ городѣ: дворъ, гдѣ стаивалъ генералъ-порутчикъ Петръ Горданъ; дворъ жилыхъ солдатъ, гдѣ живетъ полковникъ Вилимъ Ѳанзалинъ; дворъ, гдѣ стоитъ столникъ и полковникъ Иванъ Ушаковъ; дворъ, гдѣ стоялъ столникъ и полковникъ Иванъ Ничаевъ; дворъ, гдѣ стоитъ столникъ и полковникъ Иванъ Скрыпицынъ; дворъ, гдѣ стоялъ столникъ и полковникъ Миронъ Баишевъ; дворъ, гдѣ живетъ столникъ и подполковникъ Василій Мещериновъ; дворъ за Михайловскимъ монастыремъ, гдѣ стоялъ рейтарского строю подполковникъ Ѳалентинъ дѣ-ла Клементей; дворъ на Михайловской улице, гдѣ живетъ столникъ и полковникъ Михайла Сухоревъ; дворъ, гдѣ живетъ подполковникъ Лукьянъ Шестаковъ; дворъ, гдѣ стоялъ рейтарского строю полковникъ Мартынъ Камалъ; кружечной дворъ, гдѣ продаютъ вино и пиво; а что на тѣхъ дворахъ какого строенья, и тому въ приказной полате описные книги у подъячего у Давыда Ѳатѣева. Въ томъ же болшомъ и меншомъ городѣхъ 20 избъ, гдѣ напередъ сего стаявали московскихъ полковъ стрелцы; строение прошлыхъ лѣтъ.

Да апрѣля въ 1 день прошлого 207 [1]) году, по указу великого государя и по грамоте, какова прислана изъ Приказу Малыя Росиі къ боярину и воеводе ко князю Петру Ивановичю Хованскому, съ товарыщи, о строеніи дворовъ всякихъ чиновъ ратныхъ людей и о стрелецкихъ дворахъ слободами и о размѣру подъ тѣ дворы земли мѣрою; и по тому великого государя указу всякихъ чиновъ людемъ подъ дворовые строеніі земля розведена на всѣхъ киевскихъ жилыхъ полковъ ратныхъ людей и подъ стрелецкіе слободы по отводу и по розмѣру указнымъ числомъ; и тому отводу описные книги за дьячею приписью посланы къ Москве въ Приказъ Малыя Росиі, а другіе таковы жъ книги въ приказной полате.

Въ Киеве жъ, въ верхнемъ болшомъ и въ меншомъ городѣхъ 11 колодезей; въ томъ числѣ починено при боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ съ товарищи 4 колодезя; да при немъ же, боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ, въ нынѣшнемъ 1700 году сдѣлано вновь въ слободахъ 4 колодезя; всего 15 колодезей.

Въ Киеве, въ нижнемъ городе, подлѣ Хрещатицкихъ воротъ анбаръ на хлѣбные запасы, покрытъ тесомъ; за тѣми жъ Хрещатицкими вороты анбаръ дощатой, покрытъ тесомъ, лежатъ хлѣбные запасы и мостовые всякие припасы и якори; бывшего киевского епископа Меѳодиа на дворѣ два анбара дощатыя, забраны въ заборъ; а тѣ анбары починены и покрыты при боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ съ товарыщи.

Да по указу великого государя и по грамоте при немъ же, боярине и воеводе при князе Петрѣ Ивановиче Хованскомъ, съ товарыщи, построено вновь 13 анбаровъ рубленыхъ на стрелецкой хлѣбъ; писмо о хлѣбе салдацкого строю капитана Василья Аристова за руками, которое онъ подалъ боярину и воеводе князю Петру Ивановичю Хованскому на дьяка Ивана Шапкина въ подрядномъ хлѣбе въ 73 чети; и противъ того писма выписка и целовалниковы роспросные рѣчи, и тотъ хлѣбъ доправленъ на капитане на Василье Аристове. Дѣло вершено. А которые вершеные дѣла и невершеные, и тѣ дѣла въ приказной палате у подъячихъ.

---

[1]) 1699 г.

Послѣсловіе.

Помѣщенный здѣсь „Росписной списокъ г. Кіева“ составляетъ, главнымъ образомъ, описаніе современнаго положенія кіевской крѣпости, находившейся въ Старомъ Кіевѣ и окружавшей его своими валами.

Кіевъ былъ укрѣпленнымъ мѣстомъ еще въ первый, великокняжескій, періодъ своего существованія. Его и тогда окружали земляные валы съ нѣсколькими въ нихъ воротами, изъ коихъ въ лѣтописи упоминаются ворота Золотыя, Львовскія, иначе Жидовскія, Лятскія и Подольскія, сквозь которыя спускались на Подолъ у Десятинной церкви [1]). Внѣ кругового вала, на западной окраинѣ Кіева, было еще два отдѣльныхъ вала, изъ коихъ одинъ шелъ отъ Львовскихъ воротъ по нынѣшней Бульварно-Кудрявской улицѣ до Олеговой могилы, на которой стоитъ нынѣ астрономическая обсерваторія, и обратно, отъ Олеговой могилы въ направленіи къ городу, въ огородъ св. Іоанна. Послѣдняя вѣтвь извѣстна въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ подъ именемъ „Пробитаго вала“. Другой, также отдѣльный, валъ шелъ отъ Золотыхъ воротъ по линіи нынѣшней Прорѣзной улицы до Крещатика, съ продолженіемъ вала или ретраншамента въ Липки къ Клову, гдѣ нынѣ женское училище духовнаго вѣдомства, и чрезъ Кловскій оврагъ до Берестова, въ которомъ, подлѣ Аскольд-

[1]) Въ актѣ 17 вѣка Подольскія ворота называются „Кіевскими“.

довой могилы, были „Угорскія ворота“. Такое расположеніе укрѣпленій Кіева видно въ лѣтописи при описаніи отраженія войскъ Юрія Долгорукаго Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году. Изъ лѣтописи также можно видѣть, что Старый Кіевъ раздѣлялся на двѣ части или отдѣленія. Въ меньшее входили: Десятинная церковь съ дворомъ Деместиковъ (пѣвческимъ); за нею Андреевскій, или Янчинъ, женскій монастырь; противъ нея, гдѣ нынѣ домъ князя Трубецкаго, монастырь св. Симеона—на уступѣ Андреевской горы; церковь св. Василія на большомъ Ярославовомъ дворѣ, гдѣ нынѣ зданіе Кіевскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, и монастырь св. Ѳеодора, или Ватній—на углу Десятинной улицы и Большой Житомирской. Въ этомъ же отдѣленіи были Бабинъ торжокъ, гдѣ нынѣ Реальное училище, и дворы Глѣбовъ и Мстиславль. Бо́льшій, Ярославовъ, городъ простирался отъ Меньшаго къ Золотымъ воротамъ и заключалъ въ себѣ: св. Софію, митрополію Русскую; церкви св. Георгія и св. Ирины, съ монастырями при нихъ, а также нынѣшній дворъ Михайловскаго монастыря, съ бывшими въ немъ церквями св. Михаила, св. Димитрія, св. Петра и св. Іоанна, и дворы Брячиславль, Гордятинъ и другіе боярскіе. Меньшій и Большій города отдѣлялись одинъ отъ другаго валомъ и рвами, проходившими отъ Михайловской площади, по нынѣшней Большой Житомирской улицѣ, до пересѣченія съ Владимірскою и Десятинною. Слѣдъ этого рва можно было наблюдать недавно при выемкѣ земли для прокладки водопроводной трубы по Житомирской улицѣ, съ восточной стороны Присутственныхъ мѣстъ. Въ промежуточномъ валу, по лѣтописи, было два моста чрезъ ровъ, по одному изъ которыхъ, бывшему на сѣверной сторонѣ, двинулись толпою съ Софійскаго вѣча кіевляне въ монастырь св. Ѳеодора, чтобы схватить и убить находившагося въ немъ инока—бывшаго в. князя Игоря Ольговича, а по другому мосту, южнѣе, прискакалъ на конѣ братъ Изяслава Мстиславича, князь Владиміръ, чтобы предупредить нападеніе толпы и спасти жизнь сего князя. Соотвѣтственно двумъ мостамъ, въ началѣ и въ концѣ вала было двое воротъ. Валъ этотъ въ 1240 году послужилъ послѣднимъ оплотомъ кіевлянъ противъ полчищъ Батыя, прорвавшихся въ Большой городъ сквозь Лятскія ворота, предъ которыми русская рать билась съ татарами „на песцѣхъ“, и у которыхъ „бѣ видѣти ломъ копейный и щитомъ скепаніе“. Лятскія ворота были на южной сторонѣ Стараго

Кіева, по всей вѣроятности, въ Хрещатой долинѣ, которая покрыта была песками, грунтовыми и наносными, почти до самой Лыбеди еще въ 40 годахъ нашего вѣка, а Батыевы татары, какъ извѣстно, двинувшись отъ Вышгорода, обошли Кіевъ по западной его сторонѣ.

По завоеваніи Кіева Гедиминомъ или, по мнѣнію другихъ, Ольгердомъ, взамѣнъ великокняжескихъ валовъ, требовавшихъ по своему протяженію большаго гарнизона, литовскимъ правительствомъ сооружена въ 14 вѣкѣ для охраны Кіева крѣпость меньшаго размѣра подъ именемъ Литовскаго замка на возвышенной надъ Подоломъ горѣ „Киселевкѣ“, которая отдѣляется глубокими оврагами какъ отъ Стараго Кіева, такъ и отъ смежной съ нею Щекавицкой горы. Литовскій замокъ былъ деревянный. Въ 1552 г. онъ состоялъ изъ 133 городень съ 15 башнями между ними; въ немъ находилось 3 церкви русскихъ и одна латинская; кромѣ того, было нѣсколько частныхъ домовъ для жителей на случай осады, съ колодеземъ въ 30 саж. глубины. Замокъ этотъ устоялъ при нападеніи на Кіевъ Тимуръ-Кутлука въ 1399 г. и Эдигея въ 1416 г., но былъ сожженъ въ 1482 г. Менгли-Гиреемъ, разорившимъ Кіевъ въ конецъ. Возобновленный вскорѣ по распоряженію польскаго короля, онъ сгорѣлъ въ 1605 г. отъ молніи и, будучи снова возобновленъ, просуществовалъ до воссоединенія Кіева съ Великороссіею въ 1654 году.

Московскіе воеводы, съ княземъ Куракинымъ во главѣ, по принятіи Кіева подъ власть московскаго царя, нашли Литовскій замокъ неудобнымъ въ военномъ отношеніи и признали за лучшее возстановить древнія земляныя укрѣпленія Стараго Кіева, который въ это время назывался уже не городомъ, а „Софійскою слободою“, гдѣ между древними валами ютилось лишь нѣсколько десятковъ казачьихъ и крестьянскихъ хатъ, созванныхъ въ 1600 году кіевскимъ воеводою кн. Конст. Конст. Острожскимъ на „запустѣлое мѣсто“.

Помѣщенная при „Описаніи Кіева“ Н. Закревскаго „Роспись Кіеву 1682 г.“ показываетъ, что московскіе воеводы, устроя кіевскую крѣпость, воспользовались велико-княжескими валами, сохранивъ и древнее раздѣленіе Стараго Кіева на меньшій и большій городъ, но отдѣлили ихъ одинъ отъ другаго, по прежнему, валомъ и рвомъ съ двумя мостами и съ двумя воротами, изъ коихъ сѣверныя, бывшія на пересѣченіи Владимірской улицы съ Житомирскою, назывались Софійскими, а у позднѣйшихъ писателей Батыевыми,

бывшія же къ югу—Михайловскими. Такъ они значатся и на чертежѣ г. Кіева 1695 года, имѣющемся въ Московскомъ архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ. На немъ означены, также на древнихъ мѣстахъ, ворота Золотыя, Львовскія, Подольскія, что были ниже Десятинной церкви, но послѣднія названы уже „Кіевскими“, а Лятскія, въ концѣ Софійской улицы, названы „Печерскими“ съ того поводу, что сквозь нихъ пролегала дорога отъ Михайловскихъ воротъ къ мѣстечку „Печерокъ“. Въ дополненіе къ валамъ, окружавшимъ Старый Кіевъ, проведенъ въ это время валъ „поперечный“ отъ Золотыхъ до Михайловскихъ воротъ по лѣвой сторонѣ Софійской ограды на соединеніе съ валомъ, окружавшимъ церковь Трехсвятительскую и выходившимъ на черту Михайловской площади у нынѣшняго Реальнаго училища. Въ промежуткахъ отъ однихъ воротъ обводнаго вала до другихъ были насыпаны земляные бастіоны и раскаты, носившіе особыя названія. Въ Меньшемъ городѣ у Десятинной церкви находились Приказная палата и денежный погребъ; выше Десятинной церкви—домъ инженера генерала Гордона; къ югу противъ Десятинной церкви—амбары и погреба съ разными военными запасами; предъ Трехсвятительскою церковью былъ Житній дворъ, а подлѣ него нѣсколько дворовъ для бояръ, окольничихъ и воеводъ и особые дворы для полковника, протопопа, кіевскаго войта и для дьяковъ. Въ Большомъ городѣ находились: 19 дворовъ, гдѣ были квартиры для генерала, стольниковъ, подполковниковъ и полковниковъ; дворы почтовый и пороховой; 32 двора для начальствующихъ; 8 для подъячихъ; 82 для рейтаровъ; 122 для стрѣльцовъ; 86 для солдатъ и дворъ Кіево-Печерскаго монастыря на случай осады.

Изъ „Росписного списка Кіеву 1700 года“ видно, что кіевская крѣпость мало измѣнилась противъ состоянія своего въ 1682 году по росписи г. Кіеву. Особенность росписного списка составляетъ подробное свѣдѣніе о составѣ кіевскаго гарнизона съ перечисленіемъ боевыхъ запасовъ и разныхъ родовъ оружія, въ числѣ коего замѣчательны мѣдныя пищали 1498 года съ надписью: „Іоанъ, Божіею милостью, государь всея Росіи“; пищаль 1505 г. русскаго мастера Якова Дубины и пищаль 1524 г. мастера Германа Энкина, а также пушки 1505 и 1506 г. мастера Антона Чехова. Есть указаніе на подземные выходы изъ крѣпости, которыхъ провалы появляются теперь нерѣдко на площадяхъ Софійской и Михайловской, въ

Софійскомъ соборномъ домѣ и на улицахъ Десятинной и Стрѣтенской. Изъ улицъ упомянуты Софійская, Михайловская, Пушкарная и Рейтарская. Изъ церквей Меньшаго города названа только „Каменная Рождества Пресвятыя Богородицы Десятинныя“ съ придѣланною къ ней деревянною церковью св. апостолъ Петра и Павла, которой не было въ 1682 году. Замѣчательно однако, что старожилые кіевляне изъ простаго народа и доселѣ называютъ Десятинную церковь не Богородичною, а церковью св. Николая Десятиннаго, по имени деревянной церкви этого имени, существовавшей на развалинахъ начальной Десятинной Богородичной до 1633 года и служившей печальнымъ воспоминаніемъ того, что Десятинная Богородичная церковь и г. Кіевъ разорены Батыемъ въ день святителя Николая—6-го декабря. Церковь Николаевская принята митрополитомъ Петромъ Могилою въ свое вѣдѣніе отъ уніатовъ, вмѣстѣ съ Софійскимъ соборомъ, въ 1633 г., но вмѣсто нея м. Петръ Могила въ углу уцѣлѣвшихъ двухъ древнихъ стѣнъ начальной церкви, созданной св. Владиміромъ, устроилъ церковь Рождество-Богородичную, къ которой впослѣдствіи московскіе воеводы пристроили деревянную трапезу и надъ нею надстроили деревянную церковь Петро-Павловскую. Въ этомъ видѣ Десятинная церковь просуществовала до 1823 года, въ которомъ разобрана митрополитомъ Евгеніемъ для изслѣдованія древнихъ фундаментовъ.

Старокіевскіе крѣпостные валы возобновлялись и послѣ 1654 года: въ 1679 году княземъ Черкасскимъ изъ опасенія движенія Турецкой арміи отъ Чигирина къ Кіеву и въ 1732—1737 гг. графомъ Минихомъ, во время войны Россіи съ Турціей. Къ сожалѣнію, при этихъ возобновленіяхъ и исправленіяхъ, при устройствѣ вновь бастіоновъ, раскатовъ и выводовъ и при всякихъ постройкахъ, производившихся внутри города, исчезали сохранившіеся еще къ началу 17 вѣка остатки церквей св. Ѳеодора, св. Симеона, св. Георгія, св. Никиты, св. Дмитрія, сооруженныхъ русскими князьями 1-го періода; ихъ матеріалами широко пользовались въ это время при разныхъ крѣпостныхъ и частныхъ постройкахъ.

Въ 1-й половинѣ 18 вѣка, когда гарнизонъ Кіева сосредоточился въ новой, Печерской крѣпости, старокіевскіе высокіе валы были оставлены безъ особаго о нихъ попеченія, заросли деревьями и кустарниками и сдѣлались мѣстомъ праздничныхъ прогулокъ для народа;

Золотыя ворота, „вящшаго ради сохраненія“, засыпаны валомъ; Софійскія ворота, которыя народъ иначе называетъ Батыевыми, сломаны въ 1799 году по распоряженію коменданта Печерск. крѣпости, генерала Масса; на мѣстѣ Львовскихъ и Печерскихъ-Крещатикскихъ воротъ въ 1833 году оставались лишь военныя караулки, изъ коихъ Крещатикская была покрыта соломою, да при нихъ шлагбаумы; но въ 1835 году исчезли и эти послѣдніе знаки Старо-кіевской крѣпости, и вскорѣ за тѣмъ послѣдовало постепенное снесеніе валовъ, согласно новому распланированію Кіева. Послѣдствіемъ сего явились, на мѣстѣ валовъ, улицы Подвальная, Костельная и Прорѣзная, а валъ поперечный, съ котораго при фельдмаршалѣ Ф. В. Сакенѣ († 1837 г.) производился въ высокоторжественные дни 101 пушечный выстрѣлъ послѣ молебствія въ Софійскомъ соборѣ, снесенъ уже въ 1854 году при спланировкѣ мѣста для постройки огромнаго зданія Присутственныхъ мѣстъ, при чемъ снесены также деревянная Троицкая церковь, стоявшая на юго-востокъ отъ мѣста, гдѣ нынѣ памятникъ Богдану Хмельницкому, конюшенный митрополичій дворъ съ каменною оградой, съ домомъ и колодцемъ на Софійской площади, противъ колокольни, и покрытые то дранью, то соломой хатки разнаго люда, ютившагося у поперечнаго вала, въ промежуткѣ между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ. Валъ, окружавшій собою Михайловскій монастырь, снятъ еще раньше этого времени, въ 1841—1844 гг., при обдѣлкѣ Михайловской горы; тогда же засыпанъ и древній *Дмитріевскій* взвозъ, шедшій отъ Михайловской ограды на Александровскій спускъ, гдѣ нынѣ, въ выемкѣ горы, устроено водопроводнымъ обществомъ зданіе для фильтра воды.

ЗАПИСКИ

ІОАСАФА ГОРЛЕНКА,

ЕПИСКОПА БѢЛГОРОДСКАГО,

И

СТАРИННЫЯ ЗАМѢТКИ

О РОДѢ ГОРЛЕНКОВЪ.

Сообщилъ В. Л. Горленко.

Предлагаемыя записки найдены въ фамильныхъ бумагахъ, въ спискѣ, сдѣланномъ не ранѣе 1809 года, какъ свидѣтельствуютъ водные знаки на бумагѣ рукописи, текстъ которой, по замѣткѣ анонимнаго ея сочинителя, составленъ въ Харьковѣ въ 1795 году. Нѣсколькими данными этой рукописи воспользовался г. Кулжинскій въ изданной имъ въ 1883 году біографіи Іоасафа Горленка, имѣя въ своемъ распоряженіи другой списокъ, находящійся въ библіотекѣ Харьковской духовной семинаріи (№ 3889), т. е. бывшей библіотекѣ Харьковскаго коллегіума. Предъ нами, такимъ образомъ, одно изъ произведеній того типа, который нерѣдко встрѣчался въ Южной Руси въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, произведеній, литературно обработанныхъ, но не печатавшихся, а предоставлявшихся авторами къ перепискѣ тѣмъ, кто находилъ въ нихъ достоинства или интересъ. Иногда это были фамильныя записки, какъ лѣтопись Квитокъ или настоящія замѣтки; иной разъ—богословскіе или философскіе опыты, какъ сочиненія Сковороды; или историко-политическіе труды, какъ знаменитая „Исторія Русовъ“. Въ составъ нашей рукописи входятъ два сочиненія: краткія подлинныя записки самого Іоасафа Горленка подъ заглавіемъ: *„путешествіе въ свѣтъ семъ грѣшника Іоасафа, игумена Мгарскаго“* и, какъ рамка для нихъ, замѣтки о родѣ Горленковъ анонимнаго Харьковскаго автора, или, какъ онъ самъ ихъ называетъ, *„увѣдомленіе“*, рѣзко отличающіяся и по характеру и по типу. Замѣтки эти, въ которыхъ сочинитель является безусловнымъ апологетомъ фамиліи Горленковъ, очень характерны для эпохи, въ которую онѣ писаны, и носятъ во всѣхъ подробностяхъ ея слѣды.

Время ихъ составленія, столь близкое къ годинѣ окончательнаго закрѣпощенія малороссійскихъ крестьянъ, есть время обособленія въ Малороссіи дворянства, какъ сословія, и развитія такъ называемаго дворянскаго духа. Многія лица изъ фамилій Горленковъ въ то время были уже „маршалами“ губернскими и уѣздными; другія занимали также выдающееся положеніе въ своемъ кругу. Эти условія, по мнѣнію автора, требовали почти непремѣнно засвидѣтельствованія чувства лойяльности, наслѣдственной, фамильной черты; замѣтки его проникнуты тенденціей доказать такую лойяльность и объяснить всѣ былыя „шатости“ стеченіемъ неблагопріятныхъ условій и вліяній. Желая стать на одну ногу съ великорусскимъ служилымъ дворянствомъ, южно-русскій авторъ-дворянинъ не хочетъ знать разницы историческихъ условій, не вѣдаетъ также истины о неотвѣтственности дѣтей за грѣхи отцовъ и является адвокатомъ тамъ, гдѣ долженъ бы оставаться только историкомъ. Главный пунктъ, гдѣ ему кажется необходимой реабилитація — это дѣятельность сообщника Мазепы, полковника Дмитрія Горленка, и его-то онъ и хочетъ защитить, выставляя жертвою недоразумѣнія и обмана. На самомъ дѣлѣ, документальныя свидѣтельства представляютъ намъ его дѣйствовавшимъ вполнѣ сознательно и бывшимъ, даже послѣ Полтавской катастрофы, однимъ изъ немногихъ убѣжденныхъ сторонниковъ дѣла Мазепы. Только полная безнадежность этого дѣла заставляетъ его положить оружіе и добиваться амнистіи и возвращенія на родину, чего, послѣ Прутскаго мира, дѣйствительно онъ страстно желаетъ. Что касается до первоначальнаго его участія въ замыслахъ Мазепы, то оно выразилось еще за годъ до Полтавы, когда, вмѣстѣ съ Орликомъ, Ломиковскимъ, Апостоломъ и Зеленскимъ, онъ „открылся“ Мазепѣ, дипломатически старавшемуся приписать замыслъ о переходѣ на сторону Карла иниціативѣ старшины. Родство съ Мазепой по женѣ дѣлало Горленка еще болѣе близкимъ гетману человѣкомъ. Преступность его не была большею, чѣмъ и другихъ лицъ изъ числа старшины, бывшихъ за одно съ Мазепой, но во время перешедшихъ на сторону побѣдителя. Онъ оставался тверже въ своемъ словѣ и намѣреніи и явился болѣе отмѣченнымъ, между тѣмъ какъ „шатость“ другихъ покрыта была забвеніемъ. Въ своей шестилѣтней эмиграціи онъ не оставляетъ политической дѣятельности: при выборѣ Орлика въ гетманы, онъ участвуетъ въ составленіи „статей“, ограничивающихъ

права гетманской власти въ пользу народныхъ интересовъ; въ 1711 г. ѣдетъ въ Константинополь во главѣ посольства, съ цѣлью помѣшать Петру, при заключеніи мира, предъявить права свои на малороссійскій народъ. Неудача дѣла Мазепы и Орлика въ Украинѣ и очевидная неравность борьбы приводятъ Дмитрія Горленка къ хлопотамъ объ амнистіи, которая и была дарована ему въ 1715 г.

Положеніе сына его Андрея Дмитріевича было не изъ легкихъ. До самаго восшествія на престолъ Петра II, онъ былъ въ постоянномъ подозрѣніи, хотя дѣйствительно чуждъ былъ политическихъ замысловъ Избраніе въ гетманы тестя его Данила Апостола упрочило его положеніе. Но перемѣны настроеній при слѣдующихъ царствованіяхъ отражались еще на его судьбѣ, также какъ и на судьбѣ сына его Андрея Андреевича, послѣдняго полковника Полтавскаго, пользовавшагося покровительствомъ императрицы Елизаветы Петровны. Въ этомъ поколѣніи, впрочемъ, для проступковъ лицъ рода Горленковъ наступила уже давность, а одинъ изъ представителей фамиліи, епископъ Іоасафъ, дѣятельностью своей освѣтилъ ее совершенно инымъ свѣтомъ. Одинъ изъ піонеровъ новой гражданственности въ Слободской Украйнѣ, жизнью своей и дѣятельностью онъ оставилъ въ томъ краѣ глубокій слѣдъ, память о которомъ не исчезла и понынѣ. Будучи большимъ ревнителемъ чистоты церковныхъ уставовъ и жизни духовенства, онъ не останавливался для исправленія той и другой ни передъ какими суровыми мѣрами, но въ то же время обезоруживалъ сѣтованія на эту суровость своимъ личнымъ примѣромъ и подвигомъ, доходившимъ до аскетизма и полнаго самоотреченія. Все состояніе свое, всѣ доходы онъ раздавалъ неимущимъ, и въ день кончины внука гетмана и епископа громадной въ то время Бѣлгородской епархіи, при немъ нашли не болѣе семидесяти копѣекъ. Записки епископа Іоасафа, не предназначавшіяся для печати, очень кратки и писаны по тому же типу отмѣтки важнѣйшихъ событій и дать своей жизни, какъ и „Дневныя записки“ св. Димитрія Ростовскаго, гораздо болѣе пространныя.

Какъ авторъ, епископъ Іоасафъ извѣстенъ еще діалогомъ: „Бранъ честныхъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертными, въ человѣцѣ-путнику резидуючая“, о составленіи котораго упоминаетъ онъ въ запискахъ. Списокъ этого діалога хранится въ библіотекѣ Кіевскаго церковно-археологическаго музея и напечатанъ нами въ приложеніи къ издаваемымъ запискамъ.

Относительно вопроса объ авторѣ старинныхъ замѣтокъ можно сдѣлать одно лишь предположеніе. По близости отношеній къ фамиліи Горленковъ, по мѣсту нахожденія замѣтокъ и по тѣмъ подробностямъ, которыя сообщаются объ участіи епископа Іоасафа въ горѣ сестры своей, полковницы Квиткиной, можно догадываться, что авторомъ ихъ было лицо изъ дома Квитокъ, гдѣ именно въ то время существовалъ скромный начетчикъ и кабинетный писатель Илья Ивановичъ Квитка, сынъ полковника и племянникъ Іоасафа, выступавшій и въ печати какъ анонимный авторъ по мѣстной исторіи. Въ любопытномъ этюдѣ г. Шугурова („Кіевская старина", 1890 года, № 3), имѣвшаго въ своихъ рукахъ переписку означеннаго И. И. Квитки съ Тимковскимъ, несомнѣнно доказано, что этому лицу принадлежатъ вышедшія въ 1812 году въ Харьковѣ безъ имени автора „Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года". Впослѣдствіи этой книжкой воспользовался извѣстный Г. Ѳ. Квитка, племянникъ Ильи Ивановича, какъ матеріаломъ для статьи своей о томъ же предметѣ. На основаніи многихъ вѣрныхъ соображеній, тому же И. И. Квиткѣ приписываетъ г. Шугуровъ и другой историческій трудъ: „Историческое описаніе о Малой Россіи", напечатанное въ первоначальномъ варіантѣ (существуетъ и позднѣйшій) О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ императ. Москов. общ. исторіи и древностей" за 1848 г., въ книгѣ 6-й, съ приложеніемъ писемъ И. Квитки и писемъ къ нему. Набожный тонъ печатаемыхъ замѣтокъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ Іоасафѣ Горленкѣ, вмѣстѣ съ изложенными выше соображеніями, заставляетъ думать, что и наша рукопись вышла изъ-подъ пера того же скромнаго сочинителя, который, по свидѣтельству знавшихъ его, „жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ". Въ подкрѣпленіе этого предположенія можетъ служить еще и то, что страницы нашей рукописи, относящіяся къ Іоасафу Горленку, послужили также пособіемъ для Гр. Ѳед. Квитки при составленіи имъ біографіи этого святителя, впервые напечатанной въ Кіевѣ въ 1836 году и потомъ много разъ перепечатанной.

Нѣкоторыя фактическія данныя этихъ замѣтокъ свѣрены съ показаніями другихъ историческихъ источниковъ, а въ дополненіе къ запискамъ епископа Іоасафа приложены три его письма изъ разныхъ собраній.

В. Горленко.

1. Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ. [1])

Издавая въ свѣтъ собственноручныя преосвященнаго Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго, сысканныя по смерти его, записки, нахожу нужнымъ извѣстить о происхожденіи дому его или фамиліи.

Прежде нежели Малая Россія пришла въ подданство Россійской монархіи съ гетманомъ ея Богданомъ Хмельницкимъ, не отыскано въ малороссійскихъ архивахъ извѣстія о фамиліи Горленковъ. Сіе отнесть можно причиненнымъ разореніямъ отъ польскихъ вельможъ сему краю обстоятельныхъ лѣтописей уничтоженіе или истребленіе, когда только нѣкоторые о важныхъ сего народа преимуществахъ подлинники сохранены, и то съ великою осторожностію. Въ окончаніи прошедшаго столѣтія первоначально означается малороссійскихъ войскъ въ Прилукскомъ полку полковникомъ Лазарь Горленко; онъ окончилъ жизнь свою въ ненарушимой вѣрности, въ царствованіе тогда царей россійскихъ Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, къ престолу своихъ монарховъ. Онъ командированъ былъ съ войскомъ, изъ разныхъ малороссійскихъ полковъ собранныхъ детешаментомъ, на стражу границы сего края, прилежащаго татарскому владѣнію. Подкомандные его, напищенные своевольствомъ и буйствомъ, пожелали быть лучше разбойниками, нежели защитителями своего отечества, забивъ присягу и честь, вмѣсто должнаго обереженія границы, и зная совершенно произойти отъ начальника своего за гнусные таковы поступки могущіе препятствія, а паче надлежащую казнь, напавъ на сего вождя, не имѣвшаго о ихъ замыслахъ никакого подозрѣнія, живаго сожгли на разложенномъ среди стана

---

[1]) Анонимный авторъ настоящихъ „замѣтокъ“ называетъ свой трудъ въ одномъ мѣстѣ текста *„увѣдомленіемъ“*, автобіографія же Іоасафа Горленка носитъ заглавіе: *„путешествіе въ свѣтъ семъ грѣшника Іоасафа, игумена Мгарскаго“*. Для болѣе точнаго опредѣленія сущности и того и другаго произведенія, первое мы называемъ „Старинными замѣтками о родѣ Горленковъ“, а второе—„Записками Іоасафа, епископа Бѣлгородскаго“, какъ именуется оно также и въ „старинныхъ замѣткахъ“.

ихъ огнѣ въ степѣ [1]). По такомъ тиранскомъ умерщвленіи своего военачальника, разграбивъ ставку его, думали пользоваться своею мерзкою вольностію; но, не имѣвъ начальства, сей измѣннический корпусъ, по развратности своей, не долго былъ въ согласіи между собою. Пьяныя распоряженія ихъ и буйство не имѣющее порядка довело ихъ до междоусобнаго убійства, чрезъ то самое уменьшилось ихъ число и, бывъ послѣдованны отъ посланныхъ за ними командъ, пойманы и должную казнь получили въ возмѣздіе своего звѣрскаго поступка.

Наказаніе злымъ не долго остановилось отъ правосудія Божія; скоро увидѣли на себѣ раздраженный за пролитую въ измѣнѣ противу отечества невинную кровь мстительный гнѣвъ Всемогущаго Создателя вселенной.

Знаменитая вѣрность полковника Лазаря Горленка и чрезвычайная смерть причиненная, какъ выше сказано, награждена отъ ихъ царскихъ величествъ въ оставшемъ сынѣ его Дмитріи. Онъ на мѣсто своего умерщвленнаго отца въ Прилукскій полкъ и вотчинами, въ недальнемъ отъ города Прилукъ разстояніи, пожалованъ, которыя грамотою царскою, со внесеніемъ въ оную заслугъ отца его, утверждены въ потомственное владѣніе.

Дмитрій Горленко, во время гетмана Ивана Мазепы начальствованія въ Малой Россіи, всегда въ разсужденіи своего разумнаго

---

[1]) Въ лѣтописи Густынскаго монастыря событіе это разсказано такъ: Того҃ (1687) року а҆ мц҃а а҆вгуста в҃ (2) пострада невинное убийство ѿ свои҃ по҃чанъ пн҃ъ Лазаръ Горленко, полковни҃ стародавны҃ прилуцки҃, и҆ похованы҃ в҆ рунѣ та҃же, в҆ полю, межи Кодако҃ и҆ Самарю, где и҆ могилу зна҃ную висипано на҃ ни҃, в҆ ко҃рой лѣтъ г҃ (10) лежа҃; а҆ кгды Гд҃ь Бг҃ъ накерова҃ серце его м҃ пн҃у Димирию Горленку, полковнику прилуцкому, сыну и҆ на҃слѣднику его, за вѣдомостю гетманскою будучи з҆ полко҃ свои҃ на то҃ же мѣсцу, ѿкопа҃ тѣло мило҃ пн҃а родича своего и҆ почесне допровади҃ до Прилуки, а ѿтолѧ до м҃трѧ н҃шего Густинѣ, идеже с҆ пѣнїемъ на҃гробнымъ положи҃сѣ в҆ склепѣ, в҆ велико҃ цр҃квѣ Пр҃то҃ Троци муровано҃, року ҂ахчз (1697), сеп҃. е҃і (15)". („Лѣтопись монастыря Густынскаго", изданная О. М. Бодянскимъ, Москва, 1848 г., стр. 63).

вожденачальства пріобрѣлъ во всѣхъ уваженіе[1]); а гетманъ весьма къ нему былъ благосклоненъ. Таковыя виды обращенія Мазепы съ Дмитріемъ Горленкомъ подаютъ мысль, что сей послѣдній вѣрностію своею съ подлежащимъ повиновеніемъ столь именитому Малыя Россіи (вождю?) заслуживалъ въ знакъ благодарности и великой благосклонности гетманской не только къ лицу его, но и ко всему дому Дмитрія Горленка, уваженіе, какъ видно изъ сего, что, въ бытность Мазепы въ домѣ сына Дмитріева Андрея, пожаловалъ въ фамилію Горленковъ село Ярошовку со всѣми къ тому угодіи, болѣе шестисотъ дворовъ имѣющее въ себѣ поселянъ. Щедрость и благоволеніе гетмана Мазепы къ Горленку на какой конецъ было, открыло послѣднее время. Мазепа обыкновенно приманивалъ милостивыми своими пріемами знатныхъ въ Малой Россіи себѣ подкомандныхъ; онъ ласкалъ, кромѣ Горленка, еще Миргородского полку полковника Данила Павловича Апостола; замыслы гетманскіи были заключить съ сими могущественными фамиліями союзъ въ разсужденіи предпріятія его противу государя Петра Великаго; но какъ Мазепинъ поступокъ или обхожденіе съ королемъ шведскимъ Карломъ двенатсятымъ свѣту извѣстны, не имѣю я нужды продолжать о семъ гетманѣ описанія; но возвращаюсь къ намѣренію моему, говоря о Горленкѣ, упомянуть долженъ, что Дмитріевъ сынъ Андрей привязанъ былъ крайнимъ родствомъ полковнику Данилѣ Апостолу, бывъ женатъ на дочери сего Апостола Марьи Даниловнѣ.

Дмитрій Горленко съ сыномъ своимъ Андремъ и Данило Апостолъ были тогда съ гетманомъ Мазепою безотлучно, когда Мазепа шелъ уже съ войскомъ, ему подвластнымъ, соединиться съ арміею короля Карла двенадцатого.

Когда гнустность предпріятія своего гетмана противу Петра Великаго имъ открыта уже была, и государь о мазепиномъ преда-

[1]) Въ 1693 году, вмѣстѣ съ Паліемъ, казаками четырехъ регулярныхъ полковъ и трехъ компанейскихъ Дмитрій Горленко, во главѣ Прилуцкаго полка, участвовалъ въ успѣшномъ походѣ на Буджацкихъ татаръ, въ то время какъ запорожцы, съ кошевымъ Шарпиломъ, разбили татаръ Крымскихъ. Черезъ два года, въ 1695 году, онъ принималъ участіе во вторичной осадѣ и взятіи Азова, съ пятнадцатитысячнымъ малороссійскимъ отрядомъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Лизогубомъ, Барановичемъ и Свѣчкой („Исторія Русовъ“, стр. 193). Подъ Гродномъ онъ сражался вмѣстѣ съ царскими войсками, командуя полками Кіевскимъ и Прилуцкимъ, въ званіи наказного гетмана.

тельствѣ къ королю Карлу узналъ, въ издаваемыхъ своихъ манифестахъ всѣмъ малороссійскихъ войскъ чинамъ, кои въ положенный срокъ, отставъ отъ своего гетмана, явятся у его величества, изъявилъ всемилостивѣйшее прощеніе; тогда Данило Апостолъ самоскрытнѣйшимъ образомъ, согласясь съ Дмитріемъ Горленкомъ и сыномъ его Андреемъ, а своимъ зятемъ, вознамѣрились всѣ три отстать отъ Мазепы и поспѣшить на назначенный Петромъ Великимъ срокъ явить себя въ вѣрности своей къ своему монарху. По сему вдругъ всѣмъ тропмъ отлучиться отъ гетмана никакимъ видомъ, дабы укрить подозрѣніе, невозможно было, то первый Апостолъ побѣгъ свой учинилъ и только успѣлъ въ самый срочный день явиться у его величества Петра Великаго, въ Воронежѣ пребывающаго на то время; а два или три дня спустя послѣ побѣгу Апостола, Андрею Дмитріевичу Горленку способствовало къ уходу отъ Мазепы отправленіе его въ малороссійскій городъ Гадячь съ повелѣніемъ гетманскимъ о нѣкоторомъ приготовленіи по интересамъ Мазепы; Андрей Горленко долженъ былъ къ гетману явиться скорс, какъ разстояніе мѣста, откуда посланъ былъ Горленко, не было далеко; но онъ, спасая отъ государскаго гнѣва себя, уѣхалъ прямо за тестемъ своимъ Апостоломъ въ Воронежъ. Сіе самое невозвращеніе Андрея Горленка къ Мазепѣ заградило путь къ побѣгу Дмитрія Горленка явиться къ Петру Великому. Дмитрій удержанъ подъ крайнимъ присмотромъ у ставкѣ гетмана Мазепы; а такому задержанію способствовало и соединеніе Мазепы съ арміей короля Карла. Теперъ время узнать успѣхъ Андрея Горленка въ побѣгѣ его къ государю. Онъ какъ ни старался спѣшить, но срочный день, сказанный Петромъ Великимъ, былъ ему въ полпути; по сему уже, явясь у монарха своего послѣ срока, зналъ онъ, что никакія оправданія не могутъ быть уважены. Страхомъ въ разсужденіи государскаго гнѣва колеблемъ, Андрей Горленко еще надѣялся, что полковникъ Апостолъ, тесть его, посредствомъ министровъ, которые къ Апостолу были благосклонны, исходатайствуетъ ему прощеніе и милость государя.

Андрей Горленко явился по пріѣздѣ своемъ въ Воронежъ къ Апостолу; сей, переговоря съ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ, старались въ такое время, когда Петръ Великій не столько былъ обремененъ мыслями, представить его величеству пріі-

ѣзжаго вѣрноподданнаго со стороны отступившей части войска отъ вѣрности къ своєму монарху.

Князь Меньшиковъ и Апостолъ, улучивъ, по ихъ мнѣнію, государя въ веселомъ видѣ и надѣясь, что могутъ исходатайствовать милость ожидавшему рѣшенія объ оной или казни, представили его; но весьма обманулись въ своей надеждѣ, ибо государь, какъ только увидѣлъ Андрея Горленко предъ ногами своими павшаго и просящаго помилованія, узнавъ притомъ, что одинъ только онъ безъ отца своего Дмитрія явился, наблюдая прямо свое государское слово, какъ въ манифестѣ изображено было—всѣмъ, кто послѣ срока явится, гнѣвъ непростильный—указалъ тотчасъ казнить смертію Андрея Горленка. Тутъ всѣ условія были княземъ Меншиковымъ употреблены къ извиненію Андрея, что онъ не могъ успѣть поспѣшить къ сроку, представилъ и то, сколько разстояніе не могло допустить желаніе свое бѣжавшему отъ Мазепы исполнить и что ежелибъ онъ мисли имѣлъ противныя службы его величества, онъ бы, конечно, не поспѣшилъ явиться уже передъ государя, когда былъ въ дорогѣ зналъ тотъ самый срокъ, отъ его величества назначенный, и время коммиссіи, ему отъ гетмана врученной, во оправданіе, что онъ до сроку отлучился, послужило ему.

Государь Петръ Великій, слышавъ всѣ представленія своего министра, наконецъ даровалъ Андрею Горленку жизнь и милость, указавъ при томъ, чтобы отецъ его Димитрій безъ страха уже явился. Послѣ сего Андрей Горленко былъ всегда при полковникѣ Данилѣ Апостолу.

Димитрій Горленко не могъ изъ арміи шведской такимъ образомъ, какъ сынъ его и полковникъ Апостолъ, отлучиться; получа онъ отъ сына своего увѣдомленіе о государской милости, радовался, но смущался духомъ, бывши въ разлукѣ съ домомъ своимъ насыльно удержанъ при Мазепѣ, внѣ отечества своего и въ подозрѣніи своего монарха, ибо, во время намѣренія короля Карла дать рѣшительную подъ Полтавою баталію, Мазепа, подъ прыкритіемъ королевскаго войска, Дмитрія Горленка и еще другихъ участвующихъ въ его интересахъ, отдалилъ изъ Малой Россіи въ Малую Польшу, гдѣ Карлъ двѣнадесятый имѣлъ своихъ партизановъ.

Послѣ побѣды, послѣдовавшей подъ Полтавою надъ арміею короля Карла и по уходѣ его съ Мазепою въ Бендеры, Малая Россія

осчастливлена спокойствіемъ; но Андрей Горленко, не видя въ домѣ отца своего и узнавъ, что Мазепа въ Безсарабіи пребываніе свое имѣетъ и удерживаетъ отца, его не отпуская ни на какое время отъ себя, пресѣкши всѣ возможные способы употребить побѣгъ его въ Малую Россію, писалъ къ отцу своему таково содержанія письмо, что онъ рѣшился подать помощь ему къ уходу изъ Безсарабіи въ отечество, отлучась самъ съ нѣкоторымъ числомъ подчиненнаго ему войска, станетъ стараться вывезть секретнымъ образомъ отъ окружающихъ его надзорщиковъ. Горячность сыновной любви къ отцу своему не допустила предпринять въ семъ случаѣ осторожность. Онъ не посовѣтовался ни съ кѣмъ и не объявилъ о своемъ письмѣ никому изъ начальниковъ. Статься можетъ, ежели бы онъ испросилъ дозволеніе писать въ такую провинцію, гдѣ отечественный непріятель резидовалъ и гдѣ отецъ его противу намѣренія удержанъ, позволенобъ было; но сіе другимъ видомъ показалось у началства. Письмо Андрея Горленка перехвачено и представлено Петру Великому; по оному взято на Андрея Горленка подозрѣніе, не имѣетъ ли мыслей отлучиться на всегда изъ отечества по резону преданности сыновней, и послѣдовалъ указъ отправить Андрея Горленка въ Москву для пребыванія, не касаясь уничтоженія чести его и имѣнія оставя всѣ въ его распоряженіи [1]).

Андрей Горленко не долго прожилъ въ Москвѣ, по рѣзону возвращенія отца своего въ Россію [2]). Ибо когда Мазепа окончилъ свою жизнь, а король Карлъ изъ Бендеръ вывезенъ Турками, какъ уже свѣту о томъ довольно извѣстно, то Дмитрій Горленко, не имѣя уже

---

[1]) „Матерьялы, издан. Судіенкомъ“, Кіевъ, 1855, т. II, стр. 165: письмо гр. Головкина къ гетману Скоропадскому, отъ 10 янв. 1711 года, о подозрительности сношеній Андрея Горленка съ отцемъ и приказъ о высылкѣ его на житье въ Москву.

[2]) Тѣ-же „Матерьялы“, т. II, стр. 243: письмо Головкина къ Скоропадскому, отъ 19 мая 1715 г.—такъ какъ Дмитрій Горленко съ товарищами вернулись на родину и повинились, то нѣтъ болѣе причинъ удерживать сына его Андрея въ Москвѣ. „Когда Дмитрій Горленко прибудетъ въ Глуховъ, ваша вельможность изволите приказать его, такожъ и вышеписанныхъ Гамалѣя, Кандыбу и Горленка, при стольникѣ Ѳедорѣ Протасьевѣ привесть къ вѣрѣ и взять по немъ въ его вѣрности добрыхъ и знатныхъ порукъ изъ старшины, чтобы онъ никакой противности и невѣрности къ его царскому величеству отнюдь не учинилъ, и по взятіи тѣхъ порукъ позволить ему жить на Украинѣ въ своихъ маетностяхъ, и ни въ какіе уряды его не допускать“.

никакихъ препонъ, тайнымъ однакожъ образомъ изъ Безсарабіи чрезъ польскую Украину прошелъ въ Кіевъ, а оттуда въ городъ Прилуки въ домъ свой [1]). Чувствительно было для его отлученіе отъ домашнихъ столь долговременное и въ разсужденіи причинъ, оскорбляющихъ всечасно невинно страдающій духъ подозрѣніемъ чести; но чувствительнѣе еще онъ пораженъ увидѣвъ, домашнихъ сына его, т. е. жену и дѣтей, пребывающихъ въ печали о разлукѣ съ мужемъ и отцемъ жизнь свою провождающихъ [2]). Сраженъ Димитрій былъ болѣе, узнавъ себя причиною всей разстройки дому своего, не умедлилъ онъ писать повинную къ государю Петру Великому, съ довольными выраженіями его пребыванія при Мазепѣ противу его воли и, заслуживши гнѣвъ государя, просилъ, въ разсужденіи несчастливыхъ для его приключеній, при сильномъ смущеніи духа, монаршаго помилованія. Государь Петръ Великій получилъ отъ Димитрія Горленка таковыхъ выраженій прозбу въ Москвѣ и немедленно послать велѣлъ указъ, дабы Димитрій Горленко явился у его величества, желая изслѣдовать и узнать самъ (видно, что и здѣсь князя Меншикова по дружбѣ съ Апостоломъ защищеніе показано было), подверженъ ли былъ Димитрій несчастію или было его произволеніе такъ долго жить внѣ отечества.

---

[1]) Подробный разсказъ о возвращеніи изъ эмиграціи Димитрія Горленка съ товарищами и бѣжавшими въ Турцію казаками и запорожцами находимъ въ сочиненіи Костомарова „Мазепинцы“, въ главѣ четвертой. Горленко вошелъ предварительно по этому предмету въ переписку съ Голицынымъ и Скоропадскимъ, но на твердую почву дѣло стало, когда въ ходатайствѣ малороссіянъ принялъ участіе Іерусалимскій патріархъ при посредствѣ русскихъ резидентовъ въ Константинополѣ Шафирова и Толстого. Городовые казаки и запорожцы переходили изъ Турціи въ Украину толпами весною 1714 года. Лица изъ старшины перешли послѣдними, не будучи увѣрены въ своей судьбѣ и добиваясь „ассекураціи“ въ безопасности ихъ жизни и свободы. Для возвращенія имъ даны были извѣстные знаки, которые надо было предъявлять на границѣ. Горленко привезъ съ собой гетманскіе клейноды, которые передалъ Скоропадскому.

[2]) Составитель замѣтокъ или умышленно измѣнилъ здѣсь факты, или говоритъ о послѣднихъ годахъ пребыванія Димитрія Горленка въ эмиграціи. Документально извѣстно, что жена Горленка съ младшими дѣтьми была при мужѣ. Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ отрицаютъ это, но Костомаровъ нашелъ въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи подлинное письмо Горленка (№ 120) къ Скоропадскому съ заявленіемъ о пребываніи семьи его въ Бендерахъ („Мазепинцы“, стр. 162). Этимъ и объясняется, что Горленкову не постигла участь другихъ родственниковъ мазепинцевъ, которые содержались въ Москвѣ или, какъ Мировичи, сосланы были въ Сибирь.

Когда Димитрій Горленко представленъ былъ его величеству и государь, распрося самъ всѣ причины, недопустившія явиться ему въ тогдашнее еще время у его величества, не замедлилъ резолюціею, чтобъ Андрея Горленка отпустить, а отцу его, имѣя чинъ полковничій же, жить на своемъ отъ дому содержаніи въ Москвѣ впредъ до указа, повелѣніе отдавъ, что за Москву ѣздить только въ Сергіевскую Лавру, а такъ же и въ Москвѣ свободно, а по другимъ отъ Москвы дорогамъ ѣздить запрещено.

Димитрій Горленко изъ 1715 года прожилъ въ Москвѣ до возшествія на всероссійскій престолъ государя Петра втораго. Государь Петръ вторый пожаловалъ дозволеніе Малой Россій избрать гетмана, какъ оная долговременно не имѣла своего вождя, а управляема была учрежденною по смерти гетмана Ивана Скоропадскаго, вступившаго на сей степень вмѣсто ушедшаго изъ Россіи Мазепы, малороссійскою коллегіею, въ которой присутствовали члены, опредѣляемые отъ монаршей власти. Въ достоинство сіе избранъ отъ всѣхъ малороссійскихъ чиновъ Данило Павловичъ Апостолъ. Государь Петръ второй пожаловалъ его кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго.

Теперь возвращаюсь изъяснить о происходившихъ въ фамиліи Димитрія Горленка разныхъ перемѣнахъ. Онъ окончилъ жизнь свою спокойно, послѣ всѣхъ бывшихъ съ нимъ приключеній, въ домѣ своемъ въ городѣ Прилукахъ, въ настоящемъ своемъ чинѣ полковника въ отставкѣ, а сынъ его Андрей Горленко, въ прежнемъ же чинѣ своемъ бунчуковаго товарища, жилъ спокойно-жъ [1]).

Не всегда человѣкъ бываетъ счастливъ и безпечаленъ; многіе случаи его и при всемъ изобиліи угнетаютъ и тѣмъ самымъ даетъ намъ судьбу видѣть или разумѣть, что тогда человѣкъ можетъ казаться счастливъ, когда конецъ его жизни въ семъ пунктѣ найдетъ.

---

[1]) Въ 1725 году Андрей Горленко, съ двумя тысячами казачьяго войска, вмѣстѣ съ Семеномъ Лизогубомъ и обознымъ Прилуцкаго полка Мих. Огроновичемъ, отправился въ Гилянскій походъ. По ложному доносу какого то черпеца Змѣевскаго, въ Петербургъ истребовали Горленка и Лизогуба. Будучи оправданы, они уѣхали въ Персію, гдѣ, подъ начальствомъ бывшаго корпуснаго полковника Кандыбы, прослужили около пяти лѣтъ. („Исторія Русовъ", стр. 231).

Примѣръ ясный въ домѣ Андрея Дмитріевича Горленка. При жизни гетмана Данила Павловича Апостола, Андрей Дмитріевичъ видѣлъ всякіе въ жизни своей случаи и, утомяся въ чувствованіи оныхъ, избралъ жизнь спокойную, оставя сыновьямъ своимъ предшествующіе въ жизни человѣческой всѣ степени чести. Сыновей его здѣсь наименовать кажется должно: 1-й—Іоакимъ, въ монашествѣ Іоасафъ; 2-й—Андрей; 3-й—Михаилъ, въ монашествѣ Митрофанъ; 4-й—Павелъ; 5-й—Григорій, да дочери: Парасковея, Марфа и Ульяна. О старшемъ или первомъ сынѣ свидѣтельствуютъ внесенныя записки въ сіе уведомленіе, собственною рукою писанныя и найденныя послѣ смерти его, въ архіерейскомъ достоинствѣ скончавшагося при жизни еще отца своего и матери; слѣдовательно, въ своемъ мѣстѣ и помянуто будетъ.

Второй сынъ Андрей служить началъ при гетманѣ Апостолѣ, дѣду своемъ. Гетманъ, какъ ни велика была государини императрицы Анны Ивановны къ ему милость, принужденъ какъ бы въ аманаты внука своего родного, рожденнаго отъ сына его Ивана Даниловича Апостола, Павла Ивановича, отправить въ Питербургъ, для пребыванія его въ столичномъ городѣ, гдѣ онъ и началъ продолжать службу (такова то была недовѣрчивость о Малой Россіи послѣ учиненныхъ Мазепою прогрехъ)· Данило Павловичъ, для сотоварищества или болѣе надзыранія надъ внукомъ своимъ Павломъ Ивановичемъ, отправилъ съ нимъ родного-жъ своего внука Андрея Андреевича Горленка, яко старѣйшаго въ лѣтахъ, гдѣ и прожилъ онъ до кончины гетманской да и брата своего двоюроднаго Павла Апостола. Сей молодой человѣкъ умеръ въ Петербургѣ среди цвѣтущихъ лѣтъ, служа въ императорской гвардіи.

Андрей Андреевичъ, проживая съ Апостоломъ въ Петербургѣ, познакомился съ нѣкоторыми придворными государини цесаревны Елисаветы Петровны; знакомство сіе привело его въ знаніе и цесаревнѣ, такъ что, при отъѣздѣ его въ Малую Россію, Елисаветъ Петровна препоручила ему особое надзыраніе надъ управляющими вотчинами ее собственными, лежащими въ малороссійскомъ Черниговскомъ уѣздѣ. По сему порученію отъ цезаревны Андрею Андреевичу, имѣла она всегда съ нимъ переписку, которая писалась до

ея экономіи и, въ воздаяніе его трудовъ, нѣкоторые присылала подарки [1]).

Каковы примѣчанія о дворѣ цезаревны отъ императорскаго двора на тогдашнее время происходили, мнѣ здѣсь описывать не слѣдуетъ; но сказать могу, по тогдашнимъ Елисаветы Петровны обстоятельствамъ, всѣ тѣ, которые милость ея высочества чувствовали, были въ подозрѣніи императорскому двору. Цесаревна, усугубляя благоволеніе свое къ Андрею Андреевичу, отправила въ подарокъ ему своего имени вензель, сдѣланный изъ алмазовъ. Сія посылка была перехвачена и, какъ письмо было написано не въ ясныхъ выраженіяхъ, за что таковъ подарокъ отправленъ,—дворъ въ другую сторону обратилъ свою догадку, подозрѣвая не собираться ли въ Малой Россіи участвующихъ къ приведенію во исполненіе интересовъ цесаревны въ противность установленія отъ двора наслѣдства Россійскому престолу. Таково подозрѣніе привело домъ Андрея Дмитріевича въ печальное приключеніе, ибо чрезъ нарочныхъ офицеровъ гвардіи взяты въ тайную тогда бывшую канцелярію, какъ Андрей Дмитріевичъ, такъ и сей сынъ его Андрей Андреевичъ; по вопросамъ отъ предсѣдающего въ оной канцеляріи архіепископа Ѳеофана Прокоповича, бывшаго тогда при императорскомъ дворѣ первымъ министромъ, какую имѣютъ цѣль таковы переписки цесаревны съ Андреемъ Андреевичемъ, ясно отвѣчали оба, какъ сынъ, такъ и отецъ, что̀ единственно порученіе отъ цесаревны вотчинъ ея надъ управляющими надзиранія тому причина. Во свидѣтельство ихъ безвинности привезены въ ту канцелярію всѣ письма, рукою цесаревны писанныя, обезоружили подозрѣніе и, какъ ничего не сыскано такого, чтобы касалось до интересовъ императорскаго двора во вредъ, импе-

---

[1]) См. „Исторію Малороссіи“ Маркевича, т. II, стр. 631, гдѣ приведено собственноручное письмо цесаревны Елизаветы Петровны къ Андрею Андреевичу Горленку отъ 1737 года. Давая ему порученіе, цесаревна выражаетъ надежду, на исполненіе его, „по вашей къ намъ благосклонности“. По восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны въ 1741 году, Андрей Горленко былъ въ числѣ четырехъ депутатовъ для поднесенія поздравленія императрицѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Даниловичемъ Апостоломъ, Г. Лизогубомъ и Як. Маркевичемъ. Во время отправленія депутатовъ для поздравленія онъ былъ уже въ Петербургѣ и посылалъ оттуда за паспортомъ генеральнымъ на званіе депутата запорожца Гриву (Записки Маркевича, II, 152).

ратрица Анна Ивановна указала отпустить ихъ въ домъ свободными [1]).

Безвинное претерпѣніе безпокойствъ Андрея Андреевича и отца его государиня императрица Елисавета Петровна наградила по восшествіи своемъ на престолъ. Андрею Дмитріевичу подарены разныя вещи, ознаменующія вѣрность къ его монархинѣ, и сей почтенный мужъ въ глубокой уже старости скончалъ жизнь, узнавъ сколь не непостоянна человѣческая система; провождалъ дни свои въ совершенномъ безмолвіи, упражняясь только въ книгахъ и созерцая благополучіе будущей жизни. 1756 года декабря 6-го, Андрей Андреевичъ пожалованъ въ полковника въ Полтавской полкъ, особливо пожаловано мѣстечко въ Прилукскомъ полку Иваница, имѣющая въ себѣ триста дворовъ поселянъ, и жалованною грамотою утверждено. Андрей Андреевичъ въ послѣдующее время окончилъ жизнь, живши въ отставкѣ бригадиромъ, оставя наслѣдственное свое и жалованное имѣніе сыновьямъ своимъ.

Михаилъ Андреевичъ, третій сынъ Андрея Дмитріевича, вступилъ въ монашество и въ слѣдующее время, бывши архимандритъ Митрофанъ, окончилъ жизнь свою въ Кіевѣ, въ Богоявленскомъ Братскомъ монастырѣ.

Четвертый Андрея Дмитріевича сынъ Павелъ служилъ въ арміи поручикомъ и въ Кіевѣ лошадьми убитъ въ развалинахъ близъ дороги, лежащей отъ Печерскаго форштата на Подолъ, оставивъ по себѣ наслѣдниковъ двухъ сыновей.

Послѣдній-же сынъ Андрея Дмитріевича, Григорій, окончилъ жизнь, бывши надворнымъ совѣтникомъ; также имѣніе его осталось наслѣдникамъ.

Дочери Парасковея Андреевна была въ замужествѣ за полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою, Марфа за сотникомъ Степаномъ Григорьевичемъ Стороженкомъ; а Ульяна за прилукскимъ подкоморымъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Марковычемъ.

---

[1]) „Записки подскарбія генеральнаго Якова Маркевича“, часть II, стр. 16, замѣтка отъ 16 января 1737 года: Горленки, отецъ и сынъ, взятые еще съ осени въ Петербургъ, отпущены и явились въ Глуховъ свободными.

Теперъ приступаю ко внесенію въ сіе увѣдомленіе собственноручные записки старшаго, или перваго, сына Андрея Дмитріевича Іоакима Андреевича. Онъ вступилъ въ монашество въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, названъ Іоасафъ и, проходя степени священства, былъ въ Бѣлгородской епархіи епископомъ. О христіанской его жизни, о благоговѣніи къ Богу истинное свидѣтельство лежащее его и по сіе время нетлѣнное тѣло, также гробъ и одѣянія архіерейскія не перемѣнившія вида, ни пришедшія въ обветшалость [1]). Жизнь его была основана прямо на правилахъ евангельской добродѣтели; рачителемъ былъ въ исполненіи званія его и употреблялъ строгость тамъ, гдѣ слѣдовало обуздать подчиненность, приходившую въ неистовые поступки; однимъ словомъ, любилъ правду, негодовалъ на ложъ, прямо добродѣтельнымъ любезенъ, противомудрствующимъ страшенъ, къ нищимъ милостивъ, обиду терпѣвшимъ защитникъ, ревнитель былъ о благочестіи, удалялъ отъ взора своего всѣхъ суевѣрныхъ, наконецъ истинно любящій Бога и послѣдователь святому Его закону.

Списокъ собственною рукою преосвященнаго епископа Іоасафа Горленка писанныхъ о жизни его записокъ, по смерти его въ 1754 году декабря 10-го сысканныхъ, здѣсь представляется:

2) Путешествіе въ свѣтѣ семъ грѣшника Іоасафа, игумена Мгарскаго.

Родился, по сказкѣ родителей своихъ, въ годъ 1705, мѣсяца септемврія дня 8, нареченъ въ святомъ крещеніи Іоакимомъ.

Въ годъ 1716 возлюбилъ монашество; намѣреніе быть монахомъ возимѣлъ 1721 года и то въ себѣ хранилъ даже до года 1723; и въ томъ же годѣ объявился родителямъ моимъ, съ тѣмъ прося благословенія ко исполненію намѣреваемаго; въ годъ 1725, а отъ рожденія моего 20-мъ, мѣсяца октомврія дня 27, принялъ рясофоръ отъ всечестнаго отца іеросхимонаха Ѳеодора въ Кіево-Межигорскомъ мо-

---

[1]) Сакосъ голубой парчи, омофоръ цвѣту дикаго парчевый-же на его по смерти возложены, и нынѣ въ томъ же одѣяніи лежитъ его тѣло. Примѣч. автора.

настырѣ въ пещерѣ, въ храмѣ святыхъ богоносныхъ отецъ Онуфрія и Петра Аѳонскаго, и нареченъ въ иночествѣ Илларіонъ.

Въ годѣ 1727 мантію принялъ отъ преподобнѣйшаго отца Илларіона Левицкаго, ректора и игумена Кіево-братскаго, въ томъ монастырѣ Братскомъ, ноемврія дня 21, и преименованъ нареченъ Іоасафъ.

Въ годѣ 1728 рукоположенъ въ діакона преосвященнымъ Варлаамомъ Ванатовичемъ, архіепископомъ кіевскимъ, генваря 6 дня въ великой церквѣ святыхъ Богоявленій братской.

Въ годѣ 1729, въ мѣсяцѣ августѣ послѣднихъ числъ, опредѣленъ въ училища кіевскія во учителя и въ томъ потрудился послушаніи, пробывъ черезъ три года.

Въ годѣ 1732, въ неделю седмую по Пасхѣ святыхъ отецъ, въ той часъ случившуюся маія 21 дня, въ преподаваніи школы Синтаксиса, дедиковалъ діалогъ привѣтствовательный вшествіемъ на престолъ Кіевской епархіи преосвященному Рафаилу Заборовскому, архіепископу кіевскому.

Въ годѣ 1734, септемврія 13-го дня, опредѣленъ во экзаминатора архіепископіи Кіевскія отъ преосвященнѣйшаго Рафаила Заборовскаго, архіепископа кіевскаго; и въ томъ же годѣ отъ его преосвященства рукоположенъ во священники въ монастырѣ кіевскомъ Михайловскомъ, въ великой церквѣ, ноеврія 8-го. Переведенъ же зъ Братства въ катедру святыя Софіи для житья того-жъ года, ноеврія 23-го.

Въ годѣ 1735, генваря 10, опредѣленъ членомъ въ духовную консисторію.

Въ годѣ 1737, іюня 24, посвященъ въ игумена, аще и по крайнему моему нежеланію, Божію же смотрѣнію преданный и волѣ архипастырской неотрицающій, въ монастырь Свято-Преображенскій Мгарскій, подъ Лубнами находящійся.

Выѣхалъ изъ Кіева того-жъ іюня 28; въ монастырь же свой вьехалъ іюля 7-го.

Августа 16-го крѣпко заболѣлъ, съ какою болѣзнію боролся даже до мѣсяца генваря 1738 года, и уже близъ исхода обрѣтался; Божіею же наказующею милостію паки здравіемъ помилованъ, однакъ не первымъ, но всегда въ слабости и отъ тѣхъ временъ часъ отъ

часу къ исхожденію шествую сію многопечалную житія моего стезю, до воли Бога, подкрѣпляющаго мя.

Въ годѣ 1740-мъ, отъ сентября 27 паки заболѣлъ и болѣзновалъ въ отчаяніи живота до февраля среднихъ числъ; Богъ же милостивъ еще далъ жить въ хвалѣ Своей святой. Въ той болѣзни октября съ 26 противъ 27 сонъ видѣлъ такой: видѣлся святитель Христовъ Аѳанасій, иже въ Мгарѣ, ходящій близъ своей раки (гроба) въ своемъ архіерейскомъ одѣяніи, котораго я проводилъ подъ руку; потомъ возвратился къ ракѣ и опять ложился, и когда я, грѣшный, его положилъ и спряталъ, то началъ сіи слова къ нему говорить: Святѣйшій патріархъ! я желаю вашему святѣйшеству день празденственный уставить и давалъ о томъ доношеніе преосвященному Рафаилу (правде бо была); то на то святѣйшій отвѣтствовалъ: „а чтожъ?“ Я отвѣтствовалъ: сказалъ преосвященный, что не можно, понеже надобно писать о томъ въ синодъ и показать чуда его; то святитель сказалъ: „о, да бываютъ же здѣсь изъ Москвы!“ и умолчалъ. А потомъ паки началъ я говорить: святѣйшій патріархъ, накажи мене въ житіи моемъ! то онъ сказалъ: „а я-жъ разъ наказалъ;“ а потомъ скоро по изреченіи тѣхъ словъ, акибы прилѣжно согласуя моему прошенію, сказалъ: „другій разъ наказать? добре, добре;“ и потомъ, положивъ на грѣшной моей головѣ святые свои руки, сіи сказалъ слова: „да благословитъ тя Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ“. И такъ окончано видѣніе.

1741 году, въ мѣсяцѣ мартѣ (дня за лѣностію и небреженіемъ не означилъ), около недѣли Крестопоклонной, видѣлось, мало уснувши мнѣ, въ день быть въ сослуженіи панихиды нѣкоторой съ преосвященнымъ Рафаиломъ въ церквѣ святыя Софіи Кіевской, и тамо по обычаю кадилъ я церковь предходящему нѣякомусь мнѣ діакону котораго я и знаю и не знаю, а по большей части не знаю; и когда вошли въ святый олтарь, то онъ, ходя предо мною, потерялъ свѣчу, съ которою ходилъ; то я его бранилъ, сказуя: какой ты дуракъ! свѣчу съ рукъ потерялъ; а потомъ же свѣча тамъ-же обрѣлась близъ жертвенника въ олтари и, кадя, я сказалъ: свѣча здѣсь, а ты ищешъ свѣчи! въ кажденіи томъ горняго мѣста, пришолъ я къ правой сторонѣ, явился святый Аѳанасій, иже въ Мгарѣ, въ ракѣ лежащій; и когда я покадилъ святыя его мощи съ великимъ ужасомъ, то онъ простеръ свою руку и взялъ мене за руку крѣпко, то я началъ го-

ворить: святый патріархъ, моли Бога о мнѣ грѣшномъ, да не отвержетъ мене Господь. Тогда онъ взялъ свою браду и поднесъ ю на лице, а потомъ низложилъ на персы и, акибы поглаждая, говорилъ прирѣкаючи: „О. У. отвержетъ, отвержетъ"; а потомъ сказалъ сіи слова: „якоже любитъ мя отецъ, тако любитъ тя сынъ"—и тако воспрянулъ отъ видѣнія.

Въ томъ же годѣ, августа 24 дня, въ Нѣжинѣ кони разносили и ногу разбили такъ больно, что отъ показаннаго числа по ноября 8 съ постели не вставалъ.

Въ 1742 году, септемврія 10 дня, выѣхалъ въ Москву для испрошенія милостини на погорѣлый монастырь и упалую церковь каменную. Въ той дорогѣ септемврія.... дня, подъ городомъ Тулою, на ночлегѣ видѣлъ сонъ такой: показалось, въ церквѣ святыя Софіи катедральной Кіевской служилъ панихиду съ преосвященнымъ Рафаиломъ, архіепископомъ Кіевскимъ (еще тогда не былъ митрополитомъ), не вѣдаю за кого; по правой же рукѣ стоялъ Іаковъ, духовникъ катедральный (уже тогда умершій), а по лѣвой—я; и когда пришло возгласъ говорить: „яко Ты еси воскресеніе", то архіерей, оборотясь до духовнаго отца Іакова, началъ говорить: „говорите вы возгласъ, вы старшій братъ сея обители"; а потомъ, до мене обернувшись, сказалъ: „будешъ архимандритомъ"; и съ тѣми же словами началъ налагать на выю мою крестъ, отъ красныхъ каменей здѣланный, при чемъ я, (съ) несказанною радостію и умиленіемъ, руки цѣловалъ архіерейскія, а духовникъ тѣмъ временемъ возгласъ говорилъ,—и такъ окончилось видѣніе.

Въ 1744 году, августа 16 дня, возвратился съ Москвы съ милостинею и того-жъ мѣсяца дня 27 выехалъ въ Кіевъ до преосвященнаго, и въ бытіе мое тогда въ Кіевѣ, по имянному ея величества Елисаветъ Петровны, императрицы всероссійской, указу, данному словесно въ лагерѣ при Днѣпри преосвященному митрополиту Рафаилу, посвященъ въ архимандрита септемврія 14 въ монастырь Мгарскій, и пріѣхалъ съ Кіева 26 дня того-жъ септемврія, и отъ братіи съ великою радостію принятъ.

Въ томъ же 1744 годѣ, ноября дня 4-го, рано получилъ указъ изъ святѣйшаго синода ѣхать въ Москву для нѣкоей благословной вины. Послѣ того простился съ братіею съ плачомъ и жалостію слезною съ обоихъ сторонъ, выѣхалъ съ монастыря того-жъ ноября дня

29 первѣе въ Кіевъ, для благодаренія преосвященному за монастырь; и когда благодарилъ, съ великою жалостію отпущенъ и во знаменіе архіерейскаго благословенія обдарованъ четками изрядными бруштинными (янтарными); а потомъ съ Кіева отѣхалъ въ Москву декабря дня 12-го.

Въ 1745 годѣ, генваря 29 дня, получилъ резолюцію принять правленіе въ Святотроицкой Лаврѣ, а самому ѣхать въ С.-Петербургъ.

1-го числа февраля пріѣхалъ въ Лавру и принялъ правленіе.

5-го выѣхалъ въ Москву; 7-го съ Москвы взялъ путь въ Петербургъ.

19-го пріѣхалъ въ Санктпетербургъ.

24 представленъ ея величеству.

8 марта выѣхалъ изъ Санктпетербурга.

23-го въ Лавру пріѣхалъ и началъ жить съ Богомъ на послушаніи намѣстническомъ.

Въ 1746 годѣ, апреля 4 дня, упалъ на ноги и даже до послѣднихъ дней маія не вставалъ съ ложа.

Конецъ собственноручнымъ запискамъ.

Таковы подлинныя записки взяты роднымъ братомъ сего преосвященнаго Андреемъ Андреевичемъ и теперъ содержатся въ домѣ его сыновей. Но таковъ же списокъ отправленъ съ Харкова отъ господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Ивана Дмитріевича Пашкова къ находящемусь при императорскомъ дворѣ господину дѣйствительному тайному совѣтнику графу Александру Андреевичу Безбородку 1787 года октября 12-го [1]).

Теперъ осталось мнѣ окончить сіе увѣдомленіе о семъ преосвященномъ.

---

[1]) Здѣсь мы находимъ новое свидѣтельство о собираніи канцлеромъ Безбородкомъ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ Малороссіи. Извѣстно, что изданная Рубаномъ въ 1777 году „Краткая лѣтопись Малыя Россіи“ появилась при участіи Безбородка, какъ о томъ и заявляется въ ней: „Записки сіи отъ смерти Даніила Апостола по 1776 годъ дополнены и изъявленіе настоящаго тамъ образа правленія, какъ и списокъ гетманамъ, генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ сочинены нынѣшнимъ кіевскимъ г. полковникомъ, находящимся при ея императорскомъ величествѣ у принятія челобитенъ, Александромъ Андрѣевичемъ Безбородькомъ“.

Онъ, по умертвіи правившаго Бѣлгородскою епархіею митрополита Антонія Чернявскаго въ 748 году іюня 5-го, по именному государини императрицы Елисаветы Петровны указу, посвященъ въ Санктпетербургѣ въ присутствіи ея величества епископомъ въ Бѣлгородскую епархію и того-жъ года августа 6-го пріѣхалъ въ Бѣлгородъ.

Краткое время правительства его въ сей епархіи употребилъ онъ болѣе на исполненіе званія его: не упустилъ онъ каждогодно, хотя и болѣзнями страдалъ, посѣщать паству свою, не оставилъ ни одной церкви въ своей области, чтобы лично не осмотрѣть состоянія оныхъ, также и священниковъ, при тѣхъ церквахъ обрѣтающихся, и неусыпнымъ своимъ стараніемъ о благочинномъ поведеніи ввѣреннаго ему отъ Бога народа, возвелъ онъ епархію на степень прямого благочестія и не себѣ угождалъ, но ограждалъ его отъ всѣхъ православію противныхъ вредностей. На шестомъ уже году своего пребыванія на престолѣ Бѣлгородской епархіи, предчувствуя скорое окончаніе своей жизни, ѣздилъ преосвященный Іоасафъ къ родителямъ своимъ въ городъ Прилуки, жившимъ еще тогда въ старости своихъ лѣтъ; былъ тамъ и, простясь съ родственниками своими, возвращаясь въ епархію, посѣтилъ и монастырь свой бывшій Мгарскій, въ которомъ онъ былъ прежде игуменомъ и архимандритомъ, гдѣ и мощи святаго Аѳанасія патріарха, являвшагося въ прошедшее время преосвященному Іоасафу, находятся, какъ бы отдавая долгъ свой и вновъ при окончаніи своей жизни подвергалъ себя сего святителя покровительству.

Оттуда посѣтилъ дядю своего родного съ матерней стороны, сына гетмана Даніила Павловича Апостола, лубенскаго полковника Петра Даниловича. Сей полковникъ Апостолъ въ послѣдующее время въ довольной старости окончалъ жизнь свою, пребывая въ отставкѣ бригадиромъ, 1779 года. Наконецъ преосвященный Іоасафъ, по прибытіи своемъ въ село, принадлежащее владѣнію Бѣлгородской катедры, Грайворонъ, въ домѣ своемъ заболѣлъ и въ долгопротяжной болѣзни не прекращалъ своего бодрственнаго вниманія касательно до епархіальныхъ дѣлъ и, къ общему всей епархіи Бѣлгородской сожалѣнію, декабря 10 числа съ полдня въ четыре часа и 20 минутъ 1754 года скончался, въ бытность при блаженной его кончинѣ матери его Маріи Даниловны, брата Андрея Андреевича и сестры Па-

расковеи Андреевны полковницы Квиткиной и другихъ сродственниковъ его, коихъ онъ любовію своею жаловалъ.

Я здѣсь увѣдомить могу что сестра его Парасковея Андреевна, равно и онъ ее любилъ, и во время сильной его болѣзни въ 1751 годѣ, когда мужъ ее полковникъ Иванъ Григоріевичь Квитка умеръ, презрѣлъ всѣ опасности, могущія случиться отъ простуды, выѣхалъ съ Бѣлгорода въ Харковъ для погребенія полковника Квитки и, погребши, для уменьшенія скорби сестры своей и оставшихъ въ сиротствѣ дѣтей, прожилъ довольно въ домѣ ея близъ Харкова въ селѣ Основѣ. Преосвященный Іоасафъ Горленко отъ рожденія своего жилъ 49 лѣтъ 3 мѣсяцы и 2 дни, а на престолѣ Бѣлгородской епархіи— шесть лѣтъ 4 мѣсяцы и 4 дни [1]).

---

[1]) О жизни епископа Іоасафа Горленка существуетъ цѣлая біографическая литература, въ которой объемомъ своимъ или именемъ авторовъ выдаются книжки Григорія Квитки, Ковалевскаго и Кулжинскаго. Дѣятельность Іоасафа въ Слободской Украинѣ особенно обстоятельно изслѣдована въ сочиненіи преосв. Филарета: „Историко-Статистическое Описаніе Харьковской Епархіи“ (Москва 1862 г.). Здѣсь напечатано и большинство замѣчательныхъ указовъ, въ которыхъ Бѣлгородскій епископъ бичевалъ замѣченныя имъ провинности духовенства и мірянъ. Еще нѣкоторые указы Іоасафа найдены были въ Харьковскихъ и Курскихъ архивахъ духовныхъ учрежденій проф. Амф. Лебедевымъ, дважды ихъ опубликовавшимъ: въ журналахъ „Миръ“ (1887 г., № 12) и „Кіевская Старина“ (1890 г., № 1). Біографы епископа Іоасафа единогласно говорятъ о глубокомъ вліяніи, которое имѣлъ онъ въ обществѣ Слободской Украины, подтвержденіемъ чего служитъ то почитаніе, тотъ культъ, какимъ пользуется и теперь въ томъ краю его память. Его высокая репутація предшествовала ему: когда, назначенный епископомъ Бѣлгородскимъ, онъ пріѣхалъ въ Харьковъ въ 1748 году, то встрѣченъ былъ за городомъ народомъ, съ двумя сотнями козаковъ, при знаменахъ. То же самое повторилось въ 1751 году, когда онъ, окончивъ экзамены въ Коллегіумѣ, уѣзжалъ въ іюнѣ изъ Харькова. Военная громада провожала до Хорошева. Въ резиденціи своей, Бѣлгородѣ, онъ былъ поддержкою всѣхъ бѣдняковъ. Въ Слободской Украинѣ циркулируетъ много преданій и разсказовъ, въ которыхъ Іоасафъ является дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлахъ, направленныхъ на доброе и благое. Уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Бѣлгорода въ 1754 году и предчувствуя кончину, онъ простился со всѣми и, съ вершины загородной горы, благословилъ городъ.

Въ дополненіе къ „Запискамъ“ приводимъ три характерныя письма епископа Іоасафа, относящіяся къ послѣднимъ годамъ его жизни:

1) *Къ матери Маріи Даниловѣ.* Милостивѣйшая мнѣ матко и добродѣйко! За высокомилостивое матернее въ домѣ моемъ мене посѣщеніе и пожитіемъ своимъ на малое время дому моего и мене оублагословеніе сыновнее мое, купно же и богомолческое, приношу благодареніе. Даруй Боже по жизнь мою всегда слышать о вашемъ матернемъ здравіи и во времена своя видѣти. О себѣ доношу, что я въ томъ же обрѣтаюсь состояніи, каковъ при присутствіи вашей родителской милости находился. А сердцемъ собо-

Тѣло умершаго преосвященнаго Іоасафа того-жъ декабря 15-го съ села Грайворона отвезено въ бѣлгородъ, а 1755 году февраля 27 дня, по указу синодальному, переяславльскимъ и Бориспольскимъ епископомъ Иваномъ Козловичемъ погребено въ катедральной соборной церквѣ въ Бѣлгородѣ, съ правой стороны, подъ придѣломъ храма недѣли Страшнаго Суда, въ нарочно уготованномъ каменномъ, за жизни еще преосвященнаго Іоасафа, погребу, гдѣ и нынѣ нетлѣнные его мощи пребываютъ.

лѣзную, что такъ неудобство пути скоро воспослѣдовало к возвращенію въ домъ вашей родителской милости. Богъ да исправитъ стопы ваша, оусердно желаю, и тако, при дальнѣйшемъ моемъ поклонѣ, остаюсь вашей родительской Милости нижайшій сынъ и богомолецъ смиренный Іоасафъ, епископъ бѣлградскій. З Бѣлгорода 1748 года, января дня 4 (Изъ фамильныхъ бумагъ княгини Н. А. Дабижа).

2) Благородному господину полковнику полтавскому Андрею Андреевичу его благородію Горленку.

Любезнѣйшій мой брате! На писмо милостивѣйшей матки, полученное мною чрезъ козака вашего, при семъ отвѣтъ посилаю, которій прошу сослати. Вамъ же о моемъ состоянiи не оставляю объявить, и хоть уже о томъ же и прежде писалъ, однакъ теперь докладнѣе пишу: я въ мясопустную (февраля 14) недѣлю, прослуживъ съ великою трудностію, до келій возвратился съ церкви и отъ того времени обложною болѣзнію въ ногахъ легъ на постель и во весь святій великій постъ, даже до Ѳоминой недѣлѣ, почти недвижимъ лежалъ безъ пищи (кромѣ питія). И такъ дивенъ Богъ въ немощѣ моей совершившійся, что я, чрезъ осмъ недѣль фунта хлѣба не зѣвъ, въ живыхъ остался, а пищи никоея, вареной, кромѣ бубликовъ, и очима видѣть и смотрѣть не могъ. Между тѣмъ еще приключилась была болѣзнь, или отъ моей неосторожности, или отъ служителской погрѣшности: я всегда по веснѣ отбиваюся отъ скорбута настурціею водяною да березовимъ сокомъ. И противъ преждняго обыкновенія, марта 25-го, приказалъ заблаговременно внести сокъ березовій въ келію, чтобы онъ не былъ холодній пити. Однакъ того не сдѣлано, а я, заморенимъ животомъ напившися настурціи, заснулъ немного; когда жъ всталъ отъ сна, попали мене рвоти. По рвотахъ спросилъ соку пити; то служитель тогда съ лоду холодного подтаскалъ мнѣ напитися и, якъ скоро я випилъ, то по всему животу маленкую ощутилъ колку, а къ вечеру знатно стало колоть въ лѣвомъ боку, а на утро 26 перейшло въ правій бокъ, и несносная стала колка, ажъ подъ плечо досягающая. А 27 началъ кровію кашляти и харкати съ превеликою и почти смертною колкою. Тутъ вси думали у мене формалнiи сухоти и уже не встать съ постелѣ, понеже и висѣло тѣло было, (уповаю не отъ того, что безъ пищи). Однакъ чрезъ пущеніе кровѣ 28-го, съ повтореніемъ, легше, стало и колка устала, и легше становилося. Въ четвертокъ великій и въ день воскресенія Христа въ келіи сообщился Божественныхъ Таинъ, уже не лежащій, но одѣянъ въ мантію и прочое одѣяніе, стоящій самъ по обычаю, однакъ въ великой слабости. А на Свѣтлой недѣли въ четвертокъ первій разъ виведенъ съ келіи и проездился. А въ Ѳомину недѣлю віехалъ съ Бѣлграда въ вотчину мою Петропавловку, где и нынѣ пребываю. Однакъ въ ногахъ слабость доселѣ имѣю сію: первое боль превеликій въ колѣнахъ и голеняхъ, однакъ не завше, а другое ногъ же

1780 года, февраля 27 дня, господинъ фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій, проѣзжая съ Курска, по открытіи тамъ намѣстничества, въ Бѣлгородъ, былъ у тогдашняго епископа Андрея Колосовскаго; любопытствуя видѣть преосвященнаго Іоасафа мощи, ходилъ въ тотъ погребъ вмѣстѣ съ архіереемъ Аггеемъ и другимъ генералитетомъ и, видѣвъ, сказалъ: я не могу ничего судить, какъ только „святымъ, иже суть на земли, его удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ“.

Окончано 1795 года въ Харковѣ.

пухлятина твердая якъ дерево и тяжесть, будто оловьяніи. И такъ я незносное терплю мученіе, пачеже всего сіе, что зъ показаннаго февраля донинѣ не могу служити. Впротчемъ имѣю отраду и надежду на Бога доброго, понеже аппетитъ хочь малъ, однакъ не потеранъ и веселость въ себѣ ощущаю и потераннаго чрезъ педугъ тѣла набуваю. Я и въ слѣдующую пятницу, то есть сего мая дня 28, хочь сидячи служить одважуюся. Ради показаннаго моего состоянія, да и ради другой причины, что іуня въ послѣднихъ числахъ имѣетъ нѣкаясь мнѣ быть отъ Коллегіумъ дедикація, и чтобъ два рази мнѣ въ Харковъ не ездить, теперь не могу туда поехать, развѣ іуня, когда школяри приберутся. Желаю жъ усердно дражайшаго гостя, любезнѣйшую вашу сожительницу въ Петропавловц видѣть. Сѣмдесять верстъ отъ Харкова до Бѣлграда не тисяча миль, люде и далѣ ездя. А теперь, при рекомендаціи моего уклона, пребываю, васъ, любезнѣйшаго мнѣ брат. вседоброжелательный и богомолецъ, смиренный Іоасафъ, епископъ бѣлградскій. Зъ Петропавловки, 1753 года, мая дня 25. (Изъ собранія В. В. Тарновскаго).

3) *Къ неизвѣстному лицу.* Велможный добродѣю. Я с' Курска чуть жи приехалъ в' Бѣлгород. Пресилная колька уже смертію мнѣ грозила на дорог но Богъ помиловалъ мене; однакъ и теперъ еще въ великой слабости нахожусь. Вашей вельможности и всей вашей фамиліи усерднейше желаю какъ найлучш го здравія и всѣхъ благъ. Давно уже отъ васъ о васъ извѣстія не имѣю, которымъ про у меня не оставить и увѣдомить о полученіи того пакета, в которомъ посланы червон господину Бѣлушенку. Вашъ полтавецъ преосвященный Афанасій с Тферы переведенъ Ростовъ архіереемъ. Слишно ж, да и пишутъ, что и бывшій ростовскій архіерей *) помилованъ, и возвращенъ ему чинъ митрополичій, и поедетъ на обѣщаніе в Новгородскій Сѣверскій монастырь. Бѣда да горе! всы теперь малороссіяне вездѣ в крайнемъ презрѣніи. Самые честные люде остаются с нашихъ, а впередъ и в Владимеръ промованы, которіи еще и недавно монахами съ русскихъ, однакъ добріе люде и достойные.

Сіе по прочетѣ прошу сожечъ, а я, разсуждая теперъ пребѣдное отечества состояніе, плачу и воздыхаю: Господи помилуй. В Его святой милости и васъ, и себе вручаю. Вашей велможности вѣрный и вѣчный вседоброжелатель богомолецъ и слуга *Е. Іоасафъ.* Бѣлград, 1753 года, іуня 16 дня.

(Изъ рукописей Кіевскаго церковно археологическаго музея. Письмо писано на листѣ бумаги въ малую четверку, на двухъ съ половиною страницахъ.)

---

*) Арсеній Мацѣевичъ.

БРАНЪ

ЧЕСТНИХЪ СЕДМИ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ

З СЕДМИ ГРѢХАМИ СМЕРТНИМИ,

В ЧЕЛОВѢЦѢ ПУТНИКУ ТАК ВСЕГДА, ЯКО НАИПАЧЕ ВЪ ДНИ С-ТИЯ ВЕЛ. ЧЕТИРИДЕСЯТНИЦЫ,

РЕЗИДУЮЧАЯ,

ЛУ СЕДМИЦѢ ЕЯ ИМАГИНАЦѢЮ ПУІТИЧЕСКОЮ И РИѲМОМЪ

ОПИСАННАЯ

1737 года априля 9 дня.

Бранъ честнихъ седми добродѣтелей з седми грѣхами смертними, в человѣцѣ путнику так всегда, яко наипаче въ дни с-тия вел. четиридисятници, резидуючая. По чину седмицъ ея имагинацѣею пуітическою и риѳмомъ описанная

1737 года априля 9 дня [1]).

ПРЕОС-ЩЕННѢЙШІЙ ВЛ-Д-КО!

Совершенно вѣдаю, что високопочтеннѣйшіи в-шего Преосвященства, руцѣ симъ моимъ приношеніемъ напрасно утруждаю; недостойно бо есть, не толко приятія, но ниже видѣнія височайшаго лица в-шего с-тительского. Однакъ положенъ на такомъ разсужденіи: коликая м-лость пастирская, и любовь отческая всегда, на

---

[1]) Это произведеніе сохранилось въ современномъ составленію спискѣ одного изъ студентовъ Кіевской академіи, принадлежащемъ теперь Кіевскому церковно-археологическому музею (по печатному описанію рукописей Кіевской Духовной Академіи № 664). Въ 1737 году Іоасафъ Горленко былъ уже іеромонахомъ Софіевскаго монастыря и членомъ Консисторіи (Аскоченскій, Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ и пр., т. II, стр. 48). Но, какъ видно изъ этой пьесы, онъ оставался еще экзаменаторомъ Академіи. Сочиненіе это относится къ послѣднему времени пребыванія Іоасафа въ Кіевѣ и принадлежности къ Академіи. Въ томъ же году онъ дѣлается игуменомъ Лубенскаго монастыря. Очень вѣроятно, что во время преподавательской дѣятельности своей въ Академіи (1728—1731) онъ писалъ и другія произведенія, но, въ числѣ многаго другого, относящагося къ этой эпохѣ, они до насъ не дошли. Мы не находимъ свѣдѣній о литературныхъ работахъ І. Горленка ни у біографа его Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка (первое изданіе книжки котораго объ Іоасафѣ вышло въ Кіевѣ въ 1836 году и много разъ повторялось), ни у другихъ авторовъ, писавшихъ о немъ. Въ печати извѣстна только небольшая рѣчь его, говоренная въ присутствіи императрицы Елизаветы Петровны въ С.-Петербургѣ въ 1745 году и напечатанная тогда-же.

При изданіи этого памятника мы 1) замѣнили только произвольное тоговремснное употребленіе прописныхъ буквъ въ словахъ современнымъ, 2) отдѣлили частицы отъ словъ, къ которымъ онѣ примыкаютъ, и 3) посредствомъ тире въ срединѣ словъ означали сокращеніе въ подлинникѣ, гдѣ стоятъ титлы; надстрочныя буквы приняты въ строку. Все остальное, особенно пунктуація, имѣющая тоническій характеръ, строго соблюдено, какъ и неправильное обозначеніе славян. цифрами главъ.

труждающихъся почиваетъ, в благой надеждѣ остаюсь, что и мой сей, хоть малѣйшій, трудъ не будетъ отъ приятія отриновенній. Того ради взявъ дерзновеніе з нижайшимъ моимъ рабскимъ челопреклоненіемъ сей в руки в-шего Преосв-щенства святителски предаю, смиреннѣйше и таяжде приискренно объемь лобизаю, содержащой мя Архипастирской милости во всегда вовѣряю.

В-шего Преос-щенства
нижайшій рабъ и подножіе
Іеромонахъ Іоасафъ Ексамѣнаторъ.

К ЧИТАТЕЛЮ.

Іздревле сей у християнъ, принятъ пребываетъ
Обичай, что другъ друга, в праздник поздравляет
Ав день воскресша Хр-та, прочимъ нееднака
Сего привѣта форма: ибо и признака
Даеться писанка, я, отсюду узявши
Фундаментъ, и тетрадь якъ писанку списавши,
Главами (7) читателя ея поздравляю
Хр-тѣ торжествоват надъ врагомъ желаю,
Рабски же молю, аще кій грѣхъ в ней вънушиши
Любовію той прикривъ, минѣ да простиши.
Ещежь когда начнешъ что, блудній предваряетъ
Недѣлю митаря, нѣсть грѣхъ перо гадаетъ
Какъби лучше повести риѳтмомъ исторію
Обраніи яже прийми, преклоняю вию.

Глава а҃.

Блудній сынъ. Человѣкъ пришлецъ въ свѣтѣ, сей на земли странній
Прохождаше вся окресть, вселеннія страни
Ищуще безсмертия, в временной сей жизни
В немъ хотя положити, часть своей отчизни
И се абіе врагъ нань нападе на пути,
Врагъ хотяще убити, зѣло зѣло лютій;
Онъ же брань с нимъ сотворилъ. Не по своей силѣ
Противъ крипчайша бо ставъ, в немощномъ сій тѣлѣ
З седми грѣхи смертними, началъ воевати
Обаче не возможе плоть духа попрати,

И язвленъ грѣховними прекрѣпко стрѣлами,
Отчаялся живота, изнемоглъ силами,
Призвавши же духъ первій отчаянной жизни
Размишляше же какъ воздат мест за укоризны
Врагу, что ж творитъ совѣтъ таковъ ставит убо,
Стяжу добродѣтели в помощь, и сугубо
Отмщу уранившимъ мя, лицемъ в лице стану
Посѣку враги моя, раною на рану.
Совѣтъ убо сей принявъ, ко силнимъ бѣжаше
Седми добродѣтелемъ, в нихъ ползи искаше
Бѣжаше в страни тия, ляже на востоцѣ
(:Тамо бо на горницѣ, на мѣстѣ висоцѣ,
Живут добродѣтели:) и прибѣгши тамо,
Паде пред нихъ ногами, сѣмо и овамо
Валяяся и жалость свою предлагая
А о помощь прилѣжно силнихъ умоляя.
Дадѣте рекъ ви мнѣ, крипкія богинѣ
Помощь побѣжденному, погибаю нинѣ
Зрѣте мя, человѣкъ естъ, плоть прия от Бога.
Жизни сея тлѣннія, ведетъ мя дорога,
Егдаже богомисля, хощу почивати
(:Когда на пути труденъ начну унивати:)
Тогда врагъ седмъ грѣхъ смертних, на мя набѣгает
Душѣ моей лютіе язвы налагаетъ,
Азъ же безсиленъ дерзнувъ ему противъ стати
И крайню стребивъ силу нѣтъ на що вповати,
Молю убо разоренъ, васъ непобѣдими
Ви станѣте, станѣте на брани со ними.
Сия, дѣви слишаще соболѣзноваху
И за раба Божия к брани начинаху,
Строитися, но прежде посланних послали,
Добродѣтели к Грѣхомъ и тако сказали
Градѣти ви посланци к Западной Царицѣ
Гордости грѣховъ смертних, и рцѣтъ да к велицѣй
Будетъ готова брани, с вои и три стати
Хощемъ бо войну точить, не къ миру пристати

Брани же вину скажѣть: что пришелца странна
Грѣхъ язва Б-жіею рукою созданна
На пути мира сего, и сіе скажѣте,
Къ брани-же день похотѣ, сами изберѣте
Посланніі же указъ приемши идоша,
На западъ к Гордости и пришедши вдадоша
Грамоту и словесно, рѣчъ всю предложили,
Якъ имъ добродѣтели били повелѣли
Бисть же егда се Гордость надменна слишаше
Тогда якъ на полчаса, ничтоже вѣщаше
И не скоро в гнѣвъ сіе, едва сказа слово
К четиредесятници, будетъ все готово.
Посли же возвратившись, воспят обявили
Яко грѣхи к брани срокъ постъ опредѣлили
Убо вси строитися, тщателно начаху.
И дне нарочитого, чаяніемъ ждаху.

Глава ѣ.

Прихождаше же и денъ великъ нарочитий
Воньже обоимъ странамъ, брань бяше точити
И начинаше дѣло, прежде борецъ силній
Знакъ творящи кого ждетъ, вѣнецъ неомилній,
Неделя о митари и фарісеи З Грѣховъ борецъ Фарисей пихою надменній
А зъ противнія страни, бист митаръ смиренній
Сій прежде зъшедшеся показали славу
Послѣдній смиреніемъ, перваго взях главу
Се зрящи добродѣтелъ, начатъ созивати
Отвсюлъ воевъ своихъ, и к брани готовати,
Прежде же назначенна къ оружию часа
Повелѣ воемъ своимъ, не вкушати мяса Масляница.
Чрезъ цѣлую седмицу, чтобъ злегчившись тако
Лучше могли дѣйствоват. Грѣхи же инако
Позволили впиватись и гулять доволи
Въ той конецъ что и въ дѣлѣ, так били весоли,
И такъ чрезъ всю седмицу тую многолюдній
Грѣхъ воевъ своихъ строивъ, цноти же прискудни

Въ воехъ чрезодва толко дни, чрезъ пяток и среду
Строили. Строили же, тако всѣхъ на среду
Поля изведши стали, якъ з лука стрѣляти
О враговъ, и начали ружіо раздавати.
Имена же богинямъ сия дана бяху
Добродѣтелнимъ яже, по чину стояху:

Поклоны начинаются тогда.

Царица. Смиреніе

Благоутробіе	*Цѣломудріе*
Любовъ	*Постъ*
Кротость	*Побожность.*

Егда-же всяка своимъ чини раздаяще
Нижеслѣдующимъ все порядкомъ зрѣть бяше
1. *Смиренія* полчища, сіи вси водили
Иже миръ сей и вся в немъ в суету вмѣнили,
И себе такъ презрѣли, даже не радѣти
И о животѣ своемъ, токмо бъ врага збити,
2. *Благоутробіе* же, чиномъ Іоанна,
Милостива сотвори, старшину избранна,
3. *Цѣломудрія* воевъ, хоръ старцевъ ведоше
Иже не познялъ ест женъ, ниже возжелаше.

Апокал., 4 г.

4. *Любве* же на двѣ части раздѣленни сили
Любви яже къ Богу. Первою мученики частию радѣли
Святъ Димитрій с нимъ еще и Ѳеодоръ славній
Стратилатъ и протчіи, имъ страданми равни,
Второй же части войска, в чини властелина
О немъ же Лука притчу чтетъ Самарянина,
5. *Поста* же мужемъ бяху, тисящники святи
Постници сіи сут такъ легки якъ пернати
6. *Кротости* же войска тремъ мужемъ бяху данна
О ихъ же терпѣніи повѣстъ несказанна.
Іову праведному, Іосифу красну
Іоанну в множествѣ страданій ужасну.
7. *Побожности* же дѣло, се бисть дав часъ брани
Заиграетъ музика и вдарять въ тимпани

Тоей бо ест началство, на ѱалми и лики
Надъ тимпани и пѣвци пѣсней сут елики.
Симъ всѣмъ хорамъ искуєни капелмейстри бяху,
Иже пѣсни слогами, и красно пояху
Іоанъ от Дамаска, с нимъ чти Феофана
Творца каноновъ, причти ж и пѣвца Романа
Тако добродѣлелей вооруженни вои
Всякъ своимъ знаменемъ бих знаменитій в строи
Смиренних воеводи, въ крести одѣянни
Крестъ на персехъ, на крестѣ вервомъ поясанни
В чернихъ плащахъ власянихъ и на главахъ шлеми
Очи покривающи. Мечи глаголеми
Чотки в рукахъ остріи ко сѣчи удобни
Тѣмъ воемъ от всѣхъ полковъ не бяше подобній
Сіи то нарѣчутся и кавалергарди,
Словомъ бо Б-жіимъ зъ устъ бют врага якъ зъ бомбарди
Милостини старшина, полнъ ковчежецъ злата,
Держитъ в рукахъ надежденъ, что вся корист взята,
Будет от врага. Полкъ той зѣло густій бяше
Ибо наемнихъ много в слѣдъ себе вождаше
Иже вси отчай души, на огнѣ дерзновенни
Нищи бо бяху ничимъ необремененни
Чистоти рачители, в бѣлія одежди
Одѣянни крѣпятъся, в такой же надеждѣ
Что врага сотрутъ въ скорѣ, держатъ в рукахъ крини
Вси с радостію войни зъжидаютъ години.
Любви же воеводи, огнемъ горятъ красно
Огнь в устѣхъ, огнь и въ сердцах, все полчище ясно
Постници сухи хлѣби, и води сосуди,
Держать готови мертвит воюющи уди.
Кротціи-же со столпи стоят непорушни,
Сіи ж то во всемъ лисѣ, терпеливодушни.

Глава г.

Тогда и противніи, вопреки начаша
Себе уготовляти и в строи такъ сташа

Царица Гордость

Лакомство	*Блудъ*
Зависть	*Обжирство*
Гнѣвъ	*Лѣность*

1. Прежде же начать *Гордость* такова искати
Кому би своя полки подъ началъ подъдати.
Се абие дияволъ избрався на сію
Власть, и началъ носити вишше неба вию
Протчіи же вси сами, полкомъ предъидяху
Къ воемъ добродѣтели помалу ступаху
Сама идяше Гордость дмущися на преди
Шестерицею коней колесници среди
Сидящи ниже зряше славолюбна камо
Очи бо смѣзи, злата и бисерей тамо
Много на ней висяше, а множесво въ слѣди
Течаше грѣхолюбцевъ, и в кругъ а послѣди
Самъ дияволъ идяше за тими полками,
Зракъ перечерменъ имущій и бѣсовъ тмы тмами
Сама же Гордость зракомъ бяше украшенна
Ланитомъ вложи краску, перси обнаженна
Златій имѣ ланцужокъ, на шіи висящій
Вѣнецъ драгій на главѣ, якъ лямпу свѣтящій
Очи смѣзи а главу на вязахъ держаше
Тако яко конь держит и ввесь образъ бяше
Образъ меска свирѣпа и узду гризуща,
Пляшуща и скачуща и зъ ярости ржуща,
2. Таже *Лакомство* ишла видомъ же толика
Очи имѣ несити; яко пропасть велика
3. Страх драки таковия, и видѣти бяше.
Вслѣдъ же тих заразъ и *Блудъ* премерзкій идяше
Весь въ гноищи проказѣ, скверній и нечистій
Той не могль помѣститись зъ войскомъ на томъ мѣстѣ,
Похотей прелюбодѣй тисящи течаху
Все елико ест скверно, з собою влечаху
4. Еще ж что лютѣйшое, зри, *Зависть* находитъ
Тая въ лютости своей, усѣхъ превосходитъ

Всюду бо окомъ мещет, и что досягаетъ
Толко все якъ несита пропасть пожираетъ
За нею вслѣдъ идяху, богатства и гради
Яже пожре неситства ропщущаго ради,
Идяху бѣдни въ путахъ вси лицемъ смушенни
Лютою работою отъ врага плѣненни
5. Таже и *Гнѣвъ* горящій и очи горѣли
Вси пламенемъ обяти, пламенно смотрѣли
Въ слѣдъ же себе ведяше недалеко свари
Тіи вси лающися идяху по парѣ
6. На концѣ же *Лѣность* бисть слаба поясанна,
Лице въ ей немито, глава нечесанна
Въ рукахъ книги держала, прахомъ притрясенни.
Инніи же моллю и цвѣллю изяденни
И воевъ ея едва, поступали нозѣ,
Сташа на конехъ и спя валяхуся мнози,
7. *А Обжирство* предъ лицемъ всѣхъ полковъ стояло
Ибо войсковой мѣсто музики держало,
Симъ чиномъ сходящимся, знакъ данъ бист трубою
Годѣ: да станут оба вои со собою
Тамъ мощно зрѣти бяше, малу и велику,
Силу врагъ многу имѣ, Цнота нетолику
Зъшедшесяже такъ стали: Лакомства полкъ убо
З Благоутробиемъ ста силою сугубо
Болшій сего же ради и силнѣйшій бяше
Цѣломудріе противъ Блуда ополчаше
У Блуда такъ же войско бяше многолюдно,
В Цѣломудрія же хочъ силно но прискудно
Тѣмъ еще къ нимъ придани, в комлетъ Поста люди
Тіибо силни бяху и легки на труди
Любовь же с Кротостію созади стояху,
Надежда бо в случаи, сіи толко бяху
Егда же прйде время брани о, ужасно!
Побожности велено да взиграет красно
Тогда Побожность зъ лики, ста предъ полков види
Вдару в колоколъ красно, жалостно послѣди.

Вечеръ понеделка 1-й седмицы Св. Поста.

Пѣснь сію со пѣвцами, плачущи спѣваше
Помощнихъ и покровитель въ спасеніе наше
Мнѣ, сей мой Богъ истинній, его и прославлю
Богъ отца моего ест, хвалить не оставлю
Егда же слышахуся в полкахъ сія гласи
Вси радующеся, вси, отложше ужаси
Несяхуся на врага, тако нелѣниво
Поклони. Что акъ падали лицемъ, вси немилостиво—
Къ земли и ащебъ въ такомъ трудѣ не змагали
Знакъ благій бяше яко, врага б звоевали.
Но зрѣть! Какъ въ первомъ разѣ, сами зъ себе зкпили
Добродѣтелей вои, себе бо прелстили.
Бриднею, а врагъ хитрій, знавъ якъ поступити.
Змисливъ чимъ огнь на себе палящъ отвратити
Когда бо прійшло круто, то Обжирство блюда
Изрядних всякихъ потравъ наполнивши всюда
Сластояденіе припадающя в постъ. Постави предъ очима. Сіиже что сѣти
Не зря. Приалчни сущи, кинулись толити
Голодъ найпачежъ постникъ, тогда вража сила,
Росскочившись на двое въдарила на крила
Хочъ же не храбростию ни множествомъ сили
Но множествомъ народнимъ округъ оточили
Добродѣтелей воевъ, и табуръ отвсюду
И в такомъ облеженню зъ сторонъ ни откуду
Не припущая хлѣба, такъ долго держали,
Что припасъ который у обозѣ мали
Уже зъзѣли. Что ж далѣй? Треба гладомъ мерти,
Аще бъ не Богъ умъ далъ, какъ сію пастку стерти,
Суббота 1-й седмицы в нюже почитается памят св. Ѳеодора. Пославъ имъ Ѳеодора, храбра Стратилата
В того обозѣ (:Богъ вѣсть:) где пшеница взята.
Сию убо раздѣливъ, всѣмъ воемъ по части
Казалъ у водѣ варитъ, и кутію ясти,
Такъ голодъ перервавши паки возмужали
И пробившись чрезъ руки сѣтей избѣжали
Тогда паки начали люто ударяти
Огнь за огнемъ на врага отвсюду давати

Надивѣтеся паки щастя перемѣнѣ,
Вразибо вергшесь ослѣпь въ той замѣшанинѣ
Икона Спасителная. Въ баталѣонѣ Любве, короговъ отбили
На ню же вси надежду били положили
На той бо царскій образъ, начертанный бяше
Наньже всякъ якъ на жива Царя воззираше
И аще кто съ вѣрою, нань возрѣвъ умилно
Тому надъ мѣру щастя, служило немилно.
Іконоборство. Сию короговъ врази, поставлше посредѣ
Ругались якъ хотѣли, всякія шкареди,
Видъ изобрѣтая: лукъ напрягши стрѣляли
А инніи повергше безбожно топтали,
Зряше царска лица студъ не зря шиковъ ряду
Вси зъ ревностію верглись, без всякого взгляду
И не щадя живота, бранствовали тако
На многъ часъ за честь царску, преужасно яко
Мученичество за иконы. Земля крови напилась, рѣка бо течаше
По земли и сверху кровъ яко дождь летяше
Найпачежъ вои Любве, такъ храбро дерзали
Себе нещадя образъ Царевъ отбивали
На огнь и на копия, на мечи и стрѣли,
Обнаженними персми дерзосно летѣли
Тамо не бѣ видѣти, своихъ ни чужаго
Убиваше въ тумултѣ свой единъ другаго
Когдаж ничто успѣли, в злую ту годину
Н-д-ля 1-я С. Поста в нюже празднуется возставленіе іконъ. Благій Богъ царска рода, ручого дитину
Сина Ѳеодорина, пославъ Михаила
Той узрѣвъ где корогов сила окружила,
Вража, верглъся напрасно, и пробившись сквозѣ
Войско ругателя хативъ и поверглъ поднозѣ
Вирвавъ короговъ потомъ, воспятъ скочив вскорѣ
Принеслъ в обозъ ко своимъ и возвѣсивъ горѣ
Дольній иконѣ поклонъ, казалъ всѣмъ отдати,
И Царскою яко царя, честю почитати
Егда же къ вечеру бистъ, опочили мало
А скоро ночъ минула и утро свѣтало

Заворушились паки, вои всякъ ко строю
И сталъ единъ со другимъ, лицемъ в лице к бою,
В той часъ добродѣтели, яша знакъ потѣшній
Яко попрани будутъ от праведнихъ грѣшни
Под вождемъ бо лакомства, паде конь на главу
И се в вѣсть имъ бисть, что, от врагов возмут славу
Но и вправду зъ початку, щастя имъ служило
Обаче же при концѣ налѣво скривило,
Богъ ихъ скаравъ, а за чтожъ? умомъ возлетѣли
Високо, въ часъ бо вонже врага силно били.
Не благодаря Богу, за помощъ велику
И несмотря что онъ далъ, побѣду толику
Всякому, но своей все силѣ приписали,
И другъ другаго прозрѣвъ болно укоряли
Свой трудъ и свою службу паче возвишая,
Ближняго же своего, нивочто въмѣняя
За то Богъ ихъ прогнѣванъ, предалъ лютой брани,
Врагъ бо погнавъ и язвивъ раною по ранѣ,
А человѣкъ той тамо, въ обозѣ сидяше
За него же брань сія начаться, и бяше
Ридающи о своемъ таковомъ нещастѣ
Самъ къ себѣ глаголющи въ коей свѣта части
Я скриюсь егда сіи, будутъ побѣжденни,
Вѣмъ всяко что ятъ буду, во пламень геенни.
Се же помишляющу, начаша втѣкати
Вои добродѣтелей кто куда моглъ знати,
Тогда добродѣтелей, грѣхи з поля зъбивши
Въскочили к человѣку в обозъ и вловивши,
Въ плѣнъ послали далеко въ страну свѣта инну
Въ работу тоя страни, люту гражданину.
Чтожъ творять далѣй? уже, сами себѣ ради
Дать не могут оставшись въ скорбѣ безъ отради
Когда-жь в такой горестной зостались кручинѣ
Въ то время нѣктось пришедъ, недавно зъ пустинѣ!
Мужъ честенъ из их же войска, именемъ Григорій
Разсудній и премудрій, и къ совѣту скорій

Н-д-ля 2-я С. Поста в пюже почитается память С. Григорія.

Иже потомъ и пастирь Θессалійской бяше,
Ц-ркви бодръ и ревностенъ (:сей совѣтъ даяше
Нѣтъ что творити болше, токмо писат треба
Къ Царскому Величеству Создателю Неба,
О ратунокъ просячи, ибо еще брани...
Часъ долгій ест а люде, ово страждут рани,
Ово же часть лягла мало уже сили,
Боятися треба чтоб до конца не збили
Сего убо приявши, за благо совѣта
Добродѣтели честну дѣву:) от повѣта
Побожности молитву, къ живущему горѣ
Зъ писаниемъ послали, воскорѣ
Писанну же грамоту, тако бисть читати
Небезъполезно бо есть, и се вѣдать дати,
„Отче небесный, всѣхъ Царю Предвѣчній
Вонми с висоти како необичній
Язви терпять от синовъ Вавилона,
Дщери Сиона
Дщери Сиона, пишут к тебѣ сия
От Тебе просятъ, помощи благія
Не даждь насъ въ сей часъ, врагомъ поруганних
Не даждь попранних.
Нами попранна, да будетъ ихъ глава.
О семъ бо Твоя умножитъся слава
Паки и паки молимтися слезно,
Устрой полезно“.
Се Молитва, приявши ѫалтирѣ на крилѣ
Возсѣде и летяше во поселской силѣ
Егда же зъближашеся, къ небесной столицѣ
Отверзоша небеса, ангелстіи лици
И вшедши во первое небо препочити
Восхотѣ и препочи, и паки летѣти
Начать воскорѣ зѣло, и поспѣшественно
Окружаема чинми зъ всюду мужественно
Оттуду бо несли ю Архангеловъ лики
Въ благолѣпни палати, вишняго Владики,

Тамо убо пришедши, предъ царския врати
Покушашеся прiйти, предъ Царя колькрати
Но не можаше ово, для пѣния гласна,
Ово сияній ради, и свѣта ужасна
Ово яко тми тисящъ, престолъ окружаху
Силъ небо вишних и пѣснь трисвяту спѣваху
Ест ангелъ иже м-л-тву молящихся к Богу приноситъ.
А тогда Сеалѳиилъ гдесь посиланъ бяше,
И уже возвратився, въ дворъ Божій идяше
Узрѣвши же Молитву при вратѣхъ стоящу
Вопроси кую имат нужду настоящу
И извѣстившись яко бисть присланна к Богу
Рече, удержи убо, на малій часъ ногу:
Естъ здѣ Мати Царева, та дерзостна къ Сину
Она земныхъ скорая помощница вину
Ко Ней гряди но прежде, Архангелу требѣ
Гавріилу явится, и Тои о потребѣ
Твоей донесетъ, той Ей тебе и представитъ
Той о всей твоей нуждѣ, подробну обявит
Совокуплся же ликомъ, сказа Гавриилу
Всю подробну Молитвы пришествія силу
Тогда Гавриилъ притекъ къ Молитвѣ и сія
Испитавъ рече добрѣ, но предъ Пресвятія
Дѣвици лице идя, кринъ несій цвѣтущій
Бѣлъ, благовѣщенія, слово глаголющій
Самъ же отиде въ чертогъ, а Молитва крини
Приявши ожидаше, званія години
Потомъ изшедъ, Архангелъ, поманувъ рукою
Сказалъ да грядетъ въ чертогъ тихою ногою
И пришедши Молитва паде на колѣнѣ
Приносящи цѣлаго свѣта Монархинѣ
Гласъ архангельскій въ руцѣ бѣлій подающи
Кринъ благовоненъ, и сей привѣтъ вопиющи:

Прiйми о Мати... о чистая Панно
Дщерей Сионскихъ к Тебѣ мною данно
Сие стебелце благовонно красно
Тебѣ ужасно

От Архангела въ день благовѣщенній
Кринъ въ знакъ Твоего дѣвства освященній
Прійми тойже даръ и отъ мене нинѣ
Твоей рабинѣ
Прійми понесша Бога въ Твоемъ чревѣ
Прійми падшую праматерь при дверѣ
Еву воздвигша о Ево новая
Дѣво святая.

И нача сказовати поселства своего,
Вину сице глаголя до Сина Твоего,
Азъ присланна просити помощи блага
От всѣхъ добродѣтелей дѣва убо сия
Вшявши воста и иде ко Престолу Слави
Окружаема чинми въ кругъ и верху глави,
И абие узрѣвши, единъ предъстоящій
Архангелъ пред престоломъ, возопи гласящи,
О Владико се грядетъ зъ чертога Дѣвица
Къ Тебѣ въссей твари Царю, Мати и Царица
И Тогда Царь воставши Самъ Матеръ стрѣташе
Ангеломъ же радуйся, пѣть повелѣваше
Стрѣтающи же Матерь, цѣлова ю сице
Прійди Ближняя Моя, прійди Голубице
Мати же: се Азъ Раба Твоя о Владико
Труждаю Тебе Моимъ приходомъ велико
Царь же поемь за руку посадо зъ Собою
А Дѣва глаголаше, нинѣ предъ Тобою,
Пролию з прошениемъ глаголи малия
Пролію предъ Тобою прошенія сия
И нача сказовати, смиренно зря долу
О Всесвятій Сине Мой, отъ земного подолу
Прійде Молитва къ Тебѣ, от дщерей присланна
Сионскихъ и да будетъ, предъ Тебе позванна
Тогда Царь повелѣ ю, предъ Себе призвати
А хори вси трисвято, начаша спѣвати
И сіянія далѣ, лучи простирали,
Вси вохода прилѣжно, присланной зъжидали.

Молитва убо дари, жертвы всесожженни
И ѳиміамъ въ кадилах всезлатіих возженній
Приявши въ руцѣ пошла, в царскія палати
И начатъ ко престолу слави приступати
Вѣшедши жь паде предъ престолъ, Владика же слави,
Повелѣ въстат и вѣней же бист присланна справи,
Явитъ тогда м-л-тва, въста и в руцѣ Богу
Писание отдавши, и словесну многу,
Рѣчъ значала распростре, великой той брани
Како и кого ради, от врага попранни,
Царь же вислушавъ рече, да зѣучатся како
Висомудрствовати о себѣ и тако
Милостно приявъ прочеть Себѣ въ руцѣ въданну
Грамоту тайновидцу отдалъ Іоанну;
Іоанну бо всякихъ тайнъ есть власть сія,
И повелѣ отписать стихи таковия:

Не бойсь малое, стадо Мое нинѣ
Завтра предъстану, въ первой дня годинѣ
Тебѣ на помощь, помощь и узриши
Ти побѣдиши.
Ти побѣдиши, горда супостата
Тобою слава, да и глава взята,
Вражия будеть, токмо стой бодренно
Стой мужественно.
Стой мужественно за раба Моего
Храни отъ врага силою твоего
Отца, Азъ же тя въ бѣдѣ не забуду
С тобою буду.

Сия же написавши, даде въ знакъ обѣти
Дари коейжда зъ седми прекрѣпкія щити,
Дадеже и Молитвѣ даръ, перстень на руцѣ
Даде власть сияти ей и крестъ во поруцѣ
Яко не отставится, от нихъ, милость многа,
Пойдеть сила во помощъ на врага от Бога
Крестъ же даде для того, чтобъ в мѣста предѣла
Поставился на мѣстѣ идѣже вся сила

Войскъ стояше и тамъ би поставленъ мижъ ними
Да не скачетъ чрезъ предѣлъ врагъ на нихъ страшними
Ударми, и тако ю Господня десница
Украси якъ бываетъ, на сходѣ денница
Да и болшъ удержанна, била би посланна
Но яко прохождаше близь година данна
Втораго огня, убо, отпусти почтенну
Кресту же повелѣ бит, предъ его несенну
Молитва же припадши ко ногамъ Владики
Лобже десницу, ноги, и плачъ превеликій
Сотвори не терпящи розлуки оттамо
Потомъже поклонпшся, всѣмъ и летѣ прямо
Летяше же так: ангелъ, крестъ несяше преди
Другій же щити данни, несяше посреди
А потомъ и Молитва, благовонна красна
На крилахъ возлежащи архангельских ясна
Летяше скоро скоро, и уже близъ бяше
А добродѣтелей страхъ великъ обдержаше
Мняху что на воздусѣ, въдержалъ на заставѣ
Молитву поднебесній духъ злобній лукавій
Когдажь о семъ смутились, тогда от воздуха
Гласъ от Молитви спущенъ, коснулся их уха
Рекъ радуйтеся убо, вси очи подъяша,
Къ горѣ и видѣша крестъ, Молитву познаша,
И возжегши свѣтила, начаша стрѣтати
Яко бившую в краяхъ небесних прияти
Тщахуся. Ангелъ же крестъ постави посреди
Войскъ обоихъ рукъ, и став, предъ всѣми напреди
Возопи гласомъ крѣпкимъ, о семъ побѣдиши,
Тогда добродѣтели, всю печаль отрѣшши
Стали в первомъ мужествѣ, крѣпки и силни
Мечъ вражій сѣни слабшій, презря и бездѣлній
Егдаже вознесеся, гласъ сей во всѣхъ слухи
Тогда ощутивши то, борителни духи
Избѣгоша видѣти, кто такъ возглашаетъ
Насъ ли то от противних ктось симъ ужасаетъ,

Н-д-ля средная С. Поста в нюже кланяемся честному Кресту.

Узрѣвши жъ Крестъ крикнули, отъ намъ бѣда нинѣ
Бѣжѣте кто къ церквѣ и рцемъ се гординѣ
Уже ми многобѣдни, нетребѣ намъ бяше
Предѣлъ брани покладат, торжество не наше
Не побѣдимъ противныхъ еще бо и брани
Не творимъ а не можемъ зрѣти въ тія страни,
Идѣже знакъ водруженъ, иже нарицаетъ
Людие Крестомъ и тѣмъ себе ограждают.
А понеже поставленъ, сей знакъ между нами
Будемъ и ми утѣкат зъ своими полками,
Сѣтующу так врагу, бяше вѣстникъ данній
От добродѣтелей къ нимъ, зъ вѣстю второй брани,
На утрешній день тоя, недѣли вси убо
Врази приложивши плачъ, ко плачу сугубо
Совѣтъ ставятъ таковій, дадѣмъ рече гласній
Знакъ трубою ко брани, да не ми ужасни,
Явимъ себѣ предъ нашимъ противнимъ послѣди
Пошлемъ к нимъ глаголющи, не хощемь обиди
Вамъ наносит, аще бо и гласъ бисть трубою
Но безъ падежа хощемъ миръ здѣлат с тобою
Тогда всѣмъ своимъ воемъ, изобилно пити,
Даша вина чтобъ въжершись себе изявити
Не возмогли смущенних, и здѣлали тако
Но всуе трудъ о враже, ни так ни инако
Не избѣгнемъ отсюду, гибелъ ти велика
За нами поборяетъ, крѣпкій нашъ Владика,
Аще бо вси виномъ, и весели бяху
Но страхомъ пянѣйшій, сердца унываху
И поселъ посиланний миръ здѣлать хотящій
Не миръ принесе но страхъ, наутри день вящшій,
Егдаже уже слонце на ложѣ лѣгаше
И добродѣтель часу отнюдь не ймѣяше
Убо ангеловъ въ небо начатъ отпускати
З Молитвою пришедших и симъ цѣловати:
Градѣте ви жители небесной столицѣ
Градите неба вишши, ангелстіи лици.

Градѣте служители, престола Владичня,
Градѣте тамо идѣже, всегда пѣснь прилична,
Тройци с-той поется, и молѣте Творца
Да судитъ намъ побѣдит, злаго ратоборца
Цѣлуйте Матерь Свѣта емленних поруку,
Да вознесетъ, молѣте, в крѣпости намъ руку
На плѣнь Вавилонъ; о семъ молимъ умолѣте
Цѣлуемъ васъ сверстници, со миромъ градѣте
Потомъ въ сумракъ субботи, дня крайна ко брани
Когда одѣяшася, звѣздами вся страни
Когда всяка перната, въ гнѣздѣ своемъ стала
Когда вся тварь на земли живуща молчала,
Тогда в крутомъ мятежи, врази не заснули
Сердцемъ тяжкую свою погибель почули
Зане овимъ на радость, а иннимъ ко скорбѣ
Остатній вечеръ той бист, ко утрешней борбѣ.

Глава Г.

Свѣтающой неделѣ, якъ почъ уступила
Тогда сила вражія въ себѣ загримѣла
Гласъ бо трубою бяше, на побудку дано
Къ строю войскамъ предъ всходомъ слонца зѣло рано,
И тимпань обхождаше воевъ всѣхъ намети,
Укрѣпляя ко брани, дряхлія корнети
Вси убо мужественни, страхомъ трепетаху
Небезътрепетно бо бисть, егда помишляху
Часъ той часъ ужасний часъ, коризни илъ стерти.
Сумнящеся силни ли: еще будутъ стерти.
Потомъ же еще паки, послаша едину
Побожпость знати давать, трубою годину
Годину сию вню же всякъ воинъ да ходитъ
Нелѣностно о себѣ, зане брань приходитъ,
Она же возвѣстивши, возвратися паки,
Дондеже устроиться оружиемъ всяки
Во вторій часъ того дне, когда всякъ готовій
Бяше, паки труба бисть да исходятъ з крови

На поле къ строю тогда, вси вси изидоша
И прежде всѣхъ чест Богу, въ пѣснехъ воздадоша
И съ вѣрою ко Кресту Его притѣкаху
К земли кланяющися з страхомъ лобизаху
Начаша жь строитись такъ: зъ воискомъ от востока
Ста Добродѣтель велми мужествомъ висока
А врази от запада, зѣло многолюдни
Обаче малодушни, и ко брани трудни
Полкъ же с полкомъ якъ прежде, в такомъ строи бяше
Кромѣ Побожност з ликомъ предъ лицемъ стояше
Подобнѣ и у грѣховъ, музика зъ начала
Полковъ зъ пѣворѣзами, своимъ клиромъ стала
Обжирство бо то в нихъ бисть, что Побожность тамо
Есть у добродѣтелей, тѣмъ мѣсто онамо
Зъ пятницами сия взят, в нихъ бо то и лици,
Пютъ, поютъ, зѣло шумни пѣвци винопійци,
И уже всѣмъ стоящимъ, въ строй напредъ зшедши
Добродѣтель предъ вои, и въ лице пришедши,
Сицевими глаголи, начать поучати
Ко трудомъ предлежащимъ и такъ увѣщати:
Возмагайте убо нинѣ, ви обои благостини
День бо сей есть вѣнценосній. Намъ радостеи плодоносній
Мати ваша, мати красна. Врагомъ зѣло всѣмъ ужасна,
Винци яже сплѣташе. Чрез вся лѣта готовяше,
Тебѣ даетъ сия, Аще же и злия.
Тебе страшатъ враговъ зраки. Но погибнут скоро паки
Ти воине всесмиренній. Будешъ надъ всѣхъ вознесенній
И ти мужу милостини. Яви свою силу нинѣ
Ти чистото убѣленна. Дѣвства цвѣти украшенна
Стойте крѣпки в брани. Будете вѣнчанни
Вожди любви, огнь любовній Вержи в обозъ той грѣховній
Ти постнику, легкій вою, Возми Кротость со собою
Ударѣте, и спалѣте, Врага въ пепелъ обратѣте
Богъ со вами крѣпкій в брани, Се вамъ и Крестъ въ защит данній
Въ Бозѣ возмагайте, Врага побѣждайте.
Тогда слишащи сия, вси радостни зѣло
Восклицаютъ ко Богу, о крѣпкая сило

Боже царю даждь врага сего побѣдити,
Даждь от смерти твоего раба свободити.
Се абие небеса гласъ сей возгремѣша
Дерзайте побѣдити врага, и вси биша
Тогда тако крѣпціи, яко исполненни
Сия бяху на онихъ, глаголи реченни,
И припоясашася, силою немощни
Врази же биша въ своихъ оружіяхъ тощни
Въ конецъ бо лукъ напряженъ силнихъ изнеможе
Кто Добродѣтель избитъ, возможе никтоже
Изійде и гордине, якъ прежде не тако,
Гордость тогда идяше, а нинѣ инако
Тогда бисть украшенна, златомъ поясанна
А нинѣ и живота, уже отчаянна
И сходит лицемъ смутна, трепещетъ и учитъ
Воевъ не надеждою, но болшъ страхомъ тучит
Воевъ великодушнихъ бити поучаетъ
А сама лицемъ дряхла, сердцемъ унивает.
То видящи и вои начаша втѣкати
Оружіе руками не могут держати,
Словомъ реку якоже во страсѣ бываетъ
Духъ мутящійся духа бодра убиваетъ.

Глава Д.

Симъ чиномъ сошедшимъся, побожности дѣло
Молитву прежде брани, сию вострубило:
Второзаконія глава. Господи мой Господи Ти началъ еси показати Твоему рабу крѣпост Твою, и силу Твою, и руку Твою крѣпкую и мишцу высокую Кто бо ест Богъ на небеси, или на земли, или кто сотворитъ якоже сотворилъ Ти и крѣпость Твоя.
Гласъ сей зѣло укрѣпи на врага вся вои
И начаша палити полчища обоя
Врази въ той часъ узявши дерзост (:обдержими
Страхомъ:) к палбѣ, но крестнимъ, предѣломъ держими
Не бѣгоша къ противнимъ, обаче палили,
От страни мужей гордих, но ничто язвили,

Скольбо тіи гордились, и всѣхъ презирали
Толь сіи смиралися, и себе въмѣняли
Ни вочтоже Гордіи кичились а сіи
Себе злѣ охуждали, тіи убо віи
Возносили на вязахъ, сіи въ землю зрѣли
И тайно молящеся вънутръ слези точили
Не моглъ зъ симъ ничтоже врагъ гордій успѣти
Мусѣлъ тилъ показавши з поля уступити
Многіи же къ смиреннимъ, змѣнили послѣди
Казано полкамъ Любве, огнь дати и всѣдій
На коня с-тъ Ѳеодоръ Стратилатъ зъ полками
Началъ наступать храбро, и палитъ огнями,
Тогда хитръ врагъ далъ хребетъ покол знемагати
Стали въ трудѣ въ той часъ вѣщалъ себе ополчати,
И небезбѣдно било, язвилъ бо хулою
Въ первомъ баталѣонѣ многихъ но малою
Працею далѣ прогнанъ; хулилъ бо елико
Сіи въ любвѣ жарчайшой молились толико
Не успѣлъ врагъ ничтоже, и здѣ, от на вторій
Баталѣонъ Завистю, пустилъ пострѣх скорій
Тая скоро припавши, начала здирати
И все елико зазрѣ, начатъ пожирати
Но вои Любве весма храбро побѣждали
Когда бо сукню драли, и хитонъ давали
Отбѣгши врагъ от Любве скочивъ ко Молитвѣ
И удари въ десній рогъ, убо в той годинѣ
Начаша сіи бити, мижъ очи денъгами
И тако ослѣпиша, яко и ногами
Не тяжко бяше врага, якъ червъ попирати,
И уже поганскія мало бяше знати
Сили. Тѣмъ Добродѣтель желаше скончити
Труди свои и конецъ войнѣ положити
Ибо велми вражія не значна бистъ сила
Но понеже Павлова труба къ ней трубила
Еще неу до крове, противъ Грѣху стасте
Подвизающеся, не, всѣхъ враговъ попрасте

Убо Добродѣтели к трудамъ трудъ прияша
Паки зъ остаткомъ врага, на борбищѣ сташа
Чистіи и постници, и кротци зъ столпами
З нечистимъ обжирнимъ и Гнѣвомъ як з врагами
Своими, тогдажъ то врагъ, наипаче нечистй
Устремися яростно, на весь ихъ полкъ чистій
Тогда то привождаше, на мисль и на очи
Всякій доброзрачній видъ, мужескъ и жоночій
Скольже симъ врагъ ударалъ пострѣломъ жестоко
Столь сіи от зрѣнія, брегли мисль и око
Но прикро напираютъ, сіи очи мулять,
Но бѣда чуть чут уже, сердцу не дошкулят,
И уже близъ налазятъ, сіи отбиваютъ
Вси ко Богу помилуй, вѣрно возиваютъ
Симъ врагу пересѣкли, спѣхъ и побѣдили.
В конецъ натиски его, от себе отбили
И такъ мужественнихъ, никако поправій
Хотяше устрапити, и всякъ видъ сквернавй
Гади, раби испусти, но подъ криновъ сѣни
Подлѣзши все погибе, бѣліи бо крини
Такову имут силу, обжирній убо
Напрасно на постниковъ, огнь даша сугубо
Болшій, не можаше, брухатъ сій ничого
А постникъ легкій воинъ, побѣждавъ премного
И старшина обжирнихъ, страшилище чудно
Ударенъ въ брухъ сухаремъ, живот сконча студно
Наконецъ еще и Гнѣвъ, люто сверѣпѣетъ
Кленетъ биетъ и зубами скрежещет, шалѣет
Якъ песъ бѣшенй, однакъ, торжества нимало
Первие бо у него, способу не стало
Сверѣпит, ниже в кроткихъ терпѣнія сили
Аще бо то кое зло чинил вси терпѣли
Аще той и проклиналъ, то сіи молчали
Аще той въ щоку вдарил, сіи обращали,
Другую, аще инно, терпеливодушни
Стоятъ въ бидѣ якъ столпи вѣтромъ непорушни

Чтожъ когда Гнѣва вои, числомъ умаленни,
Творятъ; внемлѣте вземше велик огнь зъ геенни,
Хотяху всѣхъ сожерти, обаче нитако,
Возможе одолѣти помстився еднако
Едину бо изъ триехъ, имамъ Іоанну
Кротких войскъ воеводѣ, по поясъ въкопанну
Не могль въ нюже засланъ бисть. Та искат повсюду
Послали по пустиняхъ, не мощноль откуду
Провѣдат. Въ такомъ иску, въ глубокой пустинѣ
Нѣякойсь жени найшли, слѣдъ Египтянини
Ей же имя Марія, тимъ слѣдомъ идяху
Дондеже дойшли ея, и егда близъ бяху
Обрящши ея узрѣли. Вслѣдъ видъ человѣчій
И абие вземши бѣгъ скорій як ліотъ птичій
Бѣжаше далѣй от нихъ, а сіи гонили.
Гонящи же Божіимъ именемъ молили
Да станет, слишащи же Божіе Марія
Имя увѣда яко не сут зраки злия
И ста, тогда начаша прилѣжно питати
Кто она таковъ ест, и, не может ли знати
Где плѣнъ горкій, в коей странѣ страждутъ муки
Лютому гражданину попавшися в руки
Мария же отвѣща; что все тое знаю
Тоей страни ищете, где я била чаю
Ибо и я страдала, тамъ многими лѣти
Избавленна же Богомъ от горкой той клѣти
День и нощь скитаюся. Прохожу пустиню
На всякомъ мѣстѣ имамъ безъдомна гостиню
Боюся бо чтоб паки, туда ж неупасти
В руки и чтоб сугубой не терпѣти страсти
Хощете жъ ли слушати? Скажу страна тая
Далеко ест да ктомуж, к ней дорога злая
Небезпечна лежит бо чрезъ смертни предѣли.
Въ той путники неедни, глави положили
Тогда фѣскали вѣсти, о странѣ той взявши
И о пути до нея добрѣ роспитавши.

Н-д-ля 5 С. поставнюже почитается память Прбнія Маріи Египтяни.

Возвращаются къ своимъ, и все предлагают
Что слишали, и трудност пути обявляют
Убо Добродѣтели, приемлютъ совѣти
Какъ би лучше поступит, и что з тимъ чинити
Посилаютъ разъ но вспять, ни посла ни вѣсти
Другій разъ посилают, но все безъ користи
И такъ много кто посланъ, то все без возврата
Туда путь латвій оттолъ замкненіи врата
На послѣдокъ еще разъ щастя съпробовали
Нѣякогось Лазара именемъ, послали.
И той также якъ протчи, тѣмъ путемъ отиде
Возвратно же оттуду, ни онъ, ни вѣсть прйде
Тогда сугуби слези, небо пробиваетъ
Сіи здѣ, той въ неволѣ въ помощь призивают
Премудрости Божія и Божия сили
Тѣмъ яко моляхуся, тако получили
Прислав Богъ Слово свое, от узъ ихъ возвати
Той з Лазара власть смертну начат сокрушати
Суббота Лазорева. Рекъ бо: Лазаре, гряди вонъ изъиде зъ гроба
Бездиханній его-же держала утроба
Чрезъ четири днѣ. Смертняя, инни же застали
Еще въ узахъ бяху бо от Лазара далѣй
За шестъ дней ходу, то зря Смерть себѣ гадаетъ
Кто тако силнѣй мене, моихъ отнимаетъ
Узниковъ от тѣхъ временъ, доумлятся стала
Мусит чтось бит но крайнѣ в томъ не домишляла,
И день отъ дне начала, внутрь себе нудити
И во крѣпости своей, до конца слабѣти
Еще и аду даетъ въ томъ пересторогу
Что стражею укрѣпит, ко себѣ дорогу
Той абие поставилъ всюди караули
Однакъ когда къ нимъ бѣда пришла не почули.
Слово бо Божие сквозь, далѣй прохождаше
Къ плѣннимъ и уже за шест дній од турми бяше
Гдѣ били заключенни. Когдажъ ощутили
Добродѣтели приходъ, его честно стрѣли,

Н-д-ля ваій. Съ вайами от финикъ, путь же постилаху
Ризами и веліимъ гласомъ припѣваху
Осанна, благословенъ грядій въ имя Боже!
Зъ гражданъ же тѣхъ о семъ негодовав никтоже.

Глава 3.

Седмица С. Страстей. Когдажъ прйде наконецъ, смертнія граници
Здѣ трудъ, налучивъ бо двѣ болшіи темници
Къ нимъ же два въходи единъ, близше смертенъ бяше
Симъ смерть людей ловящи, аду отдаваше,
Другій же далѣ, тамъ адъ, живяше неситій
Той души всегда огнемъ обиклъ бѣ томити.
Первій же входъ иже бисть сухореброй смерти
Якъ сѣть на птицу бяше, людямъ не заперти
В пещерѣ власи обречъ, главніи и браду
Полкъ же Любве припавши, огнь свои дав нань ззаду
Крѣпшій нѣжъ гнѣвній въ той часъ, от лица огненна
Часть нѣякась малая, оставшись спасенна,
Хребетъ даде бѣгая, и тайно вътѣкали,
Въ томъ бѣгу на нѣкуюсь, близъ крѣпост напали,
Ей же имя Дружба и, заперлись, тамъ всякій
Взявъ за себе, чтожъ далѣй, трудъ предлежит паки,
Уже бѣда другая, треба доставати
Крѣпости и начали къ стѣпамъ приставляти,
Лѣствици, трудъ же великъ, а ползи нимало
Уже бо и хитрости и ума не стало
Чи лѣствици ставляють, чи по нихъ зъбѣгають
Всю каменемъ зверху бютъ и съ ружя стрѣляют
И ащеби не билъ муръ, имъ отъ Бога данній
По имени Іоаннъ, рукодѣлъ избранній
Трудно било спастись, всѣмъ пришло умрѣти,
Той потщался такъ штучно лѣствицу сложити
Н-д-ля 4 С. Поста вню-же почитается память с. Іоанна Лѣствичника. Что безтрудно всякъ по ней, могль збѣжати вскорѣ
Безбѣдно безпадежно зъ низу земли горѣ
По ней убо въвалившись, внутръ стѣнъ безоглядно
Всѣхъ въ пень мечемъ и огнемъ, плѣнили нещадно

И уже тогда зѣбистся глаголъ сей ѱалмисти,
Мимо идохъ и не бѣ врага на томъ мѣстѣ
Егоже видѣх вѣчера, себе возносяща
Якъ кедри Ливанскія, в народѣх гордяща
Такъ то всегда поспѣшно все дѣло бываетъ
Кому Г-дь во трудѣхъ силно пособляет
Брани же окончанной казали трубити
И зшедшихъся всѣхъ въ купу начали лѣчити
Много паде во брани, воинства толика
Но по щоту воевъ всѣхъ сила невелика
Добродѣтелнымъ малимъ числомъ не можаху
Обрѣтися но многи, немощніи бяху
Пораненних бо бяше сила велми зѣлна,
А вражія воинства, надѣя омилна
Тако бо падоша вси, яко ниединій
Обрѣтеся во живихъ.—О чемъ благостинѣ
Божіей да будетъ честь и слава велика
Хвално имя Господне от нинѣ до вѣка.

Глава є:

Когда врагъ побѣжденній, когда время мирно
Баше, громи уснули, во покои смирно,
Когда армата зъ трудовъ по крикахъ уснула,
Когда уже година злая преминула
Тогда Добродѣтели, прияша совѣта
Въ началѣ Господевѣ возблагодарити
За побѣду по томъ же, зъискать зъ неволѣ
Человѣка и смотрѣт времени оттолѣ
Начали приличнаго, потомъ же избрали,
Въ седмицѣ день четвертокъ ецеж приказали,
Четвергъ великаго канона. Новую пѣснь сложити, на трудъ же толикій
Потщався Андрей Критскій, и сложивъ великій
Канонъ, иже зъшедшеся въ церковъ на всенощно
Спѣвали зъ слезами и трудъ иже немощно
Исчислити въ поклонахъ, обнощь всю творяху
Тако спобѣдившему, благодарствоваху

В утрие же дне рано, совѣтъ сотвориша
Еще Матери Божой, за тож вожделѣша
Дать благодареній, страшной Воеводѣ
Предстателствующой всѣмъ, во всякой пригодѣ
Суббота акаѳиста. Избраша день субботній тоея похвали.
Молитвѣ же паче всѣхъ, сіе приказали
Да ѳимѣамъ въ кадилах будетъ учиненній
И во время подобно, предъ Дѣву возженній
Да принесетъся. Убо времени прешедшу
Дне пятничного, дне же субботну пришедшу
Въ нощъ въ церковъ зъшедшеся предъ образомъ сташа,
Богоматернимъ, и пѣснь сію вси спѣваша:
Возбранной Воеводѣ побѣдителная и протчая.
И протчая такожде стихи воспѣваху
И свѣщамъ предгорящимъ кадило вжигаху
Такъ возблагодариша, Царю и Царицѣ
За побѣду въ пѣніяхъ, и страсѣ велицѣ.

Глава s̄.

По всемъ томъ время пришло возвати зъ неволѣ
Человѣка зань же брань бяше и оттолѣ
Искаху способу какъ, и кого послати
И куда, ибо никто, тоя страни знати
Адовъ же входъ прекрѣпкій, зъ мѣдяними врати
Сквозѣ подвои ланцугомъ, желѣзнимъ пронятй
Тутъ у человѣкъ той бист пришлецъ въ свѣтъ странній
Иже добродѣтелемъ подалъ вину брани
Бо здѣ слово Божіе, пришедъ зрит что трудно
Чтож творит? Поступает умно у разсудно
Видя что смерть лакомша на снѣдь тѣла паче
Неже на душу, адъ же, не такъ но иначе
С: великій пятокъ. Здѣлавъ удицу штучно, всю Кресту подобну
И наткнувъ на ню снѣдь плот свою преподобну
Ангеломъ же повелѣвъ, прилѣжно смотрѣте
Егда смерть изтягнетъся, абие крушѣте

Крестомъ кости и такъ вергъ, удицу въ темницу
Абие истягает смерть зъ дна якъ плотицу
Тогда ангели заразъ, взяли сокрушати
Кости сухие. Самъ же душею сквозь врати,
Адски пробившися, ада побѣждаше
Чрезъ три дни и плѣнника от узъ свобождаше
Когдажь повѣренное, себѣ скончивъ дѣло
Побѣдоносний Воскресенія день. Тогда облекся паки, въ побѣдное тѣло
Тогдажъ радость всемирна, падаются гроби
Адъ отригаетъ плѣнних зъвнутръ своей утроби
Мертвци въстаютъ и ради, другъ другу вѣрщует
Христосъ воскресъ прирекши, и въ уста цѣлуетъ
Инъ воистинну воскресъ, к тому отвѣщаетъ
Гласъ сей любезній по всемъ свѣтѣ прелѣтает
Добродѣтели убо, верхъ Христовъ вѣнчали
Святй и сицевими стихи подзравляли
Здравствуй Побѣдителю, державнѣйшій ада
Здравствуй испразднителю смертоносна яда
Тебѣ отъ вѣка сія корона побѣди
Ждала, прйми убо ю, онъ же к нимъ послѣди
Здравствуйте и ви въ конецъ, грѣха побѣдивши
Радуйтесь седмиглавна, врага сокрушивши
Добродѣтель же въ отвѣтъ: властию Твоею
О Владико весь поспѣхъ в томъ бист не моею
Потомъ начаша молить, чтобъ Богу представилъ
Отцу Своему тлѣнна, и честю прославилъ
Юже имѣ у отца прежде всѣхъ денници
За безъчестіе еже пострада в темници,
Убо радостно къ молбѣ ухо приклоняетъ
На плѣнника утвари, класть повелѣвает
Тогда добродѣтели, человѣка она
Поставиша посредѣ царскаго амбона
И вѣнецъ возложиша, драгій на верхъ глави
Одѣяша в одежду свѣтоносной слави,
И тако провождаху, славно торжественно
Въ слѣди Побѣдителя, округъ мужественно,

Хорами оточивши, Кротость подъ десницу
Держащи провождаше а Постъ подъ шуйцу
Любовь же попредъ лица зъ протчими идяше
Побожность же поющи, з лики окружаше
Егда же уже тако близъ Едема бяху
Яко вси очима нань, ясно зрѣть можаху
Се абие исходитъ Пастиръ добръ овчате
Взискати и своего отецъ отрочате
И узрѣвши текъ скоро, нападе на вию
Лобже въ главу и въ уста, а Побожность сию
Пѣснь воспѣваше, гласно взиваше:
„Г-ди Г-ди сило спасенія моего, осѣнилъ еси надъ главою моею в ден брани“.
Рече же отецъ къ рабомъ, одежду внесѣте
Перву и перстень ему на руку дадѣте
И телецъ заколѣте жирній упитанній
И ядъше веселемъся, зане отчаянній
Синъ мой сей мертвъ бѣ и жив ест и изгиблъ бяше
И обрѣтеся. Паки къ ангеломъ вѣщаше
Радуйтеся о овцѣ, юже обрѣтаю
Погибшую и обрѣть, ко вамъ прилучаю,
Тогда вси вопияху, радостно восклицаху
Не торжествуй Грѣхъ, зъ Смертю, стоите еще мало
Нинѣ васъ вопрошаемъ, гдѣ ти смерте жало
Гдѣ ти Аде побѣда, сие намъ скажѣте:
Якъ приясте студъ на ся, такъ же и держѣте
Богу же побѣдившу буди слава многа
Дайми за побѣду, градѣмъ до чертога
Съ нимъ и идоша въ чертогъ, ко брачной вечерѣ
Божія тварь человѣкъ, и Сиону дщерѣ. Аминь.

Къ читателю стихи окончателніи.

Всякъ убо уже, книгу сию чтеши
О брани молю, да не такъ речеши
Что о нѣкоемъ, сие человѣцѣ
Во прежнемъ вѣцѣ.

Бившемъ писася, ни сіи достойно.
Сотворихъ слово, всякому пристойно
Иже ищеши, безсмертной отчизни
Въ тлѣнной сей жизни.
Обаче врагъ ти путь препинаетъ
Вооруженній, на тя набѣгаетъ
Чтожъ съ нимъ имаши, тако сотворити
Даби избити
Возможешъ крѣпко вооруженъ буди
Прилагай къ трудомъ еще болши труди
Нѣсть бо всякъ силенъ, того побѣждати.
Аще стяжати
Добродѣтели, не вѣсть стяжи всяко
Ихъ так побѣдиш, не можеш инако.
Смиренній Гордость, всегда побѣдиши
Ей низложиши.
Аще ли зависть, на тя набѣгаетъ,
То милостиня сію проганяетъ
Чтож о чистотѣ ангеломъ другиня
Всѣмъ монархиня
Что лучше тебѣ, смотри Іоанна
Дѣвственника кто здѣлавъ же власт данна
На персехъ Бога, при вечерѣ спати
Чистота Мати,
Аще ненависть, к ближнему и Богу
Имаши Любовь, приемши премногу
Еда не вѣси, что Любовъ имѣетъ
Всѣми владѣетъ
Любовь и горы от мѣстъ своихъ движетъ
Любовъ вражду всю, якъ сѣно полижет
Тая и мертвит, тая воскрешаетъ
Всѣмъ обладаетъ.
Аще Обжирство имаше презѣлно
Противній ей Постъ, того не омилно
Призивай к себѣ, врага побѣдиши
И вѣнецъ узриши.

Аще же гнѣвній огнь тя распаляетъ
Кротость имаши яже угашаетъ
Аще би огнь подъ небо палали
Твердь сожигали.
Небесну Кротость, силна угасити
Аще ли Лѣность схощет тя разбити
Но Побожность власть болшу имат колми
Аще и полми
Лѣность разбиет, Побожность исцѣлит
Грѣхъ окаляетъ а Цнота убѣлит
Такъ латво может, врагу одолѣти
И побѣдити
Побѣдивий же, будеши вѣнчанній
И на вечеру, еще будешь званній
Брачную въ чертогъ, ей правду вѣщаю
Зъ сердца желаю.

Сообщилъ В. Горленко.

О разборѣ архива графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.

(Записка М. О. Судіенка).

Во время пребыванія государя императора въ Кіевѣ, въ 1850 г., г. генералъ-губернаторъ всеподданнѣйше докладывалъ Его Величеству, что въ г. Черниговѣ находится архивъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, до сихъ поръ никѣмъ не разобранный, не имѣющій описей и подвергающійся уничтоженію; что учрежденная въ Кіевѣ коммиссія для разбора древнихъ актовъ могла бы заняться разборомъ этого архива, и что предсѣдатель коммиссіи изъявилъ желаніе принять на себя всѣ издержки на доставленіе архива въ г. Кіевъ.

По этому докладу Его Императорское Величество, въ 23 день сентября 1850 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: снестись съ военнымъ министромъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, о передачѣ архива графа Румянцева въ здѣшнюю коммиссію съ тѣмъ, чтобы, по разборкѣ его въ коммиссіи, дѣла военныя были отосланы въ главный штабъ Его Величества, относящіяся къ отечественной исторіи оставлены въ коммиссіи для приготовленія къ изданію, а дѣла по управленію Малороссійскимъ краемъ возвращены для храненія въ архивъ Черниговскаго губернскаго правленія.

Въ исполненіе таковой монаршей воли, послѣ происходившей переписки съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ о передачѣ въ коммиссію архива графа Румянцева-Задунайскаго, а съ г. военнымъ министромъ о назначеніи офицера для участія въ его разборѣ, архивъ этотъ, въ январѣ мѣсяцѣ истекшаго 1852 года, былъ доставленъ въ Кіевъ иждивеніемъ предсѣдателя коммиссіи Судіенко, и, по прибытіи ка-

питана генеральнаго штаба Саковича, въ концѣ марта мѣсяца того-жъ 1852 года, предсѣдатель относился къ членамъ коммиссіи, приглашая ихъ къ разбору упомянутаго архива, но какъ они, по другимъ своимъ занятіямъ служебнымъ, не могли сего исполнить, то предсѣдатель коммиссіи и капитанъ Саковичъ, принявъ съ апрѣля мѣсяца этотъ трудъ на себя, окончили разборъ упомянутаго архива совершенно 2 февраля сего 1853 г.

Десяти-мѣсячный трудъ по разбору архива графа Румянцева-Задунайскаго привелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1. Архивъ по пространству времени заключается между 1712 и 1787 годами.

2. По объему содержитъ 2,901 дѣло.

3. По содержанію обнимаетъ дѣла гражданскаго управленія Малороссіею и дѣла военныя по командованію войсками и военнымъ дѣйствіямъ.

4. Большая часть дѣлъ архива не имѣетъ должной полноты и хронологической послѣдовательности. Многія дѣла въ отрывкахъ, отъ дурнаго сбереженія сгнили или обгорѣли. Утрата дѣлъ болѣе всего должна была послѣдовать отъ пожаровъ тѣхъ зданій, въ которыхъ архивъ складывался и отъ потери при перевозкахъ. При разсмотрѣніи дѣлъ между прочимъ найдено всеподданнѣйшее донесеніе графа Румянцева о пожарѣ въ Глуховѣ 4 августа 1784 года, жертвою котораго была и часть архива военно-походной его канцеляріи.

5. Дѣла съ 1712 по 1757 годъ суть исключительно гражданскаго содержанія; послѣ 1757 года гражданскія и военныя мѣшаются вмѣстѣ: между 1757 и 1775 годами изобиліе на сторонѣ послѣднихъ, а съ 1775 по 1787 опять берутъ перевѣсъ первыя.

6. Дѣла *гражданскаго содержанія* суть слѣдующія. По части исполнительной: приведеніе въ дѣйствіе высочайшихъ указовъ, сенатскихъ и коллегіальныхъ постановленій, преобразованіе управленія Малороссіи, открытіе Малороссійской коллегіи и судовъ, открытіе намѣстничествъ и проч. По части судебной: производство слѣдствій и судовъ надъ преступниками, приведеніе въ исполненіе конфирмацій и проч. По части инспекторской и полицейской: назначеніе къ должностямъ, перемѣщеніе и увольненіе чиновъ, наблюденіе за отправленіемъ благочинія въ краѣ, нарядъ на службу казаковъ, послужные

списки и аттестаты малороссійскихъ чиновъ и проч. По части финансовой и статистической: движеніе суммъ, поступившихъ въ приходъ отъ различныхъ сборовъ, вѣдомости о населеніи городовъ, таксы цѣнности на разные продукты и проч.—Всѣ эти дѣла состоятъ изъ отрывковъ весьма неудовлетворительнаго объема и не представляютъ ничего замѣчательнаго, ни въ историческомъ, ни въ административномъ и статистическомъ отношеніи, и потому будутъ возвращены въ Черниговскій губернскій архивъ.

7. Дѣла *военнаго содержанія* суть мирнаго и военнаго времени. Первыя относятся до командованія, управленія, службы войскъ въ мирное время и ихъ хозяйства; вторыя обнимаютъ распоряженія и сношенія начальниковъ между собою и военныя дѣйствія. Изъ числа всѣхъ этихъ дѣлъ, замѣчательныхъ въ военно-административномъ и военно-историческомъ значеніи оказалось 670. Содержаніе ихъ слѣдующее:

а) Мирнаго времени: журналы исходящимъ предписаніямъ и распоряженіямъ по войскамъ отъ графа Румянцева, по частямъ: инспекторской, строевой, артиллерійской и инженерной, коммиссаріатской и военно-судной; формулярные о службѣ списки войсковыхъ чиновъ украинской дивизіи и другихъ войскъ, бывшихъ въ командованіи гр. Румянцева; семидневныя, мѣсячныя, третныя и годовыя вѣдомости о числительномъ составѣ и перемѣнахъ въ войскахъ; указы правительствующаго сената и военной коллегіи, заключающіе также административныя распоряженія и постановленія, которыя нынѣ отдаются по войскамъ Высочайшими приказами и приказами военнаго министра; переписка командовавшаго до гр. Румянцева войсками на украинской линіи генерала Стрѣшнева съ его подчиненными генералами, о наблюденіи за Крымомъ и татарами, переписка по переформированіямъ и укомплектованію войскъ и проч.

б) Военнаго времени: 1) *семилѣтней войны 1757—1762 г.* переписка главнокомандующихъ: Апраксина, Фермора, Салтыкова и Бутурлина съ начальниками дивизій и отрядными командирами по военнымъ дѣйствіямъ; секретные журналы военныхъ дѣйствій; переписка по Кольбергской экспедиціи гр. Румянцева, реляціи, диспозиціи, и инструкціи, различныя свѣдѣнія и прочіе документы военнаго времени. 2) *Войны конфедератской и 1-й турецкой 1768—1774 г.* Распоряженія гр. Румянцева по усмиренію гайдамаковъ, распоряженія

командующихъ 1-ю арміею кн. Голицына, и 2-ю Румянцева къ расположенію войскъ въ Польшѣ и на границахъ. Отрывки журналовъ о военныхъ дѣйствіяхъ 1-й арміи. Распоряженія Румянцева по вступленіи въ командованіе 1-й арміею послѣ кн. Голицына, къ занятію Молдавіи и Валахіи; отрывки журналовъ военныхъ дѣйствій, журналы частныхъ военныхъ начальниковъ; дѣло о Туртукайскихъ экспедиціяхъ Суворова въ 1773 г.; черновые ордера гр. Румянцева своимъ генераламъ военнаго содержанія, черновыя всеподданнѣйшія донесенія, частная черновая переписка Румянцева съ Обрѣзковымъ, Панинымъ, Бибиковымъ, Войейковымъ, Рѣпнинымъ, Голицынымъ, Безбородко, Вяземскимъ, Потемкинымъ и др. его современниками. Содержаніе писемъ: политическое, военное и дипломатическое. Переписка по ратификаціи Кайнарджійскаго трактата полковника Петерсона. 3-е) *по Крымской экспедиціи 1776—1779 г.*: Наставленія Румянцева начальникамъ войскъ на Кубани, въ Крыму и по всей Турецкой границѣ расположенныхъ, по предмету изготовленія къ походу. Переписка съ кн. Прозоровскимъ по усмиренію бунта въ Крыму и возведеніи Шагинъ-Гирея въ ханы; переписка съ Суворовымъ по отраженію турецкаго десанта и выводу христіанъ изъ Крыму; распоряженія по частямъ: артиллерійской, коммиссаріатской и провіантской; переписка Румянцева съ ханомъ, Стафіевымъ, татарами и другими лицами по крымской экспедиціи. Журналы, веденные въ Крыму кн. Прозоровскимъ и Суворовымъ. Всѣ дѣла этого содержанія отправлены въ Департаментъ генеральнаго штаба военнаго министерства.

Объ окончаніи разбора этого архива донесено 2 февраля сего 1853 г. г. генералъ-адъютанту Бергу за № 32 и г. министру внутреннихъ дѣлъ за № 34.

Предсѣдатель коммиссіи для разбора древнихъ актовъ Михаилъ Судіенко.

Примѣчаніе. Часть документовъ изъ архива гр. Румянцева была сообщена М. О. Судіенкомъ въ собственноручномъ спискѣ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ и напечатана О. М. Бодянскимъ на страницахъ этого изданія (Бумаги, до управленія Малороссіею гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго относящіяся, 1861 г., кн. I; „Архивъ военно-походной канцеляріи гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго“ ч., I, 1767—1769, ibid. 1865, I, 1—270; ч. II, 1770—1774, ibid., II, 1—330; ч. III, 1774—1777,

ibid. 1866, I, 1—274; ч. IV, 1777—1786, ibid. 1875, IV, 1—112; 1876, I, 113—240; II, 241;—294). Въ значительной степени военно-походнымъ архивомъ Румянцева воспользовался П. Саковичъ для своего труда: „Историческій обзоръ дѣятельности гр. Румянцева-Задунайскаго и его сотрудниковъ князя Прозоровскаго, Суворова и Бринка, съ 1775—1780 годъ (Русская Бесѣда 1858, I, с. 1—86; III, 62—151; IV, 173—260)“ а также пользовались и другіе изслѣдователи.

Сообщилъ В. Иконниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДРЕВНІЙ ПОМЯННИКЪ

КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

(конца XV и начала XVI столѣтія).

Сообщилъ С. Т. Голубевъ.

Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры

(конца XV и начала XVI стол.).

Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры,—упоминаніе о коемъ встрѣчается въ одномъ изъ послѣдующихъ помянниковъ той же обители,—очень долгое время считался погибшимъ во время бывшаго въ лаврѣ въ 1718 году пожара, [1]) когда пламенемъ истреблено было, между прочимъ, не мало и книжныхъ сокровищъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ случайно найденъ былъ въ одной изъ лаврскихъ ризницъ. Впервые упоминаніе объ этой находкѣ сдѣлано было нами въ примѣчаніи къ одному изъ документовъ, приложенныхъ къ сочиненію: *Кіевскій митрополитъ П. Могила и его сподвижники*,—гдѣ приведены и нѣкоторыя наиболѣе интересныя выдержки изъ предисловія къ помяннику [2]). Во время преній, происходившихъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца [3]) по вопросу о древнемъ говорѣ Южной Руси и, въ частности, Кіева, означенный помянникъ признанъ былъ письменнымъ памятникомъ, представляющимъ немаловажный матеріалъ для рѣшенія этого спорнаго и доселѣ окончательно нерѣшеннаго вопроса. Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми историческими данными, разсѣянными въ нашемъ помянникѣ, привело къ мысли о благовременности изданія сего помянника въ полномъ объемѣ и притомъ съ соблюденіемъ всѣхъ его орѳографическихъ особенностей,—что въ настоящее время Историческимъ Обществомъ Нестора лѣтописца и выполняется.

---

[1]) Описаніе Кіево-Печер. лавры, изд. 1847 г., стр. 93.

[2]) Т. I., *прилож.* къ докум. № II, стр. 16—19.

[3]) См. „Чтенія въ Ист. Общ. Нест. Лѣт.“, кн. 2-я, стр. 215—218 и слѣд.

Каково филологическое значеніе печатаемаго помянника, судить объ этомъ предоставляемъ спеціалистамъ [1]). Мы же, съ своей стороны, ограничимся нѣсколькими краткими замѣчаніями о значеніи памятника въ отношеніи историческомъ.

Начнемъ съ замѣчаній общихъ.

Число сохранившихся до нашего времени помянниковъ, хотя бо́льшею частію сравнительно уже за позднѣйшее время (XVII и особенно XVIII стол.), довольно велико. Ихъ въ изобиліи мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ нашихъ древнехранилищахъ—Императорской Публичной Библіотекѣ, Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, библіотекахъ нашихъ Духовныхъ Академій, и т. п.; находятся они также (зачастую и не въ одномъ только экземплярѣ) въ библіотекахъ или архивахъ при древнихъ церквахъ и особенно монастыряхъ. Такое обиліе этого рода письменныхъ памятниковъ понятно. Русскіе благочестивые люди часто обращались своими мыслями къ жизни загробной, и заботы о спасеніи своей души, а также душъ лицъ близкихъ къ себѣ, поставляемы были ими на первомъ планѣ. Молитвы за умершихъ, обращеніе съ этой цѣлью къ помощи церкви,—были явленіями столь же частыми и повсемѣстными въ древней Руси, какъ это мы видимъ и въ наше время. Можно сказать даже болѣе: древняя Русь въ этомъ отношеніи опередила Русь новую. На встрѣчу такому благочестивому чувству древне-русскаго человѣка преимущественно шли наши обители. Здѣсь дѣло поминовенія усопшихъ было наиболѣе прочно организовано и всегда отличалось особенною торжественностію. Кромѣ обычныхъ поминовеній за литургіями, въ опредѣленныя времена года, послѣ утрень и вечерень, установлено было „исхожденіе въ притворъ усопшихъ“, гдѣ „надъ кутіею и канонами“, по особому чину, совершаема была литія за умершихъ. Кромѣ того, почти во всѣхъ обителяхъ опредѣленъ былъ нарочитый день въ недѣлѣ, когда въ томъ же „притворѣ усопшихъ“ поминовеніе совершалось по болѣе распространенному

---

[1]) Мы ждали авторитетнаго слова относительно филологическаго значенія помянника отъ извѣстнаго нашего ученаго А. И. Соболевскаго, который обязательно взялъ на себя трудъ просмотрѣть въ корректурныхъ листахъ печатаемый памятникъ и сообщить намъ свои замѣчанія о филологическихъ данныхъ, представляемыхъ имъ. Къ сожалѣнію, другія спѣшныя работы не позволили проф. Соболевскому своевременно сдѣлать эти замѣчанія. Надѣемся, что свое авторитетное слово уважаемый ученый произнесетъ по выходѣ въ свѣтъ нашего изданія.

чину, съ особенною торжественностію, въ присутствіи всей братіи.— Отсюда понятно и выдающееся значеніе въ обителяхъ *помянника, или синодика,*—книги, въ которую заносились имена лицъ, о поминовеніи которыхъ вѣрующіе просили церковь. Книга эта (разныхъ форматовъ, но всегда довольно объемистая) обыкновенно тщательно переплеталась [1]), и веденіе ея поручалось особому, довѣренному отъ монастырской братіи, лицу, при чемъ для послѣдняго съ теченіемъ времени выработаны были и нѣкоторыя инструкціи. Именно: книга должна была вестись тщательно; обращеніе съ нею предлагалось самое бережливое; заносить имена въ помянникъ, безъ вѣдома братіи, строго (подъ карою гнѣва Божія) воспрещалось; долженъ былъ наблюдаться извѣстный распорядокъ въ запесеніи именъ,—т. е. помянникъ какъ бы раздѣлялся на извѣстные отдѣлы: въ однихъ изъ нихъ помѣщались имена лицъ духовныхъ—патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ, и т. д.; въ другихъ—роды княжескіе, боярскіе,

---

[1]) Добавимъ: почти всегда тщательно (уставомъ) и писались.—Нѣкоторые помянники въ началѣ украшались старательно нарисованными и раскрашенными картинками, изображающими кончину праведныхъ и грѣшныхъ людей, сорокодневныя мытарства, проходимыя душею по разлученіи ея отъ тѣла, страшный судъ, и т. п.—Въ началѣ нѣкоторыхъ помянниковъ встрѣчаются и стихи, большею частію заключающіе размышленія о смерти, о необходимости молитвъ церкви за умершихъ, молитвенныя воззванія къ Господу о спасеніи душъ скончавшихся и записанныхъ въ синодики, и т. п. Для образца сдѣлаемъ извлеченіе изъ одного подобнаго стихотворенія, помѣщеннаго въ помянникѣ Кіево-Михайловскаго монастыря (XVII стол.):

О смерти, якъ горка твоя память! . . . . . .
Горька есть, бо милого живота лишаешъ,
Родителей з дѣтми и друговъ роздѣляешъ.
Горка, на оружія гды твои взираемъ:
Рознымн розно рачишъ, слезне вспоминаемъ.
Слѣпая царя, князя и папа не бачишъ,
Наймолодшему з старымъ равно не пробачишъ.
Ушей згола не маешъ, цѣлкомъ есте глуха,—
Такъ ничіи не входятъ вопли въ твоя слуха.
Старого, яко сѣнь изсохшее, косишъ,
Молодого, якъ траву серпомъ жнешъ, въ гробъ вносишъ.
На щожъ кони доѣжда до людей заживаешъ,
Догнала бы пѣшо, трупъ тонко легкій маешъ.
Кто въ дому умираетъ, за тымъ пѣша бродишъ,
Рицеровъ въ полю, конемъ догнавши, угодишъ.
На воиновъ твой и лукъ з стрѣлами уготовала,
Не догнавши ихъ, хижшихъ абысь дострѣляла. . . и т. д.

дворянскіе; далѣе—мѣщанскіе, козацкіе, и т. д.—„Повинность вписуючого (читаемъ въ одномъ изъ монастырскихъ помянниковъ начала XVII стол.) вѣдаті напродъ, если тотъ, который проситъ о уписованье въ поминнікъ, з родомъ своимъ уписоватися хочетъ или безъ роду; если з родомъ, маетъ повѣстися, отколь и прозвиско свое; и если будетъ шляхтичъ, до шляхетскихъ родовъ прилучати; еслижъ мѣщанинъ з мѣстъ (городовъ) тутъ положеныхъ, до мѣщанъ мѣста того и его родъ с прозвискомъ его приложити; если нѣтъ мѣста, з которогося повѣдаетъ, особливе положенного в поминнику томъ, то маешъ, писару, до родовъ з розныхъ мѣстъ родъ его прілучити с прозвискомъ его. Козацкіи особливе маешъ роды. Если не родомъ уписуючійся уписоватися схочетъ, до посполства припиши: если козакъ, до козацкого; если простый, до простыхъ. Такъ тежъ епископа до епископовъ, архимандрита до архимандритовъ, и иныхъ всѣхъ по чину духовного стану“... Дѣлаемы были и другія, болѣе детальныя наставленія завѣдующему помянникомъ, въ родѣ слѣдующихъ: имена должны быть заносимы въ синодикъ въ *винительномъ* падежѣ, но отнюдь не въ *родительномъ* („нѣгды абысь не клалъ... вмѣсто Овдотію, Овдотіи; вмѣсто Мину, Мины; вмѣсто Евву, Еввы,—и иныхъ тымъ подобныхъ, которыи в виновномъ з роднымъ не согласуются“); не прибавлять къ имени словъ: *младенецъ* или *дѣвица* („якъ естъ звычай въ старыхъ поминникахъ“); не вносить именъ, нареченныхъ не при крещеніи, но искаженныхъ или данныхъ при жизни въ насмѣшку („абысь власне имя клалъ, якъ у священохъ стоитъ, а не змытрыченое презъ пещоту любъ презъ жарты“), [1]) и т. д.

Что касается до лицъ, желавшихъ занести въ помянники имена своихъ родственниковъ и знакомыхъ, то имъ предлагались отъ лица монастырскихъ братій напоминанія слѣдующаго характера: „Должні есте вѣдаті, възлюбленніи, что служай жертвенніку, отъ жертвенніка да питается, по Божественному писанію, и нікогда въинствуяй питается оброки своими; и въ ветхомъ завѣтѣ леввите отъ приношенія и жертвъ людскихъ питахуся съ женами и чады своими. Тѣмъже и ваше благовѣріе, кождо отъ вписующихся и вписующихъ, должні

---

[1]) Сунодикъ, албо поминникъ, обители Межгорскія, новоспоряженый повеленіемъ отца Коментарія обители тои игумена, тщаніемъ же и трудомъ клѵриковъ в ней бывшіхъ, в року 1625 (*Рукоп. Кіево-Соф. Собора*, № 374).

есте не туне налагати бремя на выю богомолцевъ вашихъ, но подающе отъ имѣній вашихъ *по возможности* на пропитаніе тѣмъ и одѣяніе. Аще бо в духовныхъ, по Апостолу, причастницы бысте: не паче ли тіи плотскихъ вашихъ причастницы будутъ" [1]).—Что вклады лицъ, желавшихъ внести въ помянники имена своихъ родичей, дѣйствительно, были *доброхотными* даяніями, „ведле преможеня" каждаго,—это, до извѣстной степени, подтверждается разнообразіемъ этихъ вкладовъ. Богатые давали много: нерѣдко записывали монастырямъ цѣлыя села, земельныя угодья, надѣляли церкви обителей роскошною утварью, и т. д. Лица менѣе состоятельныя вносили посильныя жертвы деньгами или же какими-нибудь продуктами—медомъ, воскомъ, житомъ, и т. д. Встрѣчаются въ синодикахъ и такія замѣтки: записанъ „за ручницу" (ружье); далъ „сермягу", „кожухъ", возъ дровъ, сукно, и т. п.

Не смотря на значительное (какъ мы говорили) количество сохранившихся до нашего времени помянниковъ, наши изслѣдователи при своихъ историческихъ изысканіяхъ почти вовсе (исключенія весьма рѣдки) не обращаются къ этого рода письменнымъ памятникамъ, очевидно считая ихъ матеріаломъ для себя мало пригоднымъ. Такой взглядъ на помянники, какъ историческій матеріалъ, не несправедливъ, мы здѣсь встрѣчаемъ почти одни голыя имена, и хотя они зачастую и пріурочиваются къ тѣмъ или другимъ фамиліямъ, но прослѣдить по нимъ генеалогію этихъ фамилій—дѣло иногда положительно невозможное и, во всякомъ случаѣ, требующее кропотливой работы, большихъ историческихъ свѣдѣній и крайне тщательной критики. Тѣмъ не менѣе уже и въ этомъ отношеніи помянники въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ оказывать историку немаловажныя услуги, въ особенности если нѣкоторыя записанныя въ нихъ имена сопровождаются (что хотя не часто, но все-таки случается) какими либо краткими замѣчаніями, въ которыхъ обозначаются, наприм., время кончины лицъ умершихъ; мѣсто погребенія; продолжительность ихъ жизни; услуги, оказанныя ими церкви и отечеству; родственныя отношенія къ лицу, по просьбѣ котораго они заносятся въ помянникъ, и. т. д. Кромѣ того, въ синодикахъ встрѣчаются иногда краткія замѣтки какъ-бы и лѣтописнаго характера, напримѣръ,—о повѣтріяхъ, сви-

[1]) Ibid.

рѣпствовавшихъ въ извѣстное время въ той или другой мѣстности и вызвавшихъ большую смертность; о набѣгахъ непріятелей, сопровождавшихся человѣческими жертвами (избіеніемъ жителей), и т. п. Особенно довольно цѣнныя свѣдѣнія встрѣчаются иногда въ *предисловіяхъ*, которыми снабжались очень многіе помянники. Здѣсь находится нерѣдко упоминаніе объ обстоятельствахъ, при которыхъ былъ заведенъ помянникъ, о настоятеляхъ того времени; а иногда сообщаются и историческія свѣдѣнія о самыхъ обителяхъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько подобныхъ разнородныхъ замѣчаній, встрѣчающихся въ помянникахъ.

1. „Року 1622, апрѣля 10 дня, благочестивый мужъ панъ Петръ Конашевич Сагайдачный, гетманъ войска его кр. мл. Запорозкого, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугах и звытязствах, на ложи своем простеръ нозѣ свои, приложися къ отцемъ своим, съ добрим исповѣданіемъ, исполненъ благих дѣл и милостыни, в Кіеве. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте, на Подолѣ, въ дому братства церковного“.

2. „Родъ преосвященнаго митрополита Петра Могилы, воеводича земли Молдовлахійской, архимандрита печерскаго, іже церковь соборную святой Софіи, подъ унѣятами до чтиридесяти лѣтъ бывшую, тщаніемъ своимъ по благочестію паки отискавъ и падшую зѣло своимъ промысломъ и великимъ иждивеніемъ воздвиже и благолѣпно украси; такожде монастырь Выдубицкій и церковь святого Спаса въ Печерскомъ; многоже о благочестіи потрудився и церкви многа полезная оставивъ, во вѣчный животъ приставися въ лѣто отъ Рождества Христова 1647, мѣсяца януаріа 1 дня“.

3. „Родъ Іоанна Матѳеевича Борецкого и жены его Никифоры Ѳедоровны Чеховичевны.—Помяни Господи души усопшихъ рабъ своихъ: Стефана, Григорія, Ѳеодора“...—и проч. „Дѣвицы Феодоры, дщери Іоанна Борецкого, яже преставися в лѣто 1615, марта 25, в суботу, маючи недель 19 отъ рождества своего, на четвертокъ день рожденія“.

4. „Родъ пана Богдана Хмѣльницкаго, гетмана войска Запорозского, покрывшаго медю и позлатившаго верхъ церкви святого Архистратига Михаила, року 1655“.

5. „Родъ его милости пана Іоанна Мировича, полковника переясловского, взятого въ неволю шведскую на службѣ его царскаго пресветлаго величества, въ тотъ часъ будучого въ союзѣ съ королев-

скимъ величествомъ, на пороль короля шведскаго въ осадѣ Ляховицкой, въ панствѣ Корони Польской, року 1706, мѣсяца мая 1 дня. Которій, запроваженный за море до мѣста Тоттенбурну зо всѣмъ полкомъ и тамъ въ великой нуждѣ многіе скорби терпячи, скончался въ день святыя великомученицы Варвары и похороненъ есть тамъ же подъ зборищемъ лютерскимъ отъ своихъ полчанъ съпленниковъ".

6. „Року 1710. Попущеніемъ Божіимъ бѣ губительное моровое повѣтріе въ Кіевѣ и въ окрестныхъ городахъ многихъ, по обу стронъ Днѣпра; многіе до сто тисущъ въ градѣ Кіевѣ умроша; такожде и въ всѣхъ обителяхъ мужескихъ и женскихъ многи умроша, едина точію святая обитель Свято-Михайловска-Золоверхая кіевская пребысть цѣла и невреждена, яко ни единому монаху, ниже послушнику въ ней и въ приписной обители пустинской свято-Онуфринской Липницкой умрѣти. Тогожде року бѣ саранча велія и тяжкая зѣло повсюду, но и та въ обители Свято-Михайловской единой точію не бѣ; въ Кіевѣ же верхнемъ и нижнемъ много и долго пребысть. Се же все бысть благодатіею Божіею, молитвами Пресвятыя Дѣвы Богородици, въ іконѣ Новодворской тамо присутствующей и чудодѣйствующей, заступленіемъ святаго Архистратига Христова Михаила и всѣхъ святыхъ Ангелъ, представительствомъ святыя Великомученицы Варвары, нетлѣнно тѣломъ тамъ почивающей" [1]).

Если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ подобныхъ замѣтокъ, встрѣчающихся въ помянникахъ, представляютъ иногда *единственный* источникъ, откуда узнаемъ о томъ или другомъ историческомъ фактѣ,—то нельзя не признать, что мнѣніе о *крайней скудости* этого рода письменныхъ памятниковъ, въ смыслѣ матеріала историческаго, должно быть принято съ извѣстными ограниченіями.

Обращаемся къ издаваемому нами древнему Лаврскому помяннику.

По внѣшнему виду онъ представляетъ довольно объемистую, писанную на толстой бумагѣ и снабженную кожанымъ (повидимому современнымъ заведенію помянника) переплетомъ книгу in-8; всѣхъ листовъ въ ней (ненумерованныхъ) 266; изъ нихъ почти 8 л.л. занимаетъ преди-

---

[1]) Приведенныя выдержки сдѣланы изъ помянниковъ (XVIII ст.) Кіево-Печерскаго и Кіево-Златоверхо-Михайловскаго.

словіе; 215 л.л. исписаны именами, занесенными для поминовенія; около 44 л.л. остаются чистыми.—Почти половина помянника (первые 126 л.л.), за весьма немногими позднѣйшими вставками именъ) писана очень старательно уставомъ, одною рукою; остальная половина писана разными (многими) лицами, и хотя тоже уставомъ, но съ меньшею тщательностію.

Время, къ которому относится заведеніе разсматриваемаго помянника, довольно опредѣленно указывается въ предисловіи къ нему. Здѣсь говорится, что во время нашествія на Кіевъ „безбожнаго царя Менкирѣя с поганными агоряны“ Кіево-Печерская обитель подверглась опустошенію, при чемъ всѣ святыя книги и иконы (а въ томъ числѣ и помянникъ, по отношенію къ нашему древнѣйшій) были сожжены. Монастырская братія частію разбѣжалась, частію отведена была въ плѣнъ. Но „по дняхъ нѣколикихъ“—разсказываетъ составитель предисловія—„мы, изъ ихъ поганьства изшедше, паки начахомъ имена писати, ихже помняще, еже исперва написаны быша“. Это возобновленіе помяннника относится, по словамъ того же предисловія, ко времени настоятельства въ обители архимандрита *Ѳеодосія Войниловича*: „а сіи уставъ“—читаемъ здѣсь—„написахомъ по повеленію господина и отца нашего и пастыря архимандрита печерскаго *Ѳеодосія* (на поляхъ и сверху: *Войниловича*) и еже о Христѣ брати старцевъ“... и проч.—Такъ какъ нашествіе на Кіевъ крымскаго хана Менгли-Гирея случилось осенью 1482 года, а настоятельство Ѳеодосія Войниловича въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ продолжалась не далѣе конца 90-хъ годовъ XV стол.,—то этими данными начало (заведеніе) нашего помянника пріурочивается приблизительно къ 1483—90 гг.

Когда прекращено было занесеніе въ разсматриваемый помянникъ именъ для поминовенія и онъ замѣненъ былъ новымъ синодикомъ?

Думаемъ, что въ самомъ началѣ второй четверти XVI столѣтія.

Безъ сомнѣнія, преимущественное право на внесеніе въ помянникъ Кіево-Печерскаго монастыря имѣли *настоятели сей обители*. Дѣйствительно, инокъ, которому поручено было Ѳеодосіемъ Войниловичемъ возобновленіе Лаврскаго помянника, внесъ въ него, подъ рубрикою: *архимандриты печерскіе*,—всѣхъ (за исключеніемъ только одного Никифора I) кіево-печерскихъ архимандритовъ, начиная съ Іоанна II, жившаго въ концѣ XIII столѣтія, и кончая предмѣстникомъ Ѳеодосія—

Іоасафомъ. Впослѣдствіи тотъ же инокъ, а затѣмъ и другія лица, имѣвшія въ своемъ вѣдѣніи помянникъ, постепенно вписывали въ него имена умиравшихъ настоятелей своей обители. Но занесено послѣднихъ въ нашъ помянникъ число очень ограниченное: всего, съ Ѳеодосіемъ Войниловичемъ во главѣ, пять именъ: *Ѳеодосій, Филаретъ, Ѳеодосій, Сильвестръ и Вассіанъ.* Этотъ послѣдній скончался не позже 2-го десятилѣтія XVI в.; а такъ какъ преемниковъ его въ разсматриваемомъ помянникѣ не находимъ, то, очевидно, при одномъ изъ этихъ ближайшихъ преемниковъ, слѣдовательно не позже 3-го десятилѣтія XVI вѣка въ Кіево-печерской обители заведенъ былъ уже новый синодикъ. Это предположеніе оправдывается и внимательнымъ просмотромъ нашего помянника во *всемъ его объемѣ*: даже въ конечныхъ частяхъ рукописи мы *не встрѣчаемъ занесенными* для поминовенія извѣстныхъ историческихъ лицъ, скончавшихся въ 30-хъ годахъ XVI столѣтія, несмотря на то, что родичи (роды) ихъ нашли здѣсь мѣсто.—Для болѣе же опредѣленнаго обозначенія времени, когда нашъ помянникъ замѣненъ былъ другимъ, могутъ служить слѣдующія, находящіяся почти въ самомъ концѣ его, замѣтки: 1) *какъ архимандритъ Антоній пріехалъ* (стр. 84), и 2) *Никонъ полату* (взялъ) *на сошествіе Св. Духа 24 мая.* Извѣстно, что Антоній два раза вступалъ на Кіево-печерскую архимандрію,—причемъ первое его вступленіе относится къ 1524 году, а вторичное къ 1526-му. Въ первой половинѣ XVI стол. праздникъ Сошествія Св. Духа случался 24 мая всего *три раза*,—именно въ годахъ—1511, *1526* и 1541. Въ виду всѣхъ вышеуказанныхъ данныхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ приведенной замѣткѣ рѣчь идетъ о днѣ Св. Духа во второмъ изъ поименованныхъ годовъ, т. е. въ 1526-мъ.

Такимъ образомъ, разсматриваемый нами помянникъ по времени его составленія относится приблизительно къ 1483—1526 гг. [1]).

---

[1]) Что самое начало второй четверти XVI столѣтія было временемъ замѣны нашего помянника новымъ,—это вполнѣ подтверждаетъ и сохранившійся въ Лаврѣ синодикъ XVI в., *непосредственно* заведенный послѣ разсматриваемаго нами. Здѣсь занесеніе новыхъ именъ начинается съ начала второй половины означеннаго столѣтія,—какъ, наприм., это можно видѣть изъ слѣдующихъ замѣтокъ: а) *почалъ октября 20, индикта 1*; б) *На в Кіевъ пріехалъ, отца Константина хоронилъ, 7039 (1630 г.) сен. 24.* Такъ какъ первая замѣтка помѣщена ранѣе второй (впередъ на 6 листовъ), а первый индиктъ (въ октябрѣ) въ первой половинѣ XVI столѣтія падаетъ на годы 1512, *1527* и 1542,—то очевидно, что означенная замѣтка относится къ *1527 году.*

Первое, что бросается въ глаза даже при поверхностномъ разсмотрѣніи издаваемаго памятника,—это громадное количество занесенныхъ въ него для поминовенія именъ и при томъ въ большинствѣ случаевъ принадлежавшихъ къ знатнымъ княжескимъ и дворянскимъ фамиліямъ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ громаднымъ религіозно-нравственнымъ значеніемъ, которымъ искони пользовалась въ средѣ русскаго народа Кіево-печерская обитель. Слава о ней гремѣла по всей Россіи и привлекала сюда множество богомольцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Послѣ смерти быть похороненнымъ въ святой обители составляло завѣтное желаніе многихъ, и лица состоятельныя, иногда не взирая на свою отдаленность отъ Кіева, имѣли въ лаврѣ собственные (фамильные) склепы. Разумѣется, большинство умершихъ лицъ, принадлежавшихъ къ этимъ фамиліямъ, заносилось въ лаврскіе синодики. Но если далеко не для всѣхъ, желавшихъ успокоить свое бренное тѣло въ нѣдрахъ св. обители, это могло быть дѣломъ исполнимымъ,— то лаврскіе помянники, для включенія въ нихъ съ цѣлію поминовенія именъ, *всѣмъ* радушно были открываемы, и естественно, что они наполнялись быстрѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ.

Сказанное приводитъ насъ и къ другому замѣчанію,—именно, что тѣми большими матеріальными средствами, какими, несмотря на довольно частыя опустошенія, Кіево-Печерская лавра располагала къ концу XVI стол., она въ значительной степени обязана была своимъ синодикамъ. Каждый, заносившій въ нихъ своихъ родичей для поминовенія, памятовалъ, что „служай жертвеннику, отъ жертвенника питается“, и потому вносилъ посильную жертву „жрецамъ“. Эти доброхотныя даянія, начиная отъ малыхъ лептъ, достигали иногда и очень крупныхъ вкладовъ,—вкладовъ цѣлыми помѣстьями. Объ этихъ жертвахъ (малыхъ и великихъ) находятся иногда указанія въ самыхъ помянникахъ. Такъ въ издаваемомъ помянникѣ читаемъ: „*Пани Олена Кичкиревая уписала въ домъ Пречистои выслугу пана своего селище Брылевщину Новоселкы, въ Житомірскомъ повѣте, а за то уписала пана своего, и себе, и родъ свой, 6 душъ* (см. стр. 42); *сіи души старица Оленинаа вписала за имѣнье Коилово* (стр. 87); *С Путивля сотникова жена Хотьньского Нельша вписала родъ свой, 11 душъ, а за тыи души имать давати з году на годъ по кади меду* (стр. 39); *С Путивля, с Лопатина, вписалъ Яковъ Климовичъ отца и*

матерь свою, а за ты души имаетъ давати з году на годъ по кади меду (ibid); *Родъ игумена Троицкого Симеона, а вписанъ за уставъ за харатійный* (стр. 68); *Сихъ пять душъ за ручницу вписалъ*" (стр. 72), [1]) и т. д. И хотя подобныя указанія въ помянникахъ сравнительно рѣдки, это отнюдь не доказываетъ, что остальныя имена въ нихъ внесены безъ доброхотныхъ даяній. Во-первыхъ, послѣднее лицемъ, ведущимъ помянникъ, само собой подразумѣвалось (слѣдовательно, на замѣтки относительно сего должно смотрѣть, какъ на случаи исключительные); а во-вторыхъ, касательно крупныхъ пожертвованій за поминовеніе составлялись особые акты, имѣвшіе юридическое значеніе и естественно не находившіе для себя мѣста въ помянникахъ. Что такіе акты дѣйствительно существовали, объ этомъ свѣдѣнія сохранились частію уже въ обнародованныхъ документахъ, а частію находящихся еще въ рукописяхъ. Для примѣра укажемъ „на листъ пани Григорьевое Обуховны (1508 г.), которымъ записуетъ на монастырь Печерскій у Виточеве три озера по души пана своего Григорія Обуховича: одно на имя Поповское, а другое Сосновское, а третіе Галичское" (*Археол. сборникъ докум., относящихся къ Съверо-Зап. Руси, т. II.*). Подобные акты составлялись даже по поводу сравнительно незначительныхъ пожертвованій. Мы имѣемъ подъ руками еще неизвѣстный въ печати листъ на копу грошей, данный Печерскому монастырю,—какъ значится въ заглавіи,—при архимандритѣ Ѳеодосіи (1498 г., ноября 21). „Я Семенъ Сколковъ—читаемъ здѣсь,—по повеленію господина отца моего, вписалъ есми въ домъ Пречистой Богоматери Печерскому монастырю родители наши: Іоанна, Артемія, Анну, Ефрема, Селивестра, Александра, Бориса, Ѳеодосію, Евпраксію, Іоанна; а записалъ есми на своемъ имѣніи въ домъ Пречистой; въ годъ же копу гроши взять въ Моисиповичахъ, а въ Лѣсникахъ, при моемъ животѣ и послѣ моего живота, кто иметь тыи имѣнія держати, а съ тыхъ имѣній маетъ тую копу гроши давати на Воведеніе Святыя Богородицы; а хто сію грамоту мою порушитъ родителей моихъ,

[1]) Какъ матеріально разнообразны были мелкія жертвы за поминовеніе, это особенно видно изъ упомянутаго нами Лаврскаго синодика XVI стол. Здѣсь относительно пожертвованій встрѣчаемъ такія, напр., замѣтки: *сіи четыре души за 4 сермяги; сіи две души за котелъ; за 60 локоть полотна; за масло; уписалъ семь душъ, за то далъ две мисе циновыхъ, а ложку сребренную; уписаны за скатерть и полотно; за коня; сіи двѣ души за сукно сермяжное; за шубы 6 душъ; за Евангеліе; за Студитъ книгу 4 души* и т. д.

кто или панъ, иншіи хто, тому судитъ Богъ и Святая Богородица во второе и страшное Христово пришествіе" и т. д. [1])—(Родъ Семена Сколкова помѣщенъ въ нашемъ изданіи на стр. 24. Слѣдуетъ отмѣтить, что имена здѣсь расположены въ томъ же порядкѣ, какъ видимъ ихъ и въ помѣщенномъ извлеченіи изъ документа) [2]).

Относительно именъ, занесенныхъ въ нашъ помянникъ, должно замѣтить слѣдующее. Тѣ правила, „постерегати" которыя—какъ мы видѣли—предлагалось „писареви" Межигорскаго синодика 1625 г.,—въ издаваемомъ нами помянникѣ не всегда строго соблюдались. Имена умершихъ заносились всегда „въ виновномъ падежи" только первымъ по времени „писаремъ" нашего помянника; его же преемники по этой обязанности нерѣдко это правило нарушали (см. стр. 51, 53, 54 и слѣд.). Затѣмъ не всегда заносились въ помянникъ собственныя имена, какъ онѣ значатся въ святцахъ. Такъ мы встрѣчаемъ между поминаемыми: *Дабижива* (15 стр.), *Жихоря*, *Батуру* (27 стр.), *Ходыку* и т. д. Впрочемъ, подобное занесеніе въ синодикъ нѣкоторыхъ (немногихъ) лицъ по фамиліямъ объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что христіанскія имена умершихъ для желавшихъ ихъ помянуть оставались неизвѣстными,—на что есть указаніе въ самомъ помянникѣ. Такъ, включивъ въ него *Жихоря* и *Батуру*, писецъ дѣлаетъ на поляхъ такое замѣчаніе: *Батура не вьдаютъ имъ имень, а колися довѣдаютъ, тогды ихъ упишутъ* (27 стр.). Довольно много именъ искаженныхъ произношеніемъ, напр: *Иосихвъ* (44), *Есифъ* (47)—вмѣсто *Іосифъ*; *Трухонъ* (46 и др.)—вмѣсто *Трифонъ*; *Онъцифоръ* (49 и др.)—вмѣсто *Онисифоръ*, и т. д.—нашли себѣ мѣсто въ помянникѣ, надо полагать, потому, что съ такимъ говоромъ они передавались писцу (можетъ быть, на письменныхъ замѣткахъ). То же должно сказать и относительно именъ ласкательныхъ (напр. *Оносія*, *Ганя*), и вообще „змыстрыченыхъ" (*Евлашка*).

---

[1]) Рукоп. Лаврской библіот., содержащая копіи древнихъ документовъ.

[2]) Безъ сомнѣнія, родъ Семена Сколкова, занесенный въ помянникъ, ограничивается здѣсь только тѣми именами, какія значатся въ его „листѣ"; между тѣмъ подъ рубрикою этого рода, кромѣ означенныхъ именъ, помѣщено множество и другихъ,—обстоятельство, показывающее, съ какою осторожностію должно относиться къ размѣрамъ родовыхъ рубрикъ помянниковъ.

Что касается до *историческихъ данныхъ*, имѣющихъ характеръ новизны, то въ этомъ отношеніи издаваемый нами помянникъ скуднѣе нѣкоторыхъ однородныхъ съ нимъ памятниковъ позднѣйшаго времени (XVII стол.); такъ какъ въ немъ *вставочныхъ* замѣчаній гораздо менѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. Но кое-что немногое можетъ дать нашъ помянникъ и въ указанномъ отношеніи. Не поставляя своею задачею штудировать съ этою цѣлію весь издаваемый памятникъ, мы отмѣтимъ нѣкоторыя данныя, непосредственно нами замѣченныя.

а) Въ ряду именъ митрополитовъ вслѣдъ за Герасимомъ было первымъ писцемъ написано: *Исидора*; но затѣмъ имя это было выскоблено (читается, впрочемъ, свободно) и замѣнено именемъ—*Алексѣя*. Далѣе между именами великихъ князей было первымъ писцемъ написано: *князя великаго Витовта, нареченнаго въ святомъ крещеніи Александра*,—что впослѣдствіи тоже было выскоблено. Занесеніе въ концѣ XV столѣтія въ Кіево-Печерскій помянникъ вышеозначенныхъ лицъ, въ особенности же митрополита Исидора, какъ извѣстно, измѣнившаго православію, принявшаго на Флорентинскомъ соборѣ унію и пытавшагося ввести ее въ Россіи (и первѣе всѣго юго-западной),—фактъ далеко не безынтересный для изслѣдователя и не можетъ быть обойденъ при разсмотрѣніи вопросовъ—о попыткѣ ввести въ XV стол. унію въ юго-западной Россіи, объ отношеніи къ этой попыткѣ южно-русскаго духовенства, въ особенности при рѣшеніи доселѣ спорнаго вопроса о пресловутой грамотѣ кіевскаго митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV (1476 г.). Что касается до уничтоженія въ помянникѣ вышеозначенныхъ именъ *Исидора* и *Витовта*,—то оно, по всей вѣроятности, случилось въ концѣ XVI стол., когда религіозный вопросъ, вслѣдствіе латино-уніатской пропаганды, принялъ жгучій характеръ, и ревнители православія къ историческимъ фактамъ прошлаго стали относится сознательнѣе.

б) Отдѣлъ о Кіево-печерскихъ архимандритахъ въ помянникѣ, какъ мы видѣли, заканчиваютъ слѣдующія пять именъ: *Ѳеодосій, Филаретъ, Ѳеодосій, Селивестръ* и *Вассіанъ*. Первый Ѳеодосій извѣстенъ: это *Ѳеодосій Войниловичъ*, при которомъ заведенъ былъ нашъ помянникъ. Извѣстны также и *Филаретъ, Сильвестръ, Вассіанъ*. Но *Ѳеодосій II*, отличаемый въ помянникѣ отъ Войниловича и поставляемый здѣсь между Филаретомъ и Сильвестромъ, во всѣхъ перечняхъ Кіево-

печерскихъ архимандритовъ опускается. Такимъ образомъ, нашъ помянникъ сообщаетъ имя новаго, до послѣдняго времени неизвѣстнаго, Кіево-печерскаго архимандрита съ приблизительнымъ обозначеніемъ времени, куда онъ долженъ быть относимъ (къ нач. XVI стол.), и это указаніе помянника безспорно имѣетъ значеніе *современнаго историческаго свидѣтельства.*

в) Въ помянникѣ (см. стр. 43) помѣщенъ „родъ пана Романа Елизаровича, *воеводы кіевскаго*". Въ перечнѣ правителей города Кіева мы въ числѣ кіевскихъ воеводъ не встрѣчаемъ *Елизаровича.* Помянникъ такимъ образомъ восполняетъ означенный перечень (Р. Елизаровичъ долженъ быть поставленъ непосредственно за княземъ Димитріемъ Путятичемъ, конца XVI в.).

Можно встрѣтить въ издаваемомъ помянникѣ упоминанія и о другихъ лицахъ, занимавшихъ болѣе или менѣе важные посты и доселѣ неизвѣстныхъ по другимъ источникамъ (напр. о туровскомъ и пинскомъ епископѣ Давидѣ, конца XVI в.; о кіево-выдубицкомъ игуменѣ Евстафіи, нач. XVI в., и друг.). Есть упоминанія о дворянскихъ фамиліяхъ, извѣстій о которыхъ въ другихъ памятникахъ не находится, и т. п.

Впрочемъ, изданіе настоящаго помянника, повторяемъ, обусловливалось значеніемъ его не историческимъ, но филологическимъ.

С. Голубевъ.

ПОМИНАНІЄ.

Прес҃тыа҆ влч҃ца нашеѧ бц҃ѧ и҆ прⷭ҇ѡ дв҃ы мр҃іѧ. и҆ преп҃бны҆ и҆ бг҃ѡносны҆ ѡ҆ц҃ь наши҆ пе҃рьскы҆, а҆нтѡніа и҆ ѳеѡдосіа и҆ всѣ҆ ст҃ыхъ печерьскы҆.

Сіа книга сп҃сителна и҆ дш҃е полезна є҆сть. внеиже написоуютсѧ. хотѧщеи дш҃амъ своимъ сп҃ніа и҆ помощи. въ страшныи и҆ великіи дн҃ь. грознаго и҆ трепетнаго хв҃а соуда. и҆ сими книгами. и҆збавитсѧ ѿ вѣчныѧ моукы. и҆ причтатисѧ. въ ликъ ст҃ы҆ и҆ праве҃ны҆. оу҆годивши҆ х҃ѧ и҆ потроудившіхсѧ бг҃а ради и҆ пострадавши҆ цт҃ва ради нб҃наго и҆ своего ради сп҃ніа. є҆гоже ради въспріаша. вѣнца нетлѣнныѧ. и҆ цр҃твоу нб҃нѡмоу наслѣдници быша є҆гоже гн҃ бж҃е нашь. молитвами пр҃тыѧ влч҃ца нашеа бц҃а. и҆ прп҃бны҆ и҆ бг҃оносны҆ ѡ҆ц҃ь наши҆ а҆нтоніа, и҆ ѳеѡдосіа, и҆ всѣ҆ ст҃ы҆ печерьскы҆. и҆ на҆ сподоби наслѣдникомъ быти. нб҃наго житіа. видѣти и҆ насладитисѧ, неизреченнаго и҆ неисповѣдимаго твоего свѣта, и҆ радости неизгл҃анныѧ, и҆ пища нб҃ныа. ѡ҆ х҃ѣ і҃сѣ гѣ҃ наш҃:.

Мы же потщахомсѧ нарѧдити поминникь се҆ пр҃тыѧ бц҃а и҆ прп҃бны҆ и҆ бг҃оносны҆ ѡ҆ц҃ь наши҆ а҆нтоніа и҆ ѳеѡдосіа печерьскы҆. и҆ начахѡ҆ вписовати и҆мена в сію книгоу. прѣсщ҃нны҆ а҆рхіе҆пк҃пъ. и҆ бл҃говѣрны҆ великы҆ кн҃зеи, и҆ бл҃гочестівы҆ кн҃гнь, и҆ честнѣиши҆ сщ҃ннѡи҆ноковъ, и҆ бл҃говѣины҆ и҆ноковь, и҆ всѣ҆ православны҆ хр҃тіанъ. которіи же преже сего оуписовалисѧ оу пръвыи поминникь, и҆звѣстно вѣдꙋще што҆ пръвыи оу҆писъ и҆згорѣлъ *). плѣненіемъ

---

*) На поляхъ красными чернилами, но другою рукою: влѣ҃. ҂ѕ҃. ц҃: а҃і: Далѣе слѣдуютъ позднѣйшая приписка: ѿ Ро҃. Хр҃ва ҂атч҃ѳ.

киевьскы безбожнаго цр҃ѧ. менкирѣа и съ погаными агарѧны. тогда и сїю бж҃твенꙋю цр҃квь ѡпꙋстиша, и всѧ ст҃ыѧ книгы, и иконы пожгоша. мы по дн҃ехъ нѣколикы, изъ ихъ поганьства. изшедше. и пакы начахѡ имена писати. ихже помнѧще, еже исперва написаны быша.

Мы же послѣдоующе пре҃немꙋ оуставоу, ꙗкоже и преже было въ сеи ст҃ѣи нб҃си подобнои цр҃кви. преданое на чадомъ ихь. ст҃ы тѣ и бг҃оносны ѡц҃ь того ради потщахомсѧ списати сїе поминанїе. аще и гроуби соуще но понеже колико постихомъ толико и написахомъ. на оутѣшенїе православны хр҃тїанѡ. и на помощь бл҃говѣрнымъ дш҃амъ и на въспоминанїе еже въ страшныи дн҃ь. грознаго ѡного, и трепетнаго втораго хв҃а прїшествїа, егоже поминающе вси благочестивїи бг҃очетци, и страннѡприимци страшныи и грыдыи, ѡ, дн҃ь, требоующе помощи, и прїюмлюще грѣхомъ прощенїе. съ истинны исповѣданїемъ. и написающе имена своѧ, въ книгы сїа. и подавающе нѣкꙋю часть ѿ имѣнеи свои въ дѡ бж҃їа мт҃ре. и ст҃ы ѡц҃ь антонїа. и ѳеѡдосїа. ихже мл҃твами надоемыа. прїати имъ и на прощенїе грѣхѡ. и избавитисѧ ѿ страшны моученїи, и полоучити цр҃тво нб҃ное. и полоучити жизнь вѣчнꙋю. мл҃твами, пр҃тыа бц҃ѧ, и прп҃бны и бг҃оносны ѡц҃ь наши печерьскы антонїа, и ѳеодосїа, и всѣ ст҃ыхь, аминь:.

А сїи оуставъ написахѡ по повелѣнїю, гн҃а ї ѡц҃а нашего и пастырѧ, архиманд҃рита печерьскаго, кѵ. ѳеѡдосїа *), и еже ѡ х҃ѣ бра и старцевъ печерьскаго монастырѧ. вписовати, монастырьскꙋю братїю всѧкого. иже преставитсѧ въ ѻбители.

І аще кто сїи оуставъ разроуши. или таино кто кого впишеть, ѡ то хощеть таковыи ѿвѣтъ дати бг҃оу:-

Вѣдомо же дае, какосѧ чтеть ѡбщее поминанїе. всегда наконець оутрени. и наконець. ве҃рни. исхоженїе бывае въ прїтворъ оусопшы.

Починаетжесѧ вн҃елю вечеръ даже до сꙋботнои заоутрени. наве҃рнї же в сꙋботꙋ не бываеть. ни вн҃елю оутре. ни на гд҃ьскыа празн҃икы. ни на великы ст҃ы, имже всенощнаѧ бываютъ. и когда постнаа литоргїа. ѿ цвѣтоносїа до ѳомины нѣли. не творѧть исхоженїа.

---

*) На верху (въ текстѣ) и на поляхъ приписано красными чернилами и другою рукою: вониловича.

Иже творится. исхоженіе. сице да бываетъ. по ѿпоустѣ оутрени. или вѣрни. іереи недѣлникъ. патрахилю сѫщоу на немъ. възимаѥ кадильницоу. и покладаетъ тиміанъ. игрѫдетъ въ притворъ. а пономарь, прѣгрѫдетъ съ свѣщникѡ. а кононархъ съ стихѣрою. сто єгоже є храмъ.

Иже соу на малѣи вечерни и на гі възва. и на литіи. гдѣ и пали бѫдѫ стры сто єже єсть хра или празничны и вси съвъкоупить въмѣсто, глетжесѧ, по единомѫ стихоу пременѧ. и поставлѧемѫ столцѫ посредѣ притвора, и на нѥ коутіа, и канѡ и прѣ ни свѣщни. съ свѣщею горѫщею і глть сщнни. Помилѹй на бже, по велицѣй мти твоеи, молимтисѧ оуслыши и помилѹи, Еще молимсѧ. ѡ покон, и тишины и блженныа памѧти, и ѡ ѡставленіи грѣховь. прнопоминаемы съзателеи ѡбители сеѧ, и всѣ преже почившы ѡцъ и братіи нашй, іже зѣ лежащй, и повсюдоу православны. бра, гі помилѹи. непрестанно.

Сщникь имена чтеть, таино: Въ сорокоустнѡ листоу написаны. та прочитаетъ листа два, ли г. по рѧдѹ всй та. възгласъ.

Ѡ проститисѧ имъ всѧкомѫ съгрѣшенію, вълномѫ и невълномоу.

вра, гі помилѹй. г.

Ійко да гь оучинить дхь ихъ. идеже вси стіи и праведніи почиваютъ.

Мть бжіа и цтво небесное испросивше сами себе, дроу дрѹгоу весь животъ на хѹ бгѹ предадй.

Ійко ты еси въскрніе и живѡ оусопшы рабѡ твоимъ хе бже нашь и тобѣ славоу възсылаемъ съ безначальны ти ѡцмь, и всесты и блгы и животворѧщим ти дхѡ нн и присно и въ вѣкы вѣкѡ слава тобѣ бже нашь оупованіе наше слава тобѣ. бра, сла. і нн іереи. і пѹ.

Хс йстинныи бъ нашь мтвами, прчтыа єго мтре и всѣ сты дша рабъ свой всѣ преже почившы ѡцъ и братіи нашй, зде лежащй и повсюдоу православны, въ нѣдрѣ, авраама, и ісаака іакова вселить, и на помилоуетъ, іако блгы и чкѡлюбець. и бра. рекоу вѣчнаа, имь памть.

Боуди же и ѡ сѐ вѣдомо въ всѧкіи патѡ. вѐ панахида бываетъ, съ непорочными йсъполнь. і сътро. сты ликъ ѡбрѣте йсто, развѣ токмо гдьскы празникь и стыа пасхы:. і аще ктѡ без лѣности съ тщаніемь поминаетъ написаны въ книзѣ сеи. и самъ помановенъ боудетъ прѣ бгѡ въ цтви нбнѣмъ. Поминающе бжтвеное писаніе. Въ ниже мѣроу мѣрите възмѣритсѧ ва. кто что сѣетъ, то и пожнетъ *).

*) Въ подлинникѣ пробѣлъ на 1½ страницы.

ПОМИНАНІЕ И МОЛБА КЪ БГУ

и пр҃тѣй бц҃и, и прп҃бны ѡ҆цемь антонію, и ѳеѡдосію, и всѣ ст҃ымь. ѻ правъславны христіанѣ ѻ патріарсѣхь. и цр҃е ѿ архіепкпѣ, и ѡ епкпѣ ѻ кнѧѕѣ, и ѡвъехь и и ѻ всѧкои дш҃и христіанскои.

ПОМѦНИ Г҃И ДШ҃А ОУСОПШЫ РАБЪ СВОИ.

иже зде лежащи и повсюдоу правъславны. антоніа. ѳеѡдосіа. никона. стефана. ѳеѡдора. василіа. николоу. анисифора. исакіа. марка. аѳеа *).

Помѧни г҃и вселенскы патріархи. патріѧрха. нила. патріарха. ѳотіа. патріарха. іѡ҃.

Помѧни г҃и, ст҃ѣйши митрополи. петра. пимина. ѳеѡгнѡста. михаила. диѡнисіа. кѵпріана. ѳотіа. герасима. (алесиѧ). **). іѡноу. григоріа. галахтиѡна. сѵмеѡна. іѡноу. макаріа. ***).

Архимандриты печерьскыи. іѡанна. азарію. варсонѡѳіа. давыда. авраама. никифора. игнатіа. николоу. макаріа. іѡ҃. іѡсафа. ѳеѡдосіа. ѳиларета. ѳеѡдосіа. селивестра. васіана. ****).

---

*) Это имя вписано позднѣе.—Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ почти на страницу.

**) Это имя вписано позднѣе. Прежде было написано (но соскоблено; читается, впрочемъ, легко): исидора.

***) Въ подлинникѣ пробѣлъ болѣе чѣмъ на 2 страницы.

****) Послѣднія три имени приписаны позднѣе, другою рукою и иными чернилами.—Далѣе пробѣлъ на $2^1/_2$ страницы.

Мисаи̑ла. сумеѡ̑на. а̑нтонїа. а̑ндроника. матѳѣ̑а. а̑ѳанасїа. дороѳе̑а. е̑мелїана. е̑ѵ̑ѳимїа. геронтїа. неѡ̑ѳита. никона. касїана. и̑воноу. а̑нтонїа. ѳеѡ̑досїа. а̑нтонїа. е̑улии̑ѳерїа. и̑вонѵ̑. никона. деѡ̑нисїа. е̑линарха. никитоу. їѡ̑нѵ̑. е̑ѳрѣ̑ма. леѡ̑нтїа. лѵ̑коу. и̑зосима. никитоу. сумеѡ̑на. а̑гава. касиана. стефана. германа. кѵпрїана. селивана. сумеѡ̑на. мисаила. сергѣ̑а. и̑воноу. генадїа. калиста. герасима. ѳеѡ̑гноста. и̑гнатїа. харлампеа. василїа. касиана. никифора. и̑воноу. фомѵ̑. ѳирса. о̑нисима· михаи̑ла. лоукьяна. лариѡ̑на. никифора. а̑нтонїа. лавра. а̑риста. и̑гнатїа. и̑гнатїа. павла. логвина. никифора. васїана. варсонофїа. а̑веркїа. васїана. митрофана. сисоа. герасима. феѡ̑ра. їсаи̑ю. павлина. мисаила. ѳилофе̑а. германа. герасима. пантелѣ̑а. михаила. никона. логына. глѣ̑ба. бориса. а̑ндреа. и̑лью. ѳеѡ̑ра. кѣзмѵ̑. климентїа. курила. конана. лоукоу. романа. тихона. їѡноу. серапиѡна. а̑ркадїа. їѡсафа. герасима. тихона. герасима. и̑гнатїа. а̑леѯанр̑а. и̑змаила. леѡнтїа. ѳеѡ̑фила. тимоѳе̑а. їѡноу. левонида. митрофана. матѳе̑а. а̑рсенїа. е̑вменїа. їѡ̑ноу. варсоноѳїа. їѡ̑ноу. никифора. и̑гнатїа. николоу. їѡа̑. и̑гнатїа. а̑нтонїа. е̑всевїа. мисаила. а̑нр̑їана. микилоу. сидора. рѡдѣ̑ша. е̑устафїа. марка. а̑нтонїа. захарїю. їо̑ноу. и̑саїю. галасѣ̑а. ѳеѡ̑досїю. савѵ̑. е̑вьстратїа. а̑рсенїа. їѡ̑сифа. а̑нтонїа. лаврентеа. макарїа. макарїа. скїмнїка иосиѳе̑а. е̑ѵ̑ѳимїа. васьяна. малоѳе̑а. а̑нтонїа. генадїа. ѳерафонта. василїа. їева. михаила. їѡ̑сифа. а̑враамїа. поликарпа. мелентїа. нектарїа. германа. мисаила. германа. григорїа. ѡ̑мельа̑на. никитоу. їѡ̑ноу. вѣкола. и̑гнатїа. данилїа. сидора. сумеѡ̑на. пафнотїа. е̑ѵ̑ѳимїа. селиверста. курила. парѳенїа. матѳе̑а. їѡакима. ю̑рїа. ѳеѡ̑досїа. и̑ѡ̑ноу. васьяна. їсаїю. варсонѡѳеи. и̑гнатїа. ю̑рїа. герасима. галасѣ̑а. герасима. и̑гнатїа. їѡ̑ноу. а̑враамїа. е̑ѵ̑праѯїю. матреноу. е̑ѵ̑праѯїю. ѳеѡ̑роу. ѡ̑нанїю. стеѳана. їѡ̑ноу. їѡ̑ноу. никитоу. саватїа. а̑рсенїа. фотѣ̑а. сергеа. макарїа. селивана. мисаила. їе̑ва. а̑фанасїа. дв̑да. дементїа. селиверста. ѳеѡ̑гноста. и̑гнатїа. левонида. левонида. герасима. герасима. захарїю. захарїю. григорїа. матѳе̑а. а̑рсенїа. тарасїа. ѳеѡ̑досїа. селивана. е̑фрѣ̑ма. о̑ноѳреа. їѡ̑ноу. германа. їѡ̑акима. дементїа. симона. никона. матѳе̑а. маѯима. маѯима. романа. козмоу. павла. їсаню. ѳеѡ̑роу. їѡ̑сафа. їѡ̑ноу. никитоу. лаврентеа. мисаила. ѳеѡ̑ктиста. о̑ноѳреа. деѡ̑нисїа. митрофана. пелагїю. ва̑а̑на. а̑леѯѣ̑а. ѳеѡ̑досїа. мисаила. ѳеѡ̑досїа. їева. германа. лаврентеа. герасима. о̑ноѳреа. ѳеѡ̑роа. дементїа. васиана. їсакїа. окоулоу. герасима. паи̑сїа. оу̑льяноу. васїана. рѡдиѡ̑на. ѳеѡ̑досїю. симона. оу̑лїяноу. и̑гнатїа. тимоѳе̑а. поладїю. мр̑їю. е̑фрѣ̑ма. матѳе̑а. савѵ̑. и̑гнатїа. христиноу. михаила. їѡ̑ноу. тимона. а̑ндрѣ̑а. варсоноѳе̑а. мисаила.

ѳеѡдосїа. трѵфона. ѳиларета. евьстратїа. евсевїа. варсоноѳїа, ефрѣма. василїа. григорїа. їѡ҃. мр҃їю. петра. логвина. антонїа. їѡакима. кѵпрїана. савоу. акатїа. настасїа. арсенїа. герасима. нектарїа. їѡнꙋ. анрѣана. анрѣа. пафнотїа. ефрѣма. аврамїа. їѡ҃. захарїю. їакова. евдѡкїю. василїа. димитрїа. ѻнисима. ѳетинїю. їакѡва. анфиногена. їѡ҃. василїа. григорїа. емелїана. стефана. мр҃їю. оулїанꙋ. їакова. їѡноу. настасїю. сопрона. ѳеѡдороу. ѡлеѯѣа. василїа. ѡгреѳиноу. їѡ҃. илїю. михаила. клима. їѡ҃. матреноу. ѳеѡдосїю. матренꙋ. ѡѯинїю. ѳеѡдосїю. евлампиѧ. дамїана. меланїю. зиновїа. оулїаноу. еѵстафїа. їѡ҃. оулїаноу. ѳевронїю. григорїа. павла. арефꙋ. акѵлиноу. фотїа. алеѯанра. еввꙋ. софрона. ѳеѡдорꙋ. ѧкова. *).

Ѳетинїю. патрикїа. алеѯандра. никитоу. анноу. агафїю. полоуекта. ѳеѡдора.

Рѡ҃. чапликирдїевич. михаила. лазарѧ. ѳеѡдосїю. тимоѳеѧ. петра. ѳеѡдорꙋ. николоу. глѣба. мр҃їю. матѳѣа. ѳетинїю. мр҃їю. їѡ҃. їѡ҃. никифора. кнѧ҃ патрикїа. кнѧ҃ мр҃їю. кнѧ҃ андрѣа. кнѧ҃ анноу. никона. мефодїа. михаила. ѡводотїю. їакова.

Рѡ҃. кнѧ҃ михаила иванович деревеньскыи. кнѧ҃ димитрїа. кнѧ҃ їѡ҃. арсенїа. лва. антонидꙋ. домноу. агапїю. глѣба. тимоѳеа. їѡ҃. мр҃їю. оулианꙋ. данила їѡ҃. еѵѳимїю. настасїю. ѳеѡдора. ѳеѡдорꙋ. макарїа. нифонта. настасїю. григорїа. иринꙋ. василїа. мр҃їю. михаила. еленоу. ѳеѡдора. їѡ҃. анисима. ѡгрофиноу. степана. дарїю. никифора. ѳеѡдора мр҃їю. христофора. сѵмеѡна. настасїю. макарїа. димитрїа. їѡноу. варвароу. мр҃їю. ѡкꙋлоу.

Помѧни г҃и кнѧзи наши великы. кнѧ҃ великаго владимера, нареченнаго въ ст҃ѡ крщ҃нїи, василїа. кнѧ҃ великаго ѡлгѣрда, нареченнаго въ ст҃ѡ крщ҃енїи, димитрїа **). кнѧ҃ великаго сѵмеѡна. великаго кнѧ҃, данила. великаго кнѧ҃. їѡ҃. великаго кнѧ҃ димитрїа. великаго кнѧ҃. василїа. великаго кнѧ҃. василїа. великаго, кнѧ҃. сѵмеѡна. великаго, кнѧ҃. ѳеѡдора. великаго, кнѧ҃. їѡ҃. великаго, кнѧ҃. сѵмеѡна. великаго, кнѧ҃. алеѯандра. великаго, кнѕѧ димитрїа. великаго кнѧ҃. скиргаила, нареченнаго въ ст҃ѡ крщ҃нїи їѡ҃. великаго, кнѧ҃. владимера, киевьскаго и сн҃а его кнѧѕѧ. алеѯанра. киевьскаго, нареченнаго въ иноцѣ.

---

*) Послѣднее имя вписано позднѣе. Далѣе пробѣлъ на 1½ страницы.

**) Далѣе въ подлинникѣ около 3 строкъ соскоблено. Было написано: кнѧ҃ великаго витовта, нареченаго въ ст҃ѡ крщ҃нїи, алеѯандра.

а҆лєѯѣ. и҆ сн҃а є҆го, кнѧ҃. сѵ҆мєѡ҆на. києвьскаго. кнѧ҃ василїа҆. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ. а҆ндрѣа҆. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃. глѣба. кнѧ҃ ѡ҆лгимонта, нарє҃ннаго въ ст҃ѡ҃ крщ҃нїи. михаила. а҆ въ и҆ноцѣ҃. єѵ҆ѳимїа кнѧ҃ ѡ҆лгимонтови҃. їѡ҃. и҆ сн҃а єго, кнѧ҃. а҆ндреа҆. кнѧ҃ сѵмєѡ҆на. и҆ванови҃. кн҃ сѵмєѡ҆на. и҆ сн҃а єго кнѧ҃ юрїа. и҆ сн҃а єго кнѧ҃ василїа҆. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃ данила. кнѧ҃. глѣба кнѧ҃. а҆ндрѣа҆. кнѧ҃ сѵ҆мєѡна. кнѧ҃. димитрїа҆. кнѧ҃. двд҃а кнѧ҃. димитрїа҆. кнѧ҃ володимїра. кнѧ҃. а҆нр҃ѣа кнѧ҃ василїа҆. кнѧ҃ їѡ҃. кнѧ҃ михаила. кнѧ҃. ѳєѡдора. кнѧ҃. романа. кнѧ҃. сѵ҆мєѡна. кнѧ҃ весилїа҆. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃ сѵ҆мєѡна. ко҃. а҆кїлоу҃. *).

Рѡ҃, кнѧгини, оу҆льа҆ны ю҆рьєвои. великаго кн҃ володимира. києвьскѡго кнѧ҃. а҆лєѯандра. кнѧ҃ сѵ҆мєѡ҆на. помѧни г҃и оу҆биєны҃. кнѧ҃. михаила. а҆лєѯандрови҃. кнѧ҃ їѡ҃. ю҆рьєви҃. кнѧ҃ їѡ҃ ѡ҆лгимонтови҃ кнѧ҃ сѵ҆мєѡ҆на. кнѧ҃. ю҆рїа҆ сн҃а єго. кнѧ҃. василїа҆. (кнѧ҃ симѵ҃ѻ҃. ю҆рїє҆ви҃. кнѧ҃ настасїю. и҆ сн҃а и҆ кнѧ҃. л҃ва. **). кнѧ҃. юрїа҆. кнѧ҃. ѳєѡдосїю. кнѧ҃. настасїю. кнѧ҃. ѡ҆вдотїю. кнѧ҃ ѡ҆грипиноу. кнѧ҃. василисоу и҆нѡкꙋ. оу҆литꙋ. а҆рхамандрита. їѡ҆сафа. а҆рхимадрита. варлама. їѡ҆нꙋ. ѳєѡдора ко҃. кнѧ҃. мр҃їю. кнѧ҃ ѳєѡдора. кнѧ҃. мр҃їю. кнѧ҃ їѡ҃. кнѧ҃. настасїю. кнѧ҃. василїа҆. кн҃ а҆нноу. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃ ю҆рїа҆. кнѧ҃. а҆лєѯандра кнѧ҃. глѣба. кнѧ҃. григорїа҆. кнѧ҃. мр҃їю. кн҃ сѵ҆мєѡ҆на. їѡ҆ноу. їоулїан҃. патрикїа҆. настасїю. диѡ҆нисїа҆ а҆нтонїа҆. ѳєтинїю. їѡ҆нꙋ. є҆катериноу. ю҆рїа҆. матѳѣа҆. ѳєѡдосїю. татїа҆нꙋ. перфирїа҆. а҆нноу. тимоѳа҆. никитоу. анноу. степана. оу҆лїа҆нꙋ. димитрїа҆. маремьаноу. петра. василїа҆. тимоѳа. ѳєклоу. лоукиа҆на. оу҆литоу. їѡ҃. а҆нисифора. герасима. їоулїа҆ноу. є҆ѵ҆стафїа҆. григорїа҆. мариноу. є҆вдокїю. є҆лєѡ҆зара. терентїа҆. сѵ҆мєѡ҆на. никитоу. є҆рмолоу. василїсоу. лꙋкерїю. їѡ҃. їѡ҃. а҆ноуфрїа҆. а҆нцифора. мавроу. ю҆рїа. ѡ҆вдотїю. а҆ндрѣа҆. мисаила. а҆лєѯиа҆. стефана. василїа҆. мр҃їю. гоурїа҆ татїа҆ноу. соломонидꙋ. григорїа҆. матфѣа҆ пелагїю. настасїю. їѡ҆анна. а҆гапїю. їринꙋ. сѵ҆мєѡ҆на. мр҃їю. а҆нну. їєва. марфоу. лєѡ҆нтїа҆. ѡ҆лєѯанр҃а. димитрїа. васьана. їѡ҃. и҆риноу. карпа. є҆леноу. а҆ндроника. ко҃.

А҆ сє дворѧнє прч҃той печерьскѡи. григорїа҆. їѡ҃. василїа҆. їєва. ю҆рїа҆. павла. никитоу. стефана. сѵмєѡна. їѡа҆на. сѵ҆мєѡ҆на. данила. їє҆ва. фо-

---

*) Это слово приписано позднѣйшею рукою.

**) Соскобленныя имена приписаны позднѣе на поляхъ текста.

моу. сопрона. сѫпрона ї҆ѡ҆ноу. а҆ѳанасїа. и҆сидора. ї҆ѡ҃. тимоѳа̀. въкꙋлоу. кнѧ҃. ї҆ѡ҃а. никодима. є҆фрѣмїа̀. а҆ннꙋ. настасїю. а҆ннѫ. и҆ѡ҆нѫ. самоила. михаила. касїа̀на. ѳеѡдора. ѡ҆вдѣа̀, домнѫ. ї҆ѡа҃. а҆риста. григорїа̀. тимоѳа̀. а҆лєѯандра. диѡ҆нисїа̀ ї҆ѡ҃. михаила. ї҆ѡ҃. григорїа̀ ѡ҆нанїю. василїа̀. михаи҆ла. василїа̀. и҆оу҆лїа̀на. симона. є҆рмолоу. и҆лїю. василїа̀. конана. михаи҆ла. михаила. максима. ѳеѡдосїю. михаила. лоукїа̀на. ѯинїю. ѳеѡдора. марїю. ї҆ѡана. коньстѧнтина. ѳеѡдора. оу҆лїа̀нꙋ. а҆лєѯанрꙋ. ї҆акова. ѡ҆вдотїю. коньстѧнтина. а҆ннѫ. настасїю. ї҆юдоу. ѡ҆грофинꙋ. є҆ѵ҆стафїа̀. мр҃їю. григорїа̀. тита. димитрїа. климентїа̀. ѳеѡдосїю. захарїю. григорїа̀. ї҆ѡ҃. ѳетинїю. настасїю. ѳеѡдора. софїю. григорїа̀. ї҆акова сѵмеѡ҆на. є҆катериноу. мр҃їю. софронїа. петра. ї҆ѡ҃ мариноу. а҆ндрѣа̀. ї҆ѡ҆ифа диѡ҆нисїа. ѡ҆грофиноу. михаила. а҆ввакоума. а҆гафїю. ї҆акова. моѵсѣа̀. а҆грифинѫ. захарїю. є҆фрѣма ї҆ринѫ герасима. диѡ҆нисїа̀. пелагїю. харлампиа̀. ѳеѡдора. кнѧ҃. сѵмеѡ҆на. кнѧ҃. ѡ҆ленѫ. кнѧ҃ ѳеѡдора. кнѧ҃. степана. кнѧ҃. аннѫ. кнѧ҃ ѳеѡдора. ѳеѡдота. кнѧ҃ димитрїа̀. кнѧ҃ сѵ҆мєѡ҆на. кнѧ. ї҆ѡ҃. кн҃ димитрїа̀ кнѧ҃ ѳеѡдота. кнѧ҃ василїа̀. кнѧ҃. ї҆ѡ҃ кнѧ҃ оу҆лїанѫ. кнѧ҃ ѡ҆ленѫ. кнѧ҃ настасїю. кнѧ҃ ѡ҆гафїю. кнѧ҃ василїа̀. маремьа̀нѫ. вокꙋла. кнѧ҃ сѵ҆мєѡ҆на. ѡ҆ленѫ. а҆нтонїа̀. наталїю. николоу. а҆ннѫ. бориса. ї҆ѡ҆нѫ. василїсѫ. михаила. є҆фросинїю. ї҆ѡ҃. парасковгїю. ѳеѡдора. марѳѫ. мр҃їю. василїа̀. ѳеѡдора. є҆ѵ҆стафїа̀. а҆ндрѣа̀. павла. василїа̀. а҆кѵ҆линѫ. григорїа̀. григорїа̀. григорїа̀. а҆гапїю. а҆лєѯандра. ѳеѡдора. парасковгїю. ї҆акова. матѳїа̀. ї҆ринѫ. ї҆ѡа҃.

Рѡ҃, па҃. ї҆ѡ҃. є҆лєць. оу҆писа҃ свои. ї҆ѡ҃. романа. захарїѧ. и҆гнатїа̀. василисѫ. ѳеѡдора. григорїа̀. ѳеѡдорꙋ. оу҆лїанѫ. коньстѧнтина. маринѫ. ѳеѡдора. а҆нанїю. оу҆лїанѫ. а҆нофреа̀. ї҆ѡ҃. григорїа̀. оу҆лїанѫ. григорїа̀. ѳетинїю. а҆гапїю. сѵ҆мєѡ҆на. нестера. а҆ннѫ. павла. данила. ї҆ѡ҃. глѣба. татїа̀нѫ. владимера. а҆лєѯандрꙋ. василїа̀. ї҆ѡ҃. логина. коузмѫ. кирила. ѻ҆ленꙋ. панфила. ї҆ринꙋ. ї҆елисѣа̀. настасїю. ю҆рїа̀. ѡ҆вдотїю. лєѡ҆нтїа̀. михаила. ї҆ѡ҃. григорїа̀. ѯинїю. є҆ѵ҆ѳимїа̀. є҆ѵ҆ѳимїю. сѵ҆мєѡ҆на. димитрїа̀. ї҆ѡа҃. мр҃їю. мартемїа̀на. кн҃ димитрїа̀ кнѧ҃. а҆ннѫ. кнѧ҃. михаила. кнѧ҃ ї҆ѡ҃. кнѧ҃ ѳеѡдосїю. кнѧ҃ ї҆ѡ҆акима. кнѧ҃ макарїа̀. кнѧ҃ настасїю. кнѧ҃ татїа̀нꙋ. кнѧ҃ мр҃їю. кнѧ҃ а҆ннѫ. кнѧ҃. ї҆ѡ҃. василїа̀. ї҆ѡ҆сифа. ї҆ѡ҃. ѳеѡдора. є҆втихїа̀. бориса. сѵ҆мєѡ҆на. софїю. василїа̀. ї҆риноу. ѳеѡдора. сѵ҆мєѡ҆на. софїю. а҆лєксѣа̀. пелагїю. ѳеѡдꙋла. ѡ҆грофїнѫ. а҆ннѫ. є҆рмолꙋ. пахомїа̀. ѡ҆грофиноу наоу҆ма. ѳетинїю. мелентїа̀. а҆лїѳерїа̀. ѳеѡдосїю. фофана. а̀ндрѣа̀. павла. павла. ѳеѡдорꙋ. а҆нисима. а҆ндрѣа̀. а҆ндрѣа̀. михаи҆ла. мартїна. ї҆а҆кова. ї҆ѡ҃. ї҆а̀кова. а̀гафона а҆лєѯандра. дарїю. а҆лєѯандра. мартирїа̀.

а҆гапїю. петра. прокопїа̀. сѵ҆меѡ҆на. данила. ѳеѡ҆дора. мартина. дементїа̀. данила. а҆кѵ҆лоу. степана. е҆ѵ҆ѳимїю. максима. їа̀кова. сѵ҆меѡ҆на. е҆ѵ҆ѳимїю. тимоѳеа̀. настасїю́. мр҃їю. софїю. костѧнтина. поликарпа. павла а҆леѯанр҃а. сїмеѡ҆на. сѵ҆меѡна. марїю. мр҃їю. а҆кѫлинѫ. меланїю їѡ҃. парасковгїю. и҆гнатїа̀. никифора. никона. а҆гапїю. харлампїа̀. а҆гапїю. оулїа̀нꙋ. ѡ҆лгѫ. е҆лиѵ҆ѳерїа̀. василїа̀. а̀ноуфрїа̀. е҆леноу. ѳеѡ҆досїю. їѡ҃. двд҃а. ѡ҆писима кѵпрїа̀на. пола҆дїю. е҆фросинїю́. климентїа̀. перфоурїа̀. василїа̀. василїа. татїа̀нѫ. григорїа̀. и҆лїю̀. матреноу. ѳеѡ҆дора. ѳеѡ҆досїю. а҆леѯанр҃а. ѯинїю. їа̀кова. ѳеѡдосїю. михаила. а̀леѯїа. їѡ҆сифа. тимоѳеа̀. павла. ѳеѡ҆дора. е҆лиѵ҆ѳерїа. а҆леѯїа̀. михаила. григорїа̀. їѡ҃. василїа̀. сѵ҆меѡ҆на їа̀кова. їѡ҃. ю́рїа̀. а҆никеа. а҆рефоу. мр҃їю. василїа̀. оу҆лїа̀нѫ. михаила. ѡ҆вдотїю. захарїю. василїа̀. ѳеѡ҆досїю. а҆леѯїа̀. ѳеѡ҆дороу. варсоноѳа̀. ѳеѡ҆дорѫ. а̀ртемїа̀. карпа. николоу. е҆леноу. димитрїа̀. е҆леѡ҆зара. ѳеѡ҆дора. ѳомоу. настасїю́. ѳеѡ҆дора. їѡ҃. василїа̀. е҆ленѫ. сѵмеѡ҆на. полѵ҆е҆кта. назарїа̀. ѳеѡ҆дора. григорїа̀. ѳеѡ҆дора. мр҃їю. а҆ндрѣа̀. е҆вдокїю. софїю. василїа̀. ѳеѡ҆дора. ѯинїю. їѡ҃. ѳомоу. димитрїа̀. ѳетинїю. климентїа̀. е҆вдокима. а̀гапїю. петра. а҆ндрѣа. а҆ннѫ. е҆вгоу. а҆гапита. е҆вдоксїю. максима. а҆леѯїа̀. гаврила. е҆фрѣма. василїа̀. оу҆лїа̀ноу. констѧнтина. василїсоу. їѡ҃. стефана. ѳеѡ҆дора. мартина. їѡ҃. їа̀кова. ѳетинїю. ѳетинїю. констѧнтина. симеѡ҆на. михаи́ла. а҆ннꙋ. їоу҆стина. захарїю. їа҆ко҃. а҆кѵ҆линоу. филиппа. а̀ннѫ. ѳеѡ҆дора. филимона. кирила. никифора. василїсоу. тимоѳїа̀. михаила. мефодїа. е҆встафїа. сѵмеѡна. марфѫ. їѡ҆ноу.

А҆ се рѡ҆ савастьа҆новѝ, и҆ пѣшковѝ, и҆ плꙋмковѝ. савоу. кѵ҆прїа̀на. а҆ва. маремїа̀нѫ. е҆ленꙋ. їе҆лисѣа̀. василїа̀ ѳеѡ҆досїю. ко҃.

Сѵ҆меѡ҆на. е҆и҆ѳимїю̀. ѳеѡ҆дора. а҆нноу. климентїа̀. мр҃їю́. павла. филиппа. їринꙋ. рѡ҆дїѡ҆на. а҆нноу. ѳетинїю. матѳѣа̀. мр҃їю. а҆нанїю. їѡ҃. никитоу. е҆фрема. михаила. григорїа̀. николоу. а̀фонасїа̀. ѳеѡ҆дора. варварꙋ. и҆гнатїа̀. ѡ҆катїа. ѳеѡ҆дора. михаила. їѡ҃. а҆нтонидоу. тимоѳеа̀. їа̀кова. їѡ҃. а҆гапїю. ѡ҆вдотїю. ѳеѡ҆дорꙋ. данила. їѡноу. е҆ѵ҆ѳимїю. сїмеѡ҃. мр҃їю. їа̀кова. никиѳора. василїа̀. парасковгїю. е҆ѵ҆ѳимїю. а҆нтонїа̀. пахомїа̀. софона. протасїа̀. ѳеѡ҆дотїю. григорїа. ѳеѡ҆дора. мр҃їю. мр҃їю. мр҃їю. василїа̀. михаила. михаи́ла. михаила. давыда. ѡ҆гафона. мр҃їю. ѡ҆гафїю. а҆нанїю. їѡ҃. їѡ҃. їѡ҃. мефодїа̀. оу҆лїа̀нꙋ. їа̀кова. матреноу. дарїю. сѵ҆меѡ҆на. климентїа̀. їси҆дора. матренꙋ. павла. захарїю. григорїа̀. григорїа̀. настасїю́. ю́рїа̀. матѳѣа̀. ѡ҆лгꙋ. григорїа̀. ѳеѡ҆дорꙋ. симона. василисꙋ. григорїа̀. їа̀кова.

Па҃, василеи, павлови҃, а҆настасіа̀ пани е҆го. василїа̀. настасїю́.

Рѡ҃, кнѧ҃, димитрїа̀, ѡ҆динцеви҃. кнѧ҃ їѡ҃. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃ а̀нрѣа̀. кнѧ҃ е҆рмолаѧ. кнѧ҃ ѳеѡдора. кнѧ҃ романа. кнѧ҃ димитрїа. кнѧ҃ лаврентїа̀. кнѧ҃ їѡ҆сиѳа. кнѧ҃ василиа̀. кнѧ҃ ѻ҆реѳоу. кнѧ҃ василїсꙋ. кнѧ҃ ѕинїю. кнѧ҃ мр҃їю. кнѧ҃ анноу. ѡ҆вдотїю. кнѧ҃ ѳеѡдосїю. кнѧ҃нꙋ домникꙋ. симона. кнѧ҃, романа. юрїа̀. кѡ҃.

Ѳетинїю. бориса. ѡ҆ленꙋ. димитрїа̀. двд҃а. ѳеѡдорꙋ. савоу. и҆лїю. їа̀кова. настасїю. григорїа̀. оу҆лїа̀нꙋ. а̀леѯандра. мр҃їю. а҆кѵлиноу. бориса. ѳеѡдосїю. ѳеѡдосїа̀. їѡ҃. ѡ҆вдотїю. мр҃їю. ѳеѡдота. григорїа̀. мр҃їю. парасковгїю. марка. а҆нноу. їѡ҆ноу. е҆вдокїю. пелагїю.

Рѡ҃ па҃, мишка, павлови҃. михаила. а҆леѯанрѣа. їѡ҃. павла. ѳеѡдора. їѡ҃. бориса. їѡ҃. їѡ҃. а̀ѳонасїа̀. їѡ҃. василїа̀. татиа̀ноу. соломонидоу. е҆фросинїю. ѡ҆ленꙋ. мр҃їю. сѵмеѡ҆на. а̀ндрѣа. ѡ҆вдотїю. ѡ҆вдотїю. слоу҃ е҆го. їа̀кова. богдана. ю́рїа. їѡ҃. а҆ндрѣа̀. григорїа̀. катеринꙋ. въкола. галактиѡ̀на. кѡ҃.

Мр҃їю. карпа. а҆никїа̀. їѡ҃. а҆ннѫ. їѡ҆сифа. а̀ндрѣа̀. григорїа̀. оу҆лїа̀ноу. татїа̀нѫ. ѡ҆вдотїю. їѡ҃. е҆ѵ҆ѳимїю̀. ѳеѡдосїю. їѡ҃. мр҃їю. лампада. ѳевронїю. е҆ленꙋ. кнѧ҃ димитрїа̀. кнѧ҃, настасїю́. кнѧ҃. романа. кнѧ҃ е҆ленѫ. їѡ҆нꙋ. кнѧ҃, мр҃їю. каленика. григорїа̀. їринꙋ. ѳеѡдора. гаврїила. їѡ҃. василїа̀. їа̀кова. ѡ҆лизара. ѳеѡдора. їѡ҃. василїа̀. а̀гапїю. петра. михаила. а̀ндрѣа̀. а҆нтонїа̀. маринꙋ. манꙋила. їѡ҃. ѡ҆грофиноу. пахомїа̀. кнѧ҃ а̀ндрѣа̀. кнѧ҃, е҆ѵ҆ѳимїю. герасима. а̀лизара. а̀леѯанрѣоу. ѳетинїю. а̀гафїю. прокопїа̀. а̀гафїю́. їѡ҃. їѡ҆нꙋ. глѣба. а҆ннꙋ. ѳеѡдора. е҆ѵ҆праѯїю. матѳѣа̀. козмоу. козмеу. їа̀кова. ѡ҆грофиноу. ѳеѡдора. вавѵ҆лоу. ѳетинїю.

Се рѡ҃, кнѧ҃, ѳеѡдосїи бои́ницкои. кнѧ҃, корнилїа̀. кн҃ а̀нрѣа̀. кнѧ҃, юрїа̀. кнѧ҃ мавроу. кнѧ҃, а҆ннꙋ. кнѧ҃ степана. кнѧ҃, сѵ҆меѡ҆на. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃. а҆леѯанрѣа. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, сѵ҆меѡ҆на. кнѧ҃, димитрїа̀. кнѧ҃, е҆ѵ҆стафїа̀. кнѧ҃, григорїа̀. кнѧ҃, а҆ндрѣа̀. кнѧ҃, їѡа҃. кнѧ҃, харитона. кнѧ҃, василїа̀. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃. а҆ндрѣа̀. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃, василїа̀. кн҃ їѡ҃. кнѧ҃, а҆ннѫ. кнѧ҃, татиа̀нꙋ. кнѧ҃, настасїю. кнѧ҃, мр҃їю. кнѧ҃, їриноу. кнѧ҃, ѡ҆грипиноу. кнѧ҃, оулїа̀нꙋ. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, ѳеѡдора. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃ їѡ҃. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, татїа́нꙋ. ѡ҆вдотїю. кѡ҃.

Рѡ҃ кнѧ҃, василїа̀ ѡ҆стро́кѡ҃. кнѧ҃, данила. кнѧ҃, ѳеѡдора. кнѧ҃, а̀леѯанрѣа. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, а̀леѯѣа̀. кнѧ҃, а̀ндрѣа. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃, сѵмеѡ҆на. кнѧ҃,

їѡ. кнѧ, ѧлеѯандр҃а. кнѧ, їѡ. кнѧ, ѧнноу. кн҃ василїсѹ. въ ѝноческомъ чинѹ. кнѧ, ѧгафїю. кнѧ ѳеѡдо́рѹ. їѡ. сумеѡна. ѧнноу. їѡ. гервасїѧ. ѧзарїю.

Полтевъ рѡ҃. павла. мр҃їю. ѡгрофинѹ. їѡ. ѳеклоу. ѳеѡдо́сїа. їѡ. стефана. ѳетинїю. сумона. пелагїю. михаила. їѡ. їриноу. ѥвгенїю. леѡнтїѧ. димитрїѧ. козмоу. павла. никитоу. василїѧ. григорїѧ. ѳеѡдо́сїю. никитоу. сергїѧ. ѝлїю. григорїѧ. ѥфросинїю. к҃о҃.

Ѧ се рѡ҃. кнѧ, їѡ҃, семенѡвъ҃, кобринскѡ҃. кнѧ ѳеѡдо́ра. романа кнѧзѧ. кнѧ, сумеѡна. кнѧ, ѧндр҃а. кнѧ, ѧлеѯандра кнѧ їѡ. кнѧ, ѧѳонасїю. кнѧ сумеѡна. кнѧ, михаила. кнѧ, глѣба. кнѧзѧ ѧндрѣѧ. кнѧ, ѳеѡдо́ра. кнѧ, ю҃рїѧ. кнѧ, ѧндрѣѧ. кнѧ, димитрїѧ. кнѧ, їѡ. кнѧ, ю҃рїѧ кнѧ, їѡ. кнѧ василїа. кнѧ, юрїѧ. кнѧжнѹ, ѡленѹ. їѡ. ѡвдо́тїю. кнѧ, василисѹ. кнѧжноу настасїю. кнѧ. ѥ҃ѵправꙋїю. мр҃їю. кнѧ, глѣба. кнѧ. данила. кнѧ, данила. кнѧ, ѧндрѣѧ. кнѧ сумеѡна. конр҃ата.

Рѡ҃ кнѧзеи, корецкыхъ. кнѧ, глѣба. кнѧ, патрикїѧ. кнѧ, їѡсїфа. кнѧ василїѧ. кнѧ ѳеѡдо́ра. *) кнѧ, михаила. кнѧ, ѧлеѯандра. кнѧ, лва. кнѧ, їѡ. кнѧ, ѥвлашка. кнѧ, ѳеѡдо́ра. кнѧ, григорїѧ. кнѧ, фомѹ. кнѧ. їѡ. кнѧ, ѳеѡдо́ра. кнѧ, николѹ. кнѧ, василїѧ. кнѧ, василїѧ. кнѧ, лва. кнѧ, сумеѡна. кнѧ, їѡ. кнѧ, ѧнр҃ѣѧ. кнѧ. ѡвдотїю. василїа. василїѧ. прокопїѧ. василїѧ. къзмѹ. їѡ. їѡ. кнѧ, сумеѡна. петра. покла. їѡ. їѡ. зїновїѧ. ѳеѡдо́ра. димитрїѧ. лоукѧна. їѡ. ѥфрѣма. ѡмелїана. кнѧ, мр҃їю. кнѧ, мр҃їю. оулїанѹ. настасїю. оулїанѹ. ѧгафїю. ѧгафїю. кнѧ, ѝсакїѧ. ѡвдо́тїю. ѳеѡдо́сїю. кнѧжноу, мтронѹ. кнѧ, оулїанноу. ѧгафїю. кнѧ. ѡгрофиноу. кнѧ, татїанноу. кнѧ, ѥѵпраксїю. ѡгрофиноу. лѹкїана. татїаноу. василисоу. ѥленѹ. софїю. їѡ. ѥленѹ. зиновїю. ѳетимїю. настасїю. кнѧ, василисѹ. кнѧ, ѳеѡдо́рѹ. кнѧ їѡ. їѡ. василїѧ. данила. їѡ. ѳеѡдо́ра. ѥленоу. їѡ. ѥмелїана. ѡгрофинѹ. василїа.

Рѡ҃, кнѧ ѝвана, трѹбецкѡго. кнѧ. димитрїѧ. кнѧ, михаила. кнѧ, їѡ. кнѧ романа. кнѧ, ѳеѡдо́сїю. кнѧ, мр҃їю. кнѧ, настасїю. кнѧ, ѳомѹ. варсонофїѧ. їѡ. ѧгафїю. їѡ. макарїѧ. вавꙋлоу. бориса. варварѹ. ѡноѳрїѧ. сумеѡна. ѳеѡѳила. ѳеѡдо́сїю. оулитѹ. ѧгапїю. родиѡна. пахомїѧ. їѡ. родиѡна. ѥ҃ѵѳимїю. ѳеѡдо́сїю. ѧвраѧмїа. василїѧ. ѧртемїа. рѹсана. ѳеѡдо́ра. климентїа. ѝсаїа. ѳеѡдо́сїю. ѧлеѯѣа. ѡвдотїю. їѡ. савостїана. ѧрсенїа. ѧгафїю. сумеѡна. їѡѧкума. татїанѹ. григорїѧ. ѧфанасїа. сумеѡна. мр҃їю. тимоѳеа.

---

*) Это имя приписано на полях позднѣйшимъ почеркомъ.

михаила. мр҃їю. василїа. ѳеѡдосїю. еѵстафїа. фетинїю. стефана. матѳѣа. григорїа. данила. мр҃їю. софона. ѡгрофинꙋ. їѡ҃. еѵѳимїѧ. крискента. їоулїанꙋ. сорона. димитрїа. їакова. матренꙋ. оустинїю. марїю. григорїа. василїа. симона. григорїа. їѡ҃. григорїа. їѡ҃. лазарѧ. ѳеѡдосїа. пахомїа. їриноу. ѯенїю. гꙋрїа. ѳетинїю. къзмꙋ. варвароу. меланїю. ермолаѧ. еленꙋ. зиновїа. еѵпраѯию. ѳеклꙋ. еѵдокїю. ѯенїю. мр҃їю. еѵпраксїю. евсѣвїа. лꙋкоу. лоукїана. анастасїю. дарїю. ѡксентїа. илїю. мр҃їю. еѵѳимїю. лоукїана. анцифора. понарїю. арсенїа. симона.

Рѡ҃, їѡ҃, балагꙋроува. флора. матренꙋ. аверкїа. еѵѳимїю. їѡнѫ. мр҃їю. матѳїа. василїа. еѵдокїю. аннѫ. ѳеѡдорꙋ. аннѫ. исаака. тимоѳеа. варфоломеа. герасїма. агафию. кѡ҃.

Рѡ҃. кѵпрїанѡвъ. василїа. їѡ҃. кѵрила. пелагїю. їѡ҃. вавѵлы. їѡ҃. данила. симона. ѳеѡдорꙋ. мр҃їю. анноу. татїаноу. понарїю. ефросинїю. агафїю.

Рѡ҃. кнѧѕѧ. їѡ҃. козловьскѡго. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃. оулитꙋ. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃. христїнѫ. кнѧ҃ андрѣа. кн҃ василїа. николы. кнѧ҃ софїю. макарїа. кѡ҃.

Рѡ҃, кнѧ҃, лва. бꙋнїцко҃. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, лва. корнїлїа. кнѧ҃, їѡ҃. кѡ҃.

Авраамїа. еѵменїа. василїсꙋ. оулїанꙋ. їѡ҃. сѵмеѡна. антонїа. захарїю. никитоу. кѡ҃.

Рѡ҃. архимандрїта, ѳеѡдосїа печерьскѡ҃ *). воинила. ѳеѡдора. логина. їѡ҃. їѡ҃. акѵнфа. пахомїа. климентїа. ѳеѡдора. ѳеѡдора. юрїа. юрїа. іакова. ѳеѡдосїю. анноу. агапїю. василїсꙋ. софїю. ѳеѡдороу. коньстѧнтїна. ѳеѡдосїа. мр҃їю. матреноу. анрѣа. ѳеѡдороу. архимандрита ѳеѡдосїа. кѵпрїана. макарїа. марѳоу. тимофїа. мр҃їю. ѳеѡдосїю. мартїна. игнатїа. зиновїю. матренѫ. ѳеѡдорита. стефана. ховрꙋ. мисаила. оустинїю. родиѡна. мр҃їю. василїа. ѳетинїю. григорїа. анноу. їѡ҃. ѳеѡдосїю. прохора. пафнотїа. їрїнꙋ. сергїа. герасима. парасковгїи. маврꙋ. игнатїа. василїа. стефана. їакыма. матреноу. ирїнѫ. лариѡна. зеновїю. савꙋ. филиппа оулїаноу. алеѯѣа. еню. герасїма. агафїю. ѳеѡгноста. ива҃. григорїа, ѳетинїю. еѵѳимїа. антонїа. ѳеѡдосїю. конана. антонидꙋ. їева. ѳеѡдосїа. марфꙋ. симеѡна. перфирїа. ѳевронїю. ѯенїю. їѡакима. софрона. григорїа. їакова. їѡ҃. савоу. мр҃їю. їѡ҃. ѡгрофинѫ. логина. антинѫ. тимоѳїа. їѡ҃. софрониа. кнѧ҃, ѳеѡдора. кнѧ҃, ѳетинїю. кнѧ҃, данила.

---

*) На поляхъ позднѣйшимъ почеркомъ приписано: Вониловича.

кнѧ҃, оулїаноу. кнѧ҃, мр҃їю. захарїю. ѳеѡдота. василїа. ѳилиппа. еѵѳимїю. еѳросимїю. нестера. пахомїа. іѡсифа. еленꙋ. їѡсифа. *) ѳеѡдосїю. герасима. анѳиногена. мр҃їю. маремїаноу. алеѯѣа. еѵпраѯїю. їѡ҃. григорїа. ѳеѡдосїа. миноу. ѳеѡдора. кнѧ҃, андрѣа. кнѧ, сѵмеѡ҃. кнѧ҃, марка. кнѧ҃, еѵѳимїю. кнѧ҃, мамелфоу. кнѧ҃, мр҃їю. еѵѳимїю. їриноу. сергїа. дороѳеа. мр҃їю. ѯенїю. їакова. къзмоу. василїа. сѵмеѡна. максима. ѳевронїю. ѳеѡдосїю. захарїю. матѳѣа. андрѣѧ. **) григорїа. лазарѧ. ѡдарїю. мр҃їю. сїмеѡна оулїанꙋ. їѡ҃. еѵѳимїю. ѳеѡдосїю. татїанꙋ. ефросинїю. їѡ҃. андрѣа. матѳѣа. еѵѳимїю. никона.

Болгарїнѡвиⷯ. василїа. їѡаникїа. митрофана. їоустинїю. пелагїю. григорїа. екатеринꙋ. амбросїа. нестора. харитона. ѳевронїю. григорїа. оулїаноу. ѳеѡдосїю. еѵпраѯїю. їакова. агафїю. ѡнисима. варѳоломїа. антонїа. мр҃їю. гꙋрїа. антонидꙋ. їѡсифа. ѳедорꙋ. їсаїю. еѵѳимїю. михаила. еѵстафїа. павла. софїю. ѳеѡдора. домнꙋ. настасїю. еѵѳимїю. аннѫ. игнатїа. коурїана. софїю. григорїа. пелагїю. соломонидоу. парасковгїю. никитоу. сѵмеѡна. меѳодїа. їринꙋ. димитрїа. їакова. матѳѣа. ѳеѡдора. настасїю. ѳеѡдора. кѵпрїана. зиновїю. мр҃їю. леѡнтїа. харитона. кондрата. меланїю. елиѵферїа. їѡ҃. сѵливона. леѡнтїа. варварꙋ. оулїаноу. матреноу. ѯенїю. їѡ҃. филиппа. парѳенїа. ефросинїю. геласїа. ѳеѡдосїю. їѡ҃. мр҃їю. христїноу. аннѫ. матѳѣа. ѡксинїю. анисїма. емелїана. димитрїа. герасима. елисѣа. сѵмеѡна. їѡ҃. мр҃їю. аннѫ. ѳеѡдосїю. софрона. евгенїю. димитрїа. матреноу. їакова. юрїа. наталїю. їакова. ѡвдотїю. зиновїа. оустинїю. ариста. парасїю. наталїю. аѳанасїа. матреноу. сѵмеѡна. мр҃їю. іѡноу. дорофїа. еѵѳимїа. аѳанасїа. варѳоломїа. василїсоу. никифора. іѡнꙋ. никитоу. ѡвдотїю. неѡфита. їакова касїана. мр҃їю. карпа. власїа. аннꙋ. игнатїа.

Рѡⷭ҇, панеи калницкои. агапита. їѡсифа. далматїа. їѡ҃. їѡ҃. ѳетинїю. софїю. еѵѳимїю. павла. алеѯїа. їѡ҃. михаила. ѳеѡдора. ѳеѡдороу. лва. лва. христинꙋ. катериноу. василїа. григорїа. аганїю. григорїа. оулїаноу. їриноу. їѡ҃. їѡсифа. тимоѳїа. сѵмеѡна. софона. григорїа. ѳерафона. настасїю. їѡ҃. мр҃їю. мр҃їю. ѳетинїю. оулїанꙋ. мр҃їю. оулитꙋ. оулитоу. мр҃їю. еѵгенїю. ѳеѡдота. татїанꙋ. парасковгїю. леѡнтїа. понарїю. манꙋила. аѳанасїю. никитоу.

---

*) Послѣднія два имени приписаны на поляхъ, но кажется, одновременно съ текстомъ.

**) Это имя приписано на поляхъ позднѣйшимъ почеркомъ.

мр҃їю. настасїю. їѡ҆ноу. їѡнꙋ. їѡнꙋ. настасїю. їѡ҆нꙋ. матреноу. оу҆лїаноу. а҆ѳонасїа. мамелфоу. ѳеѡдора. пахомьѧ. моланїи. їѡ҆ноу. їѡ҃. марьтирїа. зиновїю. а҆нтонїа. домнꙋ. а҆лезїа їѡ҃. софїю. кѵпрїана. настасїю. їриноу. а҆лезандрꙋ. їѡноу. димитриа. козмоу.

Рѡ҆ панеи мечево. романа. домонта. мелентїа. їѡ҃. їѡ҃. їѡ҃. григорїа. василїа. петра. а҆нноу. мр҃їю. а҆нноу. ѡ҆вдотїю. е҆лсноу. зинїю. лꙋкїана. а҆нноу. ко҃.

Коньстѧнтина. е҆лтꙋфїа. ѳеѡдорꙋ. а҆реѳоу. а҆кѵлинꙋ. герасима. їеремїа. а҆ндрѣа. е҆ленꙋ. ѡ҆вѡдотїю. бориса. а҆кѵлиноу. дїѡ҆нисїа. кирила. и҆гнатїа їѡа҃. а҆кѵлиноу. зенїю. а҆мвросїа. логгина. клима. фаоу҆ста. мр҃їю.

Рѡ҆ кнѧ҃, михаила, димитреевич, вѧземьскѡ҃. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃, коньстѧнтина. кнѧ҃. а҆нноу. кн҃ коньстѧнтина. кнѧ҃ ѳеѡдора. кнѧ҃, а҆ндрѣа. кнѧ҃, ѳетинїю. кнѧ҃, ѳеѡдорꙋ. кѡ҃.

Кнѧ҃, димитрїа. михаила. їѡ҃. димитрїа. и҆сакиа. никитоу. їѡ҃. родиѡна. е҆ленꙋ. христїноу. катеринꙋ. матреноу. глѣба. ѳеѡдора. ѳеѡдосїю. е҆ѵстафїа. їѡ҃. ѳеѡдосїю. їриноу. сѵмеѡна. и҆гнатїа. трифона. димитрїа. ѳеѡдора. е҆лїѵѳерїа. мр҃їю. василїа. оу҆лїаноу. козмꙋ. а҆гафїю. оу҆а҆ра. ѳеѡдора. варвароу. ѳеѡдосїю. а҆взентїа. матѳеа. сѵмеѡна. їѡ҃. мр҃їю. мр҃їю. мр҃їю. а҆гафїю. селивана. козмѧ. ѳеѡдосїю. мазима. макарїа. м҃. сїливана. а҆нꙋфреа. катеринꙋ. ѳеѡдорꙋ. сѵмеѡна. а҆кѵлиноу. софона. полѵекта. мр҃їю. варвароу. ѳеѡдосїю. коньстѧнтина. їѡ҃. парасковгїи агапїю.

Рѡ҆, кнг҃ни, марїи семеновое трабь. кнѧ҃. ѳеѡдора. кнѧ҃, а҆лезандра. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃, василїа. кнѧ҃, володимера. кнѧ҃, ѡ҆грофиноу. кнѧ҃, ѳеѡдосїю. кнѧ҃, ѡ҆вдотїю. кнѧ҃. е҆ленꙋ. кнѧ҃, филиппа. кнѧ҃, е҆впатьа. кнѧ҃, парѳенїа. кнѧ҃, марїю. кнѧ҃, димитрїа. кнѧ҃, сѵмеѡна. кнѧ҃ харитона. кнѧ҃, соѳїю. кнѧ҃, семена. кнѧ҃, марѣмьанꙋ. кнѧ҃, їринꙋ. кнѧ҃, мр҃їю. кнѧ҃, ѡ҆лкгимонта. въ и҆ноцѣ, е҆ѵѳимїа. кнѧ҃. їѡ҃. кнѧ҃ сѵмеѡна. кнѧ҃, їѡ҃. кн҃ а҆ндрѣа. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃ григорїа. кнѧ҃, їѡ҃. кн҃ василїа. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃, а҆ндрѣа. ѳеѡдора. оу҆лїаноу. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃, а҆лезанра. кнѧ҃, ѳетинїю. кнѧ҃, софїю. е҆рмола. ѳеѡдосїю. кѡ҃.

Соѳїю. зоубревицкꙋю:- кнѧ҃, димитрїа, въ и҆ноцѣ, демиана. кнѧ҃, ѡ҆грофиноу. въ и҆ноцѣ, е҆леноу. кнѧ҃, ѳеѡдора. кнѧ҃, настасїю. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, а҆ньдрѣа. кнѧ҃, а҆кѵлиноу. кнѧ҃, савꙋ. кнѧ҃, мр҃їю. кнѧ҃, татїаноу. кнѧ҃ василїа. кнѧ҃, оу҆лїанїю. кнѧ҃, оу҆лїанїю. а҆ндрѣа. їѡ҃. настасїю. григорїа. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃,

самсона. кнѧ҃, костѧнтина. оулїаноу. кнѧ҃, мр҃їю. кнѧ҃ мр҃їю. еѵстаѳїа. акѵлиноу. настасїю. алеѯанр҃а. екатериноу. геѡргїа. андрѣа. еѵѳимїю. михаила. никона. фегноста. оулитꙋ. їакова. трифона. алеѯандра. мр҃їю. григорїа. еленоу. ѳеѡдора еѵѳимїю. матреноу. еѵѳимїю. василїа. герасима. савостїана. ѯенїю. марїю. данила. захарїю. оулїаноу. їѡ҃. григорїа. мр҃їю. мартина. кꙋдїна. лꙋкїана. марїю. еѵѳимїю. татїаноу. мр҃їю. тихона. пагкратїе. їриноу. григорїа. козмоу. ꙗкова. данила. татїаноу. двд҃а. бориса. климентїа. варвароу. аноѳреа. василїа. макарїа. стефана. оулїаноу. сѵмеѡна. марфоу. прокопїа. еленоу. їѡ҃. аннꙋ. ѯенїю. ѡгрофиноу. ѳеѡфана. мр҃їю. ѳеѡдора. їакова. бориса. анр҃ѣа. перфїрїа. антонидоу. леѡнтїа. селиверста. меланїю. игнатїа. перфирїа. мр҃їю. домнꙋ. емелїана. еѵѳимїа. лоукѵана. алеѯанр҃а. петра. їѡ҃. хотимїю. парасковгїю. никитꙋ. оулитоу. аѳанасїа. їсакїа. ефрѣма. сидора. настасїю. инѡ҃, аѳанасїа. мр҃їю. петра. еѳросинїю. левонтїа. варсонофїа. василисы. ѡгаѳїю. леѡнтїа. ѳеѡдора. ѳеѡдосїю. ѳомоу. манꙋила. еленоу. филипа. еѳросинїю. меланїю. алеѯандра. ѯенїю. рѡдвѡна. еѵпраксїю. соломонїдоу. флора. зиновїю. варвароу. стефана. парфенїа. еленоу. василїа. анноу. евдокима. еленоу.

Лапѡ҃. варлама. аньтонїдоу. їакова. їоустинїю. кѡ҃.

Зиновїа. никитоу. парасковгїю. ефрѣма. їѡ҃. їѡсифа. ѳеѡдора. савастїана їѡ҃. акѵлинꙋ. алеѯанр҃а. настасїю. їлию. матѳѣа. їѡ҃. їѡ҃. еѵѳѵмїю. їѡ҃. ѳеѡдосїа. зиновїа. ананїю. ѯенїю. никитоу. їѡа҃. николоу. евдокїю. настасїю. ѳеѡдора. дв҃а. софїю. ѳеѡдосїю. димитрїа. їѡ҃. їѡа҃. варвароу никитоу. кнѧ҃ ѡрїа чернѣговскаго. лва. дабижива. аннꙋ. їѡ҃. василїа. акѵлинꙋ. ѳеѡдора. василїа. василисоу. ѳеѡдора. михаила. ѳетинїю. василїа. їѡ҃. бориса. ѡвдотїю. аввакоума. еленоу. стефана. мамелфоу. василїа. настасїю. григорїа. антонїа. стефана. петра. оулитоу. сидора. настасїю. сѵмеѡна. їѡ҃. петра. василїа. гаврїила. ѳеѡдосїю. настасїю. їѡ҃. григорїа. алеѯїа. григорїа. *) григорїа. їѡ҃. сѵмеѡна. карпа. ѯенїю. василїа. парасковгїи. ѳеѡдота. маринꙋ. їѡ҃. ѳетинїю. евлампїа. настасїю. мр҃їю. алеѯаньдра. ѳетинїю. оулїанꙋ. еѵстафїа. анноу. захарїю. гаврїла. михаила. матреноу. матѳѣа. еѵстафїа. григорїа. ѳеѡдороу. игнатїа. ѳеѡдотїю. василїа. еѳросинїю. матѳѣа. василїа. їриноу.

---

*) Послѣднія два имени приписаны на поляхъ, но—кажется—одновременно съ текстомъ.

ї҆ѡа̀нна. диѡ҆нисїа. ї҆ѡ҃. є҆всевїа. оу҆литоу. є҆ѵѳимїю. мр҃їю. варфоломѣѧ. парасковгїю. филиста. владимера. а̀ннѫ. а̀лезандрꙋ. наталїю. оу҆лиа̀нїю. василїсоу. василїа. михаила. є҆ѵ҆ѳимїю. матреноу. григориа. матѳѣа. а҆гриппинꙋ. терентїа. є҆ѵ҆ѳимїю. оу҆лїа̀нꙋ. а̀кѵндина. а̀нноу. касїана. власїа. а҆нтонїа. а̀лезанр҃а. михаила. григорїа. ѳеѡдосїю. є҆леноу. варварꙋ. настасїю. є҆леноу. григорїа̀. а̀нноу. ї҆ѡакима. а̀ѳанасїа. и҆гнатїа. ѳевронїю. пахомїа. є҆ленꙋ. а̀лезанр҃оу. а̀мѡса. семиѡ҆на. оу҆литоу. максима. климентїа. татїаноу. ѳеѡдора. є҆ѳросинїю. сѵ҆меѡ҆на. пантелѣимона. варварꙋ. марїю. ї҆ѡ҃. григорїа. гера҃. григорїа. маремїаноу. ї҆ѡ҃. ї҆ѡ҃. мр҃їю. ї҆ѡа҃. оу҆литоу. кѡ҃.

Капетелиноу. є҆ѵстратїа. мартирїа. павла. меланїю. матреноу. мр҃їю. леѡ҆нтїа. ѳеѡдора. ї҆ѡакима. стефана. ї҆ѡ҃. стефана. климентїа. ї҆оулїаноу. симѡна. сѵливестра. а̀нноу. василїа. є҆вдокїю. сѵ҆меѡна. є҆леноу. настасїю. ї҆ѡ҃. нестера. лꙋкѣрїю. зиновїа. и҆нѡ҃ ѳеѡдора. мр҃їю. а̀ндрѣа. леѡ҆нтїа. мартина. ї҆лїю. василїа. є҆ѵстафїа. коньстѧнтина. ѳеѡдосїю. григорїа. мр҃їю. григорїа. ї҆акова. козмꙋ. ѡ҆вдотїю. ѳеѡдорꙋ. наталїю. ї҆ѡ҆акима. домноу. герасима. ѕенїю. ѳеѡдора. феѡ҆гнаста. а҆никитоу. сѵ҆меѡ҆на. тарасїа. василїа. а̀лезандра. мартина. и҆гнатїа. мр҃їю. ї҆ѡа҃. ѡ҆лїѕїа. конана. василїа. вавѵ҆лоу. мр҃їю. германа. соломониды. стефана. ї҆ѡ҃. григорїа. є҆леноу. є҆ѵ҆докїю. лоукѣрїю. а̀нноу. сидора. хотимїю. ї҆ѡ҃. соѳронїа. ѳеѡдора. а̀лексѣа. василїа. є҆ѵ҆стафїа. оу҆литоу. софїю. сѵмеѡна. димитрїа. сѵмеѡ҆на. є҆ѵ҆ѳимию. прокопїа̀. а̀лезаннра. христїноу. ї҆ѡ҃. мр҃їю. а҆рсенїа. а̀лексѣа̀. феклоу. василїа. василїсоу. спиридонїа. терентїа. а̀кѵлиноу. ѳеѡдора. павла. є҆ѵ҆ѳимїю. ї҆ѡ҃. є҆ленꙋ. матреноу. ѡ҆ѳонасїа. василїа. ѻ҆гаѳїю. галасїа. ѡ҆носїю. ѡ҆гафїю. ѡ҆ндрѣа. ѳеѡдосїю. сѵ҆меѡ҆на. ї҆ѡа҃. савы. ѡ҆гафона. ї҆ѡ҃. василїа̀. коньстѧнтина. герасима. сѵмеѡна. ї҆ѡ҃. ю҆рїа. ї҆ѡ҃. васьана. ѳеѡдора. василїа. матреноу. василїа. кїпрїана. протасїа ѡ҆вдотїю. тимоѳѣа а̀кѵлиноу. григорїа. петра. стефана. ѳомоу. а̀нноу. ѕенїю. ѳеѡдора. ї҆ѡ҃. ѳомоу. є҆липарха. февронїю. маѕїма. карпа. михаила. сѵмеѡ҆на. ї҆акова. григорїа. ї҆ѡ҆сифа. кнѧ҃, симеѡна. кнѧ҃, соломонидоу. кнѧ҃, григорїа. кнѧ҃, є҆пихарїю. кнѧ҃ филїпа. ѕенїю. ѳеѡдосїю. зосимѫ. козмоу. а̀нноу. є҆вдокїю. ѳеѡдосїю. а̀лезаньдроу. матѳїа. а҆ганїю. ї҆ѡ҃. и҆гнатїа̀. тимоѳеа. и҆рїноу. глѣба. ѳеѡдосїю. матреноу. ѳеѡдора. настасїю. козмꙋ. прокопїа. а̀нноу. ѳеѡдосїю. варвароу. мр҃їю. настасїю. лаврентїа. ї҆акова. татианоу. оу҆лїаноу. оу҆лїанꙋ. *) никитоу. мр҃їю. коньстѧнтина.

---

*) Это имя написано на поляхъ, но—кажется—одновременно съ текстомъ.

Бердебѧчинъ. никифора. а҆ѳонасїа. е҆рмолоу. їѡ҃. и҆гнатїа. ѳомꙋ. терентїа. оулїа҆нїю. їѡ҃. гаврила. михаила. ѳеѡдора. а҆ньдрѣа. матреноу. ѳетинїю. ѡ҆лезандра. полѵкарпа. сѵмеѡ҆на. оу҆стинїю. никитоу. потапа. їѡ҃. оу҆лїаноу. василїа. їѡ҆ноу. а҆ндрѣа. маноуила. ѳеѡдора. татїаноу. зиновїю. диѡ҆нисїа. е҆фросинїю. софїю. конрата. їѡ҃. матреноу. татїаноу. савоу. мр҃їю. е҆ѵфимїю. ѳеѡдора. мр҃їю. малофїа. стефана. ѳеѡдороу. татїаноу. пелагїю. ѡ҆никїа. василїа. а҆ннꙋ. данила. грирїа (sic). карпа. їрїноу. ѳеѡдосїю. наталїю. їѡ҆ноу. матреноу. макарїа. михаила. настасїю. оулїаноу. ховронїю. захарїю. василисоу. їа҆кова. тимоѳїа. маврꙋ. стефана. їѡ҃. грїгорїа. михаила. їѡ҃. марѳоу. и҆гнатїа. михаила. мефодїа. петра. ѳеѡдота. а҆ноусїю. зенїю. е҆ѵпразїю. їакова. петра. їѡ҃а оу҆литоу. а҆лезандра. стефана. їѡ҃. юрїа҆. лоукѣрїю. зенїю. митрофана. матрены. григорїа. е҆ремѣа. е҆вгинїю. е҆лиѡ҆зара. мр҃їю. матреноу. е҆лхима. їѡ҃. зенїю. оу҆стинїю. а҆нроника. захарїю. мр҃їю. пантелѣимона. їѡа҃. мр҃їю. пе҃тера. марѳꙋ. е҆фросинїю. василїа. варвароу. никитоу. ѳеѡдосїю. тимоѳїа. а҆ртемїа. бориса. спиридонїа. соломонидоу. матреноу. савоу. стефана. а҆ндрѣа҆. їѡ҃. ѳеѡдосїю. ѡ҆вдотїю. ѡ҆грофиноу. їакова. е҆рмолоу. парасковгїю. ѳеѡдосїю. логгина. мр҃їю. михаила. їѡ҆а҆нна. їѡ҆сиѳа. трѵфона. іа҆кова. їѡ҃. михаила. їѡ҆ноу. зенефонта. варвароу. иполита. їѡ҆анна. гаврила. павла. е҆леѡ҆зара. а҆нноу. пигасїю. василїсꙋ. ѳеѡдора. рѡдиѻ҆на.

Рѡ҃, григорїа, пантелѣева. пантелѣимона. е҆ѵѳимїа҆. е҆всѣвїа. фотїа. григорїа. максима. а҆гафїю. матѳїа. рѡдиѻ҆на. настасїю. їѡ҃. трифона. лва. а҆лезандра. е҆ленꙋ. їѡ҆акима. коньстѧнтина. мр҃їю. е҆ѵѳимїа. е҆ѵстафїа. дїѡнисїа҆. мелентїа. варсонофїа. їѡ҆ноу. трꙋбецкый. *) їѡ҃. їѡнꙋ. петра. їѡ҆ноу. а҆гафїю. коньстѧнтина. а҆кова. (sic) ѻ҆рїнꙋ. зеновїю. а҆нноу. ѻ҆грофѣноу. сѵмеѡ҆на. татїаноу. григорїа. їоу҆лїаноу. ѡ҆ксинїю. е҆ѵѳимїю. и҆рїноу. е҆леноу. а҆ганїю. їе҆лисѣа҆. е҆мелїана. лоукїана. григорїа. оу҆лїа҆ноу. захарїю. сѵмеѡ҆на. е҆леноу. василїа. лаврентїа҆. а҆ндрѣа. ѳеѡдора. диѡ҆нїсїа҆. василїа. перѳирїа. гаврила. григорїа. а҆нноу. и҆сакїа. їѡ҃. димитрїа. давыда. мр҃їю. а҆гафїю. їѡ҃. е҆леноу. ѳетинїю. матреноу. димитрїа. никитоу. михаила. дв҃да. е҆вламнїа. е҆мелїана. петра. въкола. їѡ҆нꙋ. оу҆лїаноу. а҆гафїю. а҆гафїю. їѡ҃. ѡ҆грофиноу. михаила. васьана. григорїа. а҆киньѳа. дарьи. е҆всѣвїа. меланїю. а҆рсенїа. патрикїа. їѡ҃. зенїю. диѡ҆нисїа.

---

*) Это слово приписано внизу, на поляхъ, красными чернилами, — при чемъ сдѣлано указаніе къ какому мѣсту текста оно относится.

Андрѣа. василїа. меланїю. ѳеѡдора. їсидора. самсона. оуліанoу. Андрѣа. Аѳанасїа. їѡнѵ. ѳомоу. татїаноу. ефрѣма. васьана. прокопїа. антонидоу. Игнатїа. генадїа. феклоу. ѡвдотїю. їѡ. аннoу. николоу. захарїю. ѡвдїю. химѵ. стефа. аннoу. григорїа. їакова. ѡвдотїю. пелагїю. павла. пантелеймона. ѳомоу. ѡгрофиноу. ѳеѡдорѵ. ѳомоу. бориса. ефросинїю. еѵстафїа. наталїю. їакова. оуліаноу. григорїа. настасїю. юрїа. димитрїа. ѳеѡдора. їѡ. василїа. еѵпразїю. оуліаноу. Андрѣа. дементїа. антонидоу. костантина. ѳеѡдора. дементїана. аннoу. логгина. сѵмеѡна. варварѵ. юрїа. диѡмида. мрїю. їѡа. емелїана. варвароу. кн михаила. їѡ. кнз, їѡ. василисоу. ѡвдотїю. мрїю. конана. еѵѳимїю. данила. пелагїю. Ѡлизара. леѡнтїа. евлампїа. мамелфоу. мрїю. григорїа. їѡ. василїа. ѳеѡдосїю. ѳеѡдора. пагкратїа. нестора. їѡ. зенїю. елтѵфїа. василїа. еѵѳимїю. лоукерїю. филиппа. зенїю. димитрїа. їѡ. григорїа. Ѡгрофиноу. їѡ. оуліанѵ. аввакоума. настасїю. василїа. їѡ. василїа. їѡ. мрїю. васиана. татїаноу. харитона. зиновїю. емелиана. карпа. їѡ. стефана. еѵстафїа. їакова. ефросинїю. маремїаноу. мархвоу. Игнатїа. Игнатїа. їѡ. сѵмеѡна. матреноу. їѡ. Ѡзинїю. елиѵѳерїа. ѳетинїю. сѵмеѡна. козмоу. їріноу. сѵмїѡ. їсакїа. їѡ. кнз, бориса. ѡлеѯандра. їѡ. еѵстафїа. елтоуфїа. кондрата. стефана. макарїа. їѡноу. кирила. мрїю. михаила. ѡгрофиноу. паисїа. ѳеѡдорѵ. григорїа. ѳеѡдора. їринѵ. алеѯїа. григорїа. матреноу. екатериноу. юрїа. григорїа. ексевїа. аніцифора. фетинїю. маринoу. настасїю. ѳеѡдосїю. еленоу. еѵстафїа. мамелфѵ. аннoу. андрѣа. кирила. варсонофїа. давыда. макарїа. мартина. ѡксинїю. захарїю. мефодїа. стефана. еѵстафїа. нестора. ѡзинїю. патрикїа. максима. григорїа, и женоу е. филиппа. матренѵ. ѳеѡгноста. ѳеѡдора. їѡа. михаила. їѡникеа марфоу. филиппа. аннѵ. германа. їѡ. ѡвдотїю. коньстантина. василїа. їѡ. михаила. григорїа. ѡгапию. еленоу. митрофана. герасима. їѡ. зенова. ѡгафїю. стефана. мрїю. силивана. ѳеѡдора. андрѣа. ѡксинїю. їѡакима. мрїю. аннoу. їсакїа. їѡсафа. ѳеѡдора. варсонофїа. никифора. аннѵ. аносїю. григорїа. мрїю. акѵлиноу. їѡ. аннoу. стефана. геронтїа. соломонидѵ. дарїю. рѡмѡна. евгенїю. їѡа. ермола. їѡакима. алеѯїа. їѡ. коньстантина. юрїа василїа. ефросинїю. татїанѵ. андрѣа. ѳеѡдосїа. ѳеѡдора. аѳанасїа. ѳомоу. ѡвдотїю. ѳетинїю. тарасїа. василїа. симеѡна. маѳѣа. василїсоу. василїсоу. евгенїю. павла. ѳеѡдосїю. ѡвдотїю. ѡвдотїю. їѡ. зиновїа. василїа. ѯександра. антонидоу. ананїю. маремианоу. леѡнтїа. ѯандѣана. ѳетинїю. понарию. їѡ. ѯандѣа. їелїсѣа. келсїа. мрїю. ѡлиѵѳерїа. їѡ. їакова. матреноу. григорїа. григорїа.

матреноу. симеѡ҆на. корнилїа ѳеѡдо҆та. ѡ҆ксинїю. герасїма. захарїю. кондрата. терентїа. їакова. їѡ҆сифа. ѳеѡдо҆ра їа҆кова. а҆нр҃ѣа. козмꙋ. григорїа. стефана. а҆нанїю. маѯима. е҆фрѣма. диѡ҆нисїа. павла. василїа. а҆ѳанасїа. данїила. меланїю. ѡ҆ѳонасїа. ѡ҆грофиноу. мр҃їю. ѳеѡдо҆сїю. зиновїю. е҆лѵ҆ѳерїа. данила. матѳїа. ѳеѡдо҆ра. стефана. а҆нр҃ѣа. лавра. а҆грипиноу. лꙋкѣрїю. и҆гнатїа. диѡ҆нисїа. данила. никифора. химоу. конана. димитрїа. їа҆кова. марїю. ѡ҆вдотїю. настасїю. николоу. домноу. ѳеѡдо҆рꙋ. и҆гнатїа. татїаноу. ма҃фїа. е҆пихарїю. ѡ҆вдотїю. василїа. ѡ҆ксинїю. ѳомоу. ѳеѡдо҆сїю. а҆ксентїа. а҆нтонїа. а҆ндрѣа. ѳеѡдо҆ра. е҆ѵ҆стафїа. їсидора. їѡ҃. ѳеѡдо҆ра. а҆гапона. тимоѳеа. варвароу. ѳеѡдо҆ра. мр҃їю. терентїа. їѡ҃. їѡ҆сифа. конана. стефана. филиппа. василисоу. їѡ҆сифа. софонїа. димитрїа. карпа. григорїа. а҆гафїю. їѡ҃. їѡ҆никиа. домникїю. григорїа. їѡа҃. конана. а҆ндрѣа. їлїю. ѡ҆вдотїю. стефана. кикелїю. їѡ҆сифа. оу҆литꙋ. їѡ҆ноу. е҆ѳимїю. їе҆фрѣма. захарїю. ѳеѡдо҆ра. а҆кѵ҆линоу. стефана. а҆ннꙋ. їа҆кова. потапїа. пелагїю. а҆нн҃оу. ѳетинїю. ѳомоу. їѡ҃. е҆мелїа҆на. ѳеѡдо҆сїа. їа҆кова. ѳетинїю. мр҃їю. їлариѡ҆на. максима. матреноу. бориса. максима їѡ҃. михаила. захарїю. семеѡ҆на. е҆ѵ҆ѳимїа. ѡ҆ѳросинїю. и҆гнатїа. михаила. а҆грипѣны. мр҃їю. а҆леѯандра. стеѳана. їѡ҃. ѳеѡдо҆ра. парѳенїа. матрены. михаила. григорїа. и҆но҃ леѡ҆нтїа. маремїа҆нꙋ. никифора. данїила. їриноу. кнѧ҃, василїа. меланїи. їѡ҃. и҆лїю. и҆нокы а҆нны. сщ҃еннѡ, инока. и҆гнатїа. а҆леѯандра. ѳѥфилакта. (sic) и҆нѡ҃, мелентїа. ѻ҆ленꙋ. е҆фрѣма. іѡа҃. моланїю. ѡ҆леѯїа. їѡ҃. лоукѣрїю. дорофѣа. микитꙋ. ѡ҆коула. ѻ҆лизара. ѡ҆гафїю. настасїю. наоу҆ма. и҆гнатїа. татїаноу. матреноу. понарїю. коузмоу. матреноу. ѡ҆лферїа. тарасиа. григорїа.

[Рѡ҃, па҃, скипорѧ старосты житомерьского]. *) ѯенифонта данила. василїа. їѡ҃. е҆леноу. їакова. григорїа. оу҆лїанꙋ. ѡ҆вдотїю. е҆лиѵ҆ѳерїа. е҆ѵ҆стафїа. їе҆ва. а҆рка҃дна. їѡ҆ноу. їриноу. оу҆лїаноу. їѡ҃. е҆лгꙋ. настасїю. матрены. матфїа.

Рѡ҃, бардичь. їѡ҃. димитрїа. бориса. ѳеѡдо҆сїа. ѡ҆ксинїю. софїю. мр҃їю. димитрїа. ѳеѡдо҆ра. кѡ҃.

Филиппа. пелагїю. григорїа. сѵ҆меѡ҆на. и҆нѡ҃. ѳеѡдо҆роу. кѡ҃.

Рѡ҃, черькаскыи. матьфѣа. никона. парасковгїю. власїа. а҆ндрѣа.

---

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ, внизу, съ обозначеніемъ, куда въ текстъ оно должно быть отнесено.

ѳетинїю. диѡ҆нисїа. є҆ѵ҆ѳїмїю. матфѣа. василїа. савы. настасїю. матренꙋ. степана. филипа. ѡ҆ксинїю. їриноу. ѡ҆вдѣа. костѧнтина. матренꙋ ѳатїана. ꙗ҆кова. аннꙋ. а҆ндрѣа. ѳеѡдора. бориса. їѡ. ѳомꙋ. їѡ. ко҃.

Мр҃їю. оу҆литоу. зиновїю. григорїа. а҆ввакоума. макарїа. василисы. ѡ҆зарїа. и҆нѡкꙋ, мр҃їю. їѡ. ѯенїю. максима. оу҆лїаноу. тимофїа. катериноу. фатїана. козмы. мр҃їю. варварꙋ. перфїрїа. а҆нтонїа. а҆нр҃ѣа. григорїа. а҆кѵ҆нфа. дарїю. їриноу. григорїа. дїмитрїа. оу҆лїаноу. анноу. ѡ҆нанїю. є҆леноу. григорїа. костѧнтина. є҆сипа. захарїю. оу҆лїаноу. ѡ҆фонасїа. а҆ртема. козмы. ѡ҆ксинїю мр҃їю.

Рѡ҃, пана їѡ҃, пилипови҃ черкаского. їѡ҃. тимофѣа а҆кѵ҆линоу. хотимїю. є҆фрѣма. никифора. матрены. и҆гнатїа. ѡ҆лєѯандра. фирса. никитоу. ѡ҆гафїю. и҆нѡ҃, гарасима. полѵ҆єкта. їриноу. а҆ньдрѣа. ѳомоу. бориса. ѡ҆гаѳїю. фетинїю. и҆но҃ захарїю. василїа. сѵ҆мєѡна. матреноу. є҆вгенїю. климентїа. парасковгїю. и҆но҃, ѡ҆фонасїа. татїаноу. ѳеѡдора. ѳеѡдора. димитрїа. оу҆лїаноу. а҆нн҃оу. парасїю. катериноу. ѡ҆лєѯандра.

Рѡ҃, пана кꙋзмы шапочкина. коузмоу. а҆ндрѣа. михаила. семєѡна. ѡ҆грофиноу. диѡ҆нисїа. мр҃їю. їа҆кова. ѡ҆ксинїю. гаврила. мартина. семиѡ҆на. ївана. ѡ҆праксїю. лоукѣрїю. а҆нн҃оу. є҆леноу. моланїю. є҆катериноу. семєѡна. є҆ѵ҆ѳимїю. степана. настасїю. татїаноу. хотимїю. ѳеѡдора. хотимїю. їѡ҃. є҆леноу. ѳеѡдора. а҆мбросїа. и҆гнатїа. никитꙋ. и҆но҃, ѧ҆кыма. и҆но҃ селивестра. и҆но҃, є҆вдѡкѣю. степана. семиѡ҆на. савы. сергѣа. и҆но҃ касьѧна. ѡ҆лєксѣа. григорїа. и҆ва҃. матрены. а҆нн҃оу. настасїю. ѳеѡдора. ѡ҆гафїю. а҆ндрѣа. ѡ҆рины. ѻ҆фросинїю. ѡ҆водотїю. и҆ѡ҃а. а҆ндрѣа. тарасїа. а҆нн҃оу. михаила. настасїю. василисы. є҆ѳрѣмїа. матрены. констѧнтина. ѳеѡдора. григорїа. ѻ҆лєѯїа. ѳеѡдора. и҆нокꙋ оу҆литоу. и҆нокꙋ, мр҃їю. ѳеѡдота. татїаноу. пахомїа. їѡ҃. ѡ҆вдотїю. нестера. татїанꙋ. їѡ҃. їѡ҃. гаврила. ѡ҆мелїана. сщ҃єннѡи҆но҃, а҆гѣа. сщ҃єннѡ, и҆но҃, ѳотѣа. маланїи. ѡ҆вдотїи. а҆лєѯанр҃а. ѳеѡдосїи. бориса. їѡ҃. ѳеѡдора. їѡ҃. михаила. є҆лиѡ҆зара. є҆лтоуфїа. а҆ндроника. сергѣа. оулїаноу. їѡ҃. нектарьа. василисоу. їлариѡ҆на. оу҆лїаноу. григорїа. а҆лєѯандроу. иакова. павла. афанасїа. ѳеѡдороу. григорїа. їѡ҃. а҆гафїю. а҆ньдроника. ѳеѡдороу. їѡ҃. є҆рмолоу. їакова. є҆вдѡкїи. їѡ҆сиѳа. їлїю. парасковгїю. татианоу. василисоу. ю҆рїа. а҆нтонїа. мр҃їю. григорїа. двд҃а. оу҆литоу. а҆нн҃ꙋ. соѳїю. матреноу. є҆лиѡ҆зара. пагкратїа. бориса. ѳевронїю. ѳеѡдора. семєѡна. ѳеѡдора. коньстѧнтина. григорїа. оу҆литоу. їриноу. варламїа. є҆леноу. никифора. їѡ҃. є҆ѵ҆праѯїю. тимоѳїа. а҆ѳанасиа.

мирона. оу҆лїаноу. григорїа. ѳеѡдота. козмоу. химоу. а҆леѯандра. михаила. а҆нн҃ꙋ. татїаноу. григорїа. ма҃ѳїа. и҆гнатїа. *) романа. а҆гафїю. меланїю. а҆ѳанасїа. малафіа. е҆фросинїю. василїа. їѡ҃. матреноу. коньстѧнтина. савоу. савостїана. родиѡ҆на. ѳетинїю. е҆ѵ҆стафїа. їѡа҃. лаврентїа҆. пелагїю. е҆рмолоу. и҆гнатїа. ѳеѡдора. ѳетинїю҆. никона. софїю. їѡ҃. їѡ҃. димитрїа. бориса. ѳеѡдосїа. ѡ҆ксинїю. софїю. мр҃їю. димитрїа. ѳеѡдора. никитоу. тимоѳїа. мр҃їю. варвароу. савоу. е҆вгоу. е҆катериноу. настасїю. їѡ҃. а҆нн҃оу. їакова. а҆нн҃ꙋ. а҆ндрѣа҆. ѡ҆вдотїю. зиновїа. оу҆литоу. павла. ѡ҆ксинїю. ї҆рїноу. никитоу. е҆катериноу. стефана. тихона. ѡ҆грипинꙋ. лаврентїа. сѵ҆меѡ҆на. ѡ҆грофиноу. а҆кѵ҆линꙋ. а҆леѯѣа. ѡ҆вдотїю. марка. ѡ҆вдотїю. е҆ѵ҆стаѳїа. и҆гнатїа. савоу. никитоу. е҆ѵ҆ѳимїю. василїа. захарїю. матѳїа. тимоѳїа.

Ѳедора и҆конника рѡ҃. ѳеѡдора. савоу. їѡ҃. їѡ҆сифа. мр҃їю. ѻ҆ксинїю. татїаноу. зиновїю. василисоу. їѡ҃. а҆гафїю. а҆ньдроника. їѡ҃. е҆рмолоу. ѡ҆вдотїю. парасковгїю. татїаноу. їакова. їѻ҆сифа. їлїю. василисоу. мр҃їю. григорїа. и҆нокоу ѳеѡдороу. ю҆рїа. меланїю. а҆нн҃оу. двд҃а. софїю. матреноу. оу҆литоу. ѳеѡдора. е҆вдокїю. варвароу. сѵ҆меѡ҆на. пантелѣимона. їриноу. василисоу. ѳеѡдора. матреноу. къзмоу. сѵ҆меѡ҆на їѡ҃. а҆нноу. трїфона. оу҆лїаноу. ѳеѡдора. григорїа. тимоѳїа. а҆леѯїа. григорїа. **) меланїю. їѡ҃. матреноу. а҆нанїю. мр҃їю. е҆лиѵ҆ѳерїа. ѡ҆ѯинїю. понарїю. їѡ҃. їѡ҃. їѡ҆а҆кима. а҆нн҃ꙋ. а҆гафїю. парасковгїю.

Рѡ҃, пана, юрїа зиновьевич. и҆но҃, їѡ҆нꙋ. и҆но҃. захарїю. мр҃їю. василїа. їнѡ҃. їѡ҆нꙋ. и҆нѡ҃. а҆ндрѣа. михаила. їѡ҃. прокопїа. ѳеѡдора. лв҃а. инѡ҃, маремїаноу. настасїю. пацка. ю҆рїа. їѡ҃. мариноу. а҆гаѳїю. и҆но҃. оулианоу. михаила. ѡ҆грипиноу. а҆нр҃ѣа. и҆но҃ и҆лїю. ї҆ѡноу. стеѳана. а҆нн҃оу. леѻнтїа. димитрїа. григорїа. и҆нокоу оу҆литоу. ѳеѡдосїю. ю҆рїа. ѡ҆ксинїю. кꙋдина. е҆ленꙋ. катериноу. ѳеѡдорꙋ. и҆нѡ҃, василїа. и҆нѡ҃, ѳеѡдора. мр҃їю. оу҆лїаноу.

**) Послѣднія три имени приписаны на поляхъ, внизу, съ указаніемъ, куда должны быть отнесены въ текстѣ. Приписка сдѣлана одною (по сравненію съ текстомъ) рукою и одинаковыми чернилами.

**) Послѣдніе три имени приписаны внизу, на поляхъ, одновременно съ текстомъ,—при чемъ обозначено, куда—въ ряду прочихъ именъ—онѣ должны быть отнесены.

а̀га̀фїю. а̀нцифора. пола^дию. димитрїа. софїю. григорїа. мр҃їю. стефана. и҆нѡ҃, сѵ̑меѡ̑на. михаила. оу҆лїа̀ноу. и҆ ро^дителеи и҆. кѡ҃.

Бориса. а̀леѯїа. парасковгїю. максима. романа. григорїа. ѐпихарїю. ѡ҆ксинїю. їѡа҃. мр҃їю. а̀ртемїа. варвароу. е҆ѵ҃стафїа. їси^дора. е҆ѵ҃праѯїю. сѵ̑меѡ̑на. ни҆фора. ѡ҆вдотїю. ѐвсевїа. стефана. мр҃їю. пола^дию. а̀нтонїа. зиновїю. їѡ̀нꙋ. вла^димира. їеремѣа. а̀гафїю. ѡ҆вдотїю. димитрїа. григорїа. їѡ̑сифа. їлїю. павла татїа̀ноу. татїаноу. тимоѳїа. диѡ̑нисїа. ѳеѡ^дороу. бориса скимника. а҆гафїю скимницꙋ. василїа. татїа̀ноу. ѳеѡ^досїю. оу҆лїаноу. григорїа. матренꙋ. костѧнтина. леѡ̑нтїа. ѡ҆гафїю. ѳеѡ^досїа. ѡ҆стафїа. порасїю. ѡ҆леѯїа. настасїю. и҆нѡ҃, е҆пифанїа. парасковгїю. карварꙋ. ѡ҆леѯїа. ѻ҆нисима. їѡ҃. ѳеѡ^досїю. мр҃їю. диѡ̑нисїа. павла. оу҆лиа̀ноу. фоѳана. оу҆лїанꙋ. ѡ҆вдѣа̀. поладїю. григорїа. е҆ѵ҃ѳимїю. логгина. бориса. михаила. марѳоу. павла. а̀ннꙋ. лоукиа̀на. мр҃їю. а̀нцифора. мр҃їю. михаила. е҆ѵ҃ѳимїю. їѡ҃. максима. е҆катеринꙋ. мартина. варвароу. ѳеѡ^досїю. ѡ҆вдотїю. ѐѵ҃стаѳїа. їѡ҃. ѳеѡ^дора. сергїа. михаила. їѡ҃. григорїа. стефана. татїа̀ноу. їѡ҃. трїфона. па҃сковгїю. мр҃їю. лоукїана. кꙋрїана. їѡ҃. їакова. їѡ̑ва. е҆леноу. а̀гапїю. а҆нр҃оника. матреноу. василїа. а҆леѯанр҃а. а҆гапїю. мр҃їю. диѡнисїа. їѻ̑сифа. ѳеѡ^дора. и҆акова. ѡ҆гаѳїю. матфѣа. николоу. марїю. василисоу. а҆гапїю. фотѣа. василїа. ѡ҆вдотїю. їѡ҃. петра. ѻ҆вдотїю. стефана. е҆лиѵ̀ѳерїа. їриноу. сѵмеѻ̑на. е҆леноу. мр҃їю. прокопїа. їакова. е҆рмолоу. варвароу. ѳетинїю. савоу. ѻ҆грофиноу. мр҃їю. лоукїана. леѻ̑нтїа. мокѣа. мр҃їю. петра. кондѣа. сѵ̑меѻ̑на. григорїа. ѻксїнїю. татїанꙋ. леѡ̑нтїа. а҆нр҃ѣа. е҆ѵ̀стафїа. а҆нтонїа. їѡ҃. а́гапїю. марфꙋ. а҆нанїю. павла. а҆нн҃оу. пелагїю. пелагїю. оу҆вара. пелагїю. мариноу. а̀грипиноу. марїю а҆ртемїа. сѵ̑ливерьста. їриноу. їѡ҃. е҆ѵ̀генїю. филиппа фирса. а҆нн҃оу. їѡ҃. мр҃їю. оу҆лїаноу. ѡ҆стафїа. пелагїю. михаи́ла. бориса. ѻ҆ксинїю. никиѳора. захарїю. ѡ҆нанїю. ѡ҆ноуѳреа. татїаноу. оу҆лїаноу. ꙗ҆кова. михаи́ла, и҆нѡка. варвароу, и҆нокоу. бориса, и҆нѡ҃. ѻ҆ѳонасїа, и҆нѡка. а҆нн҃оу, и҆нѡ^ку. марфоу. їѡ҃. и҆гнатїа. оу҆стинїю. пелагїю. григорїа. павла. настасїю. макарїа. маремїаноу. їѡ̑нꙋ. дементїа. оу҆лїаноу. ѻ҆вдотїю. а҆врамїа. самсона. ѳѵ̀рса. фетинїю. киликѣю. ѡ҆нфима. ѳеѡ^досїю. гаврила. ѡ҆грефинꙋ. кѵ̑рила. а҆грипиноу. николоу. ро^диѻ̑на. а҆ноуфрїа. зиновїа. макарїа. маврꙋ. їѡ̑ноу. сѵ̑миѡ̑на. мр҃їю. зиновїа. василїа. е҆мелїана. соломонидꙋ. харлампїа. мартина. матѳѣа. е҆всѣвїа. а҆нн҃оу. димитрїа. ѳеклꙋ. и҆гнатїа. їѡ҃. а҆ѳанасїа. соломонидоу. їсаака. петр^а. їѡ҃. ѳеѡ^дорꙋ. сѵ̀ливестра. їакова. терентїа. а҆кѵ̀линоу. гаврїила. а҆гафїю. ѳе-

ѡ^до^ра. і҃ѡ. і҃ѡ. захарїю. стефана. їлїю. марѳоу. ѳеѡ^до^сїю. акꙋлїноу. филиппа. ѳомоу. григорїа. мавроу. ѳеѡ^до^сїю. ѥ҃ѵѳимїа. соломонїдꙋ. сꙋмїѻна. і҃ѡ. лва. настасїю. ѳеѡ^до^ра. ѳеѡ^до^та. василїа. васисоу. григорїа. ѳеѡ^до^сїю. алеѯанд҃ра. алеѯїа. матреноу. ѥлтоуѳїа. ѻвдотїю. їѡакима. ѥмелїана. їѻсифа. їлїю. ѥфросинїю. мц҃їю. їереміа. і҃ѡ. мц҃їю. савостїана. дамиана. ѥленоу. ѥленоу. і҃ѡ. їрїнꙋ. і҃ѡ. ѳеѡ^до^сїю. ѳеѡ^до^сїю. васїана. конана. лоукїана. павла. харитона. ѥꙋстаѳїа. моꙋсїа. і҃ѡ. і҃ѡ. агапїю. ѳеѡ^до^сїю. аннꙋ. зиновїа. їѻсифа. агапїю. агапїю. мц҃їю. ѡвдотїю. їакова. михаила. никандра. аннꙋ. митрофана. стефана. стефана. дмитрїа ѳилимона. петра. оꙋлїаноу. і҃ѡ. татїаноу. ѳеѡ^до^сїю.

Рѡ, кнзь, сенкоушкѡ. ѳе^до^ровичь. кнзь, їѡакима. кнь василїа. кнь, ананїю. кнь настасїю. кнзь, і҃ѡ. кнь. василїа. кнь, василисоу. кнь, ѥленоу. мц҃їю. кнь агапїю. кнь, ѳеѡ^до^ра. ѡлкирдовичь, кнзь, ѥго, ѡлгоу. кнь ѳетинїю. кнь, ѥоуста^ф^їа. кнь, василїа. кнзь михаила. кнзь, мц҃їю. кнь, і҃ѡ. кнь, лва. кнь, і҃ѡ. кнзь, василисꙋ. кнзь, ѥ҃ѵпраѯїю. андрѣа. кнзь ѳеѡ^до^ра. михаила. і҃ѡ. їакова. ѳеѡ^до^ра. оꙋлїаноу. прокопїа. василїа. кнь, і҃ѡ. пелагїю. василїа. зиновїю. анноу. николоу. анастасїю. мартина. ѳеѡ^до^та.. і҃ѡ. николоу. алеѯїа. ѳеѡ^до^ра. ѥ҃ѵпраѯїю. ѥстафїа. ѳеѡ^до^ра. ѥлїѵѳеріа. домнꙋ. мц҃їю. дософїа. кнь, мц҃їю андрѣевꙋю. матреноу. ѥѵстафїа. ѥ҃ѵѳимїю. їѡакима. ѡвдотїю. никитоу. василїсоу. ѥѵстафїа. акꙋлиноу. іакова. павла. матѳѣа. наталїю. ѳетинїю. кнь. ѳеѡ^до^ра. кнзь, анноу. кнь, михаила. настасїю. ѡлфера. домноу. оꙋлїаноу. кнь, семеѡна ѳе^до^ровичь, воротыньскѡ. акꙋлїноу. оꙋлїанꙋ. василїа. і҃ѡ. антонїа. їрїноу. мартина. ѳеѡ^до^ра. ѳиларета.

Рѡ, кнзь, юрьѥвѻ оупитолкѧ. кнь, алеѯанд҃ра. кнь, анастасїю. кнь сꙋмїѡна. кнь, мц҃їю. кнь василꙋ. кнь, сꙋмїѡна. кнь, михаила. кнь, ѥвдотїю. кнь, михаила. кнь софїю. кнь, і҃ѡ. кнь, мц҃їю. кнь, і҃ѡ. василїа. кнь, юрїа. лѡнтїа. і҃ѡ. филїппа. мамелфоу. василисоу. [кнь семеѡна юрьѥвича. кнгню сѣменовꙋю юрьѥвича, настаіѡ і сна й кнзм лва.] *) ѡвдотїю. агапїю. моѳѣа. зиновїа. ѡѯинїю. ѡвдотїю. анноу. акинфа. оꙋлитоу. варвароу. ѳеѡ^до^ра. анфима. нектарїа. їриноу. малафїа. мц҃їю. домноу.

---

*) Оскобленныя имена приписаны на поляхъ другою рукою и иными чернилами.

Рѡ҃, пана семена, сколкова. ї҃ѡ. ї҃рїноу. ѳеѡдосїю. василїа ї҃ѡ. а҆ртемїа. а҆нн҃оу. е҆ѳрѣма. селивестра. а҆леѯанр҃а. бориса ѳеѡдосїю. е҆ѵпраѯїю. ї҃ѡ. тимоѳїа. ї҃ѡ. сѵмїѡна. василїа. михаила. ѳеѡдота. василїа. а҆нтонїа. коурїана. захарїю. меланїю. їсидора. ї҃ѡ. ї҃рїноу. а҆нн҃оу. ѡ҆вдотїю. никона. карпа. ѳетинїю. їакова. власїа. василисоу. дементїа. меланїю. григорїа. никитоу. варвароу. бориса. климентїа. ѯенїю. варсонофїа. оулитоу. а҆ноусїю. оулїа҆ноу. ѯенїю. їѡакима патрикїа. михаила. данила. марїю. ѡ҆лгоу. павла. мѡѵсїа меланїю. е҆леноу. ѳеѡдора. е҆вгенїю. диѡмида. фалелѣа. а҆леѯїа. їриноу. сѵмїѡна. григорїа. григорїа. ї҃ѡ. ї҃акова. ѯенїю. ѳомоу. ѯенїю. кѵрила. оулїаноу. сѵмїѡна. ї҃ѡ. мр҃їю. ї҃ѡ. крестиноу. савоу. а҆леѯанр҃оу. григорїа. їакова. ї҃ѡ. е҆ѵѳимїа. маноуила. лѹкерїю. їгнатїа. стефанидоу. васїана. їлїю. зиновїа. а҆нѹсїю. карпа. конана. стефана. димитрїа. е҆вдокїю. нестера. оулїаноу. стефана. е҆ѵстафїа. самоила. мр҃їю. е҆леноу. захарїю. сѵлївана. маврѹ. дорофїа. сѵмеѡна. василїа. а҆леѯанр҃а. а҆гафїю. а҆леѯїа. ѳеѡдороу. мартїна. варварѹ. ї҃ѡ. ї҃ѡ мартїна. ѳеѡдороу. кѵрїла. мелентїа. варварѹ. филимона. е҆рмолоу. оустїнїю. стефана. настасїю. голендѹхоу. марїю. ѡ҆вдотїю. домноу. їѡсифа. е҆рмолоу. ѳеѡдосїю. е҆ѵѳимїю. ї҃рїноу. никифора. їакова. анн҃оу. ѳеѡдора. ѳеѡдорѹ. козмѹ. пелагїю. сѵмеѡна. ѡ҆грипиноу. а҆ндрѣа.

Рѡ҃, кнѧ҃, и҆ ваноко е҆ воло҃ди мерови҃, кнѧ҃, василисы, бѣльской. кн҃, а҆ндрѣа. кн҃, оустинїю. кн҃, ї҃ѡ. кн҃. михаила. кн҃, ї҃ѡ. кн҃, ї҃ѡ. кн҃, мр҃їю. кн҃, ѳеѡдорѹ. кн҃, оулїаноу. кн҃, василїа. їакова потапїа. пелагїю. а҆нн҃оу. ѳетинїю.

[Рѡ҃, пана, фѹрса, романѡви҃] *) карпа. романа. їѡноу. а҆леѯанр҃а. їѡсифа. кѵрила. їоустина. ѡ҆вдотїю. ѯенїю. мр҃їю. и҆гнатїа. акѵлиноу. никитѹ. а҆нн҃оу. а҆леѯѣа. мр҃їю. петра. їакова. їриноу.

[Рѡ҃ петра калинина великого нова города с черничины ѹлици] **). карпа. наталїю. ї҃ѡ. митрофана. оулитоу. ї҃ѡ. ѡ҆грофиноу. а҆киндїна. никифора нектарїа ѳеѡдора. е҆вѡкїю. е҆мелїана. а҆нн҃оу. романа. їоустинїю. нектарїа. и҆гнатїа ѳеѡдота. е҆катеринѹ. а҆нр҃ѣа. матѳїа. татїаноу. а҆леѯанр҃оу. а҆грофиноу. вѣроу. стефана. мартїна. василїа. а҆гафїю. а҆леѯѣа.

---

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ, съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть отнесено.

**) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ.

михаила. ї҃ѡ. є҆фросинїю. ѻ҆грофиноу. ї҃ѡ. ї҃ѡ. а҆гафїю. михаила. ѳеѡдосїю. є҆ѵ҆стаѳїа. ї҃ѡ. ї҃ѡ. пелагїю. пелагїю. павла. мартина. а҆ѳанасїа. а҆нтонїа. гаврила. ї҃ѡ. ѳеѡдорꙋ. ї҆лїю. наоу҆ма. а҆нн҃ꙋ. їакѡва. стефана. параскѡвгию. григорїа. мр҃їю. ѳеѡдора. оу҆стинїю. настасїю. василїа. мр҃їю. а҆нр҃оника. неѻ҆нилоу. є҆ѵ҆ѳимїю. ѳомоу. харитона. тимоѳїа. є҆ввꙋ. є҆ѵ҆генїю. ї҃ѡ. гаврила. ѻ҆ксинїю. дїа. їриноу. ѳеѡдора. ї҃ѡ. каленика. пахомїа. зиновїю. а҆нтонїа. ѳеклоу. а҆нн҃оу. стефана. ѳеѡдора. гаврила. мр҃їю. софронїа. ѡ҆кьсинїю. є҆рмолоу. є҆ввꙋ. ї҃ѡ. іакова. ѡ҆вдотїю. соломонидоу. а҆гафїю. а҆нѳима. *).

Ѳеѡдора. а҆нтонидꙋ. григорїа. а҆нр҃ѣа. а҆врамїа. двд҃а. ѡ҆грофинꙋ. зиновїа. василїа. є҆фросинїю. їакова. матреноу. ѳеѡдосїю. григорїа. а҆нанїю. потанїа. василїа. герасима. маноуила. а҆ртемїа. михаила. петра. сѵ҆ливана. никитоу. стефана. фаоу҆ста. є҆фрѣма. оулитоу. а҆нноу. мелентїа. василїа. мр҃їю. леѡ҆нтїа. є҆вдоксїю. оу҆литоу. є҆ѵ҆ѳимїю. домноу. ѳеѡдосїа. ї҃ѡ. їакова. мр҃їю. ѳетинїю. їакова. мавроу. мр҃їю. є҆ѵ҆ѳимїю. дарїю. татїаноу. зиновїю.

Рѡ҆ кнѧ҃ семена а҆леѯандрови҃ киє҆вьскаго, и҆ кнѧгини є҆го мр҃їи и҆ сн҃а є҆го, кнѧзѧ василїа семенови҃. кнѧ҃, а҆леѯанр҃а. кнѧ҃, а҆нр҃ѣа. кнѧѕѧ, ї҆лїю. кнѧ҃, владимера. и҆нѡ҃, кнѧ҃, а҆леѯанр҃а. кнѧ҃, сѵ҆меѡ҆на. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃ ї҃ѡ. кнѧ҃, романа. кнѧ҃ а҆леѯандра. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃, петра. кнѧ҃, ї҆лїю. кнз҃ѧ симеѡ҆на. **) кнѧ҃, владислава. кнѧ҃, петра. кнѧ҃ стефана. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃, а҆нноу. кнѧ҃, а҆леѯанр҃оу. кнѧ҃, и҆нѡкꙋ мариноу. кнѧ҃, и҆нокоу. настасїю. кнѧ҃, великꙋю софїю. кнѧ҃, инокоу, настасїю. кнѧ҃, софїю. кнѧ҃ мр҃їю. кнѧ҃, василисоу. кнѧ҃, а҆нн҃оу. кнѧ҃, воикꙋ. кнѧ҃, ѡ҆вдотїю. кнѧ҃ мр҃їю. кнѧ҃, и҆нокꙋ, а҆нн҃ꙋ. кнѧ҃нꙋ, настасїю. кнѧ҃ маринꙋ. кнѧ҃, є҆ѵ҆праѯїю. кнѧ҃, ѳеѡдороу. митрополита, григорїа. а҆рхимандрита, николꙋ. инѡ҃, мисаила. и҆нѡ҃, и҆гнатїа. и҆нѡ҃, герасима. и҆нѡ҃, германа. инѡ҃, їѡнꙋ. а҆рхїмандрита, їѡ҆сафа. кнѧ҃, настасїю. а҆гафїю. настасїю. їриноу. василїа. оу҆лїанꙋ. стефанидꙋ. лоукїана. ѳетинїю. кнѧ҃, ѳомоу. ѳеѡдосїю. ѳеѡдора. василїа. а҆гафїю. симона. ї҃ѡ.

---

*) За симъ въ подлинникѣ пробѣлъ почти на цѣлую страницу.

**) Это имя приписано внизу, на поляхъ, позднѣйшею рукою,—безъ обозначенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Рѡ҃, кнѧзеи, масальскй. кнѧ҃, їѡ҃. їѡ҃нꙋ. ѳеѡдосїю. диѡ҃нисїа. а҆нрѣа҆. їѡ҃сїю. михаила. михаила *). є҆вдокѣю **). настасїю. татїаноу. стефана. ѳефилакта. а҆ньтонидꙋ. калинника. коньстѧнтина. кнѧ҃ данила. їѡ҃. пахомїа. филиппа. наоу҆ма. василисоу. григорїа. сѵ҆меѡ҃на. захарїю. козмꙋ. а҆нн҃оу. дарїю. ѡ҆вдотїю. нестера. никитоу. понарїю. їлинарха. самѱона. гаврила. симона. а҆грипиноу. а҆кѵ҆линоу. и҆нѡ҃, їѡ҃нꙋ. и҆нѡкꙋ ѡ҆ксинїю. парфенїа. лва. є҆ѵ҆доксїю. їа҆кова є҆рѣа. а҆кѵ҆линꙋ. ѳеѡдора. мр҃їю. їѡ҃. соломонидоу. а҆леѯанра. патрикїа. маковїа. варвароу. є҆ѵ҆ѳимїю. ѳеѡдора. оу҆стинїю. їринꙋ. сѵ҆меѡ҃на. ѳеѡдосїю. наоу҆ма. їѡ҃. данилїа. мр҃їю. дѡментїа҆. а҆нанїю. ѳеѡдосїю. трофима. а҆нн҃оу. филимона. а҆грифиноу. коньстѧнтина. є҆лиѻзара. василїа. є҆вдѡкїю. сѵ҆мѻна. татїаноу. пелагїю. калинника. кнѧ҃, данила. димитрїа҆. їѡ҃нꙋ. ѳалелѣа. парасковгїю. михаила. ѳеѡдорꙋ. є҆ѵ҆стафїа. сѵ҆меѡ҃на.

Пана, а҆ньдрѣа҆, калницкаго. а҆нрѣа. лоукїана. татїанꙋ. лоукїана. карпа. а҆нрѣа. їѡ҃. зиновїю. григорїа. настасїю. соломонїдоу. стефана. а҆лексанра. христиноу. їлїю. никифора. є҆фросинїю. никитоу. а҆настасїю. їѡ҃. їакова. соуботоу. пелагїю. матреноу. дорофїа. є҆вдокїю. сѵ҆меѡ҃на. геѡ҃ргїа. а҆гафїю. є҆всѣвїа. филиппа. минꙋ. є҆ѵ҆ѳимїю. козмꙋ. дороѳеа҆. максима. парасковгїю. є҆вдокїю. нестора. николоу. ѳеѡдосїю. маковїа. є҆ѵ҆стафїа. є҆ѵдокима. лавра. мисаила. карпа. а҆нн҃ꙋ. варвароу. петра. є҆ѵ҆праксїю. лоукоу. їѡа҃. пелагїю. никитоу. захарїю. ѳеклоу. їѡ҃. ѳетинїю. пелагїю. савастїана. а҆грипиноу. а҆нрѣа. вѣроу. їѡ҃. мр҃їю. паїсиа. є҆ѵ҆праѯїю. данила. їѡ҃. павла. варвароу. а҆лексанра. пелагїю. григорїа. їѡ҃. оу҆лїанїю. їѡ҃. петра. ѳевронїю. ѳеѡдора. а҆нн҃оу. їѡ҃. никона. парасковгїю. григорїа. ѳеѡдора. а҆леѯанра. матреноу. їѡ҃. ѳилимона. ѳеѡдора. ѳадѣа. василїа. стефана. а҆нн҃ꙋ. павла. ѳеѡдосїа. оу҆лїаноу. петра. григорїа. є҆мелїана. ѳеѡдороу. василїа. пелагїю. никифора. ѡ҆леѯанра. михаила. а҆нн҃оу. григорїа. ю҆рїа. а҆нн҃оу. а҆нрѣа. ѡ҆вдотїю. домноу. коньстѧнтїна. григорїа. а҆нрѣѧ. є҆мелїана. ѳетинїю. їѻсифа. а҆нрѣа. настасїю. є҆леноу. козмоу. варварꙋ. їлїю. є҆мелїана. їѡ҃. їѡ҃. григорїа. їѡ҃. павла. є҆ѵ҆ѳимїа. є҆ѵ҆ѳимїю. малофїа. коньстѧнтина. ѡ҆грѣпинꙋ. їѡ҃. сѵ҆меѡ҃на. а҆гафїю. сѵ҆меѡ҃на марфоу.

---

*) Это имя приписано внизу, на поляхъ тою же, что́ и въ текстѣ, рукою.

**) Это имя приписано внизу, на поляхъ, позднѣйшею рукою,— безъ обозначенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

ї҆ѡ҆сифа. никитоу. ї҆акова. ї҆ѡ҃. терентїа. дементїа. а҆нн҃ꙋ. вѣроу. ѻ҆гафїю. ї҆ѡ҃, ї҆ѡ҃. григорїа. зиновїю. є҆ѵ҆ѳимїа. ѳеѡдора. ї҆ѻ҆сифа. василїа. їсидора. софїю. никитоу. леѻ҆нтїа. павла. меланїю. никитоу. леонтїа *). демїана. оу҆лїаноу. ѳеѡдора. а҆нцифора. агафїю. мр҃їю. григорїа. ї҆ѡ҃. наталїю. татїаноу. филиппа. ї҆ѡ҃. настасию. а҆гафїю. сѵ҆меѡна. їсаака. григорна. мр҃їю. а҆нцифора. меланїю. ѳеѡдосїю. диѡ҆мида. ѳеѡдора. ѡ҆вдотїю. ѳеѡдора. ї҆ѡ҃. ѡ҆вдотїю. парѳенїа. ї҆ѡ҃. оу҆литоу. ї҆акова. а҆гафию. никитоу. оу҆лїаноу. а҆ньдрѣа. є҆ѵ҆стафїа. оу҆лианоу. дарїю. жихорѧ. [Жихорѧ. ї҆ѡ҃. ѳеѡдора. батꙋра невѣдають имъ именъ, а колисѧ довѣдають тогды и҆ ꙋпишꙋ҃] **). ї҆ѡ҃. ѳеѡдора. батꙋрꙋ. є҆леноу. ѡ҆вдотїю. василїа. їсаака. марфоу. їлїю. матреноу. сосипатра. ѳеѡдосїю. тимоѳїа. ѳеѡдора. петра. митрофана. а҆нцифора. є҆лтоуфїа. ѳеѡдора. петра. а҆гафїю. соломонидꙋ. їлию. ѡ҆нисима. сѵ҆меѡна. матфїа. василисоу. диѡ҆нисїа. мр҃їю. ї҆ѡ҃. прокопїа. їеремѣа. є҆ѵ҆стаѳїа. ї҆акова. є҆фросинїю. малафїа. ѳеѡдора. григорїа. василисоу. тарасїа. а҆гриппиноу. оу҆литоу. сѵ҆меѡна. василїа. григорїа. настасїю. никитоу. мр҃їю. ѡ҆вдотїю. никитоу. тимоѳїа. оу҆лїаноу. сѵ҆меѡна. сѵмеѡна. ѳетинїю. ѳеѡдора. є҆ѵ҆стафїа. сѵ҆миѡна. ѳеѡдосїю. є҆влампїа. а҆лезанр҃а. пелагїю. а҆гафїю. є҆леноу. козмоу. ѡ҆леноу. а҆лезїа. оу҆лїаноу. домнꙋ. агафїю. захарїа. софїю. татїаноу. татїаноу. пелагию. стефана. михаила. а҆ньдрѣа. савоу. а҆нр҃ѣа. а҆кѵ҆линоу. лоукѣрїю. є҆ѵ҆ѳимїа. григорїа. ї҆ѡ҃. и҆гнатїа. а҆нн҃оу. марьфоу. ѳеѡдора. настасїю. є҆ѵ҆стафїа. ї҆риноу. василїа. ѳеѡдора. патрикїа. є҆ѵ҆ѳимїю. кудина. є҆леноу. и҆нѡка ѳеѡдосїа. сергїа. є҆вдокїю. никитоу. стефана. михаила. ѳеѡдора. матѳїа. филиппа. а҆лезанр҃а. а҆гафїю. марїю. ї҆ѡ҃. мартина. ї҆ѻ҆акима. ї҆ѡ҆акима. ї҆ѻ҆ноу. а҆лезїа. пелагїю. стефана. ї҆риноу. филимѡна. ї҆ринꙋ. ї҆ѡ҆а҃. сѵ҆ливана. а҆нн҃оу. є҆ленꙋ. василїа. филиппа. мр҃їю. парасковгїю. григорїа. татїаноу. ꙗ҆цина ***). ї҆акова. а҆гафїю. матѳїа. василїа. а҆нн҃оу. ї҆риноу. мр҃їю. григорїа. матфїа. сѵ҆меѡна. є҆фросинїю. димитрїа. василисоу. а҆нн҃оу. є҆мелїана. тимоѳїа. ѡ҆вдотїю. є҆ѵ҆стафїа. ї҆риноу. є҆леноу. матренꙋ. неѡ҆нилоу. пелагїю григорїа.

---

*) Это имя въ подлинникѣ зачеркнуто красными чернилами.

**) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами.

***) Это имя приписано вверху, на поляхъ, по видимому одновременно съ текстомъ,—при чемъ обозначено, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Па҃, романъ, и҆вашкѡви҃, ро҃, сво҃ ѹпис҃. тарасіа. софроніа. а҆ньноу. а҆гафїю. василїа. ѳеѡдосїю. і҆ѡ҆сифа. и҆гнатїа нестера. і҆ѡ҃. и҆гнатїа. ски҃, ни҃фора. а҆гафїю. і҆ѡ҃. а҆нрѣа҆. а҆гафїю. оу҆литоу. а҆ндрѣа. і҆ѡ҃. даниил. і҆ѡ҆акима. сѵ҆меѡ҃на і҆ринѹ. і҆ѡ҃. нестера. наталїю. григорїа. ѳетинїю. стефана. данила. павла. данила. а҆леѯанра. а҆нфилофїа. леѡнтїа. а҆гафїю. мѡѵсїа. парасковгїю. рѡдиѡ҃на. і҆ѡ҃. григорїа. мр҃їю. ѳеѡдосїю. е҆лиѡ҃зара. ѳетинїю. кнѧ҃ михаила. кнѧ҃, сѵ҆меѡ҃на. і҆а҆кова. е҆лиѡ҆зара. оу҆лїа҆ноу. варвароу. а҆нанїю. ѳеѡдота. диѡ҆нисїа. козмоу. паи҆кратїа. симѡна. і҆ѡ҃. е҆лтоуфїа. ѳеѡдосїи. е҆ѵ҆фимїю. матреноу. ѳеѡ҃дора. сѵ҆меѡна. і҆ѡ҃. оу҆лїаноу. а҆нн҃оу. і҆риноу. е҆лиѵ҆ферїа. мр҃їю. тимофїа. василїа. ѻ҆грофиноу. ксенефонта. варвароу. е҆ленѹ. стефана. татїаноу. оу҆лїаноу.

Рѡ҃, пана, мишка свирини҃. е҆лиѵ҆ѳерїа. клименьтїа. і҆лїю. а҆нн҃оу настасїю.

Пахомеи балагѹрѡ҃. оу҆писалъ. а҃і. дш҃ъ. і҆ѡ҃. а҆кѵлиноу. ѳалелѣа. варвароу. михаила. а҆гафїю. пахомїа. зиновїа. варфоломїа. е҆ѵ҆докїю, ко҃.

Матфѣа. а҆ксинїю. сѵ҆меѡ҃на. ѡ҆ксинїю. ѡ҆вдотїю. стефана. ѯенїю. козмоу. і҆ѡ҃. тимоѳїа҆. татиану. леѡ҆нтїа. матреноу. гервасїа. а҆зарїю. і҆акова. ѡ҆вдотию. ѳеѡдосїю. коньстѧнтина. оу҆литоу. е҆ѵ҆ѳимїю. е҆ѳрѣма. ѳеѡдосїю. димитрїа. софїю. парѳенїа҆. і҆лариѡ҆на. е҆ѵ҆ѳимїю. пелагїю. михаила.

Рѡ҃ пана, никиты страшка. никитоу. пелагїю. ѳеѡдора. ѳеѡдора. михаила. е҆вдокїю. василїа. ѳеѡдосїю. а҆ртемїа. і҆ѡ҃. оу҆лїанѹ. ѡ҆ньдрѣа҆. а҆нн҃оу. ѡ҆гаѳїю. і҆ѡ҃. степана. матѳїа. і҆риноу. макарїа. гаврила. і҆рїноу. пимина. димитрна. оу҆лїаноу. і҆линарха. е҆всѣвїа. е҆ѵ҆ѳимїю. ѳеѡдора. настасїю. самѱона. ѳеѡдота. а҆нанїю. захарїю. ѡ҆ѯинїю. перфирїа. софию. ѳеѡдотїю. зиновїю. а҆мбросїа. соломонидоу. і҆акова. а҆гафїю. димитрїа. а҆леѯїа. ѳеѡдосїю. мисаила. ѳеѡдосїа҆. василїа. ѳеѡдора. а҆ндрѣа. і҆ѡ҃. а҆гафїю. мариноу. і҆ѡ҆нѹ. варѳоломїа. варѳоломїа. ѳеѡдора. соломонидоу. ѡ҆вдотїю. данила. григорїа. савоу. е҆катериноу. матѳїа. михаила. рѡдиѡ҃на. сѵ҆меѡ҃на. ѳомоу. лоукїана. катериноу. власїа. ѳеѡдора. настасїю. е҆ѵ҆ѳимїю. сѵмеѡ҃на. а҆леѯандра. ѳеѡдора. сѵмеѡна. и҆ѻ҃сифа. і҆ѡ҃. никитоу. прокопїа. генадиа. никитоу. прокофїа, і҆ ѡ҆ц҃а е҆го, и҆ мт҃рь е҆го. григорїа. вѣроу. а҆ѳонасїа. оу҆лїаноу. назарїа. боулгака.

Рѡ҃, і҆ѡ҆а҆кима, мозы҃скѡго, е҆зовиче҃. і҆ѡа҃. а҆нн҃оу. васьана. мр҃їю. і҆ѡ҃. савастїана. савѹ. настасїю. і҆ѡ҆а҆кима. кѡ҃.

Григоріа. ѳеѡдоры. ѡгафію. лоукѣрію. елиѡзара. акулинꙋ. мокѣа. софоніа. климентіа. сѵмеѡна. ефросинію. агафію. агафію. аксинію. сщ҃еннѡ-инѡ҃, калиста. парасковгію. григріа. андрѣа. никитоу. ерѣа сѵмеѡна. два скимника. елінсѣа. полинарію. созонта. двда. ѳеѡдосію. рѡдиѡна. василисоу. димитріа. ѳеѡдора. анноу. еѵѳимія. сергіа. ефросинію. іакова. меланію. василіа. еленꙋ. инѡ҃, николоу. мр҃ію.

Сорока з володимерѧ ꙋписалъ родъ свои. іѡ҃. ѳетинію. алеѯанра. василісоу. еѵѳиміа. ѳилиппа. михаила. катеринꙋ. мр҃ію.

Лоу, з володимерѧ, оуписалъ, рѡ свѡ. ѳеѡдосію, скимницоу. зиновіа. іѡсифа. іѡ҃. ѳомꙋ. скимніка. агафію, скимницꙋ. ѡвдотію. еѵѳиміа. григоріа. ѳетинію. василисоу. еленꙋ. кѡ҃.

Мр҃ію. варвароу. анноу. климентіа. ѳлора. козмоу. василисоу. григориа. ѳеѡдора. матренꙋ. мр҃ію. германа.

Ѿ оустретеніева днѧ. іѡ҃. терентіа. максима. карпа. ѳеѡдосію. оуліанꙋ. матреноу. іѡ҃. даниліа. мр҃ію. козмоу. пелагію. евагрѣа. іакова. сѵмеѡна. іѡ҃. еленꙋ. никитꙋ. настасію. еѵѳимію. василисꙋ. мисаила. ѳеѡдора. сѵмеѡна. григориа. ѳеѡдора. германа. оуліанꙋ. сѵмеѡна. данила. мисаила. еѳросинію. григоріа. михаила. павла. сѵмеѡна. матренꙋ. ѡгрофинꙋ. іларинѡна. пелагию. ірінꙋ. тимоѳіа. софію. сѵмеѡна. іѡ҃. ѳеѡдосію. василіа. ѡвдокима. ѳеѡдора.

Рѡ чаплича. кердиевиⷯ. лоукіана. татіаноу. кандіана. павла. мамелѳꙋ. ѡверкіа. наоума. іринꙋ. мавроу. никиѳора. трофима. оуліаноу. петра. еѵстафіа. ѡмеліана. ѡгафона. ѳеѡдора. ѡгафію. василіа. меѳедіа. акулинꙋ. васьана. іакова. оустинію. терентіа. мр҃ію. ѡгафію. оуліанꙋ.

Полꙋбеньскыи. кнѧ, ѳеѡдора. ѳеѡдосію. митрофана. семена. ѳеѡдора. михаила. макаріа. ірінꙋ. татіанꙋ. марка. родіѡна. ѳатіана. василіа. еѵстаѳіа.. матреноу. григоріа. татіаноу. захарію. сѵмеѡна. козмоу михаила. мартіниана. іѡ҃. мартина. іакова. ѳеѡдора. филиппа. іѡ҃. гаврила. сѵмеѡна. павла. григоріа. іоустіна. іева. игнатіа. ірінꙋ. аннꙋ. софію. ѡксинію. оуліанꙋ. іѡсифа. сѵмеѡна. артеміа. матфѣа. оуліаноу. ѳеѡдороу. матренꙋ. козмоу. анноу. екатерінꙋ. іѡ҃, инѡ. нифонта. ѡксеньтіа. настасію. виктора. сѵмеѡна. іакова. игнатіа. іѡ҃, инѡ. іѡнꙋ. инѡкоу, пигасію. іакова ѡлеѯіа. инока, іѡ҃. ѳетинію. ісаіа. евгенію. ѡносію. сидора. ѳеѡдосію. оустинію. еѵѳиміа. максима. ѡдарію. матреноу. іакова. анноу. іакова. ѡвдѡтію. созонта. ме-

леньтїа. ѡвдѡтїю. савꙋ. ѳетинїю. аннꙋ. ѡмелїан. ѡксинїю. инока, нехтарїа. їакова. инѡка, логина. тимоѳїа. тарха. варварꙋ. ѳеѡдора. фомоу. ѡдарїю. кнѧ двда. алеѯїа. григорїа. їсидора. никона. софїю.

Рѡ, нечаевъ. и, дшь. стефана. мрїю. два. мрїю. инока, касїана. филимона. тимоѳеа. [Данїила нечаа Полкѡ: брасласко ꙋбиенаго в рок ѯахна] *). стефана. мрїю. їѡ. анрѣа. игнатїа. аньрѣа. рѡдиѻна. їева. їакова. павла. ѳеѡдосїю. сергїа. леѡнтїа. ѡлеѯѣа. димитрїа. оулїаноу. екатериноу. еѵстафїа. диѡмида їакова. ѕиновїа. долматїа. мрїю. еѵѳимїа. понарїю. софонїа. їакова. анрѣа. матреноу. ѳеѡдота. инѡ, ѳеѡдосїа. оулїаноу. їѡ. ѡгрофиноу. ѳевронїю. їѡ. сѵмеѡна. тарха. флора. триѳона. агрипинꙋ. филимона. їѡ. оулїаноу. аннꙋ. аннꙋ. їѡсифа. петра. татїаноу. ѳеѡдота. василїа ѳеклоу. їѡва.

Рѡ пана ивашка пышневи. василисоу. герасима. екатериноу. филимона. їѡ. оулианоу. аннꙋ. аннꙋ. їѡсифа. алеѯанра. татїаноу. симона. ѳеѡдора. анастасїю. їѡ. їѡ. ѻгрофиноу. парасковгїю. нестера. ѳомоу. захарїю. михаила. ѳетинїю. елисѣа. агафїю. ѳеѡдора. инѡка диѡнисїа. сѵмеѡна. ѳетинїю. еѵгинїю. григорїа. ефросинїю. инѡ, ерофїа. инокы марфы. їѡ. маноуила. козмоу. никитꙋ. ѳеѡдосїю. семиѡна. амбросїа. алеѯїа. оулианоу. їѡ. ѳеѡдосїю. елиѵѳерїа. макарїа. ивана. ѳетинїю. екатериноу. патрикїа. сѵмеѡна. еѵстафїа. еѵстафїа. сысоа. їѡ. павла. аннꙋ. неѻфита. настасїю. сѵмеѡна. оулїаноу. рѡдиѻна. григорїа. ѳеѡдороу. ѳеѡдосїоу. акѵлиноу. агафїю. никона. стеѳана. їѡ. юрїа. алеѯїа. акѵлинꙋ. їѡ. ѳеѡдора. стефана. козмоу. павла. василисоу. пелагїю. игнатїа. коньстѧнтина. еленоу. їѡ.

Кнѧ, великы, їѡа, васильеви, московьскы вписа, рѡ свои. Великого кнѧ, василїа. Великꙋю, кнѧню его, инѡкоу, марѳоу. Великꙋю, кнѧ, мрїю. великого, кнѧ, їѡанна.—аксенїю. оулїаноу. їѻакима. їѡ. елтоуфїа. мокѣа. евдокѣю. їѡноу. їѡ. тимоѳѣа. їрїноу. генадїа. два. еппа тоуровьскѡго, и пиньскѡго. еѵѳимїа. азарїю. оулитꙋ. ѻвдотию. їакова. ѳеѡдора. оулитоу. еѳьросинїю. їрїнꙋ. манꙋила. михаила. сѵмеѻна. еѵѳимїа. ѡгроѳиноу. матѳїа. ѯенїю. софронїа. аннꙋ. михаила. їакова. макринꙋ. варвароу. романа. їѡ. ѳеѡдороу. касьана. степанидоу. ѳеѡдора. ѡвдокїю. данила. їѡ. ѳеѡдосїю. серапиѡна. козмоу. їѡ. варвароу. неѳедїа. самоила. ѻг-

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ позднѣйшею рукою.

рофиноу. васїлїа. софронїа. василисоу. и҆гнатїа. їѡ҃. пелагїю. оу҆лїанїю. василїа. матреноу. варвароу. ѳомоу. а҆лєѯїа. а҆нр҃ѣа. патрикїа. дементїа. а҆реста. ѳеѡдороу. є҆ѵстафїа. маремїанꙋ. панфила. а҆фонасїа. матреноу. їѡакѵ҃ма. никитоу. пелагїю. татїаноу. ѳеѡдора. марїю. и҆гнатїа. пелагїю. химꙋ. є҆рмолоу. марѳоу. василїа. никитоу. прокофїа. лоукѣрїю. павла. и҆гнатїа. ѳетинїю. оу҆литоу. татиа҆ноу. и҆нѡка, є҆ѵѳимїа. и҆нѡка, лоукоу. татїанꙋ. їлїю а҆ньдрѣа. нестера. и҆нокꙋ, ѡ҆килинꙋ. домникѣю. а҆нн҃оу. ѳеѡдора. а҆лєѯанр҃а. є҆ѵѳимїа. їѡ҃. мр҃їю. оу҆лїаноу. семена. лариѡ҆на. марїю. михаила. бориса. мр҃їю. ѳеѡдора. мр҃їю. вельа҆мина. їѡ҃. варвароу.

Рѡ҃ кнѧ҃, воротыньскѡго. Кнѧ҃ ѳеѡдора. кнѧ҃, мр҃їю. кнѧ҃, василїа. ѳеѡдосїю. василїа. їсидора. кѡндрата. є҆владїа. мокѣа҆. василїа. а҆нн҃оу. а҆нр҃ѣа. їѡ҃. никифора. фоѳана. ѳеѡдора. парасковгїю. ѡ҆вдотїю. їа҆кова. пелагїю. кнѧ҃, данила. кнѧ҃, ѳеѡдора. їѡ҃. а҆кѵ҃линоу. мр҃їю. дв҃да. лоукїана. а҆др҃ѣа. а҆нн҃оу. лоукиа҆на. павла. мамелфꙋ. їѡ҃. оу҆лїанꙋ.

Рѡ҃, пана а҆нр҃ѣа, павлови҃. и҆лїю данила. зиновїа. ѳеѡдороу. логгина. ѡ҆грипиноу. ѳеѡдора. оу҆лїа҆нꙋ.

Рѡ҃, пана мишка, затычи҃. данїла. ѳетинїю. никона. настасїю. а҆нн҃оу. ѯенїю.

Рѡ҃, кнѧ҃, їѡа҃, а҆нр҃ѣєви҃, шꙋтиши҃ мѣзецькы҃. кнѧ҃, и҆нѡ҃, їѡ҆ноу. сѵ҆меѡ҆на. оу҆лїаноу. їѡ҆а҆никїа. ѳеѡдороу. марѳꙋ. димитрїа. мр҃їю. бориса. є҆пифанїа. ѳеѡдосїю. михаила. ю҆рїа. є҆лиа҆зара. їакова. а҆гафїю. меланїю. сѵ҆меѡ҆на. дорофїа. оу҆стинїю.

Є҆рмакъ, великаго, нова города. оу҆писалъ, свои. никитоу. коньстѧнтина. петра. їакова. а҆нанїю. василїа. а҆лєѯѣа. коньстѧнтина. юрїа. їѡ҃. григорїа. їѡ҃. а҆нанїю. а҆ѳанасїа. а҆лєѯанр҃а. матреноу. василисоу. є҆вдокїю. а҆нн҃ꙋ. пелагїю. парѳенїа. їѡ҃.

Рѡ҃, кнѧ҃, димитрїа, и҆ванови҃., пꙋтѧтича, воєводы, киевьскаго. кнѧ҃, димитреа҆ *). кнѧ҃, данила, дрюцкѡ҃. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃, димитриа҆. кнѧ҃, сѵ҆меѡ҆на. кнѧ҃ їѡ҃. кнѧ҃, а҆лєѯандра. кнѧ҃, глѣба. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, григорїа. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, василїа. кнѧ҃, димитрїа. кнѧ҃, василїа. кнѧ҃, а҆нр҃ѣа. кнѧ҃ михаила. кнѧ҃, ѳеѡдора. кнѧ҃, михаила. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, василїа. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, ѳеѡдора. кнѧ҃, мр҃їю. кнѧ҃, ѳетинїю. кнѧ҃,

---

*) Это имя приписано сверху, на поляхъ, позднѣйшею рукою.

мр҃їю. кнѧ҃ а҆нн҃оу. кнѧ҃нꙋ, соломонидоу. кнѧ҃, мр҃їю. кнѧ҃ оу҆лїаноу. кнѧ҃, димитрїа кнѧ҃, мр҃їю. кѡ҃.

Є҆фросинїю. а҆гаѳїю. ѳеѡдора. парасковгїю. їѡ҃. а҆нн҃оу.

Трꙋбецкѡ҃. кнѧ҃, їѡ҃. їѡ҆сифа. їереа ѳеѡдора. а҆ксинїю, скимницꙋ. василисоу, скимницꙋ. ѡ҆грепиноу. сщ҃еннѡ, и҆но҃, тарасїа. їѡ҆сифа. парасковгїю. михаила. мавроу. а҆лезанр҃а. фотїана мр҃їю. оу҆литоу. леѡ҆нтїа. матреноу, скимницꙋ. козмоу. а҆нн҃оу. а҆нр҃ѣа. савоу. ѳетинїю. а҆ѵксентїа. дарїю.

Мѣзинець, оуписа҃, сестричнꙋ свою. ѳеѡдорꙋ. прокопїа. кнѧ҃, григорїа. и҆нѡ҃, їѡ҆нꙋ. и҆нѡкоу оу҆лїанꙋ. є҆лиа҆зара. ѳетинїю. кнѧ҃, ѳеѡдора. кнѧ҃, ѡ҆грипиноу. кнѧ҃, їѡ҃. їѡ҆сифа. и҆но҃ а҆нанїю. ѳевронїю. є҆ѵдокїю. а҆гафїю. григорїа. є҆ѵѳимїю. їѡ҃. герасима. ѳеѡдосїа. а҆лезѣа. їлїю. оу҆стинїю. павла. їѡ҆ноу. їсидора. григорїа. дв҃а. а҆нр҃ѡна. їеленоу. кнѧ҃, и҆но҃ мисаила.

Пѧтинъ, рѡ҃. ѳеѡдора. и҆нѡкꙋ, мамелфоу. и҆но҃, диѡ҆нисїа. матреноу. козмоу. кнѧ҃, татїаноу. григорїа. прокопїа. василисоу. коньстѧнтина. а҆кѵлиноу. їакова. и҆нѡ҃, а҆кѵлиноу. ѳомоу. а҆нн҃оу. тимоѳїа. рѡдиѻна. лазарѧ. лоукоу. михаила. а҆леноу.

Рѡ҃, кнѧ҃, ю҆рїа пиньскѡ҃. кнѧ҃, є҆ѵпразїю. кнѧ҃, ю҆рїа. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, ю҆рїа. кнѧ҃, їѡ҃. кнѧ҃, а҆грипиноу. ко҃.

И҆нѡ҃, германа. и҆нѡ҃, є҆фросима. и҆но҃, и҆гнатїа. кнѧ҃, романа. карпа. є҆фросинїю. феѡдора. марфоу. леѡ҆нтїа. ѡ҆вдѡтїю. микоулꙋ. їсидора. настасїю.

Рѡ҃, пана, быка ѡ҆лексанр҃ѡвн҃, старосты вѣницкѡго. василїа. василїа. ѡ҆лезанр҃а. а҆зинїю. софию. оу҆лианоу. димитрїа. ю҆рїа. ѳеѡдора. ю҆рїа *).

нїа. коньстѧнтина. ѳеѡдосїю. василїа. ѕиновїю. михаила. лаврентїа. григорїа. мр҃їю. лоукѣрию. їе҆рофѣа. ѳеѡдота. ѳевронию. ѡ҆лифера. їѡ҃. гаврила. никифора. павла. марѳоу. їоулитоу. ѡ҆вдотию їѡ҃. ѡ҆коулоу. варвароу. логгина. настасїю. соупона. а҆нн҃оу. ѳеѡдора. пахомїа. ѳеѡдора. оу҆лїаноу. ѳеѡдора. ѳеѡдороу. прокоѳїа. їакова. варвароу. бориса. диѡ҆нисїа. ѡ҆вдотию. степанидꙋ. а҆носїю. мавроу. и҆гнатїа. оу҆лїаноу. а҆фонасїа. нефеда. їриноу. ѡ҆гроѳеноу. маремїаноу. тита. ѡ҆кинфа. павла. їѡ҃а. ѕиновїю. їѡ҃. михаила. димитрїа. а҆нтонидоу. ѳеѡдороу. василиа. а҆ндрѣа. петра. а҆нн҃оу. їѡ҃. полинарїю. ѳеѡдота. пелагїю їѡ҃. їѡ҃. оу҆лїаноу. ѳетинїю.

*) Повидимому, здѣсь въ подлинникѣ одного или нѣсколькихъ листовъ не достаетъ,—и первыя три буквы слѣдующей страницы (нїа) суть окончаніе конечнаго имени утраченнаго листа.

Рѡ҃, а҆лєѯанр҃а соухого. а҆лєѯанр҃а. коньстѧнтина.

Рѡ҃ михаилѡ҃. а҆грєфєнꙋ. конана. коудина. є҆ѵ҆ѳимїю. и҆нѡ҃, перфирїа. инока, їѡны. їѡ҃. а҆гафїю. ѡ҆ксинїю. оу҆лїанꙋ. ѡ҆лифєрїа. є҆лисавы. ѳєѡ҃дора. сємєна. а҆ѳанасїа. василїа. є҆ѵ҆праѯїю. ѳєрапонта. и҆нока, ѡ҆гафона. матѳѣа. матрєноу. никифора. ѡ҆ксинїю.

Сємєнъ пєтрѡ҃, рѡ҃. сѵ҆мєѡ҆на. їѡ҃. оу҆лїаноу. їѡ҃. лоукѣрїю. оу҆лїаноу. павла. матрєноу. [Рѡ҃ па҃. їѡ҃, влк҃ы] *) пєлагїю. [їакова. василїа пєлагїю]. **) [їѡ҃. марью҆]. ***) їакова. ѡ҆вдотїю. василїа. ѳилофѣа, и҆нѡ҃.

Кнѧ, и҆ кнѧ҃, корєцкы҃. кнѧ҃, и҆нѡкꙋ, а҆нтонидꙋ. сн҃а є҆а, кнѧ҃, є҆ѵѳимїа. кнѧ҃, глѣба. кнѧ҃ а҆нн҃оу.

Панъ борисъ коурьскыи. ѳєвронїю. и҆нѡ҃, їєлисѣа. фотєа. ѡ҆вдотїю. аввакоума. оу҆лїаноу. кѡ҃.

Бориса. їакова. григорїа. катєриноу. юрїа. василисоу. дєѡ҆нисїа. а҆гафїю. тєрєнтїа. лоукꙋ. їѡ҃. конана, скимни҃. а҆кѵ҆линꙋ. мр҃їю. а҆лєѯанр҃а. матфїа. григорїа ѳєѡ҃досїю. їєрѣа власїа. захарїю. василїа. козмоу. ѡ҆грєфиноу. мр҃їю. карпа. їсакїа. оу҆лїаноу. филиппа. а҆гафїю. мр҃їю. їѡ҃. мєѳєдїа. василїа. маѯима. диѡ҆нисїа. їѡ҃. їакова. парфєнїа. маврꙋ. симєѡ҆на. оу҆лїаноу. василїа. филиппа. їѡ҃. ѳєвронїю.

Рѡ҃, пана, матѳѣєвъ вилнєвцєвъ. є҆вдокїю. марємїаноу. ѳєѡ҃дора. козмꙋ. ѳєтинїю. є҆лиазара. и҆нѡкꙋ, ѳєѡ҃досїю.

Рѡ҃. їѡ҃, коупалчича. смолнѧнина. їѡ҃. мр҃їю. їѡ҃. сѵ҆мєѡна. и҆гнатїа. їлїю.

Рѡ҃, кнѧ҃, їѡ҃, жєславска҃. кнѧ҃, ѳєтинїю. їлїю. є҆влада. стєфана. димитрїа. їѡ҃. ѳєвронїю. а҆нанїю.

Рѡ҃, пана сємєна, полозовича. василїа. є҆лтоуфїа. ѳєѡ҃дора. и҆нѡкоу, а҆нн҃ꙋ. їриноу. їѡ҃. є҆лиазара. димитрїа. и҆нокоу, є҆ѵпраѯїю. а҆гафїю. михаила. кѡ҃.

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Оскобленныя имена написаны внизу, на поляхъ, одновременно съ текстомъ,—причемъ обозначено, куда въ ономъ они должны быть относимы.

***) Оскобленныя имена приписаны внизу, на поляхъ, позднѣйшею рукою,—безъ обозначенія, куда въ текстѣ должны быть относимы.

Павла, стефана. татиа̀ноу. а̀нн҃оу. христиноу. василїа. григорїа. а̀нр҃ѣа. и́нѡ҃, а̀ноуфрїа. юрїа. ѐѵ҆ѳимїю. їѡ҃. матреноу. їакова. а̀гафию. софона. а̀кѵ҆линоу. и́нѡ҃, а̀леѯанр҃а. їакова. варвароу. лꙋкиа̀на, скимника. коньстѧнтина. а̀гафїю.

[Рѡ҃, кнѧ҃, василїа мамаа̀ лвовича.] *) кнѧ҃, лва. и́нѡкꙋ, а̀гафїю. ѳеѡдора. а̀ндрѣа. кѡ҃.

Тарасїа, скимни҃. ѐкатериноу. и́нѡ҃, ѐрмолоу. їѡ҃. а̀кѵ҆линоу. василїа. павла. настасїю. татїанꙋ. герасима. григорїа. а̀ѳанасїа. ѐрмолаѧ. ѳеѡдосїю. григорїа. мартимїана. їѡ҃. мелентїа. їѡ҃ноу. їакова. ѐѵ҆стаѳїа. ѳеѡдосїю. ѐлиа̀зара. пелагїю. григориа. ѯенїю. димитрїа. а̀настасїю. ѐѵгенїю. а̀гафїю. кипрїана, и́но҃. ѐленоу. леѡ҃нтїа. мартина. василисоу. сѵ҆меѡ҃на. ѐѵ҆генїю. тарасїа. о҃коулоу. василїа. сѵмеѡ҃на. їѡ҃. софрона. савꙋ. диѡ҃мїда. їо҃ва. оу҆лїаноу. харитона. їѡ҃. ѯенїю. василїа. тимоѳїа. їо҃сифа. и́гнатїа. ѐкатериноу. леѡ҃нтїа. никитоу. лоукиана. ѐрмолоу. ѳеклоу. и́нокꙋ, мр҃їю. е́вгоу. їнѡ҃, їѡ҃. скимни҃ варсонофїа. матфїа. варвароу. ѐкатериноу. їриноу. сѵмеѡ҃на. ѳеѡгноста. богдана. сѵ҆меѡ҃на. маѯїма. ѯенїю. савꙋ. потапїа. матренꙋ. данила. оу҆лїаноу. а̀грипиноу. а̀кѵ҆линоу. їсаїю. матреноу. маремиа̀нꙋ. ѐмелїана. парасковгїю. конана. а̀нанїю. бориса. іринꙋ. їѡ҃. ѡ҆вдотїю. димитрїа. їакова. алеѯїа. настасїю. а̀нр҃ѣа. варвароу. козмоу. селивана. маринꙋ. а̀грепиноу. тимоѳїа. настасїю. їо҃. мр҃їю. [геѡ҃ргїа. мр҃їю]. **) лоукоу. ѐленꙋ. а̀гафона. пелагїю. а̀ксинїю. варвароу. ѡ҆ксинїю. ѳеѡдосїю. варвароу. маковїа. а̀нтонїа. ѡ҆вдотїю. ѐленоу. софїю. зиновїю. прокопїа. ѳеѡдосїю. петра, и́нѡка. їѡнꙋ, скимника. а̀гаѳїю, скимницꙋ. а̀нанїю. їѡ҃. сщ҃еннѡ, и́но҃ варсоноѳїа. ѐпиѳанїа, дїакона. ге҃ргїа. а̀ндрѣа. ѐѵ҆праксїю, и́нокꙋ. ѳеѡдорꙋ, инѡкꙋ. сщ҃еннѡ, и́нѡка, а̀нр҃оника. настасїю. и́нокоу, оу҆лїаноу. и́нокꙋ ѳетинїю. анн҃оу. оу҆стинїю, и́нокꙋ. а́ноурїа. марфоу. никона. їѡ҃нна.

Златоверхо҃. тита. стефена (sic.) ѐвсѣвїа. їринꙋ. матфїа, и́нѡ҃. ѳеѡ҃дорꙋ, и́нѡкꙋ. сщ҃енно и́нѡ҃, симона. никитꙋ. михаила. семена. софїю. матренꙋ.

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Оскобленныя имена написаны внизу, на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ они должны быть относимы.

ѳеѡдора. кнѧ, василїа. кнѧ, маринꙋ. прова. сщ҃еннѡ, и́но, сѵмеѡна. їриноу. ѐѵѳимїю.

Игнатеи, рѡ свои оуписа, созоно. гаврила. и́нѡ созона. ѳеѡдосїю, инѡкоу. їѡ и́нѡ. ѯенїю. и́нокꙋ ѳеѡдосїю. василїа. кѡ.

И́нѡ, їѡноу. а̀гафїю. стефана. мр҃їю. а̀нрѣа. їакова. григорїа. марфоу. романа. и́нока, пахомїа. и́нѡкꙋ, оу́литꙋ. ѐѵѳимїю. їѡ. ѡ̀гроѳенꙋ.

Рѡ, кнѧ, оулїа̀ны, кнѧ, їѡ, юрьевич, лꙋгвенїевич. кнѧ ѡ̀лгирда. кнѧ, семена, лоугвеньа. кнѧ їѡ. кнѧ, диѡнисїа и́нѡ. кнѧ, оу̀лїаноу. скимник, митроѳана. и́нѡ, тарасїа. патрикїа. мисаила, скимник. варварꙋ. и́но, стефана. и́нѡ, а̀нꙋфрїа. и́нѡ, сергеа. и́но пантелїа. ни́тоу. а̀рефоу. мр҃їю. никифора. и́нѡ, ѳеѡдора. ѡ̀вдотїю. семена. а̀нн҃оу. а̀нн҃ꙋ. кѵприа̀на. ѡ̀вдотїю. а̀ньтонїа. а̀гафїю. а̀леѯїа. а̀нтонїа. тимоѳїа. павла. и́нѡ, германа. кѵпрїана. зиновїа. михаила. власїа. ѡ̀вдотїю. семена. и́нѡ, филипа. и́нѡ, ѳеѡдорꙋ. анн҃оу. їѡ. а̀нн҃оу. семена. настасїю. а̀нрѣа. диѡнисїа, скимника. ѡ̀ѳросинїю, скимницоу. мартина. зиновїю. и́но симона. їриноу. їѡ. парасковгїю. василисоу. и́нѡ, макарїа. ѯенїю. ѳеѡдосїю. леѡнтиа. михаила. їсаїю. а̀ревоу. марфоу. сѵмеѡна. їриноу. данила. їѡноу. и́нѡ парфенїа. їѡ. а̀гафона. тимоѳїа. ѐѵдѡкїю. їерѣа а́врамїа. мр҃їю. ѕиновїю.

Рѡ, пана семена григорьевич. патрикїа. григорїа. сѵмеѡна. їѡ. ѳеѡдора. їриноу. и́нѡка никифора. ѡ̀ксинїю. нестера. ѡ̀вдѣа. оу̀лианоу. а̀нтонидꙋ. сѵмеѡна ѐлиоу̀ѳерїа. катериноу. тимоѳїа. мр҃їю. ѐленоу. павла. лоукиана. дороѳїа. гаврила. мр҃їю. а́ноѳрїа. григорїа. григориа. матьфїа. е́рѣа, михѣа. и́нѡ, ѐѵѳимїю. ѳеѡдосїю. трꙋѳана. а̀ньноу. ѐрѣа, ѐѵстаѳїа. ѳилимона. а̀леѯїа. захарїю. савоу. е́ѵстаѳїа. пелагїю. кѡ.

Ѐѵѳимїа. а̀гафїю. а̀нрѣа. матреноу. марфоу. їакова. а̀нн҃оу. матреноу. василїа. григорїа. а̀вдѣа. а̀ндрѣа. оулїаноу. захарию. василїа. рѡдиѡна. стефана. михаила. оу̀лїаноу. варвароу. ѳеѡдосїю. а̀веркїа. максима. е́леноу. оулїаноу. ѳеѡдотїю. рѡдиѡна. ѳеѡдота. карпа. василїа. григорїа. ѯенїю. ѳеѡдора. варвароу. лоукоу. а̀ндрѣа. захарїю. терентїа. михаила. а̀грефиноу.

С костромы, аверкїи. є҃. дш҃ь вписа. їѡ. ѡ̀ксинїю. стефана. карпа. деѡ̀мида. оу̀стинїю. ꙗ̀кима. леѡнтїа.

Волъчкѡв калавоуровичь, рѡ, с пиньска, оуписа. ѳеѡдора. мр҃їю.

Прѧжовскый. ѳеѡдора. макарїа. алеѯанрѣа сысоа̀. а̀гафїю. ѳеѡдора. марфоу. тимоѳеа. а̀ѳонасиа.

Сн҃ъ, ѩкимшкъ, ѳе҃ко ѡц҃а своего ѩкима и р҃ѡ свои. ѩкима. їѡноу. настасїю. никитоу.

[Ш҃а, никита хо҃успенскій. спинка рѡ҃ вписа҃.]*) зиновїю. стефана. малафѣа. дионисїа. їриноу. мр҃їю. їакова. конр҃ата. їриноу. акулиноу. пахомїа. їѡ҃. григорїа. василисоу. тарасїа. марѳоу. оулианоу. власїа. конана. ѡвдотїю. мр҃їю. мамелфоу. инокѵ, ѕенїю. власїа. инѡ҃, паѳноутїа. нестера. сумеѡна. ино҃, антонїа. моусѣа. ермолѵ. маремїанѵ. ѳеѡдороу. тимоѳїа. стефана. ѕенїю. ѡнанїю. матреноу. ѳеѡдора. ѳеклоу.

Михайло соудеше҃ ѻц҃а своего вписа҃. ѳеѡдора. скимницоу, ѳеѡдороу. мр҃їю. аннѡу. сумесѡна. їѡ҃. їѡ҃. ермолоу. татїаноу. їсаїло. (sic) матфїа. марфоу. сумеѡна. їриноу. даніла. їларіѡна.

Змозырѧ, рѡ҃, їѡ҃. кобызе҃. їѡ҃. домноу. матреноу. пелагїю. матреноу. сумеѡна. аннѵ. ѡксинїю. игнатїа. ѡксинїю. ѡгапїю. агапїю. артемїа. єѵѳимїа, ск҃и. мр҃їю. мр҃їю. єѵстафїа, ерѣа. татїаноу. григорїа. игнатїа. тита. ѳеѡдосїю. ѳевронїю. михаила. їѡ҃. кнѧ, михаила. ѳеѡдора. тита, скимника. гаврила. ѳевронїю. илїю. инокоу ѳеклоу. ѳетинїю. матреноу. геѡргїа. ск҃и, козмоу. ино҃, максима. оулїаноу. савастїана. ѡксинїю. ѡѳонасїа. к҃ѡ҃.

Алеѯанр҃а. инѡ҃, никифора. алеѯїа. прокопїа. агафїю. ѡвдотїю. рѡдо҃на. наталїю. григорїа. никифора. сумеѡна. наталїю. леѡнтїа. алеѯїа. іакова. григорїа. ѡвдотїю. сумеѡна. ѳеѡдора. михаила. їѡ҃. домноу. евгенїю. єленѵ.

Коултѧкъ. данила. катериноу. ѕенїю. филиста. оулїаноу. василїа. мелентїа. ѡгрефиноу. єѵѳимїа. мр҃їю, скимницоу. їлїю. пахомїа. єленоу. оулианѵ. мартина. ѳеѡдосїю. левона. оулитоу. купрїана.

Сѵдорѡвъ. сумеѡна. мр҃їю. скимницѵ, оулїаноу. мр҃їю. никифора.

Рѡ҃, пана їѡ҃. дашковы҃, и панѣ его. коньстантина. ино҃ оулїаноу. инѡ҃, данилїа. мр҃їю. ѡстафїа. агафона. димитрїа. їѡ҃. аннѡу. єупраксїю. григорїа. татїаноу. василїа.

Рѡ҃, ѻговитѡ҃. єлиѵѳерїа. аннѵ. їѡсифа. тимофїа. мр҃їю. данилїа. леванида. аннѡу. ѳеѡдосїю. ѳеѡдосїю. матфїа.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ, сверху, безъ обозначенія, куда въ текстъ оно должно быть относимо.

Рѡ҃, пани, нимилы, ѡ҆бернеѐвоѐ. сѵ҆меѡ҆на. василїа. ѡ҆ксинїю. [симеѡ҆на. і҆ѡана. агаѳ҃ю.] *)

Рѡ҃, скипоревъ, з брѧньска. григорїа. і҆акова. а҆гафїю. а҆ннꙋ. козмоу. семена. и҆нѡ҃ фадѣа. варвароу. анцифора. і҆акова. а҆гафїю. матѳѣа. матреноу. ѳеѡдора. а҆носїю. сергїа. стефана. григорїа. матреноу, и҆нѡкоу. глѣба. филипа. ѐрѣа, козмоу. маремїаноу. ѳеѡдора. прокопа҃. василїа. ѳеѡдота. і҆ѡ҃. ѯенїю. ѡ҆вдотїю. і҆лїю. василисоу. михаила. ѡ҆коулоу. матреноу. ѳеѡдороу, скимницꙋ. ѳеѡдора. бориса. а҆нн҃оу. пахомїа. максима. матреноу. мариноу. мр҃їю. оу҆лїаноу. настасїю. і҆ѡ҆ноу. сщ҃еннѡ и҆нѡ҃, левонтїа. степанидоу.

Рѡ҃, толстикѡ҃. и҆нѡ҃, сѵ҆меѡ҆на. и҆нѡкоу, матреноу. диѡ҆нисїа. катеринꙋ. ѳомоу. парасїю. ѐѳросинїю. а҆ввакоума. сѵ҆меѡна. григорїа. макарїа. а҆нн҃оу. ѐкатериноу. оу҆лианоу. ю҆рна҆. і҆ѡ҃. парасїю. ѐѵ҆стаѳїа. григориа. ѳеѡдору. а҆нанию. а҆нфилогїа. і҆ѡ҃. і҆акова.

Рѡ҃, і҆ѡ҆нинъ и҆с поустынки. прокопїа. ѳеѡдосїю, скимницоу. матфѣа҆. а҆нтонїа. анн҃оу. василисꙋ. ѡ҆вдотїю. пестера. настасїю. а҆нисима. і҆ѡ҃. скимницꙋ, ѳеѡдосїю. карпа. инока, пимина. логгина. а҆ннꙋ.

Па҃ гри҃ко шестови҃кы и҆с чернигова. рѡ҃ ꙋписа҃. ѐѵ҆ѳимїю. и҆нѡ҃, савоу. ѐкатериноу.

Рѡ҃, кнѧ҃ а҆лѯанр҃а сенгоушкови҃ а҆ во иноцѣ, а҆лѯїа. кнѧ҃, маноуи҆ла. кнѧ҃, сѵ҆меѡ҆на. петра. сѵ҆меѡ҆на. стефана. і҆ѡ҃. кѵ҆рила. сѵ҆меѡна. ѳеѡдора. петра. михаила. сѵмеѡ҆на. і҆ѡ҃. матфеа. і҆ѡ҃. мартина. і҆ѡ҃. і҆ѡ҃. василїа. і҆ѡ҃. сѵ҆меѡ҆на. і҆ѡ҃. михаила. ѳеѡдора. петра. василїа. і҆акова. ѳеѡдора. [Кнѯѧ, романа.] **) двд҃а. і҆лїю. тита. сѵ҆меѡ҆на. і҆ѡ҃. ѳеѡдора. ѳомоу. і҆саїю. і҆ѡ҃. кнѧ҃, ѳеѡдороу. соломонидоу. і҆риноу. ко҃. василїа.

Моураль. ѳомоу. [скимницѧ наталїю.] ***) меланїю. лаврентїа. диѡ҆нисїа. каленика. семена. а҆нн҃оу. і҆ѡ҃. михаила. ѐрѣа҆ а҆лѯанр҃а. сщ҃еннѡ, и҆нѡка сѵ҆меѡна. захарїю, скимни҃. логгина, скимника. настасїю, скимницоу. а҆нтонїю,

*) Оскобленныя имена приписаны на поляхъ, сверху, позднѣйшею рукою,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ они должны быть относимы.

**) Оскобленное имя приписано на поляхъ, сверху, позднѣйшею рукою,—безъ обозначенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) Оскобленное имя приписано на поляхъ, внизу, нѣсколько позднѣйшею рукою,съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

скимницоу. їакова. игнатїа. ѳеѡдосїю. матреноу. варфоломѣа. настасїю. мартина. сѵмеѡна. двда. матреноу. їѡ. елтоуфїа. евгенїю.

Ѡц҃ь, и мт҃и, лозина. бориса. ѡвдотїю. ѳеѡдосїю. їѡ. димитрїа. їѡ. мефедїа. настасїю. павла. меланїю. леѡнтїа. акѵлиноу. игнатїа, инѡ. еѵѳимїа. наоума. ѳеѡдосїю. анрѣана. малаѳеѧ. еѵпразїю. диѡнисїа. софию. ѳомоу. матѳѣа. дементїа. никифора.

Рѡ, па ѳеѡдора. іанѹшкови. писарѧ, великакнѧ. їѡсифа. прокопїа. їѡ. їакова. їриноу, скимни. мрїю, скимницоу. анрѣа. кѡ.

Евдокїю. кондрата. сѵмеѡна. оулїаноу. роусана. оулїаноу. агафона. мамелфоу. инѡка, васьана. рѡдиѡна. сѵмеѡна. ѡстафїа. ѡдарїю. їѡ. ѡксентїа. никитоу. ѡриноу. варвароу. їѡ. еѵгенїю. парѳенїа. маремїаноу. инока, їѡноу. аѳанасїа. анцифора. маремїанѹ. инѡ, иѡсифа. павла. ѳеѡдосїю. леѡнтїа. зенїю. алеѯѣа. ѳеѡдосїа, инѡ.

[Рѡ, масальскы.] *) василїа. андрѣа, скини. аннoу. елиѡзара. мрїю. никифора.

Рѡ григориє. григорїа, скимника. алеѯїа. варварѹ. петра. семена. аннoу. стефана. настасїю. евсѣвїа. семена. мамелфоу. ѳеѡдосїю. мрїю. їѡа. семена. ѡленоу, скиницѹ. стефана. прокопїа. аннoу. евдокїю, анрѣа. инѡ, їѡнѹ. инѡ, никона. дороѳеа. ѳевронїю. агафїю. ино, їѡакыма. аннoу. кипрїана. афонасїа. татианоу. ерѣа, їѡїлѧ. викторїа. ѳеѡдосїю. ананїю. їриноу. ѳетинїю. настасїю. мелентїа. ѳеѡдора. акѵлиноу. еѵѳимїю. сщеннѡ, їерѣа, еѵлиѳерїа. скимника, їѡакима. инокоу, еѵфросинїю. настасїю, скимнїцѹ. мрїю. вокоулоу. леѡнтїа. савоу. мрїю. оулитоу. григорїа. варварѹ. диѡнисїа. димитрїа. матреноу. игнатиа. инока, пимина. пелагїю. химѹ. еѵѳимїа. тараса. протасїа. акѵлиноу. еѵгенїю.

С поутивлѧ, миковичи некрашъ, богданъ, вписали рѡ, свои. флора. павла. гаврила. їѡакима. тарасїа. їакова. трифона.

Рѡ ѳиларета, архимандрита печерьскаго. **) Сщнника Іѡа,

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ, сверху, красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) На поляхъ противъ этого мѣста позднѣйшею рукою приписано: Волынца.

Іриноу. Сщн҃нѡ, и́нѡ҃, а̀нтонїа. Мартина. Татианꙋ. Мр҃їю. Ѳеѡдо҃ра. А̀рхимандрита, Ѳиларета. [акилиноу. є̀рѣѧ̀ лоукпа́на.] *)

Рѡ҃, скипоревъ, з брѧньска. Василїа. а́гаѳию.

З нѡва, гр҃а. кѵпрїанъ старець вписалъ рѡ҃, свои. оу̀стина. їриноу. ѳеѡдо҃та. и́нѡ҃. ѡ̀носїю, скимницꙋ. власїа. наталїю. сѵ̀меѡ̀на. а̀кѵ̀линоу. пафомїа. пахомїа, и́нѡ҃. григорїа. зеновїю: павла. и́гнатїа. мефедїа. ѯенїю. а̀ндрѣа̀. їлїю.

Слоугы печерьскы ѿ тотаръ, коунець и́ товарищи є̀го, побїты. конр҃ата. є̀фрема. а̀нр҃ѣа. сергѣа. никона. їсидо҃ра. ѝгнатїа. мефедиа.

Рѡ҃, пана боулгака лисиченка. їакова. є̀катериноу. максима. григорїа. васисоу. є̀вдокїю. а̀ганїю.

Рѡ҃ кнѧ҃, їѡ҃, юрьє̀ви҃. с москвы. кнѧ҃, ю̀рїа. кнѧ҃, а̀нн҃оу. кнѧ҃ василїа. кнѧ҃, михаи́ла. варѳоломѣа̀. є̀вдѡкѣю.

А̀ се самъ кнѧзь їѡа҃ юрьєви҃. кнѧ҃, їѡ҃, юрьєви҃, кнѧ҃, є̀го. є̀вдѡкїю, ѝ сн҃а є̀го. кнѧ҃, василїа. дроугаго, сн҃а, є̀го, кнѧ҃, їѡ҃. кѡ҃.

А̀ѳанасїа. стефана. мр҃їю. є̀ѵксентїа. а̀ндрѣа. домникїю.

С поутивлѧ, сотникова жена, хотѣньскаго. нелша, вписала рѡ҃ свѡ҃ а҃і. дш҃ъ, а̀ затыи дꙋши, и́ма҃ давати, з годꙋ на гѡ҃ по ка҃ди медоу. лоукꙋ. оу̀лїаноу. їѡ҃сиѳа. а̀гафїю. а̀нр҃ѣа. василїа. понарїю. ѯенїю. варвароу. оулїаноу. карпа. кѡ҃.

Ѳеѡдо҃ра. павла. їакова. грека. лоукоу. мр҃їю. татианоу. павла. є̀ѵѳросинїю. ѡ̀вдотїю. ѝнѡ҃, мартина. и́нѡкꙋ, мр҃їю. мр҃їю. а̀кѵ̀лоу. маврꙋ, скимницꙋ. є̀ѵгенїю. їакова. пелагїю. ѳеѡдо҃сїю. григорїа. а̀гафїю. а̀кѵ̀лоу. татїаноу. їѡ҃. соломонидоу.

С поутивлѧ с лопатина вписалъ, ꙗковъ климови҃, ѡ̀ц҃а, и́ мт҃рь свою. а̀ заты дш҃и, и́ маѐть давати з годоу на годъ по ка҃ди медꙋ. климентїа. ѳеѡдо҃сїю. мр҃їю є̀втихїа. юрїа. ѡ̀вдотїю. ѳеклоу.

Рѡ҃ кнѧ҃, коньстѧнтина крощиньска҃, казначїа смоленьско҃ мт҃и є̀го, ѝ сн҃ъ є̀го. кнѧ҃ и́нѡкоу, є̀фросинїю. кнѧ҃, ѳеѡдо҃сїа. власїа. ѡ̀ксинїю. а̀леѯанр҃а. ѡ̀вдотїю. инѡ҃, лариѡна. козмоу.

---

*) Оскобленныя имена приписаны въ текстѣ позднѣйшею рукою.

Кнѧ, їѡ, юрьѐвичь трꙋбецкѡго сн҃ъ. кнѧ, ѳомоу. павла. ѳеѡдора. алеѯанра. инокъ акакїа. агреѳиноу. марфоу. ѡвдотїю. павла. їерѣа тимоѳѣа. їѡакима. инокꙋ, ѳеѡдосїю. сщ҃ннѡ инѡка, лоукоу. андрѣа. [игнатїа. андрѣа.] *) сергѣа. инѡ, каленика. ѳеѡдора. їаковъ. еѵстаѳїа. мр҃їю. їѡ. василїа. анн҃оу. ѡвдотїю. паѳнотїа, скимника. їакова. мартиниана. химоу. агафїю. софїю. ѡксинию. соѳронїа. їѡ. данилъ. филиппа.

Смосквы игоуменъ сп҃кыи, и за ѧоузьѧ, ксенефонтеи, вписалъ рѡ свои. инѡ, еѵѳимїа инѡкꙋ, маремїаноу. инѡкоу, ѡносїю. ксенефонта.

Смосквы михаилѡ василїевъ сн҃ъ, доурнѡго, вписалъ. рѡ свои. инѡка, васиана, еѵпраксїю. инѡкоу, соломонидоу. еливѳерїа.

Смѡсквы, ѳеѡдоръ, василеи, созоновъ, вписалъ. инѡ, їѡноу. козмоу. скимника григорїа. їсидора. їѡноу, инѡ. ѳеѡдосїю, скимни. созонта. андрѣа. скимника, їѡноу. ѯенїю, скимницꙋ. никитоу. андрѣа.

Смосквы, григорїа, дмитреѐви баба, вписалъ ро свои. никифора. оулїаноу.

Рѡ, кнѧ, василїеви, семена, ромодановьскѡ. кнѧ, дософїа, скимника. кнѧ, ѡгрофиноу. кнѧ, мариноу, скимницоу. кнѧ, акѵлиноу, инѡ. кнѧ, ѳеѡдора. кнѧ, михаила. кнѧ, їѡ. кнѧ, еѵѳимїю. ѡлеѯїа, скимника. василїа. мр҃їю. мелентїа. лꙋкїана, инѡ. соломонидоу. їѡноу, скимьника. василїа. татианоу. їѡ. пелагїю. савоу. ѡвдотїю. сергїа, инѡ. оулїаноу. алеѯїа. карпа. їѡ. антонїа. тимоѳѣа. мр҃їю. ѳетинїю. соломонидꙋ. ѳеѡдора. лоукїана. агафїю. мр҃їю. инокоу, оулитоу. анисима. игнатїа. матреноу. гликѣрїю. алеѯанра. матреноу. їеремїю. ѳевронїю. климентїа. игнатїа. аньдрѣа. ѳеѡдосїю. їѡакима. ѡвдотїю. їѡ. агафїю. їакова. агафїю. ѳевронїю. дементїа. конана. ѳеѡдора. ѡлгоу. анн҃оу. мр҃їю. ѻнисима. кнѧ, їѡ. аннꙋ. кнѧ, їриноу. варсоноѳїа, скимни. василисоу. анн҃оу. ѳеѡдоръ. бориса. марфоу. еѵѳимїю. фомоу. инѡ кирила. асаака. исаакїа. тимоѳїа. ѳеѡдосїю, скимнїцꙋ. ѡгрефиноу, черноризицоу. аѳанасїа. парфенїа. григорїа. конратїа. козмоу. евгоу. гаврила. матреноу. василисоу. андрѣана. ѳеѡдороу. ѡгафоника. василїа.

---

*) Оскобленныя имена приписаны на поляхъ, внизу,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ они должны быть относимы.

ї҃ѡ. тихона. мартина. скимника. соломонидоу. ї҃ѻсифа. ѐѵфимїа. а̀нтипоу. стефана. матѳїа. тимоѳїа. ѐленоу. данила. настасїю. ѡ҆грефиноу. е҆катериноу. ї҃акова. мр҃їю. василїа. мр҃їю. ѳеѡдосїю. павла. ѡ҆ноѳрїа. оу҆лїаноу, скимницоу. а̀нрѣа. геронтїа, скимника. петра. настасїю. ѳеѡ҆гноста, и҆нѡ. василїа. мр҃їю. матфїа. ѳеѡдосїю. ѳеѡдора. филипа, и҆нѡ. и҆нѡ, тихона. мр҃їю. и҆нѡ, ѳилипа. а̀лезанра. ѳеѡдота. григорїа̀. їриноу. ї҃ѡа.

Калантаѐвъ. василїа. павла. маремїаноу. ѳеѡдосїю. михаила. сѵмеѡ҆на. мр҃їю. карпа. ѳетинїю. а̀лезанра. мр҃їю. а̀фанасїа. а̀нноу. матреноу. ї҃ѡ. їлїю. пелагїю. лоукїана. ѳетинїю. ѳеѡдора. никитꙋ. мр҃їю. настасїю. марїю. диѡ҆мида. петра. харитона. а̀лезїа. макарїа. ї҃ѡ. зиновїа.

Рѡ҆ попа шандырѧ. ї҃ѡ. е҆катериноу. а҆нанїю. ї҃ѡа. а̀гапїю. митрофана. ѐкатериноу. тимоѳїа. наталїю, и҆нѡкꙋ. васиана, скимника. лаврентїа. пелагїю. марка григорїа. пелагию. сщ҃нѡ, їерѣа ѳеѡдора. ѳеѡдорꙋ, и҆нѡкоу. марка. василїа.

Ѿ ѻ҆ноуфреѐва дн҃и. савоу. їакѡва. їерѣа козмоу. ї҃ѡ. козмꙋ. никитоу. татїаноу.

С москвы, оуписали рѡ҆ кнѧ, семена рѧполовьскѡго, ѡ҆ц҃ь, ѝ мт҃и, и҆ са҃. кнѧ. ї҃ѡ. инокоу, скимнїцꙋ, кнѧ, настасїю. кнѧ, симїѡ҆на.

Па҃, страшкѡ. никитоу.

[Кн҃ алезанро сендюшкови҃]*) кн҃ а̀лезанра, а̀ во иноцѣ, е҆лїѵѳерїа, скимни҃. е҆оустафїа. гаврила. григорїа̀. никитоу. артемїа. евлампїа. принꙋ. михаила. васїлїа. скимниц ефросинїю. и҆но҃ алезанра. скимни҃. езинїю. скимни҃. тимоѳеа. ѡ҆гаѳїю. и҆но҃. алезѣа̀. соѳию. гаврила. ѡгаѳию. а҆ннꙋ. и҆но҃. леѡ҆нтеа̀. евдокїю. ереа̀. назарїа. ино҃. агрепинꙋ. васїлїа. марїю. сщ҃нно ино҃. їѡсифа. и҆но҃. васїана. ѳеѡдора. екатеринꙋ. їсаака. татїанꙋ. евдокѣю. ї҃ѡ. ѳеѡдора. ефрема. марѳоу.

Рѡ҆ пана быко҃. петра. юрїа. харитона. ѡ҆дарїю. ї҃ѡ. игнатїа. назарїа. григорїа. ї҃ѡ. геѡ҆ргїа. христинꙋ. ї҃ѡ. василїа. василїа. скимн҃. еленꙋ.

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ, вверху, красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

марїю. василїа. петра. григорїа. парасїю. ѻгаѳїю. инѻ. еѳиѳанїа. николꙋ. василїа. аннꙋ инѻ андрѣа. инѻ ѯинїю. лаврентеа. ѳеѡдора. стеѳана. евдокѣа. пелагїю. ѳеѡдосїю. илїю.

Пана завиши и пани его. силꙋана. татїаноу.

Рѡ пана калениковиⷮ и пани его їѡ. настасїю. михаила. грїгорїа. стеѳана. елиазара. їѡ. ѳеклꙋ. марѳоу. василїа. марїю. скимнⷮ. варварꙋ. климентеа. ѡгреѳинꙋ. панарїю. їѡ. химꙋ. пахомїа. григориа. василїа. василисꙋ. їосиѳа. андрѣа. ѳеѡдора. инѻ аннꙋ.

Пани ѡлена кикиреваѧ оуписала в дѻ прчⷮтои выслꙋгꙋ пана своего селище брылевщїнꙋ новоселкы. в житомирскѻ повѣте. а зато оуписала пана своего и себе и рѡ свои. ѕ дшⷭь. инѻ селивестра. инѻ ѡвдотїю. сѵмеѡна. ѡленꙋ. инѻ наталїю. панарїю. инѻ домнꙋ. игнатїа. матренꙋ. настасїю. захарию. инѻ акиндина. антонидꙋ. пелагїю. христиноу. инѻ. їѡнꙋ. инѻ. васїана. марїю. евѳимию. тимоѳеа. оулїанꙋ. павла. матренꙋ. кꙋдина. миноу. матренꙋ. аникитоу. козмоу. їосиѳа. павла. агреѳиноу. їереа. васїлїа. татїанꙋ. михаила инѻ. наталїю. сїмеѡна. ефросинїю. григорїа. инокꙋ. маремїанꙋ. їѡа григорїа. еоустаѳїа. инѻ михаила. евдокима. инѻ ѳомоу. їѡ. евѳимїю. конъдратїа. инѻ. ѡнисїма. стеѳана. їесеѧ. сопрона. радѡна. ѯинїю. пелагїю. перфоурїа. григорїѧ. леѡнтеѧ. ѳеѡдора. павла. маноуила. малоѳѣѧ. алеѯадра. васїлїа. деѡнисїѧ. лꙋкїана. їакова. дїмитреѧ. гаврила. симїѡна. їѡ. оульѧнꙋ. васїлїа. їѡ. мрїю. кнѧ иринꙋ. аѳанасїа. климентеѧ. настасью. ѳетинью. ѯинїю. еѳросинїю. васїлїа. аннꙋ. полинарию. парасковїю.

Пана семена ѡлизаровиⷮ. сѵмеѡна. василїа. романа. їѻсїфа. василїа. агрефѣноу. агаѳїю. инѡ, мисаила. сѵмеѡна. никиѳора. василїа. скицꙋ, настасїю. їѡноу. сщнⷭнѡ, инѡ, матѳѣа. аньдрѣа. скимниⷮ, савастїана. їсаию. елїѵѳерїа. татїаноу. деѡнисїа. захарїю. агапїю. *) аньдрѣа.

Тыи дшⷭи, пѧдесѧ и, паⷮ звѣрь волъчковиⷮ намѣсниⷮ слоуцкїи. вписаⷮ рѡ свои. андрѣа. аннⷭоу. василїа. настасїю. павла. дїа. ѳе-

---

*) Это имя приписано на поляхъ позднѣйшею рукою,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

тинїю. [а҆дрѣа́. фетиⷩ҇ю. мрию̀.] *) мр҃їю. а҆лєѯандра. данила. прокопїа. кнѧ҃ а҆ндрѣа. кн҃ѧ, є҆ѵ҆ѳимїю. кнѧ҃, л҃ва. є҆п҃па, є҆ѵ҆ѳимїа.

А҆сє рѡ҃ клѧп҃нинъ да глѣбѡ҃. кнѧ҃, ѳєѡдо҃ра. гаврила. мєлєнтїа. и҆но҃ а҆гапїю. ѳєѡдо҃сїю. наст҃сїю. а҆нн҃оу. павла. кнѧ҃, михаила. мр҃їю. оу҆лїаноу. голєндоухꙋ. є҆мєлїа҆на. коньстѧнтїна. є҆ѵ҆ѳимїю. а҆ѯинїю. їѡ҃. їрїнꙋ. соломонидоу. мр҃їю. а҆гапїю. кѡ҃.

григорїа҆. ѳєѡдо҃рꙋ. ѳєтинїю. марїю. настасїю. романа. ѳилимона. матрєнꙋ. ѳєѡдо҃ра. никитꙋ. ꙗ҆кима. ѳєѡдо҃рꙋ. їѡ҃. марїю. варварꙋ. марїю. ѳомꙋ. а҆гриппинꙋ. марїю. їѡ҃ва. варварꙋ. а҆лєѯаньдра. оу҆лїаноу. ирїнꙋ. є҆катєрїнꙋ. станка. ѡ҃вдотїю. павла. їєрѣа ѳилимона. захарїѧ. гаврїила. алєѯїа. кнѧ҃ іѡ҃а. сєргиѧ. а́ксїнїю́. домноу. гаврила. соѳїю́. їѡ҃. василїа́. дємїа́на. а҆ндрѣа́. и҆но҃, фотїа́. михаил҃а. татїа́нꙋ. мартїна. матрєнꙋ. василїа́. ѳєвронїю́. м҃рїю́. є́ѳросинїю́. Єрємѣа скиⷩ҇ника. никитꙋ. мамєльфꙋ. [кнѧ҃, богд҃а, васильєви҃.] **) кнѧзѧ бориса.

Рѡ҃ пана романа є́лизарови҃ воєводы києвъского. єлєазара. їѡ҃ва. а҆лєѯа҆дра. м҃рїю. романа. є҆ѵ҆ѳимїѧ. авраамїа. кнѧ҃ дв҃а. кнѧ҃ павла. павла. м҃рїю. андронїка їно҃. їоана. єѵ҆праѯїю. сємиѡ҆на. дєон҃ї.***)

Ѡ҃лєшко. алєѯа҃дра. оулитꙋ. і҆єрємїа. и҆нѡ҃ нєктарїа. а́нтонїа. прокопїа. ва́силїа. м҃рїю. зиновїа. а҆нанїю. и҆но҃ васїана. сєргїа. макарїа. кѵ҆рїана. кн҃ іѡ҃а. лаврєнтїа. и҆ринѫ. григорїа. филїппа. є҆ѵ҆ѳимїю. василїа. и́гнатїа. м҃рїю. їѡ҃а̀кима. василїа́. їѡ҃. дороѳѣа̀. оу҆лїа̀ноу. м҃рїю. григорїа́. кѵ҆рила. марфѫ. пєлагїю. а̀нисима. їа́кова. а̀ндрѣа̀. и҆нѡ҃ їакима. є̀рємїа̀. гаврїила. маѯїма. їєрѣа́ панфилїа́. пєтра. є̀ѳрѣмїа́. їѡ҃. ѳєѡдо҃сїю. їѡ҃. а̀мвросїа́. хїмѫ. минѫ. сємєѡ҃на. а́лєѯїа́. їѡ҃. [богданъ, маѯимови҃.] ****) димитрїа. кнѧ҃ марїю.

---

*) Оскобленныя имена приписаны на поляхъ позднѣйшею рукою,— безъ обозначенія, куда въ текстѣ они должны быть относимы.

**) Оскобленное имя написано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) Послѣднія два имени приписаны въ текстѣ позднѣйшею рукою.

****) Оскобленное имя написано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда оно въ текстѣ должно быть относимо.

їꙗкова. *) їлїю. митрофана. стефана. ѳевронїю. їѡ҃. лꙋкїана. зеновїѧ. инока. поликарпа. марїю. їларїона.

Дꙋнави. їѡ҃. гаврїила. ѡгрефинꙋ. їѡ҃. василисꙋ. ѳилиппа. їно҃. їѡ́нꙋ. їѡ҃. аѯинїю. ѳомоу. е҆встафїа. ѳетинїю. їно҃ їакима. їѡ́сиѳа. ѳевронїю. ѡ҆грефинꙋ. екатериноу. оульѧ́нꙋ. левона. потапїа. мамелфоу. оульѧнꙋ. їѡ҆акима. сергїа. васїлїа. митроѳана. а҆настасїю. михаила. марїю. григорїа. анастасїю. христинꙋ. а҆грефинꙋ. ѳеѡдора. кнѧ. георгїа. їѡ҃. сидора. агаѳїю. данїлїа. татїанꙋ. марїю. матренꙋ. їно҃ ѳеѡдосїа. а҆гаѳона. васїлїа. їѡ҃. їно҃ неѳедна. ино҃ ѡ҆никїа. їѡ҃. еѵ҆ѳїмїю. їерѣа. їакова. їно҃. а҆настасїю. симеѡ҆на. григорїа. ѡ҆грефинꙋ. їѡ҃. пахомїа. їно҃. герасима. оульѧнꙋ. м҃рїю. дв҃а. вѣрꙋ. василисоу. ѕеновїю. ѳеѡ҆ра. еѵ҆стафїа. ѡ҆гафию. павла. кондрата. агафию. павла. агреѳинꙋ. ѳеодора. ѡ҆вдотїю. їно҃. їонꙋ. марїю. еленꙋ. а҆гафана. їсакїа. домнꙋ. пантелеа. їакова. їно҃. ѳевронию. павла. николꙋ. ѡ҆гафїю. митроѳана. стеѳана. ѳевронїю. елиазара. анциѳора. їринꙋ. симеона. григорїа петра. демїана. ѳеѡ҆досїю. марїю. їно҃. ѳеѡдосїа. агафїю. ѳеодосїю. григорїа. михаила. марїю. їно҃. макарїа. марїю. ѳетинїю. оульѧ́нꙋ. їѡакима. кондрата. оульѧнꙋ. їакова. симеона. аннꙋ. татїанꙋ. пелагїю. ски҃. їѡ҃. марїю. саломѣю. ю҆рїа. димитреа. ѡ҆ксентеа. харитона. пелагию. е҆леленꙋ.(sic) їно҃. елиферїа. онисїма. ѡ҆ксентеа. артемїа. софїю. стеѳана. ареѳы. оульѧнꙋ. григорїа. евстаѳїа. їно҃. ски҃ ѻ҆ѯентеа. еѵ҆стаѳїа. ѻ҆грефиноу. їерѣа. и҆гнатїа. їерѣа. а҆дрѣа. николꙋ. полїекта. м҃рию. юрьѧ. михаила. и҆ѡ́сихва. михаила. оу҆лыа҆нѧ. оустинью. и҆льѣ. ѡ҆леѯиꙗ. и҆сакиѧ. павла. и҆нокы оу҆льѧ́ноу. скимни҃ оу҆льѧ́ноу. серафиѡ́ма. наталью. їнока дософїа. їнока никитоу. меланью. филимона. бориса. ѡ҆леѯїа. пантелѣи́мона. андреꙗ. ѡ҆риноу. ѳеѡдосїю. прокоѳьꙗ. нехведьѧ. ѡ҆вдотью. ски҃. ѡмелїана. їно҃. мисаила. василїсꙋ. ски҃. аѳанасїа. андрѣѧ. ѳилїмона. ѳеѡ҆ра. грїгорїа. ѳеѡ҆ра. самоила. самоила. парасїю. пелагїю. кѵ҆прїана. їѡ҃. скі҃. захарїю. а҆бросїа. левонтеа. ѳомꙋ. їринꙋ. м҃аѳѣа. халелѣа. парасїю. варварꙋ. хр҃тины. ѳеѡдоры. мартїана. ѳеѡдора. ѳеѡдора. ѡ҆ксинїи. меланїи. їѡ҃а. а҆ѳонасьѧ. оуласьѧ. оу҆литы. савы. е҆сифа. матрꙋны. ѳеѡдосїи. и҆гнатьꙗ. демьꙗна. никиѳора. їѡ҃а. кѵ҆прїана. трифона. александра. ѳеѡдосьи. а҆лексеꙗ. ѳеѡдосьꙗ. ѳомы. и женоу его. трохима. ѳеѡдосїи. зенова. левона. ходыкы. а҆ксиньи. марїи. їѡ҃а. а҆гаи. ѳеѡдора. пелагїи. дмитреꙗ. ми-

*) На поляхъ противъ этого имена написано: щ҃ѣнко.

чиѳора. савы. игнатьꙗ. еѵпраксіи. анны. петра. григорьꙗ. сергеа. пантелѣа. їѡва. мартинїа. пелагїю. галактиѡна. захарїю. павла. їлью. симеѡна. марїю. макарїа. їѡ҃. трѵхона. сидора. юрїа. игнатїа. ермолаа. домнѹ. мр҃їю. ѳетинїю. василїа. татїанѹ. ѡвдотїю. аннѹ. григорїа. ѳетинїю. васїлїа. савостїана. михаила. ѳеѡдора и жонѹ его. ѳевронїю. їѡа. настасїю. мр҃їю. ѳеѡдосию. ѡѳанасїа. ѳеѡдота. марїю. ѕинїю. григорїꙗ. їѡ҃. григорїа. леѡнтїа. никитоу. їѡнѹ. матренѹ. мамонтѹ. ѡгаѳию. михаила. марїю. леѡтеа. елфимїю. марка. ѳеѡдора. меланїю. марїю. ѡвдотїю. васїлїа. никитѹ. дамїана. ѳеѡдора. матренѹ. кодратїа. лоукоу. тимоѳеѧ. никиѳора. марїю. оульанїю. григорїа. перѳирїа. еѵстаѳїа. логвина. марїю. марию, ино еоуѳимиѧ. оульѧнїю. акиндина. симеѡна. семиѡна. наѹма. їѡ҃. игнатїа. костѧнтина. никиѳора. ѡкѹлины. ѳеѡрѹ. никиты. марию. михаила. агаѳию. василисѹ. лѹкиѧна. елиазара. лѹкиѧна. данилїа. симиѡна. симиѡна. ѡгреѳиноу. їно, алексїа. настасїю. агаѳїю. андрѣа. григорїа. алексїа. ѡленоу. мрїю. ксинїю. симеѡна. прокопїа. зиновїю. михаила. їнокоу оулианоу. лоукоу. ѕинїю. ѳеодота. наталїю. михаила. нестера. матреноу. григорїа. захарїю евдокїю. їѡана. александра. ѳеѡдора. мрїю. матреноу. грїгорїа. иѡсиѳа. пелагїю. ѡленоу. ѳетинїю. илинарха. оулїаноу. ѳеѡдора. андрѣа. василїа. агаѳїю. їно ѕинїю. юрїа. татїанѹ. парасковїю. ѡвдѣа. матренѹ. григорїа. їѡ҃. їсакїа. бориса. иринѹ. агаѳию. ино. ѡкѹленѹ. василиа. никитиа. парасковию. пелагїю. пелагию. їереа. василїа. ѳеѡдора. василїа. михаила. исаїа. фетинїю. романа. григорїа. пелагию. моисѣѧ. аннѹ. агаѳїю. симиѡна. деѡнїсїа. григѡрїа. їакѡва. агаѳїю. татїанѹ. марїю. оулїанѹ. ѳеѡдора. їѡакима. димитреѧ. никитѹ. данилїа. павла. фетинїю. аннѹ.

Ро архимадрита жидичиско иасаѳа. архимандрита иасафа. тимоѳеа. марию скимницю. романа. марїю. марию. їѡа. геѡргїа. ермолаа. ѳеѡдору. андрѣа. матѳѣа. мамонта. оулїаноу. ѡвдотїю. анноу. козмоу. ѳетимїю. андрѣа. ѡленоу. захарїю. савѹ. агрипиноу. настасїю. їриноу. мрїю. анноу. агаѳїю. евдокїю. симеѡна. їѡа. ѡвдотию. ѳеѡра. настасью. скиника. ино. мартина. матроуны. данилиѧ. моисѣѧ. симиѡна. захарїю. їѡа. їѡа. парасковгїю. ѡриноу. ѳеѡсїи. ꙗкова. макрены. борїса. василиѧ. оульꙗноу. андрѣѧ. мрью. стеѳана. димитреѧ. александра. ѳеѡра. тимоѳеа. филиппа. никитѹ. алеѯїѧ. їѡ҃. дементеѧ. алеѯандра. агрефинѹ. матѳеа. ѳеѡдосїю. давыда. василисѹ. деѡмида. пелагїю. симеѡна. дементеѧ. марїю. марїю. ефро-

синїю. николꙋ. їакова. настасїю. фотїана. марїю. ѳеѡдора. химоу. соломонидꙋ. елиферїа. ѯинїю. алеѯїа. агаѳїю. марїю. їѡреста. їѡ҃. вавилꙋ. агрефенꙋ. григорїа. аннꙋ. лазарѧ. гаврила. козмꙋ. матреноу їно҃. демїана. їѡ҃. їно҃. арсенїа. тимоѳеа. троѳима. тарасїа. марїю. їѡва. татїанꙋ. васїлїа. оулитоу. михаила.

[Рѡ҃ па҃ дмїра бꙋтови҃]*) ѡкꙋлинꙋ. оустина. димитреѧ. парасковгїю. кнѧ҃. їѡ҃. матронꙋ. ѳомꙋ. ѡвдотїю. ѳеѡдора. настасїю. ино҃ мартїѧна. матроноу. данилїѧ. моисѣѧ. николоу. татиѧноу. анноу. оулїанꙋ. пелагїю. ѳеѡдосїю. ѳеѡдора. їно҃. варсонофиѧ. павла. троухона. стефана. василїѧ. григорїѧ. їлариѡна. софью. ѳеѡдороу. кнѧ҃. григорїѧ. бориса. іно҃, їѡноу. їно҃, їѡноу їно҃, мр҃ию. давыда. максима. карпа. филипа. кнѧ҃, алекса҃дра. ино҃, нектарїѧ. павла. михаила. їѡа҃. марїю. зиновїю. гаврила. мр҃їю. іно҃, калиста. ѳеѡдора. авксентїа. евстаѳїа. ѳеѡ҃ра. василїа. парасковгїю. ино҃ никитꙋ. їѡ҃. ѳеѡ҃ра. ѳевронїю. аммоса. василїа. алеѯїа. евфимїю. варварꙋ. стефана. ино҃. скимника. васїана.

Богда҃ крылошани҃ оуписа҃ ро҃тели свои. їереѧ харлампиѧ. ски҃ницю, ѳеѡ҃рꙋ. сꙋмиѡна. ко҃.

їакова. ѳеѡдосїю. оулитꙋ. аносїю. ѳеѡ҃ра. николꙋ. павла. настасїю. михаила. ѳомꙋ. ѳеѡдора. ѡвдотию. леонтїа. ѳеѡдора. ма҃ѳѣѧ. їѡа҃. оулїанꙋ. варварꙋ. ѳеѡдора. марїю. оулїанꙋ. їно҃. серафиѡна. ѳеѡдора. ѳеѡдосїю. николꙋ. агафїю. ѳомꙋ. антонїа. ѕиновїю. ма҃ѳеѧ. евфросинїю. ино҃. васїана. григорїа. васїлїа. юрїа. конана. їрїнꙋ. андрѣа. стефана. ефросинїю. алеѯа҃дра. матѳѣа. тимоѳеа. ѳеѡдора. пелагїи. лоу҃ѧна. ѳевронїю.

Рѡ҃ пана ива҃ка дѣ҃кови҃. андрѣѧ. їеленꙋ. меланїю. ѳеѡдора. евста҃а. ѳеѡдора. їѡ҃. власїа. настасїю. доминїкїю. їакова. алеѯа҃дра. василїа. сте҃на. юрїа. настасїю. ѡгре҃нꙋ. григорїа. пелагїю. матренꙋ. семиѡна. ѳеѡдосїю. николꙋ. маноила. марїю. їакова. аѳанасїа. ма҃ѳеа. тимоѳеа. григорїа. настасїю. малаѳеа. харитона. ѡмелїана. ѡвдо҃ою. матренꙋ. їно҃. їакима. їерѣа. васїлїа. перфирїа. їѡ҃. евъста҃а. кꙋрїана. карпа. андрѣа. їѡсиѳа. николꙋ. васїлїа. андрѣа. прокопїа. акылинꙋ. григорїа. настасїю. їринꙋ. анъкыдина. антонїа. захарїю. василисꙋ. їеленꙋ. їно҃. їѡсиѳа. григорїа. ѳеѡдора. їѡ. їева. аннꙋ. меланїю. акылїнꙋ. евсегенїа. ко҃ста҃тина. ѳетинїю. ски҃ни҃. їѡ҃. їѡ҃. зеновїю. пахома їѡ҃.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,— безъ обозначенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

симеѡна. стена. никитꙋ. матренꙋ. ѳеѡдосїю. игнатїа. ермолꙋ. тита. ѡвдотю. ѡвдотю. марїю. ѡгаѳїю. алексадра. ѳеѡдора. козмꙋ. еленꙋ. марию. елиѳерїа. сергеа. григорїа. дмитреѧ. ѳеѡдосїю. никытꙋ. данилїа. софонїа. їѡ. никитїа. саавꙋ. малоѳеа. марїю. мамонта. еѯинїю. ѳеѡдосїю. їно. наталїю. ѳеѡдора. їно. наталїю. їно. евдокїю. симеѡна. грїгорїа. аннꙋ. ѡвдотїю. просиню. михала. їрїнꙋ. ѳеѡдора. василисꙋ. никитїа. петра. ѡвдотїю. григорїа. аннꙋ. пархомїа. грїгорїа. ѡѯетеа. їѡ. аннꙋ. мрью. лоукїана. ѳеѡдосїю. ѡгрефинꙋ. татїанꙋ. василїа. пелагїю. ѯинїю. харитонїа. павла. настасїю. минꙋ. пера. їѡ. михала. їѡ. алеѯїа. никифора. ѳеѡдосїю. наꙋма. романа ѳеѡдора. матренꙋ. матѳеа. васїлїа. стефана ѡгрефинꙋ. мрїю. ꙋльѧнїю. їрїнꙋ. їѡ. васїлїа. мрїю. соломонидꙋ. оульѧнїю. елиферїа. василїа. ѳеѡдора. оульѧнїю. тарасїѧ. евѯентеѧ. ѳевронїю. ѳеѡсїю. кнѧзѧ. дмитреа. сергеѧ. ѡгаѳїю. ѡгафїю. василїа. евдокею. семиѡна. михаила. василїа. александра. юрїа. ѳеѡдора. евсевїа. марїю. малофеѧ. василїа. їлїю. анастасїю. козмꙋ. хотїа. ѕеновїа. марїю. михаила. їно. агафїю. стефана. анастасїю. есифа. ѳеѡдосїю. ѳеѡдора. василисꙋ. григорїа. їно. їрїнꙋ. андрѣѧ. ѳеѡдосїю. матфеѧ. аннꙋ. їно. ѕеновїа. агафїю. ѡгрефинꙋ. ѳеѡдосїю. кнѧз симеѡна. михаила. фомꙋ. соломонидꙋ. андрѣѧ. никитꙋ. фирса. ѳарафонта. ѯинїю. лꙋкїана. василисꙋ. агафона. їно. макарїа. аннꙋ. їно. пелагїю. їѡ. їно. германа. спиридонїа. гаврїила. захарїю. евдокею. козмꙋ. їно. їсакеѧ. екатерїнꙋ. їно. їлинарха. харитона. ѳеѡдороу. павла. маноила. їѡ. їѡ. климентеѧ. евфимїа. настасїю. мрїю. панкратїа. матренꙋ. ссю. симеѡна. їѡ. мрїю. ѡгреѳинꙋ. їно. їринꙋ. їринꙋ. алеѯадра. стефана. симона. мефодїа. леѡнтїа. їерѣа. савы. варварꙋ самоила. деѡмида. симеѡна. данилїа. димитрїа. їно. симона. їно. никифора. захарїю. василїа. меркорїа. григорїа. ѡвдотю. оулїанꙋ. мрїю. сидора. акѵлинꙋ. есифа. мрїю. варлаама. рафаила. гаврїила. їѡ. варлаама. їно. їѡсиа. юрїа. їѡ. ѳеѡдорꙋ. стена. агаѳїю. ѕеновїа. евфїмїа. їно. василисꙋ. мокеа. ѳеѡдосїю. конана. алеѯандра. григорїа. їѡ. ѡнисима. андрѣа. мрїю. татїанꙋ. оулитꙋ. даниила. фомꙋ. петра. семиѡна. екатеринꙋ. їеремѣѧ. ѡвдотїю. мрїю. кнѧ. мрїю. кнѧ. їѡ. кнѧ мрїю. нестера. евдокею. їѡ. ѳеѡдора. їно. ꙋлїанꙋ. ксинїю. стефана. василїѧ. ѡдарїю. їѡ. савꙋ. їринꙋ. антонидꙋ. ѳеѡдосїю. ѳеѡдосїю. мрїю. алексадра. прокопїа. мрїю. карпа. антонидꙋ. ꙋлїанꙋ. мартьѧна. ѳеклꙋ. елиферїа. їно. евфимїа. ѳилиппа. деѡмида. климентеа. ѯинїю. татїанꙋ. сщнно. їно. макарїа. григорїа. василїа. анноу. екатеринꙋ. параскоѯвїю. ѳеѡдора.

григорїа. григорїа. евфимїю. їѡ҃. їѡ҃. василїа. трѵхона. трѵхона. власїа. григорїа. евфимїю. нестера черноризца. андрѣа черноризц. дамїана. черноризицꙋ. оулїанꙋ. ѡвдотїю. ма҃ѳеа. григорїа. ѡвдотїю. ѕеновїа. петра. мартїана. черноризц. мр҃їю. евфимїю. евгенїю. матренꙋ. їакова. марїю. черноризц. їѡ҃. матренꙋ. вокола. оулїанꙋ. алеѯандра. феѡфана. ереа. їѡ҃. їакова. аннꙋ. ѡсїа. сидора. сщ҃но. сщ҃но. нестера. глїкерїю. павла. аннꙋ. їакова. марїю. грїгорїа. евдокею. їѡ҃. нерона. оулитꙋ. григорїа. їѡ҃. созонтеа. екатеринꙋ. инокꙋ. наталїю. елтꙋфїа. прокопїа. ѡгафїю. їѡ҃. васїлїа. евдокеа. вѣрꙋ. ѳеѡдосїю. лоукїана. ѡгрефинꙋ. аврамїа. амбросїа. козмꙋ. їно҃. павла. еленꙋ. їно҃. евфїмїа. васїлїа. ефросинїю. їѡ҃. василїа. настасїю. ѡвдотїю. евстаа. лꙋкїана. василисꙋ. оулїанꙋ. їѡ҃. їакова. їѡ҃. ермолаа. ѳеѡдосїю. петра. андрѣа. ермолаа. аннꙋ. симеѡна. данилїа. їакима. їѡ҃. евфросинїю. димитреа. василїа. ѯинїю. настасїю. петра. ма҃ѳеа. дарїю.

Рѡ҃. пана ѡлехно҃ скарꙋтинъ. їно҃. василїа. скиницꙋ. марїю. алеѯандра. юрїа. їева анастасїю. їнока. каленика. сщ҃нно. паꙋма. никыфора. ксинїю. їно҃. игнатїа. радивона. їелиферїа. ѡвдотїю. теретеа. димитреа. оулитоу. тита. ѡдарїю. андрѣа. василисꙋ. левона. андрѣа. ефросинїю. їно҃. їѡнꙋ. тимоѳеа. фетинїю. андрѣа. аннꙋ. савꙋ. тимофѣѧ. никитоу. андрѣѧ. василїа. григорїа. оулїанꙋ. татїанꙋ. їѡ҃. матренꙋ. марїю. ксинїю.

Рѡ҃ пáна михаило҃ гагиновъ. савꙋ. андрѣѧ. їѡ҃. їосифа. лоукꙋ. скиниц христинꙋ. ѳилиппа скиц. їѡ҃. ѳеѡдора. василисꙋ скиниц. ефромею. скиц. ѡксентеа. андрѣа. фомꙋ. костѧнтина. їѡ҃. елиферїа. козмꙋ. ѡкꙋленꙋ. ксинїю. никитїа. анъфала. нестера. юрїѧ. савелїа. їѡ҃. максима. ѳеѡдота. симеѡна. мр҃їю. алеѯїа. козмꙋ. кнѧз. димитреа. кнѧз. їѡ҃. юрїа. кнѧг. їѡ҃. кнѧз. михаила. кнѧз. василїа. кнѧз. романа. кнѧг. анастасїю. кнѧг. оулїанꙋ. кнѧг. їринꙋ. еленꙋ. анастасїю. їакова. їѡ҃. мр҃їю. їѡ҃. їеленꙋ. їринꙋ. кнѧз анастасїю. кнѧз. їѡ҃. кнѧз. їѡ҃. кнѧз. їѡ҃. анастасїю. пелагїю. сѡю. марїю. ѕеновїю. аннꙋ. оулїанꙋ. меланїю. їѡ҃. ермолаѧ. григорїа. оустинїю. їакова. акѵлинꙋ. влитꙋ. їно҃. їѡнꙋ. ксинїю. сщ҃енно. їева. ино҃. ѡлиѯѣѧ. їеленꙋ. їно҃. никитꙋ. до҃нꙋ. иринꙋ. їно҃. ѡмелїана кнѧз алеѯѣа. кн҃гїню ѳеѡдосїю. ѳетїнїю. евсевїа. ѡгрефинꙋ. симеѡна. евфимїа. василїа. алеѯѣа. ѳилимона. ѡѳанасїа. їнока. їакыма. ерофеа. емелїана. їно҃. нектарїа.

Рꙋ̑ пр̑ семена. вн҃ꙋкꙋ̀. михаила. григорїа. їно̀ оуліанꙋ. аннꙋ. конана. їꙗ̃. симеѡна. їелєнꙋ. полинарїю. ѳеѡфана. ѳилиппа. їꙗ̃. елиферїа. елиферїа. їно̀ никыфора. скꙋ̑ леѡ̑тєм. скꙋ̑ їгнатїа. василїа. екатеринꙋ. дионїсїа. їꙗ̃. никона. їелиславы. сцр̑кво. михаила. ѡ҃гафью. бориса. созона. тараса. данилїа. а҆ндрѣ҇м. настасїю. никѡ̑тоу. ꙁинїю. єѵ҆фимїю. їꙗ̃. бориса. ѡ҃гг҃ю. максима. михаила. ра҆дꙋ̀ѡна. ѡ҃га҆ю. ѡнисима. захарїю. ѳеѡ҆досїю. симеѡна. оуліанїю. тимоѳе҇м. стефана. їꙗ̃. григорїа. григорїа. тимофе҇а. григорїа. настасїю. іно̀. а҆га҆ю. є҆ѳросимїю. їно̀. скꙋ̑ника. ѡ҃дѣ҇тсм. їꙗ̃. їринꙋ. евьгенїю. матренꙋ. сѡ҆ꙋ̀ю. а҆ндрѣ҇м. василисꙋ. матренꙋ. михаила. оуліанꙋ. оуліанꙋ. ѳеѡ҆дора. бориса. анноу. марью. василыа҆. ѳеѡнасыа҆. ѡриноу. їѡа҆нна. матроуноу. дементїа҆. їꙗ̃. семиѡна. їꙗ̃. а҆ѝрѣ҇а. ѳеѡ҆досьи. петра. григорыа. скꙋ̑ника стеѳана. скимънице҇ꙋ анѫтоиндоу. ѡ҃нрѣ҇а. симона. ѳомꙋ. дмитре҇м. ѡ҃ндрѣ҇а. григорыа. левонтїа҆. патрекїа҆. ѳеѡ҆дора. елиѡ҃зара. лꙋкерью. григорыа. максима. дарью. їꙗ̃. ѳеѡ҆дора. дарью. семїѡна. ѡ҃ѫциѳора. їꙗ̃. їꙗ̃. сцр̑ноинока анхима. оулыанꙋ. сцр̑ноїерѣ҇м ерѣ҇мѣ҇м. мр̑ью. ирины. їерѣ҇а ѡ҃ноѳрѣ҇а. [їꙗ̃. ѳеѡ҆дора. дарью.] *) екатеринꙋ. їꙗ̃. ѳеѡ҆досїю. инꙋ̑ їѡ҃нꙋ. инꙋ̑, скꙋ̑ника елиѡ҃зара. иноꙋ ѳеѡ҆досїю. григорыа. степанидꙋ. данилыа. ѳевронью. їꙗ̃. ѡ҃мелыана. дмитрєа. мр̑ью. їꙗ̃. а҆ннои. а҆ндрѣ҇а. гакова. а҆ннꙋ. никитоу. матренꙋ. васи҆лы҆а҆. ѳилипа. матѳе҇а҆. аѳонасїа҆. григорьм. ѳеѡ҆дора. микꙋлꙋ. ѡ҃риноу. їꙗ̃. сера҆ꙋ̀ѡна. степана. наталью. а҆ннои. ѡ҃вдотью. ѳомꙋ. є҆всевыа. настасїю. їꙗ̃. мелє҇нтїа҆. михаила. наоума. ѳеѡ҆досїю. матрѵ̑нꙋ. григорьм скимънika. ѡ҃леноу скꙋ̑ницꙋ. ѡ҃ндрѣ҇м. оулыаноу. є҆рмолꙋ. григорьм. ѡ҃га҆ью. зиновью. ѳеѡ҆дора. ѳевронью. екатеринꙋ. василыа҆. дороѳе҇м. екатеринꙋ. ѡ҃риноу. ѡ҃ѫсиѳора. пе҇рѳи҆м. ѡ҃риноу. марью. ѳомꙋ. григорьм. мелалью. татыаноу. михаила. парѳеныа. а҆ѝрѣ҇а. кꙋ̑змоу. їꙗ̃. лоукъяна. семиѡна. ѡ҃вгинью. а҆ннои. гакова. оустинью. павла. ѳеѡ҆дора. варьварꙋ. акилинꙋ. ме҇лє҇нтїа҆. михиа҆. а҆ннꙋ. павла.

[Стеѳа҆ рꙋ̀ сво̀ вп҃и] **) инꙋ̑. ѡ҃ноѳрим. инꙋ̑ калиста.

---

*) Оскобленныя имена приписаны тою же рукою и тѣми же чернилами на поляхъ, внизу,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ они должны быть относимы.

**) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

ꙗкова. ѳеѡдота. максима. ѳеѡдора. ермолꙋ. деѡнисїꙗ. артемїꙗ. мрью. варъварꙋ. мрью. ѡндрїꙗ. ѡвотїю. гаврила. гꙋрьꙗ. микꙋлꙋ. еѳросїнью. ꙗкова. степана. инѡ. пахомъꙗ. мрью. николꙋ. инѡ скимни протасїа. оульꙗноу. ксинью. тимоѳеꙗ. василисꙋ. ѡкꙋла. лоукъꙗна. зиновью. инѡ ѡринꙋ. нестера. акилилꙋ. їѡ. парьѳеньꙗ. ѡндриꙗ. васильꙗ. дмитреꙗ. ѡгроѳинꙋ. ꙗкова. ѳеѡдосїꙗ. ѳеѡдосїи. ѡлександра. оульꙗнꙋ. ѡгаѳью. инѡ скинка, їѡва. дороѳеꙗ. карпа. дмитреꙗ. григорьꙗ. семѵѡна. настасїю. ѳеѡдора. стеѳана. мрїю. татьѧнꙋ. харитона. еѳросинью. ѡндрїꙗ. їѡсифа. григорьꙗ. леванида. їѡ. мрїю. ѡнтонидꙋ *)... ѡѳонасїꙗ. максима. евгинью. вѣрꙋ. ѡгаѳона. татьꙗнꙋ. инѡ. ѡгаѳью. зиновью. ѡдѣꙗ. акилѣноу. сидора. полоуекта. лоукъꙗна. ѡндриꙗ. дмитреѧ. инѡ. їѡ. конана. михаила. ѡксинью. ѳаꙋста. василисꙋ. климентиѧ. еѳросимью. перьѳирьѧ. полоуекта. ѳеѡдосїю. петра. василїа. настаи. ивана. ѳеѡдосїи. еоуѳимїа. марїи. исаака. ивана. матроуны. анъдреа. наталью. ѡриноу. марїю. ѡгрефиноу. матроуноу. симона. карпа. евтѵхїа. анноу. григорїа. христиноу. савоу. ивана. нестера. марка. павла. ѳеѡдосьи. ѳетии. ѳеѡдосьи. анны. зиновъи. фрола. харитона. скиника. захарию. їно. васиана. татїанꙋ. деѡмида. евфимїю. їно. германа. тихона. михаила. димитреа. їакѡва. ивана. тимоѳеѧ. натальи. иѡсифа. агїа. домноу. симеѡна. парасковгїю. павла. скиника. симиѡна. скиника стефана. ѳеѡдосїю. григорїа. ириноу. самоила. [ро алеѯеѧ зꙋбарѧ] **) алеѯеа. маврꙋ. еленоу. марїи. анноу. ивана. ивана. ермолоу. захарїи. назарїи. григорїа. осїа. потапїа. ѡвдои.

Ро василїа дмитрова емоли. марїю. ивана. скиници настаи. бориса. инока ваꙗна. еѵпросии. михѣа. касиана. инока стефана. анъдреꙗ. анноу. ѡриноу. инока ниѳонта. инока пахомїа. иноки еѵпраксии. инока ваꙗна. аннꙋ. игнатїа. трофона. савꙋ. марѳоу. агрефиноу. тимоѳеа. анноу. сщенно инока захарїи.

Ѿ роства хва. їакова. агаи. сщно инока. мотьѳеꙗ. инокꙋ ѯинїю. ѡгаѳью. їѡа. ермолаа. скимцю марью. їѡ. соѳию. еѵѳимїю. михаила. инока скимни савостьꙗна. никитоу. матреноу. троѳима. вѣроу. марью. ино. їѡноу. лазорѧ.

---

*) Выскобленное мѣсто.

**) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ.

Гн҃ьр. к҃е. давы҃. крилошанїнъ. е҃. дꙋшъ оупїса҃. сщ҃но и҆нока и҆ѡ҆ноу. сщ҃нно и҆нока а҆нрѣꙗ҃. и҆нокоу оулитꙋ. [инока васиѧна скимника]*). марью҃. а҆грепинꙋ. ѡ҆вдотью҃. ѡ҆ртемьꙗ҃. ѡ҆льферїа҃ скимника. василисы. а҆ннꙋ. а҆ндрѣа. матреноу. татьꙗ҆ноу. скимници е҆ѵфросимїи. ивана. скимника. ѳиларета. и҆ѡ҃. ѡ҆вдотїю҃. костѧнтина. [ивана ртищева. ѳетинью. аннꙋ.] **)

[Ѡ҆ц҃ь и҆ мт҃рь па҃ гꙋрка ѳеѡдорови҃.]***) скимника ѳеѡ҆гноста. а҆лекс҃адра.****) меланїи. ѡ҆коулины. марїи. ѳрола. карпа. оу҆льа҆ноу. ѡ҆фонаса. и҆гнатиѧ. и҆ноки скимницы маремьѧны. фрола. і҆ꙗкова.

[Ѿ м҃. мꙋченїкъ.]*****) перьѳирьꙗ. ю҆рьꙗ҃. і҆ѡ҃. і҆нокоу скїц҃ю федосью҃. моисѣꙗ҃. ѡ҆мельꙗна. ѳеѡдора. і҆ѡ҃. і҆ѡ҃. стефена. ѡ҆ѯнтеꙗ (sic). леѡ҃нтеꙗ. семена. татьꙗнꙋ. і҆ѡ҃. клима. и҆но҃. ѡ҆леноу. карпа. ѡ҆вдотью. скимни҃ васьꙗна. ѡ҆вдотью҃. гордѣа. скимни҃. василисоу. васїлисоу. и҆гната. ѡ҆ксїньи. настасьи.

Ѡ҆ велика дни. полатоу. федора. дмитреа҃. ѡ҆греѳиноу. фе҃дора. домноу. і҆ѡ҃. кн҃ евдокею. василья҃. мамельѳоу. ѡ҆коулнноу. [ро҃ повицъко҃] ******) нестера. е҆вокїю. михаила. марѳоу. пелагѣю҃. пелагѣю҃. кн҃ѧ. василиа҃. настасью҃. і҆ѡ҃. і҆ѡ҃. а҆гаѳью. матреноу. стеѳана. федора. скимни҃. селивана. ѳедора. а҆нрѣа҃. сысоѧ. стеѡ҆фана. ѡ҆гаи҃. никытиѧ҃. мр҃їю. настасьи҃. еупраксїи. панъкратїꙗ. ѡ҆нъдрїꙗ. гн҃кѣрью҃. тарасьѧ. ѳеѡдора. марїю. а҆ѳанасїа. ѳеѡдора. ѡ҆вдотьи.

Ро҃ па҃ ѡ҆лехна мїтьковїча. ѳеѡдора. наталью҃. геѡ҆рьгиа҃. никан҃ра. ѳеѡ҆дора. ѳеѡдороу. ѡ҆гафью҃. е҆вста҃ѳьа҃. ко҃ць.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ (сверху),—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—безъ означенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) Это имя приписано позднѣе на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должо быть относимо.

*****) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

******) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Анцифора. ѳеѻимьи. логїна. гликирью. прокопьїа. ѳеѻдора. їѡ. меланью. феѻдосью. данила. козмоу. ѡриноу. евѵстаѳьѧ. агафьи. кнѵ агреѳену. агаѳью. григорьѧ. еоуѳїю. варварѵ. дмитрїѧ. лѵкерьи. їѡ. ѡмелъѳѵ скимницѵ. кнѧ їѡ. ерѣа їѡ. евдокїю. оулитоу. окѵлиноу. кондрата. василья. иноху скимницю аннноу. феѻдора. григрьа (sic). матѳѣа. ѡриноу. андроника. алексѣа. инѡ тимофѣа. иноху ѡленоу. кнѧ. їѡ. домъникию. їѡ. василисоу. василья. ѳетїнью. ѳомоу. гликерью. мрью. василья. їѡ. ѡксинью. савоу. мелентеа. матфѣа. настасю. стеѳана. зеновїю. евдоїю. артемьа. їѡ. ѡгафью. настасью. павла. семѳ. ѳѵѳимыю. аннноу. захарьк. марью. микїтоу. ѳеѻдора. акоулиноу. трофима. матроунѵ. ѳеѻдора. оульнѵ. федосью. козмы. инѡ. скинї алексадрѵ. ѡксїю. юрьѧ. михаила. ѳрола. полагїю.

ѺѺ прѣѡбраженїе, гѣ нашѳ їс. хѵ. ѳѵстафїа. коурьѧна. ѳѵстафїа. лѣвонтїа. їѡа. аноу. матѳѣа. григорьа. павла. ѳсифа. ѡксинью. ѳетїнью. пахомиа. ѡгафью. ѧкоѵа. аннноу. зиновью. марью.

ѺѺ оуспенья прчтыѧ. їѡ. оульѧноу. акїлы. инокѧ. пахомиа. ѧкова. инокѵ. василисоу. инокѵ маремьѧноу. марью. василья. їѡ. їѡ. инока. їѡсиѳа. петра. ѡгрипиноу. андрѣана скїмника. германа. скимнї. фетимїю. савоу. сергїа. нестра. матрѵнѵ. инѡ скимника ѳеѻнофьа. їѡ. оустїна. їѡ. оулїанѵ. агаѳїю. матрѵнѵ. сѵѳимыю. алексїа. инѡ скїнїцю аннноу. ѳтерїноу. ѳешро. оулианоу. грїгорїа. ѳлїѵферїа. настасїю. їѡ. констѧнтина.

Рѡ пана ѧцька ратѡского. лоукоу. михаила. їѡ. соѳью. їѡ. семиѡна. варвароу. їаковѧ. ѳеѡдора. матфѣѧ. ѳешрѵ. матѳѣѧ. грїгорїа. оулиѧнѵ.....)* татьѧноу.

Пані дѣдова. евдѡкїю. їѧка. ѡгрїпиноу. матреноу. грїгорьа. ѳѵѳїмїю. мрїю. скимнї. зеновѣа. скимицю маремьѧноу. ѧкова. инока скимнї генадїа. инока скимнї ниѳонта. ѳешроу. мрїю. скѵмніцю ѳѵѳїмїю.

ѺѺ рства хва. васїлїа. лоукїана. василиѧ. марью. евдокѣю. ѡгафона. семиѡна. домноу. оулитоу. андрѣа. грїгорїа. перьфирьѧ. лѵкимна. герасима. наоума. тимоѳѣа. дмитреа. грїгорїа. сѵмїона. грїгорїа. иноу скїмнї матрѵноу. феѡдосьа. евдокима. леѡнтїа. полїкарпа. ѳешра. дѡмнїкѣю.

---

*) Въ подлинникѣ выскоблено.

максіма. кнѧ҃. ѳеѡдороу. варфолмѣа. евдокію. евдокію. боріса. боріса. нікифора. агрепѣнꙋ. грігорьа. домнокію. агрепѣнꙋ. гавріла. зеновію. ѳеѡдосію. ѡстафіа. ѡфонасіа. тарасіа. іѡ҃. гавріа. серьгѣа. домноу. татьаноу. стеѳана. ѡксинью. галахтиѡна. козьмоу. ѳеѡдосью. іѡ҃. леѡнтіа. сидора. матроунꙋ. сѵмиѡна. тимоѳѣа. іѡ҃. ѳеѡдосію. спиродона. васіліа. валіа. игнатіа. анноу. василісоу. оульаноу.

[Ѿ велика дн҃и].*) евдокѣю. ивана. стефана. еѳросинъю. бориса. ѳеѡдора. инока селивестра скимника. евтіхиа. григоріа. петра. стефана. матрѧноу. скиніка панътелеимона. доникии. сщенноинока мисаила. еоустаѳьꙗ. богана. іѡ. ѳеѡдосіꙗ. власиꙗ. данила. киприꙗна. савастиꙗна. ѳеѡдора. наталью. оульꙗноу. скиніцю ѡгрефинꙋ. инок германа. ѳетінію. оульѧнꙋ. андрѣѧ. татьѧнꙋ. федосію. семиѡна. оульꙗнꙋ. инока скиника еремиꙗ. ѳеѡдора. андрѣꙗ. павла.

Ѿ ꙋспеꙗ. дмитреꙗ. ивана. лазорѧ. анну. наꙋма. ану. власиꙗ. марию. инокꙋ скиницу александру. семиѡна. харитона. оульꙗну. ѳеѡдора. иѡна. василиꙗ. марию. иноку скиницꙋ варьвару. иѡнна. бориса. сидора. бориса. сидора. ѡвдотию. оульꙗну. феѡѳана. скиника инока трофима. ива. феклы. петра.

Рѡ игумена спского з дубна. николꙋ. марию. игнатиꙗ. ѡфонасиꙗ. пелагию. пелагию. февронью. ѡнофріꙗ. протасиꙗ. оульꙗну. полагию. прокопиꙗ. стефана. терентеꙗ. стефаниду.

Ѿ рожества хва. василису. ефмиꙗ (sic). ѳедора. варварꙋ. свщнго ереꙗ микꙋлы. федора. анну. татиꙗнꙋ. ивана. ꙗкима. порасий. аннꙋ. ѡринꙋ. григорьꙗ. ꙋстиний скимници. **) ананью. лꙋкерью. ѳеѡдора. филиппа. иѡнна. меланью. тимофеꙗ. ѡстафьꙗ. марью. денисиꙗ. тимофеꙗ. свщно ереꙗ. скиника. ефреꙗ. ꙗкова.

З вѣници волосови рѡ вписа. иѡнна. ѡгафьи. ѳеѡдора. оульꙗну. коне.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: васо.

Серьгеꙗ. ѡкулину. захарьи. ѡгрофинꙋ. ѡвдотью. мефедиꙗ. ѡкꙋлу. настасью. максима. стефанидꙋ. марью. ѳеѡдору. лаврентеꙗ. максима. инока. евсѣвиꙗ. инока. иѡнну. татиꙗну. скиницю алексадру. алексадра. петра. дмитреꙗ. семена. иѡнна. матрѣну.

ѿ велико днѧ. радиѡна. иева. федосию. ѡксентеꙗ. трофима. гаврила. татиꙗнꙋ. полагию. варьвару. фомы. семена. матрену. евфросинью. васильꙗ. конона. ѡгафьи. анны.

Род попа порецкого. ереꙗ дѣнисиꙗ. ивана. ꙁинию. конц.

Анны. романа. стефана.

Род кнзѧ матьфеꙗ микитинича. кнзѧ федора. кнзѧ дмитреꙗ. кнзѧ ѳеѡдора. кнзѧ ива. кнзѧ микитꙋ. кнѧг евдокею. инокꙋ кнѧг евъфросию. кнѧг настасью. семиѡн. дмитреꙗ. кнзѧ иева. ѳеѡдосию. кнѧж настасью. кнѧг мелаю. кнзѧ васильѧ. кнѧзѧ михаила. кнзѧ петра. ꙋльꙗны скиници. иꙗкова. семена. ѡлѣксеꙗ. фотеꙗ. филиппа. ѡвдотью. конц.

Федора. иѡнна. ꙗкова. григорьꙗ. ѡгафьи. матин.

С калуги матфе петров род вписал. ѡнанью. ѡкꙋлы. акꙋлинꙋ. марью. петра. гꙋриꙗ. конец.

инокꙋ скиницꙋ полинарью. ивана. анны. гаврила. филин. ивал. ивал. ивана. катерину. ереꙗ венедита. ѡкꙋлины. ѡтаѳьꙗ. лариѡна. матренꙋ. макринꙋ.

Род костин кондратович з нова городка севеского. феѡдора. аннꙋ. стефана. кондрата. иноки ѳеѡдосии. ѡвдокии. козмы. микꙋлы. михаила. костентина. конец.

Ѡлизара. кнѧг февронью. марью. мамефю. мамефы. дмитреꙗ. игнатиꙗ. ильи. иѡн. лазорѧ. михаила.

[Рѡд садиловъ].*) григорьꙗ. деѡнисиѧ. ѡгафью. матвѣѧ. свѣщенал ерѣѧ ѡртемьѧ.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Рѡ кнѧ васиꙗ масальскѡ. инока скиника кнѧ мисаила. кн. пера. кнѧ. петра ива. пелагею. ива. емельꙗна. иноки натальи.

Изъ рыльска. ро мозиковъ. семена. ѡрину. настасью. семена. ѡнтона. степана. ѡлексеꙗ. ино. герасима. коне.

Захарью. кузмꙋ. степана.

Ро пани семеновое патрикеевича з волыни. дмиреꙗ. настасью инокꙋ. коне.

Инока варсонофеꙗ. инока феѡгноста. инокꙋ влитꙋ. *)

Кнѧ. юрьꙗ. татиꙗны. михаила. григорьꙗ. ѡксинию. меланию. скицꙋ акулїну. ино. киприаꙗ (sic). агафїю. есифа. ино скинка есифа. инокꙋ оульѧноу. инока, семиѡна. ѳетинию. парасковѣю. петра. конана. алекѯеѧ. михаила. еоуѳимию. **) ивана. ѳеѡдорꙋ. конана. васильѧ. иѡа.... ***) иѡка. ѳеѡѳила. еоустафиѧ. анастасию. агафию. иꙗкова. тита. фетїнию. татїѧнꙋ. їѡа. никифора.

Оупи пана семена попоки. кнѧ їѡа. кнѧ васильѧ. кнѧ евѳрасинью. кнѧ марѳоу. сщно инока, иѡнꙋ. сщно їнока, лариѡна. їнока семиѡна. ино ѳеѡдосиꙗ. настасию. матренꙋ. татиѧнꙋ. пелагѣю. аникиꙗ. никитїа. марїю. климеитеѧ.

Ѿ оуспениѧ престыѧ бца. ѳетинию. татьѧнꙋ. ивана. прокоѳїꙗ. климентиѧ. ино. евксентиа. тимофеа. иринꙋ. фомоу. инка. павла. гликерию. инок варлама. семиѡна. ириноу. прова. костѧнтина. михаила. инока. димитриа. ино. анастасию. татиѧнꙋ. григориѧ. леѡнтиѧ. марка. варвароу. максима. карпа. самъсона. евгению. мрию. михаила. ѳеѡдора. ива. никитиѧ.

---

*) На поляхъ противъ этой строки красными чернилами написано: архидри вписа.

**) На поляхъ противъ этого имени приписано: лок.

***) Выскобленное мѣсто.

оустинью. прокоѳиѧ. ѳетинию. григориа. алеѯеѧ. сщ҃но ерѣа, амоса. полинарию. иѡа. матреноу.

Ро кн҃зѧ сатано. инока кнѧ семиѡна. скиницю кнѧ агрифинꙋ. кнѧ. иѡа. семиѡна. кнѧ аннꙋ. кнѧ семиѡна. ино. оульѧнꙋ. аннꙋ. тимоѳеѧ. тарасиѧ. ѳеѡдора. радиѡна. инѡ герасима. ѳеѡдосїю. петра. семиѡна. софїю. власїа. еленꙋ. лоукїана.

[Ѿ рѡ хва.]*) їѡа. їлїю. захарїю. дїакона. дмитреѧ. фомꙋ. матреноу. ѳеѡдороу. фетїю.

Рѡ кнзѧ васильꙗ семеновича можаско. кн҃зѧ семена. кнѧ семена. кнѧню. софью. кнѧню. марью. авѣꙗ.

Рѡ. коптє. писарѧ. королє. василїа. настасїю. ѯнїю (sic). аникитꙋ. ереѧ. елиферьѧ. ѡленоу. тимоѳеꙗ. коньдрата. павла. ѳетинии. данила. давыда. семена. ѡгаѳью. данила.**)

[Ѡ великонѧ гераси полатꙋ]. ***) бориса. варварꙋ. ѡмельꙗна. наталїю. ски. герасима. василїа. ѡгрѣфинꙋ.

[Ро ивана лѣпнина]. ****) сидора. мрию. харлапиѧ. ино. еѳросинїю. давыда. матроны. ино. варвары. тимоѳеꙗ. иѡа. григориѧ. мрїю. ѡксинїю. кѡ.

Аннꙋ. феѡдора. еѳросинию. анастасию. ски. иѡсифа. андрѣѧ. понарию. григорьѧ. артемиꙗ. аннꙋ. мрїю. наталию. їѡа. григорїѧ. василиѧ. їѡа. деѡнисїѧ. савастїана. ѡвдотїю. ски. демиѧна. варварꙋ. їѡна. їриниꙋ. василїѧ. ски. ѡкилинꙋ. иѡсифа. евдокїю. ски. иѡнꙋ. ѡгафьи. ходоры.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Противъ послѣднихъ именъ на поляхъ приписано: Апри еі.

***) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами (за исключеніемъ слова: полатꙋ),—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ противъ ниже слѣдующихъ именъ.

Мц҃а. і҆юнѧ. еі҃. поча҆ оу҆писыва҆ти гераси҃. козмоу. марїю. матреноу. ма҃ѳеа. лоу҆ѥана. левотеа. ѳеѡдороу. мариноу. і҆акова. пелагїю. ѳеодосїю. а҆никитїа. дмитра. і҆акова. сщ҃енноинокъ тихона. і҆акова. андрѣа. марїю. ѳеѡдора. бориса. і҆ѡа҆на.

Ро҆ степана савина (і҆ю҃ з҃ ма҃си ма*). макарїа. ски҃ григорїа. ски҃ницу оулїаноу. ски҃ницꙋ настаю. и҆нокъ паисїа. и҆нокъ савоу. і҆ѡа҃. а҆ннꙋ. ѳеѡдора. ѡ҆сиѥ. василїа. марїю. і҆ѡа҃. симиѡна. троѳима. михаила. а҆гаю. варварꙋ. анноу. инокъ агрефиноу. і҆ѡ҃. настасїю. василїа. михаила. анноу. ѳетиѥ. а҆ндрѣа. патрикеа. ѳеѡдосїю. альферїа. инокъ а҆рсенїа. ма҃ѳеа. трофима.

Ѿ оу҆спенїа пр҃тыа бц҃а. григореи шестовикїи ѕ҃ дш҃ь оуписа҃. инокъ симеѡна. инокъ марины. васи҃а. григорїа. михаила. оу҆льѧны. инокъ и҆ѡноу. а҆ксиньи. татьѧнꙋ. еленꙋ. татиѧнꙋ. а҆фанасиѧ. марьи. феѡдора. тарасиѧ. акилинꙋ. агрепѣнꙋ. и҆нока иѡнꙋ. ѳеѡсїю. данила. а҆ѯинїю. настасїю. татїанꙋ. і҆ѡа҃. о҆леѯанндра. кнѧзѧ михаила. и҆нокꙋ оу҆лїанꙋ. (ивашка ѡлексѣеви҃ е҆лавицкы **) о҆леѯѣѧ. о҆ринꙋ. и҆нока.... ***) е҆оу҆ѳимїѧ. о҆гроѳѣноу. савоу. и҆льи҃. пелагїю. и҆вана. игнатиѧ. марию. ро҆ григориѥ҃ чешенко҃. еоу҆стафиѧ. михаила. а҆ннꙋ. ѳеѡдѡра. григориѧ. (марью****). конецъ.

(Ро҆ ѡлехна митькови҃ *****) Никанъдра. феѡдорꙋ. матьфѣѥа. аннꙋ. семиѡна. и҆ѡана. и҆ринꙋ. сидора. и҆вана. савꙋ. наоу҆ма. семиѡна. (Ѿ ржтва хв҃а.******) карпа. и҆вана. данила. козьмꙋ. инокꙋ у҆литꙋ. полиекта. е҆ленꙋ. і҆ѡа҃. а҆ннꙋ. петра. е҆вгꙋ. ѳеѡдора. татиа҆ноу. петра. ѳеѡдора. ѳеѡнꙋ. михаила. мр҃їю. а҆писима. иполинарїю. михаи҃. сидора. пелагѣю. ѥакима.

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами.

**) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ.

***) Въ подлинникѣ одно имя выскоблено.

****) Оскобленное имя приписано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

******) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

(Ищ̃а. гѣ. кн̃. мисаилo почѧ̃ оу̑писыва™ *).

стѳана. їѡ̃а. петра. максима. гаврила. григорїа. димитрїѧ. ѣмелїана. агрѡѳѣнѵ. оу̑льїанѵ. нестера. ѳеѡ̃ры. лесѳнтїа. сѡфрѡнїа. мр̃їю. петра. ѣлеѱу. клима. ѡ̃вдотїю. данила. феѡ̃дора. карпѵ. ѡ̃ринѵ. шкѵлинѵ. марью. настасью. ѧнны. їнока їѡ̃нѵ. марїю. ѣвгинїю. ѣлиѡ̃зара **). [ѡ̃ великодн̃ѧ]***) ѣвдокею. симеѡ̃на. ѣремѣю. конана. ѯодосьй. гакима. павла. карпа. стефана. сщ̃но-їѣрѣа ѳотиѳа. ѧндрѣѧ скн̃ника. ѧннѵ. анастасїю скй. мр̃їю. елїсѣѧ. еленѵ.

(Рѡ̃ йѡ̃сиѳа старца****). їно̑ їѡ̃сифа. петра. мрїю. ѳеѡ̃ра. мр̃їи. (сергїй вписа̑ *****) сщ̃енїѡѣреа̑, григорїа. ѣрѣа̑, никѵ̑фора. ѣрѣѧ, йѡ̃ѧнна. ѣрѣѧ ѳеѡ̃ра. ѣрѣа̑ сѧвоу. пѧнъкратїа. гакова. григорїа. ѳѣтиныѭ, чѣрнорй. йнѣкѵ, стеѳанидоу̑. йнокѵ настасїю. ѣвъѳрѡсинью. ѧнноу. пелагїѭ. мѳ̃еа̑. ѣрмѡ́лѵ. сѡю̑. гакѡ́ва. ѡ̃вдой. кн̃зѧ їѡ̃а. їѡ̃анна. василїа. їѡ̃а. перфирїѧ. сїмеѡ̑на. ѣвдокїи. ѡ̃гаѳїи. понарый. йнока леѡ̃нтїа. варвары. лоукїана, ѧндрѣѧ. никифора. оу̑лїаноу̑. (Рѡ̃ лва тѵ̃ковй. тита. анноу. ѳеклѵ ******). йнокоу̑ скѵ̑мницю, наталїю. ѡ̃ринѵ.

(Дѣвнисеи почалъ вписывати на сшествие ст̃го дх̃а. июня ѳ̃*******). филиппа. перасковѣи. елиѡ̃зара. екатерины. марью. еоуѳимью. ѳрола. ѣвсѣвиа. аннѵ. ѡ̃ринѵ. мѳ̃еа. григорїа.

Семенъ августѡ̃ вписалъ ѡ̃ца, да матерь. ѧ̃рѣиа. еоуѳимью. харлѧ̃пїа. василїа. йнока за̑хеа. йно̑ ѳеѡ̃ры. йнока алѵ̑мпїа. алеѯїа. йнока йгнатїѧ. василїа. василисѧ. їосиѳа.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Въ подлинникѣ полъ-строки выскоблено.

***) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ (сверху),—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

******) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*******) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ, красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Василе захаро и стародоуба ро свои вписалъ з дш҃ь. захаріа. ѡксиньи. григорїа. василїа. захарїа. кн҃зѧ владмира. кн҃гини маръфы. павла. ереа силивестра. ѳеѡдора. евфросин. їѡ҃.

Ро пана васи҃ѧ жерѧбѧтича да гри҃ковъ диди. ѳеѡдора. йѡ҃. ѧвдо҃и. христины. васи҃ѧ. варвары йноки. їѡсифа. григорїа. василиа. полоуекта. ꙗкова. агаѳю. ѳеѡдора. ѳетин. нестера. павла ереа. ѡвдокїи. їакова. алеѯандра. анноу. юрїа. ѳомоу. епихарїю. їѡ҃. фетиньи. йнока варсонофїа. ѳеѡдоры. нестера. анъдрѣѧ. агрепѣнꙋ. агаѳью. понарїю. понарїю. антипоу. агреѳинꙋ. евъѳимїю. еленоу. йнока денисїа. оулїаноу. левона. петра. марїю. маръѳоу.

Алексеи мещани мѣньскїи ро свои вписа. (алеѯѣа *). григорїа. карпа. агаи. елены. григорїа. ко҃.

Троуфена. агаи. йнока мисаила. ѡпо҃ю. матрены. оулаа. їѡ҃. анноу. їѡ҃. григорїа. василїа. василисоу. ѳеѡдора. їѡ҃. петра. ѳевронїю.

Ноѧбрѧ кд҃. богданъ полатоу взѧлъ. самоила. їѡсифа. екатеринꙋ. копана. власїа. їакова. скимни аноуфреѧ. кнѧ василїѧ. кнѧ аграфену. ꙗкова. ѳеѡдосїю. евдокимїю. ѡленоу.

Ро їѡ҃. доментиева. сщ҃енноино протасїа. евдокїи. їѡ҃. ива. ѳеѡдосїю. михѣѧ. ѡгрофѣноу. семена. савоу. антонїа. харитона. йнока їѡсиѳа. евгоу. макарїа. григорїа. василїа.

Ро пана богдана гостьско. гаврїила. марїи. бориса. еленꙋ.

Ро пана юна ѕѣковича з волыни лоукоу. евдокїю.

Ро пана джоуси алеѯадра з волыни. алеѯандра. настасїи. сергїа. пелагїи. сергїа. агаю.

Ро оуста҃ника йѡны. сщ҃енноинока родиѡна. сщ҃енноинока йѡноу. алеѯандра. христиноу. игнатїа. димитрїа. наталїю. мамо҃та. петра. анноу. ски҃ника два. василиська. ѳетинїи. їѡсифа. оульѧнїи. макарїа. со҃ю. филипа. сщ҃енноїереа ѳеѡдора. ски҃ници ѳеѡдоры. сѵмеѡна. сщ҃енноїереа їѡ҃. ски҃ници мр҃їи. симона. марїи. ѳетинїи. евсѣвїа. анны. їѡакима. конона. ѳеѡдора. еѵѳи҃ю. їѡ҃. леѡ҃тїа. ски҃ници ефроси҃и. софо҃тїа. дми҃рїа. ко҃.

---

*) Это имя приписано на поляхъ позднѣе.

Ѳеѡдора. макарїа. еленꙋ. стефана. сидора. василисоу. симеѡна. прокопїа. ѡвдотии. иноки маръфы. иноки дарїи. инока сергеа. василїа. сщенноинока іѡноу. скимника селивстра. скиницоу ѳеѡдорꙋ.

Рд фомин попа въскрньскоѕ оу мѣнскоу. никиты. татьяны. ѳомы. акилины. агаѳїи. иѡсифа. данилиа. сѡю. настасїю. сщенноереа потапїа акюлы. ирины. скиника иѡны. скиници ирины. скиници еѵѳии. ѡзпии. захарїи. марьтимїана. ѳеѡдоры. андрѣѧ. евгїнии. тита. инока, андрѣѧ. марфꙋ. агаѳїю. ꙗкова. аннꙋ. іѡа. варварꙋ. мрїю. никифора. ѳеѡдоры. парасковїи. василїа. леѡтїа. еѵѳимїю. анноу. стефана. василїа. григорїа.

Изъ калоуги ереи іѡанъ рд свои вписа. сщенноіереа трифона. стефанидоу. мрїю. кн.

Ѳеѡдора. матроны. харитона. февронїю. елисеа. михаила симїѡна. софронїа. еѵѳимїи. инока ваꙗна. їѡ. петра. архимандрита скиника їѡ. порѳенья. ѳеѡдосїи. михаила. ѳеѡдосїи. инока никифора. давыда. ирины. (к)онець.

Ѳеѡдосью. ирины. пелагїи. григорїа.

Рд пана михаила павшинъ. павла. василїа. кнѧ демиана. василисы. василисы. марїи. семиѡна. сидора. їлью. артемїа. василїа. иевгенїи. полинарьи. радиѡна. їѡна. игнатьѧ. ѡксиньи.

Рд иѡсиѳа мѧсоедова, изобрѧнска. василїа. зинїю скиницю. карпа. ѡгрепинꙋ скиницю. ѳеѡдора. иѡсиѳа. григорїа. їакова. еѳросинїю. іѡа. василисоу. алексїа. ермила. микиты. марїю. ѳеѡдора. хрїстиноу. оустина. ѳеѡдора. матроуноу.

Рд горѧинѡ гринова*). лва. ѡвдотию. григорнѧ. пахомїа. вварвары (sic). ѳетинїи. їѡа. лꙋки. ѳеѡдсїи. алексѣѧ. марии. дмитреа. свсѣвиѧ. настасїи. ѳеѡдра. тимоѳеа. ми.

Игнатиѧ. варвары. дмитреѧ. лазорѧ. ховры.

Рд ѡлехноѕ василевича резацова дьѧка королева. васильѧ. ѡлены. андрѣа. ѡгроѳеноу. ко.

---

*) Въ подлинникѣ этотъ родъ стоитъ какъ бы отдѣльно, обведенный красными чернилами.

(На паметь за недѣлю до сѫго дмитрѣа мачасе полата даша*. петра. григорїа. ховронїй. полагей. варвароу. їѡа. матрѣны. степанидоу. василиа. їнокы оульѧне. иѡа. ѡвдотїй.

(Ѧдрѣ понама истародуба д дши уписа**). тимоѳеа. ѳеѡдосїю. никиты. їѡа.

Їѡа. ***) ѳеѡдора. йѡна. семена. екатериноу. василиа. акоулоу. ѡглѳнїю. екатериноу. евѫовїа. сѫнойно мисаила. йно манытоурїа. оульѧнѧ. саву. аглѳнїю. йноку маріоу. василиа. лазарѫ скй. марію скй. костѧтина. петра. климѣтїа. ѧндрѣа. марью. йвана. маю. йноки марѣтанїи. сѫноїерѣа алексїа. ѧвдотїю. йнока скй, васьяна. меланїю. василїа. александра. йвана. йноку анну. кѫнѣ моквѣ.

(Ѡстѣ палѧнй****) степана. ѡвдотьй. никиту. романа. скй герасима.

Рѡ михаила андрѣевича плещеева з москвы устѧнй оуписа. йнѡ мисаила. їнѡ кѵрила. їѡанна. феѡдора. їно ѧнтоньѧ. тимоѳѣѧ. їнѡ веньѧмина. григорїа. ѳеѡдора. їѡана. їнѡ саламаниды. їно мї. їно алексѧдры. мрьй. їѡанїа. ѧнастасїи. данила. їакова. їрину. ѧнну. ѧлифера. левона. василиса. матѳѣѧ. химы. ѡглѳнй. мартїна. йвана. ѳеѡсїю. василїа. їнока нїкифора. ѧлены. парасьѥю. симїѡна. *****) ѡзнїю. йринноу. ѣремѣѧ. йїо йѡноу. йвана. ѳстинью. ѡдарью логина. оульѧну. нестера. йгнѧѧ. ѡглѳзю василиа. ѡрину. евгенїй. татїаны. ѳеѡра. матрены.

(Ѳасипо и ѡлѣно рѡ******) ѳеѡдора. матроуны. ѡглѳона. михаила. анны. ѣлиѳерѣа. їгнѧѧ. памъѳилиа. ѳеѡдосью. давыда. дарьй. йвана. григорїа. павла. варвары. марка.

---

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ сверху.

**) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) На поляхъ въ выноскѣ противъ этого имени написано: кіѣскии дѧки.

****) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами между этою и предшествующею строками.

*****) На поляхъ противъ этого имени написано: быкоско.

******) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Рⷣ коузминъ воита тꙋрⷪскⷪ. сидора. аⷩноу. василисоу. семиѡна. евдокїи. ѳедⷪта. аⷢаю. григорїа. ѳеѡдⷪсїю. ѡриноу. ѳеѡдⷪра. ѳеѡдⷪсїи. мⷮика. [родъ волынца]*). сщⷮенноїереа хрисанфа. савы. їоулїаны. афанаⷭа. оульѧноу. михаила. акꙋлⷩны. симеѡна. тереньтїа. агрефины. данила. пелагїю. їѡанна. григорїа. козмоу. настасїи. феѡдⷪра. василїа. ириноу. инока сергїа. родїѡна. еоуѳⷮїю. ѕеновию. инⷪ филофеа. скимника силꙋѧна. митрофана. фотїа. михаила. татьѧноу. феѡдосьи. василїа. сщⷮенноїереа сергїа. инⷪ фегноста. сщⷮенноїереа тимоѳеа. сщⷮенноїереа їѡⷩ. ѡвдⷪю. ѳеѡдⷪсїю. прасковїю. бориса. евдокїю. аⷩноу. татїѧнꙋ. оулїаноу. василїа. татїаноу. нестера. татїаноу. левонтиѧ. логвина. симеѡна. феклꙋ. наталїю. сщⷮенноинока иѡва. иѡана. инокоу настасїю. порасковїю. романа. двⷣа. тимоѳеа. февронїи. симона. домникїи. михаила. григорїа. никиты. їѡана. василїѧ. семїѡна. еоуѯїнїю. никитоу. инокоу ѳеѡдⷪсїю. їѡана. скⷮника анъдрїана. антонїа. семеѡна.

По рожествѣ хⷭвѣ. домникеи. ѡкоуленоу. алексѣа. григорїа. лоукїана. фрола. їѡⷩа. евдокїю. скⷮника иѡноу. ѳеѡдⷪра. мⷮреноу. илїю. ѯїнїю. мⷮрью. їѡⷩа **). скимника деѡнїсиѧ. алексѣа. пахомїа. настасїю. їакова.

Рⷣ пана юⷯна иванова сⷩа ивайкевича из слоуцка. їѡⷩа. оувара. пелагеи.

Рѡⷣ лецка есмановича из слꙋцка. їѡⷩа. ѳеѡдсїи. ѳеѡдсїи. геѡргїа. евдокии. ѧкова. григориѧ.

Скмьника. иѡсифа, афанасиа. семиѡна. михаила. феѡсию. василїа. ѡлены. [По личбѣ великоденной ѿ сꙋботы лазаревы]***). ивⷩ. зеновии. семиѡна. ивⷩ. ѡгрефенꙋ. петра. їѡанна. (Рⷣ пана ворана****). данилиѧ. марию. аⷩноу. гаврїила. анастасїю. юрьѧ. антониѧ. марїю. парасковгїю. ѡксинью.

---

*) Оскобленное выраженіе приписано на поляхъ,—безъ точнаго обозначенія, куда оно въ текстѣ должно быть относимо.

**) Противъ этого имени на поляхъ написано: Ꙋльѧновиⷮ сивцевиⷮ.

***) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) Оскобленное мѣсто написано сверху, на поляхъ,—безъ обозначенія, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

(инокы наталїю ..*) григрьѧ. полагью. ... ..**) ерѣа григрьа. неѡнилоу. радиѡна. лоукѣрью. ива. марью. михаила. свщнойнока игнатьѧ. григорьѧ. мамефѹ. ѳеѡдора. настасью. агреѳеноу. прокоѳиѧ. оулїѧнѹ. аннѹ. алеѯандра. аноу. оустинью. їнока скимъни аноѳреѧ. ивана. аѯинью. лѹкерью. григорїа ***). ино филофѣа. еоуфимїю. радївона. стефана. анноу. ино геронтиѧ. ѳеѡсїю. варвароу. пелагию. григорьа. варвароу. пелагею.

Рѡ пани настаи попѡкиное. михаила. евгы. настасїи. левона. парасковгїю. стефана. свщноиока ѳилофїа. ѡленоу. соѳью. ѳеѡсью. полоуектоу. ивана. васиѧ ****). григорьѧ. ива. рома. ива. конона. димитреа. анноу. тита. андрѣѧ. тимоѳѣѧ. ивана. їрины. михаила. семиѡна. ѡкоулину. алеѯѣа *****). сїмеѡна. никїтїа. ельтоѹха. ириноу. симеѡна. ми. оульѧна. мамеѳѹ. андрѣѧ. марїю. григорїа. ѡгафию ******). варвары.

Ро папа ѧцка романовича из вѣницы. романа. ѳетиний. їанна. антонїа. їакова. семиѡна. анноу. ѡгафию.

Ро пана михаила полѹкнѧзевича. семеѡна. феѡсїю. стефана. григорїа. анноу. михаила. їѡана. евстаѳиѧ. григорїа. петра. марїю. евдокїю. ѡгаѳию. стефа (sic). марѳы. евдокїю. лоуѧна. амеѧна. максима.

(Во на бвитинови женѹ свою ѹписа *******). евдокию.

Костѧти жаба р свои ѹписа. костѧтина. марены. ѡленѹ. ерѣѧ антонїѧ. матрѹноу. їѡа. ѡгафию. архимандрита алексеа. анны.

---

*) Оскобленное мѣсто въ подлинникѣ зачеркнуто; на поляхъ противъ него было написано (но тоже зачеркнуто): лѹралевое. Слѣдующее за симъ имя въ подлинникѣ выскоблено.

**) Выскобленное въ подлинникѣ мѣсто.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: коудинова чаркаско.

****) На поляхъ противъ этого имени написано: жеребѧти.

*****) На поляхъ противъ этого имени написано: морозовъ.

******) На поляхъ противъ этого и предшествующихъ именъ красными чернилами написано: на ..... полозови старосты врѹцко.

*******) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

Рѡ҃ пана семена бабиско҃. тита. михаила. іѡа҃ скимника. иринꙋ. ѳеѡдосїю. стеѳана харлампїа. ѡвдотїю. татїаны. павла оулїанꙋ. лариѡна. ѳеѡдора. софрона. матѳѣа. ꙗкова. дмитреа. ерѣа іѡанна. василїа. оулїанꙋ. ѳомы. ерѣа данилꙗ. іѡанна. григорьа. ѳеѡдосию. ѡринꙋ. мрїю. ермолꙋ. агрепенꙋ. варламїа. скимни҃ герасима. скиника. козмы. ѳирса. іѡанна. домнꙋ. козмꙋ. инокꙋ мрїю. самоила. андрѣа. емельана. дороѳѣа. нїкꙋлꙋ. василїа. іѡа҃. ѳеѡдосїю. ѡгафїю. максимїа. инокоскиницы мрїи. леѡтїа. мартемиꙗна. марьи҃. скимницы. евдокѣи. алеѯандра. ꙗкова. симона. семїона. тарасїа. инѡ҃ мисаила. васїлїа. іѡанна. леѡтиа. іѡанна. леѡтиа. іѡа. василїа. ѳеѡдосїю. ѡгаѳїю. инѡ҃. ѳеѡсїа. ѡкоулины. радиѡна. евхїю. ѳеѡдора. карпа. лариѡна. григорїѧ. їакова. артемїа.

Рѡ҃ пана михаила халецко҃. михаила. матрены. ѡвдотїю. настасїю. терентеѧ. настасїю. феѡсїю. коне҃.

Инока скимника геронтїа. лоукꙋ. ирїноу. їнока їѡнꙋ. мрїю. демида. стефана. ѡдарии. григорїа. стефана. ѡлены. василїа. ермолоу. юрїа. андрѣа. козмы. ѡгреѳины.

Рѡ҃ з новагорѡка сѣверскѡ҃ рагозинъ. настасїю.

Рѡ҃ игꙋмена з новагорѡка симоно҃ троецко҃. ивана. антониды. ѡгаѳона. мамефы. анны. ереа симона. игнатїа. оульѧны. андрѣѧ. ино҃ еоуфросинїи. ино҃ пасїа. инокꙋ скимницоу маримьаноу. оульꙗноу. димитреѧ. данила. матроуны. павла. матренꙋ. просимии. никифора. инѡ҃ германа. марїю. леѡнтиѧ. марїю. тимоѳѣѧ. анны. андрѣѧ. савостиꙗна. никифора. ѡвдотїю. татиꙗны. инокꙋ понарию. инѡ҃ скиницю еѳросинїю. костѧнтина. алеѯѣѧ. инока скиника арсенїа. никиты. оулианоу. михаила. антонїѧ. демиꙗна. іѡанна. мрїю. анны. анны. мрїю. григорїа. семиѡна. татїанꙋ. ѳетинїю. матроуны.

(Рѡ҃ пана богдана корсакови҃*). стефана. ирины. илью. захарїю. фомы. андрѣѧ. ѡѯинїю. ѡмелїана. ꙗкова. ино҃ скиника їакима. скиницы евпраѯїи. оулиꙗны. сисоѧ. никифора. алексѣѧ. мартина. їрины. ефросинїи.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

[Сщни савлу с острога е дшь вписа] *). їѡана. ѡгаѳию. ерѣѧ, григорїа. ерѣѧ, андрѣѧ. марѳы.

[Викура е дшь вписа] **). їакова. марѳы. нифантїа. ѡнисима. матфѣѧ. ѳеѡра. леѡнтїа. семиѡна. наоума. їѡанна. їѡанна. скимницы. татїаны. сщнно. инѡ, германа. алеѯѣѧ.

Рѡ ꙗцка боꙗрина жеславского. ѳеѡра. ѳетинїю. ꙗкима. ѳевронїю. василїа. ѳевронїю, скиницю. василїа скимника. аѳонасїа. скимници, агрефины. ꙗкова. ирины. дементїѧ. ѳетїнию. матѳѣѧ. матроуны.

Рѡ семена мамича. симеѡна. ѡгрефиноу. стеѳана. григорїа. ирины. мины. еленоу. есифа. микоулы. ѳеѡра.

Рѡ пана богуша писарѧ гдрьского. павла. настасїю. михаила. коне.

Зеновїю. ѳеѡсїю. данила. петра. андрѣѧ ***). ѳеѡра. ѳилипа. василїа. настасїю. варвароу. їнока. ѡстаѳиѧ. алеѯѣѧ. оулиꙗноу. пахомиѧ. домникии. екатерины. василїа. мартина. наоума. оуѳимїю****). настасїю *****). марьи. алексѣѧ. артема. василїа. матреноу. сщнно. иерѣѧ, ѡнисима ******). матѳѣѧ. ѳеѡры. соупрона. ѳетинию. пелагїю. илью. наоума. фалелѣѧ. григориѧ. мрью. анноу. селивестра. ѡстафиѧ. соѳью. настасїю. ѡвдотїю. бориса. матфѣѧ. максима. матроуны. ѳеѡсїю. анноу. игнатиѧ. зеновїа. христины. мартина. їѡана. дементїа. алексѣѧ. афонасїѧ. ѡкоулоу. ѡстафиѧ. василїѧ. инѡ сергѣѧ. ѡгаѳїю. екатерины. ѳетинїи. їѡана. їѡсиѳа. инѡ василисоу. евдокѣю. сщнно, їнѡ. їѡны. парасковѣю. сщеннѡерѣѧ еоустаѧ*******). ека-

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами.

**) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами.

***) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: зубко з слоуцка.

****) Противъ этого имени на поляхъ красными чернилами приписано: Козиского.

*****) Это имя приписано между строкъ, позднѣе; на поляхъ противъ него сдѣлана красными чернилами слѣдующая замѣтка: мти козиского.

******) Въ подлинникѣ выскоблено.

*******) На поляхъ противъ этого имени написано: игоумена видубицко.

терины. романа. григорїа. лоукъѧна. конона. ѡгрофѣноу. дороѳѣа. ѕиновїа. агафїю. їѡа.

Семенъ старець вписа родъ свои. семиѡна. мартиѧна. евгенью. михаила. пантелеа. димитриа. евдокею. сїмеѡна. оульѧнꙋ. мрїю.

їѡанна *). серьгиѧ. иѧкова. евдокѣю.

[Ро пана боговитино] **). петра.***) евдокѣю. агрепѣнꙋ. феѡдора. вѣрꙋ. ивана. феѡдорꙋ. инока скимника, льва. марью. фомꙋ. ѳеѡдора. марка. пелагию. перасковѣю. тита. дарью. пелагѣю. аннꙋ. екатеринꙋ. игнатиѧ. пелагѣю. петра. евдокѣю. василиѧ. ѡринꙋ. ѳеѡдора. феѡдора. василїсꙋ. захарїи. матрѧнꙋ. василисѧ. фрола. лоукьѧна. марью. игнатиѧ. герасима. ѳеѡдосїю. оульѧнꙋ. харитона. настасью. гаврила. ѡринꙋ. стефана.

Ро пана ивана кошки. ивана. кнѧгиню настасью. инокꙋ полинарью. семиѡна марью. коне. (sic).

Михаила. еоустафиѧ. семиѡна. никифора. агафию. инока пахомиѧ. феѡдосїю. емельѧна. григорьѧ.

Ро пана богꙋша писарѧ гдарьського ****). скимника ельфериѧ. кнѧзѧ ивана. кнѧзѧ ивана. кнѧзѧ иѧкова. кнѧзѧ владимера. кнѧзѧ михаила. кнѧзѧ романа. кнѧзѧ ивана. павла. михаила. скимници марфы. скимници. феклы. кнѧгини феѡдоры. кнѧгини василисы. кнѧгини агрепѣны. марьи. кнжны екатерины. ирины. семена. гликерью. кнѧзѧ ивана. ѳеѡдосьи. геѡрьгиѧ. анны. иѡсифа. акилины. варвары. данила. ивана. ивана. бговитина. оульѧны. настасьи. настасьи. михаила. домъны. анны. петра. павла. данила. анны. конець.

Леѡньтиѧ. софронїѧ. марью. марью. соломонидꙋ. аннꙋ. екатеринꙋ. инока семиѡна скимника. пелагѣи. инока скимника, варлама. феѡдосїю. григориѧ. аксинию. памъфила. иѧкова. исака. макарьѧ. гликѣрью. ивана. марью.

---

*) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: Лꙋкьѧновин з жїтомирѧ.

**) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) Въ подлинникѣ выскоблено.

****) На поляхъ противъ этого рода сдѣлана слѣдующая приписка: недано.

пелагѣю. сщ҃енноерѣѧ семиѡна. оульѧнꙋ. сщ҃енноинока марка. никифора. васильѧ. стефана. еоустафьѧ. феѡдора. григориѧ. зеновью. матронꙋ. еленꙋ.

Ро҃ сщ҃енника афанасиѧ сослꙋжителѧ великого николы з дꙋбровици. ерѣѧ григориѧ. еленꙋ. ерѣѧ афанасиѧ. иринꙋ. иѡана. иева. семиѡна. пелагѣю. пахомиѧ. оксинью. ивана. ермолꙋ.

Кнѧини (sic) и кнѧзѧ юрьѧ дꙋбровицъкого. кн҃ѧиню оульѧнꙋ. евдокѣю. ѡсѣѧ. еленꙋ. марью. максима.

[Старца никольского тихоно҃ сн҃ъ дѣ҃ко] *). терентїѧ. инока никандра. фотиѧ. лꙋкьѧна. ефросиню. феѡдора. инока скимника мартирїѧ. григориѧ. [ивана ртищева. фетинью. аннꙋ] **). фетинью. давыда. аннꙋ. еоустафиѧ. маноуила. леѡнтиѧ. нерона. марью.

Ѳеѡдоръ с мозырѧ ро҃ свои вписалъ. ѳеѡдора. ивана. агапью. ѳеѡдора. [Рѡ҃ тиши быкѡско҃] ***). аннꙋ. аннꙋ. хатїана. деѡнїсїѧ.

Некра҃ с канева женꙋ свою вписалъ. наста҃ю. на҃стасью.

Ро҃ сщ҃енника исакиѧ ѿ великаго николы пꙋстыньского манастырѧ. исакиѧ. домнꙋ. васильѧ. юрьѧ. агафью. марью. ивана. ивана. никитꙋ. стефанидꙋ. пелагѣю. аксинью. стефана. андрѣѧ. михаила. поутѧтꙋ. афонасиѧ. зеновью. агафью. иѧкова. домнꙋ. марью. ѡ҃ пана гриньковъ ѡра҃ско҃ степана, и жены его анны. феѡдосїи. ѡ҃ пана мтфѣѧ юньковича. матфѣа и женꙋ его мр҃ью. савꙋ. стефана. пелагѣю. соѳрониѧ. матвѣѧ. ѡринꙋ. аннꙋ. никитꙋ. евдокѣю. захарью. еоустафьѧ. илью. климентиѧ. матьфеѧ. матронꙋ. кнѧ҃ мр҃ью ****). пелагіи. феѡ҃ры. ино҃. еоуфимїа. исидора. парасковгїи. мр҃ью. ефрема. стефана. лоукьѧна инока герасима. зеновїа. іѡа҃. никиты. наста҃ю. іѡа҃. филипа. ѳеѡдосіи. василїа. аннꙋ. тита. констѧнтина. геѡргїа. ѳеѡдора. ивана. мр҃ию. парасковгѣю. евдокїю. григорїа. евдокию. иѧкова. стефана. ѳилипа. мр҃ьи. оулиты. селикона. ирины.

---

*) Оскобленное мѣсто приписано на поляхъ красными чернилами,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Оскобленное мѣсто приписано позднѣе внизу на поляхъ.

***) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ, съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами приписано: ровенскаѧ.

[Рѡ҆ и҆гꙋмена трѡ҃когѡ симеѡ҃нѡ҃ а҆ вписа҃ за ꙋста҃ за харатїи҃ный] *). а҆рхиеппа. їѡ҃ны. їнѡ҃, їѡ҃акима. е҆вдокїи. сщ҃нно, їно҃, симеѡ҃на. павла. мр҃їю. василїа. а҆лександра. прокопїѧ. зеновїа. оу҆лиꙗ҆ны. григорїа. е҆фросинїю. ѳомоу. григорїа. василїа. и҆лью **). а҆ввакоума. ѡ҃мелхи. пелагїи. моисѣѧ. татїа҆ны. павла. ѳеѡдосїи. марѳоу. тимоѳѣѧ. левона. и҆лїю. татїа҆ны. и҆но҃. їѡ҃сифа. максима. мр҃ью. [иѡ҃сиѧ по҃] ***). е҆вдокѣю. дороѳѣѧ. мр҃їи. ѳеѡдосїѧ. ѳомы. коузмꙋ. и҆вана. е҆вгы селивана. кѡи҆стѧ҃тина. и҆сакїа. е҆ѳрѣма и҆нока. и҆нѡка ѡ҆лѣксѣѧ. е҆вдокѣи. е҆фросинїи. е҆вѳимїи. ѡ҆ѳонасїа. каленика. е҆встафїа. павла. дарїю. е҆мелїана. марка. матрꙋноу. їакѡва. марїю. феѡдосїю. михаила. филипа. е҆катеринꙋ. кн҃ѧ, а҆настасїю. [васи҃леи ꙗ҃кови҃ боꙗри҃ сл҃ꙋки҃] ***). василїа. тимофѣа. семиона. ѯинїю. ва҃. е҆леноу. ївана. а҆греѳи҃ну. а҆леѯѣѧ. савы ѡ҃грѣпины. и҆вана. радиѡна. а҆ннꙋ. и҆лїю. макавїа. харитона. степанїдꙋ. а҆фонасїа. а҆нноу. григорїа. а҆ндрѣѧ. ѡ҃гаѳїю. їѡ҃анна. захарїю. марїю. ѡ҃гаѳїю. оу҆литꙋ. а҆лексан҃дра****). симеѡ҃на евъфимїа. татїꙗ҆нꙋ. василїѧ. феѡ҃досїи. максима. мартина. марью. оуль-а҆ноу. парьхо҃ѧ.

[Ро҃ богоꙗ҃льнско҃ здоброви҃] *****). сщ҃ннои҆нока. васиꙗ҆на. полагию҃. е҆рѣѧ данила. ѡ҃рины. ѡ҃лексѣꙗ҆. а҆ннꙋ. и҆гнатиꙗ. и҆но҃ и҆ева. Ви҃блѧнина. и҆но҃ тихона. левона. василисоу. татїанꙋ. полагїю. ꙗ҆кима. ѡ҃гаѳїю. а҆греѳинꙋ. феѡ҃досїю.

Рѡ҃ боꙗри҃ пинскѡ҃ дми҃ра ѳе҃кови҃. дми҃ра. а҆кꙋ҃лины. е҆лиѡ҃зара ******). татїаноу.

---

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) На поляхъ противъ этого имени написано: сергѣ мещани҃ киѣски҃.

***) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

****) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: иекра҃ с канева.

*****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

******) Въ подлинникѣ послѣ этого имени пробѣлъ въ нѣсколько строкъ, обведенный красными чернилами, очевидно для предполагавшагося вписыванія именъ изъ того же рода.

Рѡ ιєпй іѵа чєнорйца. ѳєтинїи. йва. йвана. йнѡ. стефана. ѳєѡдорѵ. оуліаны.

[Рѡ кнм ѳєѡдора ꙗрославй]*). кнм. фєѡдора. кнѧ єленоу. ѧнастасїю. дєѡнисїа. ѧннѵ. ѳєѡдора**). ѡвдотїю. софронїа. іакѡва. ѡгаѳїю. оуліанѵ. йвана. стєѳана. ѧнрѣм. семена. семіона. павла. ѡгрефинѵ. йоудѵ. демїана. ѧннѵ ***). ѧрєѳы. маріи. йвана. григѳа. скйнй. макаріа. ѡгаю. марѳѵ. химоу ...****). мартїана. скйнй. ꙗкимїа. михайла. йнѡ, германа. ѳєѡдосїю. іѡа. . .*****). васйм ...******). ѡвдотїю. йѡа. ѧнтона. ѧнрѣа. скйници, пелагїи. захарїю. єѵстафїа. василїа. ѡленоу. йвана ѡгаѳй. їѡа. никона черноризца. меланїи черноризици. єпимаха. ѳєѡсїи. никифора. їѡа. василїа. прокопїа. ѡгрефинїи. єлены. дїакона фєѡдора. єленоу. ѧнноу. ѡгаѳїю. василисоу. ѧлексѣм. матроны. ивана. василїа. матроны. василїа. ѧннѵ. ѡписима. оуліаноу. гликерїи. ѳєѡры *******). дементїа. йнѡ скѵмника калиста. василисоу. григорїа. несьтера. василисоу. ѳєѡдора. йвана. єленѵ. їѡанна. ѡгаѳїю ********). сцнноїнѡ васїана. їѡанна *********). ѡвдотїю. фєѡдора**********). кнзм стефана **********). инѡ фєѡдосїа. стєѳана. василїа. фетенїю. бориса. ѳєѡдора. григорїа. тимофѣм.

---

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Это имя въ подлинникѣ зачеркнуто.

***) Противъ этого и предшествующихъ двухъ именъ написано ѡвернеевичѡ.

****) Въ подлинникѣ выскоблено.

*****) Въ подлинникѣ выскоблено.

******) Въ подлинникѣ выскоблено.

*******) Въ подлинникѣ противъ этого имени красными чернилами написано: манѵилова матка з волѡ.

********) Противъ этого и предшествующаго имени на поляхъ красными чернилами написано: рѡдителисергѣевы.

*********) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: со мстиславлм.

**********) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: сынъ.

***********) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: домѡтовй.

марѳоу. ѳетинїю. александра. инок григорїа. инок евдокѣи. сисоѧ. инок соломониды. андрѣѧ. настасїю. тимофѣѧ. ѡстаѳїа. ириноу. артемїа. евсегенїа. марїю. евдокѣю. сщнноїереа, алексѣѧ. понарїю. їакова. евгоу. никитоу. матѳвѣѧ (sic). дементїа. василисоу. левонтїа. скинника феѡдосїа. инок исаю. андрѣѧ. їнок венедикта. скимницоу евдокїю.

[Род кнзѧ инока иѡны соколинского]-*). кнзѧ, инок їѡноу. скимника симона. кнзѧ александра. кнѧгиню еленꙋ. кнзѧ алимъпеѧ. кнзѧ василья. оулитꙋ. кнѧжны соуфимьи. кнѧжнꙋ марьи. кнзѧ иѡана. ѡгаѳью. христиноу. ѡксинїю. ермолоу. кнзѧ александра **). ѡксинїю. феѡдра. ефросинїю. скимника їѡноу. бориса. скимницю ѳетинїю. ѳеѡдра. мрїю. ѳеѡдра. григорїа. їнок, їѡсифа. їѡа. христинꙋ. їѡа. оулїаноу. пелагїю. їнок їѡникїа. ѳеклоу. нестера. пелагїю. петра. ѳеѡдора. зиновѣѧ. павла. варвароу. логина. фомоу. пелагїю. агафона. сщнноїнок. скимника селивана. ѡнисима. агафона. михаила ***). їнок, ефрѣма. мариноу. конона. дарїю. игнатїа. феѡдора. ѳетинїю. їѡноу. алеѯѣѧ. макарїа. їринꙋ. хомоу. григорїа. семиѡна. фетинїю. мартїана. фетинїи. евгоу. данила.

Род потапѡ ѡлешкови. потапїа. ивана.

Род кнзѧ кѡстѧнтина крѡшинского з смоленска. кнѧ, романа. кнѧ їѡа. кнгиню їнок, соупраксїю. кнѧ. феѡдра. оулїаноу. кнѧ. костѧнтина. кнгню. аннноу. кнѧ василїа. оулїанꙋ. кн.

Еленоу. гаврїила. їѡа. марѳоу. василїа ****). епиѳанїа. василїа *****). александра. григорїа. ерѣа. андрѣѧ. аннꙋ. артемиѧ. григорїа ******). андрѣѧ.

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами, — съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Это имя въ подлинникѣ выскоблено (читается, впрочемъ, легко).

***) Противъ этого имени на поляхъ красными чернилами написано: павша.

****) Противъ этого имени на поляхъ красными чернилами написано: василси володкови.

*****) Сверху этого имени сдѣлана красными чернилами надпись: костюшкови.

******) Сверху этого имени красными чернилами сдѣлана надпись: глꙋшскии.

[Полатни пꙋстыски мисаило рѡ свои оу писа]*). скимника моусѣѧ. мартина. татїаноу. христиноу. тимоѳѣѧ. григорїа. аннꙋ**). матроуноу. парасковъгѣю. матрꙋнꙋ. настасїю. алеѯїа. прокопїѧ. рѡдиѻна. агрипѣнꙋ. лꙋкоу. ѳетинїю. їѡа. гликѣрїю. емельана. мрїю. емелїана. дмитрїа. алеѯїа. ѳомꙋ. василїа. ириноу. прокопїа. еввгꙋ. варварꙋ. марью. трифона. еоуфимью. андрѣѧ. ѳеѻдосїю. инок. мартириа. ерѣѧ ꙗкова. мрїю. анїсїю. ....***) оульѧнꙋ. лазарѧ. мрїю. трꙋфана. агафїю. григорїа. деѡнїсїа. татиꙗнꙋ. елизара. феѡдосию. парасковию. василїа. татїанꙋ. скимнїци. їелены. юриа. кꙋпреꙗна. инок їлариѡна. мрїю. матрꙋнꙋ. игнатиѧ. феѡдора. агафїю. гаврила. агрепенꙋ. ефемїа. артемиа. татиꙗнꙋ. аленꙋ. феѡдора ****). оустинїю. варварꙋ. скимницю. аленꙋ. евламъпиѧ. феѡдора.

[Архимандритъ присла маркꙋ намѣстнїкꙋ листо велѣ ѕ дш҃ь оу пис]...*****). їѡанна. антонїдꙋ. дѣѡнїсїа. їѡанна. нїкифора. їѡанна. михаила. матрꙋнꙋ. ѕеновию. феѡдора. їѡа. василїа. матрꙋнꙋ. скимни аленꙋ. аннꙋ. скимни алеѯандрꙋ. матфѣа. татиꙗнꙋ. лꙋкꙋ. василїа. сщенноерѣа исакїа. василисꙋ. оулиꙗнꙋ. тимоѳеа. мрїю. пелагѣю. феѡдора. мрїю. авъдотию. панарїю. сщенноерѣѧ еоустафиѧ. агафию.

Чюдинъ трꙋфанови стародꙋбець ѕ дш҃ꙋ вписалъ. костѧнтина. еоупраѯїю. инок скимьника венедикта. инокꙋ скимнїцю. аннꙋ. арьтема. иринꙋ. евдокею. василисꙋ. инока андрѣꙗна. инокꙋ скимни. настасию. михаила. трифана. сщенноинок скимнїка деѡнїсїа. инок скимнїка, дософѣѧ. мрїю. климентїа. ѡринꙋ. маковѣа. тарасїа. семена. акꙋлꙋ. соуфимю. иринꙋ. евдокѣю. марью. инока нифонта. конана. марию. инока ским деменьтиа. еоуфимїю. агрепѣнꙋ. софию. ѡвдю (sic). дмитреа. меланїю. ѳеѡдора. ѳилипа. макарїа. марїю. ѳеѡдосїа. грїгорїа. ѳеѡдосїю. реѡргїа (sic.). матрꙋнꙋ. елеѡзара. марїю. евдокима. петра. иева. парфенїа. марїю. андрѣа. анастасию. тимофѣа. сꙋмиѡна.

---

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Это имя написано на поляхъ.

***) Въ подлинникѣ выскоблено.

****) На поляхъ противъ этого имени написано: сиаса.

*****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,– съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо (Здѣсь же сдѣлана была и еще какая-то приписка, но потомъ выскоблена).

[Рш̃ ю̆на ф҃е҃ровы̆] *) юрьа. а҃нн̃. козмы̃. нїкифора. а҃гр҃ипѣн̃. мѳ҃фѣа. а҃нн̃. нїкифора. бориса. ишакима. фетиныо̆. татьан̃. григорим **). степана. фешдора. симона новокр҃щенаго. ѡ҃лен̃. йвана. далмата ***).

Юрьм. е҃лишзара. матрен̃. маръѳ҃ы. агафьи. агафы̆. йгнатьм.

Пашъ юрьи михаловичь попковича р҃о҃ свои въписалъ. дементим. йнока варлама. никит̃. серьгем. стефана. йвана. шганию̆. а҃йрѣм. оу҃лїаноу. їакова. ѡ҃вдотїю. максима. мр҃їи. е҃вфросинїи. марїи.

Кнм҃ семенъ шзерецъки дв҃е дш҃и вписалъ. йсака. давыда. конецъ.

Наоумъ стр҃ѣлникъ р҃о҃ свои въписалъ. семена марью. пелагѣю. е҃вдокѣю. аганыо̆.

Лешнтии ш҃ца свое҃ въписалъ. йшсифа.

Р҃о҃ книгии мосальские. йнок̃ фешдосїю. йнок̃ евдокѣю. еоу҃фимыо̆. йнок̃ скимниц̃ ефросинью. йвана. никифора. инок̃ наталїю ****). еоу҃фимыо̆. мартина. йнока ишсифа. матвѣм. кѹзьм̃. стефана. васильм. софронїм. оу҃льян̃. фешдора. а҃грипѣн̃. денїм. матрон̃. фешдора. акилин̃. кѹзм̃. марью. марью. левона. павла. ѡ҃лену. климентим.

[Г҃ерасї̃ почт҃а] *****). павла.

[С йїска лѣщйскы̆ архимад҃рї̃ ѳеѡ^до҃сїи г҃ дш҃и вписа҃]******). антонїа. татьанм. сп҃иноїно̃ ѳеѡ^до҃сїа. скы̃ника. калиста. скы̃ника, лаврентїа. іно̃ варсоноѳїа. а҃нцифо́ра. акилин̃. їно̃. а҃нр҃оника. ѳекл̃. тарасїа. йѣва. йвана. е҃ѹфросинїю. григорїа. пелагїю. созонта. ко́нстантина. варварж. варвар̃. ѳеѡ^до҃ра *******). полѹекта. ѳилиппа. евдокѣю. оу҃литж.

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) На поляхъ противъ этого имени написано: королѣ҃ дворянн̃.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: перько.

****) На поляхъ противъ этого имени написано: строчй҃л.

*****) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

******) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*******) Противъ этого и предшествующихъ 4-хъ именъ написано: сй҃ е҃ дш҃ь за рѹчниц̃ вписали.

[Нико̀ почá гѣ ѥї]*). пелагїю. фетинїи. йнш̑ ѐрмолаá.полинарїи. йгнатїа матронѫ. марїи. скѵ̑ницы. настасїи. ѿвдотїи. ѳеѡ̀ра. áноуѳрїа. дишмида. áнноу. ѐлисѣѫ. ѐвѳимїи. ѿгаѳїи. тимофѣѫ.

[Михаи̯ло гогѵ̀лѫ ѿца своѥ̀ вписа̀] **). áндрѣѫ. áнноу. данила. áгрѣпины. оуліáны. стѳáна. семѵ̑ѿна. матѳѣѫ. михаíла. зеновьѫ. оу̀льѧнѵ̀. павла. йвана. захарїи. ѳеврониї ***). áндрѣá. матѳѣѫ. йнш̑, ѐкпраксїи. григорїа. йнш̑. ѐвдокѣ̀и. йнш̑, васíана. áкѵ̑лины. михаíла. áнны. íáкова. лешǹтїа. íáкова. ѳеѡ̀ра. ѐвѳимїю. григорїа. áнноу. пелагїи. фешо̀сїю. фешо̀роу. данилїа. татíанѫ. ѿвдотїю. василїа. малоѳѣа. ѿвдотїю. павла. áнны. семиѿна. йвана. фомы. ѳеѡ̀ра. йнокѫ, ѐѳросинїю. сѿю. дишнисїа. григорїа. марїю. йнокѫ, йриноу. йнш̑ каленика. йнш̑. íшáкима. михаíла. кирила. фешо̀сїю. симїѿна. ѳеѡ̀сїю. íвана. ѿгаѳїю. конона. меланїи. микоулѫ. михаíла. áнн̑. ѿвдотїю. йнш̑, маремїаноу. михаíла. козм̑****). марїю. íáкова. григорїа. никит̑. павла. ѐвстаѳїа. паѳенїа. йвана. парасковїю. сидора. йвана. оуліáноу. йнока, харлáмпїа. áва. ѐоуѳимїю. мамельхвоу. ѐоуѳимїю. зеновїю. февронїю. áнноу. василїа. ѐвгоу. скѵ̑ницоу, ѐвдокѣю*****). триѳона. павла. ксинїи. йсакїа. áнноу. фетинїю. настасїю. нестера. павла.

Йнш̑ селивестръ áйгѵстѿ̑ рѿ̑ свои вписа̀. оуліáноу. áгрепиноу. ѳеѡ̀ра. áвксентїа. йгнатїа. йнока, селивестра. скѵ̑ника, дїѿ̑нисїа. мавроѫ. ѿгаѳїю. áндрѣá. мр̑їю.

[Марко̀ sі. дш̑ь вписа̀ прикѣ̀ запольѫ(?)]******). ѿстаѳїа. дмитрїа. ѳеѡ̀сїа. ѿгаѳїю. фешо̀ра. ѳеѡ̀сїю. зеновїю. данилїа. áнтонїа. захарїю. йг-

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: васи̑ скопка тецѵ̀ свою вписа̀.

****) На поляхъ противъ этого и слѣдующаго имени написано: ко̀ма козакови̑ вписа̀ ѿца своѥ̀ и мр̑ть.

*****) На поляхъ противъ этого имени написано: гоголевоѫ нйнова ба̀ка.

******) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

натїа. матроноу. кѡстѧнтина. михаила. тотїаноу. ксинїю.) гликѣрїи. моисѣѧ. матроноу. семиѡна. оулїаноу. данилїа. ариста. зеновїю. инока, арсенїа. козмы. василїа. ѡксинїи. ѡгаѳїи. іакова. степанидоу. іакова. матроноу. анноу. семиѡна. инокꙋ оулїаноу. инока, никиѳора. василїа. іакова. емелїана. семиѡна. климентїа. ѳомоу. феѡдора. павла *). іно, оулитꙋ. ино, мисаила. макарїа. марїю. дїѡнисїа. меланїю. феѡдора**). іакова. ѳеѡдора. мрью. игнатїа. агрѣпїны. деѡмида. левонтеѧ. ириноу. андрѣа. рѡдина (sic). мариноу. пелагїю. дїмитрїа. марїю. тотїанѫ. сергеѧ. захарїю. василїа. ѳевронїю. агрепинѫ. пелагїю. савѫ. степана. захарїю. афонасїа. ѳеѡдосїю. инѡ, серапиѡ. семїѡна. михаила. сщно іереа, ивана. парасковїю. аннѫ. ивана. скимницѫ еленоу. мартїана. ѡгаѳїю. тимоѳѣѧ. василїа. давыда. христинѫ.

Па павѣ рѡдичь з бѣска рѡ свои вписа. григорїа. матронѫ. анъдрѣа. лаврентеа. евдокима. фомѫ. кондрата. христинѫ. скиницѫ, еѳросинїю. варварꙋ. ксинїю. игнатїа. авдѣа. василїа. марїю. стеѳана. стеѳана. михаила. ивана***). еленоу. еленоу. романа. марїю. феѡдосїю. герасима инѡ. ꙗкима. ѡгаѳїю.

[Васїѧ гѣ зі]****). пелагїю. евьстаѳїа. татиꙗнꙋ. симиѡна. анꙋсїю. мартина. ефросинїю. ꙗкова. есиѳа. зѣновїю. инока васиꙗна. софронїа. февронїю. евгоу. андросїа. ивана. исидора. михаила. василїа. татиѧны. михаила. мрьи. ерѣѧ григорїа. леѡньтѣѧ. ѯиньи. мрїю. анцифора. ефрема. марка. феѡдора. ходоры. конона. мрїю. глꙋкерию. скиника еремѣѧ. фомы. инока протасїа. ивана. марѳы. ѳалелеѧ. андрѣѧ. агреѳины. еоуфимїа. алексѣѧ. агаѳїю. ѳеѡдосїю. [Ро ꙋколо] *****). [Ро пана шамако дворѧнина королеско]******). инока скиника. еꙋѳимїа. скиницю. марѳꙋ. григорїа. ино-

---

*) На поляхъ противъ этого и слѣдующаго имени написано: рѡ па бориса. королескїи дворѧ смонѧни.

**) На поляхъ противъ этого и слѣдующаго имени написано: съ брѧска львовичи.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: ива дꙋрасѡ.

****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***** и ******) Оскобленныя мѣста написаны красными чернилами на поляхъ,—безъ обозначенія, куда въ текстѣ они должны быть относимы.

ка арсенїа. мр҃їи. и҆гнатїа. ѳеѡ҆досїи. фрола. и҆нока ски҃ни. германа. свирида. герасима. макарїа. катерины. и҆рины. [ѿ великоⷣнѧ]*). пашька. панкратїа. ски҃ника семиѡ҆на. феклы. василїа. трꙋхона. соломониды. микꙋлы. феѡ҆тиний деѡ҆нисїа. и҆вана. григориѧ. и҆вана. мр҃ью. и҆вана. симиѡ҆на. ѳетинїю. григорїа. ѳеѡдосїю. є҆вдокѣю. ѡ҆стаѳїа. и҆вана. є҆рѣѧ̀ а҆фанасиѧ василїа. ксинїи. василїа. матроны. филимона. є҆вдокѣю. є҆катерины. и҆нока павла. пелагїю. касиꙗ҆на. татїанꙋ. феѡ҆дора. максима**).

Кнѧ́гини. а҆нны. кнз҃ѧ феѡ҆дора петра. є҆рѣѧ̀ є҆ремѣѧ̀. лавреньтѣѧ̀ и҆ноци парасковїи ски҃ни҃. ꙗ҆кова. и҆вана. варвары. и҆нока трохама. а҆кꙋлины. григорїа. и҆рины. фомꙋ. наталїю. ски҃ника и҆вонꙋ. василїа. христины. василїа. и҆ноци полинарїи. никитїа. каленика. михаила. и҆гната. фрола. тимоѳѣѧ. февронїи. настасїи. ѳетѣмьи. степана. а҆гаѳий. є҆ꙋѳимии. оу҆лиѧ҆ны. і҆вана. ски҃ници є҆оу҆праксїи. феѡ҆дора. лва̀. прокопїа̀. стеѳана. ѳеѡдора. є҆всевїꙗ҆. и҆рины. козмоу***).

[Рѡ҆ кнзеи крошинскиⷯ]****). кнз҃ѧ и҆вана кнг҃ню є҆въпраксїю кнз҃ѧ феѡдора кнг҃ню ѡ҆ксинїю и҆нокꙋ є҆фросинїю кнз҃ѧ ѳеѡдосїа кнз҃ѧ филипа и҆нока филорета кнз҃ѧ костѧнтина кнз҃ѧ дмитрїа̀ кнз҃ѧ и҆вана кнз҃ѧ дмитрїа̀ кнз҃ѧ и҆вана и҆вана оу҆лїѧноу никиты лаврентѣѧ̀ сїмиѡ҆на оу҆лїанѫ є҆въстафїа ѳевронїи а҆гапїи дмитреѧ пелагии. никиты василисы. и҆нока феѡ҆досиѧ стефана*****). мрьи христины а҆ндрѣꙗ а҆ндрѣѧ. пола̀гью. на̀стасїю. ѳедора. а҆нны. петра. а҆ртемїа******). марїю. дороѳѣѧ. *******) ꙗ҆кова. павла ва-

---

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) За этимъ именемъ, до конца строки, слѣдуетъ пробѣлъ, въ срединѣ котораго написано слово кнѧⷩ и зачеркнуто, хотя легко читается. Противъ этого же и ниже слѣдующихъ именъ приписано на поляхъ: митѧиадѧинь ꙋнꙋкь сꙋпоиньскыⷩ роⷣ своⷩ оуписа҃,—безъ обозначенія, куда въ текстѣ должна быть относима приписка.

***) Противъ этого имени на поляхъ написано: заморенѡ҃.

****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ, съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) На поляхъ противъ этого и слѣдующаго имени написано: родители пана матѳеѧ заморе҃ка.

******) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: гоголеви҃.

*******) На поляхъ противъ этого имени написано: родители д҃роѳеа заморенкова.

сильа́. а҆нны а҆нны феѡ҆дора е҆лены а҆килинꙋ скиⷨника варсѻ҃ѳиѧ̀ григорїа никитїѧ̀. и҆вана. и҆вана.

Ѿ оу҆спенїа́. а҆гаѳїю. ѡ҆ѯинїи свещенòи҆нⷪ҇ и҆вонѧ скиⷨници. е҆вдокїи. свиⷨника и҆нⷪ҇ а҆нтонїа́. сидора́. павла василїа. никитѧ. [Ѧ҆ки҃ поч҃]*) ксинїю. наоу҆ма. оу҆лїанѧ. матьѳѣа̀. а҆гаѳїю. ї҆нокоу. варвароу. е҆фросимъю. василїа. ѳеѡдосїю. и҆нⷪ҇. маримьꙗ҆ноу. мартина. феѡ҆фила: сщⷭ҇но скимⷭ҇ника: е҆ѹстратїа. парасковгїю̀. феѡдосїю. е҆фѣма. е҆фрѣма. е҆милїана. оу҆литѧ. [Рѡ҆ захарїи пѡ҆тева з смⷭ҇лⷭ҇ска.**) ї҆нока сергѣѧ. а҆гаѳїю. а҆нисїю. е҆ленѧ. назарїю. гаврїила. и҆гнатїа. а҆вдѣа̀. и҆вана. е҆лены́. ꙗ҆кова. татїа́ноу. и҆нока савоу. ї҆сакїа. е҆вѳимїю. василїа семиѡ҆на макрены василїа ѡ҆вдотїю козмоу козмоу мрью̀ і҆ѡ҃а и҆нⷪ҇ е҆фрѣмїа. димитреѧ̀. зиновїю. і҆ѡ҃а***). тимоѳѣѧ̀. мокѣѧ̀. григорїа. а҆ндрѣѧ̀. ѡ҆стаѳїа. димитреѧ̀. ѡ҆дарїю. ѡ҆вдокїю. василїа. [Никѡ҃ гⷭ҇е а҃]****). феѡдора. просимъю̀ гаврила. маринѧ. лаврентїа. и҆вана. и҆вана. маврѧ. и҆нѡ, феѡѳана. павла. лѧ́кїана. маѯима. софрона. а҆ннѧ. назарїа. л҆ва, скиⷨника мⷭ҇рїю. скиⷨницю ѡ҆гаѳїю. а҆ртемїа. татїанѧ. данилїа. филипа. а҆кѵлинѧ. марїю. демїана. а҆ннѧ. климентїл. а҆кѵлинѧ. левонтеа̀. настасїю. ѡ҆мелїана. данилїа. а҆ннѧ. е҆ленѧ. а҆ѳонасїа. а҆грипинꙋ. настасїю. сидора. марїю. захарїю. василисѧ. марїю. и҆вана. [Рѡ҆ бородинъ а҆мбросови҃]*****). григорїа. феѡдосїю. и҆лїю. ѳеѡдосїю. марїю. григорїа. марїю ******). григорїа. василїа. і҆ѡ҃а. а҆нноу. и҆нⷪ҇, е҆всегнїа́. и҆нокѧ. маримїанꙋ. кѵрила. меланьѝ. софьѝ. ѡ҆лиѯандра. никитѧ*******). а҆ннѧ. ѡ҆ксинїю. василїа. домникїю. і҆ѡ҃а. климентїа. а҆ннѧ. і҆риноу. х҆ристинѧ. ѡ҆леѯандра. мⷭ҇рїю. а҆ннѧ. а҆ннѧ. а҆нноу. і҆ѡ҃а. и҆нокꙋ, ѡ҆грепинѧ. и҆нокꙋ. ѳетинїю. василїа. а҆ннꙋ. е҆вфимїа. сте-

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда оно въ текстѣ должно быть относимо.

**) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ красными чернилами,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

***) Противъ этого имени на поляхъ сдѣлана слѣдующая замѣтка: волынець вписа҃ за сермѧгѧ.

****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

*****) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

******) Это имя въ подлинникѣ зачеркнуто, хотя легко читается.

*******) На поляхъ противъ этого имени написано: чапли҃.

панидꙋ. ѿлеѯїа. ѯинїю. а҆нрѣа. і҆акова. і҆ринѫ. е҆катеринꙋ. е҆вѣѫ. маѯима. ѳеѡфонта. и҆нокѫ, наталїю. ѳеѡдосїю. манѫила. е҆лтѫфїа. ѳеѡдора. павла. ѿгафїю. і҆ѡа. парасковгїю. рѡдиѡна. ю҆рїѧ. а҆ниоу. татїанѫ. григорїѧ. ѿвдотїю. ѿлеѯїа. мрїю. а҆нанїю.

Рѡ кнзѧ и҆ва вишьневъскѡ. кнзѧ, михаила. кнгиню, ѡгаѳїю. кнзѧ василїа. кнѧжнѫ, марїю. кнзѧ, михаила. кнѧжнѫ, марїю. кнзѧ, е҆роѳѣѧ. ѿвдотїю. конє.

Марка. е҆вѳимїю. февронїю. ѿгаѳїю. е҆вдокїю. зиновїю. и҆ринѫ. василїа. селивестра. лоуки. фомѫ.

Рѡ па е҆ска матѳѣевич. а҆ннѫ. ѿгаѳїю. мамелхвѫ. скиника, і҆ѡсифа.

Рѡ па и҆ва рагачоскѡ дмитреевич. дмитрїа. фетинїю. а҆нрѣа. татїанѫ.

Рѡ па и҆ва привередовскѡ. а҆лексадра. василисѫ. васиа. и҆ва.

Рѡ па и҆ва дмитреевич межевскѡ. дмитрїа. а҆ннѫ. и҆вана.

Мика з острꙋка. а҆ѳонасїа. варварѫ. а҆нрѣѧ. настасїю. настасїю. михаила. оу҆льѧнѫ.

Рѡ па и҆ва покотилович. а҆реѳѫ. марѳѫ. геѡргїа. ѿгаѳїю. михѣѧ. феѡдора. а҆ннѫ. и҆ва. а҆ннѫ. григорїа. конє.

Микитѫ. марїю. е҆катеринѫ. і҆акова. василїа. ѿгаѳїю. а҆грепинѫ.

Рѡ па е҆рлидаѡкорско сека. а҆нсиѳора. меланїю. и҆ва. е҆вдокїю. василїа. мрїю. симона. а҆ннѫ. и҆ва *). и҆ва. і҆акова. февронїю. е҆реа, павла. [ивако давыдович три дши ꙋписа] **). мрїю. скиницѫ, а҆килинꙋ. а҆нѫфрїа. ѿвдотїю. семїѡна. соломонидѫ. кирила. меланїю. і҆акова. стефана.

---

*) Противъ этого имени на поляхъ приписано: ѡстаеѳьвич (sic).

**) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

ива҃. григорїа. ива҃. ѳетинїю. нестера. [Рѡ҃ васи҃евъ шестоко҃].*) инока. васїана. мр҃їю. максима.

Рѡ҃ па҃ данилїа васи҃еви҃ писарѧ кн҃зѧ костѧ҃тина ивановича. ѡстро҃ско҃ и҃ е҃ жоны мр҃їи по ѡц҃мъ и҃ по мт҃ремъ и҃. преѡсщ҃нна҃ е҃пк҃па, варсоноѳїа. володимира, въ ст҃омъ кр҃нїи, василїа. ски҃ника, феѡгноста. василїа. феѡдора. вниѳантїа. ѡнисима. семиѡна. инокѧ, аннѧ. меланїю. антонидѧ. маринꙋ. екатеринѧ **).

Рѡ҃ чешейко҃. григорїа. потапїа.

Ивана ***). еленѧ. ива҃. ивана.

Рѡ҃ енко҃. феѡдора. григорїа. ѡгаѳїю.

Рѡ҃ кн҃зѧ рꙋжи҃ско҃. вниѳантїа. ски҃ницѧ, февронїю. феѡдосїю ѡвдотїю. ивана. ива҃. мр҃їю. павла. меланїю. нелюбѧ. лихача. паоꙋма.

Рѡ҃ про҃ченкѡ҃ васи҃евъ. игнатїа. евѳимїю. їѡсиѳа. ски҃ницѧ, ксинїю.

Рѡ҃ лабосо҃. михаила. гаврила. василисѧ.

Рѡ҃ па҃ ла҃кѡ и҃вано҃. ва҃. (sic). татїанѧ.

Рѡ҃ па҃ бо҃дана госко҃. ива҃. алекса҃дра.

Рѡ҃ па҃ ива҃ ѳедоровичо҃ кощееви҃. архима҃дрита жидичи҃ско҃, їѡны. костѧ҃тина. ски҃ника, феѡгноста. ино҃, лоуки. стефана. сщ҃нного, архима҃дрита, їѡнѧ. алексан҃ра. геѡргїа. феѡдора. лаврентїа. меланїю. настасїю. меланїю ****). мр҃їю. мр҃їю. феѡдора. настасїю. їѡнна. анна. [ивана шпрайско҃. михаила. еѵѳимїю. їѡанна. соѳонїа] *****).

Рѡ҃ валаха ѡлексїеви҃ зовемо҃ ероѳѣа̀ писарѧ и по҃скарбе҃ кн҃зѧ костѧ҃тина ѡзстро҃зско҃. їѡанна. алексїа. евъсегенїа. бориса, инока, варсоноѳїа. григорїа. пахомїа. гаврїила. мр҃їю. зеновїю ******).

---

*) Оскобленное мѣсто приписано красными чернилами на поляхъ,— съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ въ 1/2 стран., обведенный красной чертой.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: ворона.

****) На поляхъ противъ этого имени написно: гꙋрка ѳеѡдорови҃.

*****) Оскобленныя имена въ подлинникѣ зачеркнуты; далѣе слѣдуетъ пробѣлъ въ 1/3 стран., обведенный красной чертой.

******) Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ въ 1/2 стран.

Ивакоⷨ рѡⷣ ѡхремовиⷨ. никиѳора. христинѫ.

Рѡⷣ прочеⷩкѡⷩ. ивана. мрїю. никитѫ. еѳремїа. михаила. ѡгаѳїю. артемїа.

Рѡⷣ паⷩ иваⷩ котовъ. іѡанна. ефросимїи. скиⷩника, фирса. феклѫ. андрѣа. еленѫ. юрїа. петра. льва. мрїю. феѡдора. настасїю. ивана. льва. оулїанѫ. оулїанѫ. манойла. варварѫ.

Рѡⷣ стена петѫховиⷩ. иева. мрїю. скиⷩницѫ, агрепинѫ. ѳеѡдора. парасковїю. петра. татїанѫ. скиⷩника, досоѳїа. агрепинѫ. ивана. лоукерїю. инока, аньтонїа.

Поминиⷩ. кнзѧ, костѧнтина, ивановиⷩ. ѡстроⷥскоⷨ. воеводы троⷩкого. преѡсщⷩноⷨ архиепⷭпа. митрополита, іѡсифа. преѡсщⷩннаⷨ, архиепⷭпа, митрополита, іѡнѫ. сщⷩннаго епⷭкпа, васїана. сщⷩнно, инока, іѡнѫ. сщⷩнно инока, архимандрита. исаиа. сщⷩнно иноⷨ, архимандрита, іѡнѫ. сщⷩнно инока, архимандрита, мисаила. великоую королевую, ѡленѫ. кнзѧ, геѡргїа. кнзѧ, дмитрїа. кнзѧ тимоѳѣѧ. кнзѧ, данилїа. кнзѧ, іѡаⷩ. кнзѧ, ѳеѡдора. кнзѧ, семїѡна, въ иноцѣ, ѳеѡдосїа. кнзѧ, алексїа, въ иноцѣ, александра. кнзѧ, андрѣа. кнзѧ, василїа. кнзѧ, данилїа. кнзѧ, іѡаⷩ. кнзѧ, геѡргїа. кнѕѧ, іѡаⷩ. кнзѧ. семїѡна. кнзѧ, іѡаⷩ. кнзѧ, ѳеѡдора. кнзѧ, семїѡна. кнзѧ, ѳеѡдора. кнзѧ, филиппа. кнзѧ, василїа. кнзѧ, романа. андрѣѧ. семїѡна. іѡаⷩ. кнзѧ, семїѡна. кнзѧ, геѡргїа. кнзѧ, семїѡна. кнзѧ, михаила. кнѕѧ, семїѡна. кнѕѧ, михаила. кнзѧ, ѡаⷩ. кнзѧ, геѡргїа. кнзѧ, василїа. кнзѧ, ѳеѡдора. кнзѧ, феѡдора. кнѕѧ, геѡргїа. кнзѧ, лва. кнзѧ, іѡаⷩ. кнзѧ, сергїа. кнзѧ, іѡсифа. кнзѧ, родїѡна. кнзѧ, лва. кнзѧ, александра. кнзѧ, дмитрїа. петра. іеремїа. данилїа. сщⷩннойнока, никифора. фрола. николѫ. іѡаⷩ. илїю. филиппа. анисиѳора. внифантїа. анисима. ѳеѡдора. петра. никифора. лоукїана. инокѫ кнгⷩню, елисавеѳѫ. кнгⷩню, василисѫ. кнгⷩню, ѡгафїю, въ иноцѣ, агрепинѫ. кнгⷩню, феѡдору. кнгⷩню татїанѫ. скиⷩницѫ, марѳу. кнгⷩню, аннѫ. кнгⷩню, настасїю. кнѧⷩ, ѳеѡдорѫ. кнѧⷩ, мрїю. кнгⷩню, оулїанїю. кнгⷩню, настасїю. кнгⷩню, оулїанїю. кнгⷩню, маврѫ. кнгⷩню, настасїю. кнѧⷩ, мрїю. кнѧⷩ, софью. кнѧⷩ, ефросинїю. мрїю. тарасїа. никитѫ. ѳеѡдора. григорїа. мрїю. конеⷩ. василїа *).

---

*) На поляхъ противъ этого имени красными чернилами написано: девоⷩка.

Рѡ҃ пана киселѧ дорогиникогѡ҃, никитѫ. настасїю скиницѫ. алексїа.

Рѡ҃ пⷭ҇ гаврила холенеⷭ҇скѡ҃. костѧнтина. еоуѳимїю. василїа. захарїю. наталїю. лоукѫ. ѳеѡдрѫ. мрїю. еѳрѣма. оулїанѫ.

Сїи, шесть, дш҃ь золотѫха вписа. ероѳѣѧ марѳѫ. прова. аѳонасїа. фалелѣа. максима. конⷭ҇.

Мрїю. илїю. ивана. иродиѡна. фетинїю. аннѧ. христинѫ.

Рѡ҃ пономарѧ андрѣа стародоубскѡ҃. скимника. василїа. скиника їѡⷭ҇. владимира. ермолѫ. никитѫ. ивана. акѵлѫ. василїа. ивана. матренѫ. їнокѫ, иѡноу. соломонидѫ. василїа. микитѫ. митрофана. димитрїа.

[Рѡ҃ ивⷭ҇ васⷭ҇евиⷱ҇ воеводы стародѹскоⷭ҇] *). василїа. инокѫ скимницѫ марїю. ивана. костѧнтина. ѡкилинѫ. коⷭ҇.

Ивана. григорїа. ѡксинїю.

Рⷣ. даниловъ ключника кнѕѧ васильа. ѡшемѧчича григорїа. скимницю, ѳетинїю. ѳеѡдора. иринѹ. скиницю. михаила. екатеринѹ. мрїю. ѳеѡдора **). стахиѧ. савина. данилїа ***). бориса. агафїю. игнатїа. варварѫ.

Рⷣ симы вистѧрника. долга. мрїю. симоу. алексѣѧ. анноу. петра. анноу. василїа. матренѫ. соⷭ҇ю. ѳетинїю. евгѫ. евгѫ. ѳеѡдора. марїю. сщнноереа ѳеѡдора. оулїанѫ. стефанидѫ. їѡⷭ҇а. ѳетинїю. микилѫ. ѳеѡдора. їѡⷭ҇а. григорїа. ѳетинїю. ѡлихвѣрїа. ѡгаѳїю. юрїа. микитоу. семиѡна. петра. ѳеѡдора. матрѫнѹ. татїанѫ. домникѣю. давыдѫ. ѕинїю. семїѡна. ѳеѡдосїю. павла. савостїана. павла. василїа. настасїю. еленоу. варварѹ. мелентїа. василисѫ. ѳомѹ. ѳеѡдосїю. микитѫ. оустинїю. маⷭ҇ѳїа.

Рⷣ пана семена ивановиⷱ҇. ивана. акилинѫ. еѵстафїа. климентїа. ѳеѡдорѫ. семиѡна. агафїю. сысоа. григорїа ****).

---

*) Оскобленное мѣсто написано красными чернилами на поляхъ, - съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

**) На поляхъ противъ этого имени написано: селѧнчинича.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: тючевъ.

****) Это имя въ подлинникѣ зачеркнуто.

Рѡ҃ пана данила семеновича. бориса. і҆ѡ҃сѣа̀. семиѡ҃на. оу҆лїаноу. димитреѧ̀. а҆нанїю. григорїа василїа *). ѳеѡдора **). оу҆лїаноу. мефедїа.

Помѧни г҃и и҆нока ѳиларета и҆ ѡ҃ц҃а е҆го и҆ мт҃рь е҆ и҆ ве҃ ро҃ е҆го̀. и҆нокоу́, а҆настасїю́. а҆ннꙋ. і҆а́кова. мр҃їю. марфꙋ кондратїа. захарїю́. ѯинїю̀. и҆рины. калиника. гаврїи҆ла. филиппа. григорїа́. а҆нноу. пелагїю. ѳеѡдоры. михаи҆ла. мр҃їю. матронѫ. а҆килинѫ. пелагїю. феклѫ. и҆гнатїа. и҆вана. настасїю. тимоѳѣа́. матренѫ. оу҆лїа҆нꙋ. и҆нокѫ, февронїю. и҆нока, романа. петра. семїѻна. ѳеѻ҃рѫ. стеѳана. а҆ннѫ. дїѻнїсїа. кон҃ратїа. мрїю. соѳїю. ѻ҆вдотїю. леѻнтїа́. е҆вдокїю́. сїмеѻ҃на. [е҆рѣѧ̀ и҆гна́тїѧ. е҆рѣѧ́ ѳеѻ҃фа҃та. василисоу. полагїю. маврѫ. домникїю] ***). і҆ѻ҆а҆нна. григорїа. христинѫ. е҆рѣѧ̀ а҆моса. е҆рѣѧ̀ а҆нисима. василїа. марїю. соѳронїа̀. е҆ѵдокїю. оу҆лїѧ҆нїю̀. і҆ѡ҃а. и҆вана. мр҃їю. наталїю̀. ма҆ксима. ѳеѻдора ****). ка҆рпа. патрикїа. пелагїю. а҆лексан҃дра. сидора. ѻ҆гаѳїю. семїѻ҃на. климе҆нтїа. сщ҃иноїерѣѧ, григорїа. васі́лїа. григорїа. ма҆рка. а҆грепинѫ. а҆грепинѫ. и҆нокꙋ маремїанѫ. татїанѫ. гаврила. стеѳана. и҆вана. оу҆лїанїю. е҆ѳрѣма. пелагїю. фрола. а҆ннѫ.

Рѡ҃ и҆но҃, никона д҃ѣкови҃. и҆нокѫ, ѳеѡдосїю. и҆нока, никона. григорїа. е҆катеринѫ.

Ро҃ и҆вана васи҃е҆вича воеводы стародꙋбско҃. настасїю. і҆но҃, оу҆лїа́нѣю̀. і҆но҃, ѯинїю. ма҆рфꙋ. а҆ннѫ. і҆ѡ҃а. никитоу. а҆ннꙋ. а҆н҃рѣѧ̀. афанасїа.

Ро҃ микѫ́лы дворецко҃ *****). і҆но҃, ника҃дра. і҆но҃, денисїа. і҆но҃, домникѣю̀. и҆ринꙋ. ѡ҃вдо҃ю̀. мр҃їю. і҆но҃, ѳетинїю́. а҆лексѣа̀. григорїа. матронѫ. ко҃. мр҃їю. и҆вана. просимїю. а҆гаѳїю. і҆ѡ҃а. мр҃їю. романа. а҆н҃рѣѧ. настасїю. е҆вдокїю. демїана.

Рѡ҃ ю҆рьевъ з воло҃. георгїа. и҆вана. е҆леноу. кнѧ҃, настасїю. і҆нока савостїана. а҆лексѣѧ̀. михаи҆ла. настасїю. а҆гафїю. е҆вдокїи. никитоу. дв҃а. ме-

---

*) Въ выноскѣ на поляхъ къ этому имени сдѣлана слѣдующая приписка: кꙋдино҃.

**) Это имя въ подлинникѣ зачеркнуто.

***) Оскобленныя имена въ подлинникѣ зачеркнуты.

****) Въ выноскѣ на поляхъ къ этому имени сдѣлана слѣдующая приписка: никѡ҃ пол҃оу на сошествие ст҃ого дх҃а маѧ к҃д.

*****) Вверху, на поляхъ, передъ этимъ родомъ, начинающимъ новую страницу, написано: сїи д҃ вписа҃ пола҃никъ нико҃ски҃ ка҃ з новогоро҃ка приѣха҃.

мнона̀. матренѫ. михаи̑ла. парасковгѣю̀. сѵ̑миѡ̑на. ѳеѡдосїю. а̑настасїю. и̑но̑ мисаи̑ла. ермолꙋ. максима. сщ҃но і̑но̑ семиѻ̑на. и̑вана. ски̑ницю, а̑ннꙋ *). і̑но̑ тихона. е̑ѳимїю. михаи̑ла. а̑нну. а̑фанасїа. і̑но̑ скимницю ѳети̑ю **). протасїа. а̑грѐфинꙋ. ѡ̑ленѫ. і̑но̑ скимника а̑вдѣѧ̑. ѳеѻдора. домнїкѣа̑. ѳетинїю̀. данїи̑ла. скимницю̀ марѳꙋ. (а)андрѣа̑***). (а)ннꙋ. (о)леноу. (п)араско́вїю̀. (а)лексѣѧ̑. (и)риноу. (м)р҃їю̀. (х)аритона. (и)гнатїа́. (и)вана. (ѳ)еѻдосїю.

Рѡ̑ кн҃зей соколиньскы̑ з волынѧ. кн҃зѧ, михаи̑ла. кнг҃ню, оу̑лїа̑нїю̀. м҃рїю̀. василїа̑. семиѻна.

Іерѐа̑ данїи̑ла. и̑ѡа̑нна. григорїа́. фе́ѡдосїи. и̑рины. марьи̑.

Рѡ̑ а̑ндрѣѧ̀ дмитрее́вича холеневьского. петра. дмитрїа̑. неѻ̑нилы. їа̑кова. соѳронїа́. м҃рїю̀. ѳе́тинью́. панделеи̑мона (sic). ѯинїю̀. ски̑ника, зеновїа.

Рѡ̑ їѡ̑сифа митрополита киѐвьского, и̑ всеѧ̑ роуси. и̑нѡ̑, ѳеѡ̑досїа́. и̑нѡ̑, тарасїа́. и̑нѡ̑, їѡ̑ноу. и̑нокꙋ, варварꙋ. и̑нѡ̑кѫ а̑леѯа̑нрѫ. и̑нокꙋ е̑ѳросинїю. сщ҃ноинѡ̑, е̑вѳимїа̑. и̑но̑ їларїѻ̑на. феѻ̑досїю̀. и̑ѻ̑а̑никїа́. ѳеѳедїа̑. и̑ѻ̑а̑нна. е̑ленꙋ****). дмитрїа̑, е̑лисѣа́. и̑гнатїа̑. каленїка. е̑вѳимїю̀. е̑вгѫ. дмитрїа́. и̑вана. левонтеѧ̑. лѫкїа̑на. тотїа̑нꙋ. е̑катеринѫ. ѳеѻдосїю. лазарѧ. наталїю̀. ѳомꙋ. а̑ннꙋ. ѳеѻ̑досїю̀. стеѳана. а̑ндрѣѧ̑. а̑ннѫ. лѫкїа̑ноу́. вѣрѫ. и̑а̑кова. е̑лиѻзара м҃рїю. матроноу. м҃рїю.

Рѡ̑ пана стефана ка́ши, и̑ е̑ жены меланьи̑: григорїа́. ме́ланїю. м҃рїю̀. марѳꙋ. григорїа́. ми́хаи̑ла̑. михаи̑ла. е̑всевїа́. григорїа́. м҃рїю̀. ѳети̑ю̀. настасїю. матронѫ. зиновїю. ѻ̑гаѳїю. мокѣѧ̑. ѻ̑гаѳїю. а̑ндрѣа́. тимоѳѣѧ̑. и̑вана.

---

*) Къ этому имени на поляхъ сдѣлана слѣдующая выноска: севенча сщ҃енникъ ро̑ свои вписа̑.

**) На поляхъ противъ этого имени сдѣлана слѣдующая замѣтка: гоурьева дочка с торꙋсы.—Далѣе слѣдуетъ слѣдующая приписка другою рукою (безъ указанія, куда относится): и̑ стародꙋба пронѧ котевъ ѿца да матерь ꙋписа̑.

***) Это и слѣдующія десять именъ въ подлинникѣ написаны безъ начальныхъ буквъ. Очевидно, имѣлось въ виду впослѣдствіи написать ихъ киноварью,—что́, однако, не сдѣлано.

****) Въ подлинникѣ оставленъ здѣсь пробѣлъ для одного имени.

Р҃Ѻ пана ѷвана харитоновѷ. скѷника, ѧндрѣа. ѥвѕѕѣтеа. пахомїѧ. кѡ-стѧнтина. скѷници, маріѷ. ѷвана. мр҃ію. ѷгнатїа. оѷлитѧ. ірінѵ. василїа. ѻгаѳію. василья. ѧнр҃ѣа. агрепинѧ. ѷнокѧ настасію *). ѷлїю. ѳеѡ^хра. стеѳана. семіона. мартина. ѥленѧ. ѷвана. ѧѳанасіа. ѳеѡ^осію. лоукіана маркѧ. ѧгапїю. ѳеѻ^осію. парасковїю. ѳеѻ^ора. варварѵ. ѳилипа. ѡ҃гаѳію. ѷвана. ѷвана. ѧнр҃ѣа. ѷнока, фокоу. ѧкилиноу. василисѧ. гѵріа. григо́ріа. татїаноу. григо́ріа. ѧ҃ньноу. марью. ѷвана. настасію. ѧкоуленѵ. ѷнока. геронтѥѧ. конона. ѷлью. настасію. ѷнокѧ, ѳеѡ^рѵ. ѡ҃нисима. ѷнѡ҃, ѧндро́ника.

Р҃ѡ҃ пана сидора писарѧ кн҃зѧ костѧнтина крошиньскѡ҃ ѥѵтихїа. маринѵ. сидора. лѧкоу. варварѧ. дороѳїа. ѷнокѧ, ѳетинїю. геѻр-гїа. левонтїа. костѧнтина. ѷва҃. маркѧ. маркѧ. ѻвдотїю. ѡ҃гаѳію. корни-лїа. ѥѵѳимїю. никитѧ. ѷвана. парасковїю. тимоѳѣѧ. ѥвсегнїа. ѥ҃рѣѧ. пантелеймона. мр҃ію. петра.

Р҃ѡ҃ па҃ васка бокшича ѷз слѵцка. бориса. ѷриноу. василїа, михаила.

Р҃ѡ҃ ѷва҃ка зѵбковѷ ѷз слѵцка. матронѧ. деѡ҃мида.

[Родъ кнзей дроуцькыхъ] **) кн҃зѧ ѧндрѣа прихабъского. кн҃зѧ володимера ѷвановича. кн҃гиню ѻлекъсадроу. кн҃гиню марью. пани ѧн-на. пани ѳгрипина. тимоѳѣа. маріѡ. радиона. ѳеѻ^ры. меѳедїа. савы. ѳедора. ѳевроньи. ѷвана. ѻлекъсанъдра. оѷльны. ѷѣва. ѧндрѣа. соѳроніа. ѷсака, клименьтїа, маріи, ѳѳросинїѷ стеѳана. татьѧна. ѡ҃греѳинѵ. евдокин.

Р҃ѡ҃ ѥвлашьковѷ с мѣньска. ѥвмпъпїа. ѧ҃нны. лю́бьви. ѥвъѳимьѷ. клименьтїа. стефана. лоукъѧна. петра.

Сіи дш҃и вписаль ѷванъ шкѣтковъ за серьмгѷ. софро-нїа. гри́горїа. ѥленоу. ѻксинїѷ. ѳеѻ^ра. ѳедо҃ѷ. макъси́ма. ѧ҃кова. ѳеѻ^ра. гри́горїѷ. ѷно҃ ѳетинїо҃. ѷно҃ ѣпраксіи. ѷвана. сопонъ. ѻкоулины. ѷгнатїа. василїа. ѥвѳѷньѷ. ѥвѕтаѳїа. ѥвѕгенїѷ. ѣрѣмолы. ѧ҃кова. ѻкѕсинїю. ми́ны.

---

*) Противъ этого и слѣдующихъ двухъ именъ на поляхъ сдѣлана слѣдующая замѣтка: сіи дш҃и стародѵба.

**) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ. На поляхъ же этой страницы находится (безъ указанія, куда относится) слѣдующая замѣтка: ѳилимо҃ поча҃.

оу҆вара. сщ҃ноѐреа̀ тита. сщ҃ноѐреа̀ василїа̀. марьѝ. ѐвъѳимьѝ. си́мона. ѻ҆греѳеноу. скимъника. и҆ѻ҆ноу. ѳеѻ҆дорꙋ. стеѳана. ѐкатериноу. а҆нноу. прокоѳїа̀. а҆ндрѣѧ̀. василїа̀. гаврига (sic). савы́. логвина. марьѝ. ѻ҆рины. ѻ҆мельѳы. марьѝ. ѐѳрѣма. ѻ҆лекъсѣа̀. ѻ҆лены. ѻ҆късини. стеѳана. василисы. кондрата илїи. марїи. и҆вана. ѳеѡдора. и҆вана. савы. оу҆льꙗ҆ны. ѳетимьѝ. оу҆льꙗны. козмы, карпа. оульѧны. ꙗ҆кова, ꙗ҆кова, ю҆рьꙗ̀. самоила, зеновий, м҃рии, ѳеѡ҆ра, пелагьи, михаила, лаврентїа. а҆настасьи.

[Герма҃ поча҃] *). пани́ оу҆лита. димитреа. стеѳана. а҆нны. ѐрса̀ ꙗ҆кова. прокопїа̀. полинарїю **). ѐоу҆ѳимїю. а҆реѳꙋ. и҆ринꙋ. и҆вана. ганю. митроѳана. ѳеклꙋ. и҆ринѧ. а҆гаѳїю***). скиника и҆ѻ҆ноу. ѳедо҃ю. и҆сидора. а҆ндрѣа****). конѐ.

Василисоу. оу҆литꙋ. ѡ҆вдотїю. сщ҃нно. и҆но҃. ѳеѡдорита. сщ҃нно. и҆но҃. а҆нтонїа. и҆но҃ ѐвѳросинїю. семиѻ҆на. параськовъгеѝ; марьѝ. семиѻ҆на. ѻ҆лизара. лꙋкїана*****). гаврїила. ѐѵѳимїю. прокла. ѻ҆вотьѝ (sic). ѻ҆гапьѝ. демїа̀на. ѳилона. парасковъгеѝ. татьа̀ны. матроуны. вѣры. и҆вана. ховроньѝ. и҆но҃ мари҃ꙗ҆ны. татьа̀ны.

Рѡ҃ кн҃зѧ михаила васильѐвича ромодановъского. и҆но҃. кн҃зѧ. мисаила. и҆но҃ кн҃зѧ. васьа̀на. кн҃ню. ѐоуѳимїю̀. семиѻ҆на. ѻ҆вдотїѝ. зеновїѝ. христиноу. семїа̀на. и҆риноу. леѻ҆нътїа̀. ѳеѻдосїю̀. нозара. татїа̀ны. дороѳѣа̀. ѳекълы. матьѳѣѝ. марью̀. ѳеѡдосию̀. и҆вана. петра. василисю. и҆вана. ѻ҆вдотїа̀. ѳеѻ҆дороу. власїа̀. а҆нны. семиѻна. ꙗ҆кова. полагьѝ. михаила. ѐвдокеи. каленьтѣѝ. зеновъѝ. ѻ҆лтꙋѳеа̀. марьѝ.

И҆нока, семиѻ҆на. марьѳы. оу҆льꙗ҆нѣю̀. а҆нны. оу҆льꙗ҆нїю̀. ро҃ пана михаила скипорова дворѧнина королѧ ѐго мл҃ти *****). семиѻ҆на. оу҆льа̀ны. ѳеѻ҆дора. васильа̀. и҆вана. ѳеѻ҆досїѝ. василїа. и҆вана. христопора. павла конѐ.

---

*) Оскобленное мѣсто написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно относится.

**) На поляхъ въ выноскѣ къ этому и слѣдующимъ двумъ именамъ замѣчено: сїи дш҃и г҃ оупи҃ за соукно и за пса҃тырю двѣ дш҃и.

***) На поляхъ противъ этого и слѣдующихъ за нимъ именъ написано: сїи оуписа҃ а҆ндрѣи пономаⷬ стародꙋба.

****) Надъ этимъ именемъ сверху написано: пономарь.

*****) Противъ этого имени на поляхъ написано: їко҃ни҃.

******) Противъ этого мѣста на поляхъ сдѣлана красными чернилами слѣдующая замѣтка: ка҃ архимаⷬдри҃ антонї приеха҃.

Калєтїа. зиновїю. єутихїа мрїю. іно сѵмеона. марѳы. їоулїанѣю. аннѹ.) андрѣа. полинарїю.)

Сїи ѕ дш҃ь па василей гостьски вписа. архимадрита іонѹ. павла. станислава. григорїа. іѡа. оулїанѹ. симеона *). василїа. гликѣрїю.

Ро пана ивана шпрайско. михайла. єѵѳимїю. їѡа. саѳонїа. василїа. ксинїю. іѡанна. агаѳїю. харитона. ѻѳонасїа **). єѵстаѳїа. ѳеѡдосїю. їѡа. скиници, їоустинїи. скиника геронтїа. григорїа. стеѳана. їереа, прокоѳїа. їнѡ, фаддѣѧ. іѡанна. пелагѣю ***). матьвѣꙗ. єрѣꙗ григориѧ. овдотью. власьѧ. иєва. оульꙗнѹ. ареста. марью. василисѹ. єрѣѧ леѻньтиѧ. єрѣꙗ. игнатиѧ. єрѣꙗ семена. настасьи. татьѧны. агапьи. сѵмеѡна. макарьꙗ. єфросинью. филиппа. ємельѧна. зеберестовици. скимника иѻнѹ. ивана. ѳеѻсїю****). василиѧ. сщенноскимника александра. агаѳию. оленѹ. леѡнтїѧ. козмѹ. михайла. огаѳью. григорїѧ. акилинѹ. ѡвдокѣю. феѡдора. настасью. єсипа. юрїꙗ. оулꙗннѣи. тимофѣꙗ. євдокѣи. савѹ.

Ро покалевъскоє стефанїда денисовна з оврѹчо. іѡа. акѵлинѧ. хвомы євгы *****). дмитриѧ. деѡнисїѧ.

Ѻмєлѧна. ѳедоси ******). анъдрѣѧ *******). анны. федоры, ꙗкимїѧ,

Аѳанасїѧ. инокѹ скицѹ євдокию. стефана. захарїѧ. євдокеи ********). антонїѧ. олены, ѻѯїю, катеринѹ, григъриѧ анъдреѧ.

---

*) Сверху этого имени красными чернилами написано: бѣлчи.

**) На поляхъ противъ этого имени написано: быкоски.

***) На поляхъ противъ этого имени написано: лево дш҃у вписалъ — На поляхъ этой же страницы (сверху, безъ означенія куда относится) находится слѣдующая замѣтка: андреи пономарь истародѹба и дш҃и вписа.

****) На поляхъ противъ этого и предшествующихъ именъ красными чернилами написано: ро пана семиѡна маринича из мѣньска.

*****) На поляхъ противъ этого и предшествующаго имени написано: ѹписа снъ дмитри в дш҃и.

******) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени написано: андрей михалеви. На этой же страницѣ на поляхъ находятся еще двѣ замѣтки: а) (вверху): сѹпрѹн дш҃ѹ ѹписа александра; б) (внизу, безъ означенія, куда относится): данило ѧкимови зо мстиславлѧ оуписа двѣ дш҃и.

*******) На поляхъ противъ этого и предшествующаго имени написано: бори ѡсмакови оуписа бака и матрь.

********) На поляхъ въ выноскѣ къ этому и предшествующему именамъ написано: с чєнигова афана васиє снь счєбини ѹписа в дш҃и.

Рб сщика ббдана стго николы служителѧ спѧтилѧ. инока іѡнѹ марѣфоу инока скиніка назарію, инока скиника мисаила, ігнатіѧ.

Рб ивѣ сидоровича мещанина киѣскб. Шомѧни гі ивана, стефана. з остра. ѧковѣ, *).

Сии дши писаны в служебници. помнитѡ и на всѧ днь. архіепкпа ісифа. макарія. ігумина. ісѡноу. василіѧ. ісѣа. николѹ. епкпа існнѧ. стефана. кнзѧ симіѡна. евдокію. игнатіѧ. ісѣа. еѹѳименіѧ. нектарія. епкпа лоукѹ скиника. матренѹ. ісѣа. касіана. макарія. кнзѧ ісѣа. василіѧ. кнзѧ михаила. арсенія. іакова. григорія. евдокію. ѳомѹ. григорія. кнзѧ великого ісѣанна. епкпа еѹѳимія. ісѡноу. ісѣа книѧнѹ маринѹ. кнзѧ василіѧ. еѹпраксиѡ. кнзѧ ісѣа. симона. ѡлсны. никитѹ. семіѡна. михаила. димитріѧ. кнзѧ ісѣа кнгню мрію кнзѧ ісѣа. фесѡсіа мрію конона агафию ѳесѡра николѹ. арсенія кнзѧ григорія. кнзѧ глѣба. родиѡна. семена. настасію. симѡна. василіѧ. ѡвдотию. инока симиѡ. павла ісѡасафа. ісѣа. михаила. кнѧ симиѡна. инока фесѡсіѧ. кнзѧ димитреѧ. кнзѧ симиѡ. кнгню ѳесѡсію. кнзѧ алексѣѧ. матфѣѧ. ісѣа. архімандрита селивестра. евтихиѧ. скиника сергеѧ. скиницю ѳесѡсію. кнзѧ алеѯандра. скимницю ефросинию. костѧнтина. кнгню евдокію. кнзѧ василіѧ. ісѣа. ісѣа. ферапѡнта. ефрема. скиницю ефросинію. ѳесѡра. мрію. евтихиѧ. ісѣа. мрію. сѡю. сціноинѡ игнатиѧ. агрефенѹ. симіѡна ісѣа стефана ѳесѡра. сціноинѡ мѧѳѣѧ. сціноіерѣѧ антонія. бориса іакова симіѡ кнгню настасію инѡ скиника йсаакиѧ. павла. симеѡ. тита. аннѡу ѳеклѹ лукѹ евдокию василіѧ. василіа ієрѣѧ потапіѧ. кнгню февронию. павла. марію. ісѣа. кнзѧ фесѡра. кнзѧ михаила. анрѣа. алексѣѧ. ірінѹ. кнгню аннѹ. ісѣа. логина. марію. григорія. ѳесѡ^ро^ра. кнгню марію. анрѣѧ. іріны. инѡ скиника іакима. инѡ. скиника, йсакіѧ. хрисанѳа. ісѣанісима. кнѧзѧ ивана. симиѡна. ѳесѡсию. інѡ, серапиона. инѡ лаврѣтія. еѹѳимию.., павла. павла. кнзѧ, демиана. василисы. василисы. мрію. семиѡна. інѡ сергѣѧ. ивана. ісѣанна. кнзѧ тимоѳеѧ. ѣпа васіана **). петра. кнзѧ романа. настасію. кнѧиню оульянѹ. інѡ іакима. кнгню марѳоу. кнѧзѧ филипа. кнѧзѧ иѧкова. михаила. кнѧ. анастасію. василіа. игнатіа. кнѧ ѣленоу. іюдѹ.

---

*) Далѣе въ подлинникѣ пробѣлъ въ $38^1/_2$ листовъ.

**) Это имя написано на поляхъ,—съ обозначеніемъ, куда въ текстѣ оно должно быть относимо.

демїана. а҃ннoу. ѡ҃гафїю. ѡ҃гаю. сщ҃ѝноинѡ҃ дешѝнсїа. фешдо҃ра. никитоу. бориса. василїа. фешдо҃сїа. кнмъ а҃лексѣ҃дра. петра. григорим. а҃ннoу. анастасию. потапїа. їѡ҃анна. їѡ҃сифа *). петра. григорїа. василїа. артемим. **) ларишѝна. петра. їѡ҃анна. логина и҃нока. кнмѝноу, марїю***). григорїа****). ївана. григорїа. фетинїи*****). фешдо҃ра. семиѡ҃на. тарасїа. марїи. а҃ноуфрїа. а҃ннoу. оулїаны. матфѣм. їакѡва. фомы. сидора. захарїю. и҃нокъ маремїаноу. макарїа. марїю. ѳешдо҃ра. кнмгиню. а҃настасїю******). кнзъ фешдора. кнгиню а҃ннѹ. ѳешдора. кнм кѡстѧ҃тина *******). оу҃литоу. а҃ѩрѣа ********). оулїанъ. василїа. їно҃ марѝанъ. ѳешдо҃ра. ѳешдо҃сїю. є҃вдокїю. а҃настасїю. к о н.

Матѳѣм*********). сщ҃носкѹмника. є҃устратїа. кнгиню, татїанъ. григорїа**********). василїа***********). и҃нока лешѝнтїм. мр҃ію***********). ѳѳасїа. михаила ************). семиѝна ************). григорим. мр҃ью. ѳешдо҃ра.

---

*) Сверху этого имени красными чернилами написано: трѣ҃на.

**) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени красными чернилами написано: с҃ѹдешовъ.

***) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени красными чернилами написано: до҃ка кн҃зъ костѧнтина шстро҃ского.

****) На поляхъ противъ этого имени написано: дѣмновѝ.

*****) На поляхъ противъ этого имени написано: звѣревлъ.

******) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени написано: кнм и҃вановлъ вишѣско҃.

*******) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени красными чернилами написано: крошинскии.

********) На поляхъ въ выноскѣ къ этому и слѣдующимъ двумъ именамъ красными чернилами написано: сїи дш҃и старица шлелинаа впѝ за имѣнье коилово.

*********) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени красными чернилами написано: заморено҃.

**********) Сверху этого имени красными чернилами написано: козинскѝ.

***********) Сверху этого имени красными чернилами написано: девочка.

************) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени красными чернилами написано: сїм дша҃ впи҃ана за кѹнни торло҃....(трудно прочесть).

*************) Сверху этого имени написано: гогола.

**************) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени написано: костю҃ковѝ.

кнѧгиню а҆нноу. е҆лифєрїа. сщ҃нноинокъ, е҆ѵ҆ѳимиѧ. гликѵрию. и҆ноⷦ ѡ҆грєѳинꙋ. и҆ноⷦ ї҆ларїѡ́на. е҆катєринꙋ *). дєѡ҆писєи **). матроноу. григорїа ***) ѡ҆ѳонасїа ****). болакй. гаврила. козѡ҃ селивана *****).

---

*) На поляхъ въ выноскѣ къ этому имени написано: сєнка бабискѡ сестра.

**) На поляхъ противъ этого имени написано: волоⷯ.

***) Сверху этого имени написано: писарь.

****) Сверху этого имени написано: быковскїи.

*****) Далѣе на остающемся пробѣлѣ страницы написано нѣсколько именъ въ безпорядкѣ; очевидно это было не болѣе, какъ проба пера: з з з козол. салибона гаврича. гди. зарїю адрѣа ѳома ѡѯинїю.

Цѣна 3 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Цѣна **II**-й кн. „**Чтеній въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца**“ 3 р. съ пересылкою. I-я и III-я книги порознь и въ отдѣльности отъ второй не продаются. Пріобрѣтающіе кн. I—III „Чтеній“ уплачиваютъ за нихъ 10 р. и за пересылку ничего не прилагаютъ. Цѣна IV-й и V-й кн. по 2 р. 50 к. съ пересылкою.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „**Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси**“. Цѣна 1 руб.

Съ письменными требованіями касательно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества И. М. Каманину (Центральный архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Тамъ же можно получить „**Труды III-го Археологическаго съѣзда**, 2 тома in-4° и атласъ, К. 1878. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.) съ пересылкою.